МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ИМ. Ч. Э. АХРИЕВА»

250 ЛЕТ ЕДИНЕНИЯ ИНГУШЕТИИ С РОССИЕЙ: ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Магас, 3-6 июня 2020 г.

Издательство ООО «КЕП»
Назрань
2020 г.

УДК 08/94
ББК 94
Д23

Печатается по решению
Оргкомитета международной научно-практической конференции
«250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди»

Редакционная коллегия:

Барахоева Н. М. (председатель) – доктор филологических наук, директор Ингушского НИИ ГН им.Ч.Э. Ахриева, **Агиева Л. Т.** – кандидат философских наук, ученый секретарь Ингушского НИИ ГН им.Ч.Э. Ахриева, **Арсельгова М. А**. – научный сотрудник отдела социально-политических исследований, **Барахоева Л. Р.** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований, **Долгиева М. Б.** – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Ингушетии, **Дзуматова З. Р. –** старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии, **Киева З. Х.** – доктор филологических наук, заведующая отделом ингушского языка, **Катиева М. Н.** – старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии, **Костоев З. И.** – научный сотрудник отдела социально-политических исследований, **Матиев М. А.** – кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского фольклора и литературы, **Харсиев Б. М-Г.** – кандидат философских наук, заведующий отделом ингушской этнологии, **Хайрова Р. Р**. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка, **Яндиева Т. У. –** старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии.

Ответственный редактор
Л. Я. Арапханова

250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди // Сборник научных статей по
Д23 материалам международной научно-практической конференции. Магас, 3-6 июня 2020 г. / Назрань: ООО «Кеп», 2020. – 324 с.

ISBN 978-5-4482-0073-1

Редакционная коллегия может не разделять точку зрения авторов на рассматриваемые научные проблемы и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

ISBN 978-5-4482-0073-1

УДК 08/94
ББК 94

© ГБУ «ИнгНИИ», 2020.

НАРОДЫ КАВКАЗА В ПРОЦЕССЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Байрамкулова А.А.,
ведущий научный сотрудник отдела истории народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР Российская Федерация, г. Черкесск

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ КАРАЧАЯ И ЧЕРКЕСИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917-1922 гг.)

Аннотация: Статья посвящена исследованию начальных этапов национально-государственного самоопределения народов Карачая и Черкесии в первые годы советской власти (1917-1922 гг.). Сделана попытка на примере Карачаево-Черкесии показать то положительное, что получили ее народы в первые годы установления советской власти. Подчеркивается тот факт, что именно благодаря Октябрьской революции 1917 года они получили свою государственность, на основе которой развивалась в последующие годы политическая, социально-экономическая и культурная жизнь народов Карачаево-Черкесии.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесия, Баталпашинский отдел, Октябрьская революция, советское строительство, государственность, народы, власть, автономия, самоопределение.

Начало XX века стало для России временем утраты национально-государственной идеи, проявления социальной неэффективности государственной власти. После февраля 1917 г. непродолжительная общественная эйфория сменилась убежденностью в том, что причиной всех бед служит безнравственность и слабость государственной власти. Государственный кризис, принявший цивилизационный характер, рост радикальных политических настроений, развал экономики и армии в 1917 г. формировали реальную опасность установления всеобщей анархии, вызывали законные опасения в разных слоях общества. Это вновь привело к ликвидации политического режима, ассоциируемого с общенациональными катаклизмами. В результате в октябре 1917 г. к власти пришли большевики.

Несмотря на различные толкования об Октябрьской революции 1917 г., несомненно, то, что она открыла новую страницу всемирной истории, стала поворотной в истории народов России, в том числе малочисленных народов Северного Кавказа. Только отказавшись как от необоснованной абсолютизации пройденного советским народом пути, так и отрицания действительно достигнутых успехов в решении многих вопросов на этом пути, можно освещать историю такой, какой она была.

Изучение социально-экономического и культурного уровня населения является важным фактором при исследовании процессов национально-государственного строительства. В рамках небольшой статьи ставится задача – на примере Карачаево-Черкесии показать то положительное, что получили ее народы в первые годы советского строительства. Прежде всего, благодаря революции они получили свою национальную государственность, на основе которой развивалась в последующие годы социально-экономическая и культурная жизнь народов Карачаево-Черкесии.

«Декларация прав народов России» был одним из первых актов Советского государства. Утвержденная Советом Народных Комиссаров 2 (15) ноября 1917 г., она провозгласила принцип равенства и суверенности народов России, их право на самоопределение [2, с. 107]. Становление, развитие и совершенствование национальной государственности народов Северного Кавказа в этот период становится основополагающей задачей в жизни этих народов.

К практическому осуществлению своего права на самоопределение народы Карачая и Черкесии смогли приступить только в марте 1920 г., после окончания гражданской войны и утверждения советской власти на территории нынешней Карачаево-Черкесии. Она была признана на I–м общегорском съезде народов Баталпашинского отдела, в работе которого приняли участие карачаевцы, ногайцы, абазины, осетины, черкесы в числе 141 делегата (беспартийных - 101, комму-

нистов – 38, левых эсеров – 1 и других) [7, с. 139].

Тяжелым временем были продиктованы и тяжелые условия, в которых приходилось решать все вопросы, связанные с жизнью народов области. Важно подчеркнуть бескорыстную помощь представителей многих народов России и, прежде всего, русского народа, без которой многие малочисленные народы, в том числе и народы Карачаево-Черкесии в столь короткий исторический срок не достигли бы таких успехов в решении задач политического, социально-экономического и культурного характера.

Годы гражданской войны нанесли огромный ущерб народному хозяйству страны. Особенно пострадали районы военных действий, к числу которых относилась территория нынешней Карачаево-Черкесии. Достаточно сказать, что по сравнению с 1913 г. в 1921 г. здесь посевные площади сократились почти наполовину. За это же время количество скота сократилось с 1 млн. голов до 759 тыс. [4, с. 14].

Немногочисленные промышленные предприятия находились не в лучшем положении. Вследствие изношенности оборудования, недостатка сырья и топлива остановились кирпично-черепичные, лесопильные, маслосыроваренные заводы, шерстомойная и прядильная фабрики, бездействовал рудник «Эльбрус». Трудящиеся находились в бедственном положении: ощущался острый недостаток продовольствия, промышленных товаров [6, с. 85].

С восстановлением советской власти в жизни народов отдела, как и всей страны, начался новый период, когда нужно было начинать все с нуля. Это и вопросы совместного проживания народов, их взаимоотношений, это и их сотрудничество в политической и экономической сферах. Надо было решать кардинальные проблемы жизнеобустройства народов отдела, среди которых особое место занимали административно-территориальные вопросы.

В этот же период на Северном Кавказе началась полоса национально-государственного строительства. Некоторые ученые-историки утверждали, что вопрос создания национальной государственности был продиктован сверху, и что центр предоставил автономии народам, чтобы взамен от них требовать послушания, и они считали, что так легче будет управлять всей структурой народнохозяйственных сфер, и что часть населения была против создания автономий. Но остается самое главное – государственность становилась гарантом в ликвидации фактического неравенства, существовавшего между центром и национальными окраинами страны. В решении этого жизненного вопроса для малочисленных народов России, в том числе народов Карачая и Черкесии большую роль сыграли представители русского народа, которые вместе с ними решали организационные вопросы, а затем и задачи по экономическому и культурному возрождению народов.

Народы Карачая и Черкесии прошли несколько ступеней национально-государственного строительства. 11 ноября 1920 г. был созван чрезвычайный съезд трудящихся Карачая, на котором было принято решение о провозглашении Карачаевского округа. В состав избранного на съезде окружного ревкома вошли У. Алиев, А.Хасанов, М.Батчаев, К.Курджиев, Н.Токов и другие. По рекомендации С.М.Кирова и Г.К.Орджоникидзе председателем Карачаевского окружного ревкома был назначен Умар Алиев.

Съезд принял важные решения по восстановлению разрушенного в результате двух воин и революций народного хозяйства, развитию народного образования, здравоохранения и культурно-просветительских учреждений.

До обретения автономии Черкесия, на территории которой проживали абазины, ногайцы, русские, черкесы, осетины, греки и др., находилась в составе Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области.

Учитывая интересы многонационального отдела, при областном исполнительном комитете было создано самоуправление в виде Горского исполкома для управления делами горского населения Кубано-Черноморской области.

Горский исполком приравнивался по своим правам к губернским исполкомам. В целях установления более тесной связи с центральными органами он имел постоянного представителя при Наркомнаце.

17 ноября 1920 г. во Владикавказе состоялся 2 съезд народов Терека, на котором был рассмотрен вопрос о создании Горской республики, определены границы будущей республики. 20 января 1921 г. ВЦИК принял постановление о создании Горской АССР. В состав провозглашённой республики вошли следующие округа: Владикавказский, Чеченский, Назрановский, Кабардинский, Балкарский и Карачаевский.

Опыт существования Горской республики оказался неудачным. Искусственно объединяя

народы, которые находились на различных уровнях социально-экономического развития, имели различные районы обитания, различный уровень национального самосознания, нетрудно было предвидеть, что они не смогут долго проживать в одном государственном образовании.

В 1921 г. Карачаевский округ поставил вопрос о выходе из состава Горской республики. Представитель Наркомнаца выехал в Карачай, чтобы на месте решить вопросы, связанные с выходом Карачая из Горской республики. Материалы исследования на местах показали, что целесообразнее всего было бы создание единой автономии для черкесов, карачаевцев, ногайцев, абазин и русских, живущих в близлежащих станицах.

Осенью 1921 г. народы Карачая и Черкесии поставили на своем съезде вопрос о создании единой автономии «с включением в нее неизбежных чересполосных русских станиц, согласно желанию, последних…» [1, л. 110]. В документах съезда подчеркивалось, «что и русское население почти за столетие совместного проживания сжились – занятие, быт, даже костюм сделались тождественными» [1, л. 110]. Между ними издавна существовало беспрерывное общение, особенно экономическое, поддерживаемое глубоким доверием друг другу. Несмотря на это, когда встал вопрос о создании единого национально-государственного образования, представители ряда народов будущей области были высказаны опасения. Так часть из них сомневалась относительно того, правильно ли автономия будет выражать и отстаивать интересы всех национальных меньшинств, не приведет ли она к известному ущемлению интересов отдельных групп населения. Представители станицы Кардоникской воздержались от окончательного решения вопроса, но пообещали по возвращению в станицу выяснить «отношения к автономии граждан своей станицы и немедленно выслать протокольное решение» [1, л. 113].

Нельзя удивляться тому, что при обсуждении вопроса об автономии не сразу выработалось единое мнение. И это вполне объяснимо. Люди пережили в своей жизни резкий исторический поворот, только что закончилась гражданская война, когда родные братья находились по разные стороны от баррикад. Также высказывались опасения относительно того, что с созданием автономии народы Карачая и Черкесии будут обособляться от других народов Северного Кавказа и России.

9 января 1922 года состоялось заседание коллегии Наркомнаца, на котором присутствовали представители Карачая и Черкесии У. Алиев, Д. Гутякулов, М. Батчаев, А. Калмыков и М-Г. Мансуров. Коллегия приняла решение выделить Карачай из состава Горской республики, Черкесию и 6 казачьих станиц из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области и создать объединенную Карачаево-Черкесскую автономную область [3, с. 65].

12 января 1922 г. была образована единая Карачаево-Черкесская автономная область как часть РСФСР. Карачаево-Черкесская автономная область состояла из пяти округов: Баталпашинского, Эльбурганского, Хумаринского и Малокарачаевского. Позднее по просьбе казачества был создан Зеленчукский округ.

В марте 1922 г. был образован областной ревком в составе К. – А. Курджиева, Д.Н. Гутякулова, Я.Ф. Балахонова и создано Карачаево-Черкесское оргбюро РКП(б), секретарём которого стал А.А. Селиванов.

В процессе дальнейшего совместного проживания многонационального населения в рамках единого национально-государственного образования многие сомнения были сняты самой жизнью. Профессор Напсо Д.А. писал по этому вопросу следующее: «Государственное размежевание народов Северного Кавказа с учетом экономических, политических и культурных интересов сыграло большую роль в ликвидации фактического неравенства этих народов, приобщении их к современной культуре, к новым формам хозяйствования. Создание различных форм национальной государственности: автономная республика, область, национальный округ, национальные районы и сельские Советы, соответствовавшие особенностям и национальному облику народов, дало возможность установить и укрепить союз между пролетариатом и крестьянством окраин, вовлечь население в активную созидательную деятельность» [5, с. 224-225].

Интернационализм, в котором была выражена сущность новых человеческих взаимоотношений нового принципа человеческого равенства, порождался самой жизнью. Его возникновение и развитие в Карачаево-Черкесии, как и в других районах страны, обуславливалось необходимостью совместной борьбы за свое социальное и национальное освобождение, необходимостью объединяться для построения новой жизни. В распространении идей интернационализма немалую

роль сыграла программа партии большевиков по национальному вопросу, в основе которого лежали такие требования – признание совершенно равных прав за всеми народами, уничтожение национального гнета во всех его проявлениях, разоблачение шовинизма и национализма, выравнивание уровня социального, экономического и культурного развития всех народов.

Таким образом, в результате победы Октябрьской революции, ранее находившиеся под гнетом народы Карачая и Черкесии получили свободу, равноправие и автономию от коммунистической партии. Советский строй открыл горским народам широкие возможности для дальнейшего развития.

Литература и источники:

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 645. ЛЛ. 110, 113.
2. Карданова А.Х. Обретение национальной государственности народами Карачаево-Черкесии в первые годы советского государства // Развитие национально-государственного строительства на Юге России в период октября 1917-1920 гг. / Материалы Российской научной конференции. Элиста. 2017.
3. Летифов А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала. 1972.
4. Мартынов М. Производственные силы Карачаево-Черкесской автономной области. Кисловодск. 1926.
5. Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Черкесск. 1993
6. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Черкесск. 1972.
7. Тебуев Р.Х., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. Москва-Ставрополь. 2002.

Герман Р.Э.,
доцент кафедры теории и методики истории и обществознания
Ставропольского государственного педагогического института
Российская Федерация, г. Ставрополь

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И ИНГУШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются направления и формы взаимодействия российских властей и ингушского населения в начале XIX века. Речь идет о крепостях и их функциях в системе политико-экономических отношений кавказского региона; защите российскими воинскими подразделениями ингушей, вступивших в российское подданство, от нападений немирных горцев; развитии меновой торговли и ее роли в развитии взаимодействия между российскими властями и местным населением.

Ключевые слова: ингуши, Кавказская линия, российские военачальники, крепости, защита мирных горцев, меновая торговля, мирное взаимодействие, российское влияние на Кавказе.

Начало XIX века – время интенсивного освоения Кавказа, в том числе территории расселения ингушей, Российской империей. По данным академика И.А. Гюльденштедта, описавшего границы Ингушетии в последней трети XVIII в., «Округ Ингушевцев и кистов ... лежит между вершиной Сунжи и Терека, около ручья Камбулея (современное название – река Камбилеевка – Р.Г.), впадающего в Терек. К северу граничит он с Малой Кабардой, к западу – с осетинской областью, к востоку – с чеченцами, а к югу – со смежными горами» [6, с. 82–83].

Опорными пунктами российской власти на Кавказе выступали крепости, в окрестностях которых предполагалось организовывать поселения представителей горских народов, верных России. Крепости создавались как военные объекты, призванные обосновать имперский порядок и установить контроль над местным населением. Крепости разделяли немирных и мирных горцев и брали последних под свою защиту, прикрывали пути с гор на равнину, обеспечивая безопасность станиц, мирных аулов и других поселений. В Осетии и Ингушетии крепости создавали необходимые условия для расселения горцев на плоскости, обеспечивали безопасное движение по транспортным магистралям, соединявшим Россию с Закавказьем [8, с. 15]. Как отмечал один из советских исследователей, «...большую роль в процессе культурного и экономического сближения между народами сыграли русские города и крепости, где горцы и русские встречались во время торговых операций» [7, с. 20].

В 1807 г. генерал-майор граф И.К. Ивелич 3-й, комендант Владикавказа и шеф Владикавказского гарнизонного полка обращался с рапортом к генералу от инфантерии С.А. Булгакову, командующему войсками на Кавказской линии. В рапорте комендант Владикавказа сообщал, что крепость находится в недружественном окружении, что делает ее местоположение критическим. Для частичного исправления данной ситуации Ивелич предлагает поселить близ крепости «мирных ингушских жителей», а именно, несколько старшин, каждый из них «со своею деревнею». «Новопоселенным» ингушам предлагалось оказывать помощь в связи с переходом на новое место жительства; за счет переселения верных российской власти горцев Ивелич надеялся установить спокойствие в окрестностях вверенной ему крепости [1, с. 215].

Осваивая территорию Кавказа, знакомясь с его ресурсами и находя пути их практического применения, представители российских властей вступали в контакты с местным населением, опирались на его знания. И.П. Дельпоццо, назначенный в феврале 1810 г. шефом Владикавказского гарнизонного полка, комендантом Владикавкавказской крепости и начальником округа писал в рапорте главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии генералу А.П. Тормасову о том, что, во-первых, на территории вверенного ему гарнизона находятся залежи торфа; во-вторых, что по сведениям ингушей, на расстоянии 35 верст от Владикавказской крепости бьют «соляные ключи». Соляные источники давали соль в количестве, достаточном для того, чтобы удовлетворить потребности в ней кистин, ингушей, карабулаков и части чеченцев. Дельпоццо, рассуждая об источниках казенных доходов в кавказском регионе, предлагает прислать сведущего человека для исследования соляных источников,

и, если качество соли будет найдено удовлетворительным, учредить возле источников воинский пост и солеварню [2, с. 97]. Также надо отметить, что, находясь на этом посту, Дельпоццо присоединил к России ингушские племена в верховьях реки Сунжи.

В ходе распространения российской власти на Кавказе одним из важнейших направлений деятельности военной и гражданской администрации было привлечение местного населения на свою сторону, инкорпорирование местных элит в состав российского дворянства, принятие народов Кавказа в подданство России. Принимая народ в подданство, российские военные власти брали на себя обязанности по его защите. Так, генерал Тормасов предписывал генералу Булгакову вмешаться в конфликт между ингушами, перешедшими в подданство России и тагаурцами. Суть конфликта заключалась в угоне тагаурцами скота у ингушей. Булгакову поручалось с помощью военной силы заставить тагаурцев возместить ущерб и взять из их числа аманатов, которых поселить в Моздоке, дабы предотвратить такого рода набеги в будущем [2, с. 463]. Впоследствии Булгаков подтвердил, что ущерб возмещен [2, с. 465–466].

Сам А.П. Тормасов, докладывая в Петербург, указывал на то, что в сентябре 1810 г. неподалеку от Владикавказской крепости ингушами была разбита чеченская «партия», и ингуши решили вступить в подданство российского императора [2, с. 471]. Также указано, что во время боя ингушами были захвачены пленные из числа участников набега [2, с. 898]. Генерал И.П. Дельпоццо, анализируя причины вступления ингушей в российское подданство, указывает, что не имеет достаточно войск для защиты ингушских поселений от набегов недружественных народов и для разрешения сложившейся ситуации предлагает переселение ингушей под защиту Владикавказской крепости [2, с. 895]. С рапортом аналогичного содержания к Тормасову обращался И.К. Ивелич 3-й, сообщая о том, что необходимо защитить ингушские селения силою русских войск от недружественных народов, что ингуши «доказали усердие свое к России» и они будут еще более «привержены России», если оказать им военную помощь [2, с. 896].

На основании данного рапорта было принято решение направить для защиты ингушей 200 солдат с орудием под командой штаб-офицера или капитана, но только в случае, если гарнизон Владикавказской крепости и ее боевое охранение не будут этим ослаблены. Если возможности выделить постоянное подразделение не будет, то сформировать мобильный отряд, который в любой момент должен быть готов выдвинуться для защиты ингушей. Также Тормасов предписывал Булгакову привести тех ингушей, кто еще не принял подданство, к присяге и обещал испросить у императора освобождение новых подданных от податей и налогов. Также Тормасов отмечает, что в случае переселения ингушей в удобное для обороны место, у них будет расположена рота с орудием от Владикавказского гарнизона, что позволит им защищать себя и плоды своих трудов – хлебопашества и скотоводства. Предложение российского командования нельзя назвать голословным: военными для расширения возможностей использования территории, прилегающей к Владикавказской крепости, был построен мост через Терек. Но, как отмечал военачальник, даже если переселения ингушей не случится, то даже одно то, что они смогут при поддержке российских войск быть преградой для набегов, высоко оценивалось российскими военными властями в лице Тормасова [2, с. 897].

В итоге «для охранения Ингуш» в деревню Назрань был командирован отряд, состоящий из 200 рядовых с 3-мя артиллерийскими орудиями и 150 казаков, во главе с подполковником Фирсовым. Для обороны отрядом Фирсова была занята удобная позиция и отражено нападение тех, кто хотел отомстить ингушам – «разных горских народов толпы, простирающейся более 5000 человек» [2, с. 898]. Прикомандированному отряду и далее было приказано охранять ингушские селения «от нападения хищников». В рапорте на имя государственного канцлера графа Румянцева Тормасов называет ингушей «новопокоренным народом без всякого пролития крови со стороны нашей». Главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии предлагает «во удовлетворение убедительной просьбы Ингушевского народа» построить рядом с селением укрепление российских войск и для этого направить в ингушские селения «инженерного офицера» для разведки на местности и выяснения возможностей строительства укреплений и казарм [2, с. 900].

В прокламации генерала Тормасова «Ингушевским народам» 1811 г. говорилось о свободе торговли для ингушей как для российских подданных. Для улучшения благосостояния подвластных народов разрешался въезд «в пределы

России» для продажи сельскохозяйственных и ремесленных товаров, а также было дано разрешение покупать хлеб и вывозить соль. Также планировалось учредить в разных местах Кавказской линии меновые дворы для развития торговли [2, с. 903].

Торговля издревле считалась одним из средств сближения, развития дружественных, взаимовыгодных отношений между разными народами и государствами. На Кавказе перед Россией тоже стояла задача привлечения коренного населения на свою сторону. Среди российских военных деятелей был целый ряд сторонников торгово-экономических, а не военных мер, с помощью которых можно было «привязать в себе горцев».

1810-1811 годы – это период, когда такое важное средство вовлечения горцев в сферу российского влияния, как меновая торговля, получила на Кавказе прочные законные основания. В июле 1810 года состоялось решение Комитета министров, в котором было постановлено начать меновую торговлю с горцами. Тогда же, по представлению военного министра, высочайше конфирмован «Журнал Комитета министров на установление с горскими народами сношений через меновую торговлю», то есть документ, в котором были зафиксированы все соображения и установления верховной власти в отношении меновой торговли. 4 января 1811 года генералу Тормасову было предписано «обратить особое внимание на восстановление прочного спокойства на Кавказской линии и установить сношения с горскими народами чрез меновую торговлю и наблюдать строгую справедливость во взаимных обидах» [5, л. 4].

Это решение было более чем своевременным, поскольку один из подчиненных Тормасова – генерал Дельпоццо рапортовал ему о том, что ряд кавказских народов «имеют желания привозить свои продукты в наши границы и продавать оные по сходным ценам сами, да и с нашей стороны гораздо выгоднее оные покупать из первых рук…». Для горцев следует учредить меновые торги при карантинах, как считал Дельпоццо. Далее генерал перечислял, какие горские народы какими товарами могут торговать, причем спектр их был весьма широкий [2, с. 925–929; 3, с. 839].

Понимая необходимость укрепить позиции России на Кавказе с помощью меновой торговли, Тормасов в марте 1811 года составляет подробное предписание Кавказскому гражданскому губернатору Малинскому. Одной из причин учреждения меновых дворов на Кавказской линии Тормасов называет «надобность в хлебе» горских народов, что являлось заботой правительства. На гражданского губернатора Кавказской губернии возлагались обязанности оповестить желающих продавать хлеб горцам о том, что это можно делать на меновых дворах. Из сумм своего распоряжения Тормасов «заимообразно» выделял 5 тысяч рублей ассигнациями для покрытия расходов на доставку хлеба и соли к меновым дворам, а также для постройки самих меновых дворов и «прочих по сему предмету заведений».

Поскольку горцы нуждались в хлебе, его предполагалось закупать у жителей Кавказской губернии и доставлять на меновые дворы за казенный счет. Продажу хлеба было решено «производить по цене во что покупка онаго с доставкою в меновые дворы обойдется» [5, л. 5 об. –6]. Как можно заключить, меновая торговля для российских властей на Кавказе не носила характера чисто коммерческого предприятия, ориентированного на получение прибыли, а была мерой скорее политической, имевшей целью сближение горских народов Кавказа с Россией.

Все желающие торговать могли привозить свои товары на меновые дворы и продавать их горцам, но не иначе как «посредством карантинных предосторожностей». Покупка и обмен хлеба, соли и товаров были беспошлинными. Горцы обменивали на меновых дворах у русского и украинского населения скот, воск, мед, арбы, лес и другие предметы. Цены и таксы обмена определяли сами торгующие (меняющиеся). Администрация меновых дворов – приставы – должны были следить за тем, «чтобы не было обмана в мене, весе и доброте товаров». Оказавшиеся виновными российские подданные должны были отдаваться под суд, а горцы – «отправляться к их обществу для наказания по их обычаям». Разбирательство в спорах возлагалось на посредников с обеих сторон. Посредников определяли сами спорящие [5, л. 6]. Кроме хлеба, на меновых дворах горцы могли обменять свои «произведения» на соль, для чего и были построены соляные магазины. Для них из соляных озер Кавказской губернии должны были привезти 10 тысяч пудов соли [5, л. 9 об.]. Планировалось также два раза в год проводить на меновых дворах ярмарки [4, л. 30]. Как мы видим, меновая торговля должна была стать одним из важных средств сближения славянского и горского населения.

Можно заключить, что в начале XIX века ингушское население и российские власти использовали различные формы взаимодействия. Крепости, которые строились на землях кавказских народов, помимо того, что выполняли роль опорных пунктов российских войск в регионе, способствовали развитию торговых отношений, защищали «мирных» горцев от набегов воинственных соседей. Для защиты мирного населения, перешедшего в российское подданство, использовались российские военные формирования. Особое место в арсенале инструментов распространения российского влияния на Кавказе занимает торговля, в том числе меновая. Ее выгоды были оценены генералом Тормасовым и предприняты меры для того, чтобы торговые контакты между горскими народами и славянским населением стали носить систематический и взаимовыгодный характер.

Литература и источники:

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том III. / Под ред. А. Берже. Тифлис, Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. 767 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том IV. / Под ред. А. Берже. Тифлис, Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1870. 1019 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том V. / Под ред. А. Берже. Тифлис, Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. 1187 с.
4. ГАСК (ГКАУ «Государственный архив Ставропольского края»), ф. 21, оп. 1, д. 4.
5. ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 52.
6. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа 1770–1774 гг. СПб., 1809.
7. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962.
8. Пылков О.С. Участие российской армии в социально-экономическом и культурном развитии Северного Кавказа (первая половина XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2008.

Гимбатова М.Б.,
ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Российская Федерация, г. Махачкала,

ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НОГАЙЦАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Аннотация: В статье рассматриваются мероприятия, проводимые царской администрацией по обеспечению поэтапного вхождения ногайцев в административно–правовую систему Российской империи: с конца XVIII в. были определены территории кочеваний ногайцев, созданы территориальные подразделения во главе с приставами.

Ключевые слова: ногайцы, кочевники, территория, институт приставства, военно-административное управление, Российская империя.

После окончательного присоединения ногайцев к России правительство установило над ними новое военно-административное управление. В начале XIX века ногайцам были определены территории кочевий. Первым законодательным актом, определившим границы кочевий, был закон от 19 мая 1806 г., в котором определялось: «1) р. Кума положена границею между калмыками и инородцами магометанского исповедания; 2) земли, лежащия в Кизлярском и Моздокском уездах, определялись для кочевых народов магометанского исповедания; 3) этим же народам было предназначено отвести пространства, могущие оказаться в излишестве при г. Моздоке; 4) караногайцам и трухменам разрешалось отдать для зимних кочевок приморския земли, могущия поступить из владения помещицы Всеволожской» [4, Л. 97]. Таким образом, были четко определены границы кочевий ногайцев, туркмен и калмыков. Российское правительство не ставило своей целью изменить образ жизни кочевников, но определяло территории кочевий каждого народа с целью избежать конфликтов, а в случае их возникновения решать их мирными, законодательными методами (мерами) [11, с. 87]. Закон этот по ряду обстоятельств не полностью был приведен в исполнение.

В XIX в. система управления ногайцами Северо-Восточного Кавказа менялась несколько раз. В начале XIX века управление ногайцами было передано в ведение Кавказского генерал–губернатора, затем, с 1802 г., ими ведала Государственная коллегия иностранных дел, а с 1841 г. ногайцы региона были отданы под попечительство Министерства государственных имуществ. Непосредственное управление ногайцами, согласно инструкции, утвержденной 28 мая 1802 г., возлагалось на Главного пристава и трех частных приставов [4, Л. 65–70]. 15 ноября 1802 г. была создана Кавказская губерния с центром в г. Георгиевске, в составе 5 уездов: Александровского, Кизлярского, Моздокского, Георгиевского и Ставропольского. Основная масса ногайцев региона проживала в Кизлярском и Моздокском уездах. В 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в область с центром в г. Ставрополь. Главное же управление областью возлагалось на командующего войсками на Кавказской линии, в Черноморском крае и Астрахани. К 1838 г. относится учреждение на Кавказе Палаты государственных имуществ. 2 мая 1847 г. Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию. Наконец, 20 мая 1860 г. были созданы 2 новые области: Терская и Кубанская [12, с. 119]. Во вновь созданную Терскую область вошли ногайцы Кумыкского округа. В 1883 г. главное управление Кавказа представило военному министру проект о присоединении Караногайской степи к Терско-Казачьей области, ранее входившей в Ставропольскую губернию, что и было сделано в 1888 году [14, с. 21].

Для управления ногайцами были созданы приставства. Закубанская территория, населенная ногайцами, была разделена на три приставства: 1. Главное приставство закубанских народов с центром в Невинномысске. Приставство ведало ногайскими племенами и дударуковскими абазинцами; 2. Приставство Тохтамышевское с центром в Усть–Джегуте. Оно ведало ногайцами рода тохтамыш, частью абазинских и кабардинских аулов; 3. Приставство бесленеевских и

закубанских армян, в него входили наврузовские ногайцы [6, с. 11; 14, с. 88–89].

Ногайцы степных районов Северного Кавказа были распределены на 4 приставства: 1. Караногай–Едишкульское приставство располагалось на территории Кизлярского и Моздокского уездов. Кочевали здесь также две крупные ногайские этнические группы: караногайцы и едишкульцы. Караногайцы состояли из 4–х кубов: найман (14 аулов), кипчак (19 аулов), терек (28 аулов) и мин или костам–галы (аулов) [10, с. 88], едишкульцы были представлены тухумом ас–костамгалы (27 аулов) [4, Л. 147], в состав едишкульцев входили следующие кубы: конгыр, сарай, мин, терек (терик), найман, кипчак, алаш [2, с. 137]; 2. Ачикулак–Джембойлуковского приставство простиралось между г. Моздоком и рекой Кумой и входила в состав Моздокского округа. Кочевали здесь в основном две этнические группы ногайцев – едисанцы и джембойлуковцы. В состав едисанцев входили такие кубы, как: буркут (4 аула), кенегес (4 аула) и мангит (3 аула). Джембойлуковцы состояли из трех кубов: канглы (14 аулов), карарюм (5 аулов) и месит (4 аула) [4, Л. 12–14]; 3. Калаусо–Саблинское и Бештово–Кумское приставство. Ногайцы рода касай, мангит, едисан и едишкуль, вошедшие в это приставство, кочевали по Большому и Малому Янкулю, по верховьям реки Калаус и ее нагорной части. Ногайцы указанного приставства территориально входили часть в Пятигорский, а частью в Ставропольские округи [4, Л. 12–14; Л. 43–48]; 4. Калаусо–Джембойлукское приставство входило в состав Ставропольского округа и простиралось по низовьям реки Калаус, по рекам Кугульта, Барханчак, Айгур и Камбулат. В Калаусо–Джембойлукское приставство входили ногайцы джембойлукского рода: месит, канглы, карарюм, а также особое племя – шерет, калмыцкого происхождения, издавна кочевавшее с ногайцами [4, Л. 45–48].

Организация приставств имела как отрицательное, так и положительное значение для ногайского общества. Она ввела административную определенность, способствовала искоренению междоусобиц, постепенно изнутри ломала остатки родовых институтов и представлений [12, с. 123].

В 1847 г. Кавказская область, куда входили все 4 приставства, была преобразована в Ставропольскую губернию. Позднее 1888 году Караногайское приставство с Кизлярским уездом было передано Терской области. Территория Караногайского приставства составляла 1 млн. дес. с численностью 38450 человек караногайцев и едишкульцев. Так обстояло до переселения ногайцев в Турцию. В результате двух эмиграционных потоков (1859, 1860) из 4 приставств сохранилось лишь два – Караногайское и Ачикулакское. Последнее было образовано в 1880 г., с общей площадью 824807 дес. земли. К юго–востоку от Ачикулакского находилось Караногайское приставство. По территории и по численности жителей последнее значительно превосходило Ачикулакское. По данным переписи 1828 года в Караногае насчитывалось 3060 дворов с 19634 душами [9, Л. 63].

Во главе территориальных подразделений стояли приставы. В 1803 г. главным ногайским приставом четырех приставств Кавказской области был назначен ногаец, генерал–майор Султан Менгли–Гирей [1, с. 986, 994]. В этой должности он прослужил около 20 лет. «Назначение Султана Менгли–Гирея начальником ногайцев было для них великим и желанным событием, а с нашей стороны большим политическим актом» [3, с. 51–52], так как он пользовался доверием правительства и уважением своего народа [11, с. 90].

6 февраля 1827 г. «Наказ» был утвержден как «Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» [1, с. 933]. До принятия «Устава» 1827 г. в основе административного деления населения лежали родовые (тухумные) принципы. Главной единицей было объединение – тухум. Каждый тухум в пределах территории имел определенный район кочевания. Административное объединение ногайцев в приставстве не уничтожило родоплеменное деление среди ногайцев. Племенные связи были еще сильны, и администрация вынуждена была с этим считаться. Перепись населения и скота, распределение натуральной повинности и территории для перекочевок производились по кубам. Пристав караногайского народа начала XX в. Ф. Капельгородский писал, что «каждый куб подразделяется для удобства сборов повинностей на 4 аксакальства, а каждое аксакальство – на несколько аулов, однако это деление отнюдь не административное, а родовое; к определенному кубу или аулу приписаны караногайцы, родственные между собою, но все они кочуют по степи смешанно небольшими группами от 3–х до 15–ти кибиток, причем в такие группы соединяются кочевники различных кубов и различных родовых аулов» [9, Л. 49]. Так, найманов куб,

состоявший из 14 аулов, в 1839 г. размещался в караногайском и едишкульском приставстве. В то же время аулы «найманов» находились среди тереков, кипчаков и т.д. [4, Л. 12–14].

Учреждение приставств должно было помочь властям отслеживать передвижения ногайцев и удерживать их в пределах определенного административного района, распространять свою власть на все ногайские тухумы, организовывать сбор денег с каждого общества и принуждать к выполнению различных повинностей.

Красной нитью через «Устав» проходит идея поддержки и союза с аристократической верхушкой ногайской знати. «Устав» вменял в обязанности приставов развитие земледелия и оседлости среди ногайцев. На приставов возлагалась задача без мер принуждения проводить «внушение преимуществ постоянного жительства, как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее» (§ 17, 35).

Частный пристав распоряжался всеми способами к «сохранению благочиния, порядка и тишины во всех аулах ведомства его мерами предупреждения и пресечения» (§ 33) [1, с. 933]. Кроме того, на него возлагалась задача проявления бдительности, «дабы в народе его ведомства не были укрываемые беглые и другие подозрительные, и к аулам тем не принадлежащие люди, равно и подведомые ему, не делали бы самовольных отлучек вне своего ведомства, а паче за границу линии» (§ 34).

«Устав» 1827 г. провозгласил выборность местной администрации – старшин в аулах и голов, возглавляющих управление кубами (народом) [1, с. 12–124].

Выборы должностных лиц производились ранней весной, до начала перекочевок. Каждый куб избирал голову, двух старшин и одного казначея, а каждый аул – старосту (аксакала) и десятника (если аул имел более 10 казанов [13, с. 204]. В Кипчаковом кубе вместо старшины выбирали голову [9, Л. 50]. Перед проведением выборов в местные органы управления предполагаемые кандидатуры предварительно обсуждались. Дату проведения выборов определял пристав.

Выборы должностных лиц в различных приставствах производились неодинаково. Например, у караногайцев при ставке Терекли ставились четыре кибитки для четырех кубов. В каждой кибитке выставлялись два закрытых и опечатанных ящика белого и черного цвета. Ящики имели круглое отверстие, куда выборщики опускали баллотировавшие орехи. «В каждую должность, – сообщал А. Якобий, – выбираются два лица и начальство одного утверждает, а другой остается кандидатом. Выбор головы – весь народ выбирает двоих из выбранных старшин; начальство утверждает одного, а второй остается кандидатом. Казначей выбирается всем народом. Аксакалы выбираются аксакальством, которое за них и отвечает» [15, с. 26]. После всенародных выборов лица, избранные в органы местной власти согласно «Уставу» от 1827 г., должны были быть утверждены главным приставом.

Инициатива избрания должностных лиц находилась в руках самих ногайцев, Главный пристав только подтверждал общественные приговоры. Вступающий в должность давал клятвенное обещание служить его императорскому величеству. Так, за верную службу в 1853 г. серебряной медалью был награжден караногайский голова Дайр Мустафаев [11, с. 101].

«Уставом» определялась компетенция каждого из местных органов. Основной задачей всех звеньев местного управления было наблюдение за порядком, принятие мер по установлению спокойствия и исполнению предписаний правительства. Главной обязанностью головы было «охранять мир и спокойствие в степи и весь строй своего народа». Он исполнял поручения пристава: созывал народные совещания, собирал сведения о происшествиях, принимал меры против степных пожаров и др.

Казначей являлся хранителем денежных сумм своего народа. Кроме того, он выполнял еще и другие важные обязанности: «Весной, перед кочевкой осматривал степи летних кочевок, состояние трав, свободна ли от посторонних людей, в порядке ли ее воды и копани и пр. И принимал надлежащие меры при помощи служилых казаков ставки. Осенью, казначей исполнял те же обязанности по степям зимних кочевок. Ему же принадлежала практически и охрана прав своего народа по выпасам скота, сенокосам, распашкам, вторжениям и захватам степи» [15, с. 26].

Самым крупным приставством считалось Караногайское. Караногай управлялся на основании «Положения об инородцах» и особой инструкции, утвержденной наместником Кавказским. В административном отношении он числился в военном ведомстве, и всеми правами по его управлению обладал начальник Терской области [9, Л. 148]. Непосредственно же Караногаем управлял начальник Караногайского участка. Штаб его

располагался в ставке Терекли–Мектеб. Начальнику участка вменялся надзор за общественным управлением и хозяйственной жизнью караногайцев. В Караногае имелся административный аппарат с целым штатом работников: два помощника, народный казначей, кассир вспомогательной кассы, народный голова, 4 кубных и 3 аульных старшины, 13 десятников при старшинах, 19 дуванщиков (посыльных–переводчиков), 17 аксакалов (сборщиков податей), писарь и переводчик с помощниками. Кроме того, здесь существовал полицейский участок, в котором было 2 урядника и 10 казаков–охранников (9, Л. 146).

В 1910–1916 гг. был введен новый порядок общественного самоуправления. С этого времени все должности в Караногае становились выборными. Народный голова руководил общественным хозяйством, выпасами, покосами, распашками земель, собирал сходы. Народный казначей принимал от аксакалов и разъездных казначеев деньги. Старшины находились в подчинении у народного головы. Они следили за порядком, за сбором налогов, возглавляли маслагатный суд [5, с. 43].

Аулом управлял старшина – аулбай, принадлежащий обычно к роду князей, мурз, знатных узденей. Аулбая обычно «избирали» на сельском сходе – ямагате (сельская община). Его положение и возраст, влияние, определяемое опытом и связями, превращали выборы в формальность, ямагат подтверждал правомерность сложившегося положения. В должности аулбая утверждал частный пристав. Нередко аулбай выполнял и обязанности муллы. Если аул был многосемейным, большим, состоял из представителей различных родственных групп, то в помощь старшине избирали на сходе 3–5 старейшин – «ясы уьйкен маслаатчи», «аксакалов», «картов» [7, Л. 21–22]. Все общинные дела решались по обычному праву (аьдет). Вопросы, касающиеся семейно–правовых отношений общинников и уголовных дел, были прерогативой шариатского суда и представителей администрации. Вопросы, обсуждаемые на сходе, были в основном хозяйственного плана. Сельский сход определял время начала сельхозработ, стрижки овец, заготовки сена, перекочевки скота, распределения пахотных участков, пастбищных и сенокосных угодий между членами общины и т.д.

В отличие от пастбищных угодий, считавшихся общими, сенокосные и пахотные земли подлежали дележу. Землю распределяли осенью, после сбора урожая, по жребию «чоьп». У кубанских ногайцев передел земли проходил каждые 5–9 лет. Землю делили на части по количеству кварталов. Каждую часть делили внутри рода по количеству мужских душ в каждой семье с помощью жребия «сивага». Если в какой–либо семье сын рождался после раздела семьи, то его долю семья получала только при следующем разделе.

Таким образом, «Устав» 1827 г. с небольшими изменениями действовал до 1917 г. Его значение в проведении колониальной политики и влияние на ногайское общество оказалось огромным. Несмотря на многие минусы, организация приставств все же имела положительное значение для дальнейшего развития ногайского общества. Она ввела административную определенность, способствовала искоренению межтухумных и феодальных междоусобиц, постепенно изнутри ломала остатки родовых институтов и представлений.

Литература и источники:

1. АКАК. 1896. Т. 7. С. 933
2. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М.: Изд. АН СССР, 1940. с. 137.
3. Бентковский Г.В. Историко–статистическое обозрение инородцев–магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ногайцы. Ставрополь, 1883. С. 51–52.
4. ГАСК. Ф. 249. Оп.2. Д. 1619 а. Л. 97.
5. Гимбатова М.Б. Общественный быт ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала, 2018. С. 43.
6. Забудский Н.Н. Военно–статистическое обозрение Российской Империи. Т.16. (Кавказский край). Ч.1. Ставропольская губерния / Сост. Ген. Штаба кап. Забудский. СПб: Изд. при 1–м отделении Департамента ген. Штаба трудами офицеров Ген. Штаба, 1851. С. 111.
7. Исламмагомедов А.И. Общественный быт кумыков и ногайцев в XIX – нач. XX в. // НФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 3. Д. 705. Л. 21–22.
8. Калмыков И. Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.–М. Ногайцы. Историко–этнографический очерк. Черкесск: Карачаево–Черкесское отд. Ставропольского кн. Изд-ва, 1988. С. 38.

9. Капельгородский Ф. Караногай – страна кочевников и патриархального быта // НФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 68. Л. 148.

10. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. Махачкала, 2003. С.88.

11. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – нач. XX в. (Исследование экономического развития и социально–политического устройства). Махачкала, 2005. С. 87.

12. Кочекаев Б.–А.Б. Социально–экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма–Ата: Карачаево–Черкесское отд. Ставропольского кн. изд–ва, 1973. С. 119.

13. Кужелева Л.Н. Ногайцы (из истории ногайцев XVIII – нач. XX веков) // УЗ ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Т. 13. Сер. историч. Махачкала, 1964. С. 204.

14. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. Т.21. Тифлис, 1900. С. 88–89.

15. Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901. С. 26.

Список сокращений

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

КС – Кавказский сборник

НФ ИИАЭ ДФИЦ РАН – Научный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

УЗ ИИЯЛ – Ученые записки Института истории, языка и литературы

Джамбулатов Р. Т.,
к.и.н., лектор-экскурсовод ЭС. Россия – Моя История.
Город Махачкала.

Чекулаев Н. Д.,
к.и.н., н.с. ИИАЭ ДФИЦ РАН, Махачкала
н.с., ИИИАЭ ДНЦ РАН Махачкала

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА С КАВКАЗСКИМИ ГОРЦАМИ В XVIII ВЕКЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГА РД

Аннотация: В статье показаны взаимоотношения российского казачества с кавказскими горцами. Исследование проведено на основе архивных материалов, повествующих о повседневности бытовых, социально-экономических и межкультурных связей горцев с казаками.

Ключевые слова: Северный Кавказ, горцы, гребенские казаки, владельцы, феодалы, станицы.

XVIII век – это переломный этап в истории народов Кавказа. Прогрессирующий упадок Ирана и Османской империи, активный выход петровской России на международную арену поставили вопрос о судьбе Кавказа в круг важнейших проблем мировой политики того времени. В этой канве событий взаимоотношения между народами Кавказа и Россией имеют также своё историческое значение, в котором XVIII век, являет собой особый период, так как именно в XVIII веке, происходило более близкое соприкосновение российской военно-политической и административно-управленческой системы с народами Северного Кавказа и Дагестана. Как отмечает исследователь Сотавов Н.А. – «… борьба за Северный Кавказ шла с переменным успехом. Первая четверть XVIII в. ознаменовалась присоединением к России Прикаспийских областей и части Северного Кавказа; вторая – потерей этих владений, которая компенсировалась явным сдвигом в ориентации местного населения на Россию в ходе борьбы против притязаний шахского Ирана, Османской империи и Крымского ханства; третья – присоединением отдельных территорий региона к Российской империи» [1, с. 4].

Исторические реалии текущего времени в определённой степени нам помогают раскрывать документы, которые хранятся в государственных архивах, в частности фонды Центрального государственного архива Республики Дагестан (далее ЦГА РД).

Весьма интересными представляются нам документы, которые рассказывают об обыденной жизни взаимоотношений горцев с российским казачеством. Как свидетельствуют документы и представители российской власти, как в лице кизлярских комендантов, так и казачества, нередко оказывались в роли посредников при урегулировании споров между северокавказскими феодальными правителями, причем местные правители сами обращались в Кизляр к комендантам с просьбой прислать российских казаков с целью, чтобы они помогали помирить враждующие стороны [2. Л. 65-68].

Между гребенскими казаками и северокавказскими горцами развивались торговые отношения, которые имели довольно тесное общение друг с другом. Документы рассказывают нам об активности приездов горцев в казачьи станицы, так и ответные поездки казаков в горские аулы с торговыми целями [3, Д. 46. Л. 112, 113, 132.; Д. 47. Л. 1, 38, 59, 59об.; Д. 97. Л. 101, 101об.]

Согласно приказу кизлярского коменданта от 23 января 1740 г. гребенских казаков пропускали на ту сторону реки Терек в брагунскую деревню ради мены хлеба, и при этом казаков пускали по два человека на сутки, «а как из помянутой деревни помянутые казаки обратно в Щедрин прибудут, то потому ж других отпущать и по силе от присланного от вашего благородия приказу исполнение чинить неотменно буду» [4, Д. 46. Л. 6, 6об.].

В фондах Кизлярского коменданта отложились документы, в которых мы видим, что в указанный период, значимое место во взаимоотношениях россиян и кавказских горцев занимала проблема розыска и возвращения пропавших лошадей и скотины (быков), которые по сведениям дагестанцев находятся в казачьих станицах. В

своих письмах дагестанские феодальные правители просили Кизлярского коменданта оказать всяческое содействие и помочь «подателю сего письма», т.е. хозяину пропавшей лошади или быка найти их в казачьих станицах [5, Д. 556. Л. 45об., 50.; Д. 97. Л. 27.; Д. 567. Л. 36, 92, 109; Д. 568. Л. 17].

На Кавказе конокрадство было далеко не редким преступным явлением. Оно было распространено как среди местного населения, так и гребенского казачества. При этом кражи лошадей у кумыкских владетелей казаками являлись нередким делом. Это заставляло их не раз обращаться в письмах к кизлярским комендантам с жалобами на казаков. Так, в письме от 17 января 1745 г. эндиреевский владетель Темир Хамзин просил коменданта Василия Елисеевича Оболенского отыскать и вернуть уведенных казаками из его конского табуна восемь лошадей. Следует отметить, что случаи конокрадства были известны и со стороны подвластных кумыкских владетелей. Но в отличие от казаков-конокрадов, они стремились возместить ущерб либо вернуть украденную лошадь, либо заплатив штраф. Так, в письме от 9 апреля 1753 г. Каплан-Гирей Ахмадханов сообщал коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу, что через своего человека Ибраима отправил деньги за украденных казачьих лошадей [6, Д. 19. Л. 11.; Д. 46. Л. 73, 73об.; Д. 90, Л. 3.; Д. 524. Л. 179, 179об.; д. 290, л. 17].

Архивные документы освещают и тесные взаимоотношения казаков как с правителями Малого Ногая, так и с рядовыми ногайцами. В частности, в 1744 г. как казаки, так и ногайцы подверглись наказанию со стороны кизлярской администрации за то, что занимались рытьем корня марены в так называемых «заповедных местах» [7, Д. 37. Л. 20, 20об.; Д. 46. Л. 92, 100, 100об., 133, 133об.; Д. 47. Л. 16, 16об., 55.; Д. 93. Л. 3-8].

Архивные документы свидетельствуют о том, что неоднократно кумыкские феодальные правители требовали от гребенских казаков возвращения своих беглых ясырей [8, Д. 19. Л. 16, 33.; Д. 37. Л. 33, 33об.]

Кумыкские феодальные правители часто обращались к кизлярским комендантам о предоставления им в качестве личной охраны так называемого «казачьего караула» [9, Д. 159. Л. 252, 252об., 269, 269об.; Оп. 1. Д. 3. Л. 36, 36об.; Д. 3. Л. 37, 37об., 65, 66.].

Так 12 ноября 1738 г., костековский владелец Алиша Хамзин просил у Кизлярского коменданта подполковника Никиты Анфимовича Бунина «О присылке казаков для охраны в дороге» [10, Д. 17. Л. 20], но 24 ноября 1747 г. костековской воевода Алиша Хамзин из-за ненадобности вернул обратно в Кизляр из Костека казачий караул [11, Д. 159. Л. 252, 252об., 269, 269об.]. 19 января 1748 г. жена андреевского владельца Адиль-Гирея, Фарибека просила А.П. Девица о даче ей охраны из числа казаков [12, Д. 3. Л. 37, 37об.].

Также и аксаевский владелец Магомед Уцмий Султанмамутов, от 19 января и 8 февраля 1748 г., обращался к коменданту Кизляра с просьбой предоставить ему охрану из казаков, объясняя причину этого следующими причинами: «мне здесь жить от братьев моих опасно, ибо брат мой Адиль-Гирей преставился, и я от братьев своих в великой опасности нахожусь, а как Адиль-Гиреевы, так и мои дети еще молодые и надеяться не на кого, и я остался ныне один и никакой надежды не имею» [13, Д. 3. Л. 36, 36об., 65, 66].

14 сентября 1762 г. находящийся при андреевском владельце князе Аджимуртазали казачий писарь Лаврентий Андреев сообщал генерал-майору и Кизлярскому коменданту Алексею Алексеевичу Ступишину о благополучном состоянии казачьей команды, составлявшей казачий караул при данном кумыкском правителе [14, Д. 534. Л. 21, 21об.].

22 апреля 1764 г. по приказу Кизлярской комендантской канцелярии войсковой атаман Гребенского войска Иванов командировал из числа гребенских казаков к андреевскому владельцу Хаджи Муртазалиеву пять казаков [15, Д. 590. Л. 7].

21 июля 1769 г. костековская владелица Башуа просила генерал-майора и Кизлярского коменданта Николая Алексеевича Потапова прислать ей казаков для защиты от нападений андреевских владельцев [16, Д. 726. Л. 61, 61об., 70].

Кизлярские коменданты получали неоднократно сведения о том, что некоторые феодальные правители использовали предоставленные им для их личной охраны казаков, для сведения счетов с соседними правителями. И чтобы прекратить подобное использование казачьи караулов коменданты Кизлярской крепости в своих письмах на имя кумыкских правителей требовали, чтобы те казачий караул не использовали для «непорядочных» мероприятий станицы [17, Д. 524. Л. 185 об., 186.,190.]

В завершении подчеркнём, что документы свидетельствуют о том, что взаимоотношения

между российским казачеством и северокавказскими народами и их феодальными правителями носили всё же взаимовыгодный характер. Россия у северокавказских феодальных правителей в тот период приобретала весомый авторитет и уважение. А российское казачество в регионе в течение XVIII в., не смотря на какие-либо различие религиозных взглядов, не влияло негативно на взаимоотношения между российским казачеством и северокавказскими народами и их правителями: они мирно сосуществовали друг с другом.

Литература и источники

1. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско – турецких отношениях в XVIII в. – М.: Наука, 1991. с. 4.
2. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 113. Л. 65-68.
3. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 556. Л. 45об., 50.; Д. 97. Л. 27.; Д. 567. Л. 36, 92, 109; Д. 568. Л. 17.
4. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 46. Л. 6, 6об.
5. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 556. Л. 45об., 50.; Д. 97. Л. 27.; Д. 567. Л. 36, 92, 109; Д. 568. Л. 17.
6. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 19. Л. 11.; Д. 46. Л. 73 и 73об.; Д. 90, Л. 3.; Д. 524. Л. 179, 179об.; д. 290, л. 17.
7. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 37. Л. 20, 20об.; Д. 46. Л. 92, 100, 100об., 133, 133об.; Д. 47. Л. 16, 16об., 55.; Д. 93. Л. 3-8.
8. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 19. Л. 16, 33.; Д. 37. Л. 33, 33об.
9. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 159. Л. 252, 252об., 269, 269об.; Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 36, 36об.; Д. 3. Л. 37, 37об., 65-66.
10. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 17. Л. 20.
11. ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 159. Л. 252, 252об. 269, 269об.
12. ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 37, 37об.
13. ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 3. Л. 36, 36об, 65, 66.
14. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 534. Л. 21, 21об.
15. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 590. Л. 7.
16. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 726. Л. 61, 61об., 70.
17. ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 185об., 186.,190.

Журтова А.А.,
доцент Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова
Российская Федерация, г. Нальчик

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВХОЖДЕНИЯ ИНГУШЕТИИ В СОСТАВ РОССИИ

Аннотация: В статье изучена советская историография российско-ингушских отношений в XVIII–XIX вв. В частности, в ней проанализированы работы таких авторов, как Г.К. Мартиросиан, А.В. Фадеев, Н.П. Гриценко, А.А. Саламов, С.Б. Котиков, В.Б. Виноградов и др., посвященные проблеме вхождения Ингушетии в состав Российской империи.

Ключевые слова: Ингушетия, Россия, Кавказ, советская историография, вхождение, добровольное присоединение.

Проблема российско-ингушских отношений в XVIII–XIX вв. является одной из наиболее актуальных в отечественном кавказоведении. В процессе изучения данной темы исследователи дают различные оценки и характеристики процессу присоединения Ингушетии к России, которые требуют глубокого научного анализа. Историографическое осмысление данной проблемы даст возможность определить степень изученности вопроса и выявить круг тем, нуждающихся в дальнейшем изучении.

Советская историография российско-ингушских отношений развивалась в контексте общесоюзной исторической науки XX века. Исследования 1920-х – 1980-х гг. основывались на марксистско-ленинской методологии. К числу первых работ, в которых история Ингушетии осмысливалась с позиций марксизма-ленинизма, можно отнести исследования Г.К. Мартиросиана [1; 2]. В них изучена социально-экономическая история Ингушетии, ее взаимоотношения с Россией и т.д. Основываясь на материалах П.Г. Буткова, автор сообщает, что в 1769 г. «ряд находившихся в зависимости от Кабарды горских народов, в том числе и ингуши, выразили желание вступить в подданство России» [2, с. 43]. Эта просьба была «результатом притеснения ингушей от кабардинских и кумыкских князей», которым они платили дань. В 1773 г. ингуши обратились к корпусному коменданту Де Медему с просьбой «оградить их от притеснений» со стороны кабардинцев и кумыков. Помощь последовала, как сообщается, намного позже – в 1783 г. А 23 августа 1810 г. делегация из Ингушетии, в которую входили представители шести фамилий, заключила договор с генерал-майором Дельпоцо, комендантом крепости Владикавказ, согласно которому ингуши обязывались осуществлять охрану Военно-Грузинской дороги и имперского войска, а в период боевых действий предоставлять российским властям тысячу воинов [2, с. 44-45]. Данное соглашение, исходя из приведенного сообщения генерала Тормасова, стало актом вступления ингушей «в вечное подданство» Российской империи [2, с. 78]. Взамен ингуши получали защиту, право торговли во Владикавказской крепости и т.д. По мнению Г.К. Мартиросиана, данное соглашение «явилось результатом стремления подписавших акт членов этих фамилий, скопивших значительные материальные средства, установить, – во имя спасения и сохранения собственности и накопленных богатств, – смычку с утверждавшими свое владычество на Кавказе военно-феодальными колонизаторами и торговым капиталом» [2, с. 52]. В результате Ингушетия превратилась, считает историк, в «колонию царской России». Подобная трактовка значимых событий в истории того или иного народа была характерна для советской историографии предвоенного периода.

А.В. Фадеев посвятил свои исследования [3; 4] анализу социальных и экономических последствий присоединения Чечни и Ингушетии к России. Названный процесс, по его мнению, окончательно был завершен в 1859 г. [4, с. 3]. Автор пишет, что, несмотря на «великодержавную политику царизма», в результате которого «насаждался колониальный режим» и угнетались «массы коренного населения», «между русскими поселенцами на Тереке и горцами возникали мирные сношения, способствовавшие экономическому и культурному общению народов» [4, с. 17-18]. Самое важное «из всех прогрессивных последствий», по мнению Фадеева, заключалось «в приобщении трудящихся чеченцев и ингушей к революционной борьбе героического русского рабочего класса» [4, с. 19].

Особого внимания заслуживают работы Н.П. Гриценко [5; 6; 7] по истории российско-вайнахского исторического взаимодействия. Цитируя слова П.Г. Буткова, он отмечает: «Ингушский народ, «будучи трудолюбив и покоен», в 1769 году «по собственному желанию» был принят в российское подданство, а в 1810 г. Ингушетия официально вошла в состав Российской империи» [5, с. 29]. Присоединяя регион, как утверждает автор, «царизм преследовал реакционные, колониальные цели», но «объективно это присоединение для Чечено-Ингушетии имело прогрессивное значение», поскольку «великий русский народ, ничего общего не имевший с царизмом, оказал огромную помощь чечено-ингушскому народу в развитии его экономики и культуры» [5, с. 112]. Здесь мы наблюдаем тенденцию к обоснованию позитивной роли России в судьбах чеченского и ингушского народов, что говорит о начале нового этапа в развитии советской исторической науки.

Анализируя характер отношений чеченцев с Россией, А.А. Саламов [8] подчеркивает, что в начале XVIII века наблюдается нарастание политической и военной активности имперского правительства на Кавказе и, одновременно, усиливается тяготение горцев к России [8, с. 29]. Согласно А.А. Саламову, строительство крепости Грозной в 1818 г. ознаменовало новый этап «в усилении военного нажима на Чечено-Ингушетию со стороны царской России, но вместе с тем ... приобщение к передовой русской культуре ломало национальную ограниченность и племенную замкнутость местных народов» [8, с. 28]. В 60-х гг. XVIII в., по сведениям автора, почти все плоскостные общества Ингушетии и Чечни присягали в верности царской России, а в 1810 году присягой по акту о подданстве присоединились к России плоскостные ингуши [8, с. 30-31]. Окончательное же присоединение вайнахских народов к России А.А. Саламов относит к 1859 г.

В 1967 году вышел коллективный труд по истории Чечено-Ингушской АССР [9], в которой исследователь Н.Л. Тавакалян стал автором главы, посвященной проблеме вхождения ингушей и чеченцев в состав России. Кавказ, по мнению автора, «привлекал внимание царизма по экономическим, социально-политическим и военно-стратегическим мотивам» [9, с. 80]. Но инициатива в установлении взаимоотношений принадлежала всегда местным народам. Проанализировав многочисленные прошения и присяги, автор делает следующие выводы: во-первых, эти документы «отражают концепцию их составителей – представителей тех же царских властей, чиновников»; во-вторых, в указанных политических актах обнаруживается тенденция «объективного развития исторических событий и обусловленных ими настроений народа, желавшего жить с мире и дружбе с соседними народами…, пользуясь защитой могущественной России»; в-третьих, эти присяги и прошения не должны наводить на «ложную» мысль о том, что чеченцы и ингуши не боролись против «царского гнета и произвола»; в-четвертых, изученные документы никогда «не получали силу юридического закона» [9, с. 90-91] и пр. Автор, таким образом, показал диалектическое единство добровольного и насильственного характера в длительном и сложном процессе присоединения региона.

Временем окончательного включения Ингушетии в состав России Н.Л. Тавакалян считает 22 августа 1810 г., когда между комендантом Владикавказской крепости Дельпоцо и представителями ингушского народа был заключен «официальный акт о добровольном присоединении» [9, с. 94]. Ученый, как и некоторые его предшественники, отмечает объективно-прогрессивное значение присоединения, выразившееся в избавлении «чечено-ингушского народа от угрожающих ему опустошительных набегов внешних врагов», в открывшихся «благоприятных перспективах социально-экономического развития» под крылом Российской империи. Изучаемая концепция отражала позиции большинства советских исследователей второй половины XX века, и являлась официально принятой версией по данному вопросу.

С.Б. Котиков [10] выделяет несколько причин, «толкавших ингушский народ на сближение с Россией»: во-первых, необходимость приобретения плодородных плоскостных земель, во-вторых, освобождения ингушей «из-под гнета кабардинских феодалов», в-третьих, возможность расширения экономических и культурных связей с Россией. [10, с. 69]. Автор считает, что в 1810 г. процесс вхождения Ингушетии в состав России не был завершен, поскольку подписание договора шестью ингушскими фамилиями не говорит о согласии всего народа, среди которого было много фамилий, выступавших против вхождения в состав России [10, с. 75]. Процесс включения Ингушетии в состав России, по мнению С.Б. Котикова, осуществлялся в два этапа. Первый этап

(хронологические рамки – «начало русско-ингушских взаимоотношений и конец XVIII в.») характеризуется добровольным стремлением ингушского народа принять российское подданство. Второй этап связывается с усилением военной «экспансии царизма» и датируется началом XIX в. до 1859 г., т.е. окончательное завоевание региона, по мнению автора, завершилось в результате ликвидации имамата Шамиля.

Идея о прогрессивной роли России в исторических судьбах северокавказских народов была широко озвучена на Всероссийской конференции, состоявшейся в октябре 1979 г. в Грозном [11]. По материалам данной конференции был опубликован сборник [12], в котором каждая статья, так или иначе, затрагивала вопросы российско-кавказского исторического взаимодействия.

Одним из редакторов указанного сборника был В.Б. Виноградов – один из разработчиков концепции о «добровольном вхождении» Чечни и Ингушетии в состав России. Совместно с С.Ц. Умаровым им опубликованы работы [13; 14; 15], в которых обосновывается данная теория. Авторы выступают против существовавшего в науке утверждения о том, что Ингушетия и Чечня присоединились к России в 1810 и 1859 гг. соответственно. Эти даты, по их мнению, введенные в научный оборот еще дореволюционными исследователями, были «некритически восприняты советской исторической наукой» [15, с. 6].

Говоря о причинах обращения вайнахов к России, они пишут: «Постоянные турецко-крымские и иранские вторжения, … тяжкое удушье феодальных межобщинных и межродовых разногласий… становились всё более невыносимыми. Россия виделась спасительницей от этой трагедии. К ней чаще обращались помыслы чеченцев и ингушей, постепенно осознавших преимущества российского покровительства и подданства. И Россия, – сообщается далее, – честно принимала протянутые руки дружбы!» [13, с. 33-34]. В XVI–XVII вв. в Россию отправлялись посольства, что способствовало укреплению этих связей, как утверждают В.Б. Виноградов и С.Ц. Умаров. Добровольное присоединение Ингушетии состоялось, как считают авторы, в 1770 г., когда в селении Ангушт 24 старшины, «действовавшие от имени «всего киштинского народа» подписали соглашение о вступлении «в подданство» России [13, с. 57]. Данный политический акт открыл для чеченского и ингушского народов «широкие исторические перспективы социального, экономического и культурного развития» [13, с. 57].

В советской историографии сформировалось несколько концепций по проблеме вхождения ингушского народа в состав России. В 20-х – первой половине 30-х гг. XX в. под влиянием работ В.И. Ленина имперская Россия была названа «тюрьмой народов», и все нерусские народы, в том числе горцы Северного Кавказа, вошли в её состав в результате колониального завоевания в ходе Кавказской войны. В 1950-х гг. была разработана теория о «добровольном присоединении» северокавказских народов к России и его «объективно-прогрессивных последствиях». Согласно одним исследованиям, Ингушетия добровольно присоединилась к России в 1770 г., в соответствии с другими данными указанный процесс завершился в 1810 г. Идея о добровольном присоединении северокавказских народов к России была важной частью национальной политики СССР. Она возникла в результате стремления воспитать советское общество в духе «дружбы народов» и оставалась доминирующей в российской историографии вплоть до 1980-х гг. В современной историографии данная концепция также имеет немало сторонников и последователей.

Литература и источники:

1. Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк. Владикавказ: Ингушский НИИ краеведения, 1928. 150 с.

2. Мартиросиан Г.К. История Ингушии // Многоликое прошлое ингушей / Сост. М.С.-Г. Албогачиева. СПб.: Айю, 1998. С. 33–122.

3. Фадеев А.В. Экономические связи Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. 1957. № 1. С. 135–160.

4. Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1960. Т. II, Вып. 1. С. 3–19.

5. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Грозный, 1961. Т. IV. С. 3–194.

6. Гриценко Н.П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962. 35 с.

7. Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1965. 66 с.

8. Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – начало XX века) // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1963. Т. III, Вып. 1. С. 22–32.

9. Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его объективно-прогрессивное значение // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Н.А. Смирнов. Грозный, 1967. Т. 1. С. 78–117.

10. Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1972. Т. IX, Ч. 2, Вып. 1. С. 61–102.

11. Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. Актуальные вопросы изучения прогрессивных последствий добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Материалы Всероссийской научной конференции (10–12 мая 1982 г.). Грозный, 1985. Вып. 3. С. 27–33.

12. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 октября 1979 г., г. Грозный / Ред. коллегия: А.Л. Нарочницкий и др. Грозный, 1982. 368 с.

13. Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1980. 115 с.

14. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Акт 21 января 1781 г. – важнейшее события в процессе вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (архивные документы) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 104–118.

15. История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1988. 58 с.

Долгиева Марем Белановна,
кандидат исторических наук, профессор Ингушского Государственного университета, ведущий научный сотрудник ИнгНИИ ГН имени Ч.Э. Ахриева
Магас, Россия
Dolgiyeva Marem Belanovna
Professor of Ingush state University, leading researcher of the Ingush scientific research Institute named after Ch. Akhriev
Magas, Russia

Арапханова Лейла Якубовна,
кандидат политических наук, заведующий отделом социально-политических исследований ИнгНИИ ГН им.Ч.Э.Ахриева, доцент кафедры истории ИнгГУ
Магас, Россия
Arapkhanova Leila Yakubovna
Ph.D. (Political Science), Head of the Department of Social and Political Research of the Ch. Akhriev Ingush Scientific Research Institute, Associate Professor of the Ingush State University
Magas, Russia

Яндиева Тамара Уматгиреевна,
ИнгНИИ ГН имени Ч.Э.Ахриева (Магас, Россия)
Yandiyeva Tamara Umatgireevna
The Ingush scientific research Institute named after Ch. Akhriev
Magas, Russia

ИНГУШЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В XVI – XXI ВВ.

Аннотация: В статье на основе анализа геополитических интересов Турции, Ирана и России на Кавказе рассматривается процесс становления и развития российско-ингушских взаимоотношений, завершившихся принятием ингушами в 1770 году Российского подданства.
Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Ингушетия, ококи, старшины, ингушско-русские отношения.

Abstract: Based on the analysis of the geopolitical interests of Turkey, Iran and Russia in the Caucasus, the article examines the process of formation and development of Russian-Ingush relations, which culminated in the adoption of Russian citizenship by the Ingush in 1770.
Keywords: Russia, the North Caucasus, Ingushetia, okoks, foremen, Ingush-Russian relations.

С давних времен Кавказ привлекал внимание многих государств. Он связывал Переднюю Азию с Восточной Европой, здесь проходили торговые пути. Все это отражалось на внутреннем положении кавказских народов и их отношениях с внешним миром. Как показывают исследования крупных ученых, связи этих народов с Россией уходят вглубь веков. При Иване Грозном Московская Русь стала превращаться в Великую Россию – евразийскую державу. Естественным было стремление включить в сферу ее влияния и многонациональный Кавказ. Начавшееся успешное приобщение населяющих его народов, в том числе и ингушей, было прервано Смутой. В дальнейшем активная кавказская политика России была связана с именами Петра I и Екатерины Великой.

Кавказский регион интересовал Россию по ряду причин. Во-первых, как приграничная территория, во-вторых, как арена военно-политического противостояния с Турцией и Ираном. Кроме того, через его территорию проходили военно-стратегические и торговые пути, имевшие важное экономическое и политическое значение. Вдоль каспийского побережья Кавказа пролегал южный отрезок Волжско-Астрахано-Ширванского пути, который связывал Восточную Евро-

пу, и в первую очередь, русские земли, с Ираном и некоторыми другими странами Ближнего и Среднего Востока. С этим путем была связана вторая важная военно-торговая магистраль, соединявшая Каспийское побережье Кавказа с Черноморско-Азовским побережьем [1, с. 316].

В истории сближения России с Северным Кавказом важной датой следует считать 1557 г., когда в Москву прибыло посольство от кабардинских князей Темрюка Идарова и Тазрюта с прошением о том, «чтобы их государь пожаловал и велел себе служить». Кабардинские послы, прибыв в Москву, сообщили государю, что «иверский князь» (т.е. царь Кахетии) просит, чтобы русский царь пожаловал его, как и черкесских князей. Кабардинский посол добавил, что между Кабардой и Грузией существуют дружба и взаимопонимание, а потому он уполномочен вести с русским царем переговоры и от имени грузинского царя и «всей Иверской земли» с которой кабардинские князья состоят в «одной правде и заговоре» [2, с. 26].

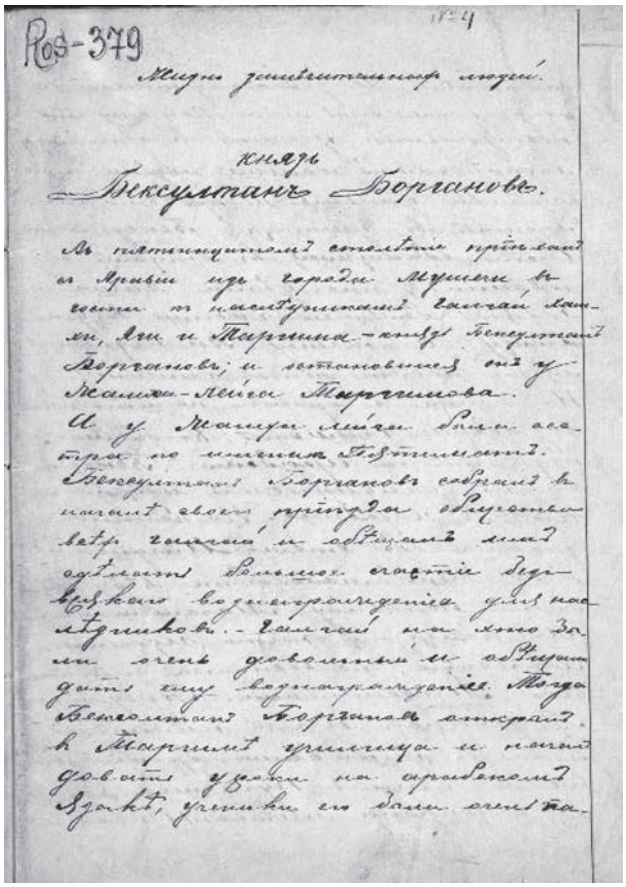
В этот период в предгорно-плоскостной зоне части современных Осетии и Ингушетии еще более уплотнилась сеть ингушских поселений. Сохранились записи ингушских преданий, свидетельствующих о том, что задолго до прихода кабардинцев в район рек Терек, Камбилеевка, Сунжа и Назранка, здесь проживало ингушское население.

Положение Кабарды на Кавказе особенно укрепилось после женитьбы в 1561 г. Ивана Грозного на дочери Темрюка Идарова – Гошаней, принявшей при крещении имя Мария [3, с. 9-10]. Кабардинские князья стремились при помощи России занять господствующее положение на всем Северном Кавказе. Одним из направлений интересов кабардинских феодалов являлись земли в бассейне рек Терека и Сунжа, прилегавшие к главной артерии, соединявшей Центральный Кавказ с Закавказьем – Дарьялу. Здесь они, вероятно, столкнулись с ингушскими селениями и попытались взять их под свой контроль, но видимо безуспешно, поскольку Темрюк вновь обращается за помощью к России.

В 1562 г. на Северный Кавказ был организован поход царских войск во главе с Григорием Плещеевым. В Астрахани воеводу встретил Темрюк Идаров со своим старшим сыном. На помощь к Темрюку пришел также отряд ногайцев. Готовился большой поход на Центральный Кавказ.

Некоторые исследователи отмечают, что между кабардинскими князьями шла борьба за татцкие, то есть не кабардинские земли. Ряд исследователей также полагают, что «Мщанские», «Сонские» и «Татцкие» земли, упоминающиеся в описании похода, находились между Кабардой и Грузией. Вероятно, конечной целью похода было установление контроля над главной дорогой в Грузию, для чего требовалось подчинить прилегавшее к ней местное ингушское население и, тем самым, получить возможность свободного сообщения с Закавказьем из Центрального Кавказа. К этому периоду относится и посольство царя Левана к Ивану Грозному. В результате, в Грузию через Дарьял был отправлен первый русский отряд [4, с. 235]. Грузия также была заинтересована в обеспечении путей для связи с Северным Кавказом и Россией.

На основе анализа данных Никоновской летописи и ингушских преданий, исследователь Б.Д. Газиков пришел к заключению, что события 1562 г., когда кабардинские князья совместно с ногайскими мурзами и отрядом казаков во главе с Г. Плещеевым совершили поход на Центральный Кавказ, разворачивались на ингушской территории и вызвали исход ингушей с междуречья


Ros-379

Жизнь достопамятнаго людей.

князь

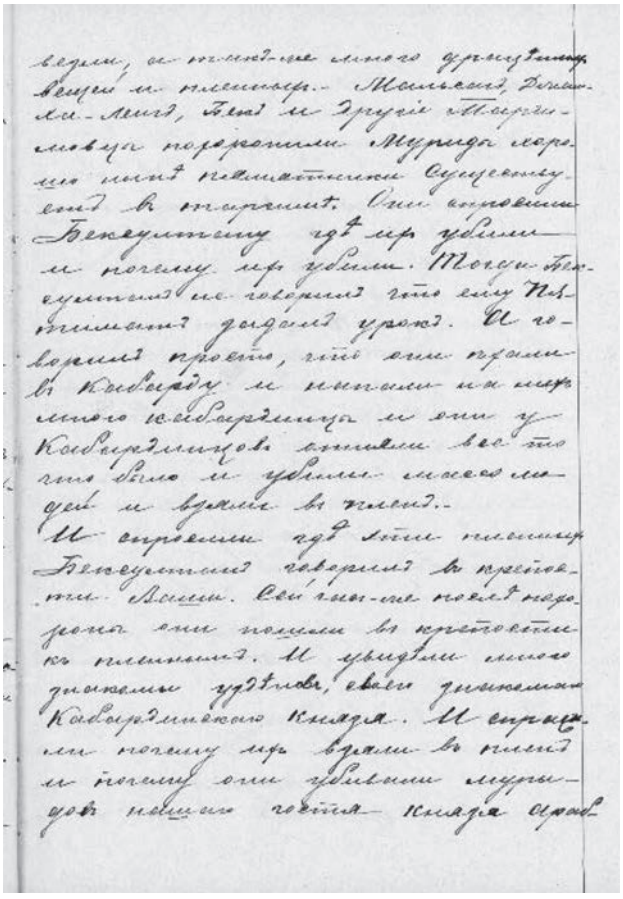
Бексултанъ Борганов.

Князь Бексултан Борганов. 1-й л. рукописи (НЦРГ. Ros-379. Л.1)

Терека и Камбилеевки и долины реки Сунжа [5, с. 60]. Также, другой ингушский исследователь, Х. А. Акиев локализует место похода юго-западнее непосредственно в Дарьяльском ущелье, в места проживания «сонов» и «мшанов», потомков нахских племен «дзурдзуков» [6, с. 56]. Заслуживают внимания и версии, предложенные В.Б. Виноградовым, Т.С. Магомадовой и Л.И. Лавровым, в той части, где указанные авторы находят сходство с «татцкими землями» в названии Куртатинского ущелья, находящегося на территории Северной Осетии [7, с. 5-6; с. 49-50].

Сведения о кабардинском походе сохранились в преданиях ингушей. В предании о Бексултане Борагане (Рисунок 1), в котором, по-видимому, отразились разновременные сюжеты, рассказывается, что Бексултан и его дружина вместе с ингушами боролись против напавших на них кабардинцев. Действия эти происходили в районе Назрани (Рисунок 2) [8].

Объединенный поход кабардинских, ногайских и русских войск был направлен через Эльхотовские ворота, на прилегающие к Дарьяльскому ущелью земли, и далее продолжался вдоль Черных гор до устья р. Сунжи. В результате этого похода и разгрома ингушей, живших на этой территории, в устье Сунжи была основана первая русская крепость для защиты Темрюка от его «недругов», она же стала первым форпостом Российского государства на Северном Кавказе.



Лист рукописи, в которой говорится о нападении кабардинцев (НЦРГ. Ros-379. Л.19)

Для народов Северного Кавказа появление русской крепости на границах их расселения имело важное политическое значение. Городок Терки стал играть большую роль в установлении дружеских взаимоотношений между русским и северокавказскими народами. В Терках, ставшим изначально полиэтническим поселением, наряду с русскими, проживали кабардинцы, ингуши, чеченцы, кумыки, татары.

Экспедиции русских войск, строительство укреплений, усиление политического влияния России в северокавказском регионе вызвали негативную реакцию ряда местных феодалов. Встревожены были и турки, позиционировавшие себя покровителями северокавказских и татарских народов. Турция и Крым решили силой оружия ликвидировать новую русскую крепость.

В 1586 г. в Москву прибыло посольство Кахетии, которое настоятельно просило восстановить крепость, для обеспечения устойчивой связи между Астраханью и Грузией. С аналогичной просьбой обратились вновь князья Кабарды и владетели «Окоцкой земли».

В этой ситуации решено было восстановить крепость на Тереке, но на этот раз она была сооружена не у впадения Сунжи в Терек, а в устье Терека.

С 1588 г. начался новый этап в политической истории региона, присутствие России на Тереке сделалось постоянным, русское государство значительно активизировало свои действия на юге.

Русские письменные источники, датируемые концом XVI в., говорящие о заключении соглашения с притерскими окочанами, в качестве субъекта договора упоминают «старшину» Ших-Мурзу Окоцкого (Аккинского). И далее в архивных документах можно встретить неоднократные упоминания об аккинских (ингушских) «старшинах», «мурзах», «владетелях» [9].

Окоцкие владетели принимали участие в военных предприятиях царского правительства. «Ококи» вместе с казаками, не только охраняли пограничные рубежи России от турецко-крымских вторжений, но и активно способствовали укреплению позиций России на Северном Кавказе. В челобитной Ших-Мурзы к царю Федору Ивановичу о принятии аккинцев под свое подданство, говорилось: «Прежде сего, которые

ваши государевы на Тереке городы были и в те поры, я с отцом своим Ушаром-Мурзою тебе государю верою и правдою служили» [10, с.22].

Царь посчитал необходимым ответить Ших-Мурзе специальной грамотой, а вместе с ней были переданы дорогие и почетные подарки. Для России иметь «ококов» в числе своих союзников было тем более важно, что восточные соседи их «кумыцкие феодалы», были в «дружбе и в любви» с крымским ханом» [10, с. 65]. Окоцкое владение играло важную роль в обеспечении безопасности пути, связывающего Астрахань с Терским городком [11].

После передачи Ших-Мурзе царской грамоты и подарков, с просьбой о принятии в подданство России обратился и Салтан-Мурза – старшина аула Ларс в Дарьяльском ущелье [12, с. 25].

Ингушский аул Ларс имел стратегическое значение, контролируя важный участок дороги в Дарьяльском проходе. Салтан-Мурза, мотивируя свое желание вступить в российское подданство, писал: «Хочу государю же служити по свою смерть, как служит брат мой Ших-Мурза Окоцкий» [13]. Положение этого «владельца» было весьма тяжелым, находясь в самом важном в военном и торговом отношениях пункте, он был тесним численно превосходящими дружинами некоторых равнинных феодалов, и нажил себе много врагов, главными из которых были шамхал и кабардинские князья.

Через владения ингушей проходили основные пути русских посольств в Грузию.

Расстановка сил на Северном Кавказе в конце 80-90-х гг. XVI в. благоприятствовала России. Иран и Турция увязли в войне и поэтому не могли эффективно заниматься северокавказскими делами. В 1589 г. завершилось очередное строительство Терского городка.

XVIII век открывает новый период в истории русско-кавказских отношений. Это время, когда Россия в деле покорения Северного Кавказа переходит к более решительным действиям. Не равные силы не давали кабардинцам противостоять агрессии турок и крымчаков в одиночку, что явилось главной причиной сближения с Россией.

Российского подданства просили также эндереевский, аксаевский и другие владетели Дагестана. За помощью к России обращались народы Закавказья. Активизировались в это время взаимоотношения Ингушетии с Россией.

В планах Петра I Прикаспию отводилась важная экономическая роль, здесь было сырье, необходимое для развития мануфактурной промышленности России.

Приход на Северный Кавказ русских войск оказал влияние на развитие отношений русских с горцами.

В начале XVIII в. для интересов России в северокавказском регионе возникла новая угроза со стороны Ирана. Иран предложил Турции военный союз против России с целью колонизации Северного Кавказа. Иранские военные полчища подошли к границам Дагестана. Ведя неравную борьбу с захватчиками «многие» из владетелей Дагестана стали обращаться к России, прося покровительства и защиты против шаха [1, с.422]. Многие из них, говоря словами П.Г. Буткова, «сами отдавались в подданство России» [14, с. 223].

В XVIII в. русско-ингушские отношения вступили в новую фазу развития. В XVIII в. завершается процесс возвращения ингушей на свои равнинные земли в бассейне Сунжи и Терека. Уже в последней четверти XVIII века ингуши неоднократно изъявляют желание вступить в Российское подданство, проявляя в этом вопросе настойчивость. Начались многочисленные хождения ингушских делегаций в Кизляр, стали проводиться массовые общенародные сходы.

Новокрещенные ингушские старшины Цоук-Мирза Колмамоков, Харитон Мисос, Амбросий Пахомиев в 1756 г. коменданту Кизляра писали, что «киштинские старшины со всем народом присягали 900 человек, чтобы были вечно в подданстве [12, с. 38].

С аналогичной просьбой обращались и в 1757 г. и после – в 1758-1762 гг. В 1758 г. 9 ингушских старшин принесли присягу коменданту Кизляра на верность России. Но эти присяги, в силу сложного международного положения России, оставались без последствий.

При этом России не хотелось обострять свои отношения с кумыкскими и кабардинскими феодалами, которые стремились к установлению своего господства над горскими обществами. Также, Россия была скована в своих действиях условиями Белградского договора.

На протяжении XVI-XVIII столетий ингуши предприняли ряд попыток сближения с Россией. Локальные юридические документы при этом оформлялись, но они были часто формальны и необязательны.

Начавшаяся русско-турецкая война 1768-1774 гг., аннулировавшая ограничение Белград-

ского договора, подвигла Россию на реальные политические действия в ответ на прошения ингушей.

В 1770 г. в Кизляр прибыло ингушское посольство в количестве 24 человек во главе с влиятельными старшинами Гарсом Чопановым и Сурхаем Мирзахановым для решения вопроса о вхождении ингушского народа в состав Российского государства.

Во время этих переговоров представители ингушских обществ просили прислать к ним представителя, получившего от высшей власти полномочия, и установить место и время проведения акта присяги. Кизлярский комендант И.Д. Неймич сообщал в правительствующий Синод, что «они присланы от всего народа и общества с изъявлением их усердного желания поступить в вечное подданство…». По указанию правительства, И.Д. Неймич направил в Ингушетию архимандрита Порфирия, которого ингуши хорошо знают и почитают, и гусарского полка капитана Дегостодия, с поручением принять «тамошний народ в подданство…» [15, с. 38-39].

Авторитетное представительство из 24 старейшин 4-6 марта 1770 г. в присутствии большого стечения народа, вблизи предгорного аула Ангушт на поляне с символическим названием «Барта-Босе» («Склон согласия»), торжественно принесли присягу. Очевидцем этого события стал академик И.А. Гюльденштедт, который и оставил письменные свидетельства о заключении политического акта [17].

Приняв подданство России, ингуши в специальном письме сообщили об этом событии коменданту Кизляра И.Д. Неймичу: «Приехал сюда в нашу землю архимандрит Порфирий, при котором ко усердию и в подданство Ея Императорского Величества присягали. При сем же к государственному интересу оной архимандрит добропорядочный принял труд и нам по обычаю христианскому истинный путь показал… И мы, киштинский народ, под сим подписались». (Следует 24 подписи старшин).

И.Д. Неймич послал в святейший Синод «Особое доношение» о принятии ингушами присяги 3 апреля 1770 г. [15, с.38-39].

Царская коллегия иностранных дел 12 июля 1770 г. одобрила эту присягу.

Принимая в подданство ингушей, Россия брала обязательство обеспечить их внешнюю безопасность и не препятствовать их возвращению на равнинные земли. Чтобы гарантировать это, в Ингушетию был направлен отряд гребенских казаков. Впоследствии «главные киштинские старшины говорили самоперсонально шли де мы в подданство Ея Императорского Величества не из принуждения, но самопроизвольно в коем и ныне стоим непоколебимо…» [16].

После вхождения Ингушетии в состав России, продолжается дальнейшее освоение ингушами равнинных земель и укрепление дружественных отношений с гребенскими казаками. В результате этого Ингушетия начала вовлекаться в общероссийский экономический процесс [1, с. 435].

Покровительство России для народов Северного Кавказа становилось практической необходимостью. Вместе с тем, немалую роль в укреплении русско-кавказских отношений играл постоянный, крайне полезный для горцев рост торгово-экономических связей.

Междуречье Терека и Сунжи, через которое проходила дорога в Грузию, приобретает в этот период стратегическое значение для России. Эта территория была освоена ингушами не позднее конца XVII века. Наиболее ранним из образованных ими поселений было с. Ангушт, от названия, которого и происходит этноним «ингуши». Согласно данным И.А. Гюльденштедта на берегах рек Сунжа и Камбилеевка, и доходящих до правого берега р. Терек, было множество ингушских селений (24). Ангушт являлся центром округа известного под названием «Большие Ингуши». Переселенцы из «Больших Ингушей» образовали новую колонию «Малые Ингуши», центром которой стало селение Шолхи [17, с. 113].

В дальнейшем происходит продвижение ингушей к Назрановской долине. В 1781 г. у слияния Назранки с Сунжей квартирмейстер русской армии Л. Штедер фиксирует ингушскую заставу [18, с. 192].

В связи с необходимостью устройства надежных путей сообщения с территорией Грузии, в мае 1784 г. здесь у ингушского селения Заурово была заложена крепость Владикавказская [19, с. 32].

О доверии друг к другу ингушей и русской военной администрации на Кавказе говорит и то, что в 1786 г. был создан отряд ингушской милиции для охраны крепости Владикавказ. Причем, в случае необходимости военному начальству на Кавказе «разрешалось сформировать и большее число войск из ингушей... для действия в их крае» [14, с. 173].

Основанный в географическом центре Ингушетии Владикавказ стал экономическим, политическим и культурным центром ингушей и одним из важнейших городов на Северном Кавказе.

В 1786 году по проекту Г.А. Потемкина было образовано Кавказское наместничество, административным центром которого стал Екатеринодар. Начинается усиленная колонизация края.

Во второй половине XIX в. Северный Кавказ был разделен на Ставропольскую губернию, Кубанскую, Дагестанскую и Терскую области. С 1860 г. Ингушетия была включена в состав Терской области. В 70-80-е гг. XIX в. изменения в административном устройстве были продолжены. Ингушетия была включена в состав Сунженского отдела Терской области.

С конца XVIII века представители ингушского народа принимали участие во многих войнах, действуя в составе воинских соединений Российского государства. В XIX веке число военных среди ингушей существенно увеличилось. Представители ингушского народа были в составе конвоя российского императора. В их числе Банухо и Атаби Базоркины, Артахан и Гаирбек Мальсаговы, Малсаг Долгиев, Арсануко Добриев, Бейбот Муталиев и др. Славные ингушские воины служили в милиционных частях, в охранной страже.

Особенно много ингушей приняло участие в Крымской войне 1853-1856 гг. и русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

В ходе Крымской войны ингуши воевали в составе Кавказско-Горского полка и милиционных частей, созданных из представителей горских народов.

Особо отличились в этой войне Муса Булгучев, Анзор-Бек Мамилов, Эльджи Джабагиев и др.

В годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в военных действиях принимал участие Ингушский дивизион, входивший в состав Терско-горского конно-иррегулярного полка.

Командиром Ингушского дивизиона был назначен Банухо Байсагурович Базоркин (1830-1906 гг.). Этот дивизион состоял из офицеров и нижних чинов. Офицерами были профессиональные военные-ингуши, которые перевелись в Дивизион из различных военных частей Российской армии. За отличие, проявленное в русско-турецкой войне, Ингушскому дивизиону было вручено Георгиевское знамя.

Ингуши-участники русско-турецкой войны 1877-1878 гг., проявившие храбрость, мужество, отвагу были отмечены высокими военными наградами. В их числе были: Магомет Албаков, Николай Альдиев, Татре Албогачиев, Керим Богатырев, Бунухо Долгиев, Арсануко Добриев, Гани Джемиев (Картоев), Джамбот Картоев, Бексултан Мальсагов, Бейбот Муталиев, Батако Ужахов, Дох Мальсагов, Хаджуко Мальсагов, Артаган Мальсагов, Муса Наурузов, Умар Сампиев (Албогачиев), Актемир Ужахов и мн. др.

1 августа 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. Подобной кровопролитной войны еще не знало человечество за всю историю своего существования. Армии воюющих держав несли громадные потери и нуждались в больших пополнениях.

Мусульманские народы Кавказа в Российской империи были освобождены от несения обязательной военной службы. Но с началом Первой мировой войны из горцев-добровольцев было решено сформировать Кавказскую туземную конную дивизию. Всадники Ингушского конного полка за проявленные в годы Первой мировой войны мужество и воинскую доблесть были отмечены различными наградами. Часть всадников и офицеров были награждены Золотым георгиевским оружием – очень почетной и редкой военной наградой, которая давалась только за особую доблесть. Среди ингушей было 26 полных Георгиевских кавалеров.

1917 год стал тяжелым испытанием для России. В феврале 1917 г. в Петрограде произошла революция, которая привела к смене общественного строя и к тому, что царь Николай Второй отрекся от престола. Значительная часть населения бывшей Российской империи поддержала революцию.

Гражданская война 1917-1920 гг. в России стала тяжелым испытанием для всех народов страны. Она принесла огромные жертвы и лишения. Страна была разрушена, и в ней надолго воцарились голод, нужда и разруха. Не миновали эти явления и Ингушетию.

Большую роль в организации обороны в первые, самые трудные месяцы Гражданской войны сыграли отважные сыны ингушского народа. Они становятся одними из виднейших участников борьбы за Советскую власть, вписавшие свои имена в летопись истории народа.

7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена. Ингушетия, как и другие бывшие части Гор-

ской АССР, приобрела статус автономной области. Фактической столицей Ингушской АО, как и ранее, остается Владикавказ, который являлся одновременно и центром Северо-Осетинской автономии.

В 1933 г. от Ингушетии были отторгнуты и переданы Северной Осетии некоторые приграничные территории города Орджоникидзе (так с 1931 г. назывался Владикавказ), а затем и сам город. Орджоникидзе стал столицей только Северо-Осетинской Автономной области. В январе 1934 г. Ингушетия и Чечня были объединены в один территориальный субъект – Чечено-Ингушскую автономную область.

В 1936 г. по новой Конституции СССР Чечено-Ингушская автономная область стала Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической республикой. Она входила в состав РСФСР. Столицей республики стал г. Грозный.

Эти события имели сложные последствия для развития Ингушетии. На долгие десятилетия была утрачена ингушская государственность. Ингуши лишились современного промышленного потенциала и базы для его развития, своего культурно-исторического очага Орджоникидзе, своей системы современного профессионального и, особенно, высшего образования.

Но даже указы и распоряжения не могли так быстро изменить веками сложившиеся исторические реалии. В г. Орджоникидзе продолжали жить и работать тысячи ингушей. Там по-прежнему функционировали органы управления и государственные учреждения Ингушетии.

В 1941 году началась Великая Отечественная война, на разных фронтах которой отважно сражались, показывая примеры мужества и героизма, представители Ингушетии. Родина высоко оценила подвиги ингушей, представив их к боевым государственным наградам. В годы войны к званию Героя Советского Союза были представлены 57 уроженцев Ингушетии. Их имена увековечены на мраморной плите Мемориала памяти и славы.

В 1944 году, в то время как 21250 лучших сынов Ингушетии, не жалея жизни, боролись на фронтах Великой Отечественной войны, отстаивая честь, свободу и независимость своей Родины, произошла депортация ингушского народа в Казахстан. Долгие 13 лет прошли с мечтой о возвращении на родину. На XX съезде партии в 1956 году было принято решение вернуть депортированные народы на свою Родину.

9 января 1957 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении Чечено-Ингушской АССР. После этого указа ингушский народ стал возвращаться на свою Родину – Кавказ.

4 июня 1992 г. в судьбе нашего народа произошло знаменательное событие, возродилась государственность ингушей. На карте Российской Федерации появился новый субъект – Республика Ингушетия (ГIалгIай Мохк), которая входит в состав Северо-Кавказского федерального округа.

В республике на сегодняшний день проживает около 500 тысяч человек. Это – люди разных национальностей и вероисповеданий. С Ингушетией граничит Северная Осетия, Грузия, Чеченская Республика.

Литература и источники:

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
2. Нарочницкий А.Л. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа /Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1982.
3. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т.1. М.1957
4. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963.
5. Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань, 2002.
6. Акиев Х.А. Этническая карта Северного Кавказа в середине XVI в. (К вопросу о поселениях нахских племен в Дарьяльском ущелье) //Научный вестник Ингушского государственного университета. Магас, 2005. № 1-2.
7. Лавров Л.И. Загадочные «Татцкие земли» на Центральном Кавказе в XVI в. /Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981. Л., 1981. С. 5-6; Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Две заметки о ранних русско-северокавказских связях //История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
8. НЦРГ Ros 379. Князь Бексултан Борганов (75 л.).
9. Иваненков Н.С.Горные чеченцы // Терский сборник. Вып.7. Владикавказ, 1910.
10. Белокуров Е.А. Сношения России с Кавказом. М.,1888.

11. Ахмадов Я.З. Политическое взаимоотношение Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XIX века. // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI начале XIX веков. Грозный, изд. ЧИНИИ, 1981.

12. Вехи единства. Грозный, 1982.

13. Магомадова Т.С. Владелец Ларса Султан-мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях // Материалы конференции. Грозный, 1986.

14. Бутков П.Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. ч. I. СПб. 1863.

15. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный. 1982.

16. АВПР. Ф. Осетинские дела. Оп. 128-11. Д.1. Лл. 968-969.

17. Гюльденштедт И.А. Географические и статистические описания Кавказа. СПб. Изд. Германа, 1809.

18. Штедер Л. Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996.

19. Муталиев Т.Х.-Б. К вопросу о возникновении ингушских поселений в междуречье Терека и Сунжи в XVIII в. // Материалы региональной конференции. Грозный, 1990.

Ижаева И.Д.,
аспирант, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
Российская Федерация, г. Карачаевск

ПЕРВЫЕ ГОРЯНКИ КАРАЧАЯ И ЧЕРКЕСИИ, УДОСТОЕННЫЕ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД

Аннотация. Статья посвящена судьбе первых горянок – уроженок современной Карачаево-Черкесии, награжденных советскими орденами. Обосновывается закономерность их награждения ввиду принадлежности к труженикам сельского хозяйства, «правильному» социальному происхождению и политической лояльности.

Ключевые слова. Советская власть, Карачай и Черкесия, горянки, труженики сельского хозяйства, передовики, награды, депутаты.

Одним из важнейших направлений политики Советской власти на Северном Кавказе (в том числе и в Карачае и Черкесии) в 1920-1930-е гг. было борьба за т.н. «раскрепощение горянки». Под этим термином подразумевался целый комплекс мер, направленных на вовлечение представительниц женской половины мусульманского населения региона в хозяйственную, общественно-политическую и культурную жизнь.

Учитывая низкий уровень грамотности среди горянок и отсутствие у них опыта общественной деятельности, региональное руководство, действовавшее в соответствии с директивами из центра, «женскую» политику начинало с привлечения женщин к совместной трудовой деятельности. В связи с традиционной сельскохозяйственной направленностью экономики Карачая и Черкесии уже со второй половины 1920-х гг. из горянок стали формировать огородные и полеводческие артели. Начавшаяся коллективизация, несмотря на свои драматические последствия (мощное восстание в марте 1930 г., поставившее под угрозу само существование Советской власти), уже к 1931 г. привела к началу успешной деятельности ряда колхозов Черкесской АО. В Карачае процесс коллективизации, в связи со спецификой скотоводческого хозяйства, шел гораздо медленнее, но уже ко второй половине 1930-х гг. приобрел главенствующий характер.

В обоих регионах с момента образования государственных коллективных хозяйств наряду с мужчинами работали и женщины. Отметим, что в традиционном хозяйственном укладе как карачаевцев, так и «зеленчукских горцев» (абазин, адыгов, ногайцев), именно женщины являлись основной производительной силой в полеводстве. Естественно, что в аулах горцев Черкесской АО, расположенных в предгорной зоне, полеводство получило большее развитие, чем в Карачае. Соответственно, большим был и процент вовлеченности горянок в сельхозпроизводство. Как бы то ни было, уже с начала 1930-х гг., женщины становятся активными участницами колхозного строительства. В рамках официального декларируемого приоритета советского крестьянства и рабочего класса, как основы государства, те из горянок, кто показывал успехи в работе, выполнял и перевыполнял план, всячески поощрялись, премировались, награждались.

Неслучайно, первыми горянками в Карачае и Черкесии удостоенными государственных наград, стали именно труженицы сельского хозяйства. Впервые это произошло в 1936 г., после окончательного укрепления колхозной системы даже в отдаленных от центра регионах, как КАО и ЧАО. Следует отметить, что, несмотря на активное участие горянок именно в полеводстве, наград были удостоены те из них, кто был занят в скотоводстве, которое, по-прежнему, оставалось ведущей отраслью сельского хозяйства.

Своим постановлением от 26 февраля 1936 г. Президиум ЦИК СССР наградил более 100 передовиков животноводства Северо-Кавказского края. Среди удостоенных высшей советской награды – ордена Ленина – женщин не было вовсе, среди получивших орден Трудового Красного Знамени горянок также не было, а орденом «Знак Почета» были награждены по одной горянке из Карачая и Черкесии. В КАО этой чести удостоилась телятница колхоза им. Ворошилова (а. Сары-Тюз) Гитче Хусиновна Гочияева, в Черкесии – доярка колхоза «Чертляук» Гошенашхо Мустафовна Кештова [7].

В областной прессе регулярно публиковались материалы, посвященные судьбе горянок, которые лишь с приходом Советской власти смогли получить возможность и занять достойное место в обществе.

Так, в статье о Г. Гочияевой сообщалось, что она происходила из бедняцкой семьи, выросла без отца. Рано вышла замуж и стала многодетной матерью. Однако, несмотря на обремененность

домашними заботами, в начале 1935 г. горянка вступила в колхоз им. Ворошилова и была назначена на местную ферму телятницей, одновременно выполняя функции доярки. Автор В. Михайлов писал: «С небывалой энергией и активностью взялась за работу Гочияева Гитче… Удой резко повышался из месяца в месяц. В результате 16 коров дали 52627 литров молока или по 3288 литров в среднем каждая. Если средний процент жирности молока по области составлял 3,1, то Гочияева довела жирность молока до 4,2 процентов» [6].

Естественно, что уже вскоре Г. Гочияева была выдвинута на областной съезд передовиков. Выступая на нем, она (естественно, в передаче местных журналистов), воспевала колхозный строй: «Я уже немолода, но вот здесь на Съезде, где говорят о нашей счастливой колхозной жизни, о наших достижениях, где так много слов о новом хорошем, мне кажется, что я помолодела и хочется вернуться в родной колхоз, работать еще лучше. Вы знаете, что по старым адатам и порядкам, у нас в горах доят коров главным образом мужчины. Но я в колхозе работаю дояркой. Мне поручили 25 коров. Я не только дою их, я сама и ухаживаю за ними. Коровкам, которые послабее, я даю побольше сенца и получше, за ними смотрю особо, и они у меня здорово поправляются, молока стали давать больше. Живу я на кошу, но там не хуже чем дома. Кроме ухода за коровами я навожу на кошу чистоту и порядок, чиню одежду и белье пастухов, готовлю им пищу. А люди у нас на кошу хорошие. Я прям удивляюсь им. Стемнеет, поздняя ночь наступает... а они, после целого дня нелегкой работы, все сидят за столом, книги читают и газеты, пишут – все учатся. Мы, говорят, тоже должны быть культурными. Вот такие у нас пастухи. Хорошо работать в колхозе, потому что сама жизнь стала хорошей. После съезда я обещаю работать еще лучше и хочу, чтобы моему примеру последовали делегатки съезда. Я вызываю их на социалистическое соревнование» [2]. Нелегкой была и судьба Г. Кештовой, происходившей также из трудовой горской семьи. Оставшись в молодом возрасте вдовой с четырьмя детьми, она впоследствии была вынуждена вновь выйти замуж. Во втором браке у нее появилось также четверо детей. Несмотря на заботы по домашнему хозяйству Г. Кештова уже с начала 1930-х гг. поступила на работу в колхоз.

Отличаясь природным трудолюбием, ответственностью и исполнительностью, она вскоре вошла в число лучших тружеников колхоза «Чертлеук». Г. Кештова не раз премировалась, выдвигалась на съезд передовиков Черкесии [8].

Следующее награждение горянок Карачая и Черкесии произошло спустя четыре года. За это время полеводство в регионе поднялось на значительную высоту, что позволило выдвинуться из среды колхозниц новым передовикам, которые получили наименование «стахановок» (от фамилии знаменитого шахтера-рекордсмена). Важным условием для представления к высоким наградам было участие труженика во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, открытие которой планировалось еще осенью 1937 г., однако состоялось лишь 1 августа 1939 г. Именно из их числа были выделены наиболее отличившиеся, которые и были удостоены наград.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 марта 1940 г., в числе передовиков Орджоникидзевского края, по одной представительнице КАО и ЧАО были награждены высшей наградой СССР – орденом Ленина [9].

Первой горянкой Черкесии, удостоенной этого ордена, стала Фатимат Ибрагимовна Кушхова (1894 г.р.). Уроженка а. Касаевский Баталпашинского отдела Кубанской области (ныне а. Хабез), она росла в семье крестьянина – бедняка. Постоянный тяжелый труд в родительском доме, а затем и семье мужа в с. Хахандуковский (ныне а. Али-Бердуковский) не позволил ей овладеть хотя бы азами грамотности [10].

В 1931 г. Ф. Кушхова вступила в колхоз им. С. Орджоникидзе, где работала до 1935 г. рядовой колхозницей, а в 1935 г. была избрана звеньевой. За хорошую работу она неоднократно премировалась, участвовала во Всесоюзной сельхозвыставке 1939 г.

В характеристике, выданной Черкесским обкомом ВКП (б), горянка-стахановка характеризовалась так: «Тов. Кушхова беззаветно предана своей любимой социалистической родине. Она не только сама прекрасно работает, но, силой своего личного примера, организует колхозников на выполнение задач, связанных с укреплением социалистического сельского хозяйства» [10 4].

В характеристике, выданной Ф. Кушховой 29.10.1939 г. ее непосредственным руководителем – председателем колхоза им. С. Орджоникидзе, отмечалось: «за время работы в колхозе к работе относилась хорошо, как хороший качественный звеньевой в 1938 г. дала сбор с одного га подсолнуха 197 кг. В 1939 г. работает звеньевой и к работе относится хорошо». Всего за девять месяцев 1939 г. горянка имела 200 трудодней, при этом активно участвовала в общественной жизни колхоза. Одним из важнейших условий выдвижения советского труженика к награде, было, как в случае с Ф. Кушховой, то, что

у нее не было репрессированных родственников [10, 5, 6].

Несмотря на неграмотность и беспартийность, постановлением бюро Черкесского обкома ВКП (б) от 26 октября 1939 г. Ф.И. Кушхова была рекомендована кандидатом в депутаты Орджоникидзевского краевого Совета депутатов трудящихся по Хабезскому избирательному округу (всего в области было 5 округов) [10, 5].

Первой из представительниц Карачая, награжденных орденом Ленина, стала ***Баладжан Сохтаевна Батчаева*** (1919-1950), принадлежавшая к новому поколению горянок и годившаяся в дочери Ф.И. Кушховой

Родилась она в Тебердинском селении Баталпашинского отдела Кубанской области в обычной горской семье. Скромный достаток ее обеспечивался каждодневным трудом, в который с дошкольного возраста вовлекались и дети: как мальчики, так и девочки.

В начале 1920-х гг. семья Батчаевых переехала в недавно основанное с. Архыз, а спустя несколько лет в 1932 г. обосновалась в с. Къызыл-Октябрь.

Окончив неполную среднюю школу, Б. Батчаева уже с 17 лет начала трудиться в местном колхозе «По пути Сталина». Сразу же отличившись своими качествами, она была выдвинута на должность звеньевой картофелеводческого звена. Уже в первый год (1936 г.) работы звена, ему удалось добиться 750 центнеров картофеля с каждого гектара. Таким образом, в 4 раза были превышены показатели урожайности по сравнению с 1935 г. Звено собрало и рекордный урожай кукурузы – 96 центнеров с гектара. Подобные результаты были получены, во многом благодаря личному трудолюбию, организаторским способностям звеньевой Б. Батчаевой, использованию новых методов обработки почвы и посевов, борьбы с вредителями. Неудивительно, что уже в 1937 г. горянка выдвигается на должность бригадира полеводческой бригады, а труженицы из ее звена встали во главе других звеньев [3]. Перейдя в 1939 г. в соседний колхоз им. 20-й годовщины РККА, Б. Батчаева и там добилась рекордных урожаев. Уже в первый год показатели ее бригады составили 350 центнеров картофеля и 65 центнеров кукурузы с гектара [5].

За рекордные урожаи и новаторство Б. Батчаева неоднократно награждалась Почетными грамотами органов власти и партийных организаций, была внесена в Книгу Почета Карачаевской АО. В 1939 г. она в числе лучших тружеников области была направлена на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где была удостоена высшей награды ВСХВ – Большой золотой медали Главного Выставочного комитета [3].

Будучи одним из ярких представителей стахановского движения в Карачае, Б. Батчаева являлась символом горянки нового, советского типа.

Неслучайно ее активно привлекали к общественной деятельности. Вступив в ряды ВЛКСМ в 1935 г., в 1938 г. она становится кандидатом в члены ВКП (б), а через год получает билет полноправного коммуниста. Горянку-ударницу избрали членом бюро райкома, пленума Карачаевского обкома, а также Орджоникидзевского крайкома ВЛКСМ (в 1938 г.) [1, 229].

Односельчане с 1937 г. не раз избирали ее членом местного Совета, а в конце 1939 г. доверили представлять селение во вновь созванном Карачаевском областном совете депутатов трудящихся [4].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что награждение горянок советскими государственными наградами, в том числе и самыми высшими, символизировало окончательное утверждение социалистического строя, гарантирующего одинаковые права, как мужчинам, так и женщинам, в том числе и представителям национальных меньшинств.

Литература и источники:

1. Батчаев Ш.М. Батча. Фамильная энциклопедия. –М.: Карачаевский НИИ, 2017. -1168 с.
2. Гочияева Г. Хорошо работать в колхозе. // Красный Карачай 1936 – 8.01.
3. Красный Карачай – 1939. – 16.11.
4. Красный Карачай – 1939. – 29.12.
5. Красный Карачай – 1940. – 12.11.
6. Михайлов В. Знатная доярка. // Красный Карачай. – 1936. – 8.01.
7. Награждение передовиков животноводства // Красный Карачай – 1936. – 1.03.
8. Наши орденоносцы. // Красная Черкесия – 1937. – 5.01.
9. Орджоникидзевская правда – 1940. – 18.03.
10. Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (далее – ЦДНИ ГА КЧР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 283.

Картоев М.М.,
старший научный сотрудник
Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева
г. Магас, Российская Федерация

ИНГУШЕТИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1800-1840-Е ГГ.): ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются российско-ингушские отношения 1800-1840-х гг., раскрываемые сквозь призму военно-политического и религиозного аспектов, игравших наиболее существенную роль в политике Российской империи на Кавказе. Поэтому особое внимание уделено «политике христианизации» и утверждению ислама в Ингушетии, Кавказской войне, общественно-политическим процессам и сюжетам внешней политики, оказывавшим непосредственное влияние на характер российско-ингушских отношений рассматриваемого периода.

Ключевые слова: ингуши, Назрановское общество, Карабулакское общество, Галашевское общество, Назрань, Владикавказ, Северный Кавказ, Кавказская война, «политика христианизации», ислам в Ингушетии.

Abstrakt. The article examines the Russian-Ingush relations of the first half of the XIX century, revealed through the prism of military-political and religious aspects that played the most significant role in the policy of Russian policy in the Caucasus. Therefore, special attention is paid to the “policy of Christianization” and the establishment of Islam in Ingushetia, the Caucasian war of 1817-1864, socio-political processes and foreign policy subjects that directly influenced the nature of Russian-Ingush relations in the period under review.

Keywords. Ingush, Nazran district, Karabulak district, Galashev district, Nazran, Vladikavkaz, North Caucasus, Caucasian war, “policy of Christianization”, Islam in Ingushetia.

Введение. Российско-ингушские отношения первой половины XIX века, развивавшиеся в тесной взаимосвязи с внешней политикой России и складывавшейся военно-политической ситуацией на Северном Кавказе, на наш взгляд, не нашли должного отражения в историографии Ингушетии и северокавказского региона в целом. Между тем, их изучение представляется важной и перспективной исследовательской задачей для целостного осмысления политики России в северокавказском регионе в целом, в том числе, реконструкции истории взаимоотношений с отдельными этносами, в зависимости от их географического расположения и политической активности.

В данной публикации затронуты военно-политический и религиозный аспекты российской политики в Ингушетии в 1800-1840-х гг., раскрываемые через отдельные сюжеты истории, получившие «наибольший резонанс» в документальных источниках рассматриваемого периода.

Ингушетия в начале XIX века (1800-1817 гг.): формирование Назрановского общества и включение его в орбиту российского влияния. Вхождение ингушей в состав России в 1770 году способствовало активизации процесса дальнейшего освоения ими равнинных земель по правобережью Терека, в бассейне рек Камбилеевки и Сунжи. Так, не позже начала 1780-х гг. ингушские переселенцы из Тарской долины, Шолхи и Ахки-юрта (т.е. верховьев Камбилеевки и Сунжи) поселяются на р. Назранке, где сначала основывают сторожевые посты, о чем свидетельствовал Леонтий фон Штедер в 1781 г. [1, с. 26], а через несколько лет, судя по всему, появляется и постоянное население. В документах ингушский населенный пункт на р. Назранке известен не позже 1785 г. [2, Л. 250]. К началу XIX века ингуши уже прочно освоили Назрановскую долину, о чем свидетельствуют документальные источники. Так, согласно данным за 1810 г. в Назрани проживало более 7 тысяч человек [3, с. 75]. По другим данным, на 1810 г. в Назрани, селении Темуркове близ Владикавказа и селении Яндаре (80 дворов) на одноименном притоке Сунжи проживало в совокупности 946 дворов, в которых было подсчитано взрослого и боеспособного мужского населения («вооруженных») 1294 «душ» [4, с. 902]. К сожалению, отсутствуют подробные карты Центрального Кавказа указанного периода с обозначением наименований населенных пунктов, располагавшихся в Назрановской

долине, но учитывая традиционное расселение ингушей небольшими поселениями хуторного типа (в среднем от 20-30 до 40-50 дворов) можно предположить, что в этом районе уже существовало несколько десятков небольших поселений, расположенных на небольшом расстоянии друг друга по обоим берегам р. Назранки. О том, что это были именно поселения, а не один населенный пункт свидетельствуют и данные документов, в которых упоминаются ингушские селения на Сунже [4, с. 896], имея в виду Назрань, а также данные ряда картографических материалов конца XVIII – начала XIX вв., где без указания конкретных наименований, нанесены условные обозначения (пунсоны) населенных пунктов в Назрановской долине [5]. Таким образом, к началу XIX века можно говорить о сформировании новой этнотерриториальной общности на Центральном Кавказе в виде группы плоскостных ингушских населенных пунктов, ставших известными в первой половине XIX века под названием Назрановцы или Назрановское общество (Назрановские ингуши). Это совпало с периодом, когда Россия обновляла свои политические позиции на Северном Кавказе и активно усиливала в регионе свое военно-административное присутствие. После подписания Александром I манифеста о присоединении Грузии (12 сентября 1801 г.), ясно обозначились перспективы нового витка борьбы с Ираном и Турцией в Закавказье [6, с. 69, 73]. Перспектива военного противостояния с Ираном и Турцией требовала от России усиления ее позиций на Северном Кавказе и возобновления коммуникаций, связывающих Кавказскую линию с Грузией. В 1803 г. возобновляется строительство Военно-Грузинской дороги, названной также «Александровым путем», и восстанавливаются брошенные в конце 1780-х гг. укрепления, в том числе, крепость Владикавказ [7, Л. 1-2]. Параллельно со строительством главной дороги, ведущей в Грузию, велась разведка и других маршрутов через боковые ущелья. В частности, по сведениям подполковника А. Буцковского, в 1802 г. была предпринята попытка поиска таких маршрутов, ведущих в Грузию через Ассинское ущелье горной Ингушетии, не увенчавшееся успехом из-за противодействия местного населения [8, л. 27]. В 1809-1810 гг. Назрановские ингуши становятся объектом российской политики российской администрации на Центральном Кавказе. Как и когда-то в далеком 1770 г., новый виток сближения ингушей с Россией пришелся на период активного противостояния с восточными державами-соперниками за влияние на Кавказе: российско-ингушские отношения развивались на фоне российско-иранской (1804-1813) и российско-османской (1806-1812) войн.

Значительное влияние на внешнюю политику и противостояние России с Ираном и Турцией оказывало соперничество Франции и Англии, активно разыгрывавших кавказскую «карту» в своих интересах. К 1810 г. для России складывается весьма невыгодная внешнеполитическая ситуация, когда Англия, заинтересованная в контроле над Востоком, чтобы не допустить туда Наполеона, строившего планы по захвату Индии, сумела наладить отношения с Ираном и Турцией, и активно способствовала продолжению военных действий этих стран против России. В войне Турции и Ирана против России была заинтересована и Франция, для которой было выгодно ослабление потенциального военного противника. Таким образом, внешнеполитические интересы двух соперничающих держав объединились в противостоянии Ирана и Турции с Россией на Кавказе [6, с. 76-77]. Иран и Турция, в свою очередь, пытались использовать народы Кавказа в борьбе против России. Активными проводниками иранской политики среди народов Северного Кавказа были грузинские царевичи Александр Багратиони и его племянник Таймураз. Царевич Александр, сын Ираклия II, пользовался популярностью среди горских народов Кавказа и имел среди них обширные связи. Он при помощи Ирана начал борьбу за грузинский царский престол еще при Павле I. Упразднение Картли-Кахетинского царства настроило против России и других членов грузинской царской семьи. В этой обстановке, для России было очень важно заручиться поддержкой народов Северного Кавказа, подчеркнуть свое политические влияние среди них и, таким образом, помешать Ирану и Турции склонить горцев на свою сторону. В этот период получает распространение практика заключения письменных актов (присяг на подданство и верность России) с горскими народами и отдельными этнотерриториальными обществами.

В августе 1810 г. Владикавказский комендант генерал-майор Дельпоццо принимает присягу на подданство Российскому императору Александру I, данную Назрановскими ингушами в крепости Владикавказ и, в свою очередь, дает поручительный акт об обязательствах России перед ингушами. Письменный акт присяги подписали

(поставили «перстные печати») по десять представителей от шести крупнейших ингушских фамилий, проживавших в Назрани: Таргимхоевых, Цикмабухоевых (Оздоевы), Эгиевых (выходцы из Эгикала), Картоевых, Евлоевых и Хамхоевых [4, с. 901]. От указанных фамилий были взяты шесть аманатов, которые содержались на казенном обеспечении во Владикавказской крепости. Одним из важных положений поручительного акта было закрепление права собственности на занимаемую ингушами землю на плоскости: «Землями и лесами пользоваться предоставляется им безвозбранно по правую сторону течения р. Терека» [3, с. 88]. Границы Назрановских ингушей с Малой Кабардой на северо-западе проходили в районе реки Ачалуки, где позже, в 1829 году, было основано поселение Верхние Ачалуки (аул Черко Амерханова) [9, с. 668] и далее шли от р. Ачалуки к северо-востоку до нижнего течения р. Сунжи, где начинались поселения Карабулакского общества. В свою очередь, Российская администрация, в лице Владикавказского коменданта генерал-майора Дельпоццо, закрепила в акте присяги важные для себя позиции, как то, не принимать мулл и мечетей не строить, не переселяться без разрешения «российского начальства» с «теперешнего места поселения в Назрани», не поддерживать отношений с недружественными России народами (исповедующими ислам), выставлять по необходимости для содействия российским войскам «хорошо вооруженное помощное войско» из 1000 человек и др. Таким образом, письменный акт был направлен на установление полного контроля над Назрановским обществом, приостановление процесса распространения среди ингушей ислама и включения их в орбиту российского влияния на Северном Кавказе, как народа, занимающего стратегическую территорию и исторически тесно связанного с Россией (о чем свидетельствует история российско-ингушских взаимоотношений предшествующего XVIII века).

Одним из важных пунктов письменного акта было обеспечение безопасности Назрановских ингушей, для чего после подписания акта был сформирован воинский отряд, состоявший из 100 рядовых Владикавказского гарнизонного полка с офицером, при одном орудии, и 50 казаков со старшиной, который был направлен на постоянную дислокацию в Назрань, где уже в начале сентября 1810 г. начал обустраиваться, составив воинскую команду вновь учрежденного Назрановского поста, т.е. будущего гарнизона укрепления. В том же, 1810 г., был заложен и Назрановский редут, как место дислокации воинской команды, позже, по мере расширения строительства, ставший укреплением 1-го разряда [10, с. 28]. Укрепление позже неоднократно перестраивалось и сыграло большую роль в истории ингушей XIX века.

Надо полагать, подписание письменного акта и строительство укрепления, способствовало дальнейшему заселению ингушами Назрановской долины. Согласно данным Н.Г. Волковой, к 1816 г. все население вокруг Назрани (назрановцы) насчитывало 2410 дворов и 12050 человек, населявших 93 небольших селения [11, с. 162].

После подписания письменного акта Назрановскими ингушами, добровольное желание быть в подданстве России «на основании обязанности, сделанной ингушевцами» изъявили жители деревни Фаргиевой Карабулакского общества, представители которой явились во Владикавказ и доставили аманата в октябре 1810 г. В 1811 г. присягу на подданство России во Владикавказе принесли старшины 13 деревень Кистинского общества горной Ингушетии (Эрзи, Тарш, Верхние и Нижние Хули, Кхерах, Кошк, Морч, Горак, Мецхал, Фалхан, Бейни, Ляжги, Харп) [4, с. 90, 92].

16 января 1811 г. Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом генерал от кавалерии А.П. Тормасов обратился с прокламацией к ингушскому народу, в которой говорилось: *«… Внемлите ингушевские народы, сколько человеколюбивый наш монарх, исполнен попечения об устроении прочного среди вас благоденствия! Отныне по высочайшей воле е.и.в. правительство приложит все старания к улучшению вашего благосостояния, дозволен вам будет въезд в пределы России для продажи ваших избытков в произведениях и рукоделии, дана будет свобода отпускать в ваши жилища хлеб для пропитания вашего, дозволен будет для вашего продовольствия вывоз соли с преимущественными выгодами и, сверх того, в вящее знамение покровительства и щедрот всемилостивейшего г.и., высочайше мне повелено установить в разных местах Линии, ближайших и выгодных для вас, меновые торги, кои бы спомошествовали вашей промышленности и устроить для сего вам заведения на счет казны приличные дворы. Ингушевцы! Познайте из сего щедроты к вам всеавгустейшего сильного монарха, пекущегося о благе*

вашем, познайте источник будущего благоденствия и исполните сердца ваши чувствованием истинной признательности к столь благодетельным мерам, приемлемым для вашего благосостояния. Будьте миролюбивы, спокойны среди ваших жилищ и в кругу счастливых семейств, будьте добрыми людьми, верными благодетельствующему вам г.и.; храните свято обязанности верноподданных, наипаче же удаляйтесь от хищничества и грабежей, противных Богу и нарушающих общественное спокойствие, и наконец, будьте всегда послушны и исполнительны в требованиях российского начальства, которое единственною целию имеет доставить вам счастие. Тогда промышленность ваша достигнет до цветущего благосостояния, богатства ваши знатно умножатся, жилища ваши, семейства, имущества и гробы предков ваших останутся неприкосновенными в мирном покое и благоденствие с вами неразлучно…» [4, с. 91].

Ингушетия в период Кавказской войны, в 1817-1840-х гг.: основные сюжеты. Самая длительная по времени и кровопролитная военная кампания Российской империи – Кавказская война, начатая, при командующем отдельным Кавказским корпусом генерале А.П. Ермолове в 1817 г. и оконченная при Кавказском наместнике генерале А.И. Барятинском в 1864 г., до сих пор остается одной из самых сложных и политизированных проблем в историографии Северного Кавказа. Вся сложность и неоднозначность историографии Кавказской войны нашла отражение и в истории Ингушетии указанного периода.

Но прежде чем мы рассмотрим основные сюжеты этой истории, необходимо обозначить, что представляла собой Ингушетия в этот период в этническом и территориальном отношении, каковы были ее границы и система управления. При этом надо отметить, что ингуши в первой половине XIX века последовательно входят в систему российского управления на Центральном Кавказе. Эта система формировалась постепенно, по мере оперативной необходимости и в прямой зависимости от военно-политической ситуации в регионе. По своему характеру это была военно-полицейская система управления, направленная на обеспечение контроля над местным населением, активного использования его в интересах российской политики и обеспечении безопасности коммуникаций. Важную роль в этой системе играли российские укрепления, ставшие основными центрами российского влияния в регионе, очагами распространения русской культуры и развития торгово-экономических отношений с народами Северного Кавказа. В этой связи, огромное влияние на ингушей, их последовательную политическую и экономическую ориентацию на Россию, оказало их географическое расположение в непосредственной близости от главной российской коммуникации, связывающей Кавказскую линию с Грузией – Военно-Грузинской дорогой, между двумя важнейшими военно-политическими и административными центрами – крепостью Владикавказом и Назрановским укреплением. Соответственно, расселяясь на сравнительно небольшом и открытом пространстве под пристальным надзором российской администрации, ингуши, в первую очередь, это касается крупного плоскостного Назрановского общества, не могли быть никоим образом втянуты в военное противостояние с Россией, как соседние чеченцы или дагестанцы. Кроме того, в Ингушетии отсутствовала для этой борьбы прочная идеологическая база в виде мюридизма и идей газавата, получившая широкое распространение на Северо-Восточном Кавказе, в первую очередь в Дагестане – центре религиозного образования и просвещения Северного Кавказа, откуда они распространились на соседние чеченские общества. Но, в тоже время, значительная часть ингушей, расселявшаяся в менее доступных местах – лесистых предгорьях и горных ущельях, покорялась силой оружия и оказывала открытое сопротивление в период Кавказской войны, воюя, в том числе, под знаменами имама Шамиля. Это касается, например, населения по среднему течению Ассы и Фортанге, т.е. значительной части Карабулакского и Галашевского обществ, которые территориально входили в 1840-х гг. в состав земель Имамата, в составе так называемой Малой Чечни. На ее территории, кстати, проживали не только карабулаки, но и выходцы из других ингушских обществ, в частности, в районе р. Валерик жили выходцы из Ассинского ущелья горной Ингушетии, о чем свидетельствуют данные топонимики [12, с. 47, 51] и этногенетических преданий. Также, согласно документальным данным конца 1830-х гг. в Аргунском ущелье Чечни находились ингуши [13, с. 321], которые по различным обстоятельствам, в том числе по религиозным причинам, переселялись на территорию имамата в период Кавказской войны, они становились абреками и пополняли ряды войск Шамиля. Целые семьи назрановских

ингушей переселялись в период Кавказской войны на территорию, контролируемую наибами Шамиля. В тоже время, часть карабулаков, расселявшаяся в нижнем течении Сунжи, была тесно связана с Назрановским обществом и контролировалась российской администрацией. Также, в горной зоне расселялись независимые общества, с запада на восток: джераховцы, ближние кисты (фяппинцы), галгаевцы, цоринцы, акинцы, дальние кисты (мелхинцы, майстинцы, кейцы, акинцы, никерхойцы и др.). Все эти общества в период Кавказской войны относились к ингушам, о чем свидетельствуют военно-топографические описания, документы и картографические материалы. Сведения из различных источников были обобщены в изданном в 1851 г. XVI томе Военно-статистического обозрения Российской империи, подготовленном офицерами 1-го отделения Департамента Генерального штаба. Согласно этим данным, *«К племени Ингушей, занимающих плоскость и котловины Кавказских гор с правой стороны Терека до верхних частей Аргуна и до течения р. Фортанги, принадлежат: 1) назрановцы с Комбулейским обществом, 2) джераховцы, 3) карабулаки, 4) цоринцы, 5) ближние кисты с небольшим обществом малхинцев, вновь покорившимся, 6) галгай, 7) галашевцы и 8) дальние кисты»* [13, с. 478].

Восстание в Чечне под руководством Бейбулата Таймиева 1825 г. затронуло и Ингушетию. Активную агитацию в поддержку восстания проводил в плоскостных Карабулакском и Назрановском обществах Джембулат Цечоев – житель с. Яндаре. Джамбулат Цечоев был пойман вскоре в Назрани, и доставлен в колодках в крепость Грозную, где его подвергли жесточайшей экзекуции – пройдя шесть раз через строй тысячи шпицрутенов, он пал мертвым. Однако в Ингушетии было немало его сторонников и в ноябре 1825 г. Бейбулат Таймиев двинулся в Назрань, но вызванные из Владикавказа войска не дали ему соединиться с назрановцами. Также в этот период назрановские ингуши категорически отказались участвовать в экспедиции против селения Казак-Кичу на Сунже, мотивируя это тем, что там живут их родственники [14, с. 84-85]

Горные ингушские общества покорялись в основном силой оружия. Так, «в 1814 г. генерал Дельпоццо отправился для покорения джераховцев, но последние, отправив в горы свои семьи, вступили с ним в сражение, и генерал вынужден был вернуться восвояси, предварительно предав огню оставленные жителями дома» [14, с. 82.]. В 1830-1832 гг. горные ингушские общества от Джейраха до Цори дважды покорялись военными экспедициями генерал-майора Абхазова и Командующего Отдельным Кавказским корпусом, генерал-адьютанта Розена [13, с. 292-310]. С 1830 года, после экспедиции Абхазова, Джераховское, Кистинское и Галгаевское общества горной Ингушетии вместе с Тагаурским и Куртатинским обществами Осетии вошли в систему приставского управления. Но в 1831 г. в с. Хули горной Ингушетии был убит пристав Константинов, в связи с этим, а также для предотвращения распространения влияния имама Гази-Магомета (Кази-Муллы), была предпринята несоразмерно, по предстоящим задачам, масштабная экспедиция Розена, в которой по официальным данным участвовало более 5000 человек, из которых более 600 были офицеры и всадники осетинской милиции [13, с. 316]. Для сравнения приведем цифры количества населения в этих ингушских обществах. По данным за 1838 г. – чуть более 4 тыс. человек [15, с. 96-98], вместе со стариками, женщинами и детьми. Параллельно с экспедицией Розена, генерал Вельяминов действовал против карабулакских и галашевских селений [16. Л. 51-52 об.].

16 ноября 1832 г. в высочайшем приказе, подписанном императором Николаем I, значилось: «Храбрые воины! Непоколебимому мужеству вашему вверил я усмирение диких и необузданных племен дагестанских: лезгин, чеченцев, галгаевцев и карабулаков, увлеченных к восстанию изувером Кази-Муллою, водворение прочного между сими народами спокойствия и покорности правительству» [13, с. 317].

В 1840 г. имам Шамиль, потерпевший в 1839 г. серьезное поражение в Ахульго (Дагестане) от генерала Граббе, перебирается в Дарго (Чечню) и возглавляет всеобщее восстание в Большой и Малой Чечне. Восстание затронуло ингушские общества: карабулаков, галашевцев и отчасти назрановцев, а также горное Цоринское общество. Шамиль обращался к ингушам с воззваниями присоединиться к восстанию чеченцев, в частности, сохранилось письмо, направленное им к жителям Большой Яндырки в апреле 1840 г. [13, с. 326-327]. Однако большого успеха действия Шамиля в восточной части Ингушетии не имели, так как значительная часть населения не примкнула к восставшим, а в некоторых случаях оказывала активное сопротивление отрядам

шамилевских наибов, нападавших на селения по Сунже. Также командованием Кавказской линией были приняты необходимые меры по укреплению границ Владикавказского округа и недопущению распространения восстания на ингушские населенные пункты. Для охраны границ округа и в действиях против отрядов наиба Малой Чечни Ахверды-Магомы активно использовалась ингушская милиция, состоявшая из жителей назрановских и карабулакских селений, а также в горной части – милиция из горцев.

Одним из самых значительных эпизодов, связанных с историей Ингушетии периода Кавказской войны, является поход Шамиля на Назрань 1841 г. С 5 на 6 апреля более чем 20 тысячное войско Имама, согласно документальным источникам, перешло границы Назрановского общества и, разделившись на три крупных отряда, центральным из которых командовал сам Шамиль, подошло с трех сторон к Назрановскому укреплению. Передовые отряды Шамиля дошли до р. Камбилеевки и перерезали путь к Назрани из Владикавказской крепости. Главный удар должен был нанесен по Назрановскому укреплению, заняв которое Шамиль рассчитывал присоединить к себе Назрановское общество, откуда открывалась дорога на Владикавказ и Кабарду. В случае успеха, Шамиль мог отрезать сообщение Кавказской линии с Грузией. Ключевую роль в этих событиях играли ингуши, от позиции которых фактически зависел исход битвы за Назрань. 7 апреля 1841 г. ингуши, движимые чувством мести за сожженные селения на Сунже и Назранке, атаковали главные силы Шамиля и, после короткого ожесточенного боя, сбили их с высот и обратили в бегство. Атака ингушей была поддержана войсками и артиллерией Назрановского укрепления. Потери войск Шамиля в ходе наступления на Назрань согласно документам, составили до 60 убитых и 200 человек раненных. Потери российской стороны составили 15 человек убитых и 60 раненых. Большей частью – это были потери среди ингушей (назрановцев и карабулаков), из которых погибло 12 и было ранено 43 человека [13, с. 23]. В том числе, среди погибших числился старшина Курей Алиев – основатель селения Курей-юрт на р. Сунже, на месте которого в 1845 г. была основана станица Сунженская. Среди раненых в сражении были офицеры Бурсук Джамбулатов, он же Мальсагов, по имени которого названо селение Барсуки и Берд Мамиев (Коригов) – основатель селения Берд-юрт на левом берегу р. Ассы (Нестеровский аул).

В Петербурге дали высокую оценку боевому подвигу ингушей. По высочайшему указу императора Николая I, за оказанное «примерное усердие, преданность и храбрость» ингуши назрановцы первыми из народов Северного Кавказа были награждены Почетным военным знаменем, что являлось признанием их особых заслуг перед Российской империей. Также назрановские ингуши были освобождены от уплаты податей в казну [13, с. 24].

«Политика христианизации» и утверждение ислама. Обозначив в договоре с Назрановскими ингушами 1810 г. одним из главных приоритетов – не принимать ислам, который со времени шейха Мансура являлся идеологическим оружием горцев Северного Кавказа в их борьбе за независимость, российская администрация в лице командующих отдельным Кавказским корпусом и местных военных начальников, в частности Владикавказских комендантов, возобновляет деятельность по христианизации ингушей.

«Политика христианизации», принимавшая, в силу некомпетентности исполнителей на местах, насильственные формы, является одним из драматических сюжетов в истории Ингушетии периода Кавказской войны.

Первые попытки крещения плоскостных ингушей были предприняты еще в первые годы правления генерала Ермолова, в 1819 г. в его предписании на имя Владикавказского коменданта отмечалось, что *«народ Ингуши, будучи от природы кроткий и трудолюбивый, занимаясь скотоводством и хлебопашеством, не имеет никакой религии, кроме идолопоклоннических обрядов, а потому желая предупредить могущий последовать ему соблазн со стороны соседей мухаммеданского исповедания, относился я к преосвященному экзарху Грузии с тем, не рассудитли он послать туда одного или двух миссионеров, известных как поведением своим, так и отличными качествами, которые, находясь посреди самих Ингуш, или в близлежащих к ним Российским укреплениям, могли-бы примером кротости и благочестия открыть им учение Евангелия и присоединить их к православной Христовой церкви»* [17, с. 501]. Однако нежелание ингушей принимать христианство и неоднократные их обращения по этому поводу, вынудили Ермолова приостановить деятельность христианских священнослужителей в Ингушетии. В 1827 г. Ермолов в письме к управляющему министерством внутренних дел В.С. Ланскому сообщал, что он не мог допустить, чтобы ингуши из-за принуж-

дения к христианству решились бы покинуть Назрань и переселились в горные ущелья: *«не мог я не предвидеть, сколь неприятные последствия могли-бы произойти, если-бы народ сей – самый воинственный и мужественнейший из всех горцев, быв доведен до возмущения, решился удалиться в горы…»* [17, с. 479].

«Политика христианизации» в Ингушетии получает наибольшую активизацию в 1830-х гг., в период командования Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта Розена. Так, в 1834 г. пристав Назрановских ингушей Петр Гайтов и глава духовной миссии Шио Двалишвили, при покровительстве Владикавказкого коменданта полковника Широкова, применяют насильственные меры по отношению к жителям ряда ингушских населенных пунктов, применяя пытки и буквально силой навешивая кресты. Окрещенные таким способом, между тем, вносились в списки для отчетности перед экзархом Грузии и Санкт-Петербургом. Формально окрещенные жители ингушских поселений на р. Назранке, Камбилеевке и Малой Кабарде (селение Батако Акмурзиева) были разделены на четыре христианских прихода: Гайтский, Орасхановский, Османо-Шолхский и Узаховский [18, Л. 42-81]. Во второй половине 1830-х – начале 1840-х гг. ингуши неоднократно поднимают вопрос о прекращении насильственной христианизации и о дозволении окрещенным ранее ингушам перейти в ислам. В частности, такое прошение было подано большой депутацией ингушей, состоящей из 700 всадников, на имя военного министра А. Чернышева во время проезда его через Центральный Кавказ. Депутация имела встречу с военным министром 11 июня 1842 г. на месте вновь возводимого укрепления Волынского у Серали-юрта, где позже в 1845 г. будет основана станица Троицкая [19, Л. 3-6]. В январе 1843 г. ингуши подают прошение на имя командующего войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Гурко, в котором, как и в прошении, поданном на имя А. Чернышева, указывают все свои военные заслуги перед Россией, сообщают о том, что они верно служат ее интересам со времени принятия российского подданства, и при этом просят разрешить им принимать ислам. *«Мы в преданности своей Российскому правительству будем твердые, как и ныне, если будем магометанами»* – пишут в своем прошении назрановские ингуши [19, Л. 10-13].

В июне 1843 г. по настоятельным просьбам ингушей в Санкт-Петербург на встречу с императором Николаем I отправляется делегация из трех почетных старшин Назрановского общества прапорщиков Гайти Мальсагова, Чамыка Хашильгова и не имеющего чина Этти Мурзабекова. Их сопровождали корнет Есенов и переводчик Тотик Усков Долгиев. В прошении, поданном ингушскими старшинами императору Николаю I, первым из пунктов была обозначена просьба о «необращении их в христианскую религию и о дозволении принявшим уже христианство, обратиться вновь в магометанскую веру». Другие пункты касались следующих вопросов. О закреплении за ингушами грамотою занимаемых ими плоскостных земель и о возвращении им земли от Владикавказа между Тереком и Камбилеевкой до кургана Кременчук, которая им принадлежала во время заключения письменного акта с генерал-майором Дельпоццо в 1810 г. и позже была передана осетинам. Об освобождении их от платежа казенных податей и других налогов. О сохранении традиционного судопроизводства (норм обычного права) в отношениях между ингушами и соседними горскими народами. Об освобождении от ответственности за прохождение «хищнических партий» через их земли. О возвращении на родину соотечественников, высланных за разные преступления, в том числе, за нежелание креститься и попытки переселения на территорию имамата (в Чечню) [20, Л. 28-33].

Конечно, российская администрация не могла открыто разрешить пусть даже формально окрещенным назрановцам отказаться от официальной религии государства, каковой являлось православие, однако было принято решение прекратить любые насильственные меры и не требовать строгого соблюдения «христианами» религиозных обрядов. Таким образом, «политика христианизации» в плоскостной Ингушетии в 1840-х гг. постепенно сворачивается. В тоже время, несмотря на письменный акт 1810 г., в плоскостной Ингушетии к началу 1840-х гг. активно распространяется ислам и можно говорить о том, что к этому времени большая часть населения Назрановского общества уже были мусульманами. В 1839 г. Российская администрация на Северном Кавказе была вынуждена официально признать факт утверждения среди значительной части ингушей ислама, и параллельно с попытками создания системы управления «христианами» в виде церковных приходов, была вынуждена

идти на создание подобной системы управления мусульманами. Все их селения были разделены на четыре условных округа, для духовного управления которыми были избраны, при согласовании с Владикавказским комендантом, четверо мулл, из которых трое были ингушами – Тепсарук Осканов, Адыл Бекбулатов, Довлетука Ханакиев и один чеченец – Бекмурза Хусиков. Всего в этих четырех округах числилось 66 ингушских населенных пунктов, располагавшихся по рекам Камбилеевке и Сунже (назрановцы и карабулаки) [21, Л. 12, 13-15 об.]. Таким образом, с конца 1830 – начала 1840-х гг. процесс принятия ингушами ислама становится необратимым и очевидным фактом для российской администрации, что вынуждает ее отказаться от «политики христианизации» и прекратить деятельность православной миссии в плоскостной Ингушетии. Окончательное утверждение ислама в Ингушетии (в том числе, в горных обществах) приходится на кон. 1850-х – нач. 1860-х гг., в период активного действия в регионе суфийского шейха кадырийского тариката Кунта-хаджи Кишиева. Ингуши массово вступают в братство мюридов кадырийского тариката – вирда устаза Кунта-хаджи, охватившего все населенные пункты и общества Ингушетии.

Заключение. Вхождение Грузии в состав Российского государства в 1801 г., восстановление маршрута Военно-Грузинской дороги и российских укреплений на Тереке, в том числе, крепости Владикавказ вблизи ингушского селения Заурова (Заур-юрт), строительство Назрановского укрепления и Сунженской укрепленной линии, Кавказская война 1817-1864 гг. – все эти события переформатировали этнополитическую карту региона, внесли коренные изменения в жизненный уклад и расселение народов Северного Кавказа, общественно-политические и экономические отношения которых значительно трансформировались под влиянием Российской империи. Непосредственное влияние политика России этого периода оказывала на ингушей, расселявшихся на Центральном Кавказе, на стратегической территории, через которую проходили важнейшие коммуникации, связывающие Кавказскую линию с Грузией, Восточный Кавказ с Западным Кавказом. Плоскостная Ингушетия, вошедшая в состав России в 1770 году, к началу Кавказской войны представляла собой территорию прочного российского влияния, что было закреплено в письменном акте с Назрановскими ингушами 1810 г. Данный акт способствовал формированию своего рода форпоста России в виде Назрановского укрепления и буферной зоны из селений Назрановского общества, которые прикрывали Военно-Грузинскую дорогу и Владикавказ со стороны Северо-Восточного Кавказа.

Заинтересованная в сохранении лояльности ингушей, российская военная администрация на Северном Кавказе весь период Кавказской войны держала Ингушетию под особым контролем и предпринимала активные попытки обращения ее жителей в православие – государственную религию Российской империи. Таким образом, через сферу духовную предполагалось еще более сблизить ингушей с Россией, как ее последовательных политических и военных союзников на Центральном Кавказе. Эти меры для России представлялись тем более необходимыми, что среди ингушей в первой половине XIX века активное распространение получил ислам, который повсеместно, как на плоскости, так и в горах, вытеснял традиционные верования, представлявшие собой смесь языческих культов с остатками бытовавшего в средневековье в горной Ингушетии христианства. Значительная часть ингушей к концу 1830-х гг. уже считалась мусульманами, хоть и не строго соблюдающими каноны ислама, в силу отсутствия религиозных школ и малочисленности духовенства. Однако в среде ингушей под влиянием духовных лиц соседних Чечни и Дагестана получали определенное сочувствие идеи газавата и борьбы за независимость горцев Северного Кавказа. Восточные ингушские общества – галашевцы и часть карабулаков входили в зону земель, контролируемых имаматом Шамиля (т.н. Малая Чечня), и покорялись силой оружия. До начала 1850-х гг. в населенные пункты этих обществ, расположенных по Ассе и Фортанге, периодически предпринимались военные экспедиции. Также, только после военных экспедиций 1830-1832 гг. российское управление было введено в горных ингушских обществах, которые долгое время сохраняли свою обособленность и независимость от России, в отличие от плоскостных ингушей. Среди назрановских ингушей идеи газавата и борьбы за независимость не получили распространения, так как они в политическом отношении были прочно ориентированы на Россию. Поэтому именно Назрановскому обществу было суждено сыграть ключевую роль в период Кавказской войны и стать новым этнополитическим центром, вокруг которого чуть позже будут объединяться другие ингушские территориальные общества.

Литература и источники:

1. Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden // «Neue Nordische Beytrage», VII. St.Petersburg und Leipzig, 1796.
2. РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 10 а.
3. Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах / Сост. Л.М. Парова. Назрань, 1995. 245 с.
4. Акты собранные Кавказской Археографической комиссией / Под ред. Ад. Берже. Т. IV. Тифлис, 1870. 1113 с.
5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20156.
6. Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Краснодар-Армавир, 2004. 91 с.
7. РГВИА. Ф. 422. Оп. 1. Д. 1578.
8. «Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части подполковником Буцковским. 1812 г.» / РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 300.
9. Акты собранные Кавказской Археографической комиссией / Под ред. Ад. Берже. Т. VIII. Тифлис, 1881. 1009 с.
10. М.М. Картоев. История Назрановского укрепления (1810-1875 гг.): по документам и материалам коллекций Госархива Ингушетии // Назрановское укрепление: история и современность / Материалы научного семинара. ИнгНИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева, Магас, 26 сентября 2017 г. Магас, 2017. С. 26-38.
11. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. 273 с.
12. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии: в IV частях / Ред. А.С. Лепиев. III часть: Предгорная равнина Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. 224 с.
13. Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век: сборник документов и материалов / Сост., вступ. ст., примеч., указ. и др. М.М. Картоев / Государственная архивная служба Республики Ингушетия; Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Магас, 2014. 604 с.
14. Котиков С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России //
15. М.М. Картоев. Статистико-этнографические и административно-территориальные сведения об Ингушетии 30-х гг. XIX века (из рапорта Владикавказского коменданта полковника Широкого от 31 декабря 1838 года) // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. 2. Назрань, 2005. С. 92-109.
16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6265.
17. Акты собранные Кавказской Археографической комиссией / Под ред. Ад. Берже. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. 950 с.
18. ЦГИА Республики Грузия. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6551.
19. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 363.
20. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366.
21. ЦГИА Республики Грузия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4426.

Мамедов Анвар Фаттах оглу,
доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник
Института Истории имени А.Бакиханова НАН Азербайджана

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И НАРОДА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Аннотация: Во время формирования новой власти в регионах Азербайджана военные подразделения Красной армии и ее Особый отдел фактически контролировали ситуацию в них. После апрельского переворота формальная власть в Азербайджане была у коммунистов-мусульман, однако фактическое руководство находилось в руках Москвы, ее 11-й армии и Чрезвычайной Комиссии. Отмечается, что политика по конфискации имущества трудовых масс, сопровождающаяся фактическими грабежами и погромами, не могли не вызвать сильное недовольство со стороны населения. Произвол военных и советских властей вызвал волнения в разных регионах Азербайджана, в частности в уездах Ганджа, Гарабаг, Загатала, Джавад, Губа, Девечи, Лянкяран, Гейчай, Губадлы и Джабраил.

Ключевые слова: Азербайджан, большевистская Россия, Советская власть, восстание, Красная Армия, регион.

Осуществляемые Советской властью мероприятия – установление режима оккупации, подавление национального духа, проводимый социально-экономический курс стали причиной роста напряженности, недовольства населения в регионах Азербайджана. Эти недовольства, охватывавали все регионы Азербайджана, в результате чего повсеместно поднимались восстания против оккупации.

Прибывшие в начале мая 1920 года в Загатальский уезд части XI Красной Армии, приступили к самочинным обыскам в домах и предались элементарному грабежу. Как отмечалось в официальных документах того времени, несмотря на наличие уездного ревкома, реальная власть принадлежала армейским частям. При этом часто войска были расквартированы в жилых домах, командование же занималось продовольственными реквизициями и повальными арестами [9, л. 2–2 (об.)]. Особо преуспела, совместно с ЧК и Особым Отделом, в грабежах и насилиях над мирным населением Загатальского уезда отдельная кавалерийская дивизия под командованием П.В. Курышко. В письме революционного комитета Гахского участка, от 28 мая 1920 г., отмечался ущерб в 3 миллиона рублей, нанесенной кавалерийской дивизией, а также факты ареста, пыток и оскорблений Особым Отделом невинных людей [14, л. 52–53; 2, л. 3].

В конце мая – начале июня 1920 года советские войска, находящиеся в Азербайджане, были привлечены к подавлению антибольшевистских восстаний в Гяндже и Карабахе. Воспользовавшись этим обстоятельством, влиятельные общественные и духовные деятели Загатальского уезда – Хафиз Эфенди Мулла Рамазан оглу, Хаджи Гурбан Хаджи Ибрагим оглу, Шейхзаде Шейх Мулла, Магомед Шейх Ахмед оглу, Муслим Эфенди, Аслан бек Гардашов, Башир бек Галаджов и другие подняли народ против новой власти. Главнокомандующим повстанческими силами был избран Хафиз Эфенди, а его помощником – Хаджи Гурбан [3, л. 17–18]. Целью восставших являлось свержение советской власти в Закатальском уезде, изгнание красных войск и восстановление власти национальных сил.

Насчитывающие 3 тысяч человек повстанческие силы, 9 июня 1920 года захватили Загатальскую крепость. При этом малочисленные красные войска не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления повстанцам. Загатальский полк под командованием полковника Ахмеда Дибирова занял нейтральную позицию, а один из батальонов полка примкнул к восстанию. Находящиеся в крепости члены уездного ревкома были арестованы. Повстанцы объявили о низвержении советской власти в уезде. Был образован Особый Комитет Обороны Загатальского уезда во главе с Хафиз Эфенди, вынесший смертный приговор членам уездного ревкома, обвиняя их в измене родины [3, л. 18]. По указанию Хафиз Эфенди для предотвращения вероятного вторжения со стороны Грузии неприятельских сил были розданы оружия жителям селений, расположенных вдоль реки Алазань, а также дан приказ серьезно усилить охрану границы уезда [2, л. 6-7].

Для того чтобы предотвратить вероятную помощь повстанцам со стороны Грузии, Реввоенсо-

вет XI Армии предпринимал конкретные шаги. В телеграмме члена Реввоенсовета Тараскина, адресованной от имени председателя Кавказского Бюро РК(б)П Г.К. Орджоникидзе заместителю председателя Азербайджанского Революционного Комитета М.Д. Гусейнову заявлялось, что Азербайджанское правительство не должно допустить вмешательство Грузии в происходящие в Загатальском округе события и серьезно предупредить меньшевистское правительство за неминуемые последствия предпринятых и намечаемых ими шагов по данному делу [7, л. 1].

По полученным сведениям из Загатальского уезда, повстанческие силы собирались двинуться в сторону Евлаха, намереваясь соединиться с Карабахскими восставшими [4, л. 1]. Эти новости заставили красноармейское командование ускорить подготовку плана штурма Загатальской крепости с целью освобождения приговоренных к смерти членов уездного ревкома и восстановления советской власти. Командир II конного корпуса XI Армии В.Ф. Водопьянов, призванный руководить решающими операциями, вступил, согласно инструкциям, в Загатальский уезд 16-го июня. Член Азревкома Алиев был назначен помощником Водопьянова. Решающий бой между сторонами произошел 20-го июня. Сопротивление защитников крепости было подорвано. Переход имеющей стратегическое значение крепости под контроль красных частей фактически решил судьбу восстания. Потерпевшие поражение восставшие, покинув крепость, вынуждены были отойти в горы и леса. В донесении командования VII Кавказской дивизии сообщалось, что во время упомянутого боя красноармейцы потеряли около 30 убитыми и раненными; потери повстанцев были 10-кратно большими [5, л. 6].

Помимо упомянутых районов волна восстаний также затронула другие местности Азербайджана: в Нухе, Кубе, Кусарах, Хачмазе, Девечи, Джаваде, Ленкорани, Джабраиле, Зенгилане вспыхнули вооруженные антибольшевистские выступления, подавленные с огромным напряжением сил.

Грабеж и погромы со стороны солдат, отправленных после убийства двух красноармейцев жителями пункта Гарадонлу в села Молдай и Верхний Отузики с целью ареста виновных, становятся причиной начала волнений. Во время боев, происходивших 2–3 июня в селе Галагайын, оно несколько раз переходило из рук в руки. Направленный в связи с событиями по указанию Н. Нариманова в село Галагайын Алиев информировал, что около 200 трупов осталось на улице после боя и село полностью разрушено [10, л. 66].

Лишь после убийства Сарыхана Ширванлы главаря повстанцев на территории Ирана в начале января 1921 года удается временно стабилизировать ситуацию в уезде [10, л. 68].

Губинское восстание, охватившее Гусарский, Девечинский и Хачмазский населенные пункты уезда, начинается с событий в Кузуне 25 августа 1920 года. 4 сентября начинается широкомасштабная операция против кузунских повстанцев. Завершив 8 сентября операцию в Кузуне, красные части с захваченными пленными возвратились к вечеру в Гусар. Шестеро из пленных были расстреляны в Гусаре. Селение Кузун было уничтожено до основания [15, л. 76 (об.)].

Попытка правительства арестовать бывшего члена парламента Азербайджана, Хамдуллу Эфенди, привела к восстанию в Девечи. Вожди Девечинского восстания Хамдулла Эфенди, качаг Маил и Алибек Зизикли, обратившись к населению уезда, призывали их к борьбе. В ответ на этот призыв восстали также жители селений Чичи, Сюгат, Захрамли, Зейвы, Пирабадила и других деревень региона.

В Лянкеранском уезде произошли волнения под руководством Хусейна Рамазана, Шахверена, Гулама Тагиева и турецкого полковника Джамал бека. [16, л. 98]. По оперативной информации на начало октября 1920 года в распоряжении у Шахверана, долгое время сражавшегося в Зуванде, находилось 500 вооруженных людей [16, л. 116]. Хотя ленкоранские повстанцы смогли сохранить массовость борьбы против правительственных сил до начала 1921 года, постановление Азербайджанского Революционного Комитета о помиловании добровольно сдавшихся в срок до 5 апреля привело к затуханию восстания. [7, л. 88]. Шахверен, перебравшийся в Иран, продолжал некоторое время оказывать сопротивление, но позже был убит.

Во главе Гейчайского восстания, которое начиналось с небольших столкновений, вместе с местными влиятельными людьми, стояли и турецкие офицеры, которые были тесно вовлечены в подготовку мятежа. Повстанцы, свергнув Советскую власть в селах Истису, Чайковушан, Гулельдарбей, Мамедоглу, Топчу и других, создавали в них новые руководящие органы, назначая старшин, приставов и сотников. Местные коммунисты же спаслись бегством. [11, л. 38].

После введения дополнительных воинских сил восстание было подавлено.

В Джабраил-Зангиланском районе повстанческие группировки возглавляли Бахлул Эфенди Хаджи Мустафа Эфенди оглу, Гасим Чалаби, бывший начальник полиции района Губадли, Тахмас, Адиль Фархад оглу и Кабил Гасымов [13, л. 15]. Несмотря на то, что центром восстания являлись деревни Алиянлы и Халлыг, в течение короткого времени восстание распространилось на Машанли, Дагтумас, Ахмадли, Эфенди, Юсифбейли, Назанзами, Чифтумас, Галабилар и другие деревни.

В те годы в Азербайджане подпольно действовали партия «Мусават», «Иттихад-Ислам», «Халгчы» («Народник»), молодежная организация партии «Мусават», «Гяндж Азер» «Молодой азербайджанец»), «Исламская партия национальной обороны Азербайджана», «Азраиль Фиргеси» («Группа Ангела смерти») и другие.

Следует отметить, что после апрельского переворота некоторые партии объявили о своем роспуске и переходе на советскую платформу. Среди них наиболее известной была партия «Иттихад», до советизации республики выделяющаяся своей большевистской ориентацией [8, с. 57–58]. Однако дальнейшее развитие событий позволило «Иттихад» узреть истинную физиономию режима, осознать, что такие обещания, как освобождение мусульманского Востока от угнетения Западного империализма, независимость Азербайджана, марш-бросок в Анатолию для поддержки турецкого национально-освободительного движения и пр., носят декларативный характер. Избавившаяся от иллюзий «Иттихад» уже с июля 1920 года приступила к борьбе против режима. Сложились независимо друг от друга три группировки иттихадистов («Родина или Смерть», «Центральный Союз», «Безопасность Корана»). Эта партия была в первых рядах в борьбе с большевистским правлением в период 1920-1921 годов. «Иттихад», создавшая подпольные структуры в нескольких регионах Азербайджана, осенью 1920 года участвовала в подготовке заговоров и вооруженных выступлений против советских властей. Иттихадисты также наладили связь с Дагестаном, Ираном и Турцией, сумели разместить своих сторонников в различных государственных учреждениях и народных комиссариатах, а также раздобыли оружие и снаряжение в целях подготовки к общему вооруженному восстанию. Однако планы восстания «Иттихада» были раскрыты Особым отделением 11-й Армии в конце 1920 года. Этот отдел, присвоив судебные прерогативы, в январе 1921 года вынес приговор 155 иттихадистам. Четыре заключенных во главе с лидером партии Карабековым были отправлены в Москву, часть активистов были высланы в различные лагеря (Холмогоры, Рязань, Нижний Новгород), а другие были освобождены под залог [8, с. 18–21].

После подавления Загатальского восстания в 1920 году некоторые из повстанцев нашли приют в Грузии. Отдельные группы во главе с Хафизом Эфенди, Муслим Эфенди, Асланбеком Кардашовым и Баширбеем Галаджовым ждали удобного момента, чтобы начать новое восстание в районе Лагодехи, в приграничном с Загатальским уездом Грузии. Объединенная команда, состоящая из Баширбека Галаджова, Асланбека Кардашова, Хафиза Эфенди и Муслима Эфенди, вела переговоры с властями Грузии [6, л. 1]. В разведывательном отчете Красной Армии на август месяц говорилось, что скрывающаяся в Лагодехи «контрреволюция, одновременно подняв восстание в горной части Дагестана, намеревалась спуститься в Загатальский уезд и с распространением восстания на Агдаш должна была захватить железнодорожную станцию Лаки-Евлах, и прервать связи нашей армии с тылом» [1, л. 68].

Как известно, антисоветские силы, нашедшие приют на территории Грузии, пользовались всесторонней поддержкой и покровительством местных властей. Им оказывали содействие также некоторые круги иностранных государств с целю поднятия нового восстания в Загатальском уезде. В одном из сообщений того времени говорилось, в Тбилиси по инициативе англичан состоялась встреча с участием представителей Азербайджана, Грузии и Дагестана. На встрече также присутствовали лидеры Загатальского восстания Хафиз Эфенди, Асланбек Кардашов и Баширбек Каладжов. В данном совещании было решено организовать новые выступления против советских властей в Азербайджане и Дагестане с помощью Англии [12, л. 17].

Отсутствие связи между восстаниями в различных уездах Азербайджана, их разновременное начало, явились основными причинами поражения движения народного сопротивления против большевиков в первые годы Советской власти.

Литература и источники:

1. Архив Политических Документов Управление Делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР), ф. 1, оп. 1, дело 109. (4-1)
2. АПДУДПАР, ф.1, оп.1, д. 124 (1-6)
3. АПДУДПАР, ф.1, оп.231, д. 19 (1-7)
4. АПДУДПАР, Копийный фонд, д. 317 (1-9)
5. АПДУДПАР, Копийный фонд, д. 329 (1-11)
6. АПДУДПАР. Копийный фонд, дело 330. (4-5)
7. АПДУДПАР. Копийный фонд, дело 351. (3-13)
8. Буниятов З. Красный террор (на азерб. языке). Баку: Азернешр, 1993, 331 с. (4-6)
9. Государственный Архив Азербайджанской Республики, ф.27, оп.1, д. 684 (1-2)
10. ГААР, ф.27, оп.1, дело 685. (3-2)
11. ГААР, ф.27, оп.4, дело 20. (3-4)
12. ГААР, ф. 27, оп. 4, дело 25. (4-7)
13. ГААР, ф.27, оп.4, дело 42. (3-7)
14. ГААР, ф.410, оп.1, д. 72 (1-5)
15. ГААР, ф.2095, оп.1, дело 19. (3-11)
16. ГААР, ф.2484, оп.1, дело 62. (3-12)

Парова Л.М.

ИЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КАВКАЗСКОГО КРАЯ ИСТОЧНИКОВ О ПРИСОЕДИНЕНИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЦЕЛИ, СОСТАВ ПУБЛИКАЦИЙ, ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ И НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация: Предлагаемая Вашему вниманию статья представляет собой обзор изданий о присоединении Северного Кавказа к России, принятых правительственными учреждениями Кавказского края во второй половине XIX–нач. XX вв. – Кавказской археографической комиссией, Военно-историческим отделом Штаба Кавказского военного округа, Управлением Кавказского учебного округа, Горским (позже Военно-народным) управлением.

Ключевые слова: обзор, издания, источники, правительственные учреждения, публикации, Северный Кавказ, рапорты, всеподданнейшие донесения, хроники кавказских войск, журналы военных действий, этнографические материалы.

Annotation: The article to your attention is a review of publications on the accession of the North Caucasus to Russia, undertaken by government agencies of the Caucasus region in the second half of the XIX–beg. XX centuries – Caucasian Archaeographic Commission, Military-historical department of the Headquarters of the Caucasian Military District, Office of the Caucasus School District, Gorsky (later Military People) management

Keywords: overview, publications, sources, government agencies, North Caucasus, reports, most authentic reports, chronicles of the Caucasian troops, military journals, ethnographic materials.

XIX век имел для России особое значение – набирающее силу российское государство вошло в число ведущих держав мира.

В этот же период в основном завершился и процесс складывания России как колониальной империи – в XIX веке в состав Российского государства вошли Кавказ и Средняя Азия. Особенность Российской колониальной империи заключалась в том, что она не владела и, судя по всему, не стремилась владеть заморскими территориями [1, с.317].

Традиционно процесс присоединения Кавказа к России историками подразделяется на два этапа: первый, относительно мирный – насчитывает несколько столетий вплоть до 1816 г., второй этап – это собственно Кавказская война (1817-1864 гг.), целью которой было присоединение к России Северного Кавказа.

Второй этап начинается с назначения Ермолова рескриптом Александра I от 6 апреля 1816 года командующим Отдельным Грузинским (позже Кавказским) корпусом. Кроме того, Ермолов также был назначен главноуправляющим гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, и в то же время чрезвычайным и полномочным послом России в Персии [3, с. 189-193]. Таким образом, Ермолов был облечён более обширными полномочиями, чем его предшественники.

Политика России на Кавказе до Ермолова носила двойственный характер. С одной стороны, периодически проводились военные экспедиции в горы с целью покорения либо устрашения горцев. С другой – налаживались мирные отношения с горскими владетелями, они поступали на российскую службу, служили связующим звеном между российскими властями и горскими народами. Назначение Ермолова было связано с изменением политики России на Кавказе – российский царизм вплотную приступил к завоеванию Кавказа. Мирные отношения с независимыми народами Северного Кавказа в этот период шли вразрез с геополитическими интересами Российской империи.

Началась Кавказская война, длившаяся практически полвека – с 1817 по 1864 годы (последние очаги сопротивления адыгов на Северо-Западном Кавказе были погашены несколько позже). В этой войне огромной Российской империи, с хорошо организованной, оснащенной самым современным для своего времени оружием, вдохновленной недавней победой над считавшимся непобедимым Наполеоном Бонапартом, противостояли разрозненные, плохо вооруженные, не имевшие никакой реальной внешней поддержки, горские народы Кавказа.

Сразу стоит отметить, что рассмотрение вопросов Кавказской войны не является задачей автора – в данной статье эти вопросы будут затронуты лишь в той мере, в какой это необходимо для характеристики публикаторской деятельности правительственных учреждений Кавказского края, созданных с целью издания как источников по истории завоевания Кавказа, так и источников по социально-политической истории, географии, геологии Кавказа, а также этнографии кавказских народов.

Общими целями рассматриваемых изданий были как идеологическое обоснование присоединения Кавказа к России, так и изучение края с политической, экономической, социальной точек зрения для лучшего использования его в экономических целях.

Названные цели и определяли, как состав отбираемых для публикации источников, так и интерпретацию их содержания в предисловиях и комментариях. Впрочем, научно-справочный аппарат к издаваемым источникам был, как правило, минимальным.

В Кавказском крае во второй половине XIX–начале XX вв. одновременно несколько правительственных учреждений занимались выявлением и публикацией документов и материалов по истории Кавказской войны, материалов по этнографии и истории народов Кавказа.

Два из них – Кавказская археографическая комиссия, созданная при Главном управлении наместника Кавказа в 1864 году и Военно-исторический отдел, учреждённый при Штабе Кавказского военного округа в 1880 году – являлись, без преувеличения, крупными научными учреждениями края. Ими был подготовлен и издан в относительно короткое время огромный корпус исторических источников по истории Кавказа и присоединения Кавказского края к Российской империи.

Также изданием источников по истории, культуре, этнографии народов Кавказа занимались и другие учреждения Кавказского края: Управлением Кавказского учебного округа было предпринято еще одно крупное издание – «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа», Горское (позже Военно-народное) управление с 1868 по 1881 годы издавало «Сборник сведений о кавказских горцах».

М.О. Косвен в обзоре материалов по этнографии Кавказа отмечает: «…Во всяком случае число издававшихся на Кавказе периодических изданий, сборников и т.д. нельзя не признать весьма внушительным. Ничего подобного в таком смысле не знали Средняя Азия, Сибирь, Поволжье, Север…» [2, с. 279].

Особое место среди названных учреждений занимает Кавказская археографическая комиссия.

Кавказская археографическая комиссия была учреждена при Главном управлении наместника Кавказа в марте 1864 года и действовала вплоть до 1917 года – она была упразднена в числе других учреждений царского правительства на Кавказе.

Перед комиссией были поставлены следующие задачи: «1) тщательный разбор архивных документов, любопытных в каком-либо отношении…и обнародование их отдельными выпусками по мере извлечения из дел материалов; 2) составление подробного исследования о политическом развитии в здешнем крае гражданского управления под русским владычеством» [4].

К решению второй задачи комиссия, скорее всего, и не приступила – во всяком случае, никакими сведениями об этом автор не располагает.

Кроме того, Кавказская археографическая комиссия предприняла попытки организации в Кавказском крае архивов, но реальных результатов эта деятельность не имела.

Подготовленное ею издание – «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею» – состояло из 12 томов in folio – в переводе на обычный формат научных изданий это составляет около 100 томов по 50 п.л. в каждом. Был подготовлен к изданию 13-й том, но издан он не был. Этот поистине титанический труд был выполнен совершенно незначительным штатом сотрудников и выполнен великолепно, о чем свидетельствует неувядающий интерес к этому изданию по сей день.

Создание комиссии при Главном управлении наместника Кавказа обеспечивало постоянный контроль за ее деятельностью: была создана Поверочная комиссия, осуществлявшая непосредственную цензуру подготовленных к изданию рукописей томов; ограничены хронологические рамки издания, отбор лиц для работы в комиссии был весьма строгим.

Акты Кавказской археографической комиссии представляет собой богатейшее собрание источников по истории Кавказа в основном с конца XIV века до сер. XIX вв. В издание включены и

ценные источники и за более ранний период – арабские хроники 922 г., фирманы и другие жалованные грамоты X-XIV вв.).

Источники по истории Кавказской войны составляют подавляющую часть опубликованных в издании документов: это приказы, рапорты, всеподданнейшие донесения, предписания, извлечения из журналов военных действий, документы о проведении отдельных военных экспедиций с целью покорения горских народов и другие источники.

Документы бесстрастно свидетельствуют о жестокости карательных военных экспедиций, имевших целью наказание горцев за отстаивание ими своей независимости; показывают осуществление колониальных планов России во вновь присоединяемых землях: выселение горцев с их исконных земель на плоскости с целью основания линии казачьих поселений и др.

После Кавказской археографической комиссии в ряду правительственных археографических учреждений Кавказского края, безусловно, стоит Военно-исторический отдел Штаба Кавказского военного округа. Отдел был учрежден в январе 1880 года [5]. Назначение отдела состояло в следующем: «1) в собирании и издании материалов – а) для истории Кавказской войны и б) для истории частей войск Кавказской армии; 2) в разборе архивов Кавказского военного округа» [6].

В дальнейшем задачи Военно-исторического отдела, и, прежде всего, издательская, значительно расширились.

Издательская деятельность отдела была весьма успешна: 32 тома «Кавказского сборника», статистические сведения и сборник фотодокументов – в качестве приложения к историческому исследованию с тенденциозным «говорящим» названием – «Утверждение русского владычества на Кавказе», 6 томов материалов для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре», Хроники кавказских войск с 1765 по 1908 гг., 32 описания истории частей войск Кавказской армии.

Разумеется, идеологическая направленность изданий отдела очевидна. Но она не умаляет значения изданных отделом сборников документов и отдельных публикаций как источниковой базы истории Кавказского края и населяющих его народов, истории Кавказской войны, войн России с Персией и Турцией в конце XVШ – XIX вв.

Параллельно с публикаторской деятельностью отдел занимался обследованием военных архивов Кавказского края и организацией в Тифлисе Кавказского военно-исторического музея. Военно-исторический отдел являлся единственным в своём роде учреждением при окружных штабах и выполнял фактически те же задачи, которые были возложены на местные отделы Русского военно-исторического общества, что подтверждается его научными связями с названным обществом и Военно-исторической комиссией Главного штаба. Кроме того, отдел оказывал помощь в поисках необходимых для работы источников историкам, писателям. Так, в 1902 году, по просьбе Л.Н. Толстого Военно-историческим отделом была выполнена работа по выявлению архивных документов о деятельности наиба Шамиля – Хаджи-Мурата, которые были использованы писателем при написании его известной повести «Хаджи-Мурат» [7].

В последние годы деятельности – годы Первой мировой и Гражданской войн – отдел занимался в основном сбором и описанием документов о военных действиях на Кавказе.

Горским (позже Военно-народным) управлением с 1868 по 1881 годы издавался Сборник сведений о кавказских горцах (всего было издано 10 выпусков). Издание сборника осуществляло второе «судное, с учебной частью», отделение Горского управления [8].

«Сборник сведений о кавказских горцах» содержит этнографические и исторические очерки, источники по истории кавказских горцев, в основном XIX века. В сборнике были опубликованы также работы ученых из горских народов – А. Омарова, Ч.Ахриева, Дж.Шамаева.

Ещё одно крупное издание – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» было предпринято Управлением Кавказского учебного округа. Основной установкой сборника было создание монографических описаний отдельных местностей Кавказа [9].

Этнографические, исторические, лингвистические материалы, опубликованные в сборнике, впервые открывали читателю самобытную культуру горцев.

К сожалению, в названии этого ценного сборника проявилось высокомерие основателей издания: народы Кавказа названы «племенами», при этом для самих составителей было очевидно, что культура этих «племен» уходит вглубь тысячелетий. Это наглядно подтверждают включенные в сборник ценные этнографические материалы.

Вероятнее всего, что и в данном случае стави-

лась задача обоснования неизбежности для народов Кавказа их подчинения Российской империи – термин «племена» в таком случае как бы объясняет эту неизбежность.

За 1881-1914 гг. было издано 44 выпуска. Издание было прервано в связи с началом Первой мировой войны.

Примечательно, что в советское время – это издание продолжалось некоторое время: – в 1926 и в 1929 годах Ассоциацией Северо-Кавказских краеведческих организаций и Дагнаркомпросом были изданы 45 и 46 выпуски.

Таким образом, можно отметить, что в Кавказском крае во второй половине XIX – начале XX вв. осуществлялось издание документальных, нарративных, этнографических источников, что свидетельствует об интенсивном развитии в крае в этот период археографии.

Однако необходимо отметить, что сосредоточение публикации источников в руках правительственных учреждений, безусловно, определяло их идейную направленность – научно-справочный аппарат к публикациям носил вполне официально-охранительный характер.

Тем не менее, значение рассмотренных изданий для изучения политической и социальной истории, а также культуры народов Кавказа трудно переоценить. Не удивительно, что практически все эти издания сегодня представляют собой библиографическую редкость.

Литература и источники:

1. См.: Всемирная история. М.: ЮНИТИ, 1997, с.317.
2. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. // Кавказский этнографический сборник. Т.Ш. М., 1962. с.279.
3. Лесин В.И. Генерал Ермолов. М.: Вече, 2011. с. 189-193.
4. ЦГИА Грузии, ф.8, оп.1, д.4136, лл.1-2.
5. Приказ по Кавказскому военному округу от 16 января 1880г. № 29.//Приказы по Кавказскому военному округу за 1880 год. Тифлис, 1880.
6. ЦГИА Грузии, ф.1087, оп.1, д.13, л.22об.
7. ЦГИА Грузии, ф.1438, оп.1, д13, л.2.
8. ЦГИА Грузии, ф. 545, оп.1, д.998, л.87.
9. Циркулярное предложение попечителя Кавказского учебного округа. 14 марта 1880 г. //Циркуляры по управлению Кавказским учебным округом за 1880 год., № 4.

Шукуров В. К.,
диссертант Азербайджанского Государственного Педагогического Университета
Азербайджанская Республика, г. Баку

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР С 50-60 ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация: В 50-60-х годах XX века изменение производственных отношений было необходимо для достижения развития производительных сил. Необходимы были фундаментальные реформы во всех сферах жизни общества. Однако реформы, направленные на смягчение режима, являлись неполными: не затронув основы существующей политической структуры и, наоборот, пытаясь сохранить ее, привели к провалу социальных реформ, направленных на улучшение условий жизни населения, что поставило под вопрос будущее развитие общества.

Ключевые слова: Азербайджан, город, деревня, частное хозяйство, бытовая служба.

С середины 50-х годов XX в. начался процесс распада сталинской тоталитарной системы и обновления общества. Изменение производственных отношений стало необходимостью для достижения развития производительных сил. Была необходимость фундаментальной реформы во всех сферах жизни общества. Предпринятые меры привели к некоторым изменениям в социальной и культурной жизни населения. Анализ показывает, что в 50-60-х гг. в стране были достигнуты значительные успехи во всех областях социокультурного строительства, созданы новые социокультурные сферы. Позитивные изменения в экономике повлияли на социальный состав населения и уровень потребительского спроса.

За этот период значительно увеличилось количество городов и поселков городского типа. В начале 1959 г. количество городов в Азербайджане по сравнению с предыдущими годами достигло 15, а количество поселков городского типа 37. Важные меры были приняты для улучшения жилищных условий населения. Всего за 3 года (1956-1959 гг.) государственные кооперативы построили и сдали в эксплуатацию 1 188 000 м^2 жилой площади [12, с.240].

Всего за счет государственных средств было построено и введено в эксплуатацию 18 школ на 6756 учащихся, 21 детский сад и 16 яслей на 169 коек. За счет колхозов и их усилий было построено 90 школ, в которых могли разместиться 14 479 учеников... [11, с. 414-415].

Однако отсталость в области образования не была полностью устранена. Выступая на республиканском собрании интеллегенции в 1960 году, Вели Ахундов отметил проблемы школьной системы и тот факт, что в Баку существовала система из трех смен. В таких районах, как Имишли, Пушкин и Саатлы, школьницы составляют лишь 9-10% из 7-10 классов, и есть случаи брака девочек в возрасте от 14 до 15 лет [4, л. 163].

В справке к Центральному Комитету Коммунистической партии Азербайджана (ЦК КП Азербайджана) от 13 ноября 1962 года, касающемся выполнения решения ЦК КП Азербайджана и Правительства Республики «Об улучшении общественных услуг», также стоит на последнем месте [7,лл.76-89].

В 1964 году на душу бытовое обслуживание в СССР составляло 7,18 рубля, тогда как в Азербайджанской ССР он составлял 4,40 рубля [7, л.89]. Министерство бытовых услуг и его предприятия не могли обеспечить население надлежащими услугами [7, л.76].

В горных районах уровень культурно-строительных работ был крайне низким. Сотни сел были опустошены, а население мигрировало в города республики. Это было связано с непереносимостью социально-экономического положения горных регионов... Построенные дома (хрущевки, железобетонные панели) тоже были непригодными. В деревнях спрос на электроэнергию был очень низким. Сотни деревень были лишены доступа к энергии [11, с. 417-418].

Среди причин недостаточного обеспечения потребительского спроса населения, в первую очередь стояло медленное развитие торговли и социальных услуг. Во многих деревнях не было магазинов. Материально-техническая база предприятий торговли и общественного питания была очень слабой [9, с. 90].

С 1 марта 1951 года в газете «Коммунист» было опубликовано постановление Совета Министров СССР. Хотя указ о снижении цен на широко потребляемые товары, особенно продукты

Показатель бытовых услуг населению за 1965 год [7, т. 89]

№	Союзных республик	Рубл.	№	Союзных республик	Рубл.
1.	Эстонская ССР	14,07	9.	Армянская ССР	5,54
2.	Латвийская ССР	13,65	10.	Таджикская ССР	4,74
3.	Литовская ССР	8,6	11.	Киргизская ССР	4,70,
4.	Р СФСР	7,63	12.	Казахская ССР	4,61
5.	Молдавская ССР	6,17	13.	Узбекская ССР	4,59
6.	Грузинская ССР	6,06	14.	Азербайджанская ССР	4,40
7.	Украинская ССР	5,93	15.	Туркменская ССР	3,92
8.	Белорусская ССР	5,85		Средний показатель по СССР	7,18

питания, оказывает положительное влияние на доходы населения[8], положение населения в целом оставалось низким. По данным Министерства госбезопасности, обеспечение населения было не на хорошем уровне. Во многих городах есть «черные рынки», где продолжалась спекуляция дефицитными товарами. Несмотря на то, что рынок, который назывался «Кубинка», где собрались спекулянты был закрыт два года назад, еще по-прежнему работает нелегально. Здесь можно найти все, чего нет в магазине. Интересно, что все это происходит перед глазами милиции... [3, л. 11].

По состоянию на 1 ноября 1968 года в республике насчитывалось 4444 села. Число деревень с 10 семьями составляет 5% от общего числа, 12% деревень с 11-25 семьями, 21% деревень с 26-50 семьями, 15% деревень с 50 до 70 семьями, 76 от 11 до 100 семей жили в деревнях, от 100 до 100% [1, с. 50].

По состоянию на 1 января 1969 года сельское население республики составляло 2 433 000 человек, или 49% населения, проживало в 60 административных районах, 4359 населенных пунктах, расположенных очень далеко друг от друга [1, с. 12].

Одной из основных причин этого была неадекватная оценка перспектив экономического, социального и культурного развития районов в конце 50-х годов, когда разрабатывались схемы планирования регионов. Отчуждение к экономическому и социально-культурному развитию так называемых «бесперспективных» деревень привело к тому, что люди постепенно покидали такие деревни. Только в 1964-1984 годах в республике было ликвидировалось 464 села [9, с.297]. Этому процессу способствовал Указ Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР в июне 1954 года во всех районах республики, где были объединены и расширены колхозы и сельские Советы, а изменения в административно-территориальных границах сельских Советов привели к распаду деревень. и способствовали разрушению как деревень, так и сельскохозяйственного сектора [13, с.118].

Важной областью сельского жизнеобеспечения была работа в частных приусадебных хозяйствах. Общественные хозяйства не могли полностью удовлетворить спрос населения на продукты питания. Создание частных хозяйств в сельских семьях было объективной необходимостью, особенно в контексте углубления разделения труда, специализации хозяйств по регионам … Эти частные хозяйства производят основную часть национального дохода страны: продукты, производимые здесь и потребляемые населением, сыграли важную роль в восстановлении и воспроизводстве рабочей силы для организации общественного производства. Частные хозяйства сыграли значительную роль в формировании доходов и потреблении сельских семей [9, с.323].

В соответствии с решением ЦК КП Азербайджана и Совет Министров Азербайджанской ССР от 19 мая 1962 года, для домашних хозяйств работникам и служащим, проживающих в сельской местности выделено 0,15 га (включая строительные площадки), а по решению на 14/26 ноября 1963 года для подсобных хозяйств колхозникам выделено 0,25 га земли, в том числе площадь застройки [14, лл.26-27].

Согласно постановлению Верховного Совета Азербайджанской ССР от 12 августа 1963 года, граждане, не являющиеся членами колхозов, проживающие в сельской местности, городах, рабочих поселках и других населенных пунктах, могут иметь в личной собственности скот на одну семью не более: а) одной коровы (буйволицы), одной головы молодняка крупного рогатого

скота, не считая молодняка отела текущего года; б) одной свиноматки с приплодом до двух месяцев или двух свиней на откорме; в) трех овец и коз старше года, не считая приплода, а при отсутствии коровы или свиньи – не свыше пяти овец и коз старше года, не считая приплода, 10 пчелиных семей [10 с.125]. В каждом районе, за исключением горных районов, каждая семья колхозника (колхозный двор) может иметь в личной собственности: одну корову (буйволицу), одну голову молодняка крупного рогатого скота, не считая молодняка отела текущего года, 5 овец и коз или свиней, 30 птиц, 1 пчелиную семью, а в горных районах, каждый колхозник одну корову (буйволицу), одну голову молодняка крупного рогатого скота, не считая молодняка отела текущего года, 10 овец и коз или свиней, 20 пчелиных семей, неограниченное количество птиц, одного коня, осла или мула. [10 ,с 125]. Принятие этого закона создало дефицит продуктов питания. Государство было вынуждено смягчить этот закон. 12 января 1965 года Верховный Совет Азербайджанской ССР принял новый указ о правилах содержания домашнего скота в частной собственности граждан, не являющихся членами колхозов [6, лл.8-9].

Таким образом, возникшие социально-экономические трудности привели к социальным осложнениям. Количество безработной молодежи увеличилось. Все чаще наблюдается тенденция паразитического образа жизни, пьянство, азартные игры и наркомания среди молодежи [9, с. 325]. Происходил приток людей из сельской местности и даже из районных центров республики в города являющиеся основными промышленными центрами. Мало того, что население переезжает из деревень в крупные города республики, но даже в массовом порядке покидает республику. Власти усмотрели причину происходящего в этих селах как отсутствие перспективы и в рассеянном поселении населения. На самом деле, социальные последствия были связаны с ограничительной политикой, направленной на упразднение крестьянских подсобных хозяйств и в уничтожении его интереса. Отъезд молодежи из республики, привел к изменению соотношения полов. В результате увеличение числа девушек привело к неприятным последствиям в семейно-бытовых отношениях [9, с. 325].

Ускорение городского потока и нехватка рабочей силы в селе создали серьезные трудности при уборке урожая. Власти под видом различных субботников мобилизовали работников образования, студентов и школьников, а также работников здравоохранения, заставляя их выполнять сельскохозяйственные работы во время сбора урожая. Поскольку это происходит каждый год, интерес студентов в области науки и образования снижается, что приводит к росту менее образованной интеллигенции, что ставит под вопрос будущее развитие общества.

В условиях низкой заработной платы обычные граждане ищут дополнительные источники дохода для того, чтобы выправить свое экономическое положение, пытаясь заниматься частным хозяйством. В районах люди пытались кормить свои семьи, занимаясь содержанием крупного или мелкого домашнего скота, различными ремеслами (каменщик, плотник, маляр и.д.) или занимались мелкой торговлей. Граждане неохотно работают в колхозах и совхозных хозяйствах в сельской местности, чтобы заниматься частной работой под разными предлогами избегая работы. Работники промышленности используют различные справки о «болезни», вынуждены избегать работы и искать доход [5, л.16].

Сотрудники номенклатуры были вовлечены в коррупцию и взяточничество, чтобы жить хорошо. 6 апреля 1952 года – заместитель министра государственной безопасности Каримов в справке в адрес I секретаря ЦК КП Азербайджана Багирова Мир-Джафара, предоставил список из 83 человек, большинство из которых не соответствовали своим доходам, но которые состоятельны и являются должностными лицами.[2, лл. 169-139]. В июле 1963 года на заседании девятого пленума ЦК КП Азербайджана I секретарь В. Ахундов сообщил о росте взяточничества. В. Ахундов сообщил, о раскрытии взяточничества в жилищно-хозяйственных управлениях, отдельных судах и правоохранительных органах, председатель исполнительных комитетов районных советов, сказал, что они были привлечены к уголовной ответственности [5, лл.26 – 29; 262-263]

Таким образом, отсутствие индивидуальной инициативы, обязательность общественного труда, отсутствие дополнительных источников дохода, и присущая социалистическому обществу идея равного распределения материальных благ сделала условия жизни невыносимыми. Необходимы были фундаментальные реформы в обществе. Однако реформы, направленные на смягчение режима, являлись неполными, не затрагивая основы существующей политической структуры

и, наоборот, пытаясь сохранить ее, привели к провалу социальных реформ, направленных на улучшение условий жизни населения, что поставило под вопрос будущее развитие общества.

Литература и источники:

1. Ахундов В. Завтрашний день в Азербайджанской деревне Баку: Азернешр, 1969, 65 с. (На азербайджанском языке)
2. Архив Политических Документов Администрации Президента Азербайджанской Республики (ARPİİSSA) Фонд 1 список. 38, дело. 169
3. ARPİİSSA, ф. 1, список. 38, дело. 208/33
4. ARPİİSSA, ф.1, список. 47, дело. 430
5. ARPİİSSA, ф.1, список. 50, дело. 2
6. ARPİİSSA, ф.1, список. 52, дело. 17
7. ARPİİSSA, ф.1, список. 52, дело. 90
8. Газета «Коммунист», 1 марта 1951 г. № 58 (8543) (На азерб. языке)
9. Гафаров Т. Образ жизни сельского населения Азербайджана: деформация общечеловеческих и национальных ценностей (1960-1990) Баку: Наука, 1991.408 с. (На азерб. языке)
10. Заседания Верховного Совета Азербайджанской ССР 5-го созыва. 10-я сессия (Стенографический отчет) Баку: Азернешр, 1963, 148 с (На азерб. языке)
11. История Азербайджана в начале XIX – XXI веков: лекции для вузов / (Е .Б. Мурадалиева и.др.) Баку: БГУ, 2010. 543 с. (На азерб. языке)
12. Махмудов К. Общественная жизнь Азербайджана в 50-е годы XX века // Известия Бакинского Университета. Баку: 2004 №4 (На азерб. языке)
13. Мусаев М. Парламент и крестьяне за 100 лет (1905-2005) Баку: «Нурлан», 2008, 272 с (На азерб. языке)
14. Фонд Государственного Архива Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд. 2941, список 7, дело. 1140

Эминова М.А.,
диссертант Института Истории им.А.А.Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана,
старший преподаватель Шекинского филиала Азербайджанского
Государственного Педагогического Университета
Азербайджанская Республика, г. Шеки

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА С РОССИЕЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация: В статье рассматриваются торговые центры, играющие главную роль в торговых отношениях Азербайджана с Россией в средние века. Эти центры, находившиеся на Северном торговом пути, наряду с ролью передачи пунктов, также приносили большую прибыль своему государству и основывались на взаимной выгоде. В статье все эти средневековые процессы освещены на примере конкретных фактов.

Ключевые слова: Волго-Каспийская водная магистраль, Северная торговля, Хазарский каганат, Дербент, Бакинский порт, Ниязабад.

Начиная с раннего средневековья, азербайджано–русские торговые отношения велись с Азербайджаном и с Халифатом, в том числе и с Багдадом, проходя через Азербайджанские земли по пути Дон-Волга-Каспий. Эти связи осуществлялись по пути, проходившем по северной части Кавказа и названным Северный путь.

В VIII–IX вв., хотя и Италия играла роль посредника в торговле Европы с Востоком, альтернативой этому была Северная торговля, основными направлениями которой были Днепро-Черноморская и Волго-Каспийская водные магистрали.

С VIII в. Северный путь имел две основные ветви. Одна из них – западная ветвь – проходя через Северный Кавказ, Византию и Восточную Европу доходила до государства франков. Вторая торговая магистраль, связанная с Северным Кавказом, была выходом на рынок Халифата. Этот путь простирался до юга. Путь к югу также делился на две ветви. Одна из них – Дарьяльский переход, знаменитый в древний период как Аланские ворота. Этот переход был расположен на землях аланов. Другая – известный Дербентский переход, расположенный на западном побережье Каспийского моря [1, с.114–116]. Укрепление этих переходов считалось одним из важных задач во взаимоотношениях великих держав того периода. Посредством этих переходов русские поддерживали связи с известными торговыми центрами Востока.

В VII–IX вв. торговые операции между северо–восточными областями Европы и мусульманским миром, а также ранние и самые полные сведения о торговле мехом, отражены именно в арабских источниках. Из этих сведений понятно, что если в раннем средневековье пути на север, проходившие через Волгу и ее ветви были в руках у булгар, то пути по побережью реки Дон и ниже Волги были под влиянием Хазарского каганата [5, с. 126]. Находясь на перекрестке важных торговых путей, Хазарский каганат сыграл большую роль в международной торговле. Для хазар, пытающихся сохранить посредническую роль, мирные отношения с Халифатом, несомненно, были важны. Однако торговая конкуренция в раннем средневековье также сопровождалась и военными операциями. Но уже в конце VIII – начале IX вв. стабилизируются и водные и караванные направления Волго-Каспийской и Днепро–Черноморской торговли, что подтверждается в источниках [5, с. 127].

Арабский автор Ибн Хордадбек, давший первые сведения о северной торговле, в рассказе о северной торговле уделяет особое внимание русским и называет их народом от «саклабов», а также сообщает, что они торгуют мехом и мечами [8, с. 39], а их до «Румского моря» привозят из дальних уголков страны «саклабов». Они отдают дань византийцам, также увозят товар вверх по реке Дон до города хазаров – Хамлыдж, здесь оплачивают хазарскому царю налог одну десятину и потом по Каспийскому морю движутся в его южные берега. А здесь выгрузив свои товары могут отвезти их на верблюдах до Багдада [1, с. 134; 8, с. 41].

Русские создавали отношения с Азербайджаном, в основном с торговыми центрами, находившимися на Кавказе. Одним из них был город хазаров – Саркел, расположенный на Северном Кавказе. В пределах VIII–X вв. торговые маги-

страли, начиная от центров Ближнего Востока, проходя через Кавказ, доходили до нижней Волги, а оттуда в хазарскую крепость Саркел, где реки Волга и Дон максимально приближаются [1, с. 128]. Хазарский город Саркел играл роль ключевого пункта, где пересекаются разные маршруты. Основными торговыми товарами были меха, рабы, воск, мускус, рыбий клей и другие продукты северных народов.

По сведениям другого арабского автора Ибн аль-Фагиха (IX в.) город Самкус / Самкарс, расположенный на берегу Черного моря, также играл роль основного посредника в торговле. Прибывшие в этот город русские торговцы затем плавали через Азовское море и реку Дон, а иногда легко переносили свои лодки с Дона на Волгу и присоединялись к маршрутам Каспийского моря [5, с. 127].

Столица Хазарского каганата – город Самандар – располагался на торговом пути соединяющим Поволжье и Восточную Европу с Востоком. Несмотря на перенесение столицы каганата на север в город Итиль под давлением арабов в 30-х гг. VIII в. (104 г. по хиджри – 723 г. по григорианскому календарю), Самандар сохранил свою важность как порт до середины X в. и считался основным центром торговли. Итиль именно через Самандар сохранил торговые отношения с Южным Кавказом и Курканом. От Самандара до Итиля сушей было 7 дней пути [5, с. 129]. Начиная с середины VIII в. Итиль как столица, также превратилась в основной торговый центр хазаров. Славянские купцы в основном в X в. вели постоянную торговлю в городе Итиль и многие из них поселялись там же. Кроме Итиля также город Сакшин был важным торговым центром.

Одним из центров северной торговли был также Дербент (в арабских источниках – Баб аль-Абваб). Город Дербент долгое время смог сохранить свое значение как в качестве центра ремесла и торговли, так и в качестве порта. Основными товарами экспорта Дербента были льняные ткани, красный краситель, шафран [4, с. 85]. Большинство арабских географов дают широкие сведения о деятельности Дербента как порта. Арабский автор X в. аль-Масуди пишет, что из страны Буртас в Дербент и Барду привозят очень ценные товары – черные меха, шкуры самур, а также шкуры лисиц [10, с. 384]. Азербайджанские города, упомянутые в источнике, вели торговлю с рядом стран, также с Киевским государством, и являлись активными участниками мировой торговли.

Из сведений авторов последующих периодов видно, что большую роль в торговле области, по Каспийскому морю сыграл город Абаскун. Аль-Истахри и Ибн Хавгал описали маршрут Абаскун – Итиль следующим образом: Абаскун – Куркан – Табаристан – Дейлем – Джилань –Арран –Мугань – Ширван – Баб аль-Абваб – Самандар – Итиль. От Абаскуна – важного города области Куркан – до Багдада простирался торговый путь [5, с. 129]. Неслучайно, что один из ранних походов русских в 880 г. был направлен в Куркан и население было ограблено [7, с. 531]. Абаскун до XII в. оставался одним из первых портов Каспийского моря.

В IX – XII вв. магистралью Северо-Южных торговых отношений опять же были Волго-Каспийский и Днепро-Черноморский водные пути. Но с образованием государства Саманидов караванные направления в торговле снова начали приобретать актуальность. Основными конкурирующими силами в северо-южной торговле были Халифат, Киевское княжество, Хазарский и Булгарский каганаты, Саманиды. Из-за того что Киевское княжество и Саманиды были новыми силами, их амбиции превосходили других. Государство Саманидов, хотя и на короткое время, было самым сильным политическим единением Центральной Азии, также претендовало на ведущую роль в трансконтинентальной торговле, так как было расположено на пересечении караванных путей Запад-Восток, Север-Юг. А Киевское княжество ещё не сформировалось как классическое государство, и борьба их за международные торговые пути и пункты, в основном напоминала набеги для захвата добычи. Хотя и Киевское государство не было классическим государством, но оно стало силой, влияющей на ход будущей истории Восточной Европы. А Хазарское и Булгарское каганатства контролировали самые короткие и выгодные морские пути на Север: пути по Волге и её ветвям находились в руках у булгар, а пути, идущие вниз от Волги – у хазар. Дербент и Баку, являвшиеся важными западными портами Каспийского моря, были под властью местных азербайджанских династий, вышедших из покровительства Халифата ещё в IX в., а караванными путями Поволжья управляли Саманиды.

Начиная с конца IX в., усиление походов славян к региону выявило новые препятствия для Волго-Каспийской торговой магистрали. Так, в 965 г. самые важные порты Каспия - Итиль и

Самандар были разрушены в результате похода Киевского князя Святослава. После этого торговля мехом в основном велась через Новгород - Булгария [6, с. 36]. В 969 г. Булгария тоже была разграблена славянами.

В XIII–XV вв. после завоевания монголами Северного Кавказа и контроля над русскими территориями, государство Золотая Орда начало контролировать северную торговлю [9, с. 33]. Феодалы Золотой Орды были заинтересованы в развитии торговли, так как получали налог «бахыш» от торговли. В этом периоде в торговых взаимоотношениях России и северных государств усилилась роль таких Азербайджанских городов как Шамаха, Дербент, а во второй половине XV в. – Баку. Однако иногда политическая напряженность между монгольскими государствами оказывала свое отрицательное влияние и на торговлю [9, с. 253].

В 1395 г. в результате победы Эмира Теймура над Тохтамыш ханом в битве у Терека, государство Золотая Орда ослабло. В период управления Улуг Мухаммеда, в 1437 г., Золотая Орда распалась. А это стало причиной окончания 300-летней «опеки» татар и усиления Московского княжества. К середине XV в. усилился интерес Московского государства к южным границам [1, с. 86]. Здесь привлекало Россию два фактора – стратегическая, военно-политическая важность Каспия и отсутствие военного флота местных Прикаспийских государств. Это могло считаться дополнительным дивидендом для Россиии, которая географически близка к Каспийскому морю**.** А с другой стороны, порты как Дербент и Баку обеспечивали доступ для России к Персидскому заливу и Индийскому океану.

В 1554 г. Иван IV присоединил к России Казань, а в 1556 г. – Астрахань. Попадание Поволжья под власть Русского правительства в результате покорения Астрахани, стало причиной перехода в руки русских Северного пути, являвшегося самой использованной дорогой мировой торговли, и расширению России в Кавказском и Туркестанском направлении.

В XVI–XVIII вв. торговыми центрами, расположенными на Волго–Каспийской торговой магистрали, были азербайджанские города: Шамаха, Баку, Ниязабад, Дербент, а также Астрахань, Тарков, Кизляр, расположенные на Северном Кавказе. В азербайджано-русской морской торговле Астрахань и Баку особо отличались. Суда, плывущие из Астрахани в Азербайджан, продавали или же производили обмен товаров в Дербенте, Ниязабаде, Баку, Сальяне, Джаваде и др. портах. Астрахань, известная как важный торговый порт и большой город своего времени, расположенный на выходе Волжского торгового пути к Каспийскому морю, играла важную роль и в торговых отношениях не только Азербайджана, но и других государств Кавказа и Передней Азии с Индией и другими странами. Этот порт был главным связывающим звеном России с Восточным рынком. Из Шамахи, Дербента, Ургенча, Таркова и других городов в Астрахань приезжали купцы или же их представители для переговоров об условиях торговли [11, с. 10-11]. Наряду с тем, что в XVI–XIX вв. Астрахань играла роль центра в торговле Кавказа с Передней Азией, Ирана с Индией, в дальнейшем также носила функцию порта, по перевозке бакинской нефти в Россию.

В Волго-Каспийской торговле одним из важнейших портов был также город Ниязабад. Ниязабад, расположенный на берегу Каспийского моря, находившийся в 14 км к востоку от Хачмаза, начиная с XVI в. играл важную роль в отношении Азербайджана с соседними государствами через море, а также с Россией. Торговый путь, начинавшийся с юга Азербайджана, переходя через этот порт, доходил до Дербента [9, с. 33].

В источниках сведения о Кизляре даются с XVII в. Этот центр на Волго-Каспийском торговом пути наряду с тем, что являлся центром торговли, также был стратегически важным объектом.

В начале XVIII в. начался новый этап в торговых отношениях Азербайджана с Россией. Основная цель Петра I, превратившего Россию в империю, была вести торговлю по Волго-Каспийскому водному пути со странами Востока, добиться посредничества России в торговле между Востоком и Западом. Наследники Петра I в периоды своего правления добились этих целей.

Благодаря своему выгодному географическому и геополитическому положению Северный Кавказ сыграл огромную роль в торговле Азербайджана с Россией на протяжении всего средневековья. В таких городах как Дербент, Итиль, Самандар, Ниязабад, Абаскун, Саркел, Астрахань, Шамаха, Барда, расположенных на Днепро-Черноморском, Волго-Каспийском водных магистралях и караванных путях, проводились торговые операции, что основывались на взаимной выгоде. Страны, участвующие в торговле, получали огромные прибыли от торговли. Результатом

этого стало то, что к концу средневековья Кавказ превратился в точку узла интересов соседних государств и Западной Европы.

Литература и источники:

1. Асадов Ф.М. Хазары и Азербайджан. Баку. «Наука и образование», 2018. С. 240. (на азербайджанском языке)
2. Ашурбейли С. Б. История города Баку. Баку. «Аврасия пресс», 2006. С. 416. (на азербайджанском языке)
3. Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX века. Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. №1. С.15–19.
4. Гезалова Е.Х. Международные торговые отношения Азербайджана в IX-XII века. Баку. «Наука», 2005. С. 160. (на азербайджанском языке)
5. Гезалова Е.Х. Торговые отношения Евразии в средние века. Баку, 2012. С. 295. (на азербайджанском языке)
6. Дживелегов А.К. Торговля на Западе в средние века. Санкт-Петербург: Изд.-во АО «Брокгауз-Ефрон», 1904. С. 223.
7. Дорн Б.А. О походах древних русских в Табаристан. Санкт-Петербург: [б.изд.], 1875. С. 718.
8. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран/ Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку. Элм, 1986. 428 С.
9. Пириев В. З. Азербайджан в XII-XIV веках. Баку. «Нурлан», 2003. С. 458. (на азербайджанском языке).
10. Шарифли М.Х. Феодальные государства Азербайджана во второй половине IX – начале XI века. Баку. 2013, С. 398. (на азербайджанском языке)
11. Штылко А. Астраханская торговля в старину. Астрахань. 1909. С. 98.

КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Ахмедов А.Х.,
доктор философии по истории, Азербайджанского Государственного Педагогического Университета
Азербайджан, г. Баку

«БАКУ-ДЖЕЙХАН» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ И РОССИИ

Аннотация: В статье исследуются некоторые вопросы (актуальная для Азербайджана транспортировка азербайджанской нефти на рынки мира и др.), связанные с внешней политикой Турции и России. Автор статьи уделил особое внимание нефтяной стратегии руководства Азербайджанской Республики, энергетическим проектам, претворенным в жизнь на южном Кавказе, взаимоотношениям России и Турции в этом геостратегическом регионе. Автор статьи отметил исключительную роль магистрального нефтепровода «Баку-Джейхан» в укреплении независимости и в обеспечении достойного места Азербайджанской Республики в мировом сообществе. В статье отмечаются и российско-турецкие отношения 90-х гг. XX века. Азербайджанская Республика была одновременно объектом и активным субъектом международных отношений, занимала важное место в этой системе.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, Российская Федерация, Турецкая Республика, энергетическая стратегия Азербайджана, Баку-Джейхан, Лукойл.

После распада Советского Союза взаимоотношения между государствами кавказского региона вступили в новый этап развития. Эти отношения стали более сложными и богатыми. Этот этап можно оценить как переходный от острого соперничества к интенсивному сотрудничеству после завершения «холодной войны» во внешней политике.

В Кавказском регионе появились новые стратегические концепции России и Турции: усилилось значение процесса сотрудничества между двумя государствами. После «холодной войны» под влиянием глобальных и региональных, внутригосударственных изменений в отношениях между этими государствами наступил процесс существенных изменений. Например, позиция Турции имеет особое значение для России в деле обеспечения многополярной международной системы, создания препятствий влиянию Запада на Кавказе и в Евразии. В свою очередь Россия является важным партнером Турции в области глобального и регионального сотрудничества.

В турецко-российских отношениях энергетическая проблема одновременно носит характер соперничества и сотрудничества. Примерами турецко-российского сотрудничества в области энергетики являются соглашение о транспортировке советского газа в Турцию, подписанное в 1984 г. между СССР и Турцией и турецко-российское соглашение о газопроводе «Голубое течение», подписанное в 1997 г. Следует упомянуть также проект «Южное течение» и проект «Голубое течение-2» который в результате ухудшения турецко-израильских отношений потерял ныне свою актуальность. Одним из значительных примеров турецко-российского энергетического сотрудничества является проект, созданный на основе энергетической стратегии Азербайджанской Республики и успешно развиваемый ныне Россией, Турцией, Азербайджаном.

Следует иметь виду и то обстоятельство, что российско-турецкое энергетическое сотрудничество создает для Азербайджана определенные проблемы, а также предоставляет ей некоторые дивиденды. Российско-турецкое энергетическое сотрудничество в рамках проектов «Южное течение» и «Турецкое течение» является альтернативой собственным энергетическим проектам Азербайджана и оказывает определенное негативное влияние на энергетические проекты, которые доставляют свои энергетические ресурсы на европейские рынки. Сотрудничество также создает благоприятное условие для реализации нового проекта «Голубое течение-2», предусматривающего транспортировку газа в Израиль, и оно способствует тому, что в ближайшим будущем у Азербайджанской стороны появится новый проект - соперник.

С точки зрения дивидендов Азербайджана следует отметить два момента: во-первых, российско-турецкое энергетическое сотрудничество создает условия для уменьшения российского давления на совместные перспективные азербайджано-турецкие проекты; во-вторых, это сотрудничество ускорило интеграцию Азербайджанской Республики в мировое сообщество.

Процесс этот в первые годы конкуренции оставался для России не удачным и безрезультатным. Однако последующие годы вновь повысилась роль России в мировой политике. Наконец Запад вновь начал считаться с Россией. Правящие круги России знали, что энергетическая дипломатия является одним из основных факторов мировой политики, а такая дипломатия опирается на авторитет и силу страны, стремящейся к достижению стратегических целей, а для достижения заветных целей следует активно сотрудничать с соседними странами.

Энергетическая дипломатия и ныне является составной частью внешней политики официальных кругов России. В начале мая 2002 г. Министр Иностранных дел России Игорь Иванов в заявлении журналу «Мировая Энергетическая Политика», являющемуся органом Московского Института Международных Отношений, отметил, что энергетическая дипломатия занимает одно из важных мест во внешней политике Российской Федерации [1].

Вначале Россия выступала против этого проекта, создав препятствия для его реализации. Однако, вскоре политика России изменилась и официальные круги даже отменили запреты на компании, которые хотели участвовать в этом консорциуме [2]. Отметим также и то, что ПАО «Нефтяная компания „Лукойл“» является заметной российской компанией, имеющей в Азербайджане очень широкую структуру. Россия включилась в этот проект с целью завоевания геополитического преимущества в Каспийском бассейне. Поэтому Россия старалась активизировать нефтепровод «Баку-Новороссийск» и «Баку-Супса» альтернативно нефтепроводу «Баку-Джейхан».

Отметим, что основой политики Турции в Каспийском секторе даже при поддержке Запада является энергетической коридор Восток-Запад. Увеличение значения «Северной Линии» как первого этапа и поддержка этой линии странами Запада были показателями амбиций России на международной арене.

Приход В.В. Путина к политической власти России и «события 11 сентября» 2001 г. заложили основы политики сближения России и Запада. В.В. Путин сохранил верность традициям внешней политики России – «Энергетической дипломатии». Вообще сравнивая основные принципы внешнеполитической деятельности Б.Н. Ельцина и В.В. Путина можно утверждать, что в современную эпоху произошли коренные изменения во внешней политике России от военной опасности до энергетической уверенности. Если в период правления Б.Н. Ельцина во внешней политике России важное место занимала система обороны страны, то в годы президентства В.В. Путина основу этой политики занимает «Энергетическая дипломатия».

В это время на передний план были выдвинуты два проекта, которые в основном служат главным целям внешней политики России. Однако эти проекты были тесно связаны также с новой стратегией Азербайджана. Первым проектом было «Голубое течение». Этот проект имеет жизненно-важное значение для России [3]. В последнее время этот проект звучал в Евразии как «основа российско-турецких отношений», который министры иностранных дел Российской Федерации и Турецкой Республики Игорь Иванов и Исмаил Джем разработали в Нью-Йорке – «план совместной деятельности» [4]. По этому плану предусматривалась также их совместная деятельность на евразийском пространстве. Таким образом, Россия, являющаяся заметной военно-политической силой в регионе, начала выдвигать свои условия и в области энергоресурсов. Официальные круги России не хотели оставаться в стороне от грандиозных проектов в регионе, имеющих огромное экономическое значение.

С приходом В.В. Путина во внешней политике России на авансцену вышла экономическая политика, опирающаяся на энергоресурсы огромной страны и региона. Такая внешняя политика России вновь актуализировала проблему нефтепроводов, и наступил новый этап экономического соперничества различных государств в этом регионе.

Однако после «событий 11 сентября» 2001 г. положение в Евразии изменилось, в некоторых политических кругах России вновь сформировалась мнение в пользу нефтепровода «Баку-Джейхан». Одной из главных причин этого изменения стала одна из крупных авторитетных компаний

России – «Лукойл». Следует отметить и другие причины:

– присоединение к основной экспортной линии нефтепровода «Баку-Джейхан» новых и крупных западных компаний;

– обнаружение новых богатых залежей нефти в секторах Каспийского моря, относящихся к России и Казахстану;

– возрастание роли России в ряде стран мира, добывающих нефть, и появление в связи с этим потребности России в новых терминалах для экспорта нефти;

– быстрое увеличение нефтяных ресурсов «Лукойла» и «ЮКОСа», являющихся нефтяными магнатами России, способность линии «Баку-Новороссийск» выполнить транзитные потребности и повышение интересов российских компаний к нефтепроводу «Баку-Джейхан».

Именно эти факторы стали причиной положительных изменений в правительственных кругах Российской Федерации и нефтяных компаниях страны. Однако эти изменения были встречены негативно и появились препятствия. Вначале руководство России запретило участие российских компаний в проектах. Прения между Россией и Турцией по энергетическим проектам вновь разгорелись после пресс-конференции организованной вице-президентом «Лукойла» 1 ноября 2001 г. Так, он отметил, что Россия должна изменить состояние недоверия, связанное с Турцией с энергетическими проектами, необходимо присоединить нефтепровод, открывающий у Белого моря линию «Баку-Джейхан», в противном случае Россия должна обеспечить возможность транспортировки российской нефти в Новороссийске Черным морем по линии «Одесса-Броди» до Чехии, Венгрии, Словакии и Югославии. Он заявил, что если и это не произойдет, то российская нефть не дойдет до западных рынков [5].

После этой пресс-конференции президент «Лукойла» В. Алекперов, побывавший в Баку заявил, что его компания будет участвовать в «Баку-Джейхан» с долей 7,5%. Через 4 дня после этого заявления (11 сентября 2002 г.) президент Российской Федерации В.В. Путин встретился с В. Алекперовым и обсудил с ним ряд энергетических вопросов, включая «Баку-Джейхан» [6]. Он отметил, что эта политика связана с экономической действительностью. Даже для претворения этого решения в жизнь В.В. Путин счел нужным выявить отношение российского правительства к этой проблеме. А правительство России заявило, что оно поддерживает доставку энергоресурсов Каспия на западные рынки различными средствами, но не хочет, чтобы эти средства принесли вред интересам России. В. Егоров отметил, что проект «Баку-Джейхан» для передовых стран имеет, прежде всего, политическое значение. Он утверждал, что основная проблема, которая возникает у стран связанных с этим проектом, будет заключаться в этом, какими путями будет доставлена нефть и это определится геополитическими понятиями страны. «То есть, если северное направление ведет к понятию гегемонии под Южными соседями», это может стать в секторе решающим фактором. В. Егоров отметил, что Западное направление, протягивающееся до Турции, может завершиться с утверждением гегемонии США в Каспийском море, а также может стать помощником в интеграции в систему мировой экономики и международных отношений.

Мысли, связанные с энергетической политикой, сильнее проявились в официальных политических кругах России. Они были выдвинуты в заявлениях Министра Иностранных дел РФ Игоря Иванова в мае 2001 г. [7]. В этом заявлении И. Иванов отметил, что даже если это не подходит нам с экономической точки зрения Россия разрешит своим компаниям присоединиться к проекту «Баку-Джейхан» [8]. Президент Азербайджанской Республики Г.А. Алиев, побывавший 24-27 января 2002 г. в Москве с целью подписания Габалинского соглашения, отметил, что «Энергетическая политика была на повестке дня и превратилась в одну из тем переговоров между главами государств» [9].

Вместе с «Лукойлом» другая нефтяная компания России – «ЮКОС» также близко интересовалась нефтепроводом «Баку-Джейхан». Так глава этой компании Михаил Ходорковский в своем интервью агентству «Рейтер-с» заявил, что он поддерживает «Баку-Джейхан» и намерен взять долю 12,5% и включиться в состав этого консорциума [10].

Поддержка Западом Турции в проекте «Баку-Джейхан» состояла в «организации отстранения России от деструктивной политики». Несмотря на это официальные круги России и другие передовые государства мира готовились получить свои прибыли от этих проектов. Даже российские издания сформировали вокруг этого вопроса определенные общественные мнения. В одном из них было отмечено, что вопросы, связанные с проектом «Баку-Джейхан», в правительствен-

ных кругах России уже решены. В российском обществе была также информация о том, что некоторые силы вышли опять против этого проекта. С ноября 2001 г. были заявления против основного нефтепровода «Баку-Джейхан», 15 апреля 2002 г. помощник президента «Лукойла» Д. Челоянц на конференции посвященной проблеме энергоресурсов и проведенной в Лондоне, заявил, что «Лукойл» не присоединится к проекту «Баку-Джейхан». За 4 дня до этого заявления, во встрече В.В. Путина с руководителем «Лукойла» В. Алекперовым была выражено отношение к проблеме участия этой компании в этом крупном энергетическом консорциуме [11]. Деструктивное заявление Д. Челоянца исходило из того, что глава государства, якобы пожелал пересмотра возвращения «Лукойла» к проекту «Баку-Джейхан». Однако это заявление не соответствовало действительности. Можно полагать, что отдельные силы в российском правительстве были намерены внести напряженность в отношения между Турцией, Россией и Азербайджанской Республикой. Российское правительство постоянно старается наладить двусторонние теплые отношения с Турцией и Азербайджанской Республикой.

В процессе присоединения «Лукойла» к проекту «Баку-Джейхан», кроме политической элиты Российской Федерации было необходимо получить согласие также и энергетического лобби, находящегося под контролем правительства. В этом вопросе «Лукойл» конкурировал с самой большой компанией России, занимающейся доставкой нефти – «Транснефть». «Транснефть» старалась доставить энергоресурсы Каспия на мировой рынок своими силами. В России была заложена основа нового геополитического этапа начавшегося с приходом В.В. Путина к власти. С этого времени Россия начала проводить политику сближения с Западом. В действительности это началось с «энергетической дипломатии», внесенной во внешнюю политику России В.В. Путиным. Анализируя внешнюю политику России можно увидеть, что в период правления В.В. Путина основу внешней политики России составляла «энергетическая дипломатия». Необходимо также отметить то, что среди целей Российской внешней политики на передний план вышли два проекта, непосредственно связанные с Турцией. Именно по этим проектам Россия проводила в жизнь «сотрудничество» с Турцией.

Таким образом, общий взгляд на систему международных отношений конца XX-начала XXI вв. свидетельствует о том, что Россия и Турция уже не являются соперниками, а сотрудничают во многих областях жизни, выступают в качестве заступников, союзников. Российская Федерация и Турецкая Республика и ныне являются ведущими государствами Кавказского региона, и на фоне международных отношений современности выступают как союзники.

Литература и источники:

1. http://www.wep.ru/arhiv/2002/2/364.shtml, 6 may 2002.
2. Реализуется проект Баку-Тбилиси-Джейхан // газета «Азербайджан», 26 ноября 2001 г. (на Азербайджанском языке).
3. «Лукойл» выступил в поддержку нефтепровода «Баку-Джейхан». http/www.vaalbiz.com/arxivmirnewc2.html, 7 сентября 2001.
4. Michael Lelyveld. Caucausus: Will Russia Lukoyl Join the Baku – Ceyhan. Popeline Porject // REE / RZ, 27 February 2002, p. 43.
5. Андрей Тсунский. Прекраснодушные проекты и интересы России // газета «Независимая газета», 1 декабря 2001 г.
6. Sergey Blaqov, Moskow Maneuvress Ahead of Caspian Summit / Eurasi Net, 22, nisan 2002.
7. Чернявский С.И. Новый путь Азербайджана. Москва: Морская гвардия, 2007.
8. «Баку-Джейхан» без денег “ЛУК ойл»а // «Ведомости», 16 апреля 2002, с. 52.
9. Sinan Oğan. Qabele Radar İstasionu: Biri Sözetyor // Stratejik Analiz, Cilt 2(23), 13 mart 2002, s. 70.
10. Valeriy Eqorov. Rusiya-Türkiye ilişkileri ve Hazar bölgesi // Jornal of İnternational Afforis. Son Bahar, 2002, cilt 6(28), s. 12-15.
11. Россия пока не приняла решение по вопросу об ее участии в строительстве нефтепровода “Баку-Джейхан”. РИА Новости, 26 декабря 2002 г.

Батчаев Ш.М.,
к.и.н., начальник отдела использования и публикации документов
Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики
Российская Федерация, г. Черкесск

ЭМИГРАЦИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 1880-Х ГГ.

Аннотация: Статья посвящена одному из важнейших событий в истории Карачая – первому массовому переселению жителей региона в Османскую империю в 1880-е гг. Впервые вводятся в научный оборот документы, позволяющие получить представление о причинах и ходе переселения, составе переселенцев, их местах размещения на территории Турции.

Ключевые слова: Российская Империя, Османская Империя, Карачай, мухаджирство, эмиграция, горцы, диаспора.

Вхождение горских народов Северного Кавказа в состав Российского государства, как известно, было длительным, сложным и, во многом, противоречивым процессом. Наряду с многочисленными положительными последствиями, он, естественно, имел и отрицательные. Одним из таких, без преувеличения, трагическим, последствием, стала эмиграция значительной части горцев в Османскую империю.

В той или иной степени, мухаджирство (именно этот мусульманский термин чаще всего используется по отношению к горской эмиграции), затронуло все народы Северного Кавказа. Проходившее в несколько этапов, оно привело к значительному изменению этнополитической обстановки не только в регионе, но и в местах нового поселения.

На современном этапе кавказская диаспора Турции, зачастую именуемая, в целом, «черкесами», успешно адаптировалась в турецкое общество. Часть потомков эмигрантов, сохраняющая представление о своей национальной идентичности, в последние годы получили возможность для развития своей этнической общности, создания центров культуры, издания СМИ на родных языках.

Истории переселения большинства горских народов в Османскую империю посвящены научные работы региональных исследователей. Имеются такие работы и по эмиграции карачаевцев. Однако имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы позволяют, на наш взгляд, значительно расширить представление о данном процессе в Карачае.

Переселение карачаевцев в Турцию, согласно полевым данным, началось сразу после присоединения региона к Российской империи в результате военной экспедиции под командованием Эммануэля в 1828 г. Отдельные группы горцев, судя по архивным данным, покинули родину во второй половине 1860-х гг., после окончания Кавказской войны, последовав за волной мухаджиров из Западного Кавказа (адыгов и абазин).

Мощное переселенческое движение развернулось в Карачае в 1873 г., которое имперская администрация, не заинтересованная в эмиграции карачаевцев, смогла остановить лишь проведением репрессивных мер против руководителей переселенцев.

Однако, в 1880-е гг. эмиграционные настроения стали вновь набирать силу. По мнению чиновников имперской администрации, стремление горцев к выселению в Турцию появилось под влиянием слухов «о привлечении туземного населения Кавказского края к всеобщей воинской повинности» [2, л. 243]. Однако, естественно, что это был лишь повод, вызвавший переселенческие настроения. Основными же были социально-экономические причины (малоземелье горцев, невнимание к нуждам мусульманского населения со стороны органов власти и т.д.). Свою роль играл и общий общественно-политический климат в российском обществе, который в период правления императора Александра III, ознаменовался ущемлением прав национальных меньшинств (в частности, мусульман), проявлениями русификаторской политики и т.д.

Официальное разрешение на переселение в Турцию было дано еще в 1883 г., однако, на деле, этот процесс растянулся на несколько лет. Обеспокоенные масштабом переселения, власти уже вскоре приостановили эмиграцию горцев. Об этом 22 октября 1884 г. было издано соответствующее предписание Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Подобная двойственность политики государства тяжело

отразилась на положении переселенцев. Как отмечал в мае 1885 г. начальник Кубанской области в своем письме вышестоящему руководству: «до этого распоряжения, многие горцы, получив разрешение на выезд в Турцию, распродали свои имущества и тем поставили себя в затруднительное положение… Положение горцев, готовых выехать в Турцию, по сие время, не выяснилось, что не может не отражаться на экономическом быте их и не затруднять самое управление ими» [1, л. 120].

Но, несмотря на бедственное положение горцев, власти не спешили разрешить переселение. Они ссылались на консула Османской империи, который настаивал на дозированной эмиграции, ибо места их будущего поселения не определены и те, что определены, не готовы принять горцев.

Около трех лет горцы Баталпашинского уезда (в частности, карачаевцы) находились в подобном неустойчивом положении и лишь осенью 1887 г. они получили возможность покинуть Кавказ.

В конце сентября 1887 г. начальник Кубанской области сообщил Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, что переселенцы – жители Баталпашинского уезда, в количестве 169 семейств (1790 человек), будут отправлены в г. Новороссийск для посадки на пароход Русского общества пароходства и торговли, который должен отплыть 21 октября к берегам Турции. Двигаться горцы должны были до ближайшей железнодорожной станции на своем транспорте, а оттуда – по железной дороге через г. Екатеринбург, под наблюдением и ответственностью Баталпашинской уездной полиции [4, л. 185].

Обратившись к приложенному к данному документу списку, мы можем получить представление о численном составе переселенцев из Карачая, их распределении по селениям, фамильно-родовой и гендерной принадлежности. Приведем данным по селениям:

Ташкепюр (Каменномост): Башчы Ортобаев (4/5 – указано число лиц мужского и женского пола), Курманкъыз Деккушева (2/3), Магомет Картлыков (2/5), Маил Картлыков (2/3).

Карт-Джурт: Теке Залиев (2/4), Зеке Ахтаов (13/8), Шмауха Хубиев (13/6), Крым-Гирей Ортенов (3/6), Алиюк-Хаджи Халкечев (10/9), Джумали-Хаджи Токов (3/2), Аслан-Мырза Кущетеров (5/3), Даут Гаджаев (5/2), Чотча Ортенов (3/5), Токошай Токов (3/4), Ахмат Боташев (4/6), Осман-Хаджи Ортенов (2/2), Алиса Кубеков (5/5), Идрис-Хаджи Ортенов (2/4), за смертью Мырта-за-Хаджи Хубиева сын его Якуб (9/10), Гаммак Джернесов (по семейному списку Умаров) (4/1), Караджаш Салпагаров (4/13), Баракъ Эбеккуев (5/4), Шонтукъ Гатаев (7/3), Исса Богатыров (по семейному списку Кукушай) (5/3), Умар Ахтаов (11/10). Эфенди Гюргокъа Токов (9/7), Узеир Гочияев (5/8), Хамзат Ахтаов (11/10), Магомет Азанчиев (по семейному списку Кумушчиев) (6/4), Паго Боташев (2/4), Курман-Али Батчаев (1/4).

Хурзук: Махай-Хаджи Кубанов (8/12), Кудент Кубанов (5/10), Зулкарнай Кубанов (5/4), Даулет-Герий Кубанов (6/5), Дагир Кубанов (10/7), Харун Кубанов (7/12), Даулет-Герий Мамаев (4/4), Нану Мамаев (1/2), Асланбек-Хаджи Кубанов (1/2), Шаухал Узденов (4/7), Аслан-Али Мамаев (2/3). Солтан Кубанов (4/5), Имам (Исмаил) Кубанов (5/3), Шогаиб Кубанов (10/11), Аслан Кубанов (3/5), Базай Темирболатов (1/1), Хусеин Боташев (13/10), Адиль-Герий Боташев (3/2), Джарашты Боташев (3/2), Али Боташев (6/3), Халил Боташев (3/3), Ахья Деккушев (3/3), Ислам Курманов (9/3), Крым-Гирей Кубанов (1/4), Огурлу Курманов (10/12), Каншау Чотчаев (3/3), Али-Солтан Кубанов (4/3).

Учкулан: Магомет Аджиев (2/4), Абучай Аджиев (9/7), Кудент Аджиев (9/9), Герий-Хаджи Аджиев (10/7), Темир-Али Аджиев (7/11), Ахья Акбаев (9/9). Джанукку Байрамкулов (2/7), Солтуй Байрамкулов (5/6), Юнус Джанибеков (4/2), Мазан Джанибеков (20/16), Гюргокъа Джанибеков (5/3), Солтан Дотдаев (12/10), Бек-Мырза Кубаев (5/7), Осман Семенов (5/2), Даут Саркитов (4/2), Мамсур Текеев (5/9), Курман-Бий Текеев (7/10), Магомет Текеев (4/5), Хасан Текеев (4/3), Джарашты Текеев (5/4), Бек-Мырза Эркенов (9/5). Чёппе Эркенов (10/8), Матай Эркенов (2/3), Каншау Эркенов (7/6), Харун Эркенов (3/4)

Дуут: Хусей Кочкаров (16/10), Якуб-Хаджи Кипкеев (12/12), Байрам Кипкеев (6/3), Рамазан Абайханов (5/5), Зеке Мыркаков (6/4), Ислам Кипкеев (5/11), Соппакъ Батчаев (3/6), Шабан (Шагъабан) Кочкаров (10/15), Аслан-Герий Кипкеев (10/19), Данакай Хаджи Абайханов (11/12).

Джегетей: семейство Шогая Кочкарова (3/4), семейство Магомета Темрезова (2/5).

Наверняка, по просьбам самих мухаджиров, основная их масса была поселена в провинции Сивас (северо-восточная Анатолия). Всего в нее было направлено 96 семей из Карачая. По селениям они распределились так: Ташкепюр – 4

семьи (10 мужчин / 16 женщин), Карт-Джурт – 27 семей (142/137), Хурзук – 28 семей (138/152), Учкулан – 25 семей (165/159), Дуут – 10 семей (84/97), Джегетей – 2 семьи (5/9). Всего – 1114 человек (544 мужчин, 570 женщин).

Небольшая группа переселенцев – 9 семей из с. **Теберди** (47/48, всего 95 человек) была направлена в провинцию Кония, расположенную в центральной Анатолии. Это были следующие семьи: Конали Болуров (5/3), Аубекир Болуров (6/6), Али Кумуков (2/3), Исхак Чотчаев (2/3), Сулеймен Байрамкулов (6/5), Эза Джатдоев (8/9), Герий Джатдоев (6/7), Гюргокъа Текеев (9/9), Токул Джанибеков (3/3).

Всего разрешение на выезд получили 105 семей из Карачая, составившие 1209 человек (591 мужчин, 618 женщин). Это составило более 67 % от общего числа мухаджиров из Баталпашинского уезда (1790 человек).

Отметим, что указанное число переселенцев обозначало тех из них, кто получил предварительное разрешение на выезд. Так как оформление эмиграции горцев затянулось на годы, количество горцев немного сократилось (по естественным причинам). Некоторым из них было запрещено покидать страну, т.к. они находились под следствием и судом. К примеру, главы обоих семейств из с. Джегетей Ш. Кочкаров и М. Темрезов, «как состоящим под судом», выезд не был разрешен. Семьи же, при желании, могли выехать без них за границу. Такая же участь постигла сына Т. Аджиева – Даута и сына Мамсура Текеева – Мырзабека из с. Учкулан, сына Ш. Гатаева – Эльмырза из с. Карт-Джурт, сына Д.-Г. Мамаева – Наиба из с. Хурзук. Односельчанин последнего, брат Ш. Узденова – Наиб оказался к моменту отъезда в Таганрогской арестантской роте и, естественно, был исключен из списка [4, л. 186-190].

Как видно из приведенного документа, количество мужчин и женщин в составе переселенцев было примерно одинаковым, с небольшим превышением числа первых.

Список подтверждает и тезис о том, что переселение шло, в основном, стихийно, обусловленное, зачастую, родственными связями. Так, из 28 семей переселенцев из с. Хурзук почти половину (13 семей) составляли представители рода Кубановых, а еще три семьи принадлежали к родственной этому роду фамилии Мамаевых. Еще пять семей принадлежало роду Боташевых. Из 25 семей, эмигрировавших из с. Учкулан, 15 принадлежали к трем фамилиям (Аджиевы, Текеевы, Эркеновы), каждая из которых представили пять семей.

В большинстве своем переселенцы, судя по фамилиям, принадлежали к сословию узденей (горских дворян), внушительным был и процент вольноотпущенников (бывших крепостных). Представителей аристократии (биев и чанка) среди эмигрантов практически не было.

Однако, часть карачаевцев желавших эмигрировать, не смогли этого сделать в связи с бюрократическими проволочками. Так, в своем прошении Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе жители с. Мара (населенного, в основном, освобожденными крестьянами) Калагери Хубиев и Джумук Гаджаев писали: «Вследствие предписания Баталпашинского уездного начальника в 1884 г. в ауле было произведено в ауле Маринском жребометание на увольнение горцев в Турцию из списочного состава 5/0, в числе которых и нам достался жребий на увольнение в Турцию. Почему наши общественные приговоры представлены уездному начальнику при прошениях с просьбой о ходатайстве об увольнении нас по доставшимся жребиям. При увольнении горцев в текущем году в Турцию мы таковым отпуском не воспользовались по неизвестным нам причинам. Неоднократно наши прошения, как к аульному старшине, так и к уездному начальнику оставались без внимания».

Такое же прошение написали и их односельчане Джашаркул, Джакку, Бийнегер Хубиевы, также не попавшие в основную группу переселенцев [3, л. 247-248].

По сведениям, собранным в диаспоре в 1990-е гг. д.и.н. З.Б. Кипкеевой, переселенцы первой волны («биринчи стампулчула») основали на новой родине несколько селений: Язылыкая, Клиса, Эрейли, Чиллехане, Арпаджи. В ряде селений (Долат, Чифлик-Кёу, Эмирлер, Эйрисоют) они проживали с мухаджирами из Балкарии, Кабарды и других регионов [5, с. 65-75].

Нужно отметить, что исход с исторической родины столь внушительного количества карачаевцев и их соседей по региону Верхней Кубани вызвали тревогу у российской администрации. Один из ее руководителей в своей записке, датируемой 1888 г., и посвященной горской эмиграции отмечал, что «часть горцев состоит из карачаевцев, беглых кабардинцев, частью ногайцев и некоторых других племен, отличающихся сравнительным благосостоянием, дорожащих своей

оседлостью и за последнее время значительно предавшихся земледелию, промышленности и торговле». При этом он подчеркивал, что «переселение этого элемента в Турцию, казалось бы, не желательно в самых видах правительства» [2, л. 63]. Во многом, в связи с этим, несмотря на регулярные обращения о переселении, оно было разрешено карачаевцам лишь спустя почти два десятилетия – в 1905-1906 гг.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что эмиграция 1880-х гг. стала первым массовым переселением карачаевцев в пределы Османской империи. Его основными причинами выступили социально-экономические и религиозные моменты. Российские власти первоначально активно противились выселению жителей Карачая и лишь под напором мухаджиров, были вынуждены разрешить им покинуть страну. В численном отношении первая волна переселенцев составила более 1200 человек (105 семей), что составляло около 5-6 % населения Карачая и более двух третей от общего числа переселенцев из Баталпашинского уезда. Основу переселенцев составили выходцы из трех крупнейших селений, известных как Большой Карачай (Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан), в то время как из недавно образованных селений т.н. Малого Карачая (Теберди, Ташкепюр, Джегетей) число переселенцев было весьма незначительно. Абсолютное большинство переселенцев – карачаевцев были размещены в провинции Сивас, и лишь мухаджиры из с. Теберды были направлены в провинцию Кония.

Литература и источники:

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф. 318. Оп. 2. Д. 1385.
2. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1570.
3. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1973.
4. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1436.
5. Кипкеева З.Б. Карачаево-Балкарская диаспора в Турции. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. -184 с.

Гараев Э.Т.,
ведущий научный сотрудник, доцент Института Истории
имени А.Бакиханова НАН Азербайджана
Азербайджан, г.Баку

БОРЬБА СОСЕДНИХ ГОСУДАРСТВ ЗА ИРЕВАНСКОЕ ХАНСТВО ВО ВРЕМЕНА ПРАВЛЕНИЯ ГУЛАМАЛИ-ХАНА [1783-1784]

Аннотация: Статья посвящена борьбе соседних государств за овладение территорией Иреванского ханства в годы правления Гуламали хана. Воспользовавшись молодостью и неопытностью Гуламали хана, Картли-Кахетинский царь Ираклий II, Османский дворец, Россия и правитель Хоя Ахмед хан начали борьбу за укрепление своих позиций в Иреванском ханстве. В этой борьбе победили Османский дворец и правитель Хоя, опиравшийся на него. Гуламали хан выразил и свое доверие. Однако Ираклий II опиравшийся на Россию не смирился с этим и решил физически устранить Гуламали хана. Его люди вместе с некоторыми местными чиновниками убили Гуламали хана в результате заговора.

Ключевые слова: ханства Иреван, Гуламали хан, соседние государства, борьба, заговор.

В начале 80-х годов XVIII века в Иреванском ханстве происходили волнения. Так, внезапная смерть Гусейнали хана вызвала большую суматоху в Иревани. Группа людей, воспользовавшиеся его похоронами, попыталась захватить власть. Следует отметить, что после смерти иреванского правителя у него осталось несколько сыновей. В османском документе указывается, что в то время как 15-летний сын Гусейнали хана Гуламали, занимался похоронами своего отца, один из местных вельмож Усми бей со своими сторонниками поднял восстание и захватил Иреванскую крепость [8, с. 74].

Однако в результате давления сил, верных покойному Гусейнали хану, силы, стремящиеся незаконно захватить власть, были вынуждены отступить. Два письма, отправленные одними и теми же силами Ираклию II в разное время, еще раз подтверждают это. Эти письма были предупреждением царю чтобы не вмешиваться во внутренние дела Иревани по вопросу о правопреемстве. В первом письме иреванцы заявили, что они будут верны покойному хану и не будут подчиняться никому кроме его потомков, поклялись, что они будут верны только одному из его наследников престола [3, с.57-58].

Второе письмо подписали 158 человек. В этом письме иреванские старейшины выразили свою поддержку кандидатуре Гуламали хана. В письме говорится о смерти Гусейнали хана от болезни, беспорядках в Иревани, и о прошении чтобы Ираклий II поддержал Гуламали, который будет избран ханом. В конце письма написано: «… просим вечной власти у Вашего Величества о том, что, исходя из Вашего дружественного и доброго отношения, которое вы подарили покойному Гусейнали хану, да будет его место в раю, согласно желанию народа этого края, Вы можете подарить и издать указ о переходе власти Чухурсада, Иревани высоко известному старшему сыну покойного. В то же время жители Чухурсада, Иревана просили повторное издание указа о подчинении и послушании сыну покойного» [3, с.113-114; 5, с.110].

Фактически, эти письма, отправленные Ираклию II, носили формальный характер. Так, из содержания обоих писем ясно, что силы, лояльные семье хана, четко заявили, что подчинятся только его наследникам, и поддержав кандидатуру Гуламали, привели его к власти до отправки делегации в Тифлисский дворец. Согласно вышеуказанному соглашению, любой из преемников Гусейнали хана, пришедший после него к власти, должен был быть подтвержден Ираклием II.

Но вполне вероятно, что верные хану люди обратились к Ираклию II с этой целью, чтобы предотвратить беспорядки в Иревани после смерти Гусейнали хана, и пользуясь этим, опасались вмешательства Картли-Кахетинского царя. Видя, что население Иревани поддерживает Гуламали – старшего сына покойного хана, Ираклий II вынужден был согласиться с их волей. Именно по этой причине он отправил зятя Багратиона с указом, ценными подарками в Иревань, заявив, что признал Гуламали ханом [7, с. 342; 10, с. 5; 11, с. 164; 1, с. 69].

Восьмимесячное правление Гуламали хана [1783-1784] – один из самых противоречивых периодов Иреванского ханства. В период его прав-

ления шла тайная борьба между Османским государством и российскими силами за укрепление своих позиций в ханстве. Эти два государства, воспользовавшись тем, что Гуламали хан был слишком молод и неопытен, пытались привлечь иреванского правителя на свою сторону. Если Гусейнали хан был нейтральным по отношению к обеим сторонам, то в период правления Гуламали хана Иреванское ханство еще более сблизилось с Османским государством. В этот период османская пропаганда на Южном Кавказе еще более усилилась. Некоторые из османских пашей, учитывая тот факт, что хан был молод и неопытен, поддерживали с ним тесные связи, обеспокоенные тем, что Ираклий II захватит Иревань. Прибывшие в связи со смертью его отца представители Эрзурумского, Карсского и Баязидского пашалыков, воспользовавшись возможностью, провели переговоры с Гуламали ханом [6, с. 285].

С другой стороны, Османский дворец продолжал посылать своих эмиссаров в Азербайджан и Дагестан с различными подарками и письмами. В конце 1783–начале 1784 гг. на Южный Кавказ тайно прибыла Османская миссия во главе с Халилом Эфенди [5, с.147-148; 4, с.203]. Халил Эфенди тоже был в Иревани. Его переговоры с Гуламали ханом дали положительные результаты. В своем письме к Чылдырскому вали Салману паше Гуламали хан выразил солидарность с османами и направил ему ценную информацию о событиях в Азербайджане. Из письма видно, что султан чтобы привлечь на свою сторону Гуламали хана, назначил его мир-э-мираном, а также приказал османским пашам оказывать ему всестороннюю помощь в случае необходимости [3, с. 68-69].

Таким образом, в результате Османской пропаганды отношение Гуламали хана к Ираклию II изменилось. Представитель России в Тифлисском дворце С.Бурнашов писал П.С.Потёмкину: «Согласно информации из Иреванского ханства, отношение к Гуламали хану внезапно изменилось, и теперь он склонен к туркам» [6, с. 15]. Затем он в письме от 9 февраля 1784 года с волнением заявил, что «ханы, объединившись в одном направлении, а османы в другом направлении намереваются перейти в наступление на Ираклия. Ираклий же должен принять контрмеры. Поскольку Иреванский хан молод и неопытен, от него можно ожидать всего» [6, с. 17].

В результате усилий османов Гуламали хан разорвал все связи с Картли-Кахетинским дворцом. Он даже отклонил приглашение Ираклия II приехать в Тифлис, сославшись на беспорядки и мятеж в ханстве [3, с. 60-61]. Гуламали хан также игнорировал приказы Картли-Кахетинского царя. Например, в ноябре 1783 г. Джафаргулу хан при поддержке Исфаханского правителя Алимурад хана и Хойского хана Ахмед хана Дунбули, свергнув с престола двоюродного брата Аббасгулу хана в Нахчыване пришел к власти [6, с. 220]. Несмотря на то, что Ираклий II отправил указ Гуламали хану оказать Аббасгулу хану военную помощь в этой борьбе, правитель Иревана игнорировал его указ [9, с. 173-175].

Однако, Ираклий II никак не мог смириться с выходом Иревани из своего подчинения. Подвергшийся давлению со стороны региональных государств Ираклий II с переходом под покровительство России, хотя явно не мог вмешиваться во внутренние дела Иреванского ханства, используя оппозиционные силы, оказывал давление на Гуламали хана. Таким образом, внутренняя политика, проводимая Гуламали ханом, спровоцировала усиление оппозиционных сил против него. Понимая это, хан и его сторонники чтобы защитить Иреван от интриг Ираклия II и предотвратить любые недовольства в ханстве связались с хойским Ахмед ханом Дунбули и попросили у него помощи. Как упоминалось выше, в первые дни правления Гуламали хана группа людей во главе с Усми ханом хотела захватить власть в Иревани. Молодой хан подробно рассказал об этом в письме хойскому Ахмеду хану и попросил у него помощи в подавлении недовольства в ханстве [3, с. 80-81].

Гуламали хан решил использовать «брачную дипломатию» чтобы еще более сблизиться с сильным Хойским ханом, использовать его военную силу. Он пытался укрепить власть, женившись на дочери Ахмед хана. Как уже было сказано выше, Гусейнали хан также пытался осуществить это желание. Это намерение Гуламали хана поддерживала и его мать. В письме, его матери, написанном Ахмед хану, заявлялось о намерении породниться с ним, просили у него помощи в подавлении недовольства в ханстве [3, с. 80-81].

Это родство было очень важно и для самого Ахмед хана, так как он стремился поставить под свое влияние Иреванское ханство. Однако вскоре убийство Гуламали хана помешало осуществлению этого плана.

Существуют различные соображения по поводу убийства Гуламали хана. По словам Бутко-

ва, Гуламали хан был убит своими братьями во время охоты по приказу Ираклия II [2, с.194]. По другим данным, Гуламали хан был убит в результате заговора своей мачехи во время дворцовых интриг [11, с. 164]. В произведении «Иреванское ханство» смерть Гуламали хана описывается следующим образом: «Служение Гуламали хана Ираклию II не удовлетворило иреванское дворянство. Это привело к убийству Гуламали хана во время дворцового восстания, организованного Ираклием II в 1785 году» [1, с. 70-71]. В произведении неверно была дана оценка политике Гуламали хана, а дата смерти ошибочно датирована 1785 годом [1, с. 71]. Османские источники же дают противоречивые сведения об этом событии. Согласно одному источнику, Гуламали хан был убит по приказу Ираклия II [8, с. 102-103]. Другой османский источник заявил, что Ираклий II не был причастен к убийству Гуламали хана, а убийство хана было причиной его глупой природы, жестокого обращения с иреванским населением [8, с. 95-96].

Действительно, политика, проводимая в период короткого правления Гуламали хана, вызвала настоящий гнев народа. В одном архивном документе указывается, что основным фактором, раздражающим иреванских вельмож, было использование неопытности Гуламали хана и вмешательство в государственные дела его родных по материнской линии и дяди Шамдин ага, занимающих ключевые позиции. Их произвол вызвал недовольство народа [6, с. 284-285]. В своем письме Ираклию II от 9 июня 1784 года Мухаммед хан указал причину недовольства народа: «Гуламали хан действовал глупо, высокомерно и вызвал гнев народа, занявшись плохими делами по совету беспощадных людей. По этой причине, по совету хороших людей, два брата были убиты 8-го числа [июнь – Э.Г.]» [5, с. 184].

Однако, нельзя согласиться с тем, что Ираклий II не приложил руку к смерти Гуламали хана. Как показано выше, Гуламали хан, опираясь на Османский дворец и Ахмед хана, в своей политике не считался с Ираклием II. Тем не менее, было много сторонников Картли-Кахетинского царя, который вмешивался и получал возмещения за события в Иревани в течение многих лет. С другой стороны, силы, недовольные политикой Гуламали хана, хотели связаться с Тифлисским дворцом и пригласить Ираклия II в Иревань. Согласно архивному документу, недовольные ханом айрумы из азербайджанских турок покинули Иревань и отправились в Шорагель. Их лидер, Гараман бей, посоветовавшись с главами других айрумов отправил к Ираклию II посланника чтобы убедить его: «если вы прикажете, мы сможем захватить Иревань и передать власть тому, кому пожелаете. Буньядали бей и его двоюродный брат Галандар бей и большая часть населения, проживающего в крепости, солидарны с нами. Человек, которому доверяют дверь и ключ башни, является нашим родственником. Он говорит, что, если мы доберемся туда ночью, он сдаст крепость» [5, с.195-196]. Скорее всего, Ираклий II воспользовавшись этой возможностью и спровоцировал оппозиционные силы к заговору. Таким образом, Гуламали хан совместными усилиями как внутренних, так и внешних сил, в субботу, 8 июня 1784 года, при осмотре войск у крепости подвергся нападению со стороны оппозиционных сил, в результате чего был убит вместе с младшим братом Мухаммедгасаном и пятью верными сторонниками [5, с. 183-184, 190-203]. Из иреванских вельмож, лично убивших хана и его брата, были Буньядали солтан и его двоюродный брат Галандар бей [5, с. 195].

Таким образом, этот заговор, явившийся результатом деятельности ряда сил, не желавших терять политического авторитета, контроля в Иревани внешних врагов и местных группировок, ведущих борьбу за власть, еще более обострил политико-социальное положение в Иревани. Внутренняя и внешняя напряженность продолжала расти.

Литература и источники:

1. Алиев F, Гасанов U. Иреванское ханство. Баку, Азернашр, 1997 [аз. яз.].
2. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.г. В 3-х т. СПб., 1869.
3. Гудси Мухаммед Муслим. Письма Гусейнали хана Иревана, 1789-1791. НАНА НАИИ имена А.Бакиханова, д.7415.
4. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. Изд-во «Наука», Москва, 1966.
5. Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии [конец 60-х начало 90-х годов XVIII в.]. Документы и материалы, выпуск 1. Изд. «Мецниереба», Тбилиси, 1980.

6. Научный архив Института Истории имении А.Бакиханова Нацианальной Академии Наук Азербайджана, д. 1795 [1].

7. Научный архив Института Истории имении А.Бакиханова Нацианальной Академии Наук Азербайджана, д. 1795 [2].

8. Osmanlı devleti ile Azerbaycan türk hanlıqları arasındakı münasibetlere dair arxiv belgeleri [1578-1914], c.I, Ankara, 1992.

9. Пайчадзе Г.Г. Георгиевский трактат. Тблиси, Из-во «Мецниереба», 1983.

10. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, выпуск 1. Тифлис, 1881.

11. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПБ, 1852.

Кидирниязов Д.С.,
д.и.н., проф., Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Россия, г. Махачкала

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В 20-Е ГГ. XIX В.

Аннотация: В статье показано, что Северный Кавказ издавна привлекал внимание Ирана, Турции и России. Указывается, что с окончанием русско-персидской (1804-1813 гг.) и русско-османской войн (1806-1812 гг.) османы и персы в 20-е гг. XIX в., как и ранее, продолжали в регионе активную агрессивную политику. Кроме того, отмечается, что в противостоянии великих держав большинство местного населения симпатизировало России.

Ключевые слова: Россия, Иран, Турция, Северный Кавказ, народы, правительство, политика, договор, война.

Abstract: the article shows that the North Caucasus has long attracted the attention of Iran, Turkey and Russia. Russian Russian-Persian war (1804-1813) and the Russian-Ottoman war (1806-1812), the Ottomans and Persians in the 20s of the XIX century, as before, continued in the region an active aggressive policy. In addition, it is noted that in the confrontation of the great powers, the majority of the local population sympathized with Russia.

Keywords: Russia, Iran, Turkey, North Caucasus, peoples, government, politics, Treaty, war.

Активизация политики России в южном направлении в первой половине XIX в., войны с шахским Ираном и османской Портой потребовали увеличить численность иррегулярных формирований, комплектуемых из представителей северокавказских народов. Например, привлекались военным командованием на службу авторитетные представители из местных народов, которые насколько это было возможным в тех условиях, способствовали налаживанию взаимопонимания имперской власти и ее новых подданных. Так, чеченец Бей-Булат Таймиев принял участие в российско-османской войне 1828–1829 гг. на стороне русских и участвовал во время парада по случаю взятия Эрзерума [11, с. 28 – 31]. Между тем, персидскую армию настигла неудача и на фронтах военных действий. Под Елисаветполем разыгралась решающая битва, в ходе которой персидские войска обратились в паническое бегство. Затем русские войска возобновили наступление вглубь Ирана и, не встречая особого серьезного сопротивления, вскоре овладели г. Ардебилем. Полный военный разгром вынудило шахское правительство согласиться на все требования России [1, Т. 6. Ч. 2. С. 571, 590; Т. 7. С. 584.]. Со своей стороны, Петербург также хотел скорейшего заключения мира с Персией, ибо, как уже указывалось выше, беспокоился перспективой военных действий на два фронта (Персией и Портой) [12, с. 177].

22 февраля (5 марта) 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный трактат. Согласно договору, к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства. Шах гарантировал свободу российской торговли на Каспии и исключительное право России иметь на Каспийском море военный флот [4, с. 128 – 129].

Следует отметить, что Персия приняла условия мирного договора, но стала чинить всяческие преграды с исполнением в надежде на поражение России в назревавшей войне с Портой. Посол России в Тегеране А.С. Грибоедов хорошо понимал положение дел на месте, добивался смягчения требований выплаты контрибуций, но предписания российского правительства лишь ужесточали эти условия. Тогда сторонники срыва мирного трактата подготовили подстрекательства против Петербурга. Местное духовенство и шахское правительство, особенно получавший немалую субсидию от британской миссии в Персии бывший министр Фетх-Али-хана Аллаярхан, были главными вдохновителями и организаторами провокаций, которые в итоге повлекли за собой разгром русской миссии и убийство посла А.С. Грибоедова 30 января (11 февраля) 1829 г. [15, с. 253 – 257]. В целом итоги русско-персидской войны 1826–1828 гг. имели положительное значение для северокавказских народов. Исход войны вел к дальнейшему упрочению положения России на Северном Кавказе.

Кроме того, подписание мирного трактата с Ираном изменило политическую и стратегическую ситуацию в регионе в пользу России и позволил Петербургу начать новую русско-турецкую войну 1828–1829 гг. [10, л. 3.] На Северном Кавказе дела российского правительства шли более успешно, но не имели решающего значения ввиду отдаленности военных битв от столицы османов. В мае 1828 г. русские корабли и войска блокировали оплот османского султана на кавказском побережье Черного моря – крепость Анапу.

В регионе, нарушая Бухарестский мирный договор 1812 г., османы вели активную подрывную деятельность против России. Назначенный в Анапу наместником турецкого султана Хаджи-Хасан-оглу собрал представителей адыгов, близко живущих к крепости и потребовал от них присяги на верность османам. Хаджи-Хасан-оглу удалось расположить некоторых адыгских старшин к присяге султану, пообещав жителям, что «требовать податей с них не будет» [12, с. 123]. Однако местное население категорически отказалось признавать эту сделку своих старшин и прекратили всякие связи с османской администрацией.

Ценные подарки и деньги с письмами османского султана рассылались почти ко всем владетелям Северного Кавказа. Порта предполагала «совершить глубокий рейд по тылам русской армии, вторгнуться в пределы с 30-тыс. войском и возмущать против русских мусульманские народы» [1, Т. 7. с. 743]. Однако, по плану османов не получилось. Главнокомандующий на Кавказе ген.-адъютант И.Ф.Паскевич в своем письме правительству отмечал, что «в прочих областях совершенно спокойно. Джарцы, несколько колебавшиеся, дали новых аманатов; в Дагестане не замечено никаких скопищ» [1, Т. 7. с. 783–784]. Вот почему особое внимание Порта уделяла Дагестану. Султан не раз посылал своих агентов с фирманами и воззваниями в регион.

В фирмане турецкого правителя Россия обвинялась в «нарушении договоров», что российские власти «различными коварствами, ухищрениями простирает свою власть на Дагестан» и другие регионы Кавказа. Поэтому, как писал в своем указе султан, все «правоверные от 12-ти до 70-ти должны объявить войну» против России. Кроме того, в Дагестан было отправлено и воззвание эрзерумского сераскера, где отмечалось: «если сераскер получит сведения о выступлении дагестанцев на «священную войну», то эрзерумский наместник отправить им «много халатов, казны в дары» [1, Т. 7. с. 506–507].

Необходимо указать, что аналогичные обращения османов не раз получали жители Дагестана в период войны 1828–1829 гг. [6, с. 415]. Однако местное население «крайне недружелюбно» встречали султанских эмиссаров. Так, османская агитация в Кумыкской плоскости встретила решительный «отпор в лице большинства старой кумыкской администрации» [9, с. 273]. Жители равнинной и предгорной зоны Дагестана сохраняли спокойствие. Так, русские лазутчики, посланные в край весной 1828 г., докладывали, что «ни в каком обществе явных приготовлений к войне незаметно». Однако необходимо отметить, что призывы некоторых дагестанских владетелей и священнослужителей, например, Нох-хана Казикумухского, муллы Магомеда, Умалат-бека и др. встречали поддержку у той части местной знати, которые в той или иной степени были недовольны действиями русской администрации в регионе. Так, сын Абдулла-бека Ерсинского – Заал, уцмий Кайтага Байбал-бек и ряд других благосклонно относились к антирусской агитации. Но весной 1828 г. сын бывшего табасаранского майсума Заал явился к русскому командованию с просьбой о помиловании, а кайтагский правитель отказался от поддержки Порты [5, с. 94].

После неудачной агитации с антирусскими призывами среди населения плоскостного и предгорного Дагестана, Нох-хан, сын Сурхай-хана Казикумухского, Умалат-бек и некоторые другие перенесли свои действия в Нагорный Дагестан. Среди аварцев они раздавали деньги и ценные подарки, привезенные из Анапы Нох-ханом. Но вскоре ситуация в Нагорном Дагестане изменилась. Несмотря на противодействия со стороны Нох-хана и его сторонников, аварская ханша Баху-бике, вдова Султана Ахмед-хана, решила принять подданство России. В начале сентября 1828 г. Баху-бике приняла присягу на российское подданство [5, с. 95, 100 – 103].

Что касается Джаро-Белокан, то в начале войны России с османами, часть местных жителей была охвачена брожением. Здесь были распространены фирманы турецкого султана. Кроме того, в крае действовали не только проирански и протурецки настроенные дагестанские владетели, но и мюриды, в том числе будущий первый имам Дагестана Газимухаммед. В это же время

в Джаро-Белоканы прибыл из Порты по пути в Дагестан и Чечню племянник казикумухского владетеля Арслан-хана Хаджи-Яхья с воззваниями, подарками и деньгами, предназначенными для руководителей антирусских выступлений на Северо-Восточном Кавказе [1, Т. 7, с. 441].

Вскоре из Дагестана в Порту выехала специальная делегация во главе с Али-эфенди, которая османам «дала понять, что Дагестан не желает присоединяться к России..., дагестанские народы по-прежнему связаны с Османским государством». Кроме того, к османам были отправлены Нох-хан, Умалат-бек [1, Т. 7, с. 506–507, 553–554]. Спустя некоторое время в Дагестане было получено письмо из Порты Магомед-хана, сына Ноххана, отправленного ранее к турецкому султану, с просьбой о помощи. Магомед-хан, сообщая о скором приезде, призывал дагестанцев к антирусским выступлениям и обещал крупные награды. Вскоре джарцы вместе с небольшим числом ополченцев совершили ряд нападений в Кахетии и на российские посты [1, Т. 7, с. 441]. Следует отметить, что антирусские мероприятия не поддержало большинство жителей Джаро-Белокан, настроенного пророссийски. Еще летом 1828 г. ген. И.Ф. Паскевич докладывал в Петербург, что джарцы, колебавшие дагестанских горцев, дали новых аманатов в знак лояльности к русским [8, с. 132 – 137]. Кроме того, в начале февраля 1829 г. ген. Паскевич сообщал российскому правительству, что ген.-м. Раевский без применения оружия урегулировал вопросы с джарцами [3, с. 64].

Однако необходимо указать, что не все было спокойно в Джаро-Белоканах. Летом 1829 г. джарцы несколько раз совершили набеги на российские укрепления в Восточной Грузии. Выполнить требование русского командования в регионе вернуть пленных и возместить нанесенный ущерб джарцы категорически отказались. Русское командование решило для организации военной экспедиции в Джаро-Белоканы подождать окончания войны с Портой [13, с. 139 – 142].

Между тем османский сераскер обратился от имени турецкого султана с воззванием «ко всем по вере братьям, живущим в Дагестане и Ширване». Он, обвиняя Петербург как единственного виновника в нарушении мира, утверждал: русские «устремились на всеобщее истребление мухамедан». Поэтому всем мусульманам, считал он, «по воле халифата надлежит истребить неверных...» [1, Т. 7, с. 753]. «Вообще в горах кавказских, – отмечал ген. И.Ф. Паскевич в мае 1828 г., – между народами, еще нами непокоренными, и независимыми обществами рассеян слух, что с завоеванием турецкой державы соединено общее уничтожение мухаммедан... Это может произвести сильное впечатление на приверженцев веры...» [1, Т. 7, с. 748–749]. Он же подчеркивал о пашах (наместниках) османского султана в регионе, что они «намерены произвести против русских всеобщее восстание мусульман Кавказа» [1, Т. 7, с. 749]. Так, анапский паша связался почти со всеми северокавказскими владетелями. «Волнуя против России закубанские народы, – писал современник, – паша не забыл о Дагестане...» [1, Т. 7, с. 749–750749–750]. Однако местные народы не откликнулись на призывы Порты. Так, чеченцы, за исключением Астемира с его подвижниками, отказались воевать против русских. Не нашли отклика воззвания османов и у многих дагестанских владетелей [1, Т. 7, с. 441, 879 – 880].

Обе противоборствующие стороны (Россия, султанская Порта) старались склонить на свою сторону местные народы. Предвидя намерения Стамбула, Петербург с началом войны стремился парализовать действия османской агентуры политикой «ласканий». Так, командиру левого фланга Кавказской линии ген.-м. Е.А. Эммануэлю было дано указание, что с народами Северного Кавказа «государь желал бы иметь обращение самое дружелюбное» [16, с. 248]. В конце апреля 1828 г. Е.А. Эммануэль распространил среди жителей Закубанья прокламацию, которая призывала их принять сторону русских [1, Т. 7, с. 751].

Взятие хорошо укрепленной султанской крепости Анапы и дальнейшие успехи русских войск произвели большое впечатление на северокавказские народы. Местное население окончательно отшатнулось от своих владетелей, которые ориентировались на османскую Порту.

Между тем феодальные верхи Карачая пытались оказывать сопротивление русским войскам, но в октябре 1828 г. карачаевские отряды были разбиты корпусом ген.-м. Е.А. Эммануэля, после чего посланники карачаевских владетелей во главе с У. Крым-Шамхаловым обратились к российским властям с прошением принять их в российское подданство. Еще ранее, русские власти в регионе повторно оформили присяги от балкарских (Баксанского, Чегемского, Безингиевского, Балкарского) и осетинского (Дигорского) обществ [2, л. 3].

Следует отметить, что первая половина 1829 г. для России была очень успешной в военных операциях. Русские войска на Южном Кавказе взяли Эрзерум, а затем на европейском театре военных действий войска под командованием ген. И.И. Дибича взяли Адрианополь и создали серьезную угрозу столице османов. Активное участие в победоносном завершении русско-османской войны принимали и представители северокавказских народов. Моральная и материальная поддержка северокавказцев помогала русским одержать победы во всех сражениях. Не раз главнокомандующий российскими войсками на Кавказе подчеркивал отличие в службе и храбрость местной милиции и полков, созданных из числа народов региона [1, Т. 7, с. 751].

Необходимо указать, что Персия во время российско-турецкой войны соблюдала нейтралитет, несмотря на происки англичан и Порты. В начале мая 1828 г. И.В. Паскевич отмечал, что, хотя официально Лондон сохраняет дружественный союз с Петербургом, но «в газетах оппозиционная партия атакует министров за неискренность их партий» [1, Т. 7, с. 625].

Российский консул в Иране, указывая о переменах в позиции персидского правителя Аббас-Мирзы правильно подчеркивал, что если иранцы выступят на стороне Порты, «то, сие без сомнения должно будет приписано англичанам, которые в настоящее время при персидском дворе в Тавризе и Тегеране имеют величайшее влияние». Действительно, Британия энергично старалась сколотить антирусский союз между шахской Персией и султанской Турцией [12, с. 281–282].

Одна из турецких правительственных газет весной 1829 г. писала, что на предложение османского султана возобновить войну с русскими иранский шах Аббас-Мирза ответил: «Сейчас Персия в союзе с Россией, но если турки возвратят Персии сумму, оплаченную ею России, тогда Аббас-Мирза посмотрит на что решиться» [14, с. 203].

Между тем следует отметить, что следующие события чуть не привели до турецко-иранского союза. В конце 1828 г. и в начале 1829 г. Иран посетил посланник османского султана Таиб-эфенди. За поддержку османов Персией в войне против русских Порта обещала возместить уплаченную им контрибуцию и возвратить утраченные Ираном территории по Туркманчайскому трактату. В то же время в Турции находился посланник шаха Аббас-Мирза Мехмед-шериф Ширвани, которого к тому же склоняло османское правительство. Иран, опасаясь за последствия убийства российского посла А.С. Грибоедова, дал согласие заключить союз с Турцией. Но, российское правительство, не желая обострения отношений с шахом, пошло на урегулирование вопроса, связанного с убийством своего посла. Таким образом, безрезультатно закончилась попытка османов склонить персов на свою сторону.

Итак, несмотря на интриги внешнеполитических ведомств Британии и султанской Турции, обострения российско-иранских отношений не произошло. На шаха Аббас-Мирзы отрезвляюще подействовали также успехи российских войск на Кавказе. Военные действия также не принесли успехов и Порте.

22 августа (2 сентября) 1829 г. в Адрианополе между Россией и Турцией, без вмешательства западных держав, был заключен мирный трактат. Согласно договору Порта, уступила России на Кавказе все восточное побережье Черного моря, от Анапы до порта Св. Николая [7, с. 238]. Признание османами Северо-Западного Кавказа «вечным владением» России в результате мирного договора означало, что Закубанье становится частью России, а проживающие там местные народы вступают в подданство России [4, с. 147]. Порта также признавала присоединение к Российскому государству Дагестана и других областей Кавказа согласно Гюлистанского 1813 г. и Туркманчайского 1828 г. договорам.

Таким образом, завершился процесс включения в Россию северокавказских народов. Однако российскому правительству еще не удалось полностью и повсеместно установить свою административную власть в крае. Поэтому Туркманчайский и Адрианопольский мирные трактаты создали предпосылки для окончательного присоединения к России местных народов.

В этот период в политике российского правительства наметились новые сдвиги. Происходит решительный поворот к распространению в регионе ее военно-административной власти и военно-феодальной политики, что вызвало сильное сопротивление со стороны местного населения.

После заключения Адрианопольского трактата упрочение позиций Петербурга в регионе в основном стало делом внутренней политики. Однако политика султанской Порты и Англии также оказывала влияние на ход событий на Северном Кавказе, где шла Кавказская война, особенно на Северо-Западном Кавказе, куда проникали ос-

манские контрабандисты и британские эмиссары, подстрекавшие повстанцев к сопротивлению.

Следует отметить, что в рассматриваемое время главным источником внешней угрозы российской политике на северокавказском регионе была Британия. Лондон рассматривал Северный Кавказ как выгодный военно-стратегический плацдарм для своей дальнейшей экспансии. В связи с этим, англичане делают основную ставку на подстрекательские шаги по отношению к северокавказским народам, которых они обеспечивали оружием и боеприпасами для продолжения Кавказской войны.

Литература и источники:

1. АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2; 1878. Т. 7.
2. ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 906.
3. Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829 гг.). Махачкала, 1991.
4. История Востока. М., 2004. Т. 4. Кн. 1.
5. Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1886.
6. Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20^{x} гг. XIX в.). М., 2011.
7. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017.
8. Муртазаев А.О. Обострение кайтаго-российских отношений в начале XIX в.: причины и последствия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 – 1 (18). С. 132 – 137.
9. Потто В.А. Кавказская война. СПб., 1885. Т. 5. Вып. 2.
10. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 477.
11. Умаров С., Гортикова М. «Славный Бейбулат» // Приязни добрые плоды. Армавир, 2008. С. 28–31.
12. Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20^{x} гг. XIX в. М., 1958.
13. Халаев З.А. Джаро-Белоканы во внешней политике Османской империи в XVIII – начале XIX в. // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 139 – 142.
14. Шеремет В.И. Турция и адрианопольский мир 1829 г. М., 1984.
15. Шостакович С.В. Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова. М., 1960.
16. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2.

Нагиева М.К.,
старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российская Федерация, г. Махачкала,

КАДРОВЫЙ ВОПРОС В СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: В статье освещается процесс становления органов судебной системы в Дагестане в 20-е гг. XX в. Отражаются процессы трансформации кадровой политики в связи с установлением Советской власти и изменениями в политической системе. Показаны основные направления реализации этой системы и связанная с этим политика коренизации.

Ключевые слова: кадровая политика, коренизация, Советское государство, Дагестан, наркомат юстиции, судебная система.

Победа советской власти в стране, изменения в политической, экономической и правовой сферах обусловили трансформацию всего государственного аппарата включая и судебные органы власти. Система правосудия, являвшаяся одним из главных его звеньев, в числе первых подверглась этому процессу. Уже с самого начала существования Советского государства в регионах стали организовываться соответствующие органы. С конца 20-х гг. XX в. аппарат наркомата юстиции постоянно реорганизовывался, периодически создавались комиссии по пересмотру его структуры и штатов.

Положение в Дагестане, впрочем, как и во всех национальных окраинах, усложнялось дефицитом квалифицированных кадров из представителей местного населения. Можно констатировать, что высшее юридическое образование в республике имели лишь несколько человек, это были: Дж. Коркмасов, А. Тахо-Годи, Б. Далгат, И. Алиев. Они все получили высшее юридическое образование еще до революции и внесли существенный вклад в становление и образование Дагестанской республики. В 1921 г. Ибрагим Алиев возглавлял наркомат юстиции в Дагестане [1] Б. Далгат после Октябрьской революции был назначен на пост члена Владикавказского окружного народного суда, затем стал заведовать юстицией в Назрановском окружном ревкоме. Осенью 1922 года Б. Далгат возглавляет Комиссию по узаконению при аппарате ДЦИКа и Совнаркоме Дагестана. Здесь он работал до 1928 г. и внес большой вклад в составление законопроектов, входил в состав многих комиссий, принял участие в подготовке проекта Конституции ДССР [2].

На прошедшем в декабре 1921 г. первом Вседагестанском съезде Советов, на котором была принята первая Конституция ДАССР, был избран состав ЦИК ДАССР в составе 50 чел. Организационная сессия ЦИК ДАССР избрала Президиум ЦИК во главе с председателем ЦИК Н. Самурским и сформировала правительство Совет Народных Комиссаров (Совнарком), который возглавил Д. Коркмасов [3, с. 93].

Принятые в 1922 – 1923 гг. положения об отдельных наркоматах, устанавливали место каждого комиссариата в общей системе органов государственной власти и управления, четко очертили сферу их деятельности и конкретизировали его права [4, с. 156].

Большое значение для установления и укрепления социалистической законности в Дагестане имела деятельность народного комиссариата юстиции. По положению, утвержденному ЦИК ДАССР 7 мая 1923 г. [5, лл. 105-106], на наркомат юстиции были возложены задачи по осуществлению общего руководства, организации и инспектированию всех действующих на территории ДАССР судебных учреждений, прокуратуры, органов следствия, нотариатов и судебных исполнителей; организации юридической помощи населению, предварительного рассмотрения вносимых в ЦИК и СНК законодательных предложений, опубликования законов и распоряжений правительства.

Наркомат юстиции состоял из 4-х отделов: 1) надзора, в ведении которого находились все вопросы организации и деятельности судебных учреждений республики, 2) административно-финансового, 3) законодательных предположений и 4) прокуратуры. Нарком юстиции одновременно являлся прокурором республики.

Высшим судебным органом на территории ДАССР являлся главный суд, организованный

постановлением ЦИК ДАССР от 5 мая 1923 г. [6, л. 137], который действовал в соответствии с дополнением к «Положению о судоустройстве РСФСР», принятым ВЦИК 5 сентября 1923 г.

Непосредственное руководство судебной практикой и судебный надзор на территории ДАССР осуществлял Главный суд. Следовательно, в наркомате юстиции была сосредоточена организационно-административная деятельность, а в Главном суде – судебная деятельность.

Главный суд ДАССР избирался ЦИК, но председатель и его заместитель утверждались Президиумом ВЦИК по представлению ЦИК ДАССР. Главный суд явился органом судебного надзора и кассационной инстанцией по делам, рассмотренным народными судами, и судом первой инстанции по делам, превышающим подсудность народного суда. Судами первой инстанции являлись народные суды округов, а после административно-территориального переустройства Дагестана – суды районов, избираемые районными исполкомами [7, с. 149].

Однако не все обстояло благополучно в сфере формирования органов местного самоуправления (Советов), по причине, во-первых, отсутствия у местного населения управленческого опыта, во-вторых, нехватки подготовленных кадров, которые могли бы вообще управлять республикой и занимать ответственные должности. Наряду с отсутствием квалифицированных кадров, которые могли бы успешно справляться с решением насущных задач в республике, имела место и другая не менее важная проблема, которая также требовала своего безотлагательного решения. Таковым является фактор многонациональности Советского государства, что определяло необходимость активного вовлечения представителей всех национальностей в управление государством в соответствии с социалистическим демократизмом. На первых этапах своего становления для молодого Советского государства реализация в жизнь данных принципов представлялась сложным процессом из-за низкого уровня социально-экономического, политического и культурного развития, полиэтничности, отсутствия письменности у отдельных дагестанских народов, характерной дореволюционному Дагестану распространенности религиозного образования, острой нехватки, даже можно сказать, отсутствие подготовленных кадров. Все вышеперечисленое создавало большой барьер в формировании общей политической линии в Дагестане. Иными словами, в 1920-е гг. вся деятельность местных органов власти заключалась в формировании «правильной», соответствующей социалистической идеологии политической линии. Таким образом, в Дагестане в данный период остро стояли две наиболее болезненные проблемы – подготовка национальных кадров для управления республикой и проблема языка обучения.

В этой связи значительным фактором в проведении кадровой политики стала заявленная Советским государством с самого начала *политика коренизации.* Одним из главных условий эффективного осуществления политики коренизации являлось вовлечение в государственный аппарат людей знакомых с условиями жизни, языком и бытом местного населения, потому что при отсутствии профессиональных кадров на местах, реализация основных принципов коренизации представлялась сложным процессом. Видимо, по этой причине, партийные и правительственные директивы рассматривали коренизацию как совокупность мероприятий, направленных на привлечение в государственный аппарат представителей всех национальностей, проживающих в каждом конкретно взятом регионе.

Коренизация государственных органов власти и других учреждений в национальных республиках и областях Северного Кавказа проходила в трудных условиях. Как и в других северокавказских республиках, проблема коренизации остро стояла и в Дагестанской АССР, но в отличие от других субъектов ее реализацию в нашей республике очень сильно осложнял фактор многонациональности, следовательно, и многоязычия.

Хотелось бы отметить, что коренизация наркоматов более интенсивно протекала в судебно-следственной сфере, которая по роду своей деятельности больше была связана с широкими массами населения.

Эффективная работа судебно-следственных органов способствовала формированию позитивного отношения коренного населения к их деятельности. Кроме того, росту авторитета судебных органов в массовом сознании дагестанцев способствовала организация словесных судов и вовлечение в народные заседатели представителей дагестанского крестьянства. Вместе с государственными судами, свою роль и значимость, в исследуемый исторический период, еще не потеряли шариатские суды, но по мере укрепления советских аппаратов в аулах и органах юстиции, в частности, они постепенно утрачивали свое

влияние среди местного населения [8, л. 17].

К 1925 г. на службу в Главсуд из местных работников на различные должности было принято более 20 чел., по этнической принадлежности 9 кумыков, 4 аварца, 5 даргинцев, 1 лезгин и 1 тюрок, что позволило укомплектование аппарата Главсуда местными работниками довести до 33,3 %. Позитивным являлось то, что 5 работников Главсуда были русские, владеющие одним из дагестанских национальных языков, что значительно облегчало их работу. Но при этом отсутствие работников, владеющих местными языками закономерно обусловило ведение судоговорения и делопроизводства на русском языке. В судебных же процессах, когда по делу привлекались в качестве обвиняемых и свидетелей граждане из местного населения, судоговорение велось на том или ином местном языке через переводчика. При обращениях местных граждан в Главсуд, необходимые им объяснения и справки они также получали при помощи переводчика. Поступающие в Главсуд заявления и переписка на местных языках из округов переводилась на русский язык, имеющимся письменным переводчиком [9, л. 84]. В 1925 г. переводчиков в Главсуде было 3 чел., все они владели кумыкским и тюркским языками. Помимо этого, один из них владел аварским и русским, другой – даргинским и русским, третий даргинским и горско-еврейским языками, которые использовались в судебных и кассационных процессах при разборе уголовных и гражданских дел, при допросах в камере у следователя, а также во всех случаях при даче объяснений ими справок посетителями из местных граждан. Для улучшения контакта с местными гражданами были организованы курсы по изучению тюркского языка, куда ходили 18 русских специалистов Главсуда [9, л. 84 об.].

В судебном аппарате республики в 1928 г. доля ответственных работников из представителей коренных национальностей составила 89,2 %. На местном уровне, в административных округах работники судебно-следственных органов оказывали населению необходимую юридическую помощь. В окружных центрах появились консультационные бюро, которые бесплатно оказывали гражданам необходимую помощь. Кроме того, работники правоохранительных органов проводили профилактическую работу, выступали на крестьянских собраниях с докладами на правовые темы (задачи совсуда, бытовые преступления и борьба с ними) и т.д. [10, л. 11]. К 1929 г. можно отметить заметный рост доли местного населения среди работников Главсуда, в основном, благодаря эффективности политики коренизации, что позволило увеличить численность коренного населения в низших структурах органов Наркомюста и Главсуда – 9 следователей, 2 прокурора, 3 нарсудей и 1 нотариус. В этот же период отмечен карьерный рост: так 17 чел. с менее ответственной были переведены на более ответственную должность, произошло несколько выдвижений, в том числе 4-х членов Коллегии Главсуда.

В центральном аппарате НКВД доля местных работников в 1928 г. составляла приблизительно 15 %. В административных образованиях аппарат НКВД почти весь был укомплектован из местных работников, за исключением районов, населенных не горским населением (Кизлярский округ). Кроме того, функционировали, сформированные полностью из местных слушателей, курсы подготовки комсостава для милиции. Но при этом горское население Дагестана, как практиканты в центральный аппарат НКВД не были вовлечены, из-за отсутствия подходящих для этого кандидатур, хотя на милицейские курсы в Новочеркасске для повышения квалификации ежегодно направлялись местные работники. Основным источником повышения квалификации работников юстиции Северокавказских регионов в начале 20-х гг. были юридические курсы, находящиеся в г. Ростове-на-Дону. Курсы субсидировались как за счет федерального бюджета, так и за счет региональных субсидий. Однако политика коренизации происходила неравномерно во многих управленческих структурах республики.

В Наркомате юстиции доля коренных работников к 1 июля 1927 г составляла всего 8,7 %. Ситуация заметно улучшилась к 1928 г., когда % местных специалистов составил 47 %, а к 1 января 1929 г. их доля уже немного снизилась до 33,3 % [11, с. 40]. Следует отметить, что работа по подготовке местных кадров в Наркомате юстиции шла более успешно, благодаря чему укомплектование аппарата происходило через подготовку на юридических курсах. О результатах свидетельствует тот факт, что в 1928 г. уже готовился третий выпуск юридических курсов. Кроме того, на Высших юридических курсах в Москве Наркомату юстиции ежегодно готовили по два работника из представителей местных национальностей.

По сравнению с другими наркоматами, аппа-

рат Наркомата юстиции не испытывал проблем с переводчиками, поэтому на четырех дагестанских языках издавались собрания узаконения и распоряжения правительства. Более того, новые словесные суды, делопроизводство и судоговорение велось на местных языках, вся необходимая для них юридическая литература и канцелярские книги также были переведены на местные языки.

При анализе деятельности Главсуда Дагестана, мы хотя и не подробно, но представили определенные издержки отсутствия подготовленных и квалифицированных кадров, тем более, когда они занимали ответственные должности. К данному вопросу хотелось бы еще раз обратиться и подчеркнуть, что отрицательным фактом при реализации политики коренизации центральных аппаратов являлось отсутствие у некоторых работников серьезного подхода при выдвижении на те или иные должности соответствующих кадров, которые могли бы эффективно работать и воплощать в жизнь социалистические принципы. По этой причине, невысокий уровень подготовки работника имел далеко идущие негативные последствия, влиял на результат работы и способствовал текучести кадров.

Таким образом, хотелось бы отметить, что проведенное исследование о кадровой политике в судебных органах республики Дагестан в 1920-е гг. претерпевало определенные значительные изменения, которые были в целом характерны для всего Советского государства. Несмотря на сложнейшие социально-экономические, политические, идеологические процессы, работа по подготовке национальных кадров для республики проводилась, но ее эффективность в определенных наркоматах, как на местном, так и на уровне центрального аппарата, к сожалению, протекала неравномерно. В целом к концу 1929 г. охват местного населения и их представленность по-прежнему оставались на невысоком уровне. Понимая необходимость иметь свои собственные профессиональные кадры, руководство республики принимает решение о необходимости повышения квалификации для сотрудников не имевших соответствующего образования, как на образованных краткосрочных курсах в республике, так и за ее пределами. Появление собственных советских кадров должно было положительно повлиять на формирование собственной кадровой базы в республике.

Литература и источники:

1. Зеркало эпохи. 100-е Дагестанской правды. Махачкала. 2018. [электронный ресурс]: URL: http://dagpravda.ru/wp-content/uploads/2019/02/zerkalo.pdf

2. Далга, Башир Керимович – биография [электронный ресурс]: URL: http://wiki-org.ru/wiki/%D0%94%

3. Алиев А.И. На путях к социализму: Осуществление коммунистической партией ленинской национальной политике в Дагестане (1920 – 1925 гг.). Махачкала, 1974. с. 93.

4. История Дагестана. М., 1968. Т. III. с. 156.

5. Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. р-117. Оп. 1. Д. 1а. л. 105 – 106.

6. ЦГА РД. Ф. р-117. Оп. 1. Д. 1а. л. 137

7. Казанбиев М.А. Создание и укрепление национальной государственности народов Дагестана. Махачкала, 1970. с. 149.

8. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 525. л. 17.

9. ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 23. Д. 1а. л. 84.

10. ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 24. Д. 32. л. 11.

11. Звезда. 1929. № 3. с. 40.

Орешин С.А.,
научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Российская Федерация, г. Москва

ПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ И АНТАНТЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу политики, проводимой Центральными державами (Османская и Германская империи) и Антантой (Великобритания, Франция, Италия, США) на Северном Кавказе в 1918-1920 гг. Наибольшую активность в регионе проявляла Турция, стремившаяся превратить его в свою сферу влияния и затем использовать в качестве плацдарма для продвижения в Туркестан. Германия, не имея достаточных средств, преследовала локальные цели, стремясь взять под контроль нефтяные месторождения. Для Великобритании Кавказ служил своеобразным буфером, защищавшим подступы к колониальным владениям в Азии. В целом вмешательство иностранных держав в события на Северном Кавказе носило ограниченный и непрямой характер, ограничиваясь поддержкой тех или иных региональных политических сил.

Ключевые слова. Россия; Северный Кавказ; Османская империя; Германия; Антанта; Великобритания; Гражданская война; иностранная интервенция.

События Революции 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны оказали большое влияние на судьбу России. Особое своеобразие они приняли на окраинах бывшей Российской империи, в частности, на Северном Кавказе, где в политическую борьбу и вооруженное противостояние оказались вовлечены не только внутренние, но и внешние силы. Связано это было, прежде всего, с тем стратегическим значением, который имел данный регион для противоборствующих военно-политических блоков в условиях продолжавшейся Первой Мировой войны и начавшегося распада Российской империи. Северный Кавказ оказался не только полем ожесточенных сражений между красными и белыми, но и местом соперничества великих держав, стремившихся использовать в своих интересах ослабление России и не допустить усиления позиций соперников. Методы, которые они использовали, были различны в зависимости от быстро менявшейся внутри -и внешнеполитической конъюнктуры.

Во время Первой Мировой войны в германских правящих кругах обсуждался вопрос создания на Северном Кавказе после военного разгрома России независимого мусульманского государства. Пантюркисты, имевшие сильные позиции в правящих верхах Османской империи, выступали за отторжение Северного и Южного Кавказа от России и включение его в орбиту влияния Турции. 3 марта 1918 г. на фоне тяжелых поражений на фронте Советское правительство вынуждено было подписать с Центральными державами в Брест-Литовске мирный договор. Россия отказывалась от суверенитета над Карсской и Батумской областями, однако Северный Кавказ в договоре не упоминался и, следовательно, должен был остаться под российской юрисдикцией [13, с. 143-149.].

В послебрестский период главной целью Германии являлся разгром Антанты на Западном фронте. В связи с этим они стремились избежать втягивания в масштабный вооруженный конфликт с Советской Россией. С другой стороны, немецкие военно-политические и экономические верхи рассчитывали утвердить свой контроль над Черноморским побережьем Кавказа и Майкопским нефтяным районом [9, с. 108]. Кроме того, они опасались чрезмерного усиления позиций Османской империи в данном регионе и старались по возможности этому противодействовать. Германское правительство отказалось признать независимость провозглашенной горскими национал-демократами 11 мая 1918 г. в Батуме Республики горских народов Северного Кавказа и Дагестана (в историографии известна как «Горская Республика») до тех пор, пока этого не сделает российское правительство [15, с. 126]. После того, как Россия категорически отказалась признавать независимость Горской Республики, Германия отказалась от ратификации заключенного было с ней Договора о дружбе, предусматривавшего, в частности, оказание военной и дипломатической помощи со стороны Германской импе-

рии [15, с. 122-123]. В конце июля, убедившись в слабости сепаратистского движения на Северном Кавказе, Германия окончательно отказала Горской Республике в вооруженной поддержке. По условиям подписанного 28 августа 1918 г. советско-германского т.н. добавочного договора Германия обязывалась прекратить вмешательство в отношения между русским Советским государством и его отдельными областями и заверяла, что «не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных образований на этих территориях» [7, с. 443].

В то же время, воспользовавшись антибольшевистским восстанием кубанских казаков, в июне германские войска высадились на Таманском полуострове и оккупировали его. Из прогермански настроенных казачьих офицеров было сформировано Кубанское правительство. [5, с. 481]. Когда в августе территория Кубанской области была занята Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, ориентировавшегося на Антанту, германское командование отказалось передать Таманский полуостров под его юрисдикцию [6, с. 397]. Немецкие войска находились на Тамани вплоть до окончания Первой Мировой войны.

В отличие от Германии, Османская империя проводила более активную политику в регионе, даже в ущерб другим фронтам. Ее целью являлось создание на Северном Кавказе мусульманского государства, «которое представляло бы своего рода стену и препятствие между ней и Россией» [3, с. 6]. Интересы турок в основном сосредоточились в Дагестане, который, благодаря своему географическому положению в Прикаспийском регионе, мог стать плацдармом для дальнейшего продвижения Османской империи в Поволжье и Туркестан. Т.к. тюрки составляли меньшинство населения Дагестана, то упор делался в основном, на панисламистские лозунги. Турецкие агенты вели активную пропаганду в аулах, убеждая горцев в том, что целью Османской империи является «освобождение мусульман из-под власти неверных» [1, с. 39]. Для содействия в реализации этой цели было создано Северокавказское политическое общество, действовавшее под руководством партии «Иттихад ве тараки».

Были установлены тесные отношения с лидерами Горской Республики, которым оказывалась финансовая помощь. [15, с. 141–146]. В конце мая 1918 г. в Нагорный Дагестан, а затем в Горную Чечню начинают прибывать турецкие офицеры-инструкторы. Антибольшевистские повстанцы получают от турецкого командования вооружение и боеприпасы [11, с. 120]. Это вызывало протесты советского правительства, которые турки игнорировали и продолжали наращивать свое военное и идеологическое присутствие в регионе.

В начале октября регулярные подразделения турецкой армии развернули наступление в Дагестане. В начале ноября этот регион перешел под контроль турецких войск [14, с. 286–296]. Гражданскую власть в Дагестане турки передали правительству Горской Республики, но фактически всем распоряжались турецкие офицеры. Политика турок в Дагестане, сопровождавшаяся реквизициями, принудительными мобилизациями местного населения в армию, а подчас открытыми грабежами, вызывала недовольство части горцев, которые начали видеть в турках не освободителей, а оккупантов. Дело доходило до открытых столкновений, что вызывало со стороны турецкого командования жесткие репрессивные меры, не добавлявшие ему популярности [1, с. 45]. После окончания Первой Мировой войны Горское правительство предприняло попытку сохранить турецкое присутствие, заключив 17 ноября соглашение, в соответствии с которым турецкие офицеры и солдаты могли продолжать службу в рядах армии Горской республики. Однако из-за противодействия Антанты соглашение не вступило в силу, и к концу ноября турки вынуждены были покинуть Дагестан [10, с. 534–536].

Что касается держав Антанты, то они, будучи союзниками России, естественно, признавали Северный Кавказ ее неотъемлемой частью. Однако после падения Временного правительства и начавшегося распада страны в конце 1917 г. они усиливают свою активность в этом регионе. В соответствии с франко-английским соглашением в Париже от 23 декабря 1917 г. Кавказ был отнесен в сферу «преимущественного влияния» Великобритании [8, с. 9.]. Цель британской политики состояла в том, чтобы не допустить перехода Северного Кавказа под контроль Центральных держав или большевиков, т.к. он мог быть использован ими в качестве плацдарма для продвижения в сторону Персии и Индии, что задевало британские интересы в Азии. Т.к. главные силы британской армии были заняты на фронтах Первой Мировой войны, британское руководство вплоть до конца 1918 г. пыталось действовать косвенными методами, используя вооруженные формирования русских белогвардейцев. На Кубани и Став-

рополье такой силой являлась Добровольческая армия генералов Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина, ориентировавшихся на Антанту. Снабжение осуществлялось через Новороссийск, который был занят белогвардейцами в августе 1918 г.

В Дагестане ей стал отряд войскового старшины Л.Ф. Бичерахова, действовавшего в тесном контакте с британским командованием. Англичане выделили Бичерахову крупные денежные средства, снабжали оружием и боеприпасами [2, с. 211, 213]. В августе-сентябре Бичерахову удалось овладеть Приморским Дагестаном, но в начале ноября его вытеснили турки. После окончания Первой Мировой правительство Горской Республики попыталось наладить взаимоотношения с Великобританией. Под давлением союзников протурецкое правительство А.М. Чермоева ушло в отставку и было заменено правительством П.Т. Коцева, ориентировавшемся на Антанту.

Однако, не желая обострять отношения с Деникиным, стоявшим на платформе возрождения «единой и неделимой России», Великобритания отказалась от официального признания независимости Горской Республики. Командующий британскими войсками в Баку генерал У.М. Томсон заявил, что вопрос о государственном строе Северного Кавказа может решить только Парижская мирная конференция союзников, но дал понять, что на определенных условиях Горскому правительству может быть оказана помощь против большевиков, контролировавших Терскую область. Он рекомендовал горцам объединиться с казачеством Терека и образовать коалиционное правительство для оказания реальной помощи Деникину.

Попытка представителей Горской Республики добиться дипломатического признания со стороны держав Антанты не увенчалась успехом. США, Япония и Италия «платонически сочувствовали» вновь образованному государству, но от установления официальных контактов уклонились [15, с. 174].

27 декабря 1918 г. в дагестанскую столицу Темир-Хан-Шуру прибыла миссия полковника Роуландсона, которому вменялось в обязанность помогать и давать указания правительству «при мобилизации его военных сил и операциях против большевиков», чтобы обеспечить «активные совместные действия всех партий». Союзники намеревались поставить под свой контроль железную дорогу Баку-Ростов, а также порты Петровск и Дербент [12, с. 139]. 13 января 1919 г. в Петровск был введен небольшой британский отряд. На острове Чечень была создана британская военно-морская база. Дагестан рассматривался англичанами в качестве прикрытия Бакинского нефтяного района, а генерал Томсон заявил П. Коцеву, что если среди горцев обнаружится «течение чисто большевистского характера, или в стране пойдет анархия», вооруженное вмешательство Великобритании станет неизбежным [15, с. 187]. Англичане попытались также занять Грозненский нефтеносный район, однако Деникин опередил их. К весне 1919 г. вся территория Северного Кавказа перешла под контроль генерала Деникина, который заявлял о непризнании Горской Республики. Не располагая сколько-нибудь многочисленными и боеспособными вооруженными формированиями, Горское правительство все надежды возлагало на британскую помощь, потому что именно присутствие в Дагестане британских войск и неоднократные заявления английского командования удерживали белых от нападения на Горскую Республику.

Англичане постарались выступить в качестве посредников на переговорах представителей Деникина с Горским правительством, будучи заинтересованными в укреплении единого антибольшевистского фронта. Однако несколько раундов переговоров окончились провалом [4, с. 192.]. В мае 1919 г., убедившись в недееспособности Горского правительства и опасаясь возможного захвата Дагестана Красной Армией, базировавшейся в Астрахани, что поставило бы под угрозу Баку, англичане приняли решение поддержать Деникина в его конфликте с Горской Республикой, полагая, что он сможет успешнее противостоять большевикам в данном регионе. Когда во второй половине мая 1919 г. белые начали военную операцию в Дагестане, англичане заняли позицию нейтралитета, что позволило Деникину разгромить Горскую Республику. Несмотря на некоторые колебания (в частности, британское командование рассчитывало создать в Южном Дагестане «нейтральную зону», которая отделяла бы территорию, подконтрольную Деникину от Азербайджана), в конце концов британцы решили поддержать Деникина.

В июне 1919 г. британские войска ушли из Дагестана, передав деникинцам флотилию на Каспийском море. На Парижской мирной конференции рассматривались вопрос о замене их итальянцами, однако в итоге правительство Ита-

лии отказалось направить свои войска в этот регион. Следующим потенциальным участником интервенции могли бы стать США, но, не смотря на заявление президента Т. Вильсона о том, что «малые нации Кавказа заслуживают свободы», Конгресс США высказался против отправки на Кавказ американских войск [12, с. 140]. В августе 1919 г. от лица Союзных держав англичане заявили, что «в Дагестане право водворить порядок принадлежит генералу Деникину», а местные жители должны помогать ему в борьбе с большевиками. Когда осенью на Северном Кавказе начались антибелогвардейские восстания, англичане заявили, что не будут оказывать повстанцам никакой помощи и рекомендовали горцам прекратить сопротивление и подчиниться власти Деникина [15, с. 334, 335]. Более того, они продолжили поставки белым оружия, которое применялось, в том числе, против повстанцев на Кавказе. В январе 1920 г. Верховный Совет Антанты признал de facto правительства Грузии, Азербайджана и Армении, однако отказался признать Горскую Республику, по-прежнему рассматривая Северный Кавказ в качестве части территории «Белой России».

Подводя итог, следует отметить, что в период Гражданской войны временным ослаблением России поспешили воспользоваться как Центральные державы, так и страны Антанты. Наибольшую активность в регионе проявляла Османская империя, для которой в 1918 г. кавказское направление стало приоритетным. Поддерживая Горскую Республику, Турция стремилась превратить Северный Кавказ в свою сферу влияния и плацдарм для расширения своей экспансии. Германия также демонстрировала интерес к Кавказу, главным образом, к месторождениям нефти. Однако, не располагая значительными военными силами, она ограничивалась проведением локальных акций и, в отличие от Турции, отказалась предоставить Горской Республике вооруженную помощь, не желая втягиваться в полномасштабный конфликт с Советской Россией.

Среди стран Антанты наибольший интерес к Северному Кавказу демонстрировала Великобритания, которая пыталась не допустить установления господства немцев, турок и большевиков в регионе, угрожавшего британским интересам в Иране и Индии. Британское правительство делало главный упор не на прямое вооруженное вмешательство, а на укрепление связей с различными проантантовскими силами в регионе, зачастую враждебными друг другу. Летом 1919 г. окончательный выбор был сделан в пользу генерала Деникина, которому оказывалась политическая и материальная поддержка вплоть до начала 1920 г.

В целом, ни Центральные державы, ни Антанта не смогли реализовать свои планы на Северном Кавказе. После поражения в Первой Мировой войне германские и турецкие войска покинули регион, а разгром деникинцев красными и установление Советской власти на Кавказе означали крах британских замыслов. Весной 1920 г. Советская Россия смогла восстановить контроль над Северокавказским регионом.

Литература и источники:

1. Акопян В.З. К вопросу о турецкой военной интервенции на Северном Кавказе в годы Гражданской войны // Российская и зарубежная история: социально-экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Выпуск VIII. Часть I. Пятигорск, 2007. С. 35-53.
2. Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. 1917–1919. М.: Центрполиграф, 2011. 347 с.
3. Бутбай М. Воспоминания о Кавказе. Записки турецкого разведчика. Махачкала, 1993. 67 с.
4. Вачагаев М.М. Союз горцев Северного Кавказа и Горской Республики. История несостоявшегося государства. 1917-1920.М.: Центрополиграф, 2018. 350 с.
5. Гулый Н. И. Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года (окончание) // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. / (Сост. С. В. Волков). М., 2001. 606 с.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май – октябрь 1918. Минск, 2002. 464 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957.
8. Документы международных отношений. 1917–1945 г. М., 1999. 148 с.
9. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. 264 с.
10. Кузнецов Б. М. 1918 год в Дагестане // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. (Сост. С. В. Волков). М., 2001. 606 с.

11. Магомедов М.А. Горцы Северного Кавказа и социалистическая революция. Махачкала, 1980. 158 с.

12. Месхидзе Д.И. Северный Кавказ в политике и дипломатии стран Антанты // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Часть I. Карачаевск, 2008. С. 134-144.

13. Мирный договор между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой. М., 1918.

14. Никитин Б.В. Роковые годы. Новые показания участника. М., 2007. 383 с.

15. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.) и Горская Республика (1918-1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 2013. 290 с.

Панеш А. Д.,
главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева
Российская Федерация, г. Майкоп

ЗАПАДНАЯ ЧЕРКЕСИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ТУРЦИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Аннотация: Статья посвящена анализу геополитической ситуации на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII - начале XIX в. Показано, что в рассматриваемый период данный регион занимал важное место в системе международных отношений. В статье также рассмотрены стратегические интересы основных участников черкесского вопроса.

Ключевые слова: адыги, политика России, черкесский вопрос, британские интересы, Турция, геополитика.

Военно-политические события на Северном Кавказе в рассматриваемый период времени протекали на фоне сложной, неустойчивой и противоречивой обстановки. Ситуацию в этом регионе определяло военно-политическое взаимодействие трех основных сил – России, Османской империи и Ирана. В условиях столь сложной геополитической обстановки и в зависимости от внутренних причин отношения народов региона с сопредельными государствами складывались по-разному и имели неоднозначный характер.

Ситуация на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в. являлась следствием международного соперничества в регионе. Данная проблема «ввиду наличия глубоко заинтересованных сторон – освещалась и будет освещаться поразному, с точки зрения, как науки, так и идеологии» [1, с. 14]. Одной из наиболее сложных задач исторической науки является деидеологизация научных подходов к проблеме международного соперничества на Кавказе в первой трети XIX в. Вопросы внешнеполитического положения северокавказских народов в контексте международного соперничества ведущих держав являются предметом пристального интереса не одного поколения исследователей. При этом на протяжении довольно длительного времени его содержательная динамика, приоритетность тех или иных аспектов изучения, а также профессиональные оценки зависели, а зачастую и продолжают зависеть, от господствующих идеологических предпочтений государства.

Западная Черкесия занимала в конце XVIII – начале XIX в. важное место в системе геополитических координат. Черкесский вопрос, сущность которого состояла во внешнеполитическом статусе Северо-Западного Кавказа и исторических судьбах адыгов, являлся составной частью Восточного вопроса. Территория западных адыгов с конца 70-х гг. XVIII в. становится ареной острого соперничества Российской и Османской империй.

Пристальный интерес ведущих держав к Северо-Западному Кавказу был обусловлен его экономическим значением и важным стратегическим положением. Кроме того, земля адыгов обладала разнообразными природными богатствами и сырьевыми ресурсами. Черноморское побережье, населенное адыгами, играло большую роль в развитии торговли. Территория Западной Черкесии рассматривалась соперничающими державами и с позиций военно-стратегических интересов. Российское присутствие в Закавказье оставалось шатким, пока завоеванные ею земли Грузии и Азербайджана отделялись от остальной части империи территорией, населенной «непокорными» северокавказскими горцами. Турция, в свою очередь, рассматривала Западную Черкесию как последний опорный пункт на Северном Кавказе. Порта считала эти земли основным звеном в системе международных отношений, и их потеря означала бы для нее крах всей кавказской политики. Обстановка на Северо-Западном Кавказе обострялась также вследствие вмешательства европейских держав – Англии и Франции.

По условиям Ясского мирного договора 1791 г. между Россией и Турцией, Западная Черкесия осталась под протекцией Османской империи. В нескольких крепостях на Черноморском побережье находились немногочисленные турецкие гарнизоны. Однако турецкое правительство никогда не завоевывало земли адыгов, которые не подчинялись султану и были независимыми. Фактическая независимость адыгов от Осман-

ской империи неоднократно отмечалась в документах российской администрации на Кавказе. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал А.П. Ермолов писал в июле 1820 г. министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде: «Народы закубанские явно непослушны правительству турецкому и паша, начальствующий в Анапе, во всегдашнем от них опасении. Он редко выезжает из крепости и никогда команды войск не выходят в малом числе» [2, с. 479]. Об этом же Нессельроде сообщал графу Дибичу: «Статьею VI мирного трактата, заключенного в Яссах с Портою Оттоманскою, постановлено условие, чтобы сия держава всеми мерами старалась обуздывать хищничества и набеги закубанских народов на наши границы и даже удовлетворяла убытки, ими причиняемые российским подданным. По смыслу сей статьи, подтвержденной всеми последующими с Портою трактатами, Россия признала закубанцев подданными Турецкой империи, но они сами не признают себя совершенно таковыми и управляются издревле независимо. Один только закон мусульманский заставляет их видеть в султане Турецком своего покровителя и халифа, или духовного главу веры. Однако и сие действует на них весьма мало, по их слабой привязанности к вере мухаммеданской» [3, с. 876].

В сложившейся геополитической ситуации целью османских правителей являлось подчинение адыгов своей власти и превращение их территории в одну из провинций Порты. Для достижения этой цели турки использовали различные методы: попытки захватить адыгские земли с помощью военной силы, вмешательство во внутриполитическую ситуацию страны посредством своих агентов.

В крепости Анапа находился турецкий паша, возглавлявший османскую администрацию на Северо-Западном Кавказе. Сменявшие друг друга турецкие чиновники активно вмешивались в черкесские дела, стремясь обострить российско-адыгские отношения. В этом направлении в первой трети XIX в. активно действовал турецкий чиновник Сеид-Ахмед-эфенди [4, с. 872]. В сентябре 1813 г. о происках Анапского паши командующий российскими войсками на Кавказе генерал Н. Ф. Ртищев сообщал следующее: «… Я получил несколько уже рапортов от командующего войсками на Кавказской линии ген.-м. Портнягина о беспокойствах и волнениях, произведенных между закубанскими, кабардинскими и другими горскими народами неблагонаменренным поведением Анапского паши, который как сам, так и через своего назыря Сеид-Ахмед-эфендия, отправленного к упомянутым мною народам, старается всемерно рассеять ложные слухи… Сии-же враждебные внушения, поддерживаемые разными льстивыми обещаниями важных наград со стороны турецкого султана, развратили легковерные умы некоторых из владельцев сих народов, старающихся собирать партии мятежников…» [5, с. 800-801].

Российская империя также активизировала свою политику на Северо-Западном Кавказе. Петербург стремился ослабить позиции Турции в Западной Черкесии и распространить свое политическое влияние среди адыгов. Вмешательство представителей российской администрации в черкесские дела признавал император Александр I, писавший 26 сентября 1802 г. в своем рескрипте на имя командующего российскими войсками на Кавказе князя П.Д. Цицианова: «Если свойственно горским народам покушаться на всякие хищничества, то с другой стороны по сведениям, довольно достоверным, нельзя оправдать кажется и поступков с ними разных чиновников и жителей наших, позволявших себе нередко отгонять их скот и, делая им и другие притеснения, отвлекающие их от нас и истребляющие всякую доверенность, которая установясь, может произвести сношения по взаимным надобностям и хищничества ежели не прекратить, по крайней мере учинить не столь частыми» [6, с.9].

В авангарде российской военной экспансии на Северо-Западном Кавказе находились казаки, которые неоднократно переходили пограничную тогда р. Кубань и нападали на владения соседей. Казаков поддерживала регулярная российская армия. Вторжения царских войск приносили много бед адыгам. Так, по сведениям кубанского казачьего историка Ф. А. Щербины, во время похода в феврале 1810 г. в Закубанье «… казаки выказали чрезвычайную жестокость. Они жгли все и убивали всех без различия пола и возраста – мужчин, женщин и детей. Сам Бурсак [7] должен был вмешаться в дело и успел спасти в нескольких аулах от смерти 14 мужчин и 24 женщины. Казаки произвели полное опустошение, сожгли аулы, хлеб, сено и имущество. Часть имущества – медную посуду, ткани, разные поделки, оружие они захватили с собою и угнали до 100 лошадей, до 3000 голов рогатого скота и столько же овец» [8, с.173-174].

Османская администрация в Анапе неоднократно приносила протесты по поводу российских вторжений в Закубанье и российские чиновники вынуждены были объясняться по этому поводу с Анапскими пашами [8, с. 984].

Таким образом, Западная Черкесия стала в первой трети XIX в. «яблоком раздора» между Россией и Турцией. Сами же адыги не хотели подчиниться ни одной из противодействующих сторон. Сохранение независимости родной страны было заветным желанием большинства народа. Ф.А. Щербина верно отметил: «Подавляющее большинство горцев всегда стояло за свободу и против каких бы то ни было обязательств в подчинении чужой власти…» [10, с. 558].

Действительно, в условиях сложной внешнеполитической обстановки и в зависимости от внутренних причин отношения адыгов с сопредельными государствами складывались поразному и имели неоднозначный характер. Одни из этнотерриториальных групп адыгов оказывались так или иначе в сфере влияния России, а другие – Турции. Так, в сфере российского влияния в тот период находились хамышейские князья Хаджимуковы и часть натухайских и темиргоевских дворян [11, с. 880].

Со своей стороны, и Турция пыталась использовать в своих интересах известных черкесских политических и военных деятелей князя Пшекуя Ахеджакова и Шурухуко Тугуза. В этой ситуации царское правительство стремилось разъединить адыгов. Александр I дал в сентябре 1802 г. князю П.Д. Цицианову соответствующее поручение: «… что касается до горских народов, то едва-ли не лучшею или не коренною политикою нашею существовать должно, дабы отвращать между ними всякое единомыслие, в чем по местным вашим усмотрениям вы наиудобнее распорядиться конечно не оставите» [12, с. 880].

Северо-Западный Кавказ явился одним из театров русско-турецкой войны 1806-1812 гг. В развязывании этой войны немалую роль сыграла французская дипломатия. Министр иностранных дел Российской империи А. Чарторыйский писал об этом в сентябре 1805 г. командиру Отдельного Кавказского корпуса П. Цицианову следующим образом: «Известно уже всем, что правила, коими руководствуется нынешнее правительство французское, не совместны ни с спокойствием, ни с безопасностию большей части Европы». И далее министр подчеркивал, что французское правительство «… изыскивало всевозможные средства нанести России наичувствительнейшие удары. В Константинополе не переставало оно разными своими происками возбуждать недоверчивость к Высочайшему двору, отклонять Порту от существующего между обеими империями союза, имея то своею целию, чтобы подвигнуть его султаново величество к явному с Россиею разрыву» [13, с. 9]. Французская дипломатия убеждала султана в ослаблении России после поражения ее войск в битве под Аустерлицем [14, с. 1035]. Тем самым наполеоновские агенты пытались отвлечь внимание России от положения дел в Европе и ослабить ее силы. Для отвлечения русских войск от проведения боевых операций в других районах зарубежным кругам в этот период было весьма выгодно поддерживать в бассейне р. Кубани напряженное состояние военной тревоги. В начале 1806 г. среди адыгов распространялись слухи о том, что Россия вынуждена будет отозвать с Кавказа значительную часть своих войск в Европу. Османские агенты призывали горцев к войне с русскими. Несмотря на то, что основные силы русской армии были заняты борьбой против Наполеона, турецкие войска терпели неудачи на Северо-Западном Кавказе. В апреле 1807 г. эскадра контр-адмирала С.А. Пустошкина после бомбардирования с моря заняла крепость Анапу [15, с. 44]. Взяв оттуда все медные пушки, взорвав остальное имущество, эскадра возвратилась в Севастополь [16, с.20].

Воспользовавшись временным прекращением военных действий в августе 1807 г., османы вновь заняли и укрепили Анапу. Один турецкий судовладелец, взятый в плен моряками русского фрегата «Воин» в 1809 г. у черкесского побережья, показал на допросе, что османы доставляли горцам на небольших судах боеприпасы. Турецкий паша со вспомогательным войском из местных жителей вновь расположился в Анапе. Восстановленная Анапа стала центром по организации турецких происков на Северо-Западном Кавказе. Русское командование решает нанести еще раз удар по этому опорному пункту османов.

Анапа была взята в июне 1809 г. десантом, высаженным с судов эскадры капитан-лейтенанта Перхурова. На этот раз в ней был оставлен русский гарнизон. В январе 1810 г. главнокомандующий царскими войсками на Кавказской линии и в Грузии А. П. Тормасов сообщал в Петербург о необходимости блокирования с моря другой турецкой крепости на черкесском побережье – Суджук-кале. Эта крепость также была

взята царскими отрядами. Адыги были недовольны вмешательством царской аминистрации в их внутренние дела, постоянными передвижениями царских войск на их территории. Захватнические действия царизма вызывали их возмущение. В 1811-1812 гг. адыги устроили нападения на Екатеринодар, Суджук-кале и другие опорные пункты царизма.

Во время войны 1806-1812 гг. большую активность развила французская дипломатия. Она стремилась затянуть русско-турецкую войну. Париж поддерживал действия Османской империи на Северо-Западном Кавказе. Наполеону Бонапарту было весьма выгодно, чтобы Россия увязла в восточных конфликтах и ослабела. Французские суда помогали снабжать закубанских черкесов оружием. В конце 1810 г., например, было задержано русскими плывшее в Черкесию под французским флагом судно «Св. Спиридон». Оно доставило вооруженных турецких солдат, боеприпасы и прокламации, содержавшие призывы к черкесам воевать против России. Французский посол в Петербурге Коленкур потребовал освободить это судно. Хотя судно и не было конфисковано русским правительством, внимание Франции было обращено на нарушение правил и соглашений, регулирующих нейтральное мореплавание.

Завершил русско-турецкую войну Бухарестский мирный договор, заключенный в мае 1812 г. Согласно его условиям, в состав России вошло Черноморское побережье Кавказа от р. Бзыбь до р. Риони. Черкесское побережье оставалось под номинальной властью османов. Крепости Анапа и Суджук-кале были возвращены Турции. В Анапе вновь утвердился турецкий паша.

В 1813-1819 гг. русско-турецкое соперничество на Северо-Западном Кавказе приобрело экономический характер. Обе державы стремились к преобладанию в развитии торговых связей с адыгами.

Османские купцы активизировали торговую деятельность в Западной Черкесии. Один из русских офицеров, служивший позже на Кавказе генерал Н. Н. Раевский, писал о ситуации на черкесском побережье Черного моря следующее: «Власть турецкого правительства заключалась во влиянии, которое давала ему торговля» [17, с. 49].

Опорным пунктом османской торговли в Западной Черкесии являлась Анапа, куда часто приходили караваны из Закубанья. Россия была серьезно озабочена упрочением экономических позиций турок в регионе. С этого времени русское правительство вступает в торговое соперничество с Портой на Северо-Западном Кавказе.

Литература и источники:

1. Дегоев В. В. Дипломатическая история кавказских войн первой трети XIX века: о методологии изучения проблемы // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3(35). – 384 с.
2. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. – 941 с.
3. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. Отношение гр. Нессельроде к гр. Дибичу от 16 января 1828 г. – 1011 с.
4. АКАК. Тифлис, 1873. Т. V. – 1170 с.
5. 5.Там же. С. 800-801.
6. АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. – 1238 с.
7. Бурсак Ф. Я. – атаман Черноморского казачьего войска в 1799-1816 гг.
8. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II (Репринтное воспроизведение). Краснодар, 1992. – 848 с.
9. См., например, «Письмо князя Цицианова к Анапскому паше Сеид-Хусейну» от 9 мая 1805 г. // АКАК. Т. II. – 1238 с.
10. Щербина Ф.А. Указ. соч.
11. АКАК. Т. VII. – 1011 с.
12. Там же.
13. АКАК. Т. II. – 1238 с.
14. Там же.
15. Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. – 282 с.
16. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II. Тифлис, 1902. Т. II. – 1238 с.
17. Хрестоматия по истории Кубани. Ч. 1. Краснодар, 1975. Ч. 1. док. № 21. – 406 с.

Пирова Р.Н.,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный Университет народного хозяйства»
Российская Федерация, г. Махачкала

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ВОЛЖСКО-КАСПИЙСКОГО ТОРГОВОГО ПУТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА И УЧАСТИЯ В ЭТОМ ПЕРСИДСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Аннотация: Во второй половине XVIII века Волжско-Каспийский торговый путь постепенно теряет свое значение единственного выхода России в Азию. Постепенно, от десятилетия к десятилетию падают объемы импортно-экспортной торговли через Астраханский порт. Это было связано с выходом России в Черное море и переориентацией направлений внешней российско-азиатской торговли. В то же время происходит постепенный отход русского, индийского и армянского купечества от активного участия в астраханской внешней торговле. Эту сферу постепенно осваивают персидские купцы собственно иранского и закавказского происхождения.

Ключевые слова: русско-азиатская торговля, Волжско-Каспийский путь, экспорт, импорт, обороты торговли, восточное купечество, Астрахань, персы.

С начала XVIII века, благодаря внутри – и внешнеполитическим решениям царя Петра Первого, российская внешняя торговля постоянно наращивала свои обороты. Вместе с тем, основные усилия реформатора были направлены, прежде всего, на развитие торговли через новый порт – Санкт-Петербург, ставший к тому же столицей Российской империи. Но, ежегодные приросты торговых оборотов новой столицы до 1730-х гг., по данным Г.П. Небольсина, росли постепенно и в 1718-1726 гг. увеличились лишь на 3,5 % [5, с. 46]. А в последующее двенадцатилетие (к 1748 г.) увеличился уже на 58% (экспорт) [8, с. 136]. За весь XVIII век общие обороты российской внешней торговли увеличились в 18,8 раз [9, с.100], при этом неуклонно сохранялся положительный для России торговый баланс. Главными предметами вывоза были сырье и полуфабрикаты.

Достаточно стабильным явлением в XVIII в. представляется торговля на «старых» российских направлениях русско-азиатской торговли, к которым, безусловно, относится Волжско-Каспийский торговый путь и Астрахань – как главный порт на нем. Обороты внешней торговли здесь имели значительный прирост в первой половине века. Как следует из работы А.И. Юхта, в конце 1730-х гг. через Астраханский порт каждый год ввозилось и вывозилось товаров на сумму 724 тыс. руб. в год. В следующее десятилетие оборот внешней торговли вырос на 67,7%, составив в среднем около 1 млн. руб. в год [9, с. 101]. Хотя в целом, в отличии от азиатской торговли, баланс здесь был отрицательным для России. Восточных товаров ввозилось больше, чем вывозилось.

Целый ряд причин способствовал замедленным темпам развития российско-азиатской торговли через Астрахань: постоянные междоусобицы в Средней Азии и Прикаспийских странах и регионах; как следствие – сложные политические условия, порождающие произвол в системе налогообложения; отсутствие гарантий безопасности для торгующих людей и т.д. Особенно ощутимый удар по этой торговле нанесла междоусобица, вспыхнувшая в Иране в 1745 г., и последовавшее вслед за этим убийство Надир-шаха в 1747 г. [4, с. 12]. В 1750-е гг. наблюдается постепенный подъем астраханской торговли (всего за десятилетие – 7,2 млн. руб.), при том, что баланс торговли был положительным для России, экспорт превышал импорт в эти годы в среднем 100 тыс. рублей. Но в 1760-1770-е гг. происходит падение показателей астраханской торговли. В эти десятилетия они не превышали 4,5 млн. руб. в год, при сохранении активного для Российской империи баланса (впрочем, незначительного – в пределах 15-80 тыс. рублей в год). В 1780-1790-е гг. ежегодные торговые обороты астраханской торговли упали до 800-850 тыс. руб. в год при сохранении положительного баланса. Связано это было, конечно же, с успешной внешней политикой Екатерины II, присоединением Крыма и обретением Россией новых удобных портов здесь для русско-азиатской торговли [7, с. 50].

В целом, на развитие астраханского направления, во второй половине XVIII века очень серьезно влияли внутриполитические события в странах Востока, прилегающих к акватории Каспийского моря, а также весьма малоемкий ры-

нок сбыта для продукции Российского производства. Торговые отношения через Астрахань были установлены лишь с государствами и территориями, прилегающими к Каспию, в силу географических особенностей «внутреннего моря», широкого проникновения на все рынки зарубежного Востока из российского порта не получилось. Большие затруднения для российской торговли в регионе также создавала существовавшая английская конкуренция, особенно в Персии [3, с. 146].

Несмотря на то, что общие показатели астраханской торговли в течении второй половины XVIII века сокращались, она сохраняла свою роль в обмене российских и европейских товаров. За счет транзита европейских товаров (составлявших до 90% стоимости всего вывоза) по Волжско-Каспийскому пути баланс был преимущественно в пользу российской стороны. Российские товары в структуре экспорта составляли весьма незначительную часть [7, с. 43].

Впрочем, в структуре астраханского импорта также доминировали европейские (преимущественно английские) товары, которые вывозились и русскими и восточными купцами из азиатских регионов в значительных количествах. Краска, ткани, так называемые «колониальные товары» европейского производства перепродавались купцами с большой выгодой. На вырученные деньги покупалось сырье: шелк-сырец и хлопок, которые были так необходимы российскому мануфактурному производству. Из России вывозились железо, стеклянная и фарфоровая посуда, дерево, золотая и медная монета и др.

На первое место в импортировавшихся товарах постепенно выходит хлопок, который был значительно дешевле доминировавшего ранее шелка (в 6-7 раз) и был более востребован российской и западноевропейской промышленностью. Но потребности восточных рынков в товарах российского и европейского производства была все же достаточно скромная [9, с. 112]. Общая бедность населения в Азии; предпочтения основного населения этого региона неизменно оказываются на стороне местных производителей, ввиду дешевизны товаров и их соответствию вкусам покупателей. К тому же, импорт шелка и хлопка в больших объемах из Закавказья и Ирана был несколько затруднен, в виду политической нестабильности, о которой мы уже упоминали выше.

В течении двух столетий, практически с момента основания русской Астрахани и до середины XVIII века, в торговле со странами Востока через этот российский порт, принимали участие и русские и, особенно, восточные торговые люди. Среди последних были и индийцы, и армяне, и представители Ирана и Закавказья (объединенные в единую категорию персиян), купцы из различных регионов Средней Азии. И в течении всего этого достаточно длительного периода ведущую роль в этой торговле играло армянское купечество, особенно выделялась Армянская (Джульфийская) Торговая компания. Причем, несмотря на национальную принадлежность, практически все армяне были подданными персидского шаха. На долю армян в начале XVIII века приходилось почти 95% импорта шелка-сырца через Астрахань, и соответственно всего лишь около 5% – на долю остальных [6, л. 88-136 об.].

С 1740-х гг. позиции армянского купечества в астраханской внешней торговле пошатнулись, в связи с активизацией английского купечества в Иране, а также с тем, что российские купцы, воодушевленные общим покровительственным характером внешнеторгового законодательства (политикой меркантилизма), более активно включаются в российско-азиатскую торговлю. В 1740-е гг. доля армян в импорте шелка составляла 75-77%, соответственно доля всех остальных, прежде всего российских купцов, составила почти четверть [8, с. 201].

В первое десятилетие XVIII века в виду целого ряда внешнеполитических причин и покровительственного характера российского имперского законодательства, армянское купечество начинает массово принимать российское подданство, и, наряду с российскими «природными» купцами уверенно занимает ведущие позиции в астраханской внешней торговле со странами Востока. Совместно, эта категория купечества осуществляла до 70% российско-азиатской торговли через Астрахань. Но тогда же начинают наращивать свое присутствие на астраханском внешнем рынке купцы-персияне (из Ирана и Закавказья) [9, с.118].

С самого основания русского города Астрахани его отличительной чертой становится многонациональный состав жителей. Все ревизии (переписи) XVIII века фиксируют в городе не только, и, не столько, русских, но и горожан «восточных» национальностей. Армяне, индусы,

татары, узбеки, калмыки и персы (собственно иранцы и азербайджанцы) были жителями астраханских слобод и караван-сараев. Население города росло стремительно. Если по первой ревизии в городе проживало 1660 душ м.п., то в конце века проживало 15882 душ м.п. До третьей части этого населения составляли торговцы азиатского происхождения [1, л.9 об. -10].

Еще в первой половине XVII века в Астрахани были основаны Бухарский, Гилянский, Армянский и Индийский Гостиные дворы. Они и стали центрами формирования соответствующих этнических общин. Как понятно из названия, персидско-шиитская община формировалась в рамках Гилянского двора, который иногда называли и Персидским. До 1760-х гг. самой значительной была Армянская колония, что следует и из логики внешней торговли, о чем мы писали выше.

В последние два десятилетия XVIII века персидское купечество постепенно начинает занимать лидирующие позиции в астраханской внешней торговле. Связано это с тем, что армянские и русские купцы постепенно отходят от участия во внешней торговле и переключаются на другие, менее затратные и безопасные виды предпринимательства, прежде всего, рыбную промышленность. С обретением Россией новых портов на Черном море и сокращением объемов русско-азиатской торговли на этом направлении у астраханских армянских и русских купцов интерес к ней стремительно падал. Но эту нишу занимает персидское купечество [2, с. 106].

В первой половине XVIII века персидские купцы, как и другие, относящиеся к категории «азиатское купечество», получили от российского правительства целый ряд преференций, которые способствовали их «оседанию» в городе.

«Персидское купечество» на самом деле состояло из торговых людей из иранских и азербайджанских купцов, а также армян и грузин – подданных персидского шаха, во всяком случае так они записывались на границе при въезде на российскую территорию. Причем, не иранцев среди этих «персиян» было большинство. Впрочем, купцы – не армяне, но персидские подданные до 1750-х гг. принимали весьма скромное участие в астраханской торговле [7, с. 51].

Ситуация изменилась во второй половине XVIII в. С 1755 по 1791 гг. на торговые обороты персидских купцов (иранцев и из Закавказья) приходилось в среднем ежегодно до 40% вывоза и 43% ввоза товаров к Астраханскому порту. А в 1790-е гг. персияне стали уверенно лидировать в астраханской внешней торговле, заняв лидирующие позиции [7, с. 54]. Они стали лидировать не только в торговых операциях, связанных иранским шелком-сырцом, но и в экспорте российских товаров, особенно с середины 1770-х гг.

Укрепление позиций иранского купечества в астраханской торговле было связано и с политическими обстоятельствами. Русским и армянским купцам было труднее договариваться с иранскими властями и производителями, им трудно было ориентироваться в быстро меняющейся и сложной системе налогообложения, ориентированной на покровительство мусульманам. Ко второй половине XVIII в. иранские и азербайджанские торговцы наладили сеть компаньонов и рынки сбыта, сумели накопить достаточные для торговли капиталы и сформировать систему кредитования. И в итоге – уверенно вышли в лидеры астраханской внешней торговли и вытеснили из нее другие национальные группы торговцев к 1790-м гг. [2, с. 118]

В самой Астрахани колония персидского купечества – Гилянский Гостиный двор становится местом постоянного проживания для купцов-векилей, которые стали главными посредниками азиатско-российской торговли на рынках города. Колония, во главе с персидским старшиной становится значимой составной частью астраханского социума, ее представители включаются в социально-экономическую жизнь города и региона.

Литература и источники:

1. Государственный архив Астраханской области. Ф.1. Оп.1. Д.232.
2. Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань: Изд-во Сорокин. Астрахань, 2015. – 186 с.
3. Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. – М.: АН СССР, 1958. – 355 с.
4. Киняпина Н.С, Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (II половина XVIII – 80-е гг. XIX века). М.: Наука, 1984. – 312 с.

5. Небольсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России, составленные Григорием Небольсиным. Ч.1-2. СПб.: Деп-т внеш. торговли, 1835.

6. Российский государственный архив древних актов. Ф.1261. Оп.6. Д.940.

7. Рябцев А.Л. Экономическое развитие Астраханского края в XVIII в. – Астрахань: АФ МОСУ, 2000. – 92 с.

8. Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. Т.1-3. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1858. – 376 с.

9. Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII века). М.: Рос. АН, 1994. – 261 с.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧✧

Умудлу Видади Умуд оглы,
ведущий научный сотрудник НАН Азербайджана,
институт Истории им.А.А.Бакиханова,
доктор философии по истории, доцент

ГОРОД ГЯНДЖА В ТРУДАХ ТУРЕЦКИХ ИСТОРИКОВ (НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Аннотация: Гянджа, древняя азербайджанская земля, имеет давнюю историю. Основным вопросом, представленным в статье, является освещение оккупации Гянджи царской Россией в начале 19-го века в турецкой историографии. Исследовательская деятельность, связанная с деятельностью Гянджи и Джавад хана, отраженная в историографии Турции, была проанализирована и доведена до сведения научного сообщества

Отметим, что выводы большинства турецких историков, в том числе М. Сарай, Дж. Гекче, М.С. Бильге, Н.Кейкурун, А. Чечена, и других историков на эту тему различаются по своей объективности. В статье также использовались архивные документы и книги, составленные на основе архивных документов.

Ключевые слова: Северный Азербайджан, Гянджа, царская Россия, оккупация, турецкие историки.

Umudlu V. U.,
Azerbaijan National Academy of Sciences Institute of History named after Abbaskuli Aga Bakihanov,
leading researcher, Ph.D. in history, associate professor
Baku city, Azerbaijan Republic

GANJA CITY IN THE WORKS OF TURKISH HISTORIANS (EARLY 19TH CENTURY)

Annotation: Ganja, an ancient Azerbaijani land, has a long history. The main issue presented in the article is the coverage of the occupation of Ganja by tsarist Russia at the beginning of the 19th century in Turkish historiography. The research activities related to the activities of Ganja and Javad Khan, reflected in the historiography of Turkey, were analyzed and brought to the attention of the scientific community.

Note that the conclusions of most Turkish historians, including M. Saray, J. Gekce, M.S. Bilge, A. Chechen, N. Keykurun, and other historians on this subject differ in their objectivity. The article also used archival documents and books compiled on the basis of archival documents.

Keywords: Northern Azerbaijan, Ganja Khanate, Tsarist Russia, Occupation, Turkish historians

The ancient Azerbaijani land of Ganja has a long centuries-old history. Having an important strategic position, Ganja from ancient times played the role of a kind of bridge between Azerbaijan and Russia, including Dagestan and the North Caucasus. After the death of Nadir Shah Afshar, like other khanates of Azerbaijan, Ganja also became an independent khanate. The main issue presented in the article is the coverage of the occupation of the Ganja city by tsarist Russia in Turkish historiography.

The end of the 18th and the beginning of the 19th centuries of the Ganja Khanate attracted the attention of Turkish historians, who in their writings spoke about this city of Azerbaijan. Many research works on the occupation of the Ganja Khanate in Turkish historiography were analyzed and brought to the attention of the scientific community. The history of the Ganja city of this period was investigated in the works of Mehmet Saray [8, 9], Dzhemal Gekce [4], Mufit Sadik Bilge [3], Naki Keykurun [12], Anil Chechen [11], Muharrem Yıldız [19], as well as in articles by Bala Mirze Mehmedzade [1] and other authors.

The main archival documents related to the Ganja city are stored in the Ottoman archives of the Prime Minister. The Hattie-Humayun Foundation collection [2] is dominated by most archival documents among the foundations. The article also analyzed many documents related to the Ganja city in the Ottoman archives, which were used to study the problem. In addition, the two-volume based on archival documents “Osmanlı Devleti İle Azerbay-

can Türk Hanlıkları Arasindakı Münasebetlere Dair Arşiv Belgeleri" [5, 6], "Osmanlı Devleti İle Kafkasya, Türkistan ve Kırım Hanlıkları arasındakı Münasbetlere Dair Arşiv Belgeleri (1687-1908)" [7], also, "Türkiye Diyanet Vakfi ISLAM Ansiklopedisi" describe the history of the khanate of Ganja [1].

The occupation of the Ganja city by tsarist Russia is one of the most discussed issues in Turkish historiography. The historian M. Saray, who covered the Russian occupation of the beginning of the 19th century, paid special attention to the heroic defense of Ganja and the heroism of Javad Khan [8, 149]. The work also emphasizes the heroic defense of the Ganja Khanate and the role of Javad Khan. The role of Armenians in Russian politics in the Caucasus has also been investigated [9, 5].

The historian Mehmet Sarah notes that the first Khanate attacked by Russian troops in Azerbaijan was the Ganja city. Ganja was a key point where military and trade routes from the north to Azerbaijan converged. Javad Khan, who skillfully ran the country, heroically defended the Khanate during the Russian invasion of Ganja in 1804 [8, 17].

Despite all the efforts of Javad Khan, in 1804 Ganja was occupied by the Russians. The name of Ganja was named Elizabeth in honor of the wife of the Russian Tsar, and the mosques turned into a church. The Ottoman state did not respond at all to this bloody Russian invasion [8, 17]. It should be noted that shortly after the occupation of Ganja, Kajar Iran declared war on Russia. But the main participants in the war were Azerbaijani khanates.

The historian J.Yucel also notes in his book that Ganja was the first khanate that the Russians chose to attack. The book also shows that the last ruler, Javad Khan, was killed during the defense of Ganja, the city surrendered to 2,000 martyrs and 18,000 prisoners, and the name of Ganja was changed to Elizavetpol in honor of the wife of Alexander I [10, 77-78].

Turkish historian Jamal Gökce tells in detail about the invasion of the tsarist troops in the Ganja city. The author writes that many, including the Ganja Javad Khan, sacrificed themselves in the battle against the Russians. Ganja Khanate was occupied by Russians [4, 189-190]. The heroic defense of the city of Ganja is of great importance in the history of the Azerbaijani people. The city resisted the Empire for a month, and the city was captured only after heavy artillery fire.

Historian M.S. Bilge writes that Sisyanov, who besieged Ganja in November 1803, occupied Ganja after the death of Javad Khan and his son Huseyngulu Aga on January 3, 1804. Tsarist troops plundered Ganja and renamed it Elizabethpol [3, 167].

The representative of Turkish historiography A. Chechen notes that Russia, trying to conquer the Caucasus, faced great resistance in the Ganja and Karabakh khanates, and the Ganja fortress resisted the invaders for a long time. The author notes that after heavy and bloody wars, the occupation of Azerbaijan was a military occupation that put an end to the country's independence [11, 287].

According to the historian Tagi Keykurun (Sheikhzamanla), the Russians fought the most difficult struggle with the Ganja Khanate, causing many losses. The author writes: "Wild Russian soldiers who infiltrated the city brutally destroyed all living things that they encountered" [12, 5]. The Russians who occupied Ganja with massacres continued their aggression when they saw that there was no pressure from outside, especially the Ottoman Empire and Iran [1, IV, 762-766]. The weakening of the Ottoman Empire during this period and the threat of war on all fronts silenced the events in the South Caucasus.

According to Turkish historian Dzhemalettin Tashkyran, after the fall of the Ganja Khanate, all other khanates collapsed due to unequal power and different paths. Ibrahim Khan of Karabakh was forced to accept surrender in May 1805 [13, 68].

According to Muharrem Yildiz, the author of a scientific study called «Dünden Bugüne Kafkasya» devoted to the study of the history of the Caucasus, after the conquest of the Ganja Khanate, other khanates were forcibly incorporated into Russia. According to the author, despite the heroic defense of the Azerbaijani people, which over time understands the bitter consequences of this great catastrophe, he could not escape from the catastrophe and save the country from Russian oppression [14, 79]. Indeed, the failure of the khanates to agree on occupation and their unification is one of the main reasons for the defeat. The fact that the khans did not understand this truth in time became the cause of their tragedy.

The Ottoman state, which lost the war with Russia and was tired of the war, did not intervene in the Caucasus because of its unwillingness to confront Russia or Iran. Only by observing the actions of the Russians in the Caucasus, they were satisfied with the reports submitted by the rulers of the border provinces [3, 306].

According to a study by Turkish historians, as a result of the military operations of Tsarist Russia in 1804, the Ganja city was occupied. The city could not resist the occupation due to lack of strength and

power imbalance, internal tension caused by provocation of local Armenians.

The reason for the defeat should be considered the inability of other khanates to unite on the eve of the occupation and not take serious measures to protect themselves, as well as the fact that Qajar Iran and the Ottoman Empire remained far from these events.

As a result of the occupation, the Ganja city became a province and became known as Elizabethpol.

LIST OF LITERATURE

1. Bala Mirze Mehmedzade. "Gence" maddesi, *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi, c.4,* İstanbul: TDV Yay., 1991, 762-766.

2. Başbakanlık Osmanlı Arşivleri (BOA), Hatt-i-Hümayun (HAT)

3. Bilge Müfit Sadık Osmanli Devleti ve Kafkasya –Osmanlı Varlığı Döneminde Kafkasyanın Siyasi-Askeri Tarihi ve İdari Taksimatı(1454-1829), İstanbul: Eren Yayınçılık, 2005, 295 s.

4. Gökçe Cemal. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğunun Kafkasya Siyaseti: İstanbul: Şamil Eğitim ve Kültür Vakfı,1979, 253 s.

5. Osmanlı Devleti ile Azerbaycan Türk Hanlıkları Arasındakı Münasibetlere Dair Arşiv Belgeleri (Karabağ-Şuşa, Nahçıvan, Bakü, Gence, Şirvan, Şeki, Revan, Kuba, Hoy) 1578-1914, I kitab. Ankara: Başbakanlik Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanliği Yay., 1992, 427s.

6. Osmanli Devleti Ile Azerbaycan Türk Hanliklari Arasindaki Münasebetlere Dair Arşiv Belgeleri Karabağ-Şuşa, Nahçıvan, Bakü, Gence, Şirvan, Şeki, Revan, Kuba, Hoy II (1575-1918), Ankara: Başbakanlik Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanliği Yay., 1993

7. Osmanli Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım Hanlıkları Arasındakı Münasebetlere Dair Arşiv Belgeleri (1687-1908), Ankara: Başbakanlik Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanliği Yay., 1992, 240 s.

8. Saray Mehmet. Azerbaycan Türkleri Tarihi, İstanbul: İstanbul Matbaası, 1993, 149 s.

9. Saray Mehmet. Yeni Türk Cumhuriyetleri Tarihi, Ankara:Türk Tarih Kurumu, 2014. 514 s.

10. Yücel C. *Dış Türkler,* İstanbul: Hun Yayınları, 1976.

11. Çeçen A. *Türk Devletleri,* İstanbul: Togan Yayıncılık, 2014.

12. Keykurun N. *Azerbaycan İstiklal Mücadelesinden Hatıralar(1905-1920),* Ankara: İlke Kitabevi Yayınları, 1998.

13. Taşkiran C. *Keçmişten Günümüze Karabağ Meselesi,* Ankara: Genelkurmay Basımevi, 1995

14. Yıldiz M. *Dünden Bugüne Kafkasya,* İstanbul: Yitik Hazine Yayınları, 2006.

Цвижба Л.И.,
старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук
Российская Федерация, г. Москва.

«НАЙТИ ДЛЯ НИХ ЗАНЯТИЕ, СООБРАЗНОЕ С ИХ НАКЛОННОСТЯМИ»

Аннотация: В статье показаны сложные и драматичные процессы в горской среде, имевшие место в период Кавказской войны: принятие присяги горцами, переселения в Турцию, поездки в Мекку для поклонения гробу Магомета, отношения российских чиновников к этим переселениям. Обращено внимание и на то, что на протяжении длительного времени развивалось также и военное сотрудничество с народами Кавказа, создавая иррегулярные части из горцев. Такой опыт позволил в дальнейшем формировать горские части на постоянной основе. При этом главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский отмечал, что нужно найти занятие сообразное с их наклонностями, то есть военные навыки горцев, что проиллюстрировано в статье рядом биографий представителей Северного Кавказа, вступивших на русскую службу в XIX в.

Ключевые слова: Кавказ, война, переселение в Турцию, поездки в Мекку; формирование иррегулярных и регулярных частей «из туземцев», награждение «за усердную службу».

Кавказ. В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. здесь произойдут события, которые будут определять дальнейшую судьбу его народов: покорение Шамиля в августе 1859 г., активные военные действия на Западном Кавказе, которые вынуждают все больше представителей обществ этого региона изъявить о готовности покориться или согласиться на переселение в Турцию. Судьбу народов, включая приведение в покорность, их обустройство, сосуществование с переселенцами из Российской империи, держит под контролем военная администрация на Кавказе. Главнокомандующий Кавказской армией Барятинский в отзыве своем военному министру Н.О. Сухозанету от 19 сентября 1859 г. отмечал, что «первый пример покорности подали бжедухи, старшины которых обратились с изъявлением готовности покориться России, а за ним последовали племена, живущие между Лабой и Белой: темиргоевцы, бгеруковцы, бесленеевцы, закубанские кабардинцы и шахгиреевцы» [1, л. 1-1об.]. Еще в начале июня 1859 г. наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал-лейтенант Г.И. Филипсон пригласил к себе депутатов от всех бжедухских племен и предложил им принять «безусловную покорность, поголовную присягу и выдачу аманатов» «с последующим переселением в указанные места большими аулами от 250 до 300 дворов». Условия покорности были приняты и в середине июля они присягнули на верность России. Их примеру последовали и другие племена [2, л. 3]. Среди горцев были и не готовые к присяге, но нацеленные на переселение в Турцию. К сожалению, переселенческий поток в дальнейшем будет набирать все больше и больше людей в силу сложившихся военно-политических обстоятельств.

Факты свидетельствуют о принятии горцами присяги с последующим переселением их в отведенные им места среди казачьих поселений. Безусловно, приспособиться к новым условиям проживания да в чужой для них среде было сложно, что повлекло за собой желание последовать за своими, ранее переселившимся в Турцию соотечественниками. 11 апреля 1860 г. появилось секретное предписание командующего войсками Левого крыла Н.И. Евдокимова начальнику Кабардинского округа В.В. Орбелиани о необходимости прекратить переселения в Турцию сухопутно через Кавказский край. Это мера вызвана тем, что горцы, оказавшись в Турции в бедственном положении, чинили беспорядки, что заставляло турецкое правительство «не желать дальнейшего переселения в пределы Турции» горцев Кавказа. Главнокомандующий Кавказской армией Барятинский, также считал, что «в видах человеколюбия» необходимо прекратить переселенческий процесс. Интересно, что Евдокимов в своем предписании просит Орбелиани объявить жителям округа (здесь 400 с лишним человек просились в отпуск в Турцию), что отправиться в Турцию они могут только морем, через Тамань. При этом он отмечал: «Желательно было бы дело так повести, чтобы задержать от следования в Турцию людей благонадежных, а фанатиков и людей беспокойных отправить морем. Причем объявить им, что на суда они будут принимаемы с их пожитками и скотом» [3, л.1]. Пожитки

еще можно погрузить на суда, что касается скота, это лукавство, но зато никакому отряду не надо будет сгонять непроданный скот с аулов, а сами хозяева пригонят их на равнину. Умно, но аморально, так же, как и фильтрация людей, к тому же морем не всегда безопасно из-за штормов! 3 февраля 1861 г. наказной атаман Войска Донского в рапорте военному министру отмечал, что кавказские горцы, добровольно явившиеся под покровительство России, обращаются к нему с просьбой разрешить им уехать в Турцию. Как следует из вышеуказанного рапорта, горцев на Дону и причисленных к станицам значится 190 человек, из которых только небольшая часть имела семейства. Кроме того, люди эти, «несмотря на пособия, оказанные им со стороны правительства и частных лиц, и заботливость местного начальства о приучении их к хозяйственным занятиям, не оказывают к тому никакого расположения, остаются в бедном состоянии и питаются большею частью за счет жителей тех станиц, к которым они причислены». Поэтому наказной атаман Войска Донского, считая для станичников обременительным соседство с горцами, выступил за переселение их в Турцию, отмечая при этом, что «религия и образ их жизни никогда не дозволят им селиться с природными жителями» [4, л. 1-2].

Во взаимоотношениях горцев и русской администрации на Кавказе возникла еще одна проблема. Многие горцы целыми семьями, численностью в сто и более человек, периодически выезжали в Мекку для поклонения гробу Магомета. Таких последователей Магомета становилось все больше и больше. Судьба многих горцев, «временно» выехавших в Турцию для последующей поездки к святому месту, была неизвестна, так как не все из них возвращались на Кавказ. Ситуация становилась критической для обеих сторон. Для решения возникшей проблемы Комитет министров дважды в июле 1861 г. обсуждал вопрос о кавказских выходцах, возвращавшихся из Турции в Россию. В частности, Комитетом было отмечено, что в течение последних 5 или 6 лет жители Северного Кавказа, примерно численностью свыше 100 тысячи человек, покинули свои земли и под предлогом путешествия в Мекку для поклонения гробу Магомета, вышли в Турцию с намерением там водвориться. В этом намерении и в том, что путешествие в Мекку служило лишь предлогом для получения заграничных паспортов, не вызывало никакого сомнения, потому что с Кавказа уезжали не отдельные люди, а целые семьи со всеми своими родственниками и домочадцами, распродав или взяв с собой все свое имущество. «Не найдя ожидаемых выгод и удобств под покровительством Оттоманской Порты, горцы эти стали пытаться возвратиться в покинутые ими родные края» [5, л. 4-5]. Действительно, факт временного переселения горцев носил массовый характер, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы, которые содержат, кроме общих статистических данных, подробные списки переселенцев. Эта тема, безусловно, требует отдельного фундаментального исследования.

Что касается вопроса водворения горцев на покинутые им земли, но уже распределенные, также будет проблематичным. Об этом говорили и в Комитете министров. В частности, что земли, которые ранее занимали упомянутые горцы, получили уже другое назначение. Понимая, что возвращение из Турции бездомных и истративших в переездах все свое имущество может быть опасно для края и послужит к увеличению разбоев и грабежей, кавказское начальство предложило: «горцев, возвращающихся морем, не заводить ни в один из кавказских портов, а отправлять прямо на Дон для поселения их в земле Войска Донского или в местах, отдаленных от Кавказа, а прибывающих через сухопутные границы отсылать в Баку для перевоза морем в Астрахань» [6, л. 5 об.].

Сложилась ситуация, что горцев не могли поселить в места их прежнего проживания, но и в земле Войска Донского им не могли предоставить земельные наделы по недостатку свободных площадей, но более того, «водворение переселенцев в пределах земли Войска Донского считалось местными жителями нарушением их прав» [7, л.6об.]. В Комитете считали, что водворять кавказцев можно внутри России, но в данном конкретном случае такая возможность была только в землях Оренбургского и Уральского казачьих войск. Эти отдаленные от Кавказа регионы никак не соответствовали ни образу их жизни, ни климату им привычному, который обернется для них «в совершенную гибель», тем более что был уже негативный опыт поселения натухайцев в Самарской губернии, о чем напомнил министр государственных имуществ [8, л. 6 об.; с. 194-202].

Другая сторона взаимоотношений России и народов Кавказа – это военное сотрудничество, которое имеет глубокие корни. Еще во времена

императрицы Анны Иоанновны в нерегулярных войсках низового корпуса значилось 109 грузин и 307 армян. Это было в 1732 г. С этого времени берут начало кавказские иррегулярные части. В 1740 г. была сформирована из грузинских князей и дворян Грузинская гусарская рота, в 1765 г. из поселившихся близ Моздока горских выходцев – двухсотенная Горская команда. В 1786 г. для предохранения Кавказского края от набегов, создано особое войско из 300 ингушей и 500 осетин, а также из кабардинцев [9, л.38]. В XIX веке практически все горские общества были вовлечены в формирование иррегулярных частей и принимали участие в военных походах, которые вела Россия, в том числе и за пределами империи. По мере необходимости формировались иррегулярные части, затем расформировывались. Это были конные команды, ополчения, милиции, дружины, полки [10, с.89-97]. Наместник Кавказа князь М.С. Воронцов считал, что одним из основополагающих принципов региональной политики является привлечение на службу «кавказских туземцев». Он был убежден в том, что только при их активном участии возможно претворение в жизнь идеи культурной экспансии, кроме того, местные уроженцы, состоявшие на службе у российского императора, играли важную роль в преодолении барьеров взаимного недоверия и непонимания [11, с.127.].

16 января 1860 г. главнокомандующий Кавказской армией в отношении военному министру по вопросу формирования Терского и Лабинского конно-иррегулярных полков отмечал, что «воинственные горские племена Кавказа, по большей части принимавшие в течение нескольких лет деятельное участие в веденной нами войне, или на нашей стороне или на стороне неприятельской, привыкли к постоянной боевой жизни до такой степени, что нам, несмотря на покорность их, еще рано думать о том, чтобы они совершенно бросили оружие и обратились к мирным занятиям. В среде туземного населения, особенно покорившегося недавно, есть многочисленный класс людей, занимавшихся до сих пор исключительно войною. Если их оставить праздными, то они обратятся не к мирным занятиям, а к воровству, хищничеству и разбоям или даже недовольные своим положением будут нарушать общественное спокойствие». Говоря об установлении прочного мира на Кавказе, о благоустройстве между горцами, Барятинский отмечал, что нужно обратить внимание на людей «и найти для них занятие, сообразное с их наклонностями». Цели этой удобнее всего достигнуть формированием в регионах Кавказского края, по мере надобности, постоянных регулярных частей войск, в которые, сохранившие воинственные привычки и стремления, люди могли бы поступать по добровольному желанию охотниками. Барятинский считал, что, предоставив им занятия и «открыв поприще их честолюбию», они сделают их «не только безвредными для войны, приобретая в них отважных людей, замечательных по удальству и ловкому наездничеству, так и в мирном быту, в котором они будут служить пособием местным властям для поддержания общественного порядка». Сформированные таким образом постоянные части туземных иррегулярных войск могут быть в последствии использованы во внешних войнах, кроме того, они могли бы служить «кадрами для образования новых частей из охотников туземных племен: сверх того и что главное, эти постоянные и в обыкновенное время содержимые в крае в известной, указываемой политическими соображениями численной соразмерности с прочими, не туземными войсками, и с течением времени привыкнув к воинскому благоустройству и дисциплине, будут и для внутренней службы в крае во многих отношениях несравненно полезнее, нежели не только временные туземные милиции, но даже и прибывающие на Кавказ Донские казачьи полки, остающиеся там недолго, не привычных к климату и вначале совершенно незнакомые ни с краем, ни с народом, ни с характером тамошней службы». К одному из пунктов отношения Барятинского есть помета военного министра: «Совершенно справедливо», где речь о следующем: «Временные милиции, принося относительно малую пользу, имеют к тому же против постоянных войск, составленных из охотников, еще ту невыгоду, что отвлекают некоторых только людей, добровольно посвящающих себя военному делу, а поочередно, большинство населения от мирных занятий, и будучи учреждением, в известной степени обязательным для всех жителей, поддерживают привычку к оружию и препятствуют развитию гражданственности в целых массах туземного населения» [12, л.2-4].

Формирование новых горских полков происходило на уже имевшемся опыте. Например, Анапский горский полуэскадрон (в 1842 г.) и Дагестанский конно-иррегулярный полк (в 1852 г.), существование которых показало, что постоянные туземные войска могут быть более полезны,

чем временно собираемые на Кавказе конницы. Был составлен проект положения о сформировании 2-х таких постоянных иррегулярных частей: на Левом крыле – Терского конно-иррегулярного полка из 3-х дивизионов: осетинского, чеченского, кумыкского. «Кабардинцы же, более других оказавшие успехи в гражданском быту, не образуют особой части, а князя и уздени их, которые еще сохранили наклонность к военному поприщу, будут поступать без различия во все 3 дивизиона», также и «жители обществ Дагестанских» [13, л.4об. -5]; а на Правом крыле – Лабинского конно-иррегулярного эскадрона, который должен заменить в Лабинском округе все собираемые там временные милиции. В эскадрон будут набирать из охотников как покорных, так и враждебных племен. Это сделано для того, чтобы местные покорные жители были избавлены от повинности, которые обременительны для них. То есть, это содержание каждого милиционера обществом (от 6 до 10 руб. серебром в месяц) вдобавок к казенному содержанию милиционера. Составители проекта положения полагали, что будут иметь для военных действий «часть туземных войск несравненно полезнейшую нынешних милиций, тем более что большею частью эти милиции комплектуются теперь людьми из мест не соседственных с неприятельским краем, не знающим и местности и не имеющими необходимых для доставления верных сведений о неприятеле связей в горах». Кроме того, полагали, что Лабинский эскадрон «может привести на службу лучших неприятельских наездников» [14, л.6об].

Примеры успешной службы горцев в частях русской армии показывают их выбор и оценка происходившим событиям на Кавказе. Биографии многих горцев тому подтверждение:

*Кубатиев Асламбек***,** поручик Кавказского конно-горского дивизиона (на 1850 г.), 32 лет от роду, происходил из дигорских старшин, магометанского вероисповедания. За отличие против горцев произведен в прапорщики в 1845 г. Поступил в команду горцев, отправляющихся в Кавказский конно-горский дивизион в январе 1849 г. За отличие в Венгерской компании произведен в поручики в августе в 1849 г. Награжден серебряной медалью в память Венгерской компании. Был в экспедициях: в 1841 г. в Чечне при взятии с. Ахты; в 1842 г. в экспедиции в Чечне при взятии с. Чиркея, в 1845 г. при взятии с. Дарго и во многих других экспедициях на Кавказе [15, л.9-12]. *Тиморко Ахриев*, векиль (1841 г.) Кавказского конно-горского дивизиона, 26 лет на 1842 г., происходил из джераховских старшин, магометанского вероисповедания. В службу вступил всадником в 1837 г. Награжден «За усердную службу» серебряной медалью на Анненской ленте для ношения на шее. [16, л.87 об. -88].

24 августа 1860 г., [состоявший при главнокомандующем Кавказской армией] г.-ад. [Г.Д.] Орбелиани, ходатайствовал перед управляющим военным министерством «о награждении чинов и азиатцев за отличие, оказанное 28 апреля 1861 г. с партией хищников, напавших на жителей станицы Ассиновской, следовавших с казенным провиантом в ст. Галашевскую, при чем отбит захваченный хищниками у тех жителей скот – 40 пар быков» [17, л.1-1 об.]. Среди награжденных были горцы магометанского вероисповедания:

*Шамхал Цуков***,** поручик милиции, помощник управляющего Назрановско-Карабулакским участком с апреля 1861 г. В офицерском звании с 1850 г. За отличие в делах с горцами произведен в поручики в 1860 г. Награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом и мечами в октябре 1861 г. Имел и другие награды: орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом для мусульман установленный; знак отличия Военного ордена Св. Георгия № 854; медали: золотую и серебряную для ношения в петлице с надписью: «За храбрость» на Георгиевской ленте [18, л.4-5, 24-25]. Карабулаки: *Чумка Эмирханов*, милиционер с 1854 г. За отличие в делах с горцами награжден серебряной медалью с надписью «За храбрость» для ношения в петлице в мае 1859 г. Произведен в юнкеры в 1861 г. [19, л.12 об.-13, 24-25]; *Альтемир Арсангириев***,** милиционер с 1857 г. Награжден серебряной медалью «За храбрость» для ношения в петлице в 1861 г. [20, л.14-15, 24-25]; *Булгучев Хаким***,** милиционер с 1850 г. Награжден серебряной медалью с надписью «За храбрость» для ношения в петлице в 1861 г. [21, л.16-17, 24-25]; *Сосуров Мамай*, милиционер с 1849 г. Награжден серебряной медалью с надписью «За храбрость» для ношения в петлице в 1861 г. [22, л.18-19, 24-25].

За особенные отличия, оказанные в делах и перестрелках с горцами в течение летней экспедиции 1859 г. в Чеченском и Дагестанском отрядах, награждены 9 ноября 1859 г. милиционеры: Назрановского общества *Эльмурза Наурузов* – знаком отличия Военного ордена 3 ст. № 6 для мусульман установленный; Осетинского племени *Магомет (Александр) Газданов* – знаком от-

личия Военного ордена 3 ст. № 27 обыкновенный [23, л.2, 5-5 об.].

Эти немногочисленные факты взаимоотношений России и народов Кавказа показывают не только о тяжелой участи горцев, оказавшись в составе Российской империи и избравших сопротивление новой власти, но и отношение властей к ним, в том числе и по вопросам обустройства, используя потенциал горцев.

Литература и источники:

1. РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.376. Л.1-1об.
2. РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.376. Л.3.
3. ЦГА КБР. Ф.2. Оп.1. Д.465. Л.1. Опуб.: Проблемы кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. Х1Х в.). Сб. арх. док. Нальчик: «Эльбрус». 2001. С.95-96.
4. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.244. Л.1-2.
5. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.284. Л.4-5.
6. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.284. Л.5 об.
7. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.284. Л.6 об.
8. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.284. Л.6 об.; Цвижба Л.И. Натухайцы в системе политики Российской империи // Вестник Института востоковедения РАН. М., 2019. Вып.2 (8). С.194-202.
9. Казачьи войска. Хроника гвардейских частей Российской империи. Под ред. В.К. Шенк. Спб., 1912. С.38**.**
10. Цвижба Л.И. Особенности социокультурной интеграции Кавказа в Россию (XIX–начало XX вв.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. МГИМО (У) МИД России. 16-17 мая 2006. М., 2007. С.89-97.
11. Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917 гг. М., 2016. С.127.
12. РГВИА. Ф.330. Оп.4. Д.3. Л.2-4.
13. РГВИА. Ф.330. Оп.4. Д.3. Л.4об. -5.
14. РГВИА. Ф.330. Оп.4. Д.3. Л.6об.
15. РГВИА. Ф.15996. Оп.1. Д.20. Л.9-12.
16. РГВИА. Ф.15996. Оп.1. Д.5. Л.87 об. -88.
17. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.1036. Л.1-1 об.
18. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.1036. Л.4-5, 24-25.
19. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.1036. Л.12 об. -13, 24-25.
20. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.1036. Л.14-15, 24-25.
21. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.1036. Л.16-17, 24-25.
22. РГВИА. Ф.330. Оп.5. Д.1036. Л.18-19, 24-25.
23. РГВИА. Ф.330.Оп.4. Д.923. Л.2, 5-5 об.

Список сокращений:

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

Чекулаев Н.Д.,
н.с., к.и.н.,
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Россия, Махачкала

НИЗОВОЙ КОРПУС: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СУДЬБА ПОЛКОВ ПОСЛЕ 1735 Г.

Аннотация: В статье, на основе документального материала и научной литературы, показаны меры российского правительства по организации и функционированию морских и военных сил на Западном Прикаспии рассматриваемого периода. Кроме того, освещается история расформирования этих воинских частей после заключения русско-иранского мира 1732 г.

Ключевые слова: Россия, Персия, Порта, Кавказ, Дагестан, договор, флот, император, поход, военная экспедиция.

Abstract: the article, based on documentary material and scientific literature, shows the measures of the Russian government on the organization and functioning of naval and military forces in the Western Caspian region of the period under consideration. In addition, the history of the disbandment of these military units after the conclusion of the Russian-Iranian peace of 1732 is covered.

Keywords: Russia, Persia, Russia, Caucasus, Dagestan, Treaty, fleet, Emperor, campaign, military expedition.

Начало XVIII века ознаменовалось в истории народов Кавказа периодом бурных политических событий и потрясений, причиной чего было то, что данная территория являлась важным объектом для трех больших держав – Турции, Ирана и России, соперничавших между собой из-за влияния в этом регионе. Турция незамедлительно воспользовалась резким ухудшением положения Ирана, возникшим вследствие антииранского восстания, охватившего Дагестан, Закавказье, Курдистан, Афганистан, арабские страны Персидского залива, начавшихся междоусобных войн и вторжения афганского войска во главе с Мир-Махмудом, итогом чего была оккупация большой части Ирана.

Установление турецкой власти над Кавказом не только ослабило бы позиции России, но и создало угрозу южным рубежам Российского государства, поэтому новая русско-турецкая война была бы неизбежной. Недопущение турок в персидское Прикаспье было для Петра I делом обеспечения безопасности своих границ. В сложившейся к 1722 г. в Персии военно-политической обстановке недопущение Турции в Прикаспийские земли могло быть достигнуто только путем оккупации этих земель русскими войсками и передачи их в полное владение России.

Заключение 30 августа 1721 г. Ништадского мира позволило Петру I обратить внимание на Кавказ и заняться подготовкой похода на юг. К середине лета 1722 г. были сосредоточены значительные морские и военные силы: 87 разного рода плавательных средств, пехоту составляли 4 полка гвардии и 20 батальонов – 21. 495 чел., 7 драгунских полков и 55.000 казаков, 4.000 калмыков [6, с. 99, 110, 113, 116]. В походе участвовали: драгунские – Казанский, Новгородский, Астраханский, Московский, Архангелогородский, Рязанский, Ростовский полки; 20 пехотных батальонов – 1-й гренадерский, 2-й гренадерский, Московский, Санкт-петербургский, Тобольский, Копорский, Галицкий, Троицкий, Выборгский, Нижегородский, Сибирский, Псковский, Рязанский, Воронежский, Великолуцкий, Шлиссельбургский, Казанский, Азовский, Архангелогородский, Вологодский [9, л. 370-370 об.].

18 июля 1722 г. флот Петра I вышел из Астрахани в Каспийское море. После двухдневного плавания флотилия прибыла к устью Терека. 27 июля 1722 г. вошла в Аграханский залив. Тем временем, шедшая из Астрахани сухим путем конница также вступила в Северный Дагестан [2, с. 228 – 229].

23 июля бригадир Ветерани по указу императора с 4 полками драгун с боем взял Эндерей. 5 августа 1722 г. оставив в Аграханском ретраншементе 300 чел. пехоты и 1.500 казаков, Петр I двинулся дальше. 12 августа русские войска по-

дошли к Таркам. 16 августа армия выступила из Тарков в Дербент. По пути следования произошло сражение с утамышским правителем Султан – Махмудом, закончившееся победой русских войск. 23 августа русская армия без боя вступила в Дербент. В силу ряда причин поход был приостановлен, и Петр I с войском вернулся в Астрахань. В Дагестане были оставлены гарнизоны (Дербент, Рубас, Бойнак, Тарки и на р. Сулаке) [10, с. 367].

В течение 1722 – 1723 гг. были организованы и проведены четыре операции: 1) сухопутно-морская – поход во главе с Петром Великим на Дербент; 2) три морские экспедиции: а) в Гилян под начальством полковника Шипова (ноябрь-декабрь 1722 г.); б) в Баку во главе генерала М. А. Матюшкина (июль 1723 г.); в) в Сальяны под руководством подполковника Зинбулатова (осень 1723 г.). Пятая экспедиция в Мазандеран и Астрабад состоялась уже после смерти Петра I. В результате проведенных в 1722-1723 гг. операций русские войска заняли ряд важных пунктов на западном и южном берегах Каспия. Согласно рапорту, ген. М. А. Матюшкина от 1 октября 1724 г., русские войска в это время были расположены следующих пунктах: Аграханский ретраншемент – 421 чел., крепость Святого Креста – 6147 чел., Дербент – 2686 чел., Баку – 3017 чел., Решт – 3974 чел., крепость Катеринополь – 182 чел., Кескер – 1396 чел., новая крепость и редут – 440 чел., пролив Энзели – 51 чел., Перибазар – 178 чел.

Из участвовавших в «Персидском» походе, Петр I выбрал 80 рот, по четыре из двух гренадерских и 18 пехотных полков. Из этих 80 рот были сформированы 20 отдельных батальонов, названных по фамилиям командиров батальонов [6, с. 149]. В конце 1723 года генерал М. А. Матюшкин в донесении императору Петру I спрашивал разрешение образовать из находившихся на Кавказе и в персидских провинциях батальонов полки, что облегчало бы управление корпусом. Петр I дал свое согласие и приказал назвать образованные полки по именам занятых провинций [11, л. 13 с об.].

На этом основании 9 июня 1724 г. в крепости Святого Креста все 20 батальонов были сведены в 10 двухбатальонных полков, названных по занятым провинциям. Так, из одной роты гренадерского Зыкова, четырех рот Великолуцкого и четырех рот Шлиссельбургского батальонов, сформирован 2-х батальонный полк, названный Астрабадским. Из одной роты гренадерского Зыкова, 4-х рот Азовского и 4-х рот Казанского батальонов, в Баку сформирован Ширванский пехотный полк. Вологодский и Тобольский пехотные батальоны образовали Дагестанский полк, а Нижегородский и Рязанский батальоны составили Дербентский полк. Всего летом 1724 г. были сформировано 9 полков, кроме вышеупомянутых это были: Бакинский, Зинзилянский, Рящинский, Гирканский, Мазандеранский пехотные полки. Таким образом, войдя в состав этих полков, эти части образовали одну гренадерскую и семь фузилерных рот. В роте находилось 4 обер-офицеров и 157 нижних чинов, а в полку: 3 штаб-офицеров, 34 обер-офицеров, 1265 нижних чинов, 139 нестроевых и 56 денщиков – всего 1497 человек.

Император Петр I еще в 1724 г. в связи с активизацией Турции на Южном Кавказе считал необходимым усилить Низовой Корпус и с этой целью повелел сформировать в Москве дополнительные пять пехотных полков. Но смерть Петра I помешала выполнению этого решения. Данное намерение Петра Великого утвердила императрица Екатерина I своим указом от 15 ноября 1725 г. Сенат 7 декабря т. г. разработал мероприятия по выполнению данного указа. Вследствие указа Сената Военная Коллегия 9 и 19 декабря т. г. приказала командировать в Низовой Корпус пять пехотных полков. Так, в состав данного корпуса вошли сформированные Ранокуцкий, Ленкоранский, Кергеруцкий, Куринский, Астаринский, Аджеруцкий и Тенгинский пехотные полки. В 1726 г. был создан Кескерский пехотный полк. В январе 1727 г. состоялась экспедиция бригадира Штерншанца (с 500 чел.) из Ряща к Астаре. Покорение областей Астарской, Ленкоранской и Кизигалагской [3, с. 4 – 5].

Низовому Корпусу неоднократно приходилось выполнять главную свою роль – охрана рубежей России. В 1725-1729 гг. отражал нападения на подконтрольную территорию персидских войск [3, с. 43 – 45], а 1733 г. вели борьбу с вторжением в Дагестан войск крымского хана [13, с. 17 – 21].

Следует отметить, что большинство из руководителей Низового Корпуса были не только талантливыми военачальниками, но и опытными дипломатами, которые чутко улавливали все изменения в политической ситуации в регионе, и если было необходимо, то корректировали императорскую политику. Права и полномочия

главнокомандующего регламентировались и корректировались регулярно присылаемыми инструкциями, указами. Для подтверждения вышесказанного считаю необходимым процитировать ряд моментов из императорских указов. Так в указе генерал-майору М. А. Матюшкину от 5 ноября 1722 г. значилось: «Когда будет Вам, о чем предлагать здешний губернатор (астраханский – Н. Ч.) Волынский, тогда по его требованию исполняйте, а наипаче в здешних работах, как в деле судов, так и в прочем чинить ему всякое вспоможение [4, с. 594].

На наш взгляд, достаточно красноречив и указ от 16 сентября 1723 г. бригадиру В. Я. Левашеву, который гласил: «… Поелику посол персидский уступил нам в вечное владение земли от Дербента до Астрабата по Каспийскому морю и посылает с тем человека своего с письмами, объявить тем провинциям, что они уступлены; того ради, вступай… во все дела; и ежели станут говорить, чтоб подождать… пока шах ратификует, не слушать. Но приниматься за полное правление как следует, а кто противиться будет, силою поступать. Власть и правление визирское взять Левашеву на себя и даже занять его квартиру, и о сем особый указ государев публиковать жителям, коего несколько экземпляров послано. Управителей выбирать русских, а где не можно без их народа, то и тутошних добрых людей. Приняться собирать доходы; изыскивать то, что ушло по карманам». Тогда же бригадир В. Я. Левашев особою грамотою государя был учрежден верховным управителем в Гиляни. Указом Петра I от 21 сентября 1724 г. повелено В. Я. Левашеву «чинить все по его усмотрению что нужно, понеже переписываться далеко» [1, с. 55 – 56], т. е. опытному военачальнику и тонкому дипломату генералу В. Я. Левашеву Петр I давал широкие полномочия в подчиненном его власти регионе.

Указ генералу М. А. Матюшкину Екатерины I от 22 апреля 1725 г. гласил: «Обо всем повелели мы учинить решение в Сенате, которое, и учинено и отправлено к вам из коллегии иностранной и военной… и хотя, при нынешних случаях, не возможно всего по указам высокославной и вечно достойной памяти Его Императорского Величества делать, однако надлежит вам, сколько возможность допустит, трудиться по указам, ныне к вам посланным, исправить. И хотя, чего в оных не изображено, а случится, что к пользе государственной чинить можно, и в таком случае надлежит вам чинить, не упуская удобного случая…».

Указ от 27 октября 1725 г. расширял права и полномочия главнокомандующего и генералитета Низового Корпуса по управлению подчиненной им территории [4, с. 614 – 615]. Приведенные выше документы позволяют сказать, что военная администрация России на Кавказе получила всю полноту власти в новозавоеванных персидских провинциях, в своих действиях они должны были руководствоваться присылаемыми им правительственными инструкциями, и имели право в случае необходимости самостоятельно принять решение.

Военная администрация не вмешивалась во внутренние дела многочисленных кавказских владетелей, но в тоже время пресекали любые их контакты с Турцией и Ираном и в случае необходимости применяли против провинившегося владетеля меры воздействия вплоть до организации карательной экспедиции [7, с. 137].

Как показывают многочисленные документальные материалы, военная администрация при управлении подчиненной им территории использовала целую систему методов кавказской политики. Для привлечения в свое подданство российская военная администрация использовала следующие меры: за верноподданническую службу им выплачивали денежное жалованье; во время нахождения на территории расквартирования русских гарнизонов они находились на содержании императорской казны, т. е. им выплачивали так называемое «кормовое жалованье»; по совету генерала В. Я. Левашова широко применялась политика «ласкания», выражавшаяся в целой системе экономических и политических мероприятий (проявление внимания к их просьбам, стремлении их удовлетворить, предоставлении им разного рода льгот и привилегий, поощрений – Н. Ч.); выдача «жалованных грамот» владетелям (шамхалу Тарковскому Адиль-Гирею в 1722 г.), в которых власти предоставляли наиболее лояльным из них дополнительные земли, зачастую передавали им территорию их соперников, а также признании за ними преимущественных владельческих прав перед другими феодалами; предоставление охранных листов за подписями генералитета (аксайскому владетелю Султан – Махмуду), в котором военные власти гарантировали свою защиту владетелю от его врагов; пожалование владетеля российским военным чином и денежным жалованьем (дербентский наиб Имам-кули бека); предоставление местным купцам различного рода торговых льгот

и преимуществ, свободы торговли на подконтрольной России территории; кроме того, военная администрация строго следила за тем, чтобы российские военные не совершали преступлений против горцев, виновников в нарушении данного приказа (капрал Никита Пименов, гренадер Иван Кречетов), документы говорят, что военный суд очень строго наказывал [14, с. 3 – 7].

Меры репрессивного характера это, прежде всего против своих противников из числа кавказских феодалов, организовывали карательные экспедиции войск Низового Корпуса, а также система запретов, так, например, в начале 30-х гг. XVIII века был введен запрет на продажу горцам «заповедных товаров» (т. е. оружие, боеприпасы и как самих металлов, так и изделий из них – Н. Ч.).

Военные чины Низового Корпуса активно занимались осуществлением экономической составляющей кавказской политики России. Так выполняя желание Петра I использовать природные ресурсы Кавказа комендантом Дербента полковником А. Т. Юнгером было организовано дворцовое хозяйство дербентского гарнизона, в котором руками военных чинов и казаков выращивался виноград, из которого они же делали вино, носившее название «чихирь». Помимо винограда в дворцовом хозяйстве гарнизонные чины выращивали шафран. Чихирь и шафран не только использовался в самом гарнизоне, но и отправлялся в Россию. Кроме того, военные чины пополняли императорскую казну за счет доходов, собираемых с присоединенных к России персидских провинций. Так дербентский гарнизон по неполным данным собрал: 946.831 рублей 70 копеек, а генерал В. Я. Левашов сообщал, что за 1725 по 1728 гг. в Гиляне было собрано: 499.892 руб. 5 коп., в Ряще, Логожане, Кескере с 1724 по 1728 гг.: 691.926 руб. [12, с. 6].

Заключенный в 1732 г. русско – иранский договор при г. Реште серьезно отразился на полках Низового Корпуса. Согласно данному договору, российские полки выводились за реку Куру, т.к. данная территория возвращалась Персии. Другим следствием этого договора было переименование полков Низового Корпуса носивших названия персидских провинций, осуществленное по требованию персидского посла Мирзы-Ибрагима. Сохранили свои старые названия только пять полков (Бакинский, Ширванский, Дербентский, Дагестанский, Куринский, Тенгинский пехотные полки). Рящинский стал Каспийским полком, Астрабатский – Апшеронским, Мазандеранский – Ставропольским, Гирканский – Сулацким, Зинзилинский – Аграханским, Кескерский – Кавказским, Ранокуцкий – Кабардинским, Ленкоранский – Нашебургским, Кергеруцкий – Сальянским, Астаринский – Низовским, Аджеруцкий – Навагинским [5, с. 166].

Указ от 19 июня 1732 года сократил численность Низового Корпуса на восемь полков, которые в силу ряда причин выводились в Россию: Аграханский, Каспийский, Сулакский, Ставропольский, Кавказский пехотные полки и Архангелогородский, Ростовский, Новгородский драгунские полки. Они были расформированы, личный состав этих полков был использован для укомплектования оставшихся в Низовом Корпусе полков [8, с. 855 – 857].

Гянджинский русско-иранский договор положил конец существованию Низового Корпуса. История полков такова: до 1917 года просуществовали Апшеронский, Ширванский, Кабардинский (переформирован в два батальона и две гренадерские роты в 1796 г.) пехотные полки.

Дербентский, Бакинский, Сальянский и Дагестанский пехотные полки по указу императрицы Елизаветы Петровны расформированы и обращены на укомплектование Балтийского флота; Дербентский вошел в состав Нижегородского полка, Бакинский – в Московский полк, Мазандеранский – в Псковский полк, Дагестанский – в Вологодский полк, Рящинский – в Сибирский полк, Гирканский – в Архангелогородский полк, Зинзилянский полк расформирован в 1773 г.; Нашебургский полк в 1834 г. расформирован; Куринский полк в 1784 г. переименован в Тифлисский гренадерский полк; О драгунских полках: Московский и Казанский просуществовали до 1917 г.; Новгородский расформирован в 1775 г., Рязанский и Ростовский расформированы в 1880 г.; Астраханский вошел в состав Нижегородского драгунского полка, Архангелогородский присоединен к Санкт-петербургскому полку [3, с. 4 – 5].

В заключение следует сказать, что Низовой Корпус явился главным инструментом в политике императорского правительства, который не только способствовал обеспечению безопасности южных рубежей Российского государства, но и был тем средством, которое и осуществляло кавказскую политику России.

Литература и источники:

1. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3-х частях Ч. 1. СПБ., 1869.

2. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч.VIII. М., 1838.

3. История Апшеронского полка, 1700-1892 / Сост. Л. Богуславский: т. 1. СПб., 1892. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I (1722-1723 гг.) М.: Изд-во МГУ, 1951.

4. Комаров В. Персидская война (материал для истории царствования Петра Великого) // Русский вестник. 1867. Т. 68.

5. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середина XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016.

6. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I (1722-1723 гг.) М.: Изд-во МГУ, 1951.

7. Магомаев В.Х., Кидирниязов Д.С. Ногайцы в северокавказском историческом процессе в XVI – нач. XX в. Грозный, 2017.

8. ПСЗ. СПб., 1830. Собр. 1. Т. VIII.

9. РГВИА. Ф. 2. Оп. 1. Ч. 3. Св. 97. Д. 1-24.

10. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVIII. М., 1993.

11. ЦГАРД. Ф. 335. Оп. 1. Д.13

12. Чекулаев Н. Д. Место и роль Низового Корпуса в экономической политике России в Дагестане (1722 – 1735 гг.). // Материалы региональной научно – практической конференции «Молодежь и наука Дагестана» проведенного 24-25 сентября 2002. Махачкала, 2002.

13. Чекулаев Н. Д. Военные действия Низового Корпуса против нашествия в Дагестан войск крымского хана. // Научное обозрение: Сборник статей ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2004. Вып. № 6.

14. Чекулаев Н. Д. Меры России по привлечению дагестанских владетелей и горцев в свое подданство в 1722 – 1735 гг. // Научное обозрение: Сборник статей ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2004. Вып. № 3.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАВКАЗА

Нигяр Ахундова,
ведущий научный сотрудник отдела истории культуры им. А.А.Бакиханова
Институт истории НАН
Азербайджанской Республики г. Баку

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье анализируется одна из важных задач азербайджанского государства – взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами, международными и региональными организациями в свете развития духовной культуры и роли в этом религии и культурного диалога на примере Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: Азербайджан, духовная культура, международные культурные связи, исламский мир, диалог цивилизации и культур.

Одной из стратегических задач азербайджанского государства является развитие взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами, международными и региональными организациями и успешная интеграция в глобализирующийся мир. В достижении этих целей важную роль играет духовная культура, являющаяся важным фактором развития религии.

Процессы, происходящие в мировой политике и международных отношениях, доказывают, что роль и место каждого государства в мировом сообществе определяются не только военными, экономическими, геополитическими, дипломатическими ресурсами страны, но и интеллектуальным, духовным и культурным воздействием, которое она может оказать на мировое сообщество. Эти ресурсы, сохраняя нашу традиционную национальную самобытность и идентичность, играют ключевую роль в успешной интеграции страны в глобальные культурные процессы.

Новые вызовы и масштабные задачи, стоящие перед Азербайджаном в международных отношениях в условиях глобализации, придают культурным связям страны возрастающую значимость.

В настоящее время развитие международного гуманитарного и культурного сотрудничества, расширение культурных связей со всеми странами и международными организациями считаются одним из главных приоритетов Азербайджана.

Являясь неотъемлемой частью исламского мира, Азербайджанская Республика стремится расширять культурные связи с исламскими странами, как на двусторонней основе, так и в рамках Организации Исламского Сотрудничества.

В ноябре 2007 года в Триполи (Ливия), на V конференции министров культуры государств-членов ОИК под девизом «Культурная политика в исламском мире: формируя будущее на основе прошлого», был подписан ряд важных документов, в том числе, «Культурная стратегия солидарности для миссии развития и цивилизации мусульман» и «План действий по обновлению культурной политики в государствах-членах и его адаптации к международным изменениям». В конференции был представлен «Национальный доклад о реализации культурной стратегии для исламского мира в Азербайджанской Республике», подготовленный Министерством Культуры и Туризма АР. Была решительно осуждена агрессия Армении против Азербайджана. В принятую резолюцию был включен специальный пункт, в котором упоминается, что на оккупированных территориях Азербайджана со стороны Армении осуществляется политика, направленная на уничтожение, стирание с памяти и арменизации уникальных исторических памятников, включая исламские памятники и содержится призыв к мировой общественности принять действенные меры для защиты и охраны этих памятников. Участники форума поддержали также инициированное Азербайджаном межкультурное молодежное движение «Молодежь за альянс цивилизаций». Конференция приветствовала инициативу посла доброй воли ЮНЕСКО И ИСЕСКО, Президента Фонда Гейдара Алиева Мехрибан ханум Алие-

вой о проведении в 2008 году в Баку совместно с ЮНЕСКО И ИСЕСКО Первой международной конференции, посвящённой роли женщин в межкультурном диалоге. Одним из важных итогов конференции явилось решение о проведении VI конференции министров культур стран-членов ОИК в Баку в 2009 году и объявление Баку столицей исламской культуры на 2009 год [3, с. 4].

Год культуры «Баку – столица исламской культуры» – был торжественно открыт 18 февраля 2009 года. На церемонии открытия выступили Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, Генеральный директор ИСЕСКО А.Г. Аль-Тувейери и другие. В течение года было проведено более 100 национальных и международных мероприятий. В рамках Года культуры в Баку была проведена VI Конференция министров культуры государств-членов ОИК, призванная обеспечить преемственность «Бакинского процесса межкультурного диалога». В конференции приняли участие делегаты из 40 стран и 17 международных организаций. В резолюции, принятой на конференции, осудили акты вандализма, направленные на уничтожение памятников исламского наследия на оккупированных территориях Азербайджана. Участники конференции потребовали от Армении немедленно и безоговорочно выполнить все четыре резолюции СБ ООН по армяно-азербайджанскому, нагорно-карабахскому конфликту. Было принято решение о возложении двухлетнего председательства на конференции министров культуры исламских стран на Азербайджанскую Республику. В ходе дискуссий, было признано целесообразным, продолжить Программу «Столицы исламской культуры». В связи с этим, азербайджанский город Нахчыван был объявлен столицей исламской культуры на 2018 год.

Азербайджанское государство придает большое значение развитию отношений с ЮНЕСКО. Учитывая высокий уровень развития отношений с этой авторитетной организацией, глава государства Ильхам Алиев в сентябре 2005 года подписал особое Распоряжение [6]. Этот шаг дал толчок дальнейшему расширению сотрудничества между двумя сторонами и активному участию нашей страны в программах и проектах осуществляемых по линии этой организации.

Основным приоритетом в области культуры является защита материального и нематериального наследия. Это имеет особое значение для Азербайджана, 20% территории которой оккупировано Арменией. Наше государство предпринимает целенаправленные усилия для защиты материальных и духовных культурных ценностей, представления их в мире под своим именем и национальной принадлежности. Именно в результате этой успешной политики ряд материальных и духовных ценностей Азербайджана уже был включен в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

В своих отношениях с ЮНЕСКО азербайджанское государство держит под своим пристальным вниманием вопросы охраны памятников культуры на оккупированных Арменией территориях и реституции незаконно присвоенной ею культурной собственности. С этой целью, оно принимает активное участие в деятельности «Межправительственного комитета ЮНЕСКО по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае их незаконного присвоения».

На сегодняшний день Азербайджан присоединился к 13 конвенциям ЮНЕСКО. Национальный комитет Организации действует в нашей стране в различных областях. К настоящему времени в Азербайджане было организовано более 100 мероприятий, включая празднование юбилеев выдающихся личностей и годовщину исторических событий, проведение различных конференций, форумов по охране культурного и природного наследия [5]. В 2010 году Азербайджан был избран в Межправительственный комитет организации по охране нематериального культурного наследия с 72 голосами, а Армения не была избрана, набрав всего 19 голосов. В результате целенаправленной работы, проведенной в этом направлении, многие культурные образцы Азербайджана были включены в Мировой список ЮНЕСКО.

Азербайджан придает большое значение развитию культурного разнообразия и межкультурного диалога в рамках ЮНЕСКО. Проведение межкультурных форумов в нашей стране при поддержке организации – тому подтверждение.

Азербайджанская Республика уделяет особое внимание укреплению культурного единства тюркского мира, расширению диалога между тюркскими народами. В этом контексте ведётся многогранная работа по расширению деятельности организации TÜRKSOY (ТЮРКСОЙ). На 16-м заседании министров культуры стран ТЮРКСОЙ, состоявшемся в Баку в 2009 году, был принят новый устав организации, который

придал ей статус международной организации тюркской культуры [4, с.68]. Азербайджан выступил инициатором и организатором ряда мероприятий в рамках ТЮРКСОЙ.

Расположенный в выгодном географическом положении, на стыке западной и восточной цивилизаций, Азербайджан сегодня активно участвует в процессе международного культурного сотрудничества, диалоге культур. Международные культурные мероприятия, проведенные за последние годы по инициативе нашего государства как внутри страны, так и за его пределами, превратили Азербайджан в одно из ведущих государств в этой области. Наша страна не только поддерживает взаимосближение культур, но и предпринимает конкретные шаги для содействия этому сближению, созданию условий для диалога цивилизаций и культур. Азербайджан принимал активное участие в различных форумах, проведенных в рамках ООН, ОБСЕ, Совета Европы, СНГ, Альянса цивилизаций и других международных структур, выступал в роли организатора многих международных мероприятий.

Азербайджан одним из первых стран присоединился к Альянсу цивилизаций, действующему с 2004 года и являющемуся одной из важнейших форм межцивилизационного сотрудничества [2, 2011, 8 апреля].

Проведение Всемирного форума по межкультурному диалогу в апреле 2011 года в Баку и Форума по мультикультурализму в октябре того же года еще раз подтвердило значимую роль Азербайджана в межкультурном диалоге.

Форум по межкультурному диалогу, инициированный и проведенный под руководством Президента Азербайджана, был поддержан Альянсом цивилизаций ООН, СЕ, ЮНЕСКО. В работе форума, проведённом впервые в новом формате, приняли участие более 500 делегатов из 102 стран. Основная цель форума состояла в том, чтобы вывести выдвинутые Азербайджаном инициативы с регионального уровня на глобальный, создать в нашей стране постоянно действующий международный форум. Выдвинутые на форуме идеи и инициативы сыграли важную роль в содействии лучшему взаимопониманию между народами и ещё большему укреплению связей между культурами. Форум ещё раз доказал, что Азербайджан действительно является географическим пространством, на котором успешно реализуется диалог между цивилизациями и культурами и в этом смысле может быть примером для всех стран мира. Это подтвердили все участники форума [2, 2011, 8-13 апреля].

В ходе форума между правительством Азербайджана и правительствами Ирака, Иордании и Болгарии были подписаны документы о культурном сотрудничестве, а также Меморандум о сотрудничестве между ИСЕСКО и ТЮРКСОЙ. Для продолжения межкультурного сотрудничества, Азербайджанской стороной была предложена Платформа межкультурного сотрудничества – 5 «А» [7].

С учетом высокого уровня Межкультурного форума, важной роли Азербайджана в укреплении диалога и доверия между исламским миром и западной цивилизацией, между народами, представляющими другие культуры, Президент Азербайджанской Республик Ильхам Алиев подписал Указ о проведении этого мероприятия раз в два года [2, 2011, 28 мая].

Особое место среди мероприятий международного масштаба принадлежит также Бакинскому международному гуманитарному форуму. Проведённый в октябре 2011 года I Бакинский Гуманитарный Форум, последующие гуманитарные форумы также стали авторитетным форматом обсуждения вопросов международного гуманитарного и культурного сотрудничества. Форум неоднократно собирал известных государственных деятелей, лауреатов Нобелевской премии и руководителей влиятельных международных организаций, в том числе видных представителей политической, научной и культурной элиты мира для проведения широкого спектра диалогов, обмена мнениями и обсуждений.

Успешное проведение таких международных мероприятий является ярким доказательством вклада Азербайджана в современное международное культурное сотрудничество и диалог.

Азербайджан веками являлся пространством, где сливались цивилизации и культуры. Наша география и история, а также развитие демонстрируют, что межкультурный диалог как исторически, так и сегодня остаётся одним из важных вопросов, потому что в противном случае мир подвергнется ещё большим угрозам. История, традиции и география диктуют, что Азербайджан может стать пространством, где сливаются цивилизации. Народы веками жили в Азербайджане в условиях разнообразия. Мультикультурализм, этническое и религиозное разнообразие – часть нашей истории и сегодняшняя реальность. Мы гордимся этим. Сегодня Азербайджан является

многонациональной, многоконфессиональной страной, где в условиях мира и гармонии живут представители всех этнических групп и религий. Наши исторические памятники также отчётливо демонстрируют культурное разнообразие Азербайджана и его древнюю историю. Азербайджан является не только многонациональной и многоконфессиональной страной, но и одно из немногих государств, являющихся членом, как Организации исламского сотрудничества, так и Совета Европы активно действуют в обеих организациях [8].

Таким образом, организация и проведение на самом высоком уровне песенного конкурса – Евровидение в 2006 году, первых Европейских игр в 2015 году, форумов всемирного межкультурного диалога и гуманитарных форумов. Все это превратило Азербайджан в удобную площадку для обсуждения глобальных проблем, а Баку в столицу диалога между культурами. Это означает, что «Бакинский процесс» вышел за пределы регионального формата, превратившись в глобальное движение.

Успехи, достигнутые Азербайджаном в социально-экономической сфере после 2003 года позволили занять ей достойное место в международном культурном сотрудничестве. Это также является результатом последовательного курса проводимого Президентом Азербайджанской Республики Ильхамом Алиевым в направлении международного культурного сотрудничества, его политической воли, что напрямую связано с его растущей популярностью и авторитетом на международной арене. Как отметил глава государства, Азербайджан стремится и будет стремиться к тому, чтобы межкультурные отношения строились на здоровой основе… Мы стремимся, демонстрируем свой опыт, свои достижения, показываем, что это возможно [1].

Прогрессивные изменения, происходящие в стране, национально-духовное возрождение, активный внешнеполитический курс вселяют в нас уверенность в том, что наша страна ещё более ускоренными темпами будет интегрироваться в демократическое цивилизационное пространство, будут обеспечены наши национальные интересы, а нарушенная территориальная целостность будет восстановлена.

Литература и источники:

1. Алиев И. Вступительная речь на заседании Кабинета Министров, посвящённая итогам социально-экономического развития в первой половине 2013 года и предстоящим задачам. 18 июля 2013 года// https://ru.president.az/articles/8707
2. «Бакинский рабочий» Газета.
3. Отчёт Министерства Культуры и Туризма Азербайджанской Республики (МКТ АР) о пятилетней деятельности. 2006-2010, Баку «Xatun-Plyus», 2011.
4. Отчёт МКТ АР за 20090 год. Bakı, “Nağıl evi”, 2010.
5. Распоряжение Азербайджанской Республики о дополнительных мерах связанных с Национальной Комиссией Азербайджанской Республики по ЮНЕСКО, 15 сентября 2005 года.
6. www. mfa qov az /content| 556/
7. www/ Bakuforum -- – icd. az.
8. https://ru.president.az/articles/23555

Кускарова Ольга Ивановна,
старший научный сотрудник отдела философии и социологии,
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме культурно-цивилизационного диалога народов Юга России. Автор подчеркивает, что в условиях глобализации судьба этносов во многом зависит от характера культурного и социального взаимодействия народов с этническими соседями. Исследование данного вопроса важно как для выявления механизмов их существования, так и для установления закономерностей протекания этнических и конфессиональных процессов в регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнос, социокультурное пространство, межэтническое взаимодействие, идентичность, толерантность.

Северный Кавказ заметно выделяется своим природно-климатическим своеобразием и выгодным географическим положением. Горные системы и занимаемое ими место в евразийском пространстве во многом определяют природную специфику Кавказа [1, с. 3–5].

Уникальное геополитическое расположение и этническое многообразие населения Северного Кавказа во многом определяет социокультурные особенности его развития. В основе его регионального выделения лежат идеи этнокультурной общности народов, населяющих его территории, опыт административно-государственного устройства их жизни. В условиях глобализации судьба этносов во многом зависит от характера культурного и социального взаимодействия народов с этническими соседями. Издревле здесь сложились особые отношения, которые до сих пор носят консервативный характер.

Социокультурная картина, исторически сложившаяся на Кавказе, в некоторой степени напоминала эллинский мир, состоявший, как известно, из множества довольно самостоятельных полисов. Правда, здесь не было единого общекавказского языка, но взаимоотношения между этносами (народами) строились, как взаимоотношения между полисами в древнегреческом мире, на горизонтальной основе.

Северокавказские этносы отличались между собой по многим признакам (язык, генезис, культура, самосознание). Каждый этнос осознавал себя, как самостоятельную и самодостаточную общность, четко отличал себя от других аналогичных образований, существовавших в регионе, и не смешивал себя с ними. Внутри себя, на своей территории он формировал свое жизненное социокультурное пространство. Проблемы обеспечения безопасности, организации внутрисоциального порядка и ведения хозяйственной жизни решались этносом самостоятельно. Социально и территориально он был четко определен, что позволяло ему достаточно эффективно функционировать. Тем самым на Кавказе создалась довольно оригинальная демографическая картина: население его не образовывало некоего сплошного однообразия, и не было оно дисперсным, смешанным. Этносы здесь располагались не произвольно, а в определенном порядке, сложившемся в ходе их культурно-исторической эволюции. Границы между ними были четко обозначены, в определенной степени сакрализованы и достаточно стабильно соблюдались. Межэтнические распри, открытые конфликты на основе территориальных притязаний здесь редко встречались.

В связи с этим, прежде всего, следует остановиться на проблеме культурно-цивилизационного диалога народов Юга России. Данная проблема оказывается здесь особенно острой, так как Северный Кавказ отличается особым динамизмом политических процессов, что обусловлено рядом объективных внутренних и внешних факторов, среди которых можно выделить важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав населения, особенности этнорегиональной и религиозной идентичности. Вследствие активных межэтнических и межконфессиональных контактов сформировались группы со сложной идентичностью, исследование которых важно, как для выявления механизмов их существования, так и для выявления закономерностей протекания этнических и конфессиональных процессов в регионе.

Перед сознанием внешнего мира культура Кавказа часто предстает как нечто, состоящее

из различных и трудно совместимых этнокультурных общностей. Этническая доминанта здесь всегда давала о себе знать. Такая разделенность населения Кавказа часто служила разным авторам основанием рассматривать его как территорию некой культурной конгломерации или мозаики различных этнокультурных образований [3]. Кавказ был и остается чрезвычайно разнообразным и в этническом плане макромиром. Но при всем различии между кавказскими этносами (народами), в них все же просматривается определенное сходство. Уже это наводит на мысль, что они не были так уже изолированы друг от друга, как может показаться на первый взгляд. Несмотря на все трудности природных условий, они всегда поддерживали определенные контакты и отношения. Без такой взаимосвязи им трудно было бы обойтись. Само формирование народов кавказского сообщества и их развитие могло происходить как синхронный, одновременный процесс освоения горных и предгорных территорий региона.

Таким образом, подчеркнем еще раз, что кавказские этносы, будучи автономными образованиями, не были изолированы друг от друга. Поддерживая взаимосвязь, они влияли друг на друга, проникали друг в друга и приспосабливались друг к другу, что не нарушало автономности, целостности и самодостаточности каждого из них в отдельности. Напротив, именно благодаря таким взаимосвязям каждый этнос мог поддерживать свое существование и транслировать себя во времени. При этом важно отметить, что этническая общность формировалась в соответствии не только со своими внутренними потребностями и интересами, ей приходилось учитывать потребности и интересы также непосредственно окружавшей ее среды. Внутрисоциальные правила, которые она устанавливала для себя, не должны были противоречить правилам, принятым в соседних этнических общностях. Это вело к унификации различных этносов и формированию единого смыслового пространства. Тем самым отдельный этнос становился частью целого. Но это было уже такое целое, которое не подавляло своеобразие этноса, оно позволяло каждому этносу быть среди «своих» и чувствовать себя более защищенным. Таким образом, речь идет не только об этническом многообразии культуры, исторически сложившейся на Кавказе, но и об ее единстве. При всем различии кавказских этносов, все они придерживались единой модели социальной организации, системы ценностной ориентации, менталитета и ментальности и др., что позволяет рассматривать их, как отдельное региональное сообщество народов.

Об этом говорят многие исследователи кавказской культурной общности и этнической идентичности, такие как Х.Г. Тхагапсоев, А.Ю. Шадже, О.Н. Дамениа [4].

Тхагапсоев Х.Г. в своей работе о кавказской культурной общности отмечает, что в прошлом на Кавказе был накоплен довольно уникальный социокультурный опыт: на сравнительно небольшом географическом пространстве сконцентрировалось большое количество различных, хотя и небольших по численности, этнических общностей. В процессе их взаимодействия образовалось единое смысловое пространство, единый суперэтнос. При этом этносы не смешались, не растворились друг в друге. Сохраняя себя, каждый из них способствовал сохранению этнического разнообразия Кавказа. В свою очередь суперэтнос, как макросоциальное целое, не подавлял составляющих его частей и не растворял их в себе. Он функционировал как бы во благо последних, создавая им условия стабильных взаимоотношений. Разумеется, это не исключало различных распрей и коллизий, в том числе и вооруженных, но они не доводились до разрушения социокультурной системы региона [2, с. 62].

Воспроизводство этнических культур непосредственно связано с характером межэтнической совместимости. Многие проблемы России, в том числе этнические конфликты, во многом являются следствием массового социального невежества. Собственный жизненный опыт, а не глубокие знания, зачастую служат главным критерием в повседневных поступках и в профессиональной деятельности. Поэтому, для активизации миротворческой деятельности нужна продуманная и последовательно реализуемая система гуманного, нравственного воспитания, формирование толерантного сознания.

В качестве одного из аспектов формирования толерантного сознания следует вычленить формирование культуры мира на основе ценностей традиционной культуры, одним из аспектов которой является конфессиональная принадлежность к мировым религиям, формирование позитивной этнической идентичности, сохранение единого образовательного пространства. Сохранению многовековых связей между всеми народами Юга России должна способствовать

трансляция лучших образцов отдельных культур, личные контакты между народами посредством культурного обмена (проведение межнациональных фольклорных фестивалей, конференции общественных движений и научно-практические конференции ученых).

Рациональный подход к ценностям этнической культуры также должен способствовать развитию элементов гражданского общества и правового государства.

С раннего возраста в детях необходимо развивать и укреплять чувство толерантности, гуманистическое отношение к человеку любой национальности, уважение к его традициям и ценностям культуры.

В гуманитарных науках толерантность является главной ценностью, необходимой для формирования приоритета гражданских прав и свобод. Основная идея толерантности заключается в признании за другими права на уважение их личности, национальных особенностей и идентичности. Толерантность и межкультурный диалог являются условием сохранения мира между народами и государствами.

Укрепление толерантности, как никогда ранее, очень важно на современном этапе развития человечества. В российском обществе, на современном этапе его развития, жизненно необходимым является общенациональное примирение, формирование гражданского общества на основе демократических норм, что требует принятия своевременных и адекватных мер по регулированию межэтнических и межконфессиональных конфликтов в стране на основе развития у граждан духа толерантности.

Литература и источники:

1. Гвоздецкий Н.А. Кавказ. М. 1963. С. 3-5.
2. Дамениа О.Н. Конфликты на Кавказе: проблемы и перспективы их урегулирования // Кавказ, ЕС и Россия: проблемы стабильности. М. 2004. С. 62.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу. М. 2003.
4. Тхагапсоев Х.Г. О кавказской культурной общности // Вестник РАН. 1999. Т. 69. С. 130-134; Шадже А.Ю. Феномен кавказской идентичности // Научная мысль Кавказа. 2002. № 1. С. 36-45.

Магеррамов Эльмар Али оглу,
завотделом , к.и.н., доцент

Кафарова Зейнаб Агамамед гызы,
к.и.н., доцент

Гасанов Гаджи Нуру оглу,
завотделом , к.и.н., доцент
Институт истории им. А.Бакиханова НАН Азербайджана
Азербайджанская Республика, г.Баку

ИЗ ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ СУРМАЛИНСКОГО РАЙОНА ИРЕВАНСКОГО КРАЯ)

Аннотация: В данной статье на основе различных русскоязычных источников и литературы, рассматриваются некоторые вопросы социально-экономической истории Сурмалинской земли, бывшего магала бывшего Иреванского ханства – бывшего азербайджанского феодального государства, которое было ликвидировано в ходе второй российско-каджарской войны (1826-1828 гг.) осенью 1827 г. Авторами принята попытка осветить некоторые сюжеты дальнейшего развития и состояния этого магала, который был расположен на правом берегу р.Аракса, и впоследствии в результате различных военно-историко-политических процессов оказался в составе современной Турции, и в течение долгих десятилетий остался вне поля зрения азербайджанской историографии.

Ключевые слова: Иреван, Азербайджан, Аракс, Сурмали, Игдир, соляные промыслы, таможня.

История распорядилась так, что современная Азербайджанская Республика на данном этапе исторического развития является чуть ни единственным государством всего Земного шара, которое почти со всех сторон граничит со своими историческими азербайджанскими землями. Современное азербайджанское государство не имеет никаких территориальных претензий к своим соседям, и со всеми своими соседями за исключением Республики Армении, которая в 80-90-х гг. прошлого столетия оккупировала почти 20% земель Азербайджанской Республики, имеет очень тесные социально-экономические, культурно-политические отношения. И с Россией, и с Грузией, и с Ираном нас связывают многосторонние и взаимовыгодные отношения. Но считаем, что изучение истории всех азербайджанских земель, которые ныне находятся в составе некоторых соседних государств, является одной из важнейших задач азербайджанской историографии. В конце концов немецкая же историография до сих пор скрупулезно изучает историю немецких колонистов, которые по воле судьбы в XIX – начале XX вв. оказались в Северном Азербайджане. Тоже самое можно сказать и о российской историографии, которая проделала огромную работу по изучению истории российских переселенцев – молокан, прыгуньев, старообрядцев, адвентистов, а также православных российских переселенцев, которые десятками тысячами оказались в Северном Азербайджане до и в ходе столыпинской аграрной реформы в XIX – начале XX вв. И это правильно, потому, что изучение истории этих масс является одновременно составной частью изучения истории всего немецкого, российского народов и т.д.

В годы советской власти неафишируемое табу не позволяло азербайджанским историкам даже близко подойти к изучению истории некоторых западноазербайджанских земель – Иревана, Геокчи, Сурмали и т.д.

После восстановления государственного суверенитета Азербайджана в конце XX в. азербайджанскими исследователями сделано немало по изучению экономики, истории, культуры и т.д. западноазербайджанских земель – Иреванского ханства (1747-1827), Армянской области (1828-1840), Эриванской губернии (1849-1917) [см.: 1, 2 и другие]. Но одна из составных частей бывшего Эреванского ханства и губернии Сурмали до сих пор остается вне этих изысканий, если не учитывать некоторых буквально «эпизодических» статей.

Так, во время существования Иреванского ханства (1747-1827) Сурмалинский магал, наряду с другими – Геокчасарским, Зангибасарским,

Гарнибасарским, Керпибасарским, Сардарабадским и др. магалами входил в состав этого западноазербайджанского государства, которое возникло на месте Чухурсадского беглярбекства Сефевидского государства (1501-1736), и после падения кратковременного, но могущественного Афшаридского государства Надир шаха Афшара (1736-1747) вплоть до своей ликвидации, в 1827 г. управлялся представителями азербайджано-турецкой династии Каджаров. Абсолютное большинство населения этого края веками состояло именно из азербайджанских тюрков [см.: 4]. Сурмалинский магал с центром с селением (в дальнейшем местечко) Игдыр, как уже было сказано выше, был расположен на правом берегу р.Аракс, и играл важную роль во взаимоотношениях сначала иреванских ханов, а потом российских властей с Османской империей.

По данным авторов коллективной монографии под названием «Иреванское ханство» [4, с. 149], Сурмалинский магал охватывал юго-западные земли Иреванского ханства и «был расположен на правом берегу р.Аракс. Сей магал с севера и северо-востока граничил с р.Аракс, с запада с Даракендо-Парченинским магалом, с юга по Агрыдагской гряди с Баязидским пашалыком Османской империи, а с юго-востока с Ираном. По данным И.Шопена во время войны 28 из 78 селений этого магала полностью были разрушены [12, с. 442, 512, 513, 563-567]. Сурмалинский магал после установления российской власти вплоть до 1840 г. остался в составе Эреванской провинции, т.н. Армянской области, образованной 21 марта 1828 г. [3, док. 437, стб. 487; 9, с. 272-273] на месте бывших азербайджанских ханств – Эриванского и Нахичеванского и состоял из двух одноименных провинций. После административно-территориальной реформы начала 40-х гг. XIX века, когда вся территория Южного Кавказа была разделена на Каспийскую область и Грузино-Имеретинскую губернию, эти западноазербайджанские земли на короткий срок оказались в составе вышеназванной губернии. В 1849-м году на этих землях была создана Иреванская губерния, которая просуществовала до конца правления здесь романовской системы управления. В конце XIX – начале XX вв. Иреванская губерния делилась на 7 уездов – Иреванский, Нахичеванский, Шаруро-Даралагезский, Александропольский, Новобаязетский, Эчмиадзинский и Сурмалинский.

Как известно, «Эриванская губерния была образована указом Николая I от 9(21).6.1849 г. из частей Тифлисской губ. (Александропольский у. без Ахалкалакского участка, Нахичеванский и Эриванский уезды) и части Шемахинской губ. (Мегринский участок и селение Капан Шушинского у.). Первоначально эта губерния делилась на 5 уездов: Александропольский, Нахичеванский, Новобаязетский, Ордубадский, Эриванский. Указом Александра II от 19.6(1.7).1859 г. из Эриванского уезда был выделен Эчмиадзинский уезд, а оставшаяся часть включена в состав Нахичеванского уезда. В 1870 из сев. части Нахичеванского уезда выделен Шаруро-Даралагезский у. (с центром в Баш-Норашене), а в 1875 из части Эчмиадзинского уезда к югу от р. Аракс – Сурмалинский уезд» [13].

Очень интересные сведения о Сурмалинском участке за 1854 г. [5, с. 292-293). В середине XIX века в этом участке проживали 2715 д.об.п. мусульман на бекских и 3799 д.об.п. мусульман на казенных землях, и еще 1531 д.об.п. мусульман занимались отгонным скотоводством. Данная после массовых организованных переселений общая численность армян составляла всего 3693 д.об.п., что означало менее 1/3 части всего населения участка.

В этом участке существовали всего 89 деревень и сел, где проживали 1946 мусульманских и 904 христианских дымов; в участке были зарегистрированы также 38 зимовников. В участке было 33 церкви, 12 мечетей, 120 садов. Население занималось в основном земледелием (ежегодно высеивали 3200 халваров зерновых) и скотоводством (более 42 тыс. голов различного скота). [5, с. 303]

В участке действовали 160 бассейнов, 711 верст арыков, в пользовании жителей было посевных земель на 1907 халваров [5, с. 431].

По данным 1874 г. в Сурмалинском уезде было зарегистрировано 266 населенных мест из 1370 населенных мест по всей Эриванской губернии.

По сведениям 1884 г. в этом уезде действовали 69 мечетей с 31021 прихожанами [6, с. 160]. Пространство уезда составляло 3588 км^2, а население в 1872/1874 гг. – 59230 д.об.п., а в 1883/1884 гг. 70000 д.об.п.; т.о. прирост населения составлял 11[6, с. 211].

Сурмалинский уезд к концу XIX века отличался и крупным торговым центром. Здесь действовала крупная Игдырская таможня. За 1886 г.

через эту таможню было вывезено 80390 пудов пшеницы, 2418 пудов свежих фруктов, 6619 пудов керосина, астории и др. тяжелых масел, на 9880 руб. бумажной ткани, 910 голов мелкорогатого скота и т.д., всего всех товаров на 150123 руб. Через эту же таможню за этот год было также привезено всех товаров на 23974 руб. [6, с. 203].

По данным «Списков населенных мест Кавказского края» от 1879 г. в 1873 г. по всей Эриванской губернии было зарегистрировано всего 1370 городов, селений, местечек, отселка, карантинных постов и др. (из них 5 городов). По Сурмалинскому магалу было регистрировано всего 266 таких пункта и 10 оба (отселка) [11].

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Сурмалинском уезде (территория 3241 кв. верст) было зарегистрировано наличное поселение: 47269 д. мужчин и 41786 д. женщин. Из этого числа 4680 д.об.п. проживали в уездном центре – в м. Игдыр. Среди наличного поселения было 195 д.об.п. временно пребывающие в месте переписи и 2626 д.об.п. иностранных граждан. Удельный вес грамотных среди всего населения был очень низкий 4,1% (в м. Игдыр 23,2 %) [1, с. 1]. Но это конечно охватывало только лиц с русской грамотой, а общая численность грамотных, конечно же, был намного выше.

Среди всего населения уезда (89055 д.об.п.) местные составляли 85952 д.об.п., уроженцев остальных шести уездов Эриванской губернии – 1011 д.об.п., уроженцев других губерний – 1511 д.об.п., других государств – 2581 д. об.п. Естественно крестьяне составляли основную массу всего населения – 84025 д.об.п.; дворян было 1005 д.об.п., духовенство – 452 д.об.п., купцов – 73, мещан – 71, иностранных подданных – 2626, остальных – 803 д.об.п. [1, с. 2].

По родному языку население уезда распределялось следующим образом (д.об.п.):

– азербайджанские турки – 41417;

– армян – 27075;

– курдов – 19099;

– русские, украинцы, белорусы – 1361;

– евреев – 6;

– остальных – 97.

В общей массе населения мусульмане (52640 д.об.п.) составляли более 59%, армян (27075 д.об.п.) 30,4%, православные, 1,53% и т.д. [1, с. 2].

В Сурмалинском уезду (65 селений) ковроткачеством занимались 214 дымов, где за год было произведено ковровых изделий на 7013 рубл., а это был второй результат по губернии после Нахичеванского уезда, где 46 дымов произвели ковровых изделий (65 паласов, 29 ковров, 30 джеджимов) на 10000 руб. Таким образом, на долю Сурмалинского уезда приходилось почти 23-24% всего губернского производства (30000руб.) ковровых изделий.

В 1902 г. по поручению Кавказского Кустарного Комитета члены этого комитета Кара Мурза и Мучаидзе изучали положение ковроткачества в Шушинском, Зангезурском, Нахичеванском, Новобаязетском, Эчмиадзинском, Александропольском и Сурмалинском уездах. В Сурмалинском уезде основными центрами ковроткачества считались зимовья Каракут, Муга, Оргов, Зорасма, Ястыбулаг, Асланлы, Алчалы, Казигопаран, Астафли, Джаванлы, Тэндуран, Дютар, Баш Синах, Зорасма и др. [10, лл. 39-41].

Приведенные, даже фрагментарные, данные ясно доказывают, что этот регион несмотря на различные переселенческие компании, на усиленную христианизацию, продолжал оставаться мусульмано-азербайджанским краем. Хотя в этно-религиозном составе уже были заметны серьезные изменения. Сурмалинский уезд, как и прежде, оставался в основном сельскохозяйственным регионом и играл значительную роль во внешней торговле с различными государствами.

Литература и источники:

1. Azərbaycan tarixi. IV c. Bakı, Elm, 2007.
2. Azərbaycan tarixi. V c. Bakı, Elm, 2008.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. VII, Тифлис, 1878.
4. İrəvan xanlığı. Rusiya işğalı və ermənilərin Şimali Azərbaycan torpaqlarına köçürülməsi. B., Azərbaycan, 2010.
5. Кавказский календарь на 1855 год. Тифлис, 1854.
6. Кавказский календарь на 1886 год. Тифлис, 1885.
7. Памятная книга Эриванской губернии на 1902 год. Эриван, 1902.

8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXI. Эриванская губерния. СПб., издание Центрального Статистического Комитета МВД под редакцией Н.А.Тройницкого, 1905.
9. Полный свод законов Российской империи, собр. II, т. III. СПб., 1830.
10. Российский государственный исторический архив, ф. 395, оп. 1, д. 1247.
11. Списки населенных мест Кавказского края. Тифлис, 1879.
12. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., в типографии Имп. Акад. Наук, 1852.

Интернет-ресурсы:

13. https://bigenc.ru/domestic_history/text/4937627

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ КАВКАЗА С РОССИЕЙ

Нифталиев Р.Ю.,
ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана,
доктор философии по истории, доцент
Азербайджан, г. Баку

Г.З. ТАГИЕВ И ЕГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДАГЕСТАНЕ

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления благотворительной деятельности известного азербайджанского мецената Г.З. Тагиева в Дагестане. Г.З. Тагиев был инициатором создания ряда учебных заведений различного уровня и членом многих благотворительных обществ, дейтсвующих в различных городах Российской империи. Его благотворительная деятельность выходила за пределы границ Российской империи, результаты этой благотворительной деятельности проявили себя Османской империи, на территории государства Каджаров, в Индии. Г.З. Тагиев сыграл исключительную роль в развитие образования и в Дагестане. Некоторые дагестанцы, обучающиеся в женской школе, которую он открыл, в Бакинском техническом училище и в других школах, которые он спонсировал, за счет финансовых средств Г.З. Тагиева получали бесплатное образование.

Ключевые слова: благотворитель, просветитель, попечитель, газета «Каспий», «Асари-Дагестан», «Танг чолпан», прогимназия.

Великий меценат Г.З. Тагиев был обладателем крупного капитала. Он был одним из самых известных и уважаемых нефтяных магнатов Российской империи и всего мусульманского мира. Европейские деловые круги всегда были в контакте с Г.З. Тагиевым. Изданное в Москве в 1913 году, «Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых» пишет: «Тагиев Гаджи-Зейнал Абдин, действительный статский советник, председатель правления Кавказского Акционерного Общества обработки волокнистых веществ, владелец Банкирского Дома, театра, дизель моторной мельницы, пионер нефтяной промышленности в России, издатель газеты «Каспий», председатель просветительных и благотворительных обществ, попечитель Коммерческого и Средне-Технического училищ в г. Баку, почетный попечитель Совета Детских Приютов, директор Попечительного Комитета о тюрьмах, учредитель на свои средства женского русского мусульманского Александрина училища в память коронования Их Императорских Величеств по имени Государыни, «пионер» просвещения мусульман. Родился в г. Баку в 1839 году и образование получил домашнее» [7, с. 347].

Владеющий крупными фирмами и в Дагестане, Г.З. Тагиев оказал финансовую поддержку строительству и ремонту мечетей, школ и церквей. Он пожертвовал 2 сентября 1894 г. 300 рублей мечети Ахты Самурского округа [3, л. 23 об.], 27 февраля 1895 г. 300 рублей на строительство мечети Асадкенд в Кюринском округе [3, л. 24]**,** 26 августа 1906 г. 500 рублей в одну из мечетей в Дагестане, а 7 мая 1907 г. 25 рублей на строительство мечети в Дагестане [3, л. 50 об.]**,** 3 апреля 1908 г. 100 рублей на ремонтирование мечети в Дагестане [3, л. 56]**,** 10 марта 1909 г. 100 рублей на реконструкцию мечети в селе Ахты Самурского округа [3, л. 61 об.], 24 ноября 1911 г. 100 рублей на строительство мечети в городе Петровск [3, л. 70 об.], 7 июня 1911 г. 200 рублей в Дербент для Георгиевской Православной Церкви [3, л. 69], в том же году 13 ноября 200 рублей на строительство Православной Церкви в Темирханшуре [3, л. 70] и т.д.

Гасан Алкадари является автором множества книг на классическом арабском, тюркском, персидском языках. Особой известностью пользуется его знаменитая историческая хроника «Асари-Дагестан». Первое издание книги вышло в свет в 1903 году в г. Баку на азербайджанском языке. Книга «Асари-Дагестан» издана за счет средств Г.З. Тагиева. Он пожертвовал только на приобретение бумаги для этой книги 16 ноября 1902 г. 640 рублей [3, л. 61 об.**]**, а в 19 сентября 1903 г. 482 рублей Типографской фирме для первого издания [3, л. 40**]**.

Меценатство Тагиева способствовало формированию в Дагестане светской интеллигенции.

Он помогал талантливым дагестанцам учиться в высших учебных заведениях, стать высококвалифицированными специалистами. Одним из таких был Абдулгадир Эфендиев из Ахты. Г.З. Тагиев платил за обучение 30 ноября 1903 г. 200 рублей [3, л. 41], 23 декабря 1904 г. 240 рублей [3, л. 43], 14 декабря 1905 г. 220 рублей, 30 декабря 1906 г. 240 рублей [3, л. 48]. За счет Г.З. Тагиева Багадур Малачиханов в 1909 г. с отличием окончил Московское техническое училище. Среди тех дагестанцев, для кого материальная помощь Г.З. Тагиева сыграла решающую роль в получении высшего образования был Алискендер Алкадарский [1, с. 41].

Г.З. Тагиев каждый год в своей школе выделял несколько вакансий для девушек из Дагестана. Училище Тагиева окончила Патимат Маликова из Чоха, Иглима Гайдарова из Дербента, Фатмаханум Ахмедханова из Табасарани, Шахрузат Алькадарская, внучка Гасана эфенди Алькадарского, Марям Фаталиева из селения Юхары Арач Самурского округа и другие, а в самом училище работала Айшат Халилова-Дибирова [1, с. 31-32].

По инициативе воспитанника Г.З. Тагиева Нурмагомеда Шахсуварова возникла идея об открытии в Темирханщуре курсов по подготовке учителей для тюркских школ. Осуществить эту идею помог Г.З. Тагиев. На его средства и существовали курсы [1, с. 45].

Появление журнала на кумыкском языке «Танг чолпан» («Утренняя звезда) связано с именем Г.З. Тагиева. В 1917 г. в третьем номере этого издания выражена благодарность редакции Г.З. Тагиеву: «Глубокоуважаемый бакинский миллионер, меценат Гаджи Тагиев подарил журналу 5 тыс. рублей. От чистого сердца благодарим этого почетного Гаджи, играющего огромную роль в пробуждении мусульман всего мира. Да здравствуют такие уважаемые слуги общества» [1, с. 47].

В Бакинском среднетехническом училище, в котором был почетным попечителем Г.З. Тагиев, учились и дагестанцы. Во время посещения одного из училищ города Тифлиса «по древнерусскому обычаю поднес княгине хлеб-соль на деревянном резном блюде, исполненным учеником четвертого класса Тифлисской мужской гимназии. Это блюдо покоилось на шелковой плате, исполненном, начиная от размотки коконов, в ткацкой мастерской учениками Батумского ремесленного училища на третьем уже году своего обучения ткачеству. А на другом блюде чеканной работы дагестанцев, учащихся в чеканно-эмалировочной учебной мастерской Бакинского Алексеевского среднего технического училища, были предложены хлеб-соль наместнику. Это блюдо было изготовлено еще в 1914 году на втором году обучения. На блюде имеется надпись по собственному замыслу исполнителя на арабском языке «Люди Божия мира все поздравляют Вас и просят Бога, чтобы он спас Вас от всякой беды. Баку, 1333 год, техническое училище, исполнил Казбек Казбек». Солонка сделана в той же мастерской – Абдуллой Шахбазовым. Оба ученика – дагестанцы-лезгины» [4, с. 3].

Г.З. Тагиев в разное время оказывал материальную помощь училищу для девушек в Дербенте, которое действовало с 1864 г. Училище было открыто женой дербентского городского начальника генерал-майора М. Чемарчидзе, для бедных девушек мусульманок [5, с. 502]. Г.З. Тагиев пожертвовал школе 23 апреля 1894 г. 100 рублей [3, л. 23 об.], 4 июля 1895 г. 100 рублей [3, л. 25 об.], 13 сентября 1896 г. 100 рублей [3, л. 26 об.], 22 февраля 1899 г. 200 рублей [3, л. 30]. Ученики школы и попечительский совет выразили свою глубокую благодарность Г.З. Тагиеву за оказанную материальный помощь [4, л. 28].

1 ноября 1900 г. женское училище преобразуется в трехклассную женскую прогимназию [6, л. 16]. В Центральном Государственном Архиве Республики Дагестан хранится документ, в котором содержится обращение попечительного совета училища 19 ноября 1900 г. Г.З. Тагиеву: «Милостивый государь Гаджи-Зейналабдин! Попечительский совет Дербентской женской прогимназии в заседании своем 2 ноября постановил выразить Вам глубокую благодарность за много летное пособие снешей Дербентской Женской школы и надежду, что Вы и при преобразовании названной школы в гимназию не откажите ей в Вашей поддержке, тем более, что существование прогимназии требует, особенно на первое время, больших расходов, а существовать должно почти на те же средства, на какие была и школа. Надеясь на Вашу обычную отзывчивость на дело просвещения. Имею честь быть председательница совета» [6, л. 18].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можем заключить, что благотворительная деятельность Г.З. Тагиева была тесным образом

связана не только с родным ему городом Баку, но также тесно связана со всем Кавказским регионом, в частности с Дагестаном.

К этому следует добавить, что личность Г.З. Тагиева была символом благотворительности и меценатства для всего Кавказа и России.

Литература и источники:

1. Гаджиев А.-Г. Миллионер Тагиев Гаджи Зейналабдин (Общественно-политические взгляды). Махачкала: 2000, 61 с.
2. Государственной Архив Литературы и Искусств Азербайджанской Республики, фонд 675, опись 2, дело 97.
3. Государственный Исторический Архив Республики Азербайджан, фонд 314, опись 1, дело 329.
4. Особые случаи в жизни учебных заведении // Промышленное образование. Тифлис:1915, Типо-литография и переплетная товарищества «Либерман и Ко».
5. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. 40. Отделение первое. 1865 год. СПб. 1867, закон 42091.
6. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан, фонд 85, опись 2, дело 1.
7. Юбилейное историческое и художественное издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых. Москва: Типография В. М. Саблина, 1913, 542 с.

Танкиев В.-Г. Х.,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ИнгНИИ имени Ч.Э. Ахриева,
Магас, Россия

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ АВИАЦИИ (О ГЕРОЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С.С. ОСКАНОВЕ)

Аннотация: Статья посвящена Герою Российской Федерации, генерал-майору авиации Суламбеку Сусаркуловичу Осканову. С.Осканов был военным летчиком–снайпером, Заслуженный специалист Вооруженных Сил СССР, кандидат военных наук, мастер спорта по высшему пилотажу на реактивных самолетах, обладатель многих других титулов и наград.

Ключевые слова: Россия, Ингушетия, Герой Российской Федерации, авиация, летчик.

Прошло двадцать сем лет со дня трагической гибели замечательного сына ингушского народа, Героя Российской Федерации, генерал-майора авиации Суламбека Сусаркуловича Осканова.

В народе говорят: большое видится на расстоянии. По прошествии времени мы глубже осознаем, кем для нас был Суламбек Осканов, какого Человека потерял наш народ, Россия.

За прошедшие годы об Осканове С.С. написано несколько статей, ему посвящен ряд телевизионных и радиопередач, автором данной статьи написана книга «Миг генерала Осканова». Но жизнь этого удивительного человека была настолько богата и многогранна, что многие ее страницы еще ждут своего более развернутого и детального освещения. За свою короткую жизнь (он погиб 7 февраля 1992 года, в возрасте 49 лет) С. Осканов достиг таких высот в воинской службе, каких не смогли достигнуть тысячи и тысячи офицеров и генералов СССР и России.

Если о профессиональных качествах Суламбека Осканова написано и сказано достаточно много, то о его человеческих качествах – значительно меньше. А они заслуживают такого же внимания и освящения.

Данная статья является попыткой в какой-то мере восполнить этот пробел.

С.С. Осканов был как бы символом новой Ингушетии, знаком того, что ее сыны и дочери способны достичь самых больших высот в различных областях человеческой деятельности, в том числе и в авиации, достойно служить своей Родине.

Он погиб, спасая от смерти простых людей. Профессионал высшего класса – военный летчик–снайпер, Заслуженный специалист Вооруженных Сил СССР, кандидат военных наук, мастер спорта по высшему пилотажу на реактивных самолетах, обладатель многих других титулов и наград, в критический момент увел самолет в сторону от жилых домов деревни Казельки, что в Липецкой области. Для него честь генерала была выше и дороже собственной жизни.

Убежден, в памяти потомков генерал-майор авиации С.С. Осканов останется как образец служения Родине, верности воинскому долгу и Военной Присяге, как человек, который высоко пронес по жизни свою честь и честь своего народа.

Он был истинным патриотом своего народа, нес свет, любовь и доброту всем людям, обладал особой аурой и магией обаяния.

Я благодарен судьбе за то, что был близко знаком с этим удивительным человеком – Человеком с большой буквы.

Суламбек был уникален во всем: в учебе, службе, в спорте, в любви к людям. Он был неординарной личностью. Величие души этого человека не имело ничего общего со «звездной болезнью» и высокомерием, чванливостью и амбициозностью некоторых военачальников.

В моей памяти Суламбек остался чрезвычайно скромным и даже немного застенчивым человеком, – черта характера, которая сегодня встречается крайне редко.

Когда кто-либо в его адрес высказывал похвалу или шутил, он густо заливался краской.

Вспоминаю, как зимой 1971 года мы с ним были приглашены в гости к нашему земляку, писателю и журналисту Ахмеду Мальсагову, который жил в Москве.

Хозяин встретил нас очень радушно. Много расспрашивал о нашей службе, учебе, об Академии. Мы с Суламбеком отвечали односложно, боясь, как бы Ахмед Мальсагов не подумал, что мы занимаемся бахвальством.

Когда хозяйка накрыла на стол и пригласила нас на ужин, мы вежливо отказались. Но нас все-таки уговорили.

Поели немного и на вопросы хозяйки, – «Почему вы не едите? Вам не понравилась еда?» Суламбек смутился и на все лады стал расхваливать ингушское блюдо чаьпилгаш.

На прощание Ахмед подарил нам по экземпляру своей книги с автографом. Вскоре он в одной из республиканских газет опубликовал статью, в которой рассказал об этой встрече.

Много внимания Суламбек уделял изучению истории нашего народа. Заслышав, что у кого-то из земляков в Москве есть редкая книга об ингушах, он тут же оставлял свои дела и ехал к нему, чтобы попросить эту книгу. А прочитав ее, мы долго делились впечатлениями о прочитанном: об ингушской истории, культуре, быте, верованиях народа. Часто такие беседы затягивались до глубокой ночи.

Суламбек был человеком прекрасной души. В повседневном общении строго следовал ингушскому этикету. Был подчеркнуто вежлив с женщинами и со старшими. Даже будучи в звании генерала, он всегда пропускал меня вперед, уступая место лишь потому, что я был немного старше его. Суламбек очень любил общение с соотечественниками и никогда не упускал возможности встретиться с земляками. Он искренне радовался тому, что многие ингушские ребята и девушки учатся в высших учебных заведениях, в том числе и в вузах Москвы. Мы часто бывали с ним в гостях у студентов столичных вузов.

Где бы ни находился Суламбек, какую бы должность ни занимал, его всегда отличали душевное и доброжелательное отношение к людям, стремление помочь тем, кто в этом нуждается.

Как-то в один из воскресных дней к нам зашел молодой человек и сообщил, что в г. Иванове наши земляки попали в беду. В общежитии техникума легкой промышленности была драка. Имеются раненые. Дирекция грозится отдать ребят под суд.

– Срочно нужна ваша помощь, – закончил свой сбивчивый рассказ наш гость.

– Надо ехать, коротко отрезал Суламбек.

– Поедем в военной форме – добавил я.

По приезде на место мы поняли, что ситуация несколько сложнее, чем мы себе представляли.

Группа наших ребят примерно из двадцати человек была направлена в г. Иваново в техникум легкой промышленности на учебу. Они должны были изучать ткацкие станки и швейное оборудование, чтобы затем работать на них у себя дома.

В Назрани строилась трикотажная фабрика, и для ее нормальной работы нужны были грамотные специалисты.

Из беседы с руководством техникума стало ясно, что в общежитии техникума был настоящий погром.

– Ваши ребята устроили драку, имеются тяжело раненные, разбиты мебель, окна и т.д. Мы передаем дело в суд, – заявил директор техникума.

Суламбек извинился за ребят и сказал:

– Мы специально приехали из Москвы, чтобы помочь вам уладить конфликт. Давайте разберемся досконально в происшедшем, а затем примем решение.

Собрали земляков и послушали их. Наши ребята заявили, что местные студенты постоянно оскорбляют их, пристают к нашим девчонкам, провоцируют на драку.

– Нашему терпению пришел конец, – заявили они.

Послушали и другую сторону. Картина была представлена совершенно другая. Суламбек, проанализировав все «за и против», заявил:

– Надо попытаться примирить обе стороны. Нельзя допустить, чтобы делу был дан официальный, бюрократический ход.

Попросили руководство техникума собрать всех студентов, в том числе и наших ребят, и повести откровенный разговор.

Выступили директор техникума, несколько преподавателей, Суламбек, я, несколько ребят с одной и другой стороны.

Суламбек в своем выступлении оперировал такими понятиями, как интернационализм, взаимопомощь, взаимоподдержка, взаимовыручка. Заканчивая его, он, в частности, сказал:

– Мы, два офицера, ингуши, по праву старшинства решительно осуждаем происшедшее. Считаем, что виноваты обе стороны, и материальный ущерб должны возместить вместе. Что касается наших земляков, то мы ручаемся за них, и они больше не допустят ничего подобного.

Конфликт был улажен, и мы с чувством исполненного долга вернулись в Москву.

Позже Суламбеку много раз приходилось решать такие вопросы, и всегда с честью и достоинством выходил из подобных ситуаций.

Меня всегда поражала его готовность прийти на помощь любому человеку, как бы далеко он не находился.

Особо хочу сказать о благородстве и простоте Суламбека.

Как-то во время отпуска мы с братом во дворе дома копали погреб. Вдруг, откуда ни возьмись, появился Суламбек и предложил свою помощь. Мы с братом долго отговаривали его, но он стоял на своем. Переоделся в рабочую форму и присоединился к нам. И, несмотря на все наши уговоры оставить работу, он работал с нами несколько часов, повторяя, что труд облагораживает человека.

Суламбек любил шутки, розыгрыши, юмор. Самые интересные байки записывал в блокнот. Когда однажды у нас слишком долго гостила одна компания, после ее ухода он сказал:

– Гости нам нужны, как воздух, но плохо, когда этот воздух застаивается.

Позже я не раз слышал от него эту фразу, подчеркивая тем самым, что надо знать меру и соблюдать приличие.

Он не курил, не злоупотреблял алкоголем. Много внимания уделял физкультуре и спорту, особенно авиаспорту. Почти не болел. Все это позволяло ему добиваться блестящих успехов в профессиональной подготовке.

За высокий профессионализм, достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, освоение новейших боевых самолетов С. Осканов был награжден высокими правительственными наградами: орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, орденом Польской народной Республики «Знак боевого содружества» и многими медалями. Ему были присвоены высокие звания «Летчик-снайпер», «Заслуженный летчик СССР». Был удостоен многих других наград, хотя сам был крайне сдержан в оценке результатов своего труда.

Не могу не отметить еще одну черту характера Суламбека – это внимательность и предупредительность. Не помню ни одного праздника, чтобы он не поздравлял нашу семью открыткой, телеграммой или телефонным звонком. Поддерживал теплые отношения с друзьями и близкими людьми, которых у него было очень много.

Доброта и любовь к людям были отличительной чертой Суламбека Осканова. Поэтому многие из тех, с кем он общался, становились со временем его друзьями.

С.С. Осканов поддерживал тесные отношения с редакциями газет «Сердало», «Ингушетия», «Грозненский рабочий». Регулярно писал для них статьи военно–патриотического характера.

Одну такую статью он опубликовал и обо мне. Я бережно храню ее как память о Суламбеке.

Он был прекрасным собеседником. Умел красиво, но без наигранности говорить и внимательно слушать.

Приезжая ежегодно в отпуск, он с удовольствием принимал участие в любых общественных мероприятиях в школе, в районе, в торжественных мероприятиях республиканского масштаба. Причем, со школьниками говорил, как ученик, с тружениками – как рабочий, с интеллигенцией – как политик.

Никогда не выставлял напоказ свою приверженность Аллаху, но всегда следовал предписаниям Всевышнего.

На протяжении всей своей короткой жизни Суламбек, опережая время, спешил делать добро людям, следуя мудрому принципу: кто, если не я!

Для себя он никогда ничего не просил, так как был предельно скромным. Зато для других делал все, что он мог, не считаясь ни со временем, ни

с занятостью. Я мог бы привести десятки примеров его бескорыстной помощи и поддержки. Это было у него в крови.

Сотни людей, которым помог Суламбек Сусаркулович, будучи замполитом эскадрильи, полка, летчиком-инспектором, заместителем, а позже и начальником Липецкого Центра боевой подготовки и переучивания летного состава Военно-Воздушных Сил СССР, депутатом Липецкого городского Совета, могли бы сказать ему большое спасибо за участие в их судьбе, за помощь в решении семейных, бытовых, социальных вопросов.

После трагической гибели генерала Осканова С.С. в Липецке, на квартиру, где проживала его семья, приходили сотни простых русских людей, чтобы поклониться его праху и выразить соболезнование родным и близким покойного.

Я был невольным свидетелем очень трогательной сцены.

Убеленная сединами русская женщина, обращаясь к родственникам Суламбека, говорила:

– Я участница Великой Отечественной войны, много лет стояла в очереди на получение квартиры, и только благодаря вмешательству депутата Сергея Сергеевича (так его называли некоторые русские), я получила квартиру. Буду тебе признательна до гробовой доски, мой заступник. Пусть земля тебе будет пухом.

И вытерла скупую женскую слезу.

К сожалению, земля редко рождает таких людей, как Суламбек.

Во время отпуска мы часто бывали вместе, и я не раз убеждался в том, как даже незнакомые люди с необыкновенным уважением относились к нему, потому что ему были присущи такие человеческие качества, как простота, доброта, чуткость, внимательность и сострадание к людям.

У Суламбека была необыкновенная, чарующая улыбка, подкупающая своей искренностью и теплотой. Он как бы впитал в себя все лучшее, что есть в нашем народе.

Кое у кого может сложиться впечатление, что я пытаюсь канонизировать Суламбека. Отнюдь. Он был добрым, но не добреньким, всегда оставался в пределах меры и такта, но не прощал хамство.

Со всеми был доброжелательным и откровенным, но умел говорить и правду, причем далеко нелицеприятную, тем, кто этого заслуживал.

Чего у него не было, так это высокомерия и амбициозности. Достигнув огромных высот в службе, он оставался предельно простым и доступным. В нем не было ничего наигранного, наносного; все, что он делал или говорил, было искренне, от всего сердца. Он всегда оставался преданным своим жизненным принципам добра, милосердия, человечности.

Суламбек обладал не только прекрасной памятью, но и хорошо запоминал людей. Однажды познакомившись с кем-либо, он помнил его фамилию и имя. Несколько лет спустя мог сказать, где, когда и при каких обстоятельствах познакомился с этим человеком. Я по-хорошему завидовал его памяти.

Когда мы учились в Академии, у Суламбека было несколько блокнотов: в одном он записывал умные мысли, высказывания великих людей. В другом – шутки, анекдоты, забавные истории. В третьем – дни рождения друзей, близких.

Для меня всегда было проблемой написать письмо, поздравительную открытку. Суламбек же посылал их десятками, испытывая при этом удовлетворение от исполненного долга.

Суламбек был предельно пунктуальным. Никогда не опаздывал и не приходил на мероприятие или в гости раньше времени.

Вспоминаю много случаев, когда мы с ним приезжали в гости к своим друзьям на несколько минут раньше, тогда он предлагал немного прогуляться и заходить в точно назначенное время. Точность – вежливость королей, – любил говорить он.

Суламбек был удивительно добрым, мягким и обаятельным человеком с волевым характером и легко ранимым сердцем. Он притягивал к себе людей, как магнит притягивает металлические предметы. Он был оптимистом и жизнелюбом. Никогда не впадал в уныние от неудач, стойко переносил удары судьбы.

Он обладал аналитическим умом, широким кругозором, разносторонними дарованиями, при этом всю свою жизнь стремился пополнять свои знания. Его речь была бесхитростной, но образной и производила на аудиторию большое впечатление.

Завершая свою статью, хочу сказать ему огромное спасибо за то, что он был рядом с нами, за то, что он сделал за свою скоротечную, но яркую, как звезда, жизнь, за след, который он оставил в сердцах людей, и в истории нашего народа.

За любовь к небу, за право летать людям крылатой профессии порой приходится дорого платить. Беспощадным оказалось небо к славному сыну ингушского народа, мужественному генералу и исключительно доброму человеку, доблестному защитнику Родины и Гражданину Земли. Но ничто не в силах победить благодарную человеческую память.

Сколько бы лет ни прошло, сколько бы поколений ни сменилось, наш народ будет помнить своего славного сына. Светлая память о Суламбеке Осканове будет жить в веках.

Хаупшев Э.И.,
аспирант, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
Российская Федерация, г. Нальчик

ВКЛАД Х.М. БЕРБЕКОВА В РАЗВИТИЕ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Аннотация: В данной работе рассматриваются аспекты научной, общественной и образовательной деятельности Х.М. Бербекова, особенности его работы на посту ректора и личный вклад в развитие образования в Кабардино-Балкарии. Особое внимание уделяется актуальности идей Х. Бербекова в соотношении с общественными реалиями того времени. Результатом исследования стала формулировка вывода об актуальности взглядов Бербекова на состояние образования и эффективности общественной и научной работы Х.М. Бербекова на посту ректора.
Ключевые слова: КБАССР, КБГУ, наука, образование, ректор.

Annotation. This paper considers aspects of the scientific, social, and educational activities of H.M. Berbekov, features of his work as rector and his personal contribution to the development of education in Kabardino-Balkaria. Particular attention is paid to the relevance of the ideas of H. Berbekov in relation to the social realities of that time. The research's result was the formulation of a conclusion about the relevance of Berbekov's views on the state of education and the effectiveness of public and scientific work H. Berbekov as rector.
Key words: KBASSR, KBGU, science, education, rector.

Открытие Кабардино-Балкарского государственного университета неразрывно связано с празднованием 400-летия присоединения Кабарды к России. Х.М. Бербеков был одним из активных инициаторов политической оценки этого исторического события. Ему удалось сосредоточить внимание местных и столичных ученых-историков на исследование русско-кабардинских отношений, на раскрытие исторического значения добровольного вхождения в состав Российского государства кабардинского, балкарского и других народов. В Москве и Нальчике при его непосредственном участии были изданы такие труды, как «История Кабарды с древнейших времен до 1956 г.», «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII в.», юбилейный сборник «Кабардино-Балкарская АССР».

Другой важной заслугой Х.М. Бербекова можно считать открытие университета, которое отмечалось всеми трудящимися республики. Это был большой национальный праздник, посвященный крупному шагу в развитии культуры народов Кабардино-Балкарии. Об этом говорилось не только участниками торжественного собрания, приуроченного к открытию университета, но и в многочисленных поздравительных письмах и телеграммах в адрес университета от коллективов промышленных предприятий, колхозов, учреждений и организаций Кабардино-Балкарии. В торжествах приняли участие многочисленные делегации из вузов и научных учреждений Москвы, Ленинграда, республик Закавказья, автономных республик, областей и краев Северного Кавказа, Министерства высшего и среднего специального образования и другие. Открытие первого университета среди национальных автономий Северного Кавказа явилось ярким показателем развития культуры и науки в республике и активности работников высшего образования [1, с. 7-9].

Преобразование педагогического института в многопрофильный государственный университет было обусловлено потребностями общественного и экономического развития республики. Быстрыми темпами в республике развивалась промышленность и сельское хозяйство. Обладая большими запасами естественного сырья, рабочей силы, наша республика остро нуждалась в квалифицированных кадрах: инженерах, экономистах, педагогах, управленцах. Как хороший организатор, Хатута Мутович ясно представлял, что нарастающую необходимость в грамотных специалистах имевшаяся учебная база покрыть не могла. Он неоднократно отвечал оппонентам создания в республике университета: схема подготовки специалистов по направлениям в вузах других регионов является временной и далеко недостаточной, необходи-

мо создать свой центр образования и науки [2, с. 3].

Х.М. Бербеков дал направление развитию вуза, постоянно занимался его научно-техническим оснащением, ростом научных кадров. Писатель З.М. Налоев писал о том, с какой строгостью и принципиальностью Х. Бербеков подходил к подготовке будущих кадров, воспитанию здравомыслящей и деятельной молодежи, от которой зависит прогресс экономики, рост рабочих мест, развитие культуры, мир в регионе, согласие между конфессиями. Хатута Мутович решающую роль в реализации своих начинаний отдавал будущим поколениям, молодой интеллигенции Кабардино-Балкарии, которая сможет продолжить и улучшить заданный Х. Бербековым вектор развития [3, с. 11].

С первых дней своей работы в должности ректора Хатута Мутович Бербеков делал все возможное для укрепления образовательной и научной базы заведения. Он понимал, что только интенсивное развитие науки позволит создать университет, отвечающий современным требованиям подготовки специалистов высокой квалификации. Именно поэтому в первые же месяцы работы университета он пригласил в КБГУ ряд крупных специалистов СССР и РСФСР в области математики, физики, химии, филологии. Это, в свою очередь, позволило заложить основы для возникновения и развития оригинальных научных школ. Таким образом, предвидение ректора стало залогом создания в республике крупного научного и образовательного центра. Именно такое сочетание образовательной и научной деятельности, заложенное с первых дней организации вуза, отличает Кабардино-Балкарский государственный университет от многих других учебных заведений России. С первых дней организации университета Хатута Мутович с любовью называл его «светильником жизни» [4, с. 4]. Бербеков был горячим патриотом своей малой родины. Но он никогда не забывал, что республика, часть большой страны. Интернационализм, интересы государства для Х.М. Бербекова стояли на первом плане. Для субъективизма и национальной ограниченности он в своей работе не оставлял места, и давал понять, что не желает видеть этот негатив в коллективе. Он часто посещал студенческие аудитории, встречался с преподавателями, глубоко изучал учебные программы. Благодаря его стараниям в учебный план впервые был включен курс истории народов Кабардино-Балкарии. В 50-60-х годах Х.М. Бербеков избирался в состав Республиканского комитета защиты мира, был депутатом Верховного Совета Кабардино-Балкарии нескольких созывов, являлся членом диссертационного Совета Института истории АН СССР, Северо-Кавказского Совета по координации и планированию научно-исследовательской работы.

Советское правительство высоко оценило профессиональную и общественную деятельность Х.М. Бербекова. Он был награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», двумя орденами Трудового Красного Знамени. В Указе Президента Кабардино-Балкарской Республики В.М. Кокова от 30 декабря 1996 года говорится: «Учитывая огромные заслуги Х. Бербекова в становлении и развитии высшего образования в республике, большой вклад в подготовку высококвалифицированных работников, Кабардино-Балкарскому государственному университету присвоить имя его основателя и первого ректора Х.М. Бербекова» [5]. Спустя 20 лет Глава Кабардино-Балкарской республики Ю.А. Коков подписал указ об установлении памятника-бюста первому ректору КБГУ в аллее у Главного корпуса университета [6].

Доктор философских наук С.И. Эфендиев вспоминал про яркое выступление Хатуты Мутовича Бербекова на международном конгрессе востоковедов в Индии (г. Дели, 1964), которое вызвало огромный интерес у всех участников, представлявших страны Европы, Ближнего и Среднего Востока, Африки, Америки, Австралии. Многие участники, заинтересовавшиеся быстрым социально-экономическим и культурным развитием одной из национальных республик Северного Кавказа, обсуждали этот и многие другие вопросы лично с Х.М. Бербековым. Конгресс сыграл большую роль в расширении геокультурного пространства и в социально-философском осмыслении – в проявлении всеединства и многовариантности мировой истории. Участие в таком представительном форуме является огромной заслугой Хатуты Мутовича Бербекова как ученого [7, с. 11].

Пришло время, и эту проблему блестяще решил и практически реализовал Хатута Мутович Бербеков, отдавший все свои силы открытию, становлению и развитию Кабардино-Балкарского государственного университета. Он совершенно четко осознавал, что в наше время прогресс

в обществе и состояние духовного развития народа связаны с развитием естествознания, а изучение естественных наук, широкое распространение научной методологии помогут человечеству при решении важных общественных и политических вопросов. Хатута Мутович одним из первых понял, что в век научно-технической революции ни один народ без научно-технической и творческой интеллигенции не может считать себя стоящим на уровне современной цивилизации, что путь к решению этой проблемы лежит прежде всего и главным образом через университетское образование. Велики заслуги Х. Бербекова в подготовке научно-педагогических кадров, в частности, в организации подготовки научно-педагогических кадров из коренных национальностей через аспирантуры других вузов для КБГУ в первые годы его существования [8, с. 3].

Стоить отметить, что на формирование научных и общественных взглядов Х.М. Бербекова оказала значительное влияние социально-экономическая и культурная обстановка в республике. Таким образом, в процессе своей деятельности Хатута Мутович не только решал проблему становления и совершенствования системы образования и выступал за создание национальной государственности, но и исследовал широкий круг вопросов по истории Кабардино-Балкарии в своих научных работах.

Литература и источники:

1. Бербеков Т.М. Университет – «светильник жизни» // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006 – № 3. – С. 7-10.
2. Карамурзов Б.С. Первый ректор КБГУ // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006. – № 3. – С. 3-4.
3. Налоев З.М. Бербековские светильники жизни // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006 – № 3. – С. 11.
4. Карамурзов Б.С. Указ. соч. С. 4.
5. Указ Президента КБР о присвоении Кабардино-Балкарскому государственному университету имени Х.М. Бербекова – Нальчик, 30 декабря 1996 года, № 88 // Информационный портал Кабардино-Балкарской республики. URL: http://kabardin.regnews.org/doc/kw/di.htm (дата обращения: 29.12.2017).
6. Указ главы Кабардино-Балкарской республики об установке памятника-бюста первому ректору Кабардино-Балкарского государственного университета Бербекову Х.М. Нальчик, 19 февраля 2016 года, № 17-УГ. // Университетская жизнь Нальчик, 2016 – № 3. – С. 2. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/UZH-3__2016-fevral.pdf (дата обращения: 29.12.2017).
7. Эфендиев С.И. Ректор, ученый педагог // Университетская жизнь. 25 фев. Нальчик, 2006. – № 3. – С. 11.
8. Медалиев Х.Т., Текуев А.К. Первый ректор // Кабардино-Балкарская правд. Нальчик, 1996. – 15 февр. – С. 3.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Агиева Л.Т.,
ученый секретарь ГБУ «ИнгНИИ»
Россия, г. Магас

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ИНГУШЕТИИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Объектом рассмотрения статьи выступают процессы и явления социально-экономической жизни Ингушетии в рассматриваемый период, имевший важную роль в развитии региона и страны в целом. В результате делаются выводы о социальных изменениях в ингушском обществе, развитии торговли, росте отходничества, аграрном вопросе.

Abstract: The article is considered by the processes and phenomena of Ingushetia's socio-economic life during the period under review, which had an important role in the development of the region and the country as a whole. As a result, conclusions are drawn about social changes in Ingush society, the development of trade, the growth of waste, the agricultural issue.

Ключевые слова: Россия, Ингушетия, земля, экономика, сельское хозяйство, промышленность, округ, семейная община, реформа, рынок, аграрный вопрос.

Keywords: Russia, Ingushetia, land, economy, agriculture, industry, district, family community, reform, market, agricultural issue.

Длительный процесс присоединения к России ингушских земель был завершен в 1859 году, а два года спустя Россия вступила в новый, капиталистический период своей истории. Цель экономического завоевания окраин заключалась в создании там рынка для капитализма. Говоря об окраинах империи, представители русской буржуазии подчеркивали: «Рынки эти важны для русской торговли и промышленности, как для сбыта своих изделий, так и еще более для покупки сырья для своих фабрик [25, с. 13].

Конечно, русский капитализм не мог приступить к колониальному освоению Кавказа сразу же после окончания Кавказской войны. Кавказ был удален от центральных промышленных районов России и отделен от них широкой полосой слабозаселенных и недостаточно освоенных степей. К тому же на Кавказе не было крупных городов и железных дорог. В горных районах господствовало натуральное хозяйство и соответствовавшие ему патриархально-феодальные формы общественного быта. На примере Ингушетии отчетливо видно, каким образом русский капитализм создавал на Кавказе рынок для своих фабрик. Необходимой предпосылкой являлось, как обычно в этих случаях, общественное разделение труда.

Развитие промышленности в центральной России стимулировало развитие торгового земледелия и торгового скотоводства на окраинах. Построенная в 1875 году от Ростова до Беслана и продолженная в 1893 году до Петровска Владикавказская железная дорога сблизила Северный Кавказ с внутренними губерниями империи, а также с черноморско-азовскими и каспийскими портами, расширив и укрепив их экономические связи. Широкая колонизация предкавказских степей и возникновение там хозяйств капиталистического типа создавало повышенный спрос на рабочую силу. Русские и украинские переселенцы, осевшие в ставропольских и терско-кумских степях, нуждались в лесоматериалах и деревянных изделиях. Наконец, всюду на Северном Кавказе, и в частности в пределах Терской области, росло городское и вообще промышленное население, что также способствовало общественному разделению труда.

Резко возросший спрос на продукты сельского хозяйства и лесных промыслов, а также на рабочую силу не мог не отразиться на хозяйственной деятельности ингушей. Территория, занятая ими, входила в 60-х годах XIX века в состав Ингушевского округа, а в 90-х годах – в состав Сунженского отдела Терской области [10, с. 38326].

Если говорить о социально-экономических предпосылках образования Назрановского (Ингушского) округа, то важнейшим из которых был аграрный вопрос. Ингушетия, в виде отдельных

участков входившая в Сунженский отдел Терской области, испытывала на себе хронический аграрный голод, являвшийся, по сути, основной причиной нестабильности и межэтнической напряженности между ингушами и казаками. Аграрный вопрос во всем регионе стоял настолько остро, что администрация Кавказа понимала настоятельное требование преобразований и изменений в аграрном законодательстве, действовавшем на этих территориях. Попытки власти разобраться в поземельных отношениях горцев, разработать проекты реформ оказывались безуспешными в силу национальной и классово-сословной ограниченности кавказской администрации.

Плотность населения Сунженского отдела (18,4 человека) также была выше среднего уровня для всей Терской области (15,3 человека) [3, с. 2]. Но этих данных еще недостаточно, чтобы судить о том, какими возможностями располагали ингуши в отношении развития товарного хозяйства. Сама по себе высокая плотность населения еще не представляла отрицательного явления. При наличии благоприятных для земледелия природных условий в предгорных равнинах этот факт мог сыграть определенную положительную роль. Однако значительная часть территории представляла собой горно-лесистую местность. Поэтому удобных для хлебопашества земель здесь было мало. Особенно ничтожные размеры имели у горцев пахотные участки.

«Можно принять, – писал один из местных публицистов, – что двор, имеющий одну десятину пахотной земли, может быть назван достаточным, выше – начинается уже богатство» [1, с. 41]. Между тем по заключению даже самих царских администраторов, для удовлетворения потребностей в продовольствии одной семьи из пяти душ в Ингушетии необходимо было иметь (6) шесть десятин пахотной земли, (4) четыре десятины пастбищных угодий и до (8) восьми десятин покоса [11, с. 52]. Неудивительно, что у ингушей даже зажиточной семье собранного зерна хватало всего на 5-6 месяцев, а бедной – только на 2 месяца [16, с. 107]. Обработка земли давала здесь «лишь столько, чтобы не умереть с голоду при самых скромных требованиях ингуша в отношении пищи» [20, с. 107]. В то же время терские казаки имели в среднем 21,3 десятины на мужскую душу, то есть в 5 раз больше [17, с. 55].

Для того чтобы не умереть с голоду, горцы вынуждены были арендовать землю у поселенных на их землях казаков станиц Терского войска. В Сунженском отделе в 1890 году казаки сдавали в аренду 39 907 десятин, или 14% всех станичных земель [18, с. 116]. Позднее, жалуясь на малоземелье, ингуши писали в телеграмме, адресованной Государственной думе: «В настоящее время 2/3 наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до такого состояния, что для того чтобы жить, должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем ингушское племя платит ежегодно казакам с лишком 30 000 рублей арендной платы» [8]. Что касается чеченцев, то они арендовали землю также у кумыкских князей Эльдаровых, Алибековых и др. [19, с. 88]. На плоскости обычно арендаторы платили деньгами от 3 до 5 рублей за десятину, а в горах отдавали половину собранного урожая зерна [12, с. 107]. Однако для горской бедноты аренда земельных участков, находившихся, как правило, в 50-100 верстах от дома, не всегда была возможной. По мере того, как богатые казаки и крестьяне степной и предгорной зоны все шире пользовались наемным трудом, бедняки – горцы предпочитали вместо аренды уходить на заработки, причем нередко нанимались в батраки «за годовое прокормление» [21]. Неуклонно возрастало и количество горцев, уходивших на заработки в города и на станции железной дороги.

Отходничество ускоряло разложение горской семейной общины и приводило к распаду большой семьи. Члены семей, уходившие на заработки, не хотели по возвращении делиться приобретенным имуществом или деньгами с теми, кто оставался в «большом доме». Вторгаясь в большую семью, частная собственность взрывала ее изнутри. По словам этнографа Н. Н. Харузина, изучавшего общественный и семейный быт горцев в середине 80-х годов XIX века, процесс распада семейной общины был уже очевидным [14, с. 124]. Разумеется, распад больших семей способствовал переходу горцев от общинного к подворному землевладению. При семейных разделах и без того ничтожные по размерам пахотные участки горцев дробились еще более. Многие из бедняков предпочитали продавать их. Этим пользовались зажиточные горские крестьяне, которые расширяли свои наследственные владения за счет покупки мелких участков односельчан-бедняков. Рост земельной собственности зажиточных горцев происходил, кроме того, путем расчистки земель из-под леса. Конечно, воспользоваться этой

возможностью могли только достаточно мощные хозяйства, ибо расчистка земли в лесистых горах была чрезвычайно трудоемким процессом, для которого нужны были такие средства, какими в массе своей горцы не располагали.

В результате, если горская беднота все более отрывалась от земли, обращаясь к отхожим промыслам, зажиточные горцы усиливали распашку земель, расширяли посевные площади и увеличивали производство зерна. Кукуруза прочно заняла ведущее место в зерновом хозяйстве Ингушетии. Еще в 1876 году отмечалось, что горцы «стали много засевать кукурузы, пользуясь сильной производительностью этого сорта-хлеба, и сбывать ее непосредственно потребителям в соседний Дагестан и на винокуренные заводы: Владикавказский и Щедринский, а в последнее время и в Ростов» [13, с.115]. Наиболее крупными центрами сбыта кукурузы являлись ингушское селение Назрань. О росте вывоза кукурузы из пределов Ингушетии дают представление следующие данные об отправке хлебных грузов со станций Владикавказской железной дороги [26, с. 13-49].

Станция	Отправлено (в тысячах пудов)			
	1894 год	1898 год	1908 год	1913 год
	667 / 666	1256 / 1246	1800 / 1712	2844 / 2994

(Числитель – всего зерна; знаменатель – кукурузы).

Эта же таблица показывает, что к началу XX века по станции Назрань кукуруза составляла до 90 % хлебных грузов. Хотя Ингушетию называли «хлебным оазисом» и «житницей» Северо-Восточного Кавказа, но значительная часть горцев, особенно в горной зоне вела «полуголодное существование на кукурузном или ячменном хлебе», испытывая «острую земельную нужду» [15, с. 77]. Один из современников – краеведов сказал по этому поводу, что ингуши «довольствуются тем, от чего русский крестьянин давно бы умер с голоду» [2, с. 117].

Если обратиться к другой важной отрасли хозяйства населения как скотоводство, то и здесь наблюдалась такая же картина. С течением времени все шире развивалась торговля скотом. Более значительным спросом на местных базарах и ярмарках пользовались овцы. Поэтому процент поступавшего в продажу мелкого скота от общего его поголовья был выше, чем крупного. Если к тому же учесть еще и поступавшую в продажу овечью шерсть, которая, кстати, вывозилась в Ростов, и в районы шерстеобрабатывающих промыслов Северного Кавказа, то станет очевидным, что овцеводство являлось у ингушей наиболее товарной из всех отраслей местного животноводства. Но это никак еще не означало, что население Ингушетии было в достаточной мере обеспечено скотом. И самое главное заключалось в том, что распределение скота между отдельными группами населения Ингушетии было крайне неравномерным. Однако из общего количества овец (поголовья), принадлежащих ингушам более двух третей приходились на плоскостные аулы. Неравномерность в обеспечении скотом горных и плоскостных аулов видна на следующей таблице.

В Ингушетии в % к общему поголовью	
В горах	На плоскости
13	87
18	92
28	72

Несмотря на довольно высокий средний уровень обеспеченности скотом, среди ингушей в действительности было немало бедняков, совершенно не имевших собственного скота. Особенно велик был процент бесскотных хозяйств на плоскости, где к концу XIX века ощущался недостаток пастбищных угодий в связи с усиленной распашкой целинных земель. Так, в ингушских аулах Терской области из общего числа хозяйств не имели: [22, с. 81-84]

	В горах:	На плоскости:
Крупного рогатого скота	1,3%	5%
Мелкого скота	31%	44%

Безлошадных ингушей составляло в процентном отношении: В горах – 26%, а на плоскости – 13%.

Приведенные данные подтверждают сообщение автора 70-х годов XIX века, который указывал, что среди горцев, обитавших в ущельях Армхи, Ассы и Гехи, богатые скотоводы, имевшие 2 лошадей, 10 коров и 200 овец, встречались «весьма редко», а большинство жителей имели 1 лошадь, 2 коров и 10-12 овец. «Многие же, – добавлял автор, – имеют лишь одну корову, а нередко можно встретить и таких крестьян,

которые ровно ничего не имеют…» [5, с. 9]. За последние 20-30 лет положение не изменилось к лучшему. Если на ярмарках и базарах увеличилась продажа скота, то это еще вовсе не означало, что повысился уровень потребления трудящимися продуктов скотоводства. По словам современника, изучавшего быт и экономику ингушского аула в начале 90-х годов XIX века, мясом здесь «простому смертному приходится лакомиться лишь в торжественных случаях» [3, с. 117].

Развитие товарного земледелия и торгового животноводства не только углубляло наблюдавшееся и прежде всего среди горцев имущественное неравенство, но и стимулировало появление новых социальных групп сельского населения, неизвестных ранее горскому обществу. По свидетельству О. Маргграфа, изучавшего быт горных ингушей в конце 80-х годов XIX века, среди них «с одной стороны, явились класс безземельных, а с другой, создался класс более или менее крупных землевладельцев». При отсутствии кровной аристократии эти местные богачи фактически приобрели между ними значительный вес и стали иметь большое влияние на общественные дела, не говоря уже о том, что безземельные и малоземельные их соплеменники находятся у них в сильной экономической зависимости [4, с. 114]. Десять лет спустя из местных горских публицистов высказывался еще более определенно, обобщая свои наблюдения относительно перемен, происшедших в жизни горцев: «Среди аульного населения наблюдается страшная хозяйственная дифференциация. С одной стороны, мы видим буржуазию, сельских богатеев, имеющих иногда большие средства, с другой – аульную голытьбу» [23].

Прослойка сельских богатеев среди горцев была представлена не только теми хозяевами, которые в крупных размерах занимались производством зерна на продажу. Но и также крупными животноводами, летом державшими свои стада на горных пастбищах, а на зиму перегонявшими их на арендованные у терских казаков степные земли. Отдельные представители нарождавшейся ингушской буржуазии вкладывали свой капитал в промышленное производство. Так один автор отмечал: «Ингуши, как люди практические, бойкие и сметливые, всеми доступными для них средствами стремятся завоевать себе и образование, и место в торговле и промышленности» [6, с. 29]. Разумеется, «завоевать» такое место могли лишь немногие. Масса обедневших горцев вынуждена была добывать средства к существованию «поденным трудом во время уборки посевов» и отходничеством [7, с. 10]. При этом большинство из них выступало на рынке в качестве рабочей силы и нередко удовлетворялось случайными заработками.

«Даже самый внешний вид горца меняется – все чаще и чаще национальный костюм заменяется блузой мастерового или пиджаком торговца: вместо кинжала – аршин, вместо ружья – кирка и лом. Меняются и взгляды горца, он, прежде с презрением относившийся к торговле, теперь только и мечтает о лавке…» [27, с. 54]

Крупных хозяйств капиталистического типа в Ингушетии не было. Преобладало мелкое товарное крестьянское хозяйство среднего крестьянина. Оно продолжало существовать не вследствие какой-либо особой его «живучести», а лишь за счет систематического снижения уровня материальной жизни, крестьянской семьи. Это в полной мере относится к тем ингушским крестьянам, которые действительно надрывались, чтобы отвоевать у лесистых гор ничтожный клочок каменистой земли и вырастить на нем столько хлеба, сколько хватило бы для полуголодного существования его семьи, хотя бы на полгода. Это относилось и к тем горцам, которые проводили время в трудных переходах по горным тропам в поисках удобных пастбищ на крутых склонах хребтов, в длительном отрыве от семьи и домашнего очага, чтобы сохранить свой скот и спасти его от бескормицы. И в пореформенный период хозяйство ингушских крестьян, особенно в горах, во многом еще сохраняло натуральный характер, но вместе с тем не только средний, но даже бедный крестьянин уже не мог существовать вне связи с рынком. Он должен был продавать, хотя бы за счет недоедания, чтобы заплатить налоги в пользу царской казны, местного духовенства, купить недостающую до будущего урожая количество хлеба, приобрести ткани на одежду и т. д.

Таким образом, процесс местного рынка находил выражение не только в увеличении торговых оборотов, но и в расширении сети стационарных торговых предприятий – лавок, магазинов и пр., постепенно оттеснявших на второй план ярмарочную и базарную торговлю. Говоря о характере рыночных связей Ингушетии с другими областями пореформенной России, следует отметить, что среди отправленных грузов преобладали сырье и жидкое топливо (нефть), а привозились преимущественно промышленные изделия. Кроме того,

к концу XIX века здесь установились прочные рыночные связи с индустриальными центрами Приазовья, Черноморья, Донбасса, а также Московского промышленного района и даже Урала. Основные грузопотоки направлялись из Грозного на Ростов и порт Петровск, который связывал Ингушетию с Закавказьем, Средней Азией и Поволжьем. Через Петровск, в частности, местное купечество поддерживало торговые отношения с Нижегородской ярмаркой, направляя туда грузы по Каспийскому морю и Волге. Таким образом, шло и сближение ингушского народа с русским народом.

Издавна русские казаки и крестьяне, поселившиеся еще в XVI веке в низовьях Терека, были соседями горцев. Вопреки политике царизма, разжигавшего национальную и религиозную вражду, они поддерживали с ингушами торговые отношения, заимствовали выведенные ими местные породы овец, перенимали от них различные принадлежности костюма, конской упряжки, вооружения. Л. Н. Толстой, наблюдавший быт гребенских казаков в середине XIX века, писал о них: «Живя между горцами, казаки переродились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев». Он подчеркивал, что присущее казаку «щегольство в одежде состоит в подражании черкесу», даже «казачки носят одежду черкесскую…» [24, с. 16-17] (Напомним, что тогда термин «черкес» в разговорной русской речи часто являлся синонимом «горца» вообще).

Выходит, что даже в ходе завоевания Кавказа царизмом между русскими поселенцами на Тереке и горцами возникали мирные отношения, способствовавшие экономическому и культурному общению народов. Конечно, царизм продолжал и в пореформенный период осуществлять в Ингушетии, как и на всем Кавказе, великодержавную политику, насаждая колониальный режим и угнетая массы коренного населения, но колонизаторские мероприятия царского правительства не имели ничего общего с трудовой деятельностью русского народа по освоению малонаселенных предкавказских степей. Усилившаяся после реформы 1861 года русская колонизация степного Предкавказья была в значительной мере крестьянской, земледельческой колонизацией. Новым и решающим этапом в процессе общения трудящихся горцев с русским народом явилось формирование на территории Ингушетии, кадров промышленного пролетариата.

Литература и источники:

1. В. Н. Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. С. 41.
2. Вертепов Г. Ингуши. Терский сборник. Вып. 2. Владикавказ, 1892. С. 117.
3. Вертепов Г. Ингуши. Терский сборник. Вып. 2. С. 117.
4. Вертепов Г. Там же. С. 114.
5. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Ингушевского округа. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 9.
6. Грабовский Н.Ф. Ингуши. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.9. Тифлис, 1876. С. 29.
7. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Ингушевского округа. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 10.
8. Журнал «Терек». № 83. 1907.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Ч. 68. СПб, 1904, С. 2.
10. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 2. Т. XXXVII, отд. 1.1862. С. 38326.
11. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869. С. 52.
12. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 7. Тифлис, 1876. С. 36.
13. Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. С. 115.
14. Сводная статистика перевозок хлебных грузов по Владикавказской железной дороге (1895-1914). Петроград, 1915. С. 13-49.
15. Стенографические отчеты Государственной думы созыва, 2 сессия, Т. V, 1907, С. 77. Речь депутата Т. Эльдерханова.
16. Терский сборник. Вып. 2. Владикавказ, 1892. с. 107.
17. Терский сборник. Вып. 3. С. 55.
18. Терский сборник. Вып. 2. Владикавказ, 1892. С. 116.
19. Терский сборник. Вып. 3. С. 88.
20. Там же. Вып. 2. С. 107.

21. Там же.
22. Терский сборник. Вып. 3. С. 81-84.
23. «Терские ведомости» № 138. 1899. Письма Цаголова.
24. Толстой Л. Н. Казаки. Повесть. М., 1953. С. 16-17.
25. Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 9. М., 1876. С. 3.
26. Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. Сборник по этнографии. Вып. 3. М., 1888. С. 124.
27. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. М., 1913. С. 54.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧✧

Бесчастнова Н.В.,
к.э.н., профессор кафедры экономики Восточной экономико-юридической гуманитарной академии
Российская Федерация, г.Уфа,

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК «ЛОКОМОТИВ» УВЕЛИЧЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация: Приоритетной потребностью населения было и остается улучшение жилищных условий. Жилищное строительство может стать локомотивом экономики, создав сотни новых рабочих мест, в том числе в малом бизнесе. Приоритетные задачи развития региона – рост ВРП и сокращение бедности – решаются не только (и не столько) в нефтегазовой отрасли. Необходимо развитие рыночных институтов, которые позволят активизировать поиск ресурсов на местном уровне, расширят круг стимулов для трудовой деятельности, для формирования достойных условий жизни, благоприятной социально-психологической среды. В настоящее время к числу первоочередных задач социально-экономического развития относится задача формирования рынка доступного жилья через повышение платежеспособного спроса населения на жилье с помощью развития жилищного кредитования и увеличение объемов жилищного строительства, что нашло отражение в данной статье.

Ключевые слова: экономический рост, жилье, строительная отрасль, доходы, уровень жизни, благосостояние населения.

В условиях нестабильного экономического роста, как в регионах, так и в России в целом, прослеживается тенденция усиления роли заработной платы в формировании совокупных денежных доходов домашних хозяйств и снижение предпринимательской активности населения. Отмечается падение всех компонентов реальных располагаемых доходов. Опыт развитых стран показывает, что жилищное строительство может стать «локомотивом» роста смежных отраслей и оказать положительное воздействие на рост реальных доходов населения. В условиях высоких цен на жильё и снижения реальных доходов домашних хозяйств необходим поиск новых институтов, имплантация которых позволит домашним хозяйствам становиться собственниками жилья даже в условиях макроэкономической нестабильности.

Строительная отрасль и рынок Республики Башкортостан характеризуются значительным ресурсным, финансовым, трудовым и технологическим потенциалом и поэтому при условии грамотного управления могут достигнуть высокого уровня развития. Вместе с тем, в настоящее время, наблюдается целый ряд негативных тенденций, которые могут привести не только к сокращению объемов работ и входящих денежных потоков в строительной отрасли, но и к уменьшению числа строительных организаций, свыше 90% которых являются субъектами малого предпринимательства, наиболее чувствительными к колебаниям в отрасли и на рынке.

Сохранение и развитие структуры отрасли, расширение емкости рынка и формирование его устойчивой конъюнктуры возможно лишь при условии принятия превентивных мер в виде наращивания потенциала для увеличения числа строительных организаций. Этот потенциал может быть сформирован благодаря повышению качества жизни населения, которое в настоящее время является главным стимулом роста спроса на жилье, а также притоку бюджетных инвестиций в строительство объектов социальной инфраструктуры (как из федерального, так и из республиканского бюджетов) и увеличению темпов развития смежных со строительством отраслей промышленности.

Порядка 70% работ, выполненных по виду деятельности «строительство», по информации органов государственной статистики, приходится на столицу Республики Башкортостан – город Уфу, в то время как численность населения Уфы составляет менее 30% общей численности населения Республики. Таким образом, население и хозяйствующие субъекты Уфы получают больше результатов строительных работ, чем другие муниципальные образования РБ (в Республике 63 муниципальных образования, включая ЗАТО).

Подобный дисбаланс недопустим, так как районы Республики со значительным потенциалом оказываются ограничены как в ресурсах

(инвесторы и заказчики не заинтересованы в строительстве объектов на территориях с низкой привлекательностью или неправомерно отнесенных к «периферии»), так и с точки зрения обеспеченности человеческим капиталом (специалисты предпочитают Уфу и другие крупные районные центры Башкортостана, в связи с чем во многих муниципальных образованиях имеет место дефицит квалифицированных кадров в сфере строительства).

По данным государственной статистики по состоянию на первое полугодие 2018 г. в строительной отрасли Республики Башкортостан функционировало около 8 тыс. организаций, зарегистрированных по виду деятельности «строительство»; при этом крупных и средних субъектов строительного бизнеса в Башкортостане насчитывается лишь 49 и 36 соответственно [2].

Динамика ключевых показателей отрасли в сопоставлении с федеральным уровнем и уровнем ПФО показывает следующее (табл. 1, рис. 1 и 2).

Таблица 1 – Ключевые показатели строительной отрасли Республики Башкортостан в сравнении с показателями по РФ и ПФО [4, с. 903-914]

Наименование показателя	Значения				Изменения (+/–)		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 к 2017 г.	2018 к 2016 г.	2018 к 2015 г.
Инвестиции в основной капитал строительных организаций, млрд. руб.							
Российская Федерация	12192,2	14640,2	15967,0	16813,2	846,2	2173,0	4621,0
Приволжский ФО	2463,3	2438,1	2412,2	2469,9	57,7	31,8	6,6
Республика Башкортостан	317,8	355,1	260,9	268,7	7,8	–86,4	–49,1
Доля РБ в показателе по РФ, %	2,6	2,4	1,6	1,6	0,0	–0,8	–1,0
Общий объем выполненных строительных работ, млрд. руб.							
Российская Федерация	6148,4	6185,0	7545,9	7893,5	347,6	1708,5	1745,1
Приволжский ФО	1192,5	1373,7	1289,9	1314,5	24,6	–59,2	122,0
Республика Башкортостан	162,2	210,9	190,1	204,9	14,8	–6,0	42,7
Доля РБ в показателе по РФ, %	2,6	3,4	2,5	2,6	0,1	–0,8	0,0
Ввод в действие зданий жилого и нежилого назначения, тыс. ед.							
Российская Федерация	306,4	278,3	272,6	261,1	–11,5	–17,2	–45,3
Приволжский ФО	69,2	68,9	72,5	73,8	1,3	4,9	4,6
Республика Башкортостан	14,9	18,1	19,8	21,3	1,5	3,2	6,4
Доля РБ в показателе по РФ, %	4,9	6,5	7,3	8,2	0,9	1,7	3,3

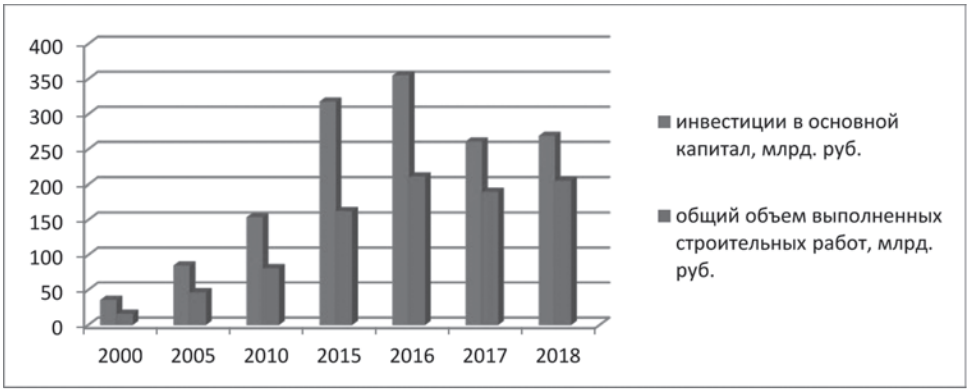


Рисунок 1– Динамика инвестиций в основной капитал строительных организаций и общего объема строительных работ по Республике Башкортостан

Как видно из рисунка 1 пиковый рост инвестиций в основной капитал строительных организаций и общего объема строительных работ наблюдался в 2015–2016 г., что в основном обусловлено отложенным спросом (инвестиции по уже существующим инвестиционным проектам, запущенным до кризиса – в 2013–2014 гг., начали «работать» в 2015–2016 гг.), однако в целом с 2015 по 2017 гг. строительный рынок РБ находился в рецессии, что наглядно видно по снижению показателей в 2017 г. Преодолеть последствия кризиса рынку и отрасли удалось лишь по итогам 2018 г., когда наметились тенденции к росту ключевых показателей.

Данные таблицы 1 показывают, что объем инвестиций в основной капитал предприятий Республики Башкортостан после снижения в 2017 г. незначительно увеличился в 2018 г. (на 7,9 млрд. руб.), однако на фоне более высоких темпов роста общероссийского показателя доля Республики Башкортостан осталась на прежнем уровне – 1,6%. Тем не менее, общее снижение этого показателя к 2016 и 2015 г. (когда был реализован отложенный спрос), составило 86,4 и 49,1 млрд. руб. соответственно.

Аналогичная ситуация сложилась и по показателю валового объема строительных работ по экономическому виду деятельности «строительство», но по этому показателю динамика более позитивная – увеличение объема в денежном выражении составило 14,8 млрд руб., и, хотя доля Республики Башкортостан возросла лишь на 0,1% (до 2,6%) можно свидетельствовать о наличии положительных тенденциях в отрасли Республики. Хотя в то же время разрыв в показателях 2018 и 2016 гг. составляет 0,7 процентных пункта, что потребует дополнительных инвестиций в отрасль для восстановления утраченных позиций Республики.

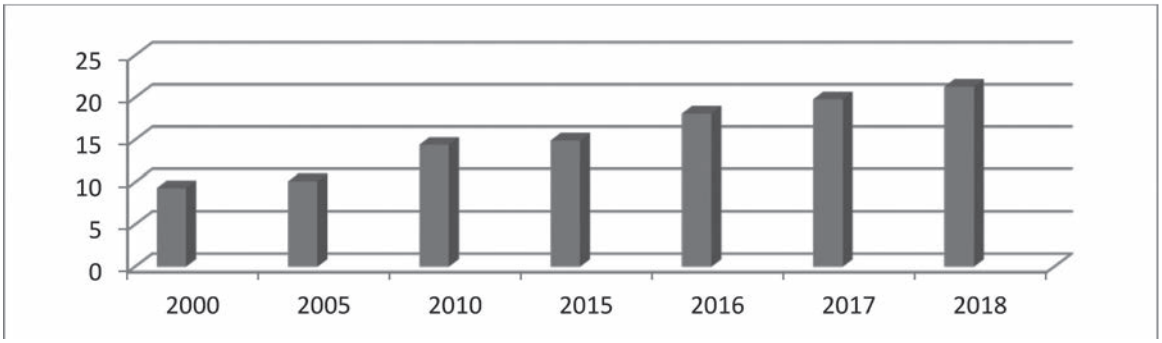


Рисунок 2 – Динамика ввода в эксплуатацию зданий жилого и нежилого назначения в Республике Башкортостан (тыс. ед.)

Что касается ввода зданий жилого и нежилого назначения в эксплуатацию (рис. 2), то здесь картина совершенно противоположная – на фоне снижения общероссийского показателя более чем на 10 тыс. ед., как ПФО, так и Башкортостан продемонстрировали рост числа введенных объектов на 1,3 и на 1,5 тыс. ед. соответственно.

К проблемным моментам в функционировании строительной отрасли и рынка строительства РБ можно также отнести следующие:

– недостаточно эффективно реализуется потенциал роста числа строительных организаций, относящихся к субъектам крупного и среднего бизнеса. В настоящее время в Башкортостане наблюдается не только ограниченность объемов промышленного строительства (как уже упоминалось, большая часть объектов строительства сосредоточена в Уфе и ближайших к ней муниципальных образованиях), но и их сокращение, в связи с чем предприятия республики вынуждены заключать договоры подряда в других регионах (как в близлежащих Татарстане, Нижегородской и Свердловской областях, так и в Москве, Санкт-Петербурге, Ростовской и Липецкой областях, Краснодарском крае). В секторе жилищного строительства РБ возникают затруднения в процессе реализации объектов девелоперами (спрос на жилье весьма ограничен из-за снижения реальных доходов населения Республики);

– в регионе есть проблема низкого качества общестроительных работ (работы нулевого цикла, возведение каркасов зданий и т.д.), которая возникает по причине игнорирования заказчиками процедуры предварительной проверки добросовестности подрядчиков и субподрядчиков и приоритетности вопроса стоимости работ (стро-

ительно-монтажные организации без достаточного опыта или с неквалифицированным персоналом выигрывают тендеры за счет демпинга);

– в ходе технического прогресса меняются запросы заказчиков, которые все более заинтересованы в высокотехнологичных объектах, возводимых из современных материалов, что значительно усложняет процесс строительства и требует совершенствования качества работ, внедрения новых технологий, использования инновационных систем управления и охраны труда. Поскольку это во многих случаях оказывается труднодоступным для малых и даже ряда средних строительных предприятий (как правило, по причине высокой затратности), для выполнения работ привлекаются инновационные строительные организации из других регионов России или из-за рубежа, и башкортостанские компании теряют долю рынка;

– снижение уровня покупательной способности населения и трудности в привлечении финансовых ресурсов строительными организациями (высокая стоимость заемного капитала в банках, недостаточная обеспеченность оборотными средствами и т.п.) даже при прогнозируемом высоком спросе на жилье препятствуют росту объемов жилищного и инфраструктурного строительства. Помесячная динамика ввода жилья в эксплуатацию в 2018 г. по сравнению с периодом 2017 г. характеризовалась негативными трендами – среднегодовое снижение показателя составило более чем 150 тыс. кв. м;

– медленные темпы инновационного развития большинства малых и некоторых крупных строительных организаций РБ не позволяют развиваться другим отраслям экономики – в большей степени сфере производства новых строительных материалов и инновационной строительной техники;

– в Республике Башкортостан средний размер заработной платы в строительной отрасли по-прежнему ниже, чем в других отраслях промышленности региона (например, в нефтяной, нефтеперерабатывающей, химической), что приводит к дефициту квалифицированных кадров в отрасли и притоку неквалифицированных кадров, готовых работать за невысокую плату.

Такое возможно лишь при условии комплексного подхода и активного участия региональной власти Республики Башкортостан – должна быть разработана четкая «дорожная карта» развития строительной отрасли, спланированы финансовые ресурсы, приняты соответствующие нормативные акты [3].

Существенное влияние на развитие строительной отрасли оказывает уровень развития социальной сферы, и в первую очередь это касается образования.

Проблему нехватки рабочих кадров строительной отрасли усугубляют низкие зарплатные предложения, которые сформировались в Республике Башкортостан, – от 13 до 30 тыс. руб. (при фактической средней заработной плате в целом по Республике – 21,3 тыс. руб. (данные экспертов) и номинальной средней зарплате – 29 тыс. руб. (данные Минтруда РБ)) и могут заинтересовать лишь рабочий персонал с низкой квалификацией [1].

В случае сохранения такой ситуации под угрозой окажется реализация планов по технологическому и инвестиционному развитию строительной отрасли Башкортостана, поскольку внедрение инновационных материалов, техники и технологий в производственные процессы не даст результата без привлечения квалифицированных кадров (в том числе за счет программ развития персонала) и, соответственно, создания высокооплачиваемых рабочих мест.

Очевидно, что в настоящее время в строительной отрасли Башкортостана наблюдается целый ряд проблем, которые следует рассматривать не с точки зрения внутренних проблем отдельного сектора экономики, а как системные проблемы, поскольку низкие темпы развития строительства тормозят и развитие региона в целом. Так, негативное влияние промышленных (производственных) факторов (например, дороговизна строительных конструкций, материалов, техники; 70–80%-ный износ основных фондов; использование устаревших технологий в строительном цикле) может быть нейтрализовано только при условии развития строительной отрасли за счет ряда стратегических решений (реализация крупных инвестиционных проектов, создание производственно-строительного кластера, разработка и внедрение новых технологий на базе технопарков).

Таким образом, несмотря на скачкообразную динамику макроэкономических показателей, перспективы развития экономики Республики Башкортостан связаны с модернизацией хозяйства, возрастанием роли жилищного сектора, расширением внутреннего и внешнего рынка для формирования социально-ориентированной экономики.

Литература и источники:

1. Бесчастнова Н.В., Сазыкина М.Ю., Мамлеева Э.Р. Динамика доходов населения и рынок жилищного строительства России в условиях нестабильной макроэкономической ситуации // Уровень жизни населения регионов России. 2016 № 3 (201). С. 186-197.

2. Официальный сайт Территориальной Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // https://bashstat.gks.ru (дата обращения: 22.11.2019).

3. О стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2020 года: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 30.09.2009 № 370 // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2009. № 21 (315). Ст. 1459.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. М.: Изд-во Росстата, 2019. 1402 с.

Богатырева М.Р.,
доцент
Башкирский государственный университет
Российская Федерация, г. Уфа

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье рассматривается мобильность человеческого капитала как одного из ключевых факторов, влияющего на конкурентоспособность трудовых ресурсов, которая формируется и реализуется в процессе воспроизводства трудовых ресурсов, во взаимосвязанном единстве производства, распределения, обмена и потребления трудовых ресурсов. Трудовая мобильность человеческого капитала – понятие, представляющее в современных условиях особый интерес для исследования. Для повышения уровня конкурентоспособности человеческого капитала необходима коррекция государственной политики в области образования. Автором предлагается при реализации образовательных программ введение в программах вступительных испытаний классификации предлагаемых направлений обучения в ВУЗах в зависимости от степени востребованности их в регионах с выделением групп «высоко востребованные», «неопределенно востребованные» и т.п.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, человеческий капитал, конкурентоспособность, трудовая мобильность, образование, уровень удовлетворенности.

Эффективность использования человеческого капитала во многом зависит от мобильности трудовых ресурсов. Человеческий капитал должен мгновенно реагировать на изменения в мировой экономике и перестраиваться на те сферы деятельности, где его эффективность наиболее высока.

С одной стороны, для развития каждого человека необходимы благоприятные условия, с другой стороны, повышение конкурентоспособности человеческого капитала зависит от поддерживающих его социальных условий.

Конкурентоспособность трудовых ресурсов формируется и реализуется в процессе воспроизводства трудовых ресурсов, в единстве и взаимодействии процессов производства, распределения, обмена и потребления трудовых ресурсов.

Конкурентоспособность является феноменом, подразумевающим устойчивость социальной и профессиональной мобильности трудовых ресурсов, связанную с формированием тех профессиональных качеств личности, которые не только способствуют выполнению профессиональных производственных функций, но и способствуют их активной реализации [1, с. 130].

Мобильность человеческого капитала является одним из наиболее важных объектов инвестиций в человеческий капитал наряду с сектором образования и здравоохранения. Любые инвестиции в образование окажутся незначительными, если лицо, получившее образование, не сможет применить свои знания на работе из-за отсутствия конкретного рабочего места или условий для открытия работы. Человек, «прикованный» к месту проживания, ограничивает свои экономические возможности и становится менее конкурентоспособным.

Высококвалифицированные сотрудники играют центральную роль в современной наукоемкой экономике. Сотрудники с ценными и передовыми навыками в большей степени подвержены миграционной мобильности как в своем регионе, так и за рубежом. Однако не все высокодоходные направления одинаково привлекательны с точки зрения профессиональных и социальных возможностей, которые они предлагают иммигрантам. Страны выделяются с точки зрения географической доступности, профессионализма и степени, в которой они принимают иностранцев. Хотя это связано со сложной сетью факторов, основной результат очевиден: потоки высококвалифицированных мигрантов сильно сконцентрированы как внутри страны, так и за рубежом.

В последние десятилетия были проведены многочисленные исследования эффективности работы сотрудников в различных секторах экономики. Кроме того, технический прогресс и изменения в организациях постепенно привели работодателя к пониманию того, что успех любой компании зависит только от навыков и компетентности ее сотрудников. Это явление привело к увеличению инвестиций в профессиональное обучение и развитие сотрудников [2, с. 30].

Герчикова И.Н. в своих трудах отмечала, что: «высокий уровень конкурентоспособности работников является не только одним из условий эффективной деятельности организации, но и обеспечивает его обладателям определенный уровень личной экономической безопасности и социальной устойчивости. Эффективно работающие, конкурентоспособные организации – залог экономически благополучного государства» [3, с. 76].

Ученые различных экономических направлений также по-разному интерпретируют суть и содержимое трудовой мобильности.

По мнению Марка Грановеттера трудовая мобильность является конкретным процессом перехода рабочей силы из отраслей с низким спросом в отрасли с более высоким спросом [4, с. 45].

Отечественные ученые-исследователи А.М. Добрусин и Е.Г. Ефимова рассматривали трудовую мобильность как необходимое качество рабочей силы, которое воссоздает решимость и стремление соответствовать определенным изменяющимся запросам рынка труда [5, с. 131].

Смит, в своих работах отмечает, что «модель человеческого капитала может быть использована для понимания и прогнозирования мобильности, инициируемой работником. Эта модель рассматривает добровольную мобильность как инвестиции, при которых издержки возникают на некотором раннем этапе, чтобы получить отдачу в течение более длительного периода времени. Если текущая стоимость выгод, связанных с мобильностью, превышает денежные и моральные издержки, то мы предполагаем, что люди примут решение сменить работу, переехать или же сделать и то и другое. Если дисконтированный поток выгод не компенсирует издержки, то люди примут решение не делать таких изменений» [6, с. 348].

Во всех рассмотренных подходах представлены различные определения процесса трудовой мобильности, и это можно определить, как процесс перемещения в пространстве трудовой сферы.

Таким образом, трудовая мобильность определяется темпом трансформации определенных свойств работника, которые задают ритм его трудовой мобильности при определенной социально-экономической обстановке, а способность привлекать и удерживать человеческие ресурсы требуемой квалификации является одним из ключевых факторов успешного развития организации. Уровень развития организации, узнаваемость бренда, имидж организации, корпоративная культура привлекают трудовые ресурсы, а также способствуют предотвращению текучести кадров. В связи с вышесказанным возникает необходимость детального изучения трудовых ресурсов организации как фактора ее конкурентоспособности.

В таблице 1 представлен обзор различных видов трудовой мобильности.

Таблица 1 – Обзор видов трудовой мобильности

Наименование	Краткое содержание
Профессионально-квалификационная	Характеризуется процессом перемещения от сферы деятельности менее трудных к более трудным, от выполнения неквалифицированной низкооплачиваемой работы к выполнению более высококвалифицированной
Территориальная	Наблюдается между определенными экономически развитыми городами, районами и внутри них. Содействует формированию конкретных умений, передачи трудовых навыков, развитию профессиональных качеств
Отраслевая	Вызывается разъединением конкретных сфер деятельности и отраслей экономики, их своеобразием, которое выражается в особенностях трудовой деятельности

Результаты авторского исследования, проведенного в июле 2019 г. на территории республики Башкортостан, свидетельствуют о том, что трудовая мобильность растет.

Результаты ответов на вопрос и готовности переехать в другой город/регион страны с целью лучшего трудоустройства (более высокая заработная плата, более интересная работа и т.п.)?» представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты опроса респондентов на вопрос: «Готовы ли Вы переехать в другой город/регион страны с целью лучшего трудоустройства?» (в % от всех опрошенных респондентов Республики Башкортостан, по возрасту)

	18-24	25-34	35-44	45-59	60+
Да, готов(-а)	56	44	37	25	8
Нет, не готов(-а)	43	55	61	72	91
Затрудняюсь ответить	1	1	2	3	1

Результаты нашего исследования, показывают, что готовность сменить место жительства зависит от возраста работающих, то есть к переезду с целью трудоустройства готовы около половины трудоустроенных респондентов в республике Башкортостан в возрасте от 18 до 34 лет (44-56%). Занятое население от 45 до 60 лет реже допускает возможность смены места жительства из-за работы (25%). Результаты нашего исследования в целом коррелируют в некоторой степени с результатами исследования Центра экономики непрерывного образования Института прикладных исследований Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, проведенном в 2017 году. Респондентами выступали молодые люди от 18 до 30 лет из трех субъектов РФ: Ивановской, Свердловской и Новосибирской областей.

Вопросы трудовой мобильности молодых граждан приобретают особое значение, так как данная категория выступает одним из главных факторов обеспечения развития российского социума.

Молодежью считается группа лиц в возрасте от 14 до 30 лет (в некоторых случаях до 35 лет), которая получает и реализовывает возможности для построения своего будущего и будущего страны.

На указанный возрастной период приходятся процессы активного становления, получения общего, профессионального образования, начала трудовой деятельности, интенсивной адаптации к различным формам социальных отношений. Возможно в данном случае, трудовая мобильность может рассматриваться как положительное явление, которое способствует личностному росту и повышение материального и социального положения трудового населения.

Причина, видимо, в том, что самые юные респонденты еще не обременены никакими обязательствами, а относительно высокая мобильность объясняется тем, что обычно к этому возрасту заканчивается учеба в вузе и напрямую встает вопрос о трудоустройстве.

Выяснилось, что на стремление к трудовой миграции влияет уровень жизни молодых людей: в большей степени стремятся уехать те, кто считают его самым низким. А вот образование при принятии такого решения определяющего значения не имеет.

Однако не все так однозначно складывается на рынке труда в отношении более квалифицированных кадров. Не всегда им удается реализовать накопленный человеческий капитал в системе производственных отношений, что вызывает их отток в разных направлениях – от перемещения из организации в организацию до перемещения по территории как Российской Федерации, так и за рубеж. В данном контексте необходима увязка со степенью удовлетворенности трудом квалифицированных работников.

Учитывая мотивацию к производительному труду, работодателю необходимо учитывать потребность работника в базовых условиях, на основе которых работник сможет самостоятельно в каждом случае определять для себя степень удовлетворенности трудом. На рисунке 1 представлена шкала факторов, которые имеют ключевое значение при формировании мотивированности в процессе трудовой деятельности.

В связи с изложенным выше, уровень участия в развитии рабочей силы, на наш взгляд, наиболее точно отражает уровень удовлетворенности трудом, поскольку в противном случае трудовой ресурс остается невостребованным. В регионах, где созданы наиболее оптимальные условия численность экономически активного населения будет выше, что также отражается в данном показателе.

Удовлетворенность трудом часто рассматривается в контексте исследований отношения работников к труду, мотивации трудовой деятельности, качества трудовой жизни и т.д. В отношении удовлетворенности трудом также не су-

Рисунок 1 – Факторы, влияющие на степень удовлетворенности трудом

ществует единства взглядов, но в целом, авторы исследований данной тематики признают комплексный характер данного явления: «интегральной субъективной характеристикой трудовой деятельности является удовлетворенность (или неудовлетворенность) трудом в целом, которая выражает, с одной стороны, отношение индивида к своему труду через «взвешивание» для себя преимуществ его одних элементов и недостатков других. Оценивая удовлетворенность трудом, мы тем самым соотносим оценки получаемых от него результатов и соответствующих издержек. С другой стороны, этот показатель свидетельствует о степени соответствия притязаний человека и реальных условий его труда» [7].

В последние десятилетия сформировалась также проблема «переинвестирования» человеческого капитала, когда по полученной квалификации работник не может найти работу, что ведет к утрате квалификации в долгосрочном периоде. «Случаи переинвестирования в человеческий капитал, когда полученное образование оказывается избыточным по отношению к выполняемой работе, отмечаются примерно у каждого четвертого российского работника. Случаи недоинвестирования в человеческий капитал, когда полученное образование оказывается недостаточным по отношению к выполняемой работе, встречаются реже, но и они достаточно многочисленны, охватывая, по разным оценкам, до 10–20 % работников» [8, с. 79].

На основе рассмотренных подходов и положений трудовая мобильность может быть определена как источник увеличения человеческого капитала, представляющий собой процесс смены людьми рода деятельности или рабочего места, в определенных условиях, перемещение в другую местность.

Таким образом, трудовая мобильность – сложное многостороннее понятие, представляющее в современных условиях особый интерес для исследования, и для повышения уровня конкурентоспособности человеческого капитала необходима коррекция государственной политики в области образования [9; 10;11]. В качестве механизма реализации возможно введение в программах вступительных испытаний классификации предлагаемых направлений обучения в ВУЗах в зависимости от степени востребованности их в регионах с выделением групп «высоко востребованные», «неопределенно востребованные» и т.п.

Литература и источники:

1. Мухаметлатыпов Ф.У., Ибрагимов, У.Ф., Богатырева, М.Р. Экономико-стоимостная модель труда: проблемы методологии и категориального анализа // Учебное пособие / Уфа, 2015. с. 265.

2. Bogatyreva M. R. (2019) New Forms of Employment as an Obstacle for Human Development American Based Research Journal: 8, 31-31.

3. Шагалина Д. А., Бурдюгова О. В. Конкурентоспособность персонала организации: факторы влияния и инструменты управления // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 4146–4150.

4. Грановеттер М. Д. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд. М., 2010, с. 136.

5. Добрусин А. М., Ефимова Е. Г. Техника и труд: вчера, сегодня, завтра. М., Наука, 1988, с. 176.

6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., Соцэкгиз, 1962, с. 688.

7. Монусова Г. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // Мировая экономика и международные отношения, М., 2008, № 12, с. 74–83.

8. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе. М., Фонд «Либеральная миссия», 2010, с. 245.

9. Макарова Е.О. Человеческий капитал как определяющий фактор повышения конкурентоспособности предприятия в современных условиях. Казань, РИЦ Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, 2008, с. 218.

10. Макушева Ю.А., Стрелкова Л.В., Черней О.Т. Трудовая мобильность персонала в условиях инновационного развития нижегородской области// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2013, № 1 (29), с. 93-96.

11. Богатырева М.Р., Биглова Г.Ф. Проблемные аспекты развития человеческого капитала: конкурентоспособность трудовых ресурсов и удовлетворенность трудом // В сборнике: Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Сборник статей VII Международной научной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа», посвященной 25-летию Ингушского государственного университета. ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет». 2019. С. 142-148.

Бычкова Ольга Ивановна,
начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева
Российская Федерация, г. Краснодар

Костина Наталья Анатольевна,
ведущий специалист отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.
Российская Федерация, г. Краснодар

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ЮГА РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы исследования ценностных основ региональной культурной политики. Особое внимание уделено методическим аспектам аксиологического контент-анализа нормативно-правовой базы региональной культурной политики Юга России.

Ключевые слова: региональная культурная политика, нормативно-правовая база, ценности, контент-анализ, Юг России.

Аксиологические основы законодательного процесса имеют важное значение при разработке нормативных, правовых актов, касающихся регулирования сферы культуры. Отражение в нормативных актах ценностной составляющей приобретает характер и силу закона, следование которому обязательно для всех граждан страны. Вместе с тем, ценностные элементы того или иного нормативно-правового акта распределены по его тексту, и для их выявления, анализа и объединения требуется применение специальных методов, в частности, контент-анализа.

Контент-анализ документов подразумевает метод качественно-количественного изучения и включает поиск, числовую обработку выделенных смысловых единиц документа, и дальнейшее объяснение полученных закономерностей, тенденций, взаимосвязей между данными. Рассматриваемый метод используется специалистами разных сфер деятельности, в том числе в культурологических исследованиях.

Таким образом, методический инструментарий контент-анализа лежит в основе ценностного анализа нормативных правовых актов, и служит выявлению значимых утверждений, имеющих аксиологическую нагрузку.

Все указанные моменты определяют важность исследования ценностного измерения региональной культурной политики посредством анализа документов, составляющих ее нормативно-правовую базу. Круг проблем, рассматриваемых в статье, был определен с учетом социокультурных особенностей Юга России. Сравнительный анализ нормативных документов выявил, что в большинстве из субъектов РФ, входящих в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов действуют законы о культуре, исключением здесь являются Астраханская область, и Чеченская Республика.

В некоторых регионах в наименовании законодательного акта, регулирующего деятельность в сфере культуры, акцент сделан на ограничении сферы действия закона («О некоторых вопросах в области культуры в Ставропольском крае», «О регулировании отдельных вопросов в сфере культуры на территории Карачаево-Черкесской Республики»). Законодатели Волгоградской области в названии законодательного акта разграничили сферы культуры и искусства («О культуре и искусстве Волгоградской области»).

Из рассмотренных региональных законов, регулирующих сферу культуры, пять (Республики: Северная Осетия – Алания, Ингушетия, Адыгея, Дагестан, и Краснодарский край,) были приняты в 1990-х гг., шесть (Волгоградская область, Республика Калмыкия, Ростовская область, Кабардино-Балкарская Республика, Ставропольский край, Чеченская Республика) – в течение первого десятилетия XXI века, один (Карачаево-Черкесская Республика) – в 2010-х гг. При этом в законодательные акты регулярно вносились изменения в период 2015-2019 гг.

Закон Чеченской Республики от 26 июня 2006 г. №8-рз «О культуре» утратил силу в связи

с принятием Закона Чеченской республики от 20 июля 2012 г. №25-рз «О социальных гарантиях работникам, занятым в сфере культуры», который лишь включил некоторые социальные гарантии для работников сферы культуры, поэтому в исследовании не рассматривался. Астраханская область не разрабатывала и не принимала Закон «О культуре».

Документы долгосрочного характера, как уже было отмечено, приняты далеко не во всех регионах Юга России, что предоставляет обширное поле деятельности для органов исполнительной власти тех субъектов РФ, где соответствующие нормативные правовые акты еще не разработаны. Территориальные стратегии и концепции в сфере культуры приняты только в четырех из изучаемых тринадцати Субъектов Федерации (Волгоградская, Ростовская области, Республика Дагестан и Ставропольский край). Приняты они были в основном в период с 2012 по 2015 гг., за исключением «Стратегии развития отрасли культуры Ставропольского края на период до 2020 г.», утвержденной Министерством культуры данного региона в 2009 г.

В основу методики положена гипотеза о том, что сравнительная оценка употреблений слов «ценности» и его производных определяется частотой упоминания в официальных нормативных документах слов-маркеров из каждой категории. Для формулирования итоговых заключений по данным значениям решающее место занимают количественные величины, которые характеризуют ту или иную категорию ценностей. Таким образом, лексической единицей исследования является слово либо словосочетание-маркер. При обработке результатов контент-анализа частота употребления каждого маркера сопоставлялась с суммой всех слов-маркеров.

В результате проведенного исследования была изучена законодательная база 13 субъектов Северо-Кавказского и Южного Федеральных округов. Анализировались документы, опубликованные в открытом доступе, с использованием данных: справочной правовой системы «Консультант Плюс» (региональное законодательство) и официальных сайтов органов исполнительной власти субъектов РФ. Основой контент-анализа названных документов, является понятие «ценности» и его производные. На основе контент-анализа нормативных и правовых актов субъектов Юга России подготовлены материалы для формирования рейтинга регионов по степени соответствия показателям и характеристикам федеральных нормативных актов.

На сегодняшний день базовым документом, определяющим развитие государственной культурной политики на всей территории страны, является Указ Президента РФ № 808 от 24 декабря 2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

Указом определены основные понятия, значение которых раскрывается в тексте: русский язык, русская литература, образование, наука, наследие, творчество, творческая личность, информация, информационная среда, дети, молодежь, традиции, художественные промыслы, ремесла, воспитание, просвещение, культурное, гуманитарное развитие, семья, религия, русская культура, единство многонационального народа России, национальная самобытность, нравственность, гармонично развитая личность, одаренность, талант, патриотизм, национальная гордость, достояние, ценностные основы жизни, культурные ценности, гражданская идентичность, российская государственность, российская культура.

Выявленный набор ценностей в совокупности определяет глубоко гуманистическую направленность региональной культурной политики. В свете положений изученных документов полноценное развитие региональной культуры является залогом повышения качества жизни людей и становится возможным в условиях взаимоуважения и диалога, формирующих единство регионального и общероссийского культурного пространства. Эти понятия взяты за основу анализа ценностной основы региональных законодательных актов (Таблица 1).

Наибольшее количество слов «ценности» и его производных имеет Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 г. «Об утверждении основ государственной культурной политики», что является абсолютно обоснованным, так как это основной закон, регулирующий развитие культурной политики на всей территории Российской Федерации. Кроме того, на основании этого закона разработаны специальные нормативные правовые акты, регулирующие отдельные виды социально-культурной деятельности.

Исходя из количественного анализа слов, можно предположить, что законы о культуре 4-х субъектов (Волгоградская область, Краснодарский край, Республика Калмыкия и Карачаево-Черкесская Республика) в наименьшей степени отражают логику формирования территориаль-

Таблица 1. Сравнительная оценка употреблений слов «ценности» и его производных в законодательных актах южных регионов РФ

№ п/п	Наименование правовых актах	Общее кол-во слов	% употребления слова «ценности» и его производных в общем количестве слов
1	2	3	4
1.	Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики»	3377	5.7
2.	Закон Республики Дагестан от 13 марта 2000 года № 10 (ред. от 24.09.2019) «О культуре»	5144	3.3
3.	Закон Ростовской области от 22 октября 2004 года № 177-ЗС (ред. от 01.08.2019) «О культуре»	3815	3.0
4.	Закон Республики Адыгея от 15 июля 1998 года № 87 (ред. от 28.06.2018) «О культуре»	2318	3,0
5.	Закон Кабардино-Балкарской Республики от 10 августа 2001 г. № 80-РЗ (ред. от 07.03.2018) «О культуре»	5170	2.7
6.	Закон Республики Северная Осетия – Алания от 16 декабря 1996 года № 167 (ред. от 02.07.2019) « О культуре»	5091	2.7
7.	Закон Республики Ингушетия от 12 августа 1998 года № 11-РЗ (ред. от 03.09.2018) «О культуре»	4842	2.6
8.	Закон Ставропольского края от 08 апреля 2010 г. № 19-кз (ред. 03.05.2018) «О некоторых вопросах в области культуры в Ставропольском крае»	2958	2.4
9.	Закон Республики Калмыкия от 01 октября 2007 года № 381-III-З (ред. от 21.11.2018) «О культуре»	2981	2,2
10.	Закон Карачаево-Черкесской республики от 25 апреля 2014 года № 17-рз(ред. от 14.05.2018)«О регулировании отдельных вопросов в сфере культуры на территории Карачаево-Черкесской республики»	1776	2.0
11.	Закон Краснодарского края от 03 ноября 2000 года № 325-КЗ (ред. от 11.03.2019) «О культуре»	3531	1.6
12.	Закон Волгоградской области от 14 июля 2008 года № 1737-ОД (ред. от 24.11.2017) «О культуре и искусстве в Волгоградской области»	1235	1.4

ной культурной политики, так как наличие исследуемых слов в этих Законах более, чем вдвое меньше в сравнении с Федеральным Законом.

В законе Республики Ингушетия от 12 августа 1998 года № 11-РЗ (ред. от 03.09.2018г.) «О культуре» уделено значительное внимание информационной открытости организаций культуры, в ценностных приоритетах заявлено равное достоинство культур всех народов Республики Ингушетия.

Процент употреблений слов «ценности» и его производных в территориальных законодательных актах колеблется от 1,4% до 5,7% от общего количества слов в текстах. Причем наименьший процент имеет Закон Волгоградской области «О культуре и искусстве в Волгоградской области», который одновременно находится на последнем двенадцатом месте по данному показателю.

Методика сравнительной оценки употреблений слов «ценности» и его производных в документах субъектов Юга России, связанных с концептуальными и стратегическими основами региональной политики в сфере культура, была использована как инструмент рейтингования

субъектов РФ и проведения сравнительного анализа между ними (Таблица 2).

Лидером рейтинга является Дагестан, который по степени соответствия показателям и характеристикам федеральных нормативных актов занял первое место.

Анализируя нормативные документы, посвященные Концепциям и Стратегиям развития южных регионов, необходимо отметить, что из 13 исследуемых регионов России, только в четырех разработаны и утверждены такие стратегические документы.

Процент употреблений слов «ценности» и его производных в нормативных правовых актах колеблется от 2,2% до 3,8% от общего количества слов в текстах. Причем, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» в рейтинге находится только на 3 месте (3,5%).

Таблица 2. Сравнительная оценка употреблений слов «ценности» и его производных в стратегических документах субъектов Юга России

№ п/п	Наименование нормативного акта	Общее кол-во слов	% употребления слова «ценности» и его производных в общем кол-ве слов
1	2	3	4
1.	Распоряжение Правительства Республики Дагестан от 26 февраля 2015 № 48-р «О Концепции региональной культурной политики в Республике Дагестан на период до 2020 года»	4041	3.8
2.	Постановление Правительства Ростовской области от 06 декабря 2012 № 1068 «Об утверждении Концепции развития культуры Ростовской области на период до 2020 года»	4974	3,7
3.	Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (ред. от 30 марта 2018 г.)	11022	3.5
4.	Постановление Правительства Волгоградской области от 19 марта 2013 г. № 115-п «Об утверждении Концепции развития культуры в Волгоградской области на период до 2020 года»	10725	2.8
5.	Приказ Министерства культуры Ставропольского края от 06 июля 2009 г. № 269. «Об утверждении «Стратегии развития отрасли культуры Ставропольского края на период до 2020 г.»	2831	2,2

Наибольшее количество слов «ценности» и его производных (3.8%) имеет Распоряжение Правительства Республики Дагестан от 26 февраля 2015г. № 48-р «О Концепции региональной культурной политики в Республике Дагестан на период до 2020 г.». В наименьшей степени концептуальные основы развития региональной культурной политики отражает Приказ Министерства культуры Ставропольского края от 06 июля 2009г. № 269 «Об утверждении «Стратегии развития отрасли культуры Ставропольского края на период до 2020г.», так как наличие в документе исследуемых слов составляет всего 2,2% от общего количества слов в текстах или пятое место в рейтинге.

Ценностные приоритеты, которые представлены в Концепции региональной культурной политики Республики Дагестан на период до 2020 г. (далее-Концепция) по формальным характеристикам совпадают с приоритетами, отражающими ценностную направленность культурной политики в Волгоградской области, однако на уровне содержательной части ценностных ориентиров, выявлены существенные отличия. Так,

наряду с понятиями культуры и искусства как самостоятельных ценностей, значительное внимание региональные власти республики уделяют повышению конкурентоспособности региона, улучшению его имиджа, т. е. ценностным ориентирам, относящимся к безопасности и упрочению влияния. Вместе с тем, в Концепции отсутствуют такие понятие как «патриотизм», и «межнациональное согласие», хотя упоминается самосознание людей разных национальностей как граждан единой страны, фактически означающее формирование общероссийской гражданской идентичности.

Проведенное исследование выявило, что такие лексические единицы, как «культурное развитие», «наследие» употребляются довольно широко и их содержание подробно раскрыто. В то же время понятие «ценности» употребляется лишь в отдельных нормативных актах без раскрытия его сущности, а понятие «экономические ценности» не употребляется совсем. Таким образом, контент-анализ вскрыл существующий терминологический пробел, показал необходимость создания собственных рабочих определений этих понятий и предоставил необходимые для выполнения такой задачи данные.

В целом концептуально-стратегические документы несут в себе значительную долю ценностно значимых утверждений, что делает их весьма чувствительными к анализу аксиологической составляющей. Вызывает сожаление, лишь тот факт, что данные нормативные правовые документы разработаны не всеми регионами, поскольку их наличие на уровне субъекта Российской Федерации не является обязательным. Между тем, как показывает практика, определение главнейших приоритетов, целей, задач развития региональной культуры является не просто формальным требованием современности, но насущно необходимо в силу объективного усложнения системы общественных отношений, включения высоких технологий и информационных коммуникаций в сферу взаимодействия субъектов культуры и необходимости модернизации культурной инфраструктуры в субъектах Российской Федерации.

Результаты применения разработанной в ходе исследования методики аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику, показали, что заложенные в них установки имеют положительную ценностную направленность, постулируя идеи развития, знания, согласия и единства. При этом в ценностном поле важнейшее место занимают аксиологические ориентиры, связанные со стабильностью, уважением к прошлому, следованию традициям и их возрождению, сохранению культурного наследия. Все это является свидетельством единства целей и содержания культурной политики на федеральном и региональном уровнях.

Литература и источники:

1. Региональная культурная политика: методология, институты, практики: Ценностно-нормативный подход [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т Наследия, 2019. 206 с.

Гаджиев М.О.,
руководитель многофункционального центра Ботлихского района Республики Дагестан,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация, г. Махачкала

Муртазалиев М.М.,
заместитель председателя Региональной общественной организации
«Аварская культурно-национальная автономия»
Российская Федерация, г. Махачкала

СОВРЕМЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ БОТЛИХСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: В статье освещаются проблемы и перспективы современных поселений андийских народностей Ботлихского района Дагестана. Рассматриваются трансформации поселений и их социальная инфраструктура. Особое внимание уделено современным формам хозяйствования.

Ключевые слова: современные поселения Дагестана, Ботлихский район Республики Дагестан, андийские народности, хозяйственные занятия.

Введение. Одним из компонентов материальной культуры являются поселения. В этнографии поселение определяется как место пребывания человека, выбранное на долгое время и оснащенное жилыми и рабочими помещениями, с относящимися к нему как собственной, часто искусственно созданной площадкой для жилья, так и окружающей его хозяйственной территорией [6, с. 144].

Традиционные и советские поселения Дагестана были объектом исследования дагестанских этнографов [4; 5; 7, с. 41–57; 8, с. 43–56]. Поселенческой культурой этнических дагестанцев Джаро-Белокана занимался Ш.М. Хапизов [9].

Цель и задачи исследования. Основной целью данной статьи является описание поселенческой культуры жителей одного из районов Дагестана – Ботлихского района. Предполагается рассмотреть трансформации, происшедшие с поселениями ботлихцев в постсоветский период. Для этого будут рассмотрены формы и типы поселений, и составляющие их элементы – селения, административные, хозяйственные, социальные, культурные и культовые постройки и сооружения, а также инфраструктура района. К андийским народностям Ботлихского района относятся андийцы, годоберинцы и ботлихцы [1, 2, 3].

Методы сбора информации. При написании статьи использовался материал полевой этнографической экспедиции, проведенной нами в селениях Ботлихского района Дагестана в октябре 2019 г., а также литературные источники.

Краткая историческая справка. После окончания Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе в 1859 г. андийские народности административно были включены в состав Терской области, а 20 июля 1861 г. были переданы Дагестанской области с объединением в Андийском округе с центром в с. Ботлих. В 1921 г. андийские народности вошли в состав Дагестанской АССР. В результате административных реформ 1927-1928 гг. Андийский округ был упразднен, а на его месте было создано 5 районов: Ахвахский, Ботлихский, Гумбетовский, Цумадинский и Цунтинский.

Формы хозяйствования. До начала «перестройки» и распада СССР в Ботлихском районе функционировал совхоз «Андийский» в с. Анди и колхозы во всех остальных селах. В постсоветское время все они распались. Сейчас продукция сельского хозяйства производится в сельскохозяйственных производственных кооперативах (СПК) и крестьянских (фермерских) хозяйствах (КФХ). В качестве наиболее эффективных фермеров приводят КФХ из с. Гагатли, которые успешно занимаются выращиванием КРС и МРС на мясо.

Трудовая миграция и сезонные работы. В поисках лучшей доли – высокооплачиваемой работы, комфортных условий жизни жители многих обезлюдевших селений Ботлихского района в постсоветское время переселились в гг. Хасавюрт и Кизилюрт, селения Хасавюртовского и Кизилюртовского районов. Кроме указанных районов ботлихцы переезжают в Ставрополь-

ский край и Ростовскую область в основном для занятия животноводством и другим бизнесом. Жители района выезжают на сезонные работы в другие регионы России: в Ростовскую область и Краснодарский край (для сбора лука, уборки яблок, строительные работы), в Москву (строителями, охранниками в ЧОПы).

Сливающиеся села. В настоящее время селения Ансалта и Рахата разделяет только речка. Селение Рахата в свою очередь сливается с сел. Тандо. Тенденция к слиянию этих сел наметилась сразу же после 1999 г., когда после военных событий в Ботлихском районе многие жители получили денежные компенсации за разрушенные в ходе боев дома и утраченное имущество. С 2010 г. начали сливаться сс. Анди и Гуха. Тенденция к слиянию наметилась также в сс. Ботлих и Миарсо, расстояние между которыми сейчас составляет 1,5 км.

Обезлюдевшие села. После событий 1999 г., когда многие жители сс. Ансалта, Рахата, Шодрода, Тандо, Беледи и Зиберхали получили денежные компенсации за разрушенные в ходе боевых действий жилища и утраченное имущество, где они приобрели дома, квартиры и земельные участки. На полученные денежные компенсации приобретались иномарки, они вкладывались в бизнес. Все эти события вызвали миграционный отток населения района в города. Более всего обезлюдели сс. Беледи и Зибирхали, в которых сейчас живут в основном старики. Тенденция к уменьшению численности населения и хозяйств наметилась также в сс. Алак и Хелетури. Особенно большой отток в города наблюдается среди молодежи, которую привлекает в городе возможность получения высшего образования, работы, комфортных условий для жизни. С 2000-го года наметилась тенденция к уменьшению численности населения и хозяйств в с. Гагатли.

Базары. Базар (бывший колхозный рынок) устраивается в с. Ботлих по воскресеньям, в с. Гагатль – по субботам, в с. Анди – по четвергам, в с. Агвали Цумадинского района – по субботам. На базаре реализовывается сельскохозяйственная продукция (мясо, курдюк, сыр, фрукты, урбеч, мед и др.), жители с. Тинди Цумадинского района – сыр, жители других цумадинских селений, а также с. Карата Ахвахского района – картошку.

Освещение. В районном центре с постсоветского периода большинство улиц в ночное время освещается электричеством. В других селах освещаются центр села и прилегающие к нему улицы.

Мобильная связь и интернет. Мобильная связь в Ботлихе появилась в 2005 г., когда на имеющейся телевышке были установлены блоки, позволяющие функционировать телефонам мобильных операторов Билайн, Мегафон и МТС. Проводной интернет в с. Ботлих проведен в 2009 г.

Интернет и банкоматы. Интернет провели в район в 2006 г. В 2012 г. провели оптико-волоконную связь. В 2010 г. в райцентре у офиса Сбербанка установили банкомат. Всего в настоящее время в с. Ботлих действует 3 банкомата, обслуживающие бюджетников Ботлихского, Цумадинского и Ахвахского районов, которые здесь получают зарплату по банковским картам, вследствие чего у них бывают постоянные очереди.

Водопровод. В последние 5 лет в с. Ботлих и в других селениях района в жилища проведен водопровод. Но 5 общественных источников («иццул лъим») все еще действует в с. Ботлих и в основном ими пользуются приезжие в дни базаров. Питьевая вода в с. Ботлих поступает из речки Ансалтинка, истоки которой находятся на территории Чечни. Вода поступает в районный центр по металлическому трубопроводу, протяженностью 12-13 км. В 90-е гг. часть пришедших в негодность металлических труб заменили на пластиковые. К концу 2020 г. в райцентре планируется построить очистные сооружения, так как в питьевой воде много ила.

Газификация. В 2008 г. в Ботлихский район провели газопровод. При его вводе в эксплуатацию, поджечь первый факел, было доверено тогдашнему президенту Дагестана Муху Алиеву. В 2007 г. было газифицировано с. Миарсо и его хутора – Тасурта и Щивата. В 2013 г. провели газ и по другим селам района. В с. Годобери газ проведен в 2017 г.

Канализация. С 2012 г. в Ботлихе проведена канализация с очистными сооружениями. Канализационные сети Ботлиха подсоединены к канализации расположенного здесь военного городка.

Мусорный полигон. На окраине с. Ботлих находится мусорный полигон. До конца 2020 г. для сс. Ботлихского, Ахвахского и Цумадинского районов планируется построить мусоро-сортировочную станцию. Возможно, что эта станция поможет решить проблему с утилизацией пластикового мусора, заполонившего мусорные полигоны, территорию и реки Горного Дагестана и серьезно осложняющая экологическую ситуацию в сельских районах республики.

Тенденция развития поселений в Ботлихском районе. Развиваются в постсоветское время только сс. Ботлих и Анди из-за того, что в этих селах размещены административные учреждения. В остальных селах – Хелетури, Кижани, Ашали, Риквани и др. – уменьшается численность населения и хозяйств из-за миграции в города в поисках работы. Продукция сельского хозяйства (например, картофель, морковь, свекла) не выдерживает конкуренции с подобной продукцией, привозимой из других регионов России. Некоторые ботлихцы занимаются бахчеводством и огородничеством (арбузы, дыни, лук) В Кизлярском и Бабаюртовском районах. В целом по району демографическая ситуация благоприятная – рождаемость высокая, а смертность низкая. Так, на 1 января 2019 г. в Ботлихском районе зафиксировано 15.821 хозяйство, 59.077 человек. Родилось около 1000 человек, а умерло – 272 человека (0,4%). В самом с. Ботлих на 1 января 2018 г. насчитывалось 2.537 хозяйств и 13.041 человек [10].

Таким образом, современные поселения андийских народностей Ботлихского района Дагестана претерпели определенные трансформации, связанные с изменением парадигмы общественно-политического и социального экономического устройства страны. В рассматриваемый период в связи с изменением форм хозяйствования и проблемами, связанными с социальной инфраструктурой района, происходит укрупнение некоторых поселений (Ботлих, Анди). В то же время ряд селений обезлюдел, а некоторые – начали сливаться. Демографическую и социальную обстановку в нынешнем Ботлихском районе Дагестана в целом можно охарактеризовать как относительно стабильную. Экономическое развитие района связано с расширением производства промышленной и сельскохозяйственной продукции в агропромышленных комплексах, сельскохозяйственных производственных кооперативах и крестьянских (фермерских) хозяйствах.

Литература и источники:

1. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: «Юпитер», 2002. 304 с.
2. Алимова Б.М., Магомедов Д.М. Ботлихцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала, 1993. 190 с.
3. Алимова Б.М., Лугуев С.А. Годоберинцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1997. 174 с.
4. Османов М.О. Поселения даргинцев в XIX – XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1962. Т. 10. С. 214–240.
5. Османов М.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 6–22.
6. Рах Х.Ю. Поселение // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. Вып. 3. С. 144–145.
7. Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. 237 с.
8. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: Наука, 1988. 320 с.
9. Хапизов Ш.М. Поселенческая культура дагестанцев Цора в контексте этнокультурной истории (XVIII–XXI вв.): Дисс. кандидата исторических наук. М., 2016. 225 с.
10. Инф. Абдулатипов Абубакар Шахрурамазанович, 1969 г.р., начальника отдела экономики администрации Ботлихского района РД.

Гасанов Джабир Гаджи оглу,
диссертант отдела «Новой истории Азербайджана»
Института истории им. А.Бакиханова НАН Азербайджана
Азербайджанская Республика, г.Баку

ГОРОД НАХИЧЕВАН В НЕКОТОРЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА

Аннотация: В настоящей статье опираясь на данные камерального описания 1831, первого описания, проведенными российскими властями на территории бывших азербайджанских ханств – Иреванского и Нахичеванского, приведены некоторые сведения из первоисточников о состоянии г. Нахичеван, который существовал через почти 4 года после вступления российских войск генерала Паскевича в этот город. Данные этого описания дают объективные сведения о демографии, экономике, о географическом местоположении этого города.

Ключевые слова: Иреван, Нахичеван, Азербайджан, Россия, Аббасабад, таможня, Аракс.

Одной из важнейших проблем, которая стоит перед азербайджанской историографией, является изучение объективной истории различных регионов, городов и др. населенных пунктов нашей Родины. За прошедшие времена в этом направлении сделано немало, проведены многочисленные изыскания различного типа по изучению этой проблемы, по созданию объективной истории наших городов и сел. Известнейшие ученые А.С.Сумбатзаде [8], М.А.Исмаилов [5], Т.Т.Велиев [4], А.А.Умаев [11], а также Ф.Н.Мамедов [7], Н.Ф.Мамедов [6], Ш.Фазили [3], Ф.А.Тагиев [10] и многие другие изучали, а некоторые до сих пор продолжают изучать данную проблему.

Что же касается истории Нахичевани, то, особенно в годы независимости нашей Республики, в изучении этой темы немало сделано, особенно академиком И.М.Гаджиевым и его воспитанниками, и коллегами.

Но в этом деле до сих пор чувствуются различные проблемы. Так как Нахичеванский уезд вместе со своим центром г. Нахичеван находился в составе Эриванской (на самом деле Иреванской) губернии, то основные пласты источников по истории этой губернии оказались в архивах бывшей Армянской ССР, а ныне Республики Армении, то они для всех наших историков и др. исследователей стали недосягаемыми по понятным причинам.

К счастью некоторые (и очень ценные) источники до сих пор сохраняются в наших центральных и местных архивных хранилищах. Среди этих источников особую ценность имеют также материалы камерального описания 1831 г., сведения которого стали основными источниками для написания ценнейших работ В. Григорьева [2], И. Шопена [12] и др.

В одном из таких источников, а конкретнее, в камеральном описании г.Нахичеван 1831 г., составленном Иреванским губернским секретарем Золотницким, и до сих сохранившимся в 353-м деле первой описи 24 фонда Государственного исторического архива Азербайджанской Республики [1], сосредоточены не только подробнейшие сведения о жителях, о составе семей, о половом, национальном, профессиональном составе горожан, но и интересные сведения о географическом местоположении, о территориальной структуре, о видных достопримечательностях, об экономике (и ее структуре) и т.д. города.

На первой странице же приводятся сведения о составе «главной» семьи города, о составе семьи «основного» представителя рода ханов нахичеванских – «полковника и кавалера» Эхсан хана Келбали хан оглу, которому было 40 лет:

«… У него 4 жены:
– Хурда (померла) – 40 лет
– Хатджа (померла) – 15 лет
– Фатма (отпущена) – 30 лет
– Телли (отпущена) – 18 лет
Четверо детей:
Сыновья:
– Исмаил хан – 14 лет
– Кялбали хан – 9 лет
– Баба хан (помер) – 7 лет
Дочь – Сона бегум (замужем за границею) – 18 лет…»

В этом источнике точные данные о географическом местоположении города к тому времени: $39^{0}40$` северной широты и «$63^{0}$» и 64` долготы в 138 верстах от Эривани и в 444 верстах от Тиф-

лиса, город сей расположен на краю последняго уступа Карабахских гор в 2-х верстах от правого берега Карабабы и в 8 верстах к северу от границы.

… Нахичеван граничит с севера с селением Шейх Махмуд, к востоку Шакяр Абад, к югу с с.Тумбул и Ямхана, к западу с с. Али Абад и с Хойским магалом» [1, лл. 2–3].

«… Нахичеван в окружности имеет до 6-и верст, а с принадлежащими ему землями до 20-ти; из сего удобной до 800 халваров поливной и ежегодно засеиваются до 350-ти» [1, л. 3].

Здесь же приводятся интересные данные о территориально-административном делении города: «… Нахичеван делился прежде на 4 главныя части:

1. Сарбанлар
2. Шагаб
3. Алихан
4. Куртар (т.е. Гурдлар – Дж.Г.): но в последствии прибавились к сему много неправильных подразделений, и ныне (в 1831 г. – Дж.Г.) в городе 13 частей, а именно:

1. Сарбанларская
2. Армянская
3. Орудг магля (Орудж махалла – Дж.Г.)
4. Кегна Кала (старая крепость)
5. Хошулу
6. Али Ханская
7. Чапарханская
8. Зигилархская
9. Биллиджа
10. Шагабская
11. Хойская
12. Кала (Крепостная)
13. Тазакендская или Узундуварская

… Части эти весьма неправильно отделены и так смешаны друг с другом, что необходимо сделать новое разделение …» [1, л. 3–4].

Говоря о водообеспечении города составителем описания отмечается, что «… канава, проведенная из Карабабы в г.Нахичеван, разделяет оный почти на 2 равныя части, а отсюда направляется в с. Караханбейли; из сей канавы для орошения садов проведены другая малыя канавы. Вода для питья из двух родников и из колодца» [1, л. 5].

Составители камерального описания сами этого не замечая приводят ценные сведения о том, к чему привели недавние баталии между царскими и каждарскими войсками за Нахичеванские земли: «… Нахичеван имеет вид города, взятого накануне приступом и представляет кучу развалин, груды камней, между коими расположены низкия сакли, построянныя из глины и земли перемешанных с рубленною соломою; улицы узкие и кривые, и по сторонам их возвышаются, кое-где остатки глиняных стен; в некоторых частях города находятся чрезвычайной глубины ямы, которые вероятно были прежде колодцами, а ныне представляют средства к сокрытию преступлений...

В южной части города влево от дороги к Аббасабаду находится полуразрушенная крепость, имеющая вид четырехугольника, ворота оной до сих пор сохранились; по недалеку отсюда возвышается башня, имеющая фигуру десятисторонней призмы.

Внутреннее устройство домов сходствует с эриванскими» [1, л. 6–7].

По данным этого описания в г.Нахичеван были зарегистрированы всего 1330 семейств (5471 д. об.п.), из них 905 (3624 д.об.п.) азербайджанские, 420 (1825 д.об.п.) – армянские, и 5 – другие. Из армянских семейств львиная часть, т.е. 265 семейств (1110 д. об. п.), приходилась на долю вновь переселенцев [1, л. 8], переселенцев после завершения российско-каджарской (1826-1828 гг.) и российско-османской (1828-1829 гг.) войн, в результате заключения Туркменчайского (10 февраля 1828 г.) и Эдирнинского (2 сентября 1829 г.) договоров.

В 1831 г. в городе было всего 873 домов, из них 712 – принадлежали азербайджанцам, 122 – армянам и 39 – казне. Здесь же было 2 мечети (при одной из них «находится школа»), 1 церковь, четырехугольный базар, почти среди города [1, л. 9–10], 2 каравансарая с 31 лавкою и «один полуразрушенный, занятый армянскими переселенцами)» 223 лавок, расположенных на разных частях города» (почти более 1 лавок на 4 дома), (еще 56 лавок пустовали), 3 бани [1, л. 10–12].

«… На проведенной в город канаве находится один мост близ мечети и несколько выше оного, маленький мостик, который до половины обрушился и через него едва можно проехать верхом…» [1, л.12].

Жители г. Нахичеван занимались также садоводством, хлебопашеством, скотоводством (в городе было зарегистрировано почти 40 тыс. голов рогатого скота) [1, л. 14].

В городе было 11 мукомольных заводов, («каждый перемалывал до 2-х халваров хлеба в

сутки»), 1 кожевенный завод («… он устроен в том месте, где канава выходит из города, но она отсюда направляется в с. Караханбейли, и потому необходимо наблюдать за тем, чтобы вода, употребляемая для промывания кож, была отведена в сторону и не входила бы опять в канаву, идущую в вышеуказанное селение…»), 1 красильная с 8-и «кувшинами» (чанами – Дж. Г.) [1, л. 15].

Несмотря на послевоенные разрухи в городе функционировали представители почти 50 различных ремесел, среди них по численности ремесленников передние ряды принадлежали ткачам (126 ткачей), башмачникам (46), кузнецам (40), столярам (38) и другие [1, л. 16-18].

В этом источнике отмечается, что «торговля здешних купцов ограничивается Тифлисом и Персиею; годовой оборот сей торговли следующий:

– у татар (азербайджанцев – Дж. Г.) – 90000 руб. сер. в год;

– у армян коренных – 50000 руб. сер. в год;

– у армян переселенцев – 20000 руб. сер. в год.

Итого: 160000 руб. сер. в год [1, л. 18].

Новыми властями город был обложен многочисленными и тяжелыми податями и повинностями. Их общая численность доходила до 20-ти. Например, только с соляных ломок ежегодно надо было платить 1000 туманов подати [1, л. 19–21].

Как видно даже из эпизодических материалов город Нахичеван, который в ходе второй российско-каджаровской войны в 1826-1828 гг. переходил из рук в руки, все еще находился в полуразрушенном состоянии, экономическая жизнь, торговля, как внутренняя, так и внешняя, все еще находились в очень сложном положении, а новые власти пока что занимались в основном определением основных источников казенных доходов.

Литература и источники:

1. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики, ф. 24, оп. 1, д. 353.
2. Григорьев В. Статистическое описание Нахичеванской провинции. СПб., 1833.
3. Fazili Ş. Quba tarixi. B., 2001.
4. Vəliyev T.T. İmperializm dövründə Azərbaycan sənayesi və proletariat. B., 1987.
5. İsmayılov M.Ə. Şəki. Bakı, 1982.
6. Мамедов Н.Р. История г. Кубы в XIX – начале XX вв. АКД. Б., 1989.
7. Мамедов Ф.Н. История г. Гянджи в период капитализма АДД. Б., 1990.
8. Hacıyev İ.M. Gümrü, Moskva və Qars müqavilələri və Naxçıvanın taleyi. B., 2008.
9. Сумбатзаде А.С. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа. Баку: Элм, 1990.
10. Тагиев Ф.А. История г. Баку в первой половине XIX века (1806-1859 гг.). Б., 1999.
11. Умаев А.А. Процессы капиталистического развития в сельском хозяйстве Азербайджана в конце XIX – начала XX вв. Б., 2002.
12. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., в типографии Имп. Акад. Наук, 1852.

Мирзабеков М.Я.,
д.и.н., главный научный сотрудник ИИАЭ ДФИЦ РАН
Российская Федерация, г. Махачкала

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В 80-90-Е ГОДЫ XX В.

Аннотация: В статье с привлечением архивного материала, статистических данных рассмотрены вопросы образовательного уровня городского населения Дагестана в 80-90-е годы XX в., отмечены позитивные результаты и трудности этой работы в регионе.

Ключевые слова: Дагестан, город, урбанизация, население, общеобразовательная школа, образовательный уровень, культура.

В 80-е годы общая численность городского населения в республике продолжала расти, хотя темпы прироста снизились. За десятилетие общая численность городского населения в регионе выросла на 122,1 тыс. человек и в 1989 г. достигла 779,3 тыс. человек [12, с. 4; 22, л. 10].

Снижение темпов урбанизации в регионе в 90-е годы привело к уменьшению доли городского населения в общей его численности. В 1992 г. доля городского населения в общей его численности в Дагестане составила 44,1%. В последующие годы этот процент начал снижаться и достиг своего минимума в 2001 г. – 42,4%. Несмотря на это, в республике продолжался рост общей численности городского населения. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. численность городского населения в Дагестане составила 1102,6 тыс. человек, что на 323,3 тыс. человек больше по сравнению с 1989 г. [4, с. 11].

Процессы, происходившие в экономике и народонаселении дагестанского города, оказывали существенное влияние на ее социально-культурное развитие, в том числе образовательный уровень населения. Рост образовательного уровня в свою очередь являлся немаловажным фактором повышения эффективности развития отраслей материального производства и решения социально-культурных проблем горожан.

В анализируемый период важную роль в повышении образовательного уровня населения продолжало играть развитие общеобразовательной школы.

К началу 80-х годов в Дагестане была успешно решена задача перехода к всеобщему среднему образованию молодежи. В начале 1980/81 учебного года в городах республики насчитывалось 144 дневных общеобразовательных школ с контингентом 125,3 тыс. учащихся [13, с. 204, 205]. К этому 81,1% городских средних школ республики перешли на кабинетную систему обучения [5, с. 344]

В первой половине 80-х годов были достигнуты новые позитивные результаты в развитии городской общеобразовательной школы в регионе. За пятилетие сеть городских дневных общеобразовательных школ в республике увеличилась на 7 единиц, а учащихся на 9, 1 тыс. человек, в том числе обучающихся в 4 – 10 (11) классах – на 3,5 тыс. человек [14, с. 204-206].

Новая попытка совершенствования работы общеобразовательной и профессиональной школы была предпринята государственным и партийным руководством страны в 1984 г. В апреле 1984 г. Верховный Совет СССР принял постановление «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Были внесены некоторые изменения в структуру общеобразовательной школы. Впервые в стране обучение детей в первом классе предполагалось начинать с 6 лет, причем вводилось оно постепенно с 1986 г. Начальная школа возвращалась к прежнему четырехлетнему сроку обучения, неполная средняя школа должна была состоять из I-IX классов. Таким образом, средняя общеобразовательная школа, согласно постановлению, стала одиннадцатилетней [6, с. 347].

Число общеобразовательных школ и контингент обучающихся в них во второй половине 80-х годов в городах Дагестана продолжал расти. На начало 1990/91 учебного года в городах республики функционировало 162 дневных общеобразовательных школ со 149,7 тыс. учащимися, из которых 58,4 тыс. человек обучалось в 1-4 классах, 74,8 тыс. человек – в 5-9 классах, 16,5 тыс. человек – в 10-11 классах [19, с. 10, 13].

Однако в эти годы наметилось сокращение количества учащихся, оканчивающих городские

школы региона. Так, если в 1985 г. городскую дневную полную среднюю школу республики окончило 7,0 тыс. человек, то в 1990 г. – 6,8 тыс. человек [21, с. 18].

Резкое сокращение государственного финансирования социально-культурной сферы в условиях реализации либеральной экономической реформы в стране с начала 1992 г. крайне негативно сказалось на состоянии учебно-материальной базы общеобразовательной школы Дагестана. Несмотря на это, в 90-е годы преимущественно в городах республики появились новые инновационные общеобразовательные учебные заведения – лицеи, гимназии. Стали открываться экспериментальные школы и классы с углубленным изучением отдельных учебных дисциплин и негосударственные (альтернативные) общеобразовательные учебные заведения с хорошей учебно-материальной базой и квалифицированными педагогическими кадрами, куда учащиеся принимались на платной основе.

В целом в 90-е годы в республике сохранялась тенденция к увеличению числа городских школ и контингента учащихся в них. Так, в 1996 г. в регионе насчитывалось 166 дневных общеобразовательных школ со 152,8 тыс. учащимися, что на 4 школы и 1,4 тыс. учащихся больше по сравнению с 1990 г. [18, с. 10, 11]. Однако в это десятилетие наметилась и усиливалась тенденция к сокращению контингента учащихся старших классов городских школ Дагестана. Так, в 1996 г. в 10-11 классах городских дневных общеобразовательных школ республики обучалось 15,4 тыс. человек, что на 1,1 тыс. человек меньше по сравнению с 1990 г. [20, с. 13].

На это негативно влияло ухудшение материального положения основной массы горожан в условиях реализации либеральных рыночных реформ, когда многие из них вынуждены были отрывать детей от обучения в школе и трудоустраивать.

В эти годы наблюдалось сокращение выпуска учащихся из городских школ республики. В 1990 г. городские дневные средние школы региона окончило 6,8 тыс. человек, а в 1996 г. – 6,3 тыс. человек [21, с. 18].

В анализируемый период существенно снизилась роль и значение вечерних (сменных) общеобразовательных и заочных школ в приобщении городской молодежи к знаниям. Сказалось ухудшение материального положения основной массы горожан и ослабление внимания властных структур и органов народного образования к этой форме обучения молодежи. В 1985 г. в республике насчитывалось 70 самостоятельных вечерних общеобразовательных школ с 28,4 тыс. учащихся. К 1996 г. эти цифры существенно снизились и соответственно равнялись 47 единицам и 14,0 тыс. человек [21, с. 18].

В рассматриваемые десятилетия составной частью образовательной системы страны и республики оставались учебные заведения начального профессионального образования.

В 80-е годы сеть учебных заведений начального профессионального образования в регионе продолжала расширяться. В 1989 г. в 29 учебных заведениях начального профессионального образования в Дагестане обучалось 15,1 тыс. человек, что на 5 учебных заведений и 2,9 тыс. человек больше по сравнению с 1980 г. [9, с. 43]. Только за 1985 – 1989 гг. в учебных заведениях начального профессионального образования республики было подготовлено 49,7 тыс. квалифицированных рабочих для отраслей народного хозяйства [10, с. 44].

В 80-е годы профессионально-технические училища стали в основной своей массе средними, т.е. дающими, наряду с соответствующей рабочей квалификацией, общее среднее образование. В сети системы учебных заведений профессионально-технического образования большое место заняли технические училища. Уже в последнем году одиннадцатой пятилетки (1985 г.) они подготовили 3206 квалифицированных рабочих [7 с. 360].

Тяжелый и затяжной экономический кризис в стране и республике в 90-е годы резко снизили запросы отраслей материального производства и сферы обслуживания в квалифицированных рабочих. Эти объективные трудности и снижение объемов финансирования образовательной системы негативно сказались на деятельности учебных заведений начального профессионального образования Дагестана.

Сеть учебных заведений начального профессионального образования в республике в 90-е годы была практически полностью сохранена. Однако за 1992 – 2000 гг. контингент обучающихся в них сократился на 1640 человек [1, с. 109].

Партийно-государственное руководство страны и республики в анализируемый период продолжало уделять большое внимание развитию высшего и среднего специального образо-

вания, насыщению отраслей материального производства и социально-культурной сферы специалистами высшей и средней квалификации.

В начале 1980/81 учебного года в Дагестане имелось 5 высших учебных заведений с контингентом 26,2 тыс. студентов и 22 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 26,5 тыс. учащихся [15, с. 209].

В последующие годы высшее и среднее специальное образование в республике получило дальнейшее развитие. При этом следует отметить, что переход на предметное обучение с 4-х классов, определенное сокращение контингента учащихся начальных школ республики, связанное с демографическими процессами и развертыванием подготовки учителей с высшим образованием на факультете начальных классов Дагестанского педагогического института, снизили потребность в педагогических кадрах средней квалификации. С середины 70-х годов произошло заметное сокращение численности учащихся педучилищ республики. Так, если в начале 1975/76 учебного года в них обучалось 5,7 тыс. человек, то в начале 1985/86 учебного года – 4,1 тыс. человек [8, с. 195].

Несмотря на тяжелейший экономический кризис 90-х годов, специальные учебные заведения в Дагестане получили дальнейшее развитие. В этот период в республике широкое распространение получили негосударственные учебные заведения, прежде всего высшие. В начале 1999/2000 учебного года в республике имелось 14 негосударственных вузов, в которых обучалось 8,4 тыс. студентов [2, с. 111]. Такое увеличение сети негосударственных вузов не было обусловлено ни возросшими требованиями к уровню подготовки специалистов, ни запросами и потребностями отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы.

В рассматриваемый период в Дагестане дальнейшее развитие получило и среднее специальное образование.

Несмотря на отмеченные выше трудности, подготовка специалистов высшей и средней квалификации в республике оставалась значительной. В 1992 – 2000 гг. в регионе было подготовлено 51,2 тыс. специалистов с высшим и 48,2 тыс. со средним специальным образованием [3, с. 111, 112]. Значительная их часть пополнила интеллектуальный потенциал дагестанского города.

Материалы Всесоюзных переписей населения 1989 и 2002 гг. позволяют показать уровень образованности населения республики, в том числе городского. Однако при определении уровня образования в них нижний возрастной предел различается. В переписи населения 1989 г., как и в предыдущих советских переписях при определении уровня образования населения нижний возрастной предел был установлен 10 лет и выше. В переписи 2002 г., как и в последующей переписи населения 2010 г., этот нижний предел был определен 15 лет и выше. Это создавало более благоприятную картину с уровнем образования населения.

Уровень грамотности населения региона в возрасте 9 – 49 лет по итогам переписи населения 1979 г. равнялся 99,9%. В 80-е годы наметилось определенное его снижение. В 1989 г. он составил 99,6%. Тенденция к снижению уровня грамотности населения наблюдалась и в дагестанском городе. В 1989 г. он составил 99,7%, что на 0,2% ниже показателя 1979 г. [9, с. 43].

Опубликованные итоги переписи населения 2002 г. не отразили этот социально значимый показатель. Тем не менее, социально-культурное развитие дагестанского города в 90-е годы дают основания сделать вывод о том, что эта неблагоприятная тенденция получила дальнейшее продолжение и развитие.

Материалы переписей населения 1989 и 2002 гг. позволяют проследить количественные и качественные изменения численности специалистов высшей и средней квалификации в дагестанском городе. С 1989 по 2002 г. численность специалистов в Дагестане выросла с 304,3 до 620,1 (включая послевузовское) тыс. человек, в том числе в городе со 190,5 до 363,9 (включая послевузовское) тыс. человек [9, с. 43; 16, с. 36, 37]. Иными словами, за этот период темпы роста специалистов в городе оказались ниже, чем в целом по республике.

В 2002 г. в городах республики насчитывалось 214,5 тыс. специалистов с высшим образованием (полным и незаконченным) и 169,4 тыс. со средним специальным образованием, тогда как в 1989 г. эти цифры соответственно равнялись 118,5 тыс. человек [9, с. 43; 16, с. 36, 37].

Таким образом, несмотря на возросшие трудности и нерешенные проблемы, образовательный уровень населения многонационального региона в рассмотренные десятилетия продолжал расти.

Литература и источники:

1. Дагестан – 2000. Стат. сборник. Махачкала, 2001. Часть 2. С. 109.
2. Дагестан – 2000. Стат. сборник. Часть 2. С. 111.
3. Дагестан – 2000. Стат. сборник. Часть 2. С. 111, 112
4. Демографический ежегодник. 2013 год. Стат. сборник. Махачкала, 2014. С. 11.
5. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, 2007. С. 344.
6. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 347.
7. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. С. 360.
8. Мирзабеков М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. Махачкала, 1998. С. 195.
9. Народное образование и культура в ДАССР. Стат. сборник. Махачкала, 1990. С. 43.
10. Народное образование и культура в ДАССР. Стат. сборник. С. 44.
11. Народное образование и культура в ДАССР. Стат. сборник. С. 6;
12. Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке. Стат. Сборник. Махачкала, 1987. С. 4.
13. Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке.
Стат. Сборник. С. 204, 205.
14. Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке. Стат. сборник. С. 204 – 206.
15. Народное хозяйство Дагестанской АССР в одиннадцатой пятилетке. Стат. сборник. С. 209.
16. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 8-ми т. Махачкала, 2005. Т. 8. С. 36, 37
17. О социально-культурном состоянии в Республике Дагестан. Стат. сборник. 8.
18. О социально-культурном состоянии в Республике Дагестан. Стат. сборник. С. 18.
19. О социально-культурном состоянии в Республике Дагестан. Стат. сборник. С. 10, 11.
20. О социально-культурном состоянии в Республике Дагестан. Стат. сборник. С. 13.
21. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД.). Ф. р-22. Оп. 70. Д. 1 Л. 10.

Нифталиев Р.Ю.,
ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана,
доктор философии по истории, доцент
Азербайджан, г. Баку

Алиева Э.К.,
ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана,
доктор философии по истории, доцент
Азербайджан, г. Баку

О МАРЕНАВОДСТВЕ В ДЕРБЕНТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается состояние производства марены в Дербенте. На гербе города Дербента и Дагестанской области, утвержденном 21 марта 1843 года, в нижнем правом углу изображены цветки и корни марены. Это показатель значения производства марены хозяйственной жизни Дербента. Дербентская марена с ее высокой красящей способностью начала играть важную роль в развитии текстильной промышленности Российской империи. Дербентская марена полностью вытеснила импортный краситель (крап) с российского рынка. Заметив превращение производства марены в Дербенте в прибыльную отрасль, даже российские владельцы фабрики приобрели земельные участки в Дербенте, и попытались вырастить это растение на своей родине.

Ключевые слова: Российская Федерация, Дагестан, Дербент, марена, краситель, урожай, купцы.

Одним из небольших государственных образований после падения государства Афшаров на территории Северного Азербайджана стало Дербентское ханство. Дербентское ханство, в 1759 году включенное Фатали ханом в состав Кубинского ханства было в составе этого ханства до нападения В. Зубова в Прикаспийские провинции в 1796 году. В том же году, несмотря на серьезное сопротивление Шейхали хана, захвативший Дербент В. Зубов, отделил это ханство от Кубинского ханства и привел к власти другого сына Фатали хана – Гасан хана. Только в 1803 году после длительной борьбы Шейхали хану удалось присоединить Дербентское ханство к Кубинскому ханству. Однако, эта ситуация длилась недолго. Дербентское ханство, завоеванное Российской империей в 1806 году, в 1812 году стало провинцией. Позже Дербентская область стала называться военным округом, и была подчинена начальству дагестанского военного округа. В 1840 году с отменой комендантской системы управления Дербент был включен в Каспийскую область. В 1846 году Дербентская область стала одной из четырех губерний, созданных Российской империей на Южном Кавказе.

Обширная ирригационная сеть и плодородные земли Дербентской области создали благоприятные условия для развития различных областей сельского хозяйства. Как средство искусственного орошения широко использовались для орошения посевных площадей кяризные воды. По словам Е. Козубского, написавшего историю города Дербента, в первой половине XIX века население Дербента наряду с шелководством, хлопководством, виноградарством и рыболовством, также занималось производством шафрана и марены [10, с. 311].

В 1796 году путешественник М. Биберштейн, побывавший в Дагестане и Азербайджане сообщает, что производство шафрана в первой половине XIX века было одним из основных занятий населения Дербента. Он писал, что помимо удовлетворения местного спроса, шафран, произведенный в окрестностях Дербента, отправлялся также в соседние провинции [2, с. 35]. Из шафрана также было возможно получить очень качественную краску. Тем не менее, дербентцы отдавали предпочтение производству марены, высоко ценившейся на внутренних и внешних рынках. Это растение, широко использующееся в ткачестве, считалось незаменимым сырьем для получения красного цвета. Текстильные изделия, окрашенные с помощью марены в красный цвет в течение длительного времени не теряли своей свежести.

В одном из источников, относящихся к производству марены и истории ее производства в Дербенте, указывается, что впервые в конце XVIII века человек по имени Кербелаи Гусейн занимался этим делом. В нем также упоминается, что дербентцы начали заниматься массовым производством марены только с 1807 года. А на самом деле история возделывания марены в Дербенте восходит к очень древним временам.

По словам арабского автора Ибн Ховгала, еще в X веке на землях, окружающих Дербент, было много плантаций марены [1, с. 186]. Другой арабский автор этого периода аль-Идриси писал, что это растение выращивается повсеместно в стране Арран, который охватывает земли от Дербента до Тифлиса, и оно очень высокопродуктивно [6, с. 151]. Русские путешественники П.Г. Бутков, М.Ф. Биберштейн, а также С.Б. Броневский, посетившие Южный Дагестан и Азербайджан в конце XVIII века сообщают о масштабном выращивании марены в Дербентском ханстве и прилегающих районах и ее экспорте в Россию. М.Ф. Биберштейн писал, что местные жители собирают и сушат корни этого растения, разрезают в длину пальца и продают купцам [2, с. 34]. По его словам самые богатые купцы, «основавшиеся в настоящее время в Дербенде, обязаны своим богатством исключительно торговле мареной» [2, с. 35]. В Дербенте в 1806 году пуд марены стоил 12-15 рублей, в Астрахани – 17 рублей, а в годы, когда урожай марены был в изобилии, из Дербента вывозилось до 6000 пудов [5, с.452].

В результате возросшего спроса на марену на внутреннем и внешнем рынках, ежегодная арендная плата за десятину земли в Дербенте увеличилась во много раз, а площадь возделывания расширилась. Уже в 1832 году в Дербенте марена была посажена на территории 364 десятин и произведено 35 тыс. пудов продукта на сумму 245 тыс. рублей [12, с. 171-174]. В 30-х годах XIX века через Дербент и Баку в Кизляр и Астрахань ежегодно перевозили марену стоимостью более 100 тысяч рублей [9, с. 57]. Спрос на марену в эти годы уже достиг своего самого высшего уровня. В 1832-1833 годах один капан (2,5 пуд) семян марены продавался за 50 рублей [19]. Дербендцы говорили, что когда они сажают марену, они сажают золото.

Превращение производства марены в Дербенте в прибыльную отрасль, значительно увеличило интерес к нему в других регионах Южного Кавказа и даже в России. Известно, что в 1834 году семена марены были вывезены из Дербента в Иреван [10, с. 226]. Позже были предприняты попытки культивации этого растения во Владимирской [14, с. 416], в Оренбургской и Самарской, а также в других губерниях России [11, с. 1].

Дербентская марена с ее высокой красящей способностью начала играть важную роль в развитии текстильной промышленности России. Владельцы текстильных фабрик, действующих во многих частях империи, отдавали предпочтение дербентской марене. Результатом этого было то, что цена этого растения на российских рынках с каждым годом увеличивалась. Уже пуд измельченного корня марены на московских рынках продавался за 18 руб. С целью расширения этой отрасли дербентскому губернатору даже были отправлены проекты и чертежи для строительства мельницы для измельчения корня марены [14, с. 885]. Статистические данные показывают, что в 1845 году для продажи из Дербента было вывезено 80320 пуда корня марены, в 1846 году 64 704 пуда, в 1847 году 41 397 пуда, в 1848 году 44791 пуда, в 1849 году 66 254 пуда, а в 1850 году 72632 пуда [3, с. 335]. Кавказский наместник М.С. Воронцов в своем отчете писал, что ежегодно в Дербенте было произведено корня марены более чем на 40 000 рублей [14, с. 835]. В начале 40-х годов XIX века из Дербенда в Россию было перевезено более 50000 пуда марены. Известно, что владельцам российских заводов нужно было более 130000 пудов марены [8, с. 47].

Дербентская марена смогла полностью вытеснить импортный краситель (крап) с российского рынка [17, с. 113]. Однако впоследствии европейский крап, импортировавшийся из-за границы, обходился относительно дешево и постепенно начал заменять марену. Владельцы русских фабрик, которые полностью завладели производством марены в Дербенте в конце 40-х годов XIX века все еще закупали это растение [7, с. 436]. В 1847 году в Москве нижняя цена пуда голландского крапа составляла 6 рублей, а верхняя цена 11,5 рубля, в 1848-1849 годах нижняя цена 6 рублей, а верхняя цена 11 рублей, в 1850 году нижняя цена 4 рубля, а верхняя цена 10 рублей, а в Дербенте в 1847 году средняя цена продажи пуда корня марены на месте составляла 4,75 рублей, в 1848 году 5,65 рубля, в 1849 году 4,1 рубля, а в 1850 году 4,5 рубля [4]. Химики и владельцы московских фабрик также подтверждали, что дербентская марена отличается своей качественностью. Так, в соответствии с опытом и заключением химиков и владельцев московских фабрик, дербентская марена по отношению к голландской и французской краскам была богаче цветным пигментом. В 1849 году пуд завезенной в Москву кавказской марены продавался за 16-17 рублей, а пуд французской краповой краски стоил не более 9,5 рублей. Поэтому владельцы фабрик продолжали отдавать предпочтение дербентской марене, которая более богата красящими веществами» [13]. Владелец Александровской фабрики Владимировской губернии И.Ф. Баранов был первым, кто проявил интерес к корню дербент-

ской марены. Баранов, проведя эксперименты по определению качества дербентской марены добился хороших результатов и вложил деньги в эту отрасль. Владельцу фабрики, начавшего закупать марену для расширения ее производства, удалось наладить партнерские отношения с местными производителями марены. Он даже в 1844 году приобрел земельные участки в Дербенте и в 1847 году попытался вырастить это растение на своей родине [16, с. 416].

Вслед за Барановым в Дербент стали стекаться бизнесмены из разных городов России – Москвы, Иваново-Вознесенска, Ярославля и Твери. Капитал, вложенный владельцами российских фабрик, оказал значительное влияние на развитие производства марены. Местным производителям щедро предоставлялся аванс, продукты у них закупались на несколько лет вперед [18, с.30-31].

Важную роль в популяризации, производимой в Дербенте корня марены сыграл ее демонстрация на выставке Южно-Кавказского края, Всероссийских и Международных выставках. Корень дербентской марены, в 1850 году выставленный на Южно-Кавказской краевой ярмарке в Санкт-Петербурге, был высоко оценен экспертами. Одним из 21 экспонатов, отправленных на Международную выставку в Лондон, была дербентская марена [15, с.74]. Как видно, производство марены в Дербенте в первой половине XIX века стало одним из основных направлений занятости населения. На российском рынке растущий спрос на красную краску, изготовленную из этого растения, привел к быстрому росту производства марены в Дербенте. Многие бизнесмены, которые считали марену очень прибыльным растением также пытались культивировать ее в разных регионах России.

Литература и источники:

1. Azərbaycan etnoqrqfiyası. 3 cilddə, I c., Bakı: Elm, 1988, 456 s.
2. Биберштейн М. Описание провинций, расположенных на левом берегу Капийского моря между реками Терек и Кура. Перевод С.В. Ашурбейли. НАИИ НАН Азербайджана, инв. 466.
3. Берже А. Прикаспийский край // Кавказский Календарь на 1857. Отделение 3.
4. Бобылев Ф. Торговля Дербентскою мареною // газета «Кавказ», 1863 год, № 18.
5. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.2. 465 с.
6. Bünyadov Z.M. Azərbaycan VII-IX əsrlərdə. Bakı: Azərnəşr, 1989, 335 s.
7. Гагенмейстер Ю.А. Закавказские очерки. // Журнал министерства внутренних дел. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1845, часть 9. с. 411-439.
8. Гагенмейстер Ю.А. Закавказские очерки. // Журнал министерства внутренних дел. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1845, часть 10. с. 33-64.
9. Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. Санкт-Петербург: Типография штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1835. 307 с.
10. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Издательства Русская типография, 1906, 468 с.
11. Марена. О возделывание её в Дербенте. В применение к Оренбургскому краю. Составлено Карповым. СПб.: 1859, 21 с.
12. Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. В четырех частях. Часть 4. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1836, 410 с.
13. Обзор действия наместника на Кавказе для развития сельского хозяйства с 1845 по 1850 года // газета «Кавказ» 1851 год, № 48
14. Отчет князя М.С. Воронцова за 1849 – 1851 годы // АКАК, т. 10
15. Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861-1900). Махачкала: 1972, 204 с.
16. Сборник статей о сельском хозяйстве Юга России, извлеченных из Записок Общества сельского хозяйства Южной России с 1830 по 1868 год. Одесса: ИздательствоОбщества сельского хозяйства Южной России. 1868, 920 с.
17. Сумбат-заде А. С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1958, 362 с.
18. Тейнбург Фон П.О. О прикаспийской марене. Тифлис: 1863.
19. Черепов А.П. Дербент// газета «Кавказ», 1863 год, № 11.

Нифталиев Р.Ю.,
старший научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана,
доктор философии по истории, доцент
Азербайджан, г. Баку

Алиев Э.С.,
старший научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана,
доктор философии по истории, доцент
Азербайджан, г. Баку

О ДИНАМИКЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ГОРОДА ДЕРБЕНТ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Аннотация: В статье кратко рассматривается численность и социальная структура населения древнейшего азербайджанского города Дербент в первой половине XIX века. После завоевания Россией города Дербент в разные годы проводилась перепись населения и камеральные описания. Сведения о социальной структуре населения города Дербент в этот период весьма отрывочны. Обладатели огромных капиталов – купцы, занятые в сфере оптовой торговли города, делились на различные категории, которых называли «состоятельными дербентскими купцами», «аристократами» или купцами «первой гильдии».

Ключевые слова: Дагестан, Дербент, город, провинция, территория, сведения, отчет.

Население города Дербент и ближайших от него селений проживало в благоприятных в природно-географическом отношении условиях для ведения хозяйственной деятельности. Согласно сведениям 1796-го года, Дербентское ханство, включавшее в себя Сабнова, Перемешки, Джалган, Джагуткент, Абасова и Рукель, Дербент, а также селения Араблар, Верхние Араблар, Моллакенд, Баятлар, Дербент кала, Зардиен (разрушено), Уружба, Азатоглу, Устаджлы (безлюдно), Селик, Нюгди, Малакалин, Падар и Билиджи граничило с западными лугами Табасаранского предгорья, южной частью Каракайтагского уцмийства и северными землями Кюри и Кубы и делилось на округа Улусы [10, с. 142-143].

Город Дербент состоял из верхней части – Нарын кала, средней – населенной части и нижней, протянувшейся до самого моря, т.н. «Дубары» [9, с. 3]. Городская территория включала в себя 9 кварталов (махалле), именуемых Чар тепе, Микри, Боят уджары, Генкуча, Псиник баши, Базар или Ханская куча, Урта тепе, Боят капы и Джарчы [12, с. 305]. Российский кавказовед С.Броневский в 1796 г. отмечал о наличии в Дербенте 2 189 домов [4, с. 338], представители графа В. Зубова на переговорах во время похода на Дербент сообщали о 2 500 домах [12, с. 115], Ф.Ф. Симонович – о 2 180 домах в городе, в Дербентском округе в 6 селениях 265 домов, в Улусском магале в 15 селениях 780 домов [10, с. 143], А.Г. Серебров сообщал о наличии в городе приблизительно 2 180 семей, а в ханстве же жителей 1 050 семей из 21 селения [10, с. 176], П.Г. Бутков в 1798 г. отмечал о 9 300 жителях Дербента и окрестных 15 селений [10, с. 140], А.И. Ахвердов в 1804 г. сообщает о более чем 2000 домах в городе [10, 219-220], а в августе 1806 г. в сведениях, полученных из военного лагеря под Дербентом, отмечается о наличии около 4 000 домов [9, с. 8].

После завоевания Россией города Дербент в разные годы здесь проводились перепись населения и камеральные описания с целью обложения местных жителей различными налогами. Согласно официальным данным за 1810 г. в городе Дербент проживало 4 169 жителей [15, с. 38]. Согласно данным со сведениями о количественном составе населения Дагестана, оформленном по указанию главнокомандующего Кавказской и Грузинской линии генерала А.П. Тормасова в 1811 г. в городе и окружающих его селениях, проживало 790 семей, в которых насчитывалось 4 740 душ обоего пола [10, с. 237], в отчете, представленном в 1813 г. Н.Ф.Ртищеву, отмечается о наличии в 1 522 домах города Дербент 4 175 душ мужского пола, а в 9 селениях Улусского магала проживало 284 семей [6, лл. 44-45]. Прибывший в 1820 г. из Тифлиса в Дербент французский консул Гамба предполагал «о проживании в городе 7-8 тысячах жителей» [12, с. 162]. В письме Фон Краббе за № 1211 от 4 августа 1824 г., направлен-

ное генералу Ермолову сообщалось, что «исполняющий должность коменданта Дербента майор Ашеберг докладывает, что согласно данным завершившейся переписи на 16 июля 1824 г. в городе проживает 5 773 душ мужского пола, считая детей, 5 287 душ женского пола, всего же в городе насчитывается 11 060 душ населения [12, с. 166]. Российский исследователь И. Березин в своей работе отмечал, что население Дербента в 1825 г. составляло 10 294 человек [3]. Пребывавший в Дербенте в 1825 г. с 19 по 29 июля профессор Казанского университета Э.И. Эйхвальд отмечал о проживании в городе 26 000 населения в 1800 домах [12, с. 163]. Согласно данным из материалов о «численности населении Дербентской провинции», составленным комендантом Дербента полковником Розенфельдом 22 апреля 1830 г. в Дербенте при наличии 1911 домов проживало 4994 мужского и 4624 женского населения, в форштадте в 161 доме проживало 440 мужчин и 361 женщина, в селении Сабнова в 43 домах проживало 100 душ мужского и 97 душ женского населения [16, лл. 5-6]. По сведениям российских офицеров М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларенберга относящихся к 1831 г., в Дербенте отмечалось наличие 2000 домов, в окрестных 17 селениях около 2000 домов [10, с. 311].

Согласно камеральному описанию 1832 г. в г. Дербент и включенному сюда селению Сабнова, в 1 795 домах проживало 5139 душ мужского населения (количество женщин не указано) [14, с. 165]. По сведениям Д.Зубарева к 1835 г. население Дербента вместе с селением Сабнова составляло 10 205 душ [8, с. 82], И.Березин в своей работе отмечал, что к 1842 г. население Дербента и прилегавшего селения Сабнова составляло 5 745 душ мужского и 5 963 женского и проживало в 1 800 домах [3]. Из камеральной переписи 1842 г. известно, что в Дербенте в этот период проживало 5 348 мужского и 5 363 женского населения [12, с. 241].

По сведениям «Кавказского календаря» за 1849 г. в городе Дербент проживало 11 600 человек, из них 6 430 мужчин и 5 700 женщин [13, с. 44]. В отчете Дербентского губернатора за 1850 г. сообщается о проживании в городе 12 032 душ обоего пола [17, с. 17]. В камеральном описании за 1851 г. сообщается о проживании в городе Дербент, форштадте и селении Сабнова 2 447 семей [12, с. 241].

Сведения о социальной структуре населения города Дербент весьма отрывочны. Первые сведения о социальной структуре населения города, которыми мы располагаем, относятся к 1830 г. Так, по сведениям городского коменданта полковника Розенфельда от 22 апреля 1830 г. следует, что в городе Дербенте из 9 168 жителей 55 – бекского сословия, 44 – сеиды, 29 – муллы, 4 – шейха, 2 – ахунды, 2 – армянского духовенства, еще 2 – иудейского; в форштадте из 801 жителей 1 – мола, в селении Сабнова из 197 проживающих 2 – муллы и один – шейх [7, с. 20-21]. Известно, что в 30-е годы XIX века в городе Дербент проживало до 100 ремесленников [14, с. 178-180]. Некоторые статистические данные о социальной структуре населения города Дербент приводятся в материалах первого камерального описания. Согласно этой переписи, из учтенных в 1832 г. в Дербенте 5 139 душ мужского пола, 66 – бекского происхождения, 2 – армяне знатного происхождения, 4 – ахунды, 39 – муллы, 11 – служители мечети, 43 – сеиды, 4 – армянского духовенства, а 3 были иудейского духовенства [14, с. 165-166]. Из года в год в городе росло количество ремесленников. Так, уже к 1850 – 1851 гг. в ремесленных мастерских трудилось 189 человек, из которых 59 портных, 36 башмачников, 18 кузнецов, 13 оружейников, 18 цирюльников, 12 лудильщиков, 8 ювелиров, а оставшиеся приходились на другие ремесла [11, с. 37-38]. В те же годы было указано на наличие в мастерских 124 помощников и учеников [5, с. 260]. В таблице о социальной структуре семей города Дербент, составленной Е.И. Козубским на основе материалов камерального описания 1851 г. данные распределились следующим образом: 2 217 простонародье, 109 бекского звания, 46 духовного звания, 64 приходилось на шейхов, сеидов и ага [12, с. 241].

В начале XIX века в России, занятые в сфере оптовой торговли, обладатели огромных капиталов купцы города Дербент делились на различные категории. Российские современники называли состоятельных дербентских купцов «аристократами» или «первой гильдией» купцами. В Дербенте в тот период проживали занятый торговым делом «аристократ» Агасибек [1, с. 446] и «купец первой гильдии Гаджи Исмаил». В российских документах длительное время дербентские купцы именуются как «дербентские хаджи» [2, с. 38]. Дагестанский исследователь Н.А. Магомедов в своей работе отмечал, что среди тех, кто был занят торговлей в Дербенте, были Мустафа Ахмедов, Акпер Искендеров, гаджи Мелик Ке-

римов, Анкаш Баширов, гаджи Абдулла Искендеров, гаджи Агарасул Гурбаналиев, Алисманов, Садых Алиев, Меликгусейн Алиев, Агабашир, Рагим Мамедов, Ибрагим Талыбов, Алимамед Рамазанов и Мирзамехди Гасымов [18]. Согласно сведениям 1832 г., в городе Дербент было зарегистрировано 110 купцов [11, с. 32].

Таким образом, мы можем констатировать, что первая половина XIX века отмечалась плавным ростом населения города Дербент и прилегающих к нему селений, а в социально-структурном отношении отмечается определенная стабильность при некотором увеличении числа ремесленников и торговцев, что в свою очередь связано с характерным ростом ремесел и торговли в первой половине XIX столетия в Кавказском регионе.

Литература и источники:

1. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, 621с.
2. Алиев Ф.М. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. Баку: Элм, 1990, 173 с.
3. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Собрания и пополненные С. Броневским. В двух частях. Часть 2. Москва: Типография С. Селивановского, 1823, 465 с.
4. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. В двух частях. Часть 1. Казан: 1850. Приложение 4-я. Статистическая таблица города Дербента.
5. Гаджиев В.Г. Роль России в десять лет истории Дагестана. Москва: Наука, 1965, 391 с.
6. Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики, ф. 24, оп. 1, д. 21.
7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов. Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959, 786 с.
8. Зубарев Д. О народонаселении за Кавказом // Русский вестник, № 5-6, 1842, с. 80-85
9. Известие о взятие Дербента русско-императорскими войсками, воспоследовавшем 21 июня. СПб: Типография Глазунова, 33 с.
10. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. Архивные материалы под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. Москва: Издательство Военной литературы, 1958, 370 с.
11. Кажлаев А.Н. Возникновение и экономическое развитие Дербента. Махачкала: Даг. кн. изд., 1972, 164 с. / с. 32).
12. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Издательства Русская типография, 1906, 468 с.
13. Краткий очерк некоторых городов Кавказского и Закавказского края // Кавказский календарь на 1850, Тифлис 1849. Отдел 3,
14. Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. В четырех частях. Часть 4. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1836, 410 с.
15. Отношение ген. Тормасова к д.т.с. Гуреву, от 2-го августа 1810 г. № 94 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: Т.4. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1870, 1019с.
16. Российский Государственный Исторический Архив, ф. 1377, оп. 1, г. 1830, д. 20,
17. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Москва: Изд. АН СССР, 1961, 261 с.
18. https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-po-teme-derbent-v-konce-viii-nachale-i-veka-1902972.html

Полчаева Ф. А.,
младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского Федерального исследовательского центра Российской Академии наук
Российская Федерация, г. Махачкала

НЕНАМЕРЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ САМУРСКОЙ ДОЛИНЫ В XVII – XVIII ВВ.)

Аннотация: В данной статье автор рассматривает проблему недостатка источников в исторических исследованиях. Используя классификацию М. Блока о намеренных и ненамеренных источниках автор на примере изучения экономического развития Самурской долины в XVII – XVIII вв. составляет список источников, которые можно назвать «ненамеренными» и использовать в качестве базы для исторического исследования.

Ключевые слова: исторический источник, намеренные и ненамеренные свидетельства, экономическое развитие, Самурская долина.

Для освещения любого исторического события или процесса историки пользуются комплексом источников и методов работы с ними. Однако работа состоит не только в их компиляции, исследователи сталкиваются с множеством преград и проблем, в числе которых выделяется недостаток источникового материала. С особенной силой это проявляется относительно бесписьменных периодов истории, и тех, когда письменность носила ограниченный характер, то есть использовалась в политическом и религиозном поле деятельности (написание официальных документов, переписывание религиозных текстов и т.п.). А такие вопросы как экономика и социальное устройство, этнографические особенности оставались в большей степени неосвещенными даже в Новое время, в том числе в XVII – XVIII вв., о которых пойдет речь далее.

Частично проблема недостатка источников решается вспомогательными историческими дисциплинами, такими как метрология, нумизматика, хронология, топонимика и др., дающими большой пласт разнообразного материала. Однако этих сведений все равно может оказаться недостаточно для раскрытия большинства вопросов экономического характера. Так откуда брать информацию для составления исторической характеристики в случаях, когда отсутствуют прямые письменные сведения по той или иной проблеме. Согласно одной из классификаций исторических источников, предложенной М. Блоком источники делятся на намеренные и ненамеренные [1, с. 39]. К первым он относил те документы, которые передают конкретную информацию потомкам, а ко вторым те, что содержат в себе косвенные сведения или вовсе не предназначены для передачи информации другим поколениям. Таким образом, в случае отсутствия намеренных источников историк прибегает к ненамеренным, коих найти можно в достаточном количестве. Если брать за основу отсутствие намерения передать информацию потомкам, то список ненамеренных источников можно значительно увеличить. К ним можно отнести не только источники письменного происхождения, но и вещественные. Также источником могут стать и иные сведения, полученные из самой природы. Рассмотрим этот вопрос подробней на примере экономического развития Самурской долины XVI – XVIII вв. и составим более полный список так называемых ненамеренных источников.

1) Для начала необходимо рассмотреть уже известную картину исторических событий региона. Это даст понимание динамики исторического развития, поможет определить его тенденции, формируя базу для дальнейшего исследования. Определение особенностей исследуемого периода позволит составить «карту» возможных процессов и исключить нехарактерное для времени. Например, изучая историю Самурской долины в XVIII веке мы будем иметь в виду предшествовавшие этому походы Надир-шаха, борьбу дагестанцев против иранских завоевателей и т.д.

2) Существует категория письменных источников, которая, не имея такой цели способна преподнести нам сведения экономического характера.

Такими могут быть как описания путешественников, так и записи торговцев и завоевателей. Это источники, написанные иностранцами или «иногородними» людьми. К таким мы можем отнести «Журнал путешествия через Даге-

стан» А. Лопухина (1718 г.), «Описание стран и народов вдоль западного Каспийского моря» И.Г. Гербера (1728 г.), «Материалы для Новой истории Кавказа» Буткова П. Г. в двух частях, «Сношения России с Кавказом» (1578 – 1613 гг.) А. Белокурова, «Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг.» И. А. Гильденштедта, «Путешествие по Дагестану и Закавказью» И. Н. Березина, «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» А. Олеария, «Два рапорта о дагестанских землях» А.И. Ахвердова (1802 г.), «Сведения о горном Дагестане» Ф.И. Гене и т.д. Местные источники (относительно дагестанских земель) дают по этой проблеме меньше сведений, поскольку для местных авторов описание земель в которых они живут, не представляются необходимыми или интересными. Это «История Каракайтага», «История потомков Мухаммадхана Казикумухского», «Тарих Дагестан», «История Маза» и «История Тледока» и др.

К примеру, из записей А. И. Ахвердова, Ф. И. Гене и А.Лопухина мы узнаем обо всем пути течения реки Самур, ее притоках, ширине рукавов на которые она распадается, и даже скорости течения [2, с. 220; 2, с.342; 2, с. 8; 2, с. 220].

3) Вещественные источники. Это довольно обширная категория источников, включающая в себя как предметы быта, так и целые постройки.

Во-первых, наличие ремесленных изделий и средств их производства прямо говорит нам о развитии того или иного промысла в регионе. Это могут быть не просто ковры, а наличие у населения ткацких станков в большом количестве, не только керамическая посуда, но и гончарные круги и т.д. Керамическая посуда может говорить не только о наличии достаточного количества исходного сырья у населения, а также о его умении обрабатывать этот материал и изготавливать из него необходимые предметы. Известны примитивные гончарные изделия XVII – XVIII вв., найденные в с. Рутул. Они изготовлены без применения гончарного округа, а обжигу подвергались прямо в кострах [3, с. 130], что говорит о недостаточном развитии этого промысла, и его направленности только на удовлетворение собственных нужд. В ином случае, особенная техника обработки, рисунок или форма посуды могут указать на ее иноземное происхождение, что в свою очередь укажет на существование торговых связей с определенной областью. Рассмотрение орнамента ковров самурских мастериц также помогает установить наличие связей и культурного взаимовлияния с Кубой и Персией (использование растительного орнамента, характерного для персидских ковров и т.п.) [4, с. 74].

Во-вторых, к вещественным источникам мы относим и типы поселений, которые во многих селах сохранили свой прежний вид, материалы для строительства использовавшиеся для крепостей, жилых домов и хозяйственных построек. В старой части сел и в наше время сохранилась ступенчатая постройка жилых домов, когда крыша одного дома служит двором для другого. Использование саманного кирпича в качестве строительного материала говорит нам об уровне развития строительной техники.

4) Также материал для исследования мы можем черпать из самого географического положения и обусловленных этим природно-климатических условий. Грамотно использовать подобные сведения нам позволяет концепция географического детерминизма. природно-климатические условия меняются крайне редко, и даже для небольших изменений требуются длительные сроки. Поэтому географическое положение и описание природных условий, взятые из источников, позволяют нам рассуждать о более ранних периодах: условиях, в которых жили люди, качестве почв, обилии леса и полноводности рек, плотности населения в различных частях региона, наличии сырья для ремесла, условий для сельского хозяйства и торговли.

Самурская долина – это историко-географическая область, расположенная в Южном Дагестане, представляющая собой территорию смешения разных физико-географических и климатических условий [5, с. 49]. Расположение долины вдоль полноводной реки Самур дает нам достаточно сведений как о возможности орошения земель, наличии рыбы, так и о возможности использования реки в целях передвижения и транспортировки [2, с. 220; 2, с. 342].

А в основном горный ландшафт приводит к выводам о сложностях развития земледелия и его особенностях (строительство террас, выращивание особых сельскохозяйственных культур, развитие садоводства), о большем развитии животноводства и даже преобладании мелкого рогатого скота над крупным рогатым. Это лишь малая часть того, о чем нам могут сказать физико-географические и природно-климатические условия.

Перечисленные нами пункты можно назвать «неочевидными» источниками в историческом

исследовании. Однако они прочно вошли в оборот используемых средств для исследователей экономической истории, поскольку именно косвенные сведения порой являются единственными доступными. И в комплексе эти сведения при использовании определенных общелогических (абстрагирование, анализ и синтез, индукция) и частнонаучных методов (принцип историзма, критический анализ и др.) могут составить характеристику экономического развития региона на определенном историческом этапе.

Литература и источники:

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. с. 254
2. История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. (Архивные материалы). М., 1958. С.372
3. Джалилова Х. М. Рутулы в XVII – первой половине XIX вв. Махачкала, 2004. с. 160
4. Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. с. 174
5. Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. с. 316

Хубулова В.В.,
декан гуманитарного факультета Филиала ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Железноводске
Российская Федерация, г. Железноводск

«УМНАЯ» ГОРОДСКАЯ СРЕДА МАГАСА КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ «УМНОГО» ГОРОДА

Аннотация: Процесс модернизации социально-экономического уклада государств в контексте регионального развития преломляется к динамике научно-технического прогресса, посредством которого формируется инновационное пространство. Разработка и реализация современных технологий, то есть инноваций, позволяет создать концептуально новые способы коллаборации для достижения стратегически важных целей в рамках территориального развития.

В эпоху глобализации процесс урбанизации приобретает особое значение для решения проблем социально-экономического и экологического характера. В данном контексте предполагается формирование и развитие инновационной городской среды, в основании которой заложена «умная» инфраструктура, то есть образование нового поколения городов – «Smart City». Реализация концепции «умного» города – это стратегический процесс, основанный на реализации цифровых технологий в создании и управлении городской инфраструктурой.

Ключевые слова: новая индустриальная эра, Индустрия 4.0, трансформация, цифровая экономика, цифровизация, «умная» городская среда, «умный» город, технологии, инновации, Магас.

В современных условиях технического и информационного развития понятие «умный город» не является каким-либо новшеством. «Умный город» – это интеграция информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета вещей. Данная интеграция существует для управления городским имуществом, местными отделами информационных систем, школами, библиотеками, транспортом и другими общественными службами. Иными словами, «умный город» – это комплекс программно-технических решений и организационных мероприятий, направленных на эффективное использование ресурсов (вода, газ, тепло, электричество, время).

На современном этапе умный город становится не просто проектом будущего исторического наследия, а реальным объектом, который требует заинтересованности в обустройстве комфортной и современной городской среды, с использованием инновационных идей и новых технологий.

Основной целью создания такого рода городов является повышение качества жизни населения посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и концепции Интернета вещей (IoT) в социально значимые субстанции: школы, библиотеки, электростанции, больницы, органы государственной и муниципальной власти и т.д. Реализация данной концепции происходит на основе использования интегрированных датчиков в режиме реального времени, накопленной информации от городских жителей и устройств обрабатывающих и анализирующих информацию. Собранный объем информации является «ключом» к разработке эффективно функционирующей городской инфраструктуры на базе ИКТ. В определении Британского института стандартов (BSI) умный город – это «эффективная интеграция физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданную среду с целью обеспечения устойчивого, благополучного и всестороннего будущего для граждан» [1, с. 90-96].

Концепция «умного города» была разработана в конце 90-ых годов XX века для решения проблем в сфере природопользования наряду с развитием IT – сектора. Как следствие, происходила интеграции в новую промышленную эру – Индустрию 3.0. Однако, достичь поставленных результатов в построении «умной» городской инфраструктуры так и не удалось, в виду специфики данного периода: значительных различий в социально-экономическом развитии государств и политических потрясений на мировой арене. Современные реалии развития человечества предполагают переход от Индустрии 3.0 к Индустрии 4.0. В данном контексте свою актуальность приобретает формирование «умной» городской инфраструктуры в рамках одного из ключевых проектов Интернета вещей (IoT). Ин-

тернет вещей (англ. Internet of Things, IoT) – это система датчиков и приводов (исполнительные устройства), встроенных в физические объекты и связанные через проводные или беспроводные сети с использованием протокола Internet Protocol (IP), который связывает Интернет».

В исследованиях Организации Объединенных Наций к 2050 году 67% населения мира будут проживать на территории «умных» городов, так как на сегодняшний день существует проблема неоднородности развития муниципальных образований. В данном случае для повышения качества населения и условий его существования требуется формирование инновационных платформ, в основе которых заложены цифровые коммуникации.

В отраслевую структуру города, функционирующего на основе информационных платформ входят: агропромышленный комплекс, энерго – и водоснабжение, сеть городского транспорта, здравоохранение, образование, утилизация отходов и т.д. В результате исследования автором были рассмотрены ключевые отрасли в контексте цифровизации и формирования инфраструктуры умного города.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что инфраструктура «умного» города содержит в себе пять блоков с концептом «умный»: энергетика, транспорт, газо – и водоснабжение, городская среда и дом. Как следствие автором была разработана схема, которая детализирует каждый из этих блоков (рис.1).

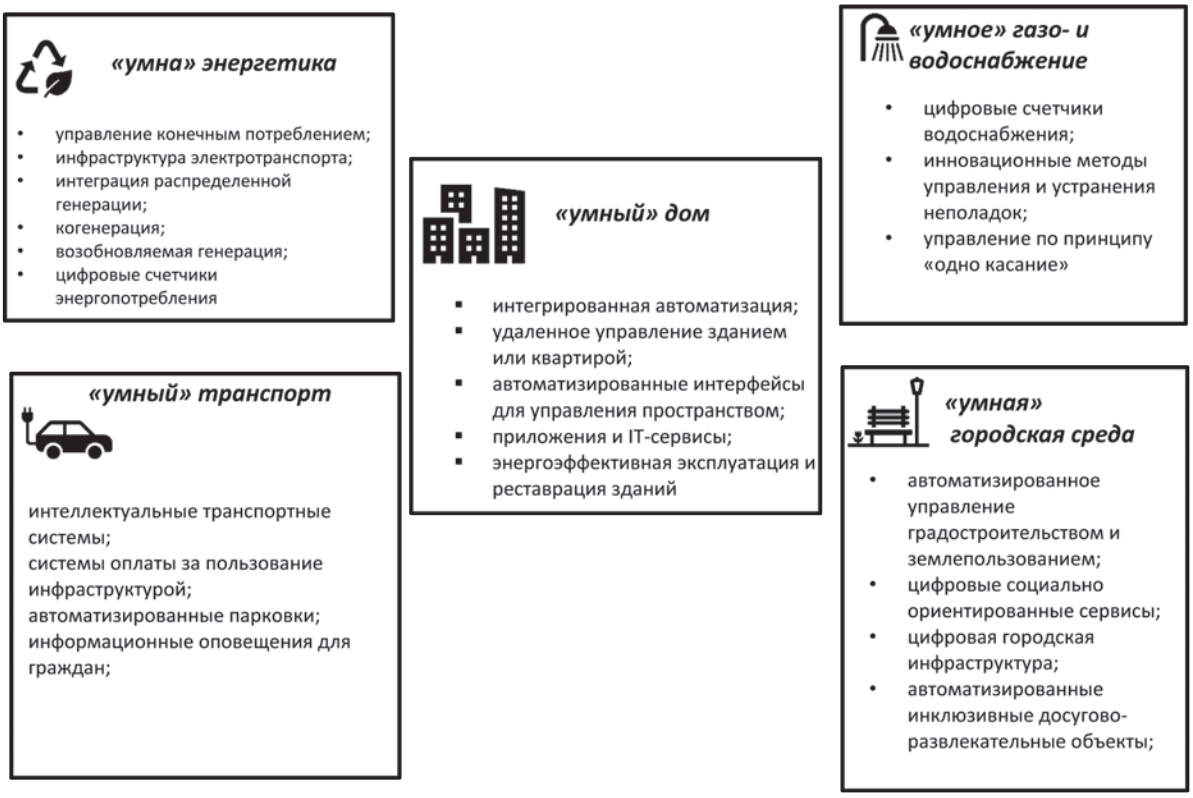


Рисунок 1 – Структурные элементы «умного» города [2, с. 226-232].

Однако, следует отметить, что в рамках российской действительности, требуется проведение комплексного анализа, позволяющего выявить и определить специфические особенности городской среды каждого региона. И на основании полученного результата, для каждого города разработать индивидуальную модель «умной» городской среды.

Магас – город на юге России, столица и административный центр Республики Ингушетия. Один из немногих в последние десятилетия городов мира, специально основанных как столица. В последние годы в Магасе успешно реализованы самые смелые современные, инновационные проекты, которые принесли в город уют и комфорт. Столица Ингушетии не отстает и в развитии своего концепта умного города, внедряя новые технологии. Это и остановочные павильоны общественного транспорта с интернетом, отоплением и кондиционированием воздуха. И недавним очередным таким инновационным новшеством стала установка во всех городских остановочных павильонах электронных карт-схем города Магас. Также это и умные таксофоны, и лавочки

с модулем Wi-Fi и обогревом, электронные библиотеки с произведениями ингушских, русских и зарубежных авторов. Это приемники одежды, обуви и игрушек для малоимущих семей, контейнеры для утилизации особо токсичных приборов в виде ртутных термометров и литиевых аккумуляторов и т.д.

Не остаётся за гранью внимания городской власти и развитие спорта в столице. Так, Магас имеет в своём распоряжении современную велодорожку, городской стадион, баскетбольную площадку, шахматную секцию, теннисный корт, несколько фитнес клубов, спортивные секции по дзюдо, боксу и смешанным единоборствам для детей.

Рассмотрим более детально инфраструктуру города, позволяющую считать Магас на стадии становления и формирования «умного города»:

1. Остановочные павильоны, которым нет аналогов в мире, оборудованы светодиодным освещением, кондиционером, автоматическим откатными дверями с двух сторон, пандусом для передвижения людей с ограниченными возможностями здоровья, теплым полом и скамейками с подогревом, WiFi, 4 USB розетками зарядки, камерами видеонаблюдения, кнопкой экстренного вызова полиции, электронной библиотекой, солнечными батареями, вендинговыми кофейными аппаратами, а также специальными экранами, посредствам которых можно отправить как текстовое, аудио, так и видеообращение Главе города.

2. Терминал для сбора одежды, обуви и игрушек для малоимущих граждан. Данный проект впервые в России реализован именно в Магасе. Данный терминал состоит из двух отсеков для одежы и игрушек. Терминал оснащен солнечной батареей и датчиком, который отслеживает наполнение и отправляет сообщение на специализированный телефон.

3. Велотакси. Велокэбы оборудованы солнечными батареями для зарядки и считаются экологически чистым видом транспорта.

4. Контейнеры для утилизации. Представляют собой металлический короб, оборудованный специальной системы приема различной категории мусора: люминесцентных, энергосберегающих ламп, термометров и батареек, особо токсичных приборов (ртутные термометры, литиевые аккумуляторы) и т.д. Также город оборудован современными мусорными урнами для раздельного мусора.

5. Электронная библиотека. Через специальный QR код жители и гости города могут закачивать книги на свой смартфон абсолютно бесплатно.

6. «Умные» скамейки, которые оборудованы встроенным Wi-Fi модулем, USB-разъемами для зарядки, которые оборудованы ночной подсветкой, также они имеют температурный режим – саморегулирующийся от наружной температуры воздуха. Особенность скамеек: они антивандальные и работают на солнечных батареях.

7. Бук-кроссинг. Книгообменник – это своеобразная библиотека свободного доступа. В точке обмена жители могут оставить свою книгу и взять при этом другую понравившуюся. Книгообменник является отличным средством социального взаимодействия жителей города и возможностью сохранить любовь к чтению книг в бумажных переплетах.

8. Зонт ожидания для пешеходов. Планируется, что в скором времени каждый «зонт ожидания» получит собственный QR-код, который даст возможность скачивать в телефон правила дорожного движения.

9. Светодиодные фонари (что позволяет экономить электроэнергию).

10. Телефонная будка нового поколения, которая оборудована встроенным Wi-Fi модулем, USB-разъемами для зарядки гаджетов, встроенной кнопкой вызова такси, определяющей местоположения по геолокации. Каждый новый таксофон оборудован терминалом оплаты, а также кнопкой экстренного вызова полиции, монтированные на крышу солнечные батареи, камеры видеонаблюдения, специальные экраны, которые также дают возможность отправлять обращение Главе города Магас.

В связи с этим необходимо отметить, что Магас обладает «умной» городской средой, а следующими шагами развития должны стать следующие структурные элементы «умного» города: «умная» энергетика, «умный» транспорт, «умное» газо – и водоснабжение.

Таким образом, концепция «умного» города открывает новые возможности для пространственного развития территорий посредством создания доступной среды, тем самым повышая уровень качества жизни населения. Создание «умной» городской среды открывает новые возможности такие, как: новые методы производства электроэнергии, разработка товаров-заменителей исчерпаемых сырьевых ресурсов, техно-

логии города данного типа направлены на улучшение экологии и обеспечения повышенного уровня безопасности населения. Также данную концепцию следует обособить в качестве механизма трансформации в новую технологическую эру, которая направлена на повышение уровня эффективности функционирования различных отраслей жизнедеятельности.

Литература и источники:

1. Мошкин И.В., Романов В.А., Хубулова В.В., Губиева З.А. Облачные технологии в контексте проектного менеджмента // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 9. – С. 90-96.

2. Хубулова В.В., Хачиров А.Д. Промышленность в контексте цифровой экономики // Вестник Академии знаний, 2018. – № 25 (2). – С. 226-232.

Басирова К.К.,
младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН
Российская Федерация, г. Махачкала

АВАРСКИЙ СВАДЕБНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ

Аннотация. В данной статье автором дается описание традиционной свадебной одежды аварцев в конце XIX – начале XX в. Показано разнообразие форм и видов всевозможных атрибутов свадебной одежды. Свадьба представляет собой обрядовый комплекс, все этапы которого подчинены одной цели – всеми доступными средствами обеспечить благополучие рождающейся новой семьи.

Ключевые слова: женская одежда, мужская одежда, свадьба, аварцы, народы Дагестана, украшения, материалы для изготовления одежды, символика.

Основным материалом для изготовления одежды у аварцев служили продукты животноводства (овчина, кожа, шерсть и другие), поскольку преобладающей формой хозяйства была натуральная. Выращивали в Дагестане в исследуемый период лен и коноплю. Вместе с тем пользовались привозными тканями: дешевыми – ситцем, сатином и дорогими – шелком, парчой, атласом, бархатом.

Описание одежды народов Дагестана в письменных источниках и ее изображения свидетельствуют, что задолго до XVII в. уже сложился общий тип дагестанской горской одежды, характерный и для последующих веков. Одежда аварцев была частью одежды горских народов Кавказа [4, с. 124].

Свадебная одежда аварцев в основном отличалась от повседневной пышностью и нарядностью. В ходе экспедиций научные сотрудники Института ИАЭ ДФИЦ РАН, помимо сбора полевого этнографического материала делали зарисовки и фотографии предметов быта, украшений, одежды, архитектурных достопримечательностей и т.д. Благодаря этой работе была создана прекрасная коллекция фотоиллюстраций в архиве института. Весьма значителен вклад известных специалистов в области этнографии Гаджиевой Сакинат Шихахмедовны и Исламмагомедова Ахмеда Исламмагомедовича в формирование коллекции фотографий архива Института. В 1965-67 гг. были проведены экспедиционные работы в аварских сёлах. По результатам этой экспедиции были сданы фотодокументы в Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, характеризующие разнообразие аварской одежды. Позволим кратко охарактеризовать отдельные фотоматериалы.

Жених на время свадьбы надевал нательную рубаху «горде» из белого полотна с длинными рукавами и «т1ажу» из белого полотна. Верхнее платье шили из лучших сортов домотканых сукон «сугъур».

Поверх рубахи «горде» надевали из темно-синего сукна «гужгат», плотно облегающий фигуру с боковыми прорезами, обшитыми тесемкой и с нарядными вышитыми накладными карманами [10, с. 101].

Свадебная черкеска, надеваемая поверх «гужгата», особенно отличалась своей пышностью. Ее шили из лучшего каратинского сукна «сугъура» коричневого цвета. Газыри этой черкески делались серебряными, иногда с позолотой по 8 штук на каждой стороне, с бляхой. Бляха прикреплялась к головкам, от нее к головкам шли золотые цепочки. Борта, грудной вырез, рукава черкески украшались золотыми или серебряными нитями.

Такую, черкеску перетягивали узким поясом с чеканными серебряными с позолотой пластинками и подвесками. Через плечо поверх черкески, накидывали серебряное с позолотой украшение «нахас», к подвескам его прикрепляли кинжал в серебряной или золотой оправе.

На голову жених надевал каракулевую или овчинную папаху. На ноги надевали «махIцал» с голенищами или «мачуял» также с голенищами. Наиболее богатые женихи на ноги надевали кожаные сапоги «чекмеби» с пришивной твердой подошвой, острым носком и облегающими голенищами.

Нарядность костюма и пышность украшений зависели от состоятельности жениха.

Следует обметить, что и дружки жениха одевались как можно наряднее и красивее. Поверх черкески жених и его дружки носили красную

повязку – «дарай бухьи», изготовленную из 3-4 метров «дарая».

Красную повязку жених дарил после свадьбы невесте на «мучIу». А дружки дарили их своим женам или впоследствии своим невестам.

Красный цвет повязки, как говорят старожилы, означал молодость, невинность жениха.

В некоторых селениях Хунзахского района жених во время свадьбы поверх черкески носил специальную одежду (наподобие безрукавки) – «веренсервей» красного цвета, которая застегивалась на крючках. По толкованию местных старожилов красный цвет свадебной безрукавки означал также невинность, верность жениха.

Мужская традиционная одежда аварцев типовым разнообразием не отличалась, элементы ее, за исключением некоторых несущественных локальных отличий, были общими для всех обществ и групп. Одежда мужская, судя по описаниям в литературе, была однотипна на всей территории Дагестана и имела много общего с одеждой народов Кавказа. В основных своих чертах народный костюм дагестанцев был сходен с костюмом других народов Кавказа, что свидетельствует о формировании «кавказского костюма», в условиях многовековых, тесных культурно-экономических связей всех этих народов [7, с. 211].

Как уже отмечалось, основная часть аварского населения использовала для изготовления одежды до середины XIX века местные материалы: кожу, домотканое сукно, войлок, шкуру, а со второй половины XIX в. – привозные фабричные ткани из России. Дорогими восточными тканями тоже пользовались, но они были доступны немногим. Многие традиционные материалы и изготовленная из них одежда, также традиционной формы, сохранялись в быту аварцев до начала XX в.

Женская одежда аварцев отличалась большим разнообразием и богатством украшений. Если мужской костюм аварцев мало чем отличался от костюма других народов Кавказа, то женский костюм настолько локален, что почти каждое общество имело свои специфические особенности в покрое и ношении одежды. Поэтому аварцы прежде по женскому костюму, особенно по головному убору, определяли принадлежность ее к тому или другому сельскому обществу.

Женская одежда в различных районах различалась и по цвету. Так, например, в Чародинском районе любили желтый и красный цвет, а в селениях Шамильского района – более умеренные цвета: темно-синий, черный и т.д. Женская одежда состояла из нательной рубахи «горде», платья «кунта», штанов «тIажу», из верхней одежды «хабалай», шубы «хабарча», а также из головного убора «чохтIо» и «мучIу» и различных фасонов обуви. Необходимой принадлежностью женского туалета были всевозможные украшения [6, с. 251].

Женский костюм представлен многообразными местными вариантами, особенно головными уборами. Вообще для одежды аварок характерны простота покроя, темные цвета, оживляемые яркими дополнениями: поясами, цветными «чухтами», головными покрывалами и разнообразными украшениями. В каждом аварском селении имелись свои особенности в одежде. Например, длинное и широкое платье-рубаха туникообразного покроя, которое при ношении затыкали с боков за пояс штанов, длинные узкие штаны с цветной отделкой по низу штанин, «чохтIо» типа чепца с длинным накосником-мешочком, покрывало, платок (носили поверх покрывала), сафьяновые или кожаные чувяки на мягкой подошве.

Элементы женской одежды: платье-рубаха, штаны до щиколоток, «чохтIо», «хабалай», покрывало – «мучIу», платок, шубы, чувяки с мягкой подошвой, туфли, башмаки, вязанные и войлочные сапоги, вязаные носки. Существовали свадебные наряды невесты из дорогого материала с богатыми украшениями и детская одежда с особым покровом.

Украшения – бусы, серебряные цепочки, монеты, ажурные бляшки, височные кольца, медальоны, пояса, браслеты, кольца выступали и как обереги [3, с. 167].

Традиционный свадебный костюм невесты состоял из 3-4-х платьев-рубах «горде», пары штанов «тIажу», головного убора «чохтIо», нескольких платков «мучIу и обуви. Свадебное платье «горде» шили из дорогих тканей: «дарай», «харай», «зар харай», «зарбаф» такого же покроя, как и каждодневное. Большое внимание уделяли украшению «горде». Вышивали его золотыми или шелковыми нитками. На грудной вырез и переднюю часть подола пришивали позумент или галуны. Вышивали «горде» сверху своеобразным орнаментом – «бесаракул» (на черном фоне золотистыми нитями), а с низу делали «сырма» – каемка с подвесками, сделанными из серебряных ниток. Иногда на невесту надевали и по два «горде». Верхний называли «кунта». Штаны «тIажу» большей частью шили из плотных парчевых тка-

ней «харай» и иногда из «дарай» и расшивали серебряными нитками [5, с. 163].

Головной убор – «чохтIо» шили из самых нарядных шелковых тканей, украшали бисером, галунами, вышивкой.

Свадебный платок «мучIу» шили из 3–5 метров шерстяной или шелковой ткани. Два конца его обшивали узорным швом. «МучIу» бывал темно-синий, коричневый, черный, голубой, оранжевый и т.д.

Поверх «муч1у» надевали большой тяжелый оранжевый платок «квархъи зарбаф», вышитый золотыми нитками, или же платок «зар харай», также оранжевого цвета, вышитый бордовыми цветками. На ноги надевали башмаки, изготовленные из кожи нескольких цветов (голубой, белой, бордовой и т.д.) с острым концом, без задников. Башмаки вышивали золотыми нитками разнообразных цветов (голубой, белой, бордовой и т.д.) с острым концом, без задников. Отделку делали цветной кожей. На ноги невеста надевала обувь «хьитал». Прежде, например, у ругуджиицев жених в день свадьбы дарил невесте специальное серебряное украшение с подвесками – «хьитазда рукъулел куцал», которое пришивали к голенищам «хьитал» [8, с. 118].

Невесту, как правило, наряжали особенно пышно. Прежде всего поверх «мучIу» надевали «маргъал». Свадебный «маргъал» можно было носить на поясе [1, с. 183].

Кроме небольших разнообразных грудных украшений («михал», «каз» и т.д.) невесты надевали специальное свадебное нагрудное украшение «ручабазул гурдиди балаб гIарцул куц» [9, с. 169], которое состоит из нескольких крупных медальонов, прикреплённых к трём грушевидным (серебро с позолотой) подвескам. К низу этих подвесок приделана пластинка (25 см длиною и 4 см шириною) с подвесками. Затем идет опять пластинка, к которой прикреплено три крупных ажурных медальончика с лепесткообразными подвесками фигур, висящими на цепочках. Это украшение делалось из серебра с чернью и орнаментировалось в национальном стиле и иногда филигранью с позолотой.

Невеста носила большие серьги, кольца, браслеты, бусы и другие украшения.

У аварцев существовал обычай: до совершеннолетия дочери готовили ей свадебный наряд (3-4 мучIу, 3-4 платья, «горде», платок и украшения). Этот наряд мать дарила дочери в день свадьбы. А дочь надевала, его на один день, а потом снимала и оставляла, для своей будущей дочери, таким образом, это своеобразный ритуальный наряд переходил от матери к дочери несколько поколений [2, с. 791].

Немного позже, когда аварки начали носить «хабалай», он заменил им старинный свадебный наряд. Свадебный «хабалай» шили из дорогого материала и богато украшали. С «хабалай» аварки носили женские серебряные пояса «рачел» (серебряные с позолотой). А кто не имел дорогого пояса, к «хабалай» делали специальные серебряные застежки с растительным орнаментом.

Свадебный «хабалай» шили длинным почти до пят, с длинными широкими двойными, рукавами. Верхний рукав наподобие пелерины обшивали кружевами, тесемками, галунами или вышивали.

Следует отметить, что в связи с изменением свадебного платья в некоторых местах, например, в бывшем аварском ханстве, и на голову невесты не стали надевать «мучIу». Они же поверх «чухта», минуя «мучIу» стали надевать всевозможные шелковые платки.

Необходимо указать еще на один момент свадебного обряда аварцев. Например, у аварцев, как скажем у лезгин, поверх, всех нарядов не окутывали невесту платком. Это видимо потому, что у аварцев существовало специальное, украшение «маргъал», которое целиком укрывало лицо невесты. Это украшение у них еще имело магическое значение, оно, якобы, защищало невесту от «дурного глаза».

Процесс одевания невесты, в отличие от процесса одевания жениха у аварцев сопровождался некоторыми обрядами. Во время одевания невесты одна из ее родственниц в медном тазу разводила огонь и бросала туда ароматные травы «хепек», «мехик». Наряженная невеста подходила к огню, чтобы пропахнуть ароматным дымом этих трав.

По местным поверьям так поступали, якобы потому, чтобы, во-первых, «злые духи не подступились» к невесте, и во-вторых, чтобы от нее веяло ароматным свежим запахом. Раздувание огня около невесты, обдавание ее дымом видимо, является пережитками зороастризма, когда-то бытовавшего у горцев. Старожилы уверяют, что, если от невесты не пахло ароматными травами, жених не подходил к ней в первую брачную ночь.

Таким образом, свадебный национальный костюм жениха и невесты у аварцев отличался от каждодневного не покроем, а нарядностью, бо-

гатством украшений, разумеется зависящими от состоятельности и достатка жениха и невесты. В своей основе традиционная аварская одежда сходна с одеждой других народов Дагестана, что свидетельствует об их исторически сложившейся этнической общности.

Литература и источники:

1. Алимова Б.М., Мусаева М.К., Магомедханов М.М. Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб., 2013. С. 176-199.
2. Амирханова А.К., Байрамкулова А.А. Свадебный дарообмен и одаривание у народов Дагестана: традиции и инновации. История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 783-799.
3. Гаджалова Ф.А.Традиционная свадьба села Кубачи Республики Дагестан. Научный диалог. 2018. № 11. С. 163-171.
4. Гаджиева С.Ш. Одежда // Современная культура и быт народов Дагестана. М., 1971. С. 124.
5. Гаджиханова Р.Г. Дагестанский костюм. Махачкала: ИД «Эпоха», 2010. – 232 с.
6. Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа. М.: Молодая гвардия, 2003. – 452 с.
7. Материальная культура аварцев /Отв. ред.: Ихилов М.М. Махачкала: ИИЯЛ ДагФАН СССР, 1967. – 305 с.
8. Мусаева М.К. Украшения свадебной одежды у аварцев (на примере с. Ругуджа) // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX–нач. XX в. Махачкала, 1986. С. 112-118.
9. Мусаева М.К., Гарунова С.М., Ченсинер Р. Городские свадьбы в Дагестане: новая версия старых традиций или адаптация к глобальным тенденциям урбанизации?// История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 4. С. 166-172.
10. Сергеева Г.А. Женские украшения народов аварской группы Дагестана второй половины XIX – нач. XX в. //Кавказский этнографический сборник. М., 1980, № 7. С. 100-101.

Бахшалиев Адиль Бахшали оглу,
д.и.н., профессор,
декан историко-географического факультета Сумгаитского государственного университета
Азербайджанская Республика, г.Сумгаит

РЕЛИГИОЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР И ЭТНОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Аннотация: В данной статье говорится о роли национально-религиозных факторов в формировании и эволюции различных этнологических обрядов в Азербайджане. Автор на основе различных арабо – и фарсидских исторических источников рассматривает различные культурные памятники Азербайджана, которые играли (и до сих пор играют) в различных привычках, обрядах и традициях Азербайджана.

Ключевые слова: Курбан байрамы, Новруз, Котов, обряд, традиция, исторические памятники.

О богатой культуре азербайджанского народа наряду с источниками XVI-XVII веков на арабском и фарсидском языках имеется достаточно богатый материал в дневниковых записях путешественников того времени. Однако многие европейские путешественники, недостаточно осведомлённые в области исламской религии и ее обычаев, и традиций, больше уделяли внимание их внешним сторонам и не понимали отличительных черт и сущности мусульманских праздников и религиозных обрядов.

Один из самых главных азербайджанских праздников – это Курбан байрамы. Курбан – это приношение жертвы в угоду Богу, желание приблизиться к нему. Курбан имеет значение «быть близким, приблизиться» [5, с. 228]. На арабском языке Курбан называют Эйд аль-езха или Эйд аль-кебир (то есть, самый большой, священный и главный праздник мусульман). Этот праздник связан с именем пророка Ибрагима. Э. Мюфтю Гасан Яваш пишет: «Однажды во сне пророку Ибрагиму было сказано: Господь Бог приказывает тебе принести в жертву твоего сына Исмаила» [1, с. 230]. Когда же пророк Ибрагим согласно этому приказу хотел доказать Богу свою преданность, Бог послал ему барана через архангела Гавраиила, чтобы Ибрагим зарезал его. Это стало религиозным обрядом [1, с. 47]. Нашему Пресвятому пророку Мухаммеду же было приказано совершить жертвоприношение во втором году Хиджры. Об этом пишется в суре «Аль – Каусар» («Изобилие»): «…2. И посему (в благодарность за эти блага) совершай намаз ради своего Господа и закалывай жертву!» [2, с.108].

Праздник Курбан каждый год совпадает по времени с завершением паломничества в Мекку, начинается 10 числа месяца Зуль-хиджа и продолжается 3 дня. Эти дни называются Эййам-и наир» – Дни совершения жертвоприношения [5, с. 390].

О том, как отмечался в средние века праздник Курбан, занимающий особое место среди нравственных ценностей азербайджанского народа, имеется достаточно сведений в дневниках путешественников. Однако некоторые из них, не обладающие достоверными сведениями о религиозных праздниках, отдавали предпочтение их внешнему описанию. Русский купец Ф.Котов, не знакомый с восточными обычаями и традициями, в 1623-1624 гг. был в Азербайджане. Его путешествие совпало с днями празднования Курбан байрамы. Ф.Котов, отмечающий, что большой и священный праздник Курбан является третьим праздником, изображает его таким образом: «Как только появляется новая луна, с первого сентября в течение 10 дней отмечается третий праздник – Курбан байрамы. По преданию Абрам (пророк Ибрагим – А.Б.) должен был принести в жертву своего сына Исаака (пророк Исмаил – А.Б.). Предназначенного в жертву верблюда, украшенного цветами и коврами, в течение 10 дней водят по всем базарам, улицам и площадям. Впереди идут люди, которые бьют в бубны и играют на зурне. Посторонние люди, женщины и дети подходят к верблюду и выдергивают из него шерстинки для хранения, считающиеся освященными, приносящими благополучие. С наступлением 10 числа верблюда выводят за стены города. В это время перед ним несут украшенные копьё и топор. При сопровождении верблюда до жертвенного места перед ним танцуют группы исфаганцев, взявшись за руки. Они так громко поют, словно кричат. После них с шумом и криками идут тебризцы. От крика людей и топота лошадей человек приходит в ужас. Место, куда

приводят верблюда, заранее полито водой, как на току, подметено и очищено [6, с. 86].

Как известно, Курбан – это наказ богатым мусульманам. Каждый безбедный мужчина или женщина из числа мусульман, находящихся в здравом уме, достигших совершеннолетия и имеющих достаток, превышающий их потребности, должен обязательно совершать обряд жертвоприношения [1, с. 228]. В этот период и в Исфагане были тысячи богатых людей, многие из которых совершали этот обряд. Каждый из них закалывал жертвенное животное в определенном месте и делил его мясо между бедными людьми. Обряд жертвоприношения в Исфагане совершался на государственном уровне торжественно и многолюдно, а в завершении закалывали животное во имя Господа за счет шаха. Несмотря на то, что Ф.Котов не смог определить основные особенности торжественного праздничного обряда, но все же в его описании в определенной степени проявляется суть этого праздника. Продолжая описывать обряд, он пишет; «Верблюда укладывают на подготовленное место, завязывают ему ноги. Возле ног и шеи животного сидят около 30 мясников. В это время к верблюду приближаются шах и его близкие, послы, иностранные купцы. Шах на коне читает специальную молитву, а после этого рукой делает знак приказчику. Тот на коне приближается к верблюду, берёт копье у нёсшего его, вонзает копьё между рёбер верблюда и сразу отходит. После этого шах, его близкие, послы, иностранные купцы на лошадях, а другие – пешком, возвращаются обратно. Мясники, заколовшие верблюда, разделывают его, а голову, ноги и мясо приносят на большую площадь» [6, с. 87]. Путешественник в своём дневнике не даёт никаких сведений о том, что мясо жертвенного животного было поделено между бедными, потому что он этого не наблюдал. Однако он описывает одно из праздничных развлечений в день жертвоприношения перед шахским дворцом: «Люди, стоявшие плечом к плечу, выстроились в ряды, и началась отчаянная борьба за голову верблюда. В этом страшном сражении принимали участие конные тебризцы и исфаганцы, а также пешие люди. Победившая команда доставляла голову шаху и получала награды и подарки. Таким образом, за три дня празднования никто ничем не занимался, играли на карнае (духовой инструмент), зурне, держались за руки и целовали их другу у друга». (поздравляли с праздником – А.Б.) [6, с. 88].

Приехавший из Гольштейна в Южный Азербайджан в 1636-1639-ом году Олеари Адам во время путешествия участвовал в Курбан байрамы, проводимом в Ардебиле. Он кратко, но в отличие от купца Ф.Котова более ясно описал этот праздник, причины его возникновения, раздачу мяса жертвенного животного бедным и т.д. Путешественник писал: «25 апреля, по арабскому календарю 10-го числа месяца Зуль-хиджа, ардебильцы отмечают свой большой праздник, который они называют Курбан. Так, этот праздник посвящён жертвоприношению Абрама (Ибрагима – А.Б.), где он должен был принести в жертву своего сына Исаака (мусульмане называют его не Исаак, а Исмаил). В этот день каждый имущий человек должен заколоть барана или ягненка во дворе своего дома, разделить его на части и раздать бедным. В этот период можно увидеть толпы бедных людей, расхаживающих по всему городу. Никто из людей, приносящих жертву, не оставлял себе ни мяса, ни шкуры заколотого животного. Потому что Ибрагим, который принес в жертву козла (барана –А.Б.) вместо сына, не взял себе ничего» [3, сс. 570-571]. На самом деле, по законом праздника Курбан, шкура жертвенного животного не может быть продана за деньги. Её можно отдать нуждающемуся, использовать для себя при совершении намаза или как скатерть при трапезе. Человеку, приносящему в жертву животное, разрешается принести домой одну часть после того, как он раздаст бедным две части мяса [5, сс. 391-392].

Голландский путешественник Жан Стрейс в 1671-ом году в дни празднования Курбан был в городе Казвине. Описывая обряд этого праздника на основе своих наблюдений, он писал: «9 декабря в городе Казвине было организовано празднование Пасхи иранцами, и они называют его Праздник или Курбан байрамы в память об Аврааме. Этот праздник отмечается в память патриарха (пророка Ибрагима – А.Б.): мы вместе с евреями говорим (предполагаем), что патриарх хотел принести в жертву своего сына Исаака, однако иранцы (азербайджанские тюрки – А.Б.) говорят, что это был Исмаил и вместо него в жертву был принесён не козел, а баран или верблюд. Жертвенное животное три дня водят по улицам (украсив цветами и травами), а затем его закалывают с соблюдением всех обрядов. Молла или хафиз идут за ним, читая молитвы. После этого начинается выступления с игрой на бубне, зурне и керенае. В это время простолюдины с упорством бегут за

животным, и каждый старается выдернуть из его шкуры волоски (шерсть). Поэтому верблюд к моменту приведения в жертву остается совсем без шерсти. Эту шерсть люди хранят как священный предмет и используют его в трудные моменты жизни. Через три дня верблюда выводят из города, и здесь шесть человек из числа знати образуют круг вокруг верблюда и самый уважаемый из них закалывает животное копьём. Затем к туше верблюда со всех сторон сбегаются люди с топорами и ножами и пытаются отрезать себе кусок мяса. Некоторые помогают друг-другу отрезать кусок побольше, чтобы поделиться им с соседями. Иные варят это мясо и едят, а другие солят и хранят его в течение года как что-то чистое и священное. Ленивые, бездеятельные и слабые люди вынуждены довольствоваться кровью верблюда, его ногами и потрохами. Поэтому на месте жертвоприношения с трудом можно обнаружить следы крови. Праздник продолжается всю ночь до самого утра» [4, сс. 300-301].

Описывая праздничное торжество, Жан Стрейс допустил определенные ошибки. Так, утверждение Жана Стрейса о том, что при церемонии жертвоприношения «со всех сторон сбегаются люди» и стараются завладеть хоть кровью или какими–то другими частями туши животного для того, чтобы употребить их в пищу, невозможно. Потому что, человек, исполняющий обряд жертвоприношения, контролирует разделку мяса животного и его раздачу, согласно обычаю. Кровь и семь органов животного употреблять в пищу запрещено законами шариата [1, с. 230].

Литература и источники:

1. Гасан Яваш. Рехпер ильмихали. Стамбул, 1986.
2. Коран Перевод с арабского В.Буньядова и В.Мамедалиева. Баку, 1992 (на азербайджанском языке).
3. Олеарий Адам. Подробное описание путешествий в Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Составление секретарием посольство Адема Олеарием, пер. с немец. И.Барсова, Москва, 1870.
4. Стрейс Я.Я. Три путешествия. Пер.с. немец. на русский Э. Бородиной. Москва,1935.
5. Хафиз Юсиф Таваслы. Учитель полного намаза. Стамбул, 1990.
6. Хождение Купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

Капланова А.И.,
старший научный сотрудник Карачаево-Черкесского
института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
Российская Федерация, г. Черкесск

САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ В СКАЗОЧНОМ ЭПОСЕ НОГАЙЦЕВ

Аннотация: В статье выявляется функциональное значение сакральных предметов в сказочном эпосе ногайцев. Сказка рассматривается, как отражение культурного достояния народа. Цель работы – выделить роль и смысл волшебных предметов в ногайских народных сказках. Материалом для исследования стали ногайские и русские тексты, под редакцией самих собирателей фольклора: А.-Х.Ш. Джанибекова, С.А. Калмыковой, Б.А. Карасова, А.И.-М. Сикалиева, Т.А. Акманбетова. Результаты исследования могут применяться при изучении народного творчества.

Ключевые слова: сказка, волшебные предметы, мифы, символ.

Одним из увлекательных повествовательных жанров устного народного творчества являются сказки. Народные сказки изначально несут в себе сакральный смысл. В процессе сказа мы встречаем различного рода тайные символы. Их действия обретают ритуальный замысел для получения знаний и внутренней гармонии. Иногда сказка становится вне пределов человеческого представления. Человек всегда стремился увидеть и познать, поэтому в сказках заложено исполнение человеческих желаний. А процесс познания проходит через незначительные предметы, на которые, возможно, мы даже не обращали внимания, но именно они играют немаловажные роли.

Волшебные предметы, приведенные в сказках, не имеют характеристику, они лишь выполняют роль помощников для разрешения сложившейся ситуации, защищают и оберегают героев сказок. Заложенный в ней сакральный смысл служит для развития сюжетов, для наблюдения за сменой условий.

Итак, сакральные предметы, в чем их смысл и значение, вот каким вопросом мы задаемся в каждой сказке. Все эти предметы служат порталом общения между мирами: высшим, средним и низшим, потому что неодушевленные предметы могут создать эту связь с помощью своей незначительной миссии, но которые впоследствии приобретают тайный смысл.

Волшебные сказки в этом отношении имеют преимущественное значение, так как этот жанр является многоплановым. Начнем с известных нам предметов бытового обихода: гребешок, зеркало, палка, кольцо; из мира растений: яблоко, камыш, дерево, лист, которые выполняют роль помощников и защитников человека.

Яблоко («алма») – излюбленный фрукт во многих народных сказках. В ногайских сказочных сюжетах яблоки бывают красными, наливными, золотыми, молодильными, райскими, имеет чудодейственные свойства. В сказке «Исмаил-богатырь» хану встречается старик, который дал ему два яблока. Велел одно поделить с женой и поесть, а второе поделить между жеребцом и кобылицей. После чего кобылица подарит жеребёнка, а жена – сына [1, с. 66]. Яблоко – символ семейства и плодородия, в нем скрыты сакральные свойства исцеления.

В сказках «Три брата» [1, с. 136], «Юноша в змеиной шкуре» [2, с. 13] яблоко исцеляет от болезней и молодит. Золотое яблоко поспевает лишь по одному в каждую ночь, яблоки эти не простые, а со смыслом. Золотая птица любит кушать их и ворует в саду («Золотая птица») [1, с. 34]. В сказках яблоня плодоносит полезными яблоками.

Камыш («камыс»), тростник имеет свойство закрываться и открываться, пока он растет, с его высоты видно все, что происходит в мире, а когда дойдёт до неба, видно, что происходит в высшем мире. Старик, взобравшись на камыш, видит, что вокруг всевышнего ангелы кружатся, а рядом ходят кадии и муллы («Нар камыс») [3, с. 31]. В другой сказке «Луноликая девушка» [1, с. 142] старик из-за мачехи свою дочь оставляет в лесу, где ее у себя прячет тростник. В сказке «Тростник» («Наргамыс») [4, с. 170] девушку выдавали замуж за нелюбимого, тогда камыши пожалели бедную девушку и спрятали ее внутри себя. Камыши в ногайских сказках запускают и выпускают, разговаривают и советуются, если это необходимо. В жизни ногайца камыши всегда играли важную роль в бытовом обихо-

де, из них делали камышовые крыши, строили сараи.

Посох («таяк»), трость, палка, прутик – именно эти предметы неотъемлемая часть сказочного образа старика с белой бородой [5]. На самом деле посох очень полезный предмет для человека преклонного возраста. В сказке «Верный друг» («Алал косак») старик посохом ударом о землю выполняет желания героев сказки. С таким же успехом, если герои незаслуженно получили вознаграждение, ударом палки старик возвращает всё в исходное положение [6, с. 30].

В ногайской мифологии посох («аса-таяк») – инструмент для совершения волшебства, с ним появляется старец в ногайских сказках. «Название термина «аса-таяк» состоит из двух основ аса и таяк – аса – опора, основа, таяк – палка. В мифопоэтике аса-таяк олицетворял Байтерек [7, с, 103] – мировое дерево и использовался святыми («аулие») или божественными покровителями людей» [7, с. 77]. В ногайских сказках посох передаётся по наследству или от волшебника к волшебнику.

Таким образом, посох образовался в результате общения человека с землей и растениями. Как известно и прутик, и палка срезается с живого дерева, только тогда он может оказаться волшебным, перенося чудесное свойство плодородия, обилия и жизни на того, с чем он соприкасается, на ударяемого переносится жизненная сила растения. То же самое приписывается корням, травам и листьям. Сила растения переходит на человека.

Лист («япырак») – обладает свойством исцеления. В сказке «Простак и простофиля» («Анъкылдак пан дуьнъкилдек») лист из необычайного дерева залечивает слепых. Об этом услышал слепой, когда прятался на чердаке мельницы из разговоров животных: медведя, волка, лисы и зайца. Лиса говорит: «У меня есть дерево, вокруг растут цветы, когда закончу есть цветы, взбираюсь на верх дерева и там отдыхаю. Если с него сорвать лист и протереть им глаза, то слепой становится зрячим» [3, с. 62]. После чего слепой спускается с чердака, находит это дерево и исцеляется. Листья являются не только кормом для животных и птиц, они залечивают раны, оберегают и помогают. Растения издревле служили обществу, как лекарства, чаи и биоматериалы.

Волшебные волосы коня, быка, мыши, приведенные в народных сказках, являются сакральными, с их помощью вызывают помощников, которые выручают в трудной ситуации. В волосах есть та же сила, что и в животных. В волоске коня есть сила, как в его уздечке и в костях. Как мы знаем, животные являлись тотемами древних народов, по ним составлены летоисчисление по двенадцатилетнему животному циклу. В мифах и в фольклоре даются их различные описания. В сказке «Кулбулгар» («Куьлбулгар») [4, с. 163] бык встречается на пути с Кулбулгаром. Бык понимает его отчаяние, так как сам является изгоем своего стада. Кулбулгар младший из братьев, они его унижали, оскорбляли и Кулбулгар уходит из дома. Бык дарит ему со лба три своих волоска, если будет нужда надо его сжечь и желания исполнятся. Такие же роли волос играет в сказках «Три брата» [3, с. 37], где волосок коня – сакральный предмет, а в сказке «Хозяин дома, крытого синей жестью» [1, с. 45] – волосок мыши и т.д.

Оселок (заточка) «билев» [8, с. 8] – этот предмет в ногайских сказках принадлежит мифическому дракону – аздаге, хранится он у него в казне. По совету жены юноша в благодарность за свой благородный поступок просит у аздаги черный оселок («кара билев»). Используют его во время долгого пути, но загадать желание может только дочь аздаги, так как является хозяйкой по наследству. «Дочь аздаги вынула оселок, потёрла его и говорит: «Накройся!». В тот же миг вырос красивый дом, а в нем – накрытый стол. Чего только нет на столе! Когда они наелись и отдохнули, жена потёрла оселок и говорит: «Убери!». Тут же всё исчезло и дом, и стол» [1, с. 77]. Оселок в сказках не только для исполнения желания, он пригоден в быту, как необходимый инструмент косаря, для заточки бритв мужчин, на кухне. Является словесным средством в паремиях: «Если ты точилка, то я оселок» («Сен кайракка мен билев», смысл заключается в том, что без ответа не останешься).

Кольцо («юзик») – сказочная бижутерия исполняет желание владельца. Юноша из сказки «Со стороны луны – золотое дерево, со стороны солнца – серебряное» возвращает отцу сына змеи, спасенного им от избивающих детей. За благородный поступок получает кольцо. Провожая юношу в путь, сын змеи раскрыл секрет кольца. – Если скажешь кольцу: «Отара, растянись!» – тут же перед тобой появится огромная отара овец. – Если скажешь: «Столик, накройся!» – перед тобой появится стол с разными яствами». По дороге юноша, его друзья кошка и собака пользовались услугами кольца, стол накрывался,

досыта наедались и со словом «Сып!» стол обратно убирался, и юноша надевал обратно кольцо на мизинец [1, с. 28].

В других ногайских сказках есть таинственное кольцо, за которым герой сказочного сюжета «Старушка с золотым кольцом» («Алтын юзикли куртка») [6, с. 65] отправляется в поиск. Кольцо падает в воду, его находят в глазу рыбы, вытаскивает его оттуда аист, когда кольцо попадает к владельцу, аист превращается в прекрасную девушку. Или героям сказок «Сон» и «Бык с озера» приходится отправляться за кольцом умершей матери [1, с. 124]. Кольцо – символ семьи, передается по наследству, об этом хорошо осведомлены члены семьи и рода.

Гребень («тарак, бастарак») – будничный обиход любой девушки. В сказке «Суюн-Али и Алсувдыр» Алсувдыр попросил у дочерей хана гребень, засунул свой золотой волосок в гребень младшей дочери и вернул ей. Ханская дочь поняла, что юноша не из простых, и тайно влюбляется в него [1, с. 119]. Гребень имеет свойства приворота для влюбленных и свойства защиты, как в следующей сказке «Три девушки и четыре елмавыза» [1, с. 129]. Сестры-девушки убегая от елмавызов-людоедки бросили в дорогу гребень и «вырос на том месте густой непроходимый лес», что преграждал путь преследователям, а впереди них расстилалась «гладкая дорога» [1, с. 131].

Зеркало («бияла») – данным предметом, как известно, всегда пользуются девушки, свои волшебные свойства оно начинает проявлять в отношении к обыр куртка – ведьмам или елмавызам-людоедкам, чтобы защитить свою хозяйку, «сестра бросила зеркало на дорогу со словами: «Пусть позади нас будет ущелье, а впереди нас ровная дорога» [1, с. 131]. Считалось, что в зеркале отражена душа хозяйки, в ней скрыты таинства, известные многим ведьмам. Его можно использовать как в белой, так в чёрной магии. Зеркало и гребень в сказочном эпосе ногайцев – необходимые атрибуты для незамужних девушек. Но братья-тройняшки тоже могли использовать «чудесное» зеркало. Всех братьев послала девушка отыскать для неё «диковинные вещи». «Один из братьев увидел на базаре зеркало. Оно стоило тысячу рублей… Зеркало не простое, в нём можно увидеть всё, что пожелаешь… Другой брат увидел на базаре красивый ковёр, который тоже стоил тысячу рублей… не успеешь моргнуть, как перенесет тебя в любое место. Третий брат увидел у старика на базаре яблоко, которое исцеляет от любой болезни. Девушку исцелило яблоко, по совету старика за того брата и вышла она замуж» [1, с. 137].

Ковёр («кийиз», «каьлше») вид воздушного транспорта, широко применяемый в восточных сказках. Удобен для передвижений на большие расстояния. Широко распространен и в ногайских народных сказках, в таких как «Три брата» («Уьш кардаш») [3, с. 37], «Слуга и ханская дочь» («Кул эм хан кызы») [3, с. 35].

Книга известна в сказочном эпосе ногайцев как «кийиз китап», литературный перевод – «всезнающая книга». На вид обыкновенная книга, без названия и года издания, предсказывает будущее, знает, что случится наперёд [9]. Владелец книги живёт где-то на краю от населенных пунктов, люди к нему приходят и просят посмотреть, а не прочесть будущее, так как в сказках не читают. О существовании подобной книги герои сказок знали всегда, могли даже использовать в своих нечестных целях, но это как всегда не проходит безнаказанно [3, с. 80]. Вещь в ногайских сказочных сюжетах весьма редкая, но существенная.

Число волшебных предметов превалирует, с их помощью герои достигают своей цели. Волшебные предметы можно распределить по видам: предметы орудия (посох, топор), вызывание духов (волос, кольцо), растения (дерево, яблоня, камыш, листья), дарующие жизнь (яблоко, вода) и вечное изобилие (оселок, кольцо). Их назначения и направления движения (стрела – «ок», яблоко – «алма»), говорят правду и показывают (зеркало – «бияла», книга – «кийиз китап»), исполняют желания («кольцо – «юзик», посох – «таяк», волосок – «шаш, туьк»), помощники («гребень – «бастарак», зеркало – «бияла»), переносят (ковёр – «кийиз», верёвка – «аркан», камыш – «наргамыс»), хранят тайны (сундук – «сандык», мешок – «шувал», «кап»), возвращают здоровье и молодят (яблоко – «алма», мясо гуся – «каз эт»), дает советы (тростник – «камыс», кукла – «куршак», дерево – «терек»). Если сказочные персонажи представляются как души ушедших предков, то сакральные предметы их связующая нить, служат помощниками и защищают от несчастий, как талисманы и обереги заключают в себе магическую силу. Помимо воспитательной функции, сакральный смысл предметов ведёт к познаниям мироздания, к изучению обрядов инициации, к духовному богатству.

Ногайский народный сказочный эпос – эта живая летопись национальной культуры народа, как памятник далёкого прошлого, так и настоящего. Народная сказка играет важную роль в сохранении культуры народа, способствует сохранению богатств родного языка.

Литература и источники:

1. Ногайские народные сказки //Предисловие Е.С. Котляр. Составитель и перевод с ногайского Аждаут Найман. М., Издательство «Наука». 1979.
2. Ногай эртегилер /Туьзуьвши С.А. Калмыкова. Тил, литература эм историядынъ научно-исследовательский институты. Ставрополь книгоиздательствосынынъ Карашай-Шеркеш отделениеси. Черкесск, 1967. – 144 б.
3. Ногай эртегилери /Ногайские национальные сказки. //Составление Шихмурзаева Дж. Махачкала, 1993. – 169 с.
4. Бурын-бурын заманда. /В те давние времена. //Составитель Б.А. Карасов. Черкесск, 1994. – 232 с.
5. Капланова А.И. Архетипический образ старца в ногайском сказочном повествовании //Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Черкесск – Карачаевск. 2019. С. 239-240. Электронный ресурс.
6. Алал косак / Верный друг // Составитель Т.А. Акманбетов. Черкесск, 1985. – 72 с.
7. Капаев И.С. Ногайские мифы: легенды и поверья. Опыт мифологического словаря. Москва «Голос-Пресс», 2012. – 424 с.
8. Ногайско-русский словарь. /Под ред. д.ф.н., профессора К.М. Мусаева. Составители С.А.-Х. Джанибекова, М.А. Булгарова, С.А. Кукаева. – М.: «Наука», – Восточная литература – 2018. – 896 с.
9. Полевая запись А.И. М. Сикалиева. Болаякты айтувшы китап. Архив КЧИГИ. Опись 21. Ф. 2. Д. 27.

Кармов Руслан Карнетович,
заведующий отделом редких книг научной библиотеки
Кабардино-Балкарского государственного университета
Россия, г. Нальчик

АБАЗИНЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Статья посвящена весомой роли «малых» народов Северного Кавказа, в исторических событиях XIX века на примере абазин. Используются ссылки на новые, ранее неиспользовавшиеся источники в освещении вопроса.

Ключевые слова: Абаза, Абазины, Адыги, Кабарда, Черкесы, отношения, географическое положение.

За Кавказ во все времена шла борьба, и в этой борьбе участвовали практически все великие державы древности. Не были в стороне от военных действий и абазо-адыгские народы, обладавшие серьезным влиянием на Кавказе.

Наиболее благоприятные условия для жизни абазо-адыгов на Кавказе наступил с 1382 года по 1517 год, когда в Египте власть захватила черкесская династия мамлюков, оказавшая огромную поддержку своим собратьям на Кавказе оградив их от военных претензий других государств. Но, когда последний султан Египта, происходящий из мамлюк-черкесов Ал-Ашраф Туманбай [20, с. 112] был повешен, 13 апреля 1517 года, начались активные военные действия против черкесов Кавказа.

Жестокие военные походы против абазо-адыгов совершил крымский хан Сахиб Гирей, правивший с 1532 года по 1551 год. За это время Сахиб Гирей совершил девять крупных походов, санкционированных Портой, четыре из которых были направлены против Черкесии. В одном из этих походов упоминаются абазо-черкесы, проживавшие около Эльбруса [7, с. 39].

Кто такие эти абазо-черкесы? По нашему мнению, абазы, проживавшие в XVI веке на территории Северного Кавказа, являются предками тех, кого сегодня принято называть абазинами.

Этноним абазины не получил консолидированной оценки в науке. О его этнической принадлежности существуют разные версии, но мы солидаризуемся с мнением исследователя абазинского языка А.Н. Генко, который считал, что термином Абадзе или Абаза адыгские племена называли абхазские племена, проживавшие по обо стороны Кавказского хребта и: «На основе этого-то черкесского термина абаза… с XVIII в., упрочился русский термин «абазин» [5, с. 7, 8]. Соглашаясь с выводами ученого о времени и месте появления термина «абазин» мы считаем, что в XVIII – начале XIX века абазинами называли именно представителей так называемой Шестидольной Абазы или Алтыкесек.

Этого же мнения придерживался Иосиф Дебу, который служил на Кавказской линии и был лично знаком не только с кабардинцами и абазинами, но и пытался изучить историю взаимоотношения абазин с кабардинцами. Дебу также считает, что под названием Абазины понимались именно Алтыкесеки [8, с. XXI.].

Наше мнение подтвердили и составители Географическо-статистического словаря Российской Империи. Под названием «Абазинские племена», перечисляют все абазо-говорящие племена, проживавшие на Северном Кавказе, начиная с: «1. Абаза или абазинцы, по рекам Куме, Подкумку и Кубани» [6, с. 2] и Бешилбай, Там, Шагирей, Кизильбек, Баг, Баракаи. Но подтверждением того, что абазинами авторы считают только шестидольных является следующая статья: «Абазинцы или Абаза», где они записаны, как часть абазинского племени и в перечень составляющих абазин записаны: Лоовцы, Дударуковы и т.д., то есть собственно те, которые и составляли шестидольную абазу.

Согласно информации кабардинского исследователя, XIX века Шоры Ногмова, родоначальник кабардинских князей Инал был женат первым браком на абазинке, и сподвижниками князя Инала были абазинские князья Аше и Шаше [12, с. 69]. Этот источник позволяет предположить, что абазины в XIV веке, не только жили на Северном Кавказе, но и обладали военно-политическим влиянием, о чем свидетельствует сам факт женитьбы Инала на дочери абазинского народа.

О влиянии и силе абазин свидетельствует и список: «новоприблых государств... в 1587-1589 г.» [2, с. XVI], где перечисляются «... Черкесская

земля, Кабардинские, Абазинские...». Сам перечень вошедших в состав Московского великого княжества народов, свидетельствует о высоком их социально-политическом статусе в среде кавказских народов, многочисленности и влиятельности.

Воспоминания о бывшей когда-то силе и многочисленности абазин записаны в книге Иосифа Дебу [8, с. 122]. Он же о значении абазин в военной мощи кабардинцев свидетельствовал: «Кабардинцы, лишась столь сильного для них вспомоществования абазинов, численность которых состояла тогда из 17 тыс. душ, сделались после отступления их и сами менее строптивыми» [9, С.68.].

Былую мощь и значение абазинского народа отмечали и более поздние исследователи. Л.И. Лавров, изучавший абазин и защитивший кандидатскую диссертацию по истории абазин, писал: «…Лоу (так именовалась самая крупная княжеская фамилия у абазин, игравшая немаловажную роль в истории Кабарды)» [11, с. 138].

В 1927 году, в историко-этнологическом и экономическом очерке «Адыгея», о роли абазов на Западном Кавказе было написано «Особенно видную роль в жизни и взаимоотношениях закубанских горцев играли выходцы из Абхазии – абазы» [1, с. 29]. Но в 1957 году в эта фраза была заменена на: «Сокращаясь численно, абазины сыграли выдающуюся роль в формировании черкесских племен, так как значительная часть абазин влилась в их состав» [15, с. 154-155].

Если у абазин была своя территория, то возникает вопрос: «Где проходила граница между Кабардой и Абазинами?». Эвлия Челаби, указывает, что граница между Кабардой и абазинами тянется от слияния Кумы и Подкумка к горе Бештау. Ф. Гааз сообщает, что «Эта река Ессентук собственно говоря образует границу Большой Кабарды с Абасси, а также с губернией и Кавказской линией» [4, с.53]. В переводе Т. Черноситовой эта фраза звучит «Речка Ессентук образует границу Большой Кабарды и отделяет Кавказскую линию от губернии» [3, с. 47]. Известный исследователь В. Броневский пишет, что «Кабардинские, так черкесы называют горы, окружающие Пятигорск, имеют следующие названия 1. Песчанная (Кум-гора). 2. Мертвая. 3. Верблюд. 4. Змеиная. 5. Железная. 6. Пятигорская (Бештау) 7. Машук и 8. Лысая гора. Горы сии некогда составляли границу между Кабардою и Абазиею, так что Кисловодск в 40 верстах от Пятигорска находящийся принадлежал к Абазии» [13, с. 35].

Эти выводы подкрепляются и археологическими данными: «Район Пятигорья или Кавказских Минеральных Вод в XV-XVIII вв. был населен несколькими народами. В долинах рек Подкумок и Кума наряду с кабардинскими и ногайскими селениями располагались аулы равнинных абазин – тапанта» [10, с. 25.].

Но со временем возросла военная мощь кабардинцев и они, стали гегемонами на Кавказе. Кабардинские князья стали расширять зоны своего влияния и одними из первых жертв этой политики стали абазины. Часть абазинских владельцев уже в XVII веке оказались в зависимости от кабардинских князей. Но необходимо отметить, что в зависимости находилась только часть владельцев, а часть являлась фактически только союзниками кабардинцев. Эти отношения характеризуются фразой, сказанной старшим князем Кабарды и записанной И. Барковским в 1747 году: «а что де крымской хан хочет нас войной разорить, того мы не очень боимся. Есть ли будет Е.И.В. повеление с союзными с нами народами (темиргойцы, абазины, бжедуги, сапых, убых) соединиться» [16, л. 54].

Укрепление позиций России на Северном Кавказе кардинально изменили социально-политическую ситуацию в регионе. При таком раскладе сил выросло значение Кабарды, как мощной силы на территории Центрального Кавказа. Известный историк С.М. Соловьев писал «Что в Европе Польша, то в Азии была Кабарда» [18, с. 386], а так как военная мощь кабардинцев во многом зависела от родственных им абазин, то сложившиеся обстоятельства затрагивали и их интересы.

Кабарда, оказавшись между Россией и Турцией, вынуждена была лавировать в отношениях между ними, чтобы сохранять свою независимость. Разделившись на две враждующие партии, кабардинские князья периодически меняли отношения с великими державами региона. При этом качество отношений с северным соседом было несравненно выше, чем с Турцией. «Нужно отметить, что в описанный период времени, когда Россия не имела еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказе свое владычество, – писал Н.Ф. Грабовский, – кабардинцы стояли на стороне последней совершенно добровольно» [17, с. 118].

Русско-турецкая война завершилась Белградским мирным договором 1739 года, по которому

Россия были лишена возможности иметь выход к Черному морю. Кабарда была объявлена свободной и независимой от влияния обеих империй. Но политический статус и принадлежность абазин-алтыкесек оговорен не был. Порта считала всех абазов, в том числе и абазин своими подданными, а послы России утверждали, что абазины являются подданными кабардинцев, и значит являются независимыми от Турции. Понятно, что в случае обострения ситуации в регионе, проблема статуса абазин всегда могла стать поводом к очередной войне России и Турции.

Такой повод появился в 1768 году, вылившийся в очередную русско-турецкую войну. Для возмущения «подвластных» Турции народов, на Кубань был послан отряд генерал-майора И.Ф. Медема, который в 1769 году, двинулся на Кубань. В Кабарду были возвращены кабардинцы, ушедшие сюда в результате агитации турецких эмиссаров, а представители абазин-башилбаевцев и абазины подали прошение о вступлении в российское подданство.

В то же время кабардинские князья, видя, что подвластное им население из-за войны и болезней сильно сократилось пригласило абазин к добровольному переселению на их землю и под свою опеку. Об этом в 1834 году писали сами абазины: «Назад тому лет 26 по приглашению князей полковника Кучука Джанхотова и Каспота Кильчукина переселились они в числе 15 семейств в Кабарду» [21, л. 26].

Дружественные отношения адыгов с абазинами являлись необходимостью, так как единственной связью между Северным Кавказом и Абхазией в XIX веке оказались абазины, которые контролировали не только проход через горы, но и имели тесные родственные связи на обеих сторонах Кавказского хребта. Понимая значение народа Абаза в расстановке сил на всем Кавказе, и абазин на Северном Ермолов писал: «Абазинцы – народ, подвластный Турции, теперь уже в большом количестве имеют вооруженные лодки и производят около берегов разбои. … при равнодушии с нашей стороны к сему предмету в короткое время купеческие суда наши не будут сметь приходить в Редут-кале, и мы лишимся подвоза из России провианта, которого, не имея здесь в земле, не в состоянии будем защищать владения наши и тогда не одной Абхазии лишиться можем» [14, с. 653].

После покорения Кавказа началось массовое переселение народов Северного Кавказа в Турцию, в том числе, абазин. Причин было много, но интересна оценка генерала Р. Фадеева: «Позволяя выселяющимся в Турцию горцам уводить массою своих крепостных, мы лишали себя рабочих рук, чрезвычайно трудолюбивых, смирных и ни в каком отношении не опасных людей» [19, с. 69].

Все эти действия администрации, посредством оттеснения абазинского населения с гор, выселения его за пределы империи и ассимиляции среди братских адыгов сократили численность ныне живущих абазин до опасного предела, грозящего потерей самоидентификации.

В заключении скажем о том, что в ходе Кавказской войны абазины оказались в центре военно-политических событий. Являясь посредниками между адыгами и абазами, они поддерживали тесное взаимодействие между ними. Учитывая географическое положение абазин и всех родственных им абазов и абхазов, они обеспечивали связь адыгов с внешним миром, через посредство портов на берегу Абхазии.

Литература и источники:

1. Адыгея. Алиев У. Городецкий Б.М. Сиюхов С. Севкавкнига-Крайнациздат. Ростов на Дону. 1927.
2. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Выпуск 1-й. 1578-1613 гг.
3. Гааз Ф.П. Моё путешествие на Александровские воды. Сост. Ю.Г. Куликов; Предисл. Л.В. Жарова и Т.Л. Черноситовой. Пер. с франц. Т.Л. Черноситовой. Ставрополь. 1989.
4. Гааз Фредерик-Джозеф. Ma visite aux eaux d'Alexandre en 1809 et 1810. M. 1811. 365 с.
5. Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955.
6. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т.1. Под редакцией П.П.Семёнова-Тянь-Шанского. При содействии действительных членов РГО В. Зверинского, Н. Филипова, Р. Макка. Типография В.Безобразова и Компании. СПб. 1863.
7. Гокбельгин Озалп. «Tarih-i Sahib Giray Han» («Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551». Анкара 1973 г. 313 с.
8. Дебу И. О кавказской линии и присоединенном к ней черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию, и о собственных горских народах. Типография Карла Крайя. СПб. 1829. 464 с.

9. Дебу И. О кавказской линии и присоединенном к ней черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию, и о собственных горских народах. // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-западного Кавказа. Т.1.

10. Егоров Н. К итогам Кисловодска // Кавказский вестник. Пятигорск. 5.01.1943. Рунич А.П. Поселения прошлого века на Кавминводах // Кавказская здравница. Пятигорск, 22.09.1978. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск. 2002.

11. Лавров Л.И. «Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора». // Советская этнография. 1969. № 2. С. 136-141.

12. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1958 г.

13. Описание Донской земли и Кавказских минеральных вод В Броневского. Часть 3 и 4. СПб 1834. 360 с.

14. Отношение ген. Ермолова к гр. Нессельроде от 16 июля 1820 г. // Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. 6. Часть 1.

15. Очерки истории Адыгеи. Ответ. Редактор С.К. Бушуев. Т. 1. Майкоп. Адыгейское книжное издательство. 1957. 483 с.

16. Российский архив древних актов. Москва. Ф. Кабардинские дела. Д. 9.

17. Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск IX. Тифлис 1876.

18. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга 13. М., Мысль, 1965.

19. Фадеев Р. Собрание сочинений. Т. I. СПб. 1889.

20. Хатко С.Х. Черкесские мамлюки. Майкоп. 1993.

21. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И1. Оп. 1. Д. 49.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧✧

Османова Милена Нуриевна,
старший научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Российская Федерация, г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА В 20-30 ГГ. XX ВЕКА

Аннотация: В статье рассмотрен процесс формирования системы охраны памятников истории и культуры в Дагестане, проходивший параллельно с научным изучением самобытной культуры края. В 20-30-е гг. XX века в Дагестане проводились выявление, паспортизация и реставрация памятников искусства и старины, а также новых памятников периода революционного движения и гражданской войны. Наряду с открытием музеев, популяризацией историко-культурного наследия, среди местного населения велась работа по разъяснению значения археологических находок и предотвращению их расхищения и уничтожения.

Ключевые слова: охрана памятников искусства и старины, памятники материальной культуры, памятники архитектуры, памятники периода революции и гражданской войны, материальная культура горских народов, национальное краеведение, народное достояние.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в настоящее время является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации всех уровней.

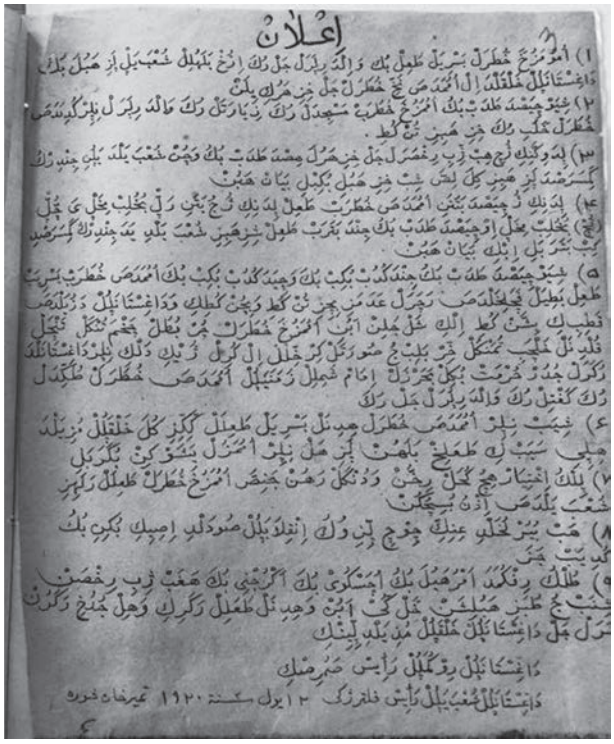
В разные исторические эпохи нашей страны охрана культурного наследия имела свои особенности – как правило, охранные меры не носили системного характера и были направлены в основном на сохранение сакральных и утилитарных ценностей.

После победы Октябрьской революции и прихода к власти большевиков в Советской России были созданы основы государственной политики в отношении историко-культурного наследия. Они были закреплены Конституцией, принятой на V Всероссийском съезде Советов 10. 07. 1918 г., а также другими законодательными актами, согласно которым памятники старины были объявлены народным достоянием, подлежащим охране.

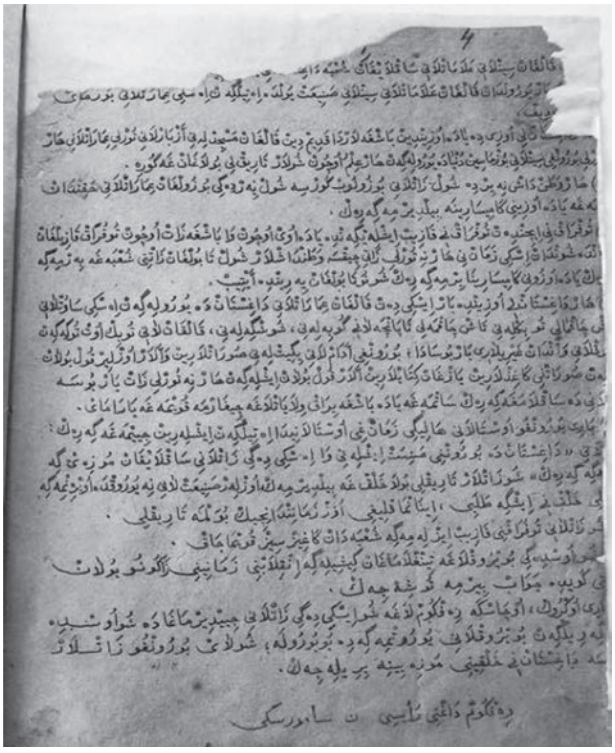
В Дагестане Советское правительство еще в начале 20-х годов XX в. приняло официальные документы и предприняло ряд практических мер, целью которых стала охрана памятников самобытной материальной культуры региона.

26 марта 1920 г. при Революционном совете обороны Дагестана и Северного Кавказа (на территории региона еще шли военные действия) был образован Комиссариат просвещения и печати. При нем был создан Отдел внешкольного образования и искусств. Позднее, после образования Ревкома Дагестана, в составе его отдела просвещения и печати учреждается специальная секция, на которую возлагалась охрана памятников искусств и старины.

21 июня 1920 года Секция охраны памятников искусства и старины отдела просвещения Дагревкома издала «Объявление» за подписью Председателя Ревкома Дагестана Н. Самурского и Заведующего секцией по охране памятников искусств и старины С.А. Полторацкого, содержащее призыв к «хранить памятники искусств глубокой старины, дорогие каждому горцу, как творчество и идеалы его предков» [ЦГА РД, 1, Л.7]. Каждый горец не должен «разрушать и расхищать остатки древних зданий: мечетей, дворцов и других памятников искусств, имеющих художественно-историческое и научное значение», и не допускать других делать это. При случайных находках разных произведений искусств, скрытых в недрах земли, при производстве земляных и строительных работ, и в других случаях, каждый «горец-гражданин» обязан сдать найденные произведения искусств непосредственно Секции охраны памятников или своему комиссару с точным указанием места нахождения их. Для жителей Дагестана – горцев, не владеющих русским языком, приблизительно такие же по содержанию «Объявления» были написаны от руки на кумыкском и аварском языках с использованием арабской графики [ЦГА РД, 1, Л. 3]. В 2019 г. эти документы были переведены сотрудниками отдела востоковедения Института ИАЭ ДФИЦ РАН Маламагомедовым Д.М. (с аварского языка) и Ханмурзаевым И.И. (с кумыкского языка) по просьбе автора, что позволило сравнить их содержание с русскоязычным текстом.



Текст «Объявления» на аварском языке.



Текст «Объявления» на кумыкском языке

В последующие годы правительством республики были приняты специальные постановления об охране исторических памятников, в которых было обозначено, что все памятники старины должны быть взяты на учет местными исполкомами при помощи работников просвещения, описаны согласно инструкции, а весь «описательно-регистрационный материал» передан на хранение в местные органы власти, а один экземпляр – в Дагестанский музейный комитет, находившийся в г. Махачкала [4, С. 175].

Органам охраны правопорядка предписывалось проявлять внимание к охране памятников старины, а население должно было быть поставлено в известность, что хищение и порча исторических памятников являются преступлениями и подлежат уголовной ответственности [ЦГА РД, 2, Л. 111].

Как известно, в стране в 20-е гг. XX века было тяжелое экономическое положение; культурная политика в первые и последующие годы Советской Власти находилась в стадии формирования. На этом фоне началась массовая распродажа предметов искусства и старины как на территории страны, так и за ее пределами, несмотря на то, что вывоз за границу официально запрещался.

Секция охраны памятников искусства и старины отдела просвещения Дагревкома во избежание этого негативного процесса в республике открыла в июле 1920 г. в Темир-Хан-Шуре «Народный музей Дагестана». Музей должен был собирать и популяризовать наиболее выдающиеся памятники искусства и материальной культуры. Уже к началу 1921 г. удалось собрать коллекцию, включающую ряд редких предметов искусства Дагестана и народов Востока [ЦГА РД, 2, Л. 4].

С 1922 по 1929 гг. должность наркома просвещения занимал А. А. Тахо-Годи, ставший одним из основоположников национального краеведения. А. А. Тахо-Годи, сочетавший в себе черты историка, этнографа и краеведа, решал вопросы национально-культурного строительства Дагестана и заложил основы современного историко-краеведческого изучения Дагестана и Северного Кавказа [8].

По мнению А.А. Тахо-Годи, большую роль в развитии общества играют наука, культура, приобретение знаний. Он считал, что особенно велика роль науки в деле социалистических преобразований во всех сферах жизни и деятельности населения Дагестана. Аргументируя это положение, он в своей речи на республиканском совещании мусульманской духовной элиты (февраль 1925 г.) отмечал, что «дагестанцы, будучи маленьким народом, больше всех нуждаются в знаниях в мире борьбы, поскольку большой народ может рассчитывать на свою силу, а маленький – только на знания» [2, С. 98-101].

В первые же годы после установления Советской власти в Дагестане началось широкомас-

штабное изучение истории и археологии края, а также языков и фольклора дагестанских народов. В 1923 г. с этой целью в регион была направлена экспедиция в составе профессоров-лингвистов Н.Ф. Яковлева, Л.И. Жиркова, искусствоведов А.С. Башкирова, Н.Б. Бакланова и других [7, С. 42]. Экспедиция обследовала почти весь Нагорный Дагестан и собрала ценный материал, представляющий огромный интерес для науки.

В 1925 г. в Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкесии, Абхазии и Сванетии побывал научный сотрудник Комитета по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР Е.М. Шиллинг. В общей сложности он провел более 30 научных командировок и экспедиций в различные районы Кавказа, где собрал уникальный историко-этнографический материал, отображающий различные стороны культуры и быта кавказских народов. Основной научный труд Е.М. Шиллинга – «Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды» [9], написанный на основе обширных материалов, собранных автором во время неоднократных поездок в Кубачи и соседние селения, а также с использованием сведений письменных источников, литературных данных, легенд и преданий и т.д., посвящен изучению истории, материальной и духовной культуры, общественного быта и социального строя, а также искусства кубачинцев. В монографии подробно описаны жилища, оборонительные сооружения, одежда, украшения и другие составные части материальной культуры жителей аула [6, С. 152].

Много лет исследованием прикладного искусства Дагестана занимался видный ученый А.С. Башкиров. Его перу принадлежат интересные, актуальные и в наше время работы: «Средневековый памятник дагестанского аула Калакорейш» (1926 г.), «Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи» (1929 43 г.), «Петрографика Аварии» (1930 г.), «Искусство Дагестана» (1931 г.) [3, С. 115]. Под руководством проф. А.С. Башкирова были произведены раскопки, а также исследования оборонительных стен Дербентского укрепления, в том числе стены «Дагбары», Белиджинское городище Топрах-Кала, городище Армен-Кала в дельте Самура, а в районе Махачкалы зафиксированы остатки двух оборонительных стен, параллельно идущих от гор до самого моря [1, С. 8]. Археологический отряд, в общем, произвел разведывательные раскопки в шести пунктах и собрал коллекцию из 130 предметов. С 1936 по 1939 гг. в Дагестане работала Северокавказская археологическая экспедиция ГАИМК-ИИМК АН СССР,[1] которая продолжила свою работу и в послевоенные годы. Ее деятельность положила начало планомерному, систематическому археологическому изучению памятников на территории Дагестана. В предвоенные годы Северокавказская археологическая экспедиция работала под руководством А.П. Круглова (1936 г., 1939 г.) и М.И. Артамонова (1937 г., 1938 г.). Были разведаны археологические памятники в окрестностях сс. Анди, Ботлих, Хунзах, Хаджалмахи, Леваши и г. Буйнакска, раскопан целый ряд памятников, часть которых относится к раннему средневековью и каякентско-хорочоевской культуре [1, С. 8]. Большое внимание было уделено изучению архитектуры Дербента, исследованиям Каякентского и Джемикентского поселений. Среди находок, сделанных экспедицией – культовые бронзовые статуэтки [1, С. 9].

Интерес государства к объектам археологического наследия вызывал, в свою очередь, повышенное внимание местного населения к предметам, обнаруженным при проведении археологических раскопок, а также земляных работ, строительстве дорог и т.д. Бывали случаи, когда найденные в процессе раскопок древние предметы, особенно из драгоценных металлов, переплавлялись, продавались «несознательными гражданами».

В Буйнакском районе, в 1,5 км к северо-востоку от селения Верхнее Казанище на крутом склоне отрога горы, на правом берегу реки Атлан-озень находится Агачкалинский могильник, упомянутый Е.И. Козубским в Дагестанском сборнике [5]. Здесь несколько склепных могил в 20-е гг. было разграблено местным жителем Раджабовым [ЦГА РД. 5, Л. 4].

В 1936 г. колхозниками М. Омаровым и Б. Магомедовым при земляных работах на склоне кургана, расположенного на перевале возле дороги в с. Мулебки, был обнаружен каменный склеп, в котором, по словам жителей, вместе с глиняными сосудами были найдены ромбовидные золотые серьги, впоследствии проданные на базаре в г. Махачкала [ЦГА РД. 5, Л. 1].

Аркасский могильник государственного значения времен раннего средневековья в том месте, где были видны выходящие на поверхность ка-

[1] Государственная академия истории материальной культуры, в 1937 г. переименована в Институт истории материальной культуры, в настоящее время функционирует под этим же названием.

менные ящики прямоугольной формы, был неоднократно разграблен кладоискателями [ЦГА РД, 5, Л. 10]. Таких примеров можно привести немало.

Комитет по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ДЦИКа неоднократно призывал местные руководящие органы проводить разъяснительную работу среди населения, организовывать документальную фиксацию находок, наказывать за присвоение найденных ценностей.

Основываясь на решении III сессии ЦИК ДАССР 6-го созыва от 5 мая 1928 г., Президиум ДагЦИКа признал необходимым «принять под особую охрану все памятники старины г. Дербента. Далее следует перечень: цитадель, стена на всем протяжении, кладбище Кырхляр в полном объеме, выдающиеся памятники на других кладбищах, землянку Петра Великого, дом, где жил поэт А. Бестужев-Марлинский, и др. [ЦГА РД, 3, Л. 111].

В 20-е-30-е годы в Дагестане появился новый вид памятников – памятники периода революционного движения и гражданской войны, которые также нуждались в выявлении, паспортизации, реставрации, а также популяризации их в массах.

О состоянии охраны памятников революции, искусства и культуры, а также о финансировании работ, связанных с проведением охранных мероприятий, свидетельствуют финансовые отчеты и сметы, хранящиеся в ЦГА РД.

Сохранился один любопытный документ, озаглавленный «Объяснительная записка к смете Комитета по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ДЦИКа», датированный 1936 годом, где говорится, что «состояние памятников старины, искусства и культуры в Дагестане ниже всякой критики, поскольку никакие организации и учреждения этим вопросом не занимались» [ЦГА РД, 4, Л. 99]. Первоочередной задачей, по мнению составителя этой записки Зам. Председателя КОПРИК[1] при Президиуме ДЦИКа Дж. Атаева, является организация этой охраны и возможная реставрация ряда памятников. Плохо обстоит дело с учетом, выявлением и паспортизацией памятников, которая вообще не проводилась. Не проводилась также популяризация истории возникновения отдельных памятников и значения их охраны. Ввиду этих причин возникла необходимость создания Специального Комитета Охраны памятников при Президиуме ДЦИКа, который и был создан специальным постановлением Президиума ДЦИКа от 17 июля 1935 г. в составе 6 членов комитета, которым на период по ноябрь-декабрь 1936 г. была отпущена сумма в размере 6893 рубля на первоначальные расходы. С учетом минимальной программы работы на 1936 год смета расходов составляет 68188 руб. В эту сумму входит графа: «мероприятия по паспортизации 40 наиважнейших памятников Дагестана» оцененные в 30.000 руб. [ЦГА РД, 4, Л. 100]. Цифра эта, по мнению составителя объяснительной записки, скромная, если учесть тот факт, что установка чугунных мемориальных досок, заказ их вместе с пьедесталом, а то и с целым каменным сооружением на местах исторических боев, требует больших расходов по оплате архитектора (в оплату входит составление смет, чертежа, командировки на места). Ряд ценнейших памятников материальной культуры (камни и пр.) находится без прикрытия во дворе Дагмузея. Для организации их показа и т.д. требуется установка навеса, стоимость установки – 3.000 руб. В «Объяснительной записке» также оговорено, что в эту сумму не входят расходы по хотя бы частичной реставрации памятников г. Дербента, поскольку Комитет считает, что эти расходы должны взять на себя Комитет по Охране памятников при Президиуме ВЦИКа [ЦГА РД, 4, Л. 100].

Публикации о значении памятников революции планировались к написанию на 6 дагестанских языках и должны были быть изданы в журнале «Компросвещение». Стоимость написания одной статьи оценена в 240 рублей. Кроме того, планировалось провести фотографирование памятников и составить фотоальбом с этикетажем в 3 экземплярах (это оценено в 900 руб). Стоимость одной мемориальной доски с отлитой на чугуне надписью – 750 руб.

В штатном расписании КОПРИК в 1936 г. значилось 7 человек: 3 человека – в г. Дербенте и Дербентском районе; 1 человек – в г. Махачкале с районом, 1 человек – в г. Буйнакске, 1 человек – в Хасавюртовском районе, 1 человек – в Гунибском районе.

Из содержания записки становится ясно, что на 1936 год число важнейших памятников революции, истории и культуры в Дагестане республиканского значения (не считая памятников Дербента, имеющих всесоюзное значение) насчитывалось 40 единиц. Скорее всего, речь идет

[1] Комитет по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ДЦИКа

не только о памятниках средневековой архитектуры, но и памятниках революции и гражданской войны, которые находились во многих населенных пунктах и не всегда обозначались наличием какого-либо строения. Установка стел и мемориальных досок на местах расстрела большевиков и красноармейцев, в местах битв гражданской войны стало первоочередным делом для Комитета по охране памятников революции, искусства и культуры. Кроме того, рассылались директивы о неудовлетворительном состоянии паспортизации исторических и археологических памятников, которая в то время только начиналась. Составление полного списка подлежащих охране объектов и архитектурных памятников Дагестана, имеющих всесоюзное и республиканское значение, первоначально возлагалось на Дагмузей, а позже на отдел при Наркомпросе. Список был составлен, он несколько раз переделывался и дополнялся. Его первоначальные варианты пока не обнаружены, однако он с изменениями и дополнениями зафиксирован в материалах ЦГА РД за 1939 г.,1948 г., 1958 г. [ЦГА РД, 6, ЛЛ. 1-5].

Можно сделать вывод, что, с одной стороны, партийно-государственное руководство рассматривало охрану памятников истории и культуры как дело государственной значимости, осуществило их национализацию, впервые создало органы руководства данной сферой, но, с другой стороны, памятники, не соответствовавшие идеологический доктрине большевиков (памятники, возвышающие царскую власть, церковь), разрушались или игнорировались. В итоге в указанный период произошла политизация всей деятельности по сохранению и использованию историко-культурного наследия.

Литература и источники:

1. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. 322 с.
2. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. О вкладе А.А. Исаева в изучение творческого наследия А.А. Тахо-Годи. Рец. на кн.: Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Ч. II. Сост., автор статьи и комментарий А.А. Исаева. Махачкала: ИИАЭ, ИЯЛИ ДНЦ РАН. 2007. 418 с. // Вестник Института ИАЭ. 2008. № 1. С. 98 – 101.
3. Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане (1920–1940 гг.) Махачкала, 1960. 183 с.
4. Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала, «Дагестанское книжное издательство», 2007. 463 с.
5. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Выпуск 1. Темир-Хан-Шура, «Русская типография» В.М. Сорокина, 1902 г. 730 с.
6. Маммаев М.М. Он заложил основы этнологии Дагестана (К 120-летию со дня рождения видного этнографа-кавказоведа Е.М. Шиллинга (1892–1953) // Вестник Института ИАЭ. 2012. № 4. С. 149–163.
7. Нагиева М.К. Некоторые вопросы становления и развития гуманитарной науки в Дагестане в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Института ИАЭ. 2007. № 3. С. 38 – 46
8. Научное наследие Алибека Тахо-Годи. Ч. II. Составитель, автор статьи и комментария А.А. Исаев. Махачкала, 2007. 418 с.
9. Шиллинг Е.М. «Кубачинцы и их культура: Историко-этнографические этюды» М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 223 с.

Материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД)

1. ЦГА РД. Ф. 34-р, Оп. 6. Д. № 2
2. ЦГА РД. Ф. 34-р. Оп 6. Д. № 3
3. ЦГА РД. Ф. 37-р. Оп. 20. Д. 100
4. ЦГА РД, Ф. 37-р. Оп. 20. Д. № 223
5. ЦГА РД. Ф. 1252-р, Оп. 6. Д. № 135
6. ЦГА РД. Ф. 1188-р. Оп. 2. Д. № 16

Сефербеков Р.И.,
главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН Российская Федерация, г. Махачкала

СТРУКТУРА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ДАГЕСТАНА: ТИП И ФОРМА

Аннотация: В статье рассматривается эволюция сельских поселений Дагестана в дореволюционное, советское и постсоветское время. Особое внимание уделено трансформации типа и форм поселений. Соответственно этапам общественно-экономического развития, каждая эпоха налагала свой отпечаток на облик села, меняя его социальную структуру. Особенно большие трансформации оно претерпело в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: Сельские поселения Дагестана, дореволюционный, советский и постсоветский периоды, тип и форма поселений.

Введение. Одним из компонентов материальной культуры являются поселения. В этнографии поселение определяется как место пребывания человека, выбранное на долгое время и оснащенное жилыми и рабочими помещениями, с относящимися к нему как собственной, часто искусственно созданной площадкой для жилья, так и окружающей его хозяйственной территорией [1, с. 144–145].

Объектом нашего исследования являются сельские поселения Дагестана, их состав, структура и сопутствующая инфраструктура. Прежде чем приступить к изложению материала, считаем необходимым уточнить терминологию и категории, касающиеся смысла, какой вкладывается исследователями в понятие «сельское поселение». Сельское поселение – это населенный пункт, который не соответствует принятому в данной стране пониманию городского поселения. К сельским поселениям относятся все поселения в сельской местности. В России исторически сложились различные виды сельских поселений: село, деревня, станица, хутор, выселок, аул и др. В аграрном и индустриальном обществе большая часть сельских поселений выполняет аграрные функции (их жители заняты в сельском хозяйстве). Наряду с постоянными сельскими поселениями существуют и сезонные (стоянки животноводов на зимних и летних пастбищах). Сельские поселения – один из типов муниципальных образований в России, представляют собой один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (поселков сельского типа, сел, хуторов, аулов и др.), в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и/или через выборные и иные органы местного самоуправления. Границы сельских поселений, как правило, соответствуют границам сельских советов советского периода (были привязаны к границам колхозов и совхозов). Сельское поселение входит в состав муниципального района. Сельское поселение имеет административный центр – населенный пункт, который определен с учетом местных традиций и сложившейся социальной инфраструктуры и в котором в соответствии с законом субъекта РФ находится представительный орган данного сельского поселения. Численность населения сельского поселения, как правило, варьируется от нескольких десятков человек до 15-20 тыс. человек [2, с. 707-708].

Наиболее распространенной административной единицей, входящей в категорию «сельское поселение», является село. Село – крупное крестьянское поселение [3, с. 842] – один из видов населенных пунктов в России. Критериями современного российского «сельского поселения» и села являются следующие его составляющие элементы: оно выполняет аграрные функции (их жители заняты в сельском хозяйстве), наряду с постоянными сельскими поселениями существуют и сезонные (стоянки животноводов на зимних и летних пастбищах), тип муниципального образования в России; в состав сельского поселения могут входить один сельский населенный пункт с числом населения свыше 1 тыс. чел. и/или несколько сельских населенных пункта с численностью населения менее 1 тыс. чел. каждый; селом называли сельский населенный пункт, в котором была церковь, численность его населения составляла свыше 500 человек, в нем имелись объекты социальной инфраструктуры, имеется несколько улиц, а также переулки и перекрестки [2, с. 702].

Как указывают исследователи, развитие поселений находилось в непосредственной зависимо-

сти от уровня социальной, хозяйственной и идеологической жизни народа [4, с. 23], оно – «одно из материальных выражений социальной жизни» [5, с. 34]. Социальная сторона поселений отражалась, прежде всего, в типе расселения и типе поселения, материальная – в типе заселения и типе планировки (форме поселения). Тип расселения включает: 1) характер группирования отдельных поселений, плотность расселения, скученности; 2) профиль хозяйства и землепользование, тип и направленность хозяйства; 3) структура поселения: а) характер общины; б) поквартальное деление; в) *тухум*ный состав кварталов; г) общественные места (*годекан*, мечеть, кладбище) [6, с. 7, 9]. Как указывал М.О. Османов, «основной тип поселений Дагестана – «аул» характеризуют в первой половине XIX в. многодворность, отражающая скученность расселения; полный суверенитет над всем фондом общих для общества земельных угодий; крепкая сельская территориальная община (генетически с XI-XIV вв. территориально-родственная), делящаяся на кварталы с пережитками родственного расселения, обязательное наличие места сельского схода, исключительное право на обзаведение джума-мечетью и сельским кладбищем» [6, с. 12–13].

Итак, можно отметить, что наиболее распространенной административной единицей, входящей в категорию «сельское поселение», является село. Оно находится в непосредственной зависимости от уровня социальной, хозяйственной и идеологической жизни этноса. Социальная сторона поселений отражалась в типе расселения и типе поселения, а материальная – в типе заселения и типе планировки (форме поселения).

Тип и форма поселений Дагестана в дореволюционное время. Рассматривая тип поселения, являющийся «материальным оформлением общественного строя в местных условиях» [5, с. 36], отметим, что до первой половины XIX в. у дагестанцев существовало два типа поселения: вольнообщинный и феодальнозависимый. Касаясь типа заселения, следует указать, что при выборе места для поселения учитывался ряд факторов: наличие земельных угодий, пригодных для возделывания и выпаса скота, а также хороших источников питьевой воды. На место выбора, как и на характер расположения села, влияло и стремление к экономии земли. Как правило, все поселения располагались на непригодных для возделывания горных склонах. Это привело к тому, что дома в аулах скучены, тесно лепятся друг к другу, улицы имеют сплошную застройку, отсутствует четкая планировка. Особое значение имел оборонительный фактор, который выдерживался в Дагестане [7, с. 66–72] и на Северном Кавказе [4, с. 182–187] в основном за счет сложностей рельефа и оборонительных сооружений. Преобладающим типом планировки (форма поселения) в зависимости от характера местности и рельефа была кучевая и ступенчатая, и в меньшей степени – горизонтальная. Существенную роль в топографии села играла солнечная ориентация, имевшая утилитарного значение (использование тепла солнечной энергии). Основным типом расселения дагестанцев являлось селение с хуторами и отселками. Селения делились на кварталы (верхний, средний, нижний). Деление на кварталы (топографическое деление) в большинстве сел сочеталось с патронимическим делением. Общественный центр села – *годекан* обычно не совпадал с его топографическим центром. У *годекан*а, как правило, располагались мечеть, кузня, точильный круг, хлебопекарная печь, крупорушка, источник воды, ориентир солнца. Таким образом, *годекан* выступал общественным, культовым, хозяйственным центром села (квартала). С усилением позиций ислама центральная роль перешла к мечети и примечетской площади. На окраине каждого села располагалось кладбище, занимавшее неудобные для возделывания земли [8, с. 75; 9, с. 214–240].

Итак, до вхождения в состав России в Дагестане были распространены два типа поселения: вольнообщинный и феодальнозависимый. При выборе места для поселения учитывался ряд объективных и субъективных факторов. В зависимости от характера местности тип планировки (форма поселения) был кучевой, ступенчатый и горизонтальный.

Тип и форма поселений Дагестана советского периода. В советское время в результате коренных социально-экономических и общественно-политических преобразований, повышения материального благосостояния и культурного уровня населения изменилось месторасположение, планировка дагестанского горного поселения [10]. Тип поселения этого времени можно назвать «советское село».

Сформировавшиеся в послевоенное время поселения по типам классифицировались следующим образом. К первому типу относились сельские населенные пункты с административно-управленческими функциями (сельсовет,

правление колхоза, дирекция совхоза) и представляли собой хозяйство и поселение в одном лице, совмещавшие в себе административные и хозяйственные функции. Второй тип – сельский населенный пункт с неполными административно-управленческими функциями. К третьему функциональному типу относились мелкие сельские населенные пункты без административно-управленческих функций. Редко встречалась такая форма организации поселения, когда вокруг одного более крупного селения группировались мелкие (лишенные необходимых культурно-бытовых комплексов) населенные пункты [11, с. 50–51].

С появлением культурно-просветительных (клуб, библиотека, школа) и административных (сельсовет, правление колхоза, дирекция совхоза) учреждений, *годекан*, как общественный центр, потерял свое значение.

В прошлом при расселении в ауле сильно сказывалась традиция родственного принципа. Когда кровнородственная группа (*тухум*) потеряла свое общественное и идеологическое единство, постепенно изменилась структура селения, но действие былого единства даже в новых условиях продолжало сказываться [11, с. 51].

Следует отметить, что в (новых кварталах) районных центрах и в переселенческих селениях равнины Дагестана господствовала только одна форма поселений – горизонтальная. При застройке таких поселений соблюдалась строгая планировка по заранее составленному плану, общими принципами которого являлись направление и размеры улиц, планирование их направлений по сторонам света. Планировка таких поселений являлась улично-квартальной, где всегда намечалась одна центральная улица шириной 16 м. В большом селении несколько улиц могли быть таких же размеров, но любая улица должна была иметь ширину не менее 8 метров.

Стандартной административной единицей новых поселений являлся квартал, состоящий из 28-30 домов-усадеб. Между улицей и усадьбой-участком сохранялось определенное расстояние (обычно превращаемое в палисадник) с канавой для сточных вод. Поселения нового типа стали центрами общественной, экономической и культурной жизни и обязательно имели площадь и парк отдыха. Улицы в них были озеленены, в темное время суток освещались электричеством, дома были радиофицированы, а иногда и телефонизированы. Специально созданная Комиссия по благоустройству следила за санитарным состоянием улиц, площадей и дворов, деревьев и палисадников. Улицы обычно засыпались гравием [11, с. 52, 53, 54].

Таким образом, можно констатировать, что застройка новых поселений в советское послевоенное время, особенно в районных центрах и в переселенческих селениях, производилась по генеральному плану с соблюдением определенных стандартов: наличие широких ровных улиц, равномерное водоснабжение всех кварталов, выделение компактного административно-общественного и культурного центра, проведение инженерных коммуникаций и сооружений. Господствующей являлась улично-квартальная горизонтальная планировка поселений.

Тип и форма поселений постсоветского периода. Характерные для советского времени тип и форма поселений в принципе сохранялись и после распада СССР. Тип поселения этого времени можно назвать «постсоветское село». В трансформации поселений Дагестана изучаемого периода сыграли такие факторы, как глобализация, модернизация, урбанизация, миграционные процессы, развитие различных сфер инфраструктуры (социальная, дорожное строительство, информационная, транспортная, газификация, водоснабжение, рыночная), относительное улучшение благосостояния населения республики с конца 90-х гг. XX в. и особенно в 2000-е гг., и связанное с ним повышение стандартов и качества жизни [12].

Трансформационные и модернизационные процессы выразились в существенном увеличении размеров поселений, особенно тех, в которых расположены районные центры. В этих населенных пунктах концентрируются административные, хозяйственные, образовательные и культурные учреждения. В последние 30 лет в некоторых районных центрах и других крупных населенных пунктах районов Дагестана в результате миграционных процессов изменился этнический состав населения, а некоторые моноэтнические селения (Каякентского, Хасавюртовского, Кизлярского, Тарумовского, Бабаюртовского, Ногайского районов) превратились в полиэтнические.

Одним из феноменов поселенческой культуры постсоветского периода является (начавшийся еще со второй половины 80-х гг. XX в.) процесс слияния ряда селений во многих районах республики. В основе этого процесса лежат

причины общественно-политического и социально-экономического порядка, связанные с парадигмой нового экономического и общественного устройства, либеральными реформами, поисками новых моделей хозяйствования: неудавшаяся аграрная реформа, развал колхозов и совхозов, раздел их земельного фонда между бывшими колхозниками и рабочими совхоза, выдел вновь образующихся семей и предоставление им участков из фонда бывших колхозных и совхозных (часто плодородных пахотных) землях. Все эти процессы привели к исчерпанию земельного фонда в селениях и предоставлению участков для застройщиков на границах с другими поселениями, в которых происходили сходные процессы. В конце концов, это привело к слиянию селений [13].

Другим негативным процессом в поселенческой культуре следует назвать процесс забрасывания и обезлюдения отдельных горных селений, жители которых переселились в другие селения (в основном – в райцентры) своего района и за его пределы – селения и города равнины Дагестана, другие регионы России (Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область, Калмыкия и др.). Забрасывание горных селений и плановое переселение горцев на равнину происходило и в советское время – в 20-80-е гг. [14]. Определенный импульс этому процессу придали землетрясения 1966 и 1970 гг.

Забрасывание и обезлюдение селений в постсоветский период связано с происходившими в стране и республике общественно-политическими и социально-экономическими процессами и трансформациями. В основном это связано с развалом колхозов и совхозов, отсутствием работы на селе, слабым развитием новых форм хозяйствования (АПК, КФХ, ЛПХ), не позволяющие занять рабочие руки и обеспечить населению прожиточный минимум. В немалой степени этому способствовали слаборазвитая социальная инфраструктура – отсутствие и недостаток средних общеобразовательных школ (СОШ), детских дошкольных и медицинских, и культурных учреждений, газификации, водоснабжения, интернета, телерадиовещания, плохие дороги и т.д. Все это привело к массовому переселению жителей этих селений в более благоустроенные населенные пункты. Часто такими поселениями являются (иногда не имеющие статуса поселения) населенные пункты в Тарумовском, Кизлярском, Бабаюртовском, Ногайском районах в зонах отгонного животноводства (ЗОЖ). Некоторые, расположенные на землях ЗОЖ, поселения уже имеют СОШ, мечети и даже кладбища, то есть все атрибуты полноценного селения. Это привело к запустению многих горных селений, изменению этнического состава населения равнины, социальному напряжению, осложнению межэтнических отношений. В обезлюдевших селах, в которых от 2 до 40 хозяйств, основным населением являются старики, дети и учителя начальных школ.

Современные сельские поселения Дагестана во многом сохраняют свою традиционную структуру расселения: они делятся по топографическому (и отчасти – по *тухум*ному) признаку на кварталы. Большинство нынешних кварталов образовалось еще в дореволюционное и советское время. Немногочисленные новые кварталы возникли и в постсоветский период.

В постсоветский период на селе стало больше административных, хозяйственных и культурных учреждений – отделения МФЦ, Сбербанка, почтовой и мобильной связи, Дворцы или Дома культуры, Центры традиционной культуры, муниципальные музеи, нотариальные конторы и адвокатуры, банкетные залы, здания военных комиссариатов, полиции и пожарной службы. Вблизи административных и культурных учреждений часто расположены районный парк отдыха, оборудованные детские площадки.

Форму поселения «постсоветского села» можно характеризовать как комбинированную – с традиционной кучевой и ступенчатой (в старой части) и горизонтальной (в новых кварталах).

Несмотря на сложную экономическую и социальную обстановку в стране и республике, связанную с неудавшейся аграрной реформой, глобальным экономическим кризисом, неэффективностью новых форм хозяйствования на селе, слабой социальной инфраструктурой, высоким уровнем безработицы, коррупции, отсутствием социальных лифтов, все же нельзя не отметить и позитивные сдвиги в культуре и быту постсоветского дагестанского села. В постсоветское время, особенно с 2000-х и в последующие годы, на селе построены новые объекты соцкультбыта и инфраструктуры. Во многие селения проведены газопровод и водопровод, построены дороги с асфальтовым и гравийным покрытием; освещаемые в темное время суток улицы получили наименования, а дома на них – нумерацию; появились филиалы МФЦ, отделения пожарной

охраны, Сбербанка и Сельхозбанка России с банкоматами, позволяющими получать заработную плату и осуществлять коммунальные платежи посредством банковских пластиковых карт; телефонная (таксофоны), мобильная связь, интернет и WiFi, станции мобильной и оптико-волоконной связи; государственное (и частное) цифровое телевидение, принимающее гарантированный пакет услуг каналов, а при помощи «тарелок» «Триколор» и «НТВ+» – сотни других каналов. Дальнейшее развитие получили образовательные, спортивные, культурные и медицинские учреждения – СОШ и детские дошкольные учреждения, спортивные (Дворцы спорта, футбольные поля с естественным и искусственным покрытием) сооружения, площадки для work aut, медицинские учреждения (врачебные амбулатории, медпункты, фельдшерско-акушерские пункты, участковые и районные больницы, станции скорой помощи).

Федеральными и республиканскими властями уделяется внимание экологическим проблемам, развитию санитарной службы и коммунального хозяйства: в ряде селений проложена канализация с отстойниками и даже с очистными сооружениями, организованы мусорные полигоны. В некоторых районах (Ботлихский, Цумадинский, Ахвахский) намечается строительство станций по переработке мусора, что особенно актуально в связи с массовым загрязнением горного ландшафта и рек пластиковыми отходами. К сожалению, для большинства горных сел одной из нерешенных проблем является отсутствие очистных сооружений. Они имеются только в с. Ботлих Ботлихского района (подключены к очистным сооружениям военной части) и в с. Агвали Цумадинского района (только в районной больнице).

Заключение. Таким образом, поселения дагестанцев прошли большой путь в своем развитии. Соответственно этапам общественно-экономического развития, каждая эпоха налагала свой отпечаток на облик села, меняя его социальную структуру. Преобладающим типом планировки (форма поселения) была кучевая и ступенчатая, и в меньшей степени – горизонтальная. Основным типом расселения дагестанцев являлось селение с хуторами и отселками. Селения делились на кварталы. Деление на кварталы в большинстве сел сочеталось с патронимическим делением. Особенно большие трансформации тип и форма сельских поселений претерпели в советское и постсоветское время. Застройка новых поселений, особенно районных центрах и в переселенческих селениях, производилась по генеральному плану с соблюдением определенных стандартов. Господствующей являлась улично-квартальная горизонтальная планировка поселений. В трансформации поселений Дагестана изучаемого периода сыграли такие факторы, как глобализация, модернизация, урбанизация, миграционные процессы, развитие различных сфер инфраструктуры.

Литература и источники:

1. Рах Х.Ю. Поселение // Материальная культура: свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. Вып. 3. С. 144–145.

2. Большая Российская энциклопедия. В 35-ти т./ Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2015. Т. 29. 767 с.

3. Экономический словарь / Под ред. *А.Н. Азрилияна*. 2-е изд. М.: Ин-т новой экономики, 2009. 1152 с.

4. Кобычев В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М.: Наука, 1982. 196 с.

5. Витов М.В. О классификации поселений // Советская этнография. 1953. № 3. С. 31–37.

6. Османов М.О. Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. С. 6–22.

7. Магомедов Д.М. Оборонительные сооружения жителей Юго-Западного Дагестана в XIX в. // Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, 1988. С. 66–72.

8. Булатов Б.Б., Гашимов М.Ф. Сефербеков Р.И. Быт и культура табасаранцев в XIX – XX веках. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2004. 266 с.

9. Османов М.О. Поселения даргинцев в XIX – XX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Махачкала, 1962. Т. 10. С. 214–240.

10. Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука, 1971. 237 с.

11. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: Наука, 1988. 320 с.

12. Сефербеков Р.И. Модернизационные процессы в материальной культуре народов Дагестана в новейшее время: традиции и инновации // Современная наука и инновации: Научный журнал. Ставрополь: Пятигорск: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017. № 3 (19). С. 255–264.

13. Сефербеков Р.И. Традиционное и новое в поселенческой культуре аварцев-гидатлинцев в новое и новейшее время // Материалы международной научной конференции «Языки и культуры России и мира» (г. Махачкала, 19-21 сентября 2019 г.). Махачкала: «Алеф», 2019. С. 438–442.

14. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину: Документы и материалы / Отв. ред. *А.И. Османов*. В 2-х т. Т. 1. 1920-1945 гг. Махачкала: «ИД Наука плюс», 2006. 348 с.; Т. 2. 1946-1995 гг. Махачкала: Махачкала: «ИД Наука плюс», 2006. 220 с.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧✧

Соловьева Н.Г.,
и.о. зав. отделом этнологии и искусства народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
Российская Федерация, г. Черкесск

ОБ ОДЕЖДЕ КАЗАЧКИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Аннотация: В статье исследуется одежда казачек Карачаево-Черкесии, ее основные виды и формы применения. Особое внимание уделено составным компонентам женского казачьего костюма. Повседневная и праздничная одежда, часто состоящая из одних и тех же элементов, отличалась качеством сырья, используемого при производстве тканей и т.п., а также богатством декорирования. Многослойность женского казачьего костюма, вариативность цветового решения и определенный региональный акцент относительно традиционного женского костюма кубанских казачек позволяет утверждать, что на территории современной Карачаево-Черкесии в конце XIX – начале XX вв. шел специфичный процесс формирования и развития материальной культуры регионального казачества.

Ключевые слова: одежда, казачки Карачаево-Черкесии, женский казачий костюм, кубанское казачество, региональное казачество, Кавказ

Всем известно, что Кавказ отличается особо пестрой национальной палитрой своего состава. Как ни странно, но именно этот факт во многом предопределил особый склад взаимоотношений, толерантный и гуманистический по сути, в этом отдаленном от центра страны регионе. Ментальная близость народов, населяющих Кавказ, перекликающаяся с близостью основных элементов их материальной культуры – вот некоторые слагающие кавказского мира – традиционного и консервативного и по сей день. Немаловажным фактором, скрепляющим и обогащающим традиционную культуру Кавказа, стал славянский элемент, в первую очередь – казачество, которое в своей идентичности, сохраняя русскую основу, ориентированную на православие, приобрело в процессе межкультурной коммуникации те неповторимые черты, которые позволяют выделить его в отдельную группу славянского мира.

Проблеме казачества сегодня отводится определенное место, но освещение узконаправленных вопросов без аналитики и комплексного подхода не позволяет сегодня говорить о сформировавшейся базе методологических подходов по данной проблематике, о широком изучении важных аспектов ее истории и этнологии. Региональному казачеству отводится еще меньшее место, хотя именно из специфики формирования отдельно взятых составляющих российского казачества, в нашем случае кубанского казачества, можно выявить не только саму специфику, но и определить законы, по которым возникло и развивалось неповторимое социальное явление российской истории – казачество.

Исследование проблемы кубанского казачества следует начать с малого, с исследования ее материальной культуры, ее региональных аспектов. Женская одежда казачек Карачаево-Черкесии ранее самостоятельно не изучалась. Выявить ее основные виды, составляющие костюма и формы их применения – вот некоторые задачи, которые необходимо решить.

По упрощенной классификации одежду казачек Карачаево-Черкесии можно разделить на два вида: повседневную и праздничную. Повседневная одежда включала нижнюю рубаху (исподнее), несколько юбок и блузу (кофту), одевавшуюся поверх рубахи. Следует отметить, что нательная рубаха была длинной, шилась в пол и подвязывалась веревкой. Рукавов у нее не было, как и воротника. Разрез горловины был глубоким так же, как и проймы для рук. В будни казачки Карачаево-Черкесии носили не менее 2-3 юбок, нижние из которых часто были сделаны из домотканого полотна и имели естественные цвета – цвет отбеленного вручную хлопка или льна. Верхняя юбка была широкой и понизу обязательно имела волан шириной около 35 см. ярких оттенков голубого, алого или зеленого цвета. Кофта была приталенной и обязательно декорировалась небольшими воланами с кружевом. Рукава были длинными, притачивались к плечу в форме фонарика и зауживались к кисти рук. Материал верхней одежды женского повседневного костюма казачки Карачаево-Черкесии был относительно плотным и легким, имел мелкий цветочный рисунок. Часто на глубоком синем, голубом, иногда черном поле красовались небольшие изображения розочек,

тюльпанов или листочков. В широком ходу была ткань в горошек. Повседневная одежда казачек отличалась простотой использованных материалов и незамысловатым декорированием.

В комплекс женской одежды казачек Карачаево-Черкесии входила баска. Баска (казак, казачок) – женская легкая кофта на подкладке из тонких тканей часто фабричного производства. Шилась она в талию и была распашной, со стоячим воротником, с длинными рукавами, пышными у плеча и узкими от локтя до запястья. Спинка состояла из трех-шести зауженных к талии клиньев. Баска могла застегиваться как на пуговицы, так внутренние крючки. Застежка располагалась по центру кофты или с ее левой стороны. В последнем случае правая ее пола накладывалась на левую. Застегивалась баска на маленькие пуговки, имеющие одно отверстие в ножке (от 8 до 16 штук).

Баска украшалась кружевом, стеклярусом и лентами. Особым украшением служили мелкие складки и защипы на груди, а также широкий волан из той же ткани, что и баска, на талии. Баску носили с юбкой исключительно поверх нее. Следует отметить, что юбка шилась из той же ткани, что и баска, образуя тем самым двойку, то есть законченный ансамбль верхней одежды казачки Карачаево-Черкесии, ее традиционный национальный костюм.

Неотъемлемой частью женского казачьего костюма был передник, так называемый «запон». Он был двух видов – повседневный и праздничный [3]. Носили передники поверх основного костюма (юбки с кофтой). Запон представлял собой особый вид короткого фартука из домотканого полотна (повседневный) или атласа и шелка (праздничный) с пришитым сверху из этой же ткани длинным поясом (длинной до 2 м.), по шву которого снизу закладывались маленькие сборки. Завязывался запон вокруг талии на узел с большим бантом. Праздничные запоны часто украшались понизу и бокам растительной вышивкой, а также кружевами, которые пускались по краям больших воланов (шириной до 25 см.), пришитых к квадратному полотнищу (шириной около 1 м. и длинной до 1,5 м.). У казачек Карачаево-Черкесии был в ходу поясной запон. Наплечный передник использовался только при выполнении хозяйственных работ и шился из грубой льняной ткани. Его цвет был природных естественных оттенков и часто не отличался декоративностью (отсутствовал типичный для кубанского казачества волан, вышивка и др.).

Запон не только защищал одежду казачек от загрязнения во время трудовой деятельности, но и являлся неотъемлемым специфичным дополнением их праздничного костюма. Этот вид одежды был могучим оберегом для женщины-казачки. Прикрывая ее спереди (основное полотнище) и символично сзади (узел и бант), запон как бы обнимал свою хозяйку, создавая обережный круг вокруг нее.

Особое место занимали головные уборы. Главным атрибутом женской казачьей одежды считался не столько платок, как шаль. Казачья шаль отличалась пышной белоснежной бахромой по краям полотнища, которая часто перекручивалась между двумя и более нитями и формировала небольшие косички. Праздничные шали в основном были белых и молочных оттенков. Они имели цветной растительный рисунок, чаще всего изображения роз или пионов. Шаль являлась «парадным» предметом одежды казачки Карачаево-Черкесии и одевалась только при выходе на улицу или другие общественные места, а также при встрече гостей.

Шали казачек отличались разнообразием. Шелковые и тонкие шерстяные шали имели яркий рисунок на красном, белом или зеленом фоне. Черные шали коклюшной работы красиво выделяли яркие цветные кофты казачек.

Шаль носили особым образом. Ее длинные концы перебрасывали крест-накрест через плечи. Иногда одним концом обматывали шею, а затем подворачивали его под образовавшиеся слои, второй конец при этом оставался висеть свободно. Таким образом, повязывали и шарф, также выполненный коклюшками. Коклюшные шали и шарфы могли прикалываться к волосам при помощи заколок, что не только не мешало активному движению казачки, но и выполнению различных видов работ.

Казачки Карачаево-Черкесии повседневно использовали небольшие хлопчатобумажные платочки (50×50 см.) и меньших размеров косынки часто однотонные, иногда имевшие один большой растительный узор посередине. Часто шаль одевали поверх домашнего платка или шлычки.

В конце XIX – начале XX вв. у молодых казачек, как и женщин горнозаводского Урала, в ходу была «шлычка на шиш», которая надевалась на пучок волос и прикалывалась блестящей шпилькой [4]. Кубанские казачки шили ее из яркого кусочка ткани в виде мешочка. В него

прятался пучок собранных волос (косы) замужней казачки, которая не имела права показывать их никому, кроме мужа и детей. В верхней части шлычки имелся шнурок, при затягивании которого она крепилась на прическе. Повседневная шлычка также шилась из простых, незамысловатых тканей, но отличалась особой яркостью, что являлось отличительной чертой регионального казачества.

Следует отметить, что казачки добавляли к своему наряду и так называемую «файшонку» – шелковую черную кружевную косынку, сплетенную на коклюшках по форме узла волос и концами, которые завязывались сзади бантом. Фаньжон (хваньжон) – фаржон – женский головной убор, колпак. Его также называли «подбабошник» – женская прическа после выхода замуж [1]. Черный фон файшонки контрастировал с цветом лица казачки, что еще более подчеркивало нарядность головного убора [5]. Кружевные косынки и наколки крепились на шлычку с помощью шпилек. Этот дополнительный головной убор казачки наделял ее отличительной социальной характеристикой, а также являлся своеобразным маркером национальной идентичности.

В осенне-весенний период времени казачки Карачаево-Черкесии носили простеганные пальто. Его наружным слоем служило грубое домотканое полотнище, затем шел слой ваты или свалянной вручную шерсти, а потом –льняное полотнище, к которому и стачивали подкладку, простеганную с хлопчатобумажной тканью. Следует отметить, что подкладка женского казачьего пальто всегда была яркой, чаще всего красного цвета. Его длина могла доходить до колена, но чаще была выше его. Пальто казачек было приталенным и часто препоясывалось ярким поясом. Карманов в нем не было и лишь один потаенный карман в верхней части («за пазухой») имелся. Он был небольших размеров, и поэтому для ручной клади казачки чаще всего использовали ручные мешочки (наподобие кисета), которые при помощи веревочки затягивались петлей и носились на запястье рук (ширина 25 см., длина около 35 см.).

Пользовалась популярностью среди казачек и плийска – верхняя женская одежда для зимы из плиса на вате с подкладкой, представляла собой пальто прямого покроя с круглым воротником, отделанное на груди черными лентами и кружевом [2, с. 219]. Зимой казачки носили различные шубы из меха диких животных. Широко использовались лисьи шубы, а также шубы из меха куницы и бобра.

Праздничная одежда казачек Карачаево-Черкесии отличалась особым декором. Главной ее отличительной чертой являлось использование в процессе производства более качественного сырья, то есть более тонких тканей, тщательно выделанной шерсти и кожи. Нательная рубашка отделывалась снизу тонким белым кружевом шириной в 20 см. Горловина и выемки для рукавов имели аккуратную оторочку. Нижние юбки не только имели кружево, но и притачанные небольшие оборки около 20 см в ширину. Верхняя юбка имела несколько широких оборок (до 5 штук), которые отделывались яркой тесьмой. Женский праздничный казачий костюм отличался тем, что при ходьбе снизу верхней юбки часто виднелось кружево нижних юбок, а также нательной рубахи. Казачья женская двойка – кофта и юбка, для празднеств шилась из парчи или шелка и была насыщенных ярких цветов.

Следует отметить, что одежда казачек отличалась вариативностью, которая обусловливалась возрастными различиями и социальным статусом женщин. Четкие границы имела одежда девочек, незамужних и замужних девушек, вдов, старых дев и пожилых казачек.

Девочки до 5 лет обычно одевались так же, как и мальчики того же возраста. Дети ходили в рубахах, перешитых из одежды взрослых, часто донашивали одежду старших сестер и братьев. Рубаху дополнял тканевый пояс или сплетенная из нитей бечева. Ребенок-подросток уже имел одежду, указывавшую на его пол. Мальчики рубаху дополняли штанами, девочки – юбками. В будни основной одеждой казачки-подростка была подпоясанная рубаха и юбка. В праздники она дополнялась несколькими юбками (до 3 штук) и парадным запоном. К тому же девочки указанного возраста начинали носить простые (дешевые) украшения: серьги, бусы и разноцветные ленточки.

Костюм казачек брачного возраста был сложнее детского и состоял из большого количества вещей, которые шились обязательно из новой ткани. Для праздничной одежды использовалась дорогая фабричная ткань. В комплект одежды девушек-казачек Карачаево-Черкесии входили рубаха, юбки, душегрея, кожаная обувь и мн. др. Главной отличительной чертой девичьего казачьего костюма относительно костюма замужних и пожилого возраста казачек являлся головной

убор, то есть его отсутствие. Девушкам полагалось заплетать сначала 2 (подросток-девушка), а затем 1 (девушка на выданье) косу с вплетенной в нее яркой лентой (несколько лент). При этом, при выполнении хозяйственных работ, а также походе в церковь и другие общественные места, девушка-казачка покрывая голову платком или шалью светлых тонов, имела право его снять, показав свои волосы, что воспринималось не только как символ красоты и невинности, но и ее брачных возможностей.

В девичий костюм казачки входило и множество украшений. Девушки носили серьги, бусы, ожерелья, цепочки, кольца, браслеты и др. Обилие украшений было характерной особенностью молодежного костюма. Костюм же замужних женщин отличался обязательным наличием разнообразных головных уборов, полностью закрывавших волосы, заплетенные в косу (косы) и собранную по часовой стрелке в узел.

Старые девы не имели права на ношение одежды замужних женщин. Они плели косу как девушки, покрывали голову платком [2, с. 11]. Вдовы и пожилые казачки носили черную одежду с ограниченным количеством украшений. Так, казачки Карачаево-Черкесии могли носить обручальные кольца, нательный крест, серьги и бусы (до 2-х нитей). В пожилом возрасте кофта казачки становилась более свободного покроя и часто приобретала вид «распашонки», то есть расклешенной кофты от груди. При этом использование ярких платков и шалей все же оставалось визитной карточкой разновозрастных казачек северокавказского региона, Карачаево-Черкесии в частности.

Таким образом, одежда казачки Карачаево-Черкесии имела определенные характеристики и виды своего назначения. Многослойность женского казачьего костюма, вариативность цветового решения и определенный региональный акцент относительно традиционного женского костюма кубанских казачек позволяет утверждать, что на территории современной Карачаево-Черкесии в конце XIX–начале XX вв. шел специфичный процесс формирования и развития материальной культуры регионального казачества.

Литература и источники:

1. Миртов А.В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
2. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия / Авт.: Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 2006. с. 219, 11.
3. Толкачева С. Народный костюм Воронежской губернии конца XIX – начала XX века. Воронеж, 2007.
4. Фефилова Т.Ю. Костюм горнозаводского Урала как социокультурное явление: диссертация… кандидата культурологии. Екатеринбург, 2006.
5. Ярошенко И.В. История традиционного бытового костюма кубанских казаков XIX – начале XX веков: диссертация… кандидата исторических наук. Краснодар, 2009.

Тагизаде Г.А.,
докторант Института истории им. А.А.Бакиханова
Национальной Академии Наук Азербайджана
Азербайджан, г.Баку

К ВОПРОСУ О ДЕПОРТАЦИИ КАРАЧАЕВЦЕВ С ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АССР В КАЗАХСКУЮ И КИРГИЗСКУЮ ССР В 1943 ГОДУ (НА ОСНОВЕ ИНТЕРВЬЮ С Х.МУСТАФАЕВОЙ)

Аннотация: Статья посвящена истории депортации карачаевского народа с территории Карачаево-Черкесской АССР в Казахскую и Киргизскую ССР в 1943 году, в статье помимо источников использовано интервью с современницей депортации.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесия; депортация; карачаевцы; Великая Отечественная война; оккупация; коллаборационизм; СССР; реабилитация.

Депортация карачаевского народа с территории Карачаево-Черкесской АССР в 1943 году это одна из трагических страниц не только в истории самого народа, но и в истории целой страны. Общеизвестно, что депортации народов Кавказа были тщательно запланированной со стороны руководства СССР акцией. Известно так же и то, что «целенаправленная политика ликвидации малых народов носила избирательный характер» [9, с. 6], то есть выселяли определенные этносы. Естественно, что в советский период не существовало литературы, посвященной теме депортаций народов Кавказа. Этот факт скрывался. Но сейчас, когда открыты архивы, и есть доступ к документам той эпохи, мы можем на основе архивных данных выявить все этапы депортаций и сделать выводы о том, с какой целью все это проводилось. Но есть и другие очень важные источники информации – это рассказы и воспоминания самих депортированных, их детей и внуков, тех, которые помнят тот период и могут восстановить в памяти мельчайшие подробности тех событий. Цель данной статьи – опираясь на интервью, взятое автором у Х.Мустафаевой – дочери депортированной жительницы Карачаево-Черкесской АССР – узнать дополнительные сведения о событиях, предшествующих депортации, выявить достоверные факты о самой депортации, а также о жизни спецпереселенцев в местах ссылки, и, что немаловажно, узнать о трагической вехе в жизни карачаевского народа непосредственно от современников.

Х.Мустафаева сообщила нам, что Карачаевский край в те времена считался довольно зажиточным, население занималось земледелием, скотоводством, и земля в тех краях – чернозем – очень плодородная, что способствовало развитию сельского хозяйства, поэтому в основном население Карачаево-Черкессии было почти полностью занято сельским хозяйством.

Как известно, в связи с началом Великой Отечественной войны, в Карачаевской области началась мобилизация. «23 июня 1941 г. бюро областных комитетов партии Карачая и Черкесии приняли постановление «О мероприятиях в связи с объявлением мобилизации» [8, с. 9]. «Из области отправились на фронт 15 600 представителей народов, населявших её, еще 3000 человек были направлены в трудовые армии» [3, с.336]. То есть это значительное по численности количество людских ресурсов. «В боях за перевалы Кавказского хребта участвовало 17 партизанских отрядов, в которых насчитывалось около 1200 человек, в том числе около ста женщин. Отдали свои жизни во имя победы партизаны и партизанки М. Романчук, З. Эркенов, М. Исаков, З. Эркенова, И. Акбаев, Х. Касаев, Я. Чомаев и др.» [7, с. 50] Большие потери, которые понесла Карачаево-Черкессия в годы войны, нанесли большой урон краю. Оставшиеся в тылу немногочисленные жители работали на строительстве оборонительных сооружений, собирали денежные средства для фронта, а также одежду и т.д. «За мужество и подвиги на различных фронтах страны звание Героя Советского Союза получили 16 человек (И. И. Лаар, М. А. Карданов, Г. Д. Бутаев и другие)–в том числе за форсирование Днепра Х. У. Богатырев, посмертно – прославленный командир 121 партизанского полка в Белоруссии О. М. Касаев.» [7, с.50]. Однако, в августе 1942 года немцам удалось оккупировать Орджоникидзевский край, на территории которого немцы установили комендантский час с 7 часов вечера до 4 часов утра. «Наравне с рублем стали при-

ниматься рейхсмарки и пфеннинги, названия населенных пунктов и учреждений были написаны на немецком и русском. Особое внимание оккупационные власти уделяли «реформе» сельского хозяйства. Издавались листовки, адресованные крестьянам, в них говорилось, что в освобожденных областях германское правительство уже ликвидировало колхозы. Это означало переход крестьян к единоличному землепользованию, благодаря чему, по обещаниям немцев, крестьяне имели возможность жить во много раз лучше, чем при колхозах» [11]. Оккупация края продлилась 5,5 месяцев. Не лишним будет упомянуть так же и тот факт, что во время режима оккупации среди определенных слоев населения были и те, кто фактически стали коллаборационистами, начав сотрудничать с оккупационным режимом, они надеялись на получение каких-либо дивидендов от фашистского руководства.

«За время оккупации гитлеровские полчища нанесли огромный ущерб народному хозяйству и культуре Карачая: они угнали и уничтожили более 185 тысяч голов окота, разрушили и разграбили 402 животноводческие фермы колхозов, вывезли в Германию 106 тыс. ц зерна, 8 тыс. ц муки, 75 тыс. ц овощей и картофеля. Они уничтожили школьные здания, больницы, клубы и библиотеки. Ущерб, нанесенный фашистами народному хозяйству, составил свыше трех миллиардов рублей. Война нанесла также большие людские потери; свыше 9 тысяч мирных жителей Карачая и Черкесии были убиты» [7, с. 51].

После изгнания оккупантов с территории Карачаево-Черкессии, население стало восстанавливать хозяйство. Из источников нам удалось узнать, что Азербайджан, в числе других республик в то время тоже помогал Карачаевскому краю «в Карачай, как и в другие области Северного Кавказа, из братских республик и областей стали поступать строительные материалы, много скота, продовольствия, а также различное фабрично-заводское оборудование. Например, трудящиеся Нагорного Карабаха передали Карачаю сотни центнеров зерна, предметов одежды, обуви, комплекты оборудования для детских яслей» [7, с. 51].

Однако, несмотря на все это, карачаевцев не миновала участь других депортированных народностей Кавказа. И, как и другим народам, им также вменялись в вину коллаборационизм и участие в бандитских формированиях. Но, одной из целей депортации являлась «чистка общества от действующих и возможных врагов сталинизма» [4, с. 13]. Как сообщила Х.Мустафаева, карачаевцы знали, что невзирая на социальное положение, статус в обществе, материальное положение, переселены должны были быть все. «В ноябре 1943 года были депортированы из Карачаевской автономной области 14774 семьи – 68938 карачаевцев. После выселения основного контингента Управление Народного Комиссариата СССР по Ставропольскому краю выявило еще 329 карачаевцев. Все были выселены в места основного проживания» [1, с. 155]. Х.Мустафаева упомянула также и о том, что перевозили депортированных в вагонах для скота. Естественно, что о нормальных условиях транспорта на тот момент говорить не приходилось. Многочисленные людские потери во время переезда говорят сами за себя. С собой депортированным не разрешили взять практически ничего, и люди не знали, вернутся ли они, и где им придется остановиться. «Предварительно в районах расселения организованы спецкомендатуры НКВД по обслуживанию спецпереселенцев, в районы были направлены работники НКВД и НКГБ для выявления пустующих помещений и подготовки квартир в колхозных и совхозных домах, а также проведения мероприятий, связанных с приемом и расселением прибывающих спецпереселенцев» [2, с. 203].

Вся семья Х.Мустафаевой была переселена в регион, находящийся на границе между Казахской и Киргизской ССР. Условия были очень тяжелыми, люди вынуждены были ютиться в непригодных для жилья лачугах. Невольно возникает вопрос, как выжили в созданных бесчеловечных условиях эти народы? Как рассказывает Х.Мустафаева – в тех краях было очень много депортированных, не только карачаевцев, но и чеченцев, ингушей, которые, как мы знаем, тоже были насильственно депортированы с территории Чечено-Ингушской АССР. Местного населения было мало, и в основном на этих территориях селили именно депортированных. И все спецпереселенцы, как их называли тогда, находились в тяжелых условиях, а именно: без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД люди не могли отлучаться с места жительства, а жили они там «в уплотнении», то есть в большинстве случаев депортированные семьи подселяли к местным жителям, либо селили их в непригодные для жилья хижины, сараи для скота или землянки. Не лишним будет отметить и тот факт, что местные жители относились к депортированным с не-

приязнью, и старались держаться обособленно. В глазах местного населения депортированные были врагами. Спецпереселенцы обязаны были также в течение трех дней давать знать коменданту о том, что произошли какие-либо изменения в составе семей депортированных, а именно – родился ребенок или умер кто-то из членов семьи. Тут важно отметить тот факт, что смертность в те годы была очень высокая, огромное количество поселенцев умирало как во время, так и после депортации, потому что, как уже отмечалось выше, условия, в которых перевозили людей, а также отсутствие всяких условий для жизни на новом месте никак не способствовали долгожительству. Х.Мустафаева также сообщила, что в случае побега кого-либо из членов семьи, наказывались все остальные члены семьи. С ее слов нам также становится известно, что депортированные все-таки пытались и в таких нечеловеческих условиях выжить, старались работать, строить дома, устраивать свою жизнь на новом месте, однако это было очень тяжело, и очень многие люди голодали, не говоря уже о повышенной смертности среди депортированных, особенно в первые годы после переселения. И такие условия были не только в Казахстане, куда была депортирована семья Х.Мустафаевой, но и в Киргизии: «так как в колхозе люди работали практически бесплатно, переселенные туда карачаевцы не имели никаких запасов продовольствия и пухли от голода, умирали в большом количестве. К весне 1944 года погибло 52% проживавших в Садовом карачаевцев. И так было почти повсюду» [1, с. 186].

Карачаевцы неоднократно пытались обращаться в ЦК по поводу репатриации, но их просьбы оставались без внимания. Но, наконец, «2 июня 1956 года делегация была принята комиссией ЦК КПСС, где состоялся большой волнующий разговор. Делегированные от народа рассказали обо всех бедствиях, которые перенесли карачаевцы в годы незаконного выселения, и убедительно просили вернуть их на историческую родину. Впоследствии в Москву была снаряжена вторая делегация карачаевцев в составе 8 человек, среди которых была Герой Социалистического Труда Нузула Курджиева. И именно эта делегация во время встречи с Никитой Хрущевым, первым секретарем ЦК КПСС, которая состоялась 4 июля 1956 года, конкретно сдвинула с мертвой точки проблему карачаевского народа» [9]. Тут не лишним будет отметить и тот факт, что «указы об отмене особого режима в отношении депортированных народов и других групп людей отличались половинчатостью, стремлением не подвергать ни малейшей критике проводившуюся ранее политику массовых депортаций. Речь шла о том, что люди были выселены «в связи с обстоятельствами военного времени», а теперь, мол, их пребывание на спецпоселении «не вызывается необходимостью». Из последней фразы логически вытекало, что раньше это «вызывалось необходимостью». Ни о какой политической реабилитации депортированных народов не было и речи. Они как считались народами-преступниками, так таковыми и оставались, с той разницей, что из наказанных народов превратились в помилованные» [5, с. 98].

«В мае 1957 года эшелоны с карачаевцами вернулись из мест депортации» [10] , именно поэтому 3 мая 1957 года считается с тех пор днем возрождения карачаевского народа, так как в этот день первые эшелоны с репатриантами вернулись на родину. Однако радость от возвращения в родные края была омрачена крайне бедственным положением края.

Из источников советского периода мы узнаем, что «по распоряжению Совета Министров РСФСР только в 1958 г. КЧАО было отпущено 16,5 млн. руб. На строительство производственных и бытовых помещений, на строительство и ремонт индивидуальных домов ассигновано 45 млн. руб., на приобретение скота – свыше 16 млн. руб. В течение 1957–1958 гг. Карачаево-Черкесия получила кредиты на сумму около 100 млн. руб.» [7, с.52]. Однако реальность не была столь радужной. Из рассказа Х.Мустафаевой мы узнаем, что к моменту репатриации многие карачаевцы оказались без места жительства, так как их дома были либо полностью, либо частично разрушены. Дед Х.Мустафаевой – уважаемый и почитаемый в Карачаево-Черкессии человек – имел большой дом, в который после депортации были переселены грузины, устроившие на первом этаже дома овощной склад. Х.Мустафаева рассказала нам также и о том, что грузины, которые в основном занимались виноградарством, не сажали какие-либо другие садоводческие и огороднические культуры в тех краях, таким образом за время, что карачаевцы были в депортации, их земли пришли в упадок, дома были полуразрушены. Возвращенным карачаевцам пришлось заново отстраивать свои дома, восстанавливать земледельческие участки, заново поднимать хозяйство. Нашедшие свое хозяйство в разрушенном

состоянии, люди вселялись в уцелевшие дома по несколько семей. И, несмотря на все тяготы, налаживали жизнь на родине.

Реабилитированы карачаевцы были только в 1989 году.

Для выходцев из депортированных народов история депортации – незаживающая рана. Ведь депортированные предки нынешней молодежи росли в республиках Средней Азии, далеко от родных мест. Там они получали образование, строили профессиональную карьеру, в то же время будучи на правах спецпереселенцев они были лишены многих льгот. Именно об этом они рассказывают своим детям и внукам, и память о трагических годах в истории целого народа живет в их рассказах и воспоминаниях. На сегодняшний день проблема сталинских депортаций является актуальной и остается глубоким шрамом на теле современной истории. Она имеет политические, социальные и культурные последствия, которые не исчезают быстро, в особенности если проблема остается социально неосмысленной.

Литература и источники:

1. Алиева С. Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы. Нальчик, изд. М. и В.Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2012.
2. Афанасьев Ю.Н., Козлов В.П. История сталинского ГУЛАГА: Спецпереселенцы в СССР. РОССПЭН, 2004 г.
3. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения. – Москва: Центрполиграф, 2012.
4. Гонов А. М., Бугай Н. Ф. Кавказ: Народы в эшелонах (20 – 60-е годы). М., Инсан, 1998.
5. Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30-е – 50-е годы). Мир России, 1999.
6. Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Материалы областной научно-теоретической конференции 1977 года. Черкесск, 1982 г.
7. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Под ред. Лаврова Л.И. Черкесск, 1978 г.
8. Кулаев Ч. С. Народы Карачаево-Черкесии в годы ВОВ (1941–1945). Черкесск, Ставропольское книжное издательство, 1990.
9. Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Яуза-пресс, 2018.
10. http://www.denresp.ru/ludiisudb/4508-no-vse-chto-bilo-ne-zabito
11. http://stavarhiv.ru/deyatelnost/publikacii/nemetskij-rezhim-vo-vremya-okkupatsii-stavropolskogo-kraya.html

Тангиев М.А.,
старший научный сотрудник Центра археологических исследовании
Института гуманитарных исследовании Академии наук ЧР
Российская Федерация, г. Грозный

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СКЛЕПОВОГО МОГИЛЬНИКА ЦОЙ-ПЕДЕ

Аннотация: В статье впервые делается попытка анализа погребального обряда. Также описываются основные виды склепов могильника Цой-Педе находящегося в Итум-Калинском районе Чеченской Республики. В тексте использованы материалы и упомянуты некоторые мнения таких ученых кавказоведов как: Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, А.Ф. Гольдштейна, М.Б. Мужухоева, Р.Г. Дзаттиаты, И.М. Мизиева, В.Х. Тменова, Р.А. Даутовой и др. В данной работе автором акцентируется внимание, что имеющихся на сегодня данных недостаточно для анализа погребального обряда в коллективных усыпальницах, т.е. в склепах.

Ключевые слова: Малхиста, Цой-Педе, некрополь, могильник, погребальный обряд, сооружения, экспедиция.

Из числа больших склеповых некрополей не только Чечни, но и всего Северного Кавказа позднего средневековья является склеповый некрополь Цой-Педе (Цайн-Пхиеда, Ц1ай-Пхьеда, что означает «Поселение божества», «Святилище цая») в Малхиста (маьлх йист, с чеч. «на краю солнца») [8, с. 259].

По последним данным на скалистом кряже, омываемом р. Чанты-Аргун и Меши-Хи, стоят 65 склепа (тринадцать подземных, один полуподземный и 52 наземных коллективных усыпальниц) и несколько десятков руинированных сооружений. Тут же находятся и две боевые башни и одно культовое сооружение (храм) и две столпообразных святилища [4, с. 392]. Одна из двух боевых башен находится между некрополем и бытовым памятником «Кошун-Б1ов» (Кладбищенская башня).

Поэтому склепы коллективные погребальные сооружения (мялх кешнаш в пер. с чеч. солнечные могилы) отсюда вероятно и название их. Воздвигались на высоких и не пригодных для хозяйственной деятельности, хорошо освещаемом солнцем местах. Вообще само название местности Малхиста с чеченского означает на краю солнца, которое включает и город мертвых Цой-Педе.

Появление склепов в горах не случайно. Многие ученые (Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, А.Ф. Гольдштейн, М.Б. Мужухоев Р.Г. Дзаттиаты, Мизиев И.М. Тменов и др.) считают одним из главных факторов малоземелье. Действительно места, где находятся склепы не пригодны для покоса или же для посева. Если в одном склепе обнаруживаются от 30 до 80 черепов в среднем, то если перевести их на грунтовые могилы понадобилось бы больше земельной площади. А также в горах яма для погребений с трудом копается из-за содержания в земле камней и сланцевых плит. Все эти и другие факторы, возможно религиозные (языческие) повлияли на появление склепов на центральном Кавказе: обряд, который был заложен здесь еще с эпохи поздней бронзы.

Еще в 1958 году была организована экспедиция Институтом археологии АН СССР, Чечено-Ингушским научно-исследовательским институтом истории, языка, литературы и экономики при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР, республиканским музеем краеведения (город Грозный) и другими научно-исследовательскими институтами и музеями Северного Кавказа которой руководил Е.И. Крупнов.

Большое внимание упомянутая экспедиция всегда уделяла обследованию Чечено-Ингушской АССР [5, с. 7]. Специальный «Горный отряд» (СКАЭ) Института археологии АН СССР под руководством В.И. Марковина с 1956 по 1965 г., на протяжении девяти археологических сезонов, обследовал почти все горные районы Чечни. При этом всегда старался издать все материалы своих поисков, раскопок и прочих научных изысканий [9, с. 93; 1, с. 190-192]. На некрополе Цой-Педе отрядом были исследованы склепы и составлена глазомерная топографическая карта (рис. 1;2). Общая площадь, занятая склеповым могильником 210×50 м. Южная часть кряжа покрыта руинами [7, с. 45-55; 8, с. 256-270]. Все сорок два надземных склепа вкратце были описаны

и исследованы, без зачисток внутри, а также пронумерованы. Они были разбиты В.И. Марковиным на 6 групп и несколько склепов (41-42) были выделены как «отдельные склепы в южной части Цой-Педе» [8, с. 267]. Необходимо отметить, что ни один склеп на могильнике Цой-Педе В.И. Марковиным не расчищался. Его работа ограничивалась кратким описанием всех склепов на данном некрополе [8, с. 259].

Автором совместно с сотрудниками (ЦАИ) предпринимались не большие экспедиционные выезды в Малхисту. Здесь на памятнике Цой-Педе нами мониторились (осматривались) склепы.

Попытаемся вкратце описать три основных вида коллективных усыпальниц, т.е. склепов: первую группу входят сооружения подземного типа, вторую – полуподземные. Третья группа включает в себя надземные склепы. К погребальным памятникам горной Чечни относятся также разного рода каменные ящики, пещерные захоронения [11, с. 493-495].

Из полевых наблюдений известно, что *подземные склепы* отличаются от *полуподземных* только тогда, когда они полностью скрыты, а вторые, если стены фасада выступают из земли (обычно вдоль склона). Они состоят из диких местных камней или сланца. Часто кладка бывает сухой или же с примесью камушков, извести и глины. Иногда стенами склепов служили каменистые отроги, расщелины в скальниках.

У *полуподземных склепов* фасады выступают из земли, т.е. из склона горы. У таких сооружений внешний декор встречается очень редко. Склепы здесь имеют длину от 2,5 до 4 м, ширину от 1,5 до 2 м и высоту 1 м со средней площадью 6-8 кв. м. Крыша этих сооружений состояла из плит и камней, помещенных друг на друга, которые образуют незаконченный полусвод. На него укладывали сверху толстые плиты, а склеп засыпался землей. Направление склепов различное, как правило, по направлению холма или отрога. Вход в такое сооружение представляет собой квадратное отверстие (лаз) с фасадной стороны размером около 0,5×0,5 м на передней стенке. Через такие фасадные входы втаскивались покойники. Как уже упоминалось нами выше такой тип поминальной камеры на некрополе Цой-Педе известен всего лишь один.

Подземный тип погребальной конструкции находится полностью в земле и обнаруживается по провалам перекрытий, т.е. провалившимися плитами (рис. 1). Их камеры бывают, слегка округленной формы (они известны также в Ушкалое, Бугарое, Цеча-Ахке и др.). Эти склепы сложены из сланца с напуском, не доводя до конца свод. Оставшуюся часть свода накрывают несколькими большими плитами. Внутри камеры устраивались каменные полки, куда укладывали умерших. Часто с Ю или В стороны (солнечной) устраивался прямоугольный лаз. Этот вход прикрывали каменной плитой, которую при последующем погребении отодвигали.

Надземные склепы – представляют с собой прямоугольные постройки похожие на домики с двускатной крышей из тонких сланцевых плит. Некоторые из крыш имеют каменный конек. Здесь также с фасадной стороны устраивается прямоугольный лаз. У большинства можно заметить, что в лаз устраивается рамка из сланца. На некоторых встречается перед лазом глубокая ниша, у которой имеется стрельчатая арка. В камере склепа вдоль стен имеются каменные полки один, а иногда и в два-три ряда. Очень часто задней стенкой у склепов служит скала. Потолки продольносводчатые встречаются и укрепленные балками и распорами. Сложены эти сооружения из сланцевых плит на известково-глинистом растворе. Часто на больших некрополях встречаются двухкамерные склепы, где первая служила поминальной комнаткой. Бывало, на некрополе Цой-Педе (склеп № 25) (рис. 2, 5) не хватало места, в связи с чем, стрельчатую арку закладывали кладкой из сланца и ее могли использовать для погребения.

II археологическим отрядом СКАЭ Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии Р.А. Даутовой на этом памятнике было исследовано с расчисткой три подземных и один надземный склепы [3, с. 50-54; 2, с. 69].

Наземный склеп №25 (рис. 1,4) представляет в плане прямоугольное сооружение с пристройкой к нему со смещением, со стороны фасада поминальной камеры. Со временем стрельчатая арка пристройки была заложена кладкой (скорее всего в последующим превращенную в погребальную камеру). Снаружи все сооружение заштукатурено. Сложен из колотого камня и сланца на растворе с двускатной гладкой крышей. Общая длина составляет 10 м, ширина обеих частей – 3-3,1 м. высота фасадной стены 3,8 м, входной арки 2,7 м с шириной 1,5 м, длина пристройки составляет 4,5 м, высота 3,35 м. У свода имеются балки и гнезда от них. В стенах име-

ются ниши. Вдоль стен расположены каменные сиденья высотой 0,3 м и шириной 0,4 м. Вторая камера (первоначальный склеп) имеет длину 3,80 м, ширину 1,70 м, высоту 2,20 м. у свода также фиксируются остатки деревянных балок. Вдоль стен на высоте 0,5 м от пола расположен один ряд полок и из сланцевых плит шириной 0,7 м. В центре зафиксирован каменный ящик 2,05×0,7 м ориентированный по линии С-Ю вдоль длинной оси камеры. Расчистка дала многочисленные останки погребенных, предметы инвентаря. К сожалению более подробных деталей погребального обряда автор не дает [2, с. 69].

Подземный склеп №1. Был перекрыт плитами. Камера прямоугольная 1,17×1,25 м, ориентирована по линии СВ–ЮЗ (рис. 1,1). Стены сложены из мелких плиток колотого сланца. На растворе из глины. Стены вертикальные и слегка суживаются к верху. На высоте 1,45 стены перекрывают несколько плоских массивных плит. В ЮЗ стене на высоте 0,65 м от пола находился лаз в форме квадрата 0,45–0,35 м. С внешней стороны примыкал притвор прямоугольной формы 0,75×0,65×0,55 м, сложенный в той же технике и перекрытый плитой. На полу находился слой грунта, в котором обнаружены потревоженные кости нескольких индивидов (четырех человек) и инвентарь. Костяки лежали в вытянутом положении головой на С. Склеп ограблен [3, с. 50. Рис. 11;12].

Подземный склеп №2. Здесь квадратной формы лаз выходит на склон 0,51×0,51 м. Он ведет в прямоугольную камеру склепа, ориентированную СЗ–ЮВ. Размеры камеры 1,75×1,25 м. Здесь отмечен сильный сводообразный характер юго-восточной стенки поскольку выложена с напуском плит друг на друга. На высоте 1,25 м от пола камеру перекрывали несколько больших плит. В нижней части северо-восточной стенки устроена подпрямоугольная ниша длиной 1 м и шириной 0,48 м, глубиной 0,33 м. дно склепа ниже на 0,56 м, ниже дна лаза (рис. 1,2).

Содержимое данного склепа, как и выше описанного подземного Склепа №1 сильно потревожено, количество погребенных и их позы не установлены за исключением небольшого инвентаря в основном красноглиняные сосудики и женские украшения из бронзы [3, с. 52. Рис. 12;17;17а].

Подземный склеп №3. Сооружение располагалось в 50 м южнее вышеописанного склепа №2. Квадратный лаз 0,60×0,60×0,15 м находился в южной стенке камеры на уровне 0,5 м от пола и был прикрыт плоской квадратной плитой. После снятия выступающей на поверхность плиты перекрытия открылась в плане овальная подземная камера, ориентированная длиной осью по линии С-Ю. Размеры – 2,25×1,15 м высота 1,50 м (рис. 1,3). В восточной стенке камеры расположены друг над другом две трапециевидные ниши. Кладка аналогична выше описанным. К верху сужается и перекрыта большими плитами. Камера на 2/3 объема была заполнена грунтом. На ее полу зафиксированы истлевшие кости нескольких погребенных и остатки инвентаря, главным образом, красноглиняных кувшинчиков и бронзовые украшения, а также пружинные ножницы для стрижки овец, ножи, бусы и, сильно подвергшиеся коррозии, не понятные железные предметы [3, 54. Рис. 13;16;16а].

Данная статья не претендует на определение хронологии инвентаря и погребальных сооружении, так как это уже было сделано учеными ранее [7, с. 54-55; 8, с. 209; 3, с. 57; 2, с. 79-80; 6, с. 80-107; 12, с. 241-250; 10, с. 61 и др.].

Еще в 1970 году Е.И. Крупновым было отмечено «…Как в подземных, так и в полуподземных склепах обряд погребения совершенно одинаков» [6, с. 86]. Также этой версии придерживался С.Ц. Умаров [12, с. 234]. С этим доводом нам придется согласиться по скольку во всех склепах Чечни и Ингушетии устраивались П-образные каменные полки иногда в два-три яруса, на которые укладывали покойников.

Попытаемся разобрать погребальный обряд на данном склеповом некрополе. После того, как душа человека покинуло тело, начинается процесс подготовки тела в последний путь – это и есть важная часть погребального обряда. Если погибший мужчина, то его одевали в соответствующую одежду и вместе с ним оставляли его кинжал, меч, саблю и т.д. А если погибший войн его могли снабдить кольчугой, щитом, пикой, стрелами и луком и др. Женщин также одевали в дорогие ткани с поясными наборами, разными подвесками и бусами.

Покойников заносили головой вперед через лаз и клали соответственно на каменные полки ногами, а иногда и головой к лазу. Также были зафиксированы прямоугольные гробы и колоды. Покойные лежат на полках вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела конечностями рук. Погребенные лежат в одежде. Часто в головах ставился сосуд (деревянный или керамический). Погребенные часто мумифицируются (естественная).

Детей грудного возраста на полки склепа клали в люльках. В процессе длительного использования в погребальной практике, склепы переполнялись погребенными. Приходилось отодвигать на полках останки предыдущих покойников и на их место класть новых умерших [7, с. 256-270].

Со временем не только природа, но и сам человек принял участие в их разрушении. В таких ситуациях определить погребальный обряд и его детали практически невозможно. Под массой человеческих костей, среди которых и черепа вперемешку с находками представляется хаотичный разброс, который никак не вписывается в понимания in situ. Тем не менее, их изучение необходимо продолжить. Имеющихся данных недостаточно для анализа, и они не дают исчерпывающую информацию по погребальному обряду в рассмотренных нами памятниках.

Литература и источники:

1. Багаев М. Х., Тангиев М.А. Кавказовед Владимир Иванович Марковин (к 90-летию со дня рождения)//История науки и техники. М., 2012, №7.
2. Даутова Р.А. Об одном типе позднесредневековых памятников Чечено-Ингушетии//Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. г. Грозный, 1990.
3. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Новые данные о средневековых подземных склепах Чечено-Ингушетии//Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. г. Грозный, 1985.
4. Исаев С.Х., Ахмаров А.У., Дачаев И. С.-Х. Новые погребальные и иные памятники на некрополе Цой-Педе//Материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученных, посвященной 100-летию ФГБОУ ВО ГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова». 2019.
5. Крупнов Е.И. Десять лет деятельности Северо-Кавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР//АЭС. Т. III. Чечено-Ингушское книжное издательство. Грозный, 1969.
6. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Изд-во «Наука», М., 1971.
7. Марковин В.И. Исследования памятников средневековья в высокогорной Чечне // КСИА. Вып. 90. 1962.
8. Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. Издательство АН СССР. М., 1963.
9. Мунчаев Р.М., Кореневский С.Н. Памяти Владимира Ивановича Марковича (1922-2008)//РА, 2008, №3.
10. Тангиев М.А. Историографический обзор изучения подземных склепов Чечни XIII-XVII вв// Народы Кавказа в цивилизационном пространстве России: Материалы VI Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 13-15 ноября 2019 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2019.
11. Тангиев М.А., Бегуев С.А. Типы погребальных сооружений горной Чечни XIII-XVII вв. // XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. 23-29 апреля 2018 г., г. Карачаевск, 2018.
12. Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII–XVI вв. Дис.канд. ист. наук. – М., 1970. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р – 2. № 2075.

Рисунок 1.

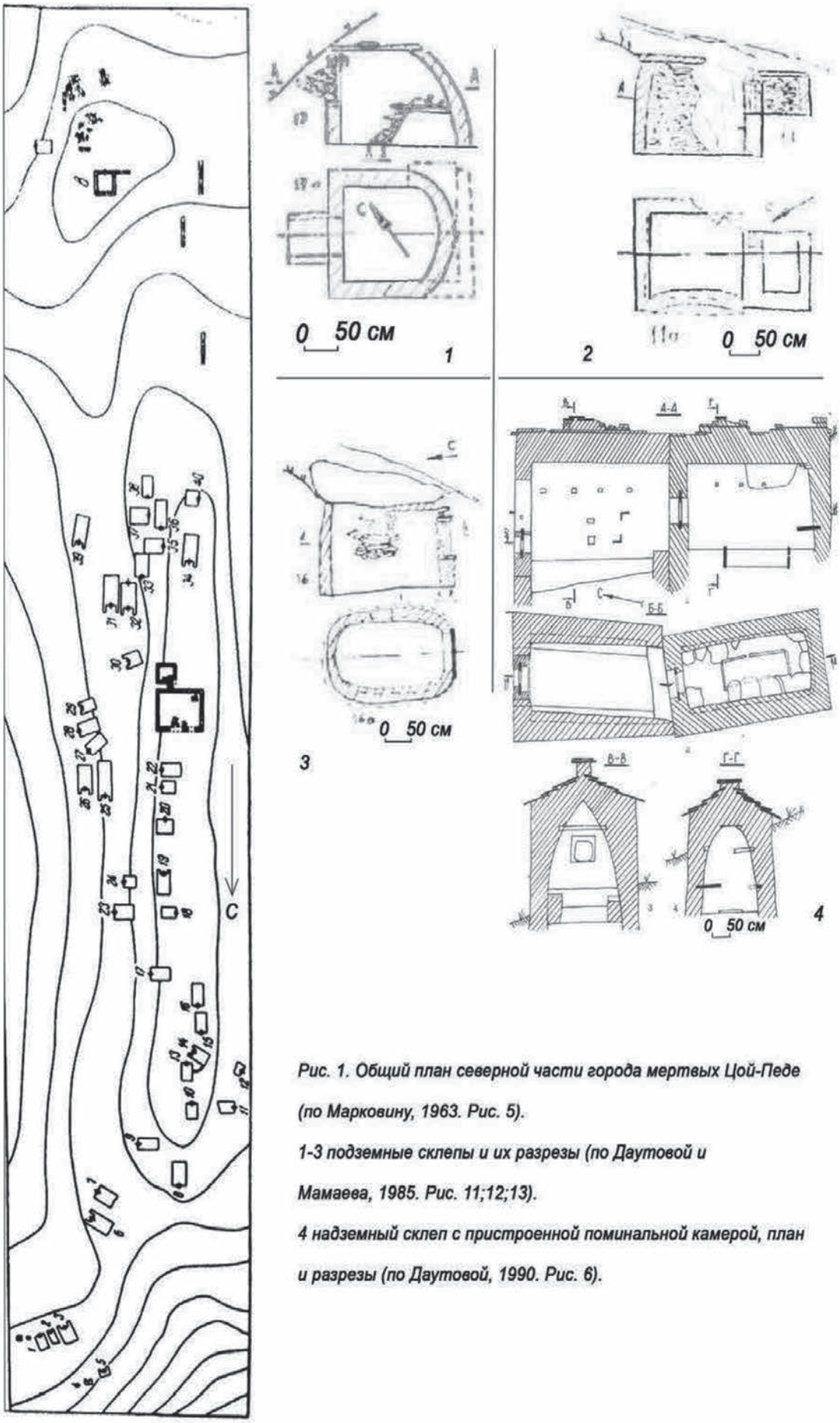
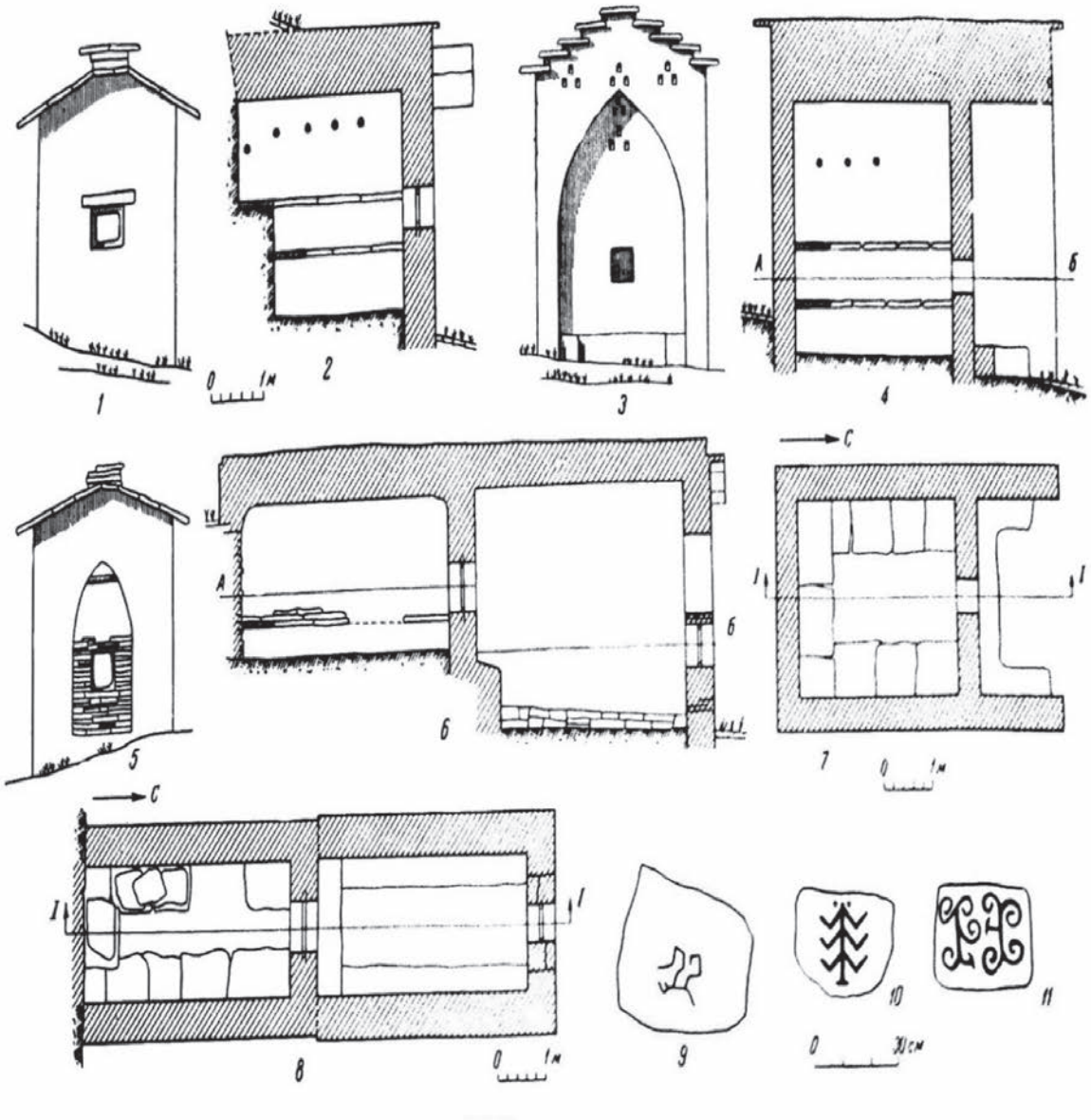


Рис. 1. Общий план северной части города мертвых Цой-Педе (по Марковину, 1963. Рис. 5).

1-3 подземные склепы и их разрезы (по Даутовой и Мамаева, 1985. Рис. 11;12;13).

4 надземный склеп с пристроенной поминальной камерой, план и разрезы (по Даутовой, 1990. Рис. 6).

Рисунок 2.



Хаджиева М.Х.,
ведущий сотрудник отдела этнологии и искусства Карачаево–Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР Российская Федерация, г.Черкесск

ОБРЯДОВАЯ ПИЩА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО НАРОДА В ПЕРИОД ЗИМНЕГО СОЛНЦЕВОРОТА – КЪАШ-НАРТУР

Аннотация: В статье исследуется символика и функции обрядовой пищи карачаево-балкарского народа, а также особенности оформления пространства обрядово-ритуальных действий в период зимнего солнцестояния Къыш-нартур.

Ключевые слова: Къыш-Нартур, обрядовая пища, мир мертвых, культ предков, дары, жертвы, жертвенное животное, зерно, мучная пища.

Къаш-Нартур – это период умирания старого солнца и рождение нового, время начала астрономической зимы и самый короткий день в году. Энергетика нового солнца благоприятное время для занятий благотворительностью, «кормления» покойных, а также это один из восьми главных дней силы, когда молитвы, слова благодарности, просьбы и желания доходят до Всевышнего быстрее. Ритуально-обрядовые действия в такой непростой период должны «восстановить нарушенный порядок вещей, контакт между мирами, исходный сакральный образец» [9, с.197].

О периоде зимнего солнцеворота, карачаево-балкарский народ говорит следующее «Солнце попало в объятия матери», «Солнце встретилось со своей матерью» [6, с.370]. Как отмечает И.М. Шаманов «В Старом Карачае и на Баксане (Балкарии) говорили: «Джыл къоргъазинге тющдю» [13, с.25]. Вероятно, термин «къоргъазин» идет от слова «кургузый», «корногузый», что означает обрубленный, куцый, короткий, тесный, и действительно день зимнего солнцестояния самый короткий день в году и только 25 декабря новорожденное солнце выходит из къоргъазина.

Гадания, в такой особенный день, правдивы, это самые лучшие дни в году, когда можно реально изменить свою судьбу. То есть переродиться так же, как и Солнце. Это время обновления, обнуления, мир яви, пребывает в неустойчивом состоянии, связь с потусторонним миром стабильна, все задвижки между мирами открыты, порталы передвижения из одного мира в другой нараспашку, все запросы, гадания, просьбы о судьбе, урожае, приплоде решаемы.

В день зимнего Солнцестояния можно гадать любым способом, «По камешкам гадали женщины, по лопатке – мужчины [3, с. 210]. Гадание по лопатке жертвенного животного практикуется и сегодня, это один из древнейших скотоводческих обрядов. Прежде чем приступить к трапезе, старший мужчина в доме, очистив лопаточную кость жертвенного барашка от мяса, и осмотрев все рисунки и неровности, рассказывает о том, что может произойти в новом году – смерть, свадьба, рождение новых членов общества, урожай и недород, стихийные бедствия и войны. Окончив осмотр, и растолковав увиденное, верхнюю часть лопаточной кости следует надломить.

Гадают на камушках «таш-салуу» в основном женщины, раскладывая зерна кукурузы, фасоли, ячменя или гороха. «Гадают ночью, днем, по мнению информаторов «камешки обманывают …ночь же, содержит только семена их, и разложенные камешки предвещают то, что лишь в зародыше существуют в хаосе ночи» [3, с. 207].

По рассказам информатора в дни Къыш-нартур молодые девушки селения Карт Джурт гадали на суженого, для чего пекли специальные соленые лепешечки – «туз-гюттю» из ячменной, кукурузной, пшеничной, ржаной, овсяной и ржаной муки, седьмым компонентом была соль. Собравшись в доме одной из девиц, девушки ели «туз-гюттю» и ложились спать, для чистоты гадания предварительно опустошив все запасы воды. По рассказу информатора, ее подруга поутру рассказала о своем сновидении, в котором она с отцом едет на бричке, и по дороге они встречают молодого человека, последний протягивает ей ковшик с холодной водой. Через некоторое время, ее засватали за человека, который показался ей знаком, но вспомнить момент знакомства она не смогла, и только перед свадьбой, подруги напоминают ей о пророческом сне в дни Къыш-Нартур [14. ПМ].

В период неустойчивого состояния мира, наполненного магическим, религиозным значени-

ем, достаточно неспокойно – хаос, разгул черных сил, вредоносная магия, от которой надо уметь сберечь себя. Как известно, зерно, это олицетворение солнца, как элемента аграрного культа, связь с миром предков, функции же соли защитные, гадающие девушки, сочетая зерно-соль, использовали продуцирующую и апотропейную магии.

Изделия из зерновых считаются у карачаево-балкарского народа символом и гарантом стабильности и благополучия, к зерну относились с благоговением и уважением. Печь обрядовую еду, следовало в хорошем расположении духа, читая молитвы, прося у всевышних всяческих благ живым и покоя миру мертвых. Пироги готовили с начинкой из говяжьего рубленого мяса, а также с мясом индейки, картофельно-сырной, тыквенной, творожно-сырно-свекольной и ягодной начинками, с вырезом в виде креста Тейри посередине и просили Тейри-Неба:

Тейри-Неба – единственный бог.
Других богов – тысяча богов.
Тейри-неба – создатель неба, земли,
Каждое утро восходы посылающий» [8, с.152].

Для обрядов перехода, пекли печенья особенной формы, «в форме птичек – «чыпчыкъ локум», звезды – «джулдуз локум», креста – «къач локум», ромба – «мет локум», «гумай гюттю» – в форме ворона, «къарч гюттю» – звезды большого размера, «артхы гюттю» – в форме четырехугольника с кругом посередине, в форме бараньей лопатки «къалакъ локум». Одни из них имели антропоморфную, другие зооморфную формы, являясь реликтами архаичных верований, связанных с жертвоприношением, с целью обеспечить счастье и благополучие семьи «юйдеги», селения «эль», родины – «джурт», государства – «крал» [12, с. 109].

В религии карачаево-балкарского народа особое место занимает культ священных рощ и отдельных деревьев. Культ связан с солнцем, традиции приношения даров к священным деревьям «Раубазы-терек», «Джангыз-терек» существовали и после принятия ислама. Недаром у жителей селений Верхней Балкарии существовала поговорка: «Пусть моим защитником будет «Раубазы», а твоим – Аллах» [7, с. 109].

Символику священных деревьев, связывают с богатым урожаем и приплодом домашнего скота и конечно исцелением от хворей. «Больные пили настой из игл сосны, купали в нем детей» [3, с.59]. Бездетные женщины, загадав желания, повязывали лоскуты ткани и холщевые мешочки с зерном на ветки священных деревьев Раубазы-терек, Джангыз-терек прося у всевышнего чадородия и благополучия семье. В дар богам и духам-предков несли выпечку – хычины, чыкыртла, къатлама, как символы вечного солнца, берекле – басила/башила бёрек, как символ ночного светила – луны, связанного с верой в обновление, возобновления жизненной энергии, яйца – символ возрождения, бессмертие души, а также как средство обеспечивающее рост зерновых.

Охотники и пастухи оставляли под деревом наконечники стрел, сыр, хлеб, посохи, вешали на ветви шерсть домашних животных, прося удачи, везения, приемлемых климатических условий.

Сама традиция наряжать деревья уходит корнями в языческое прошлое народа, археолог Х.Х.Биджиев, полагает, что культ священных деревьев восходит к аналогичным поверьям тюркоязычных предков, ссылаясь на «Историю агван» Моисея Каганкатваци, которые приносили в жертву богу неба Тенгри-хану лошадей в дубовых рощах [2, с. 114]. Ни одно другое животное, кроме коня не ассоциируется у тюрков с Тейри Солнца, Тейри-Синего Неба. Голова коня – это солнце», – говорят карачаевцы и балкарцы. Следы почтительного отношения к коню сохранились в пословицах и поговорках: «Ат – эркишини къанатыды» («Конь – крылья мужчины»), «Ат муратха жетдирир» («Конь доставит к мечте») [1, с. 114]. В турецком искусстве очень популярно изображение небесного коня с солярным крестом и кругом на голове [5, с. 174]. Этот образ служит символом счастья. В Ригведе коню посвящаются погребальные гимны, где он уподобляется солнцу.

Показательна общность фольклорных и мифологических сюжетов, связанных с конем у всех тюркских народов, веры в него как в предка и могущественного покровителя, символа Тейри-Солнца, Тейри-Неба, что ярко выражено в преданиях, сказках, пословицах, поверьях и обрядах, в которых конь выступает проводником, охранителем и защитником, является символом единения тьмы и света, жизни и смерти, а также победы человека над самим собой, упорядочения внутреннего хаоса, духовного раскрытия и развития своего божественного я [11, с. 114].

Вероятно, современная новогодняя ёлка наследует функции священных деревьев. Как отмечает информатор 1920 года, в период солнцестояния, дети и подростки наряжали елочку,

прыгали через очистительные обрядовые костры, катались на санках, колядовали, играли в «Бузакка» – «Ледяной дед», «боранкельди» (буквально «боран явился»), в которых выступали ряженые «чюертон» в качестве «владельцев» костров. В этот период надо было жечь костры, зажигать светильники «чырахтан» важно было победить тьму и помочь молодому солнцу в борьбе с разной нечистью, которая активизируется в период слабости светила [15, ПМ]. Очистительные возможности огня известны с древности, еще гунны использовали костры из можжевельника проводя меж двух огней иностранных послов, немощных и больных, захворавшую скотину.

К зимней обрядности относятся и колядные групповые хождения подростков и детей – Гюппе. Колядовали в основном дети и подростки, надевая устрашающие, а иногда и смешные маски животных – козла, барана, быка, коровы, лошади, вола. Как описывает М.Ч Кудаев, колядующие в руках держали посох и деревянные сабли, лук со стрелами, веники, барабаны, деревянные вилы, плетки и поднос с фруктами, шкуру, платок, веретено. Сбоку у участников обряда висели сумы для пищи, собираемые для общественного пира [7, с. 124]. Ряженые имитировали повадки животных, надев на себя вывернутые наизнанку мехом наружу шубы, навесив лоскуты ткани, цветные ленты, гремящие предметы, что придавало этой пестрой процессии грозный, а иногда и устрашающий вид, казалось, что мир вдруг разделился на мир реальный и нереальный, ненастоящий, в котором не действуют законы этого мира. Надевший маску, становится воплощением изображенного на ней духа, карачаево-балкарцы в основном использовали маски животных для отпугивания духов болезней, демонов, смерти, а также маски позволяли идентифицировать себя с духами-предков.

Обе стороны этого процесса принимали правила игры. Колядующие подростки изображали тотемных животных, которые должны оградить население от злых духов, а те в свою очередь наделяли их дарами.

Перевоплощаясь в представителей другого мира, ряженые в масках животных проводили подворный обход, разыгрывая сценки, пародии и распевая песни-алгыши, здравицы – «Озай» и «Гюппе», с пожеланиями благополучия и счастья, богатства, в новом году.

Участников колядок в благодарность угощали пирогами с мясом и сыром, вареными яйцами, домашними колбасами – джерме, къыйма, халвой, печеньем, кашей – «баста» с медом, черносливом, курагой и изюмом, сладкими слоеными пирогами-хычинами с сухофруктами, халвой, рисом и творогом. Скупых хозяев высмеивали, выкрикивали угрозы и «проклятья». При исследовании благопожеланий и здравиц мы обнаруживаем, то что, во-первых, «просители», не просят, а требуют, во – вторых требуют определенные блюда и продукты. Даритель же надеется, рассчитывает и ждет ответных действий от сил, к которым он обращается. Зависимость личного благополучия семьи и хозяйства от, казалось бы, шуточных благопожеланий и проклятий ясно заметны в текстах благопожеланий и здравиц Озай и Гюппе. Видимо, этот обряд когда-то совершался взрослыми и, естественно, носил магический характер. «Смысл обряда не в попрошайничестве, – пишет Ф. А. Урусбиева, – а в коллективном серьезном отправлении обряда, который мыслится как акт заклинания и благополучия» [9, с. 24].

Как пишет Т.М. Хаджиева, на древность этих песен указывает и то, что основной их частью являются традиционные формулы заклинаний и пожеланий, свойственные культовым алгышам. Рефрены «Озай» и «Гюппе», являющиеся органической частью этих песен, – имена уже забытых божеств. А в древности, как известно, «произношению имени доброго божества приписывалась особенно чудесно-мощная магическая сила» [4, с. 509]. Участники обряда верят, что многократное повторение имени божества задобрит его, и оно исполнит их мольбы и пожелания.

В представлениях карачаево-балкарского народа, обрядово-ритуальной пище придавалось большое значение, от нее зависело не только благополучие отдельно взятой семьи или горского общества, но само гармоничное и неизменное состояние мироздания» [10, с. 326].

Пище приписывали магическую значимость, основываясь на прямой аналогии: мед и другие сладости – к добру, «сладкой жизни», всевозможные мучные блюда – к изобилию, к плодородию, мясо – к благополучию и богатству.

Вся зимняя обрядность была нацелена на то чтобы:

– обеспечить жизнь человека, усилить плодородие земли и скота, укрепить благополучие семьи;

– посредством совместного приготовления и потребления, проявляется консолидирующая

функция пищи, объединяющая и собирающая круг родственников, знакомых, односельчан, воссоединяющая живых и мертвых;

– поминание родственников – это обновление путей сообщения с ними, укрепление родовой цепочки, гарантированная помощь мира-мертвых. Покойные являлись носителями и гарантами плодородия и должны были при соответствующих действиях помогать своим родственникам.

Центральная идея заключалась в обеспечении жизненных основных благ (изобилия пищи, здоровья, плодородия скота, многодетности и т.д.) путем принесения жертв и даров.

Литература и источники:

1. Азаматов К.Г. Муслиман дин киргинчи малкъарлыла жюрютген динни бир къауум жорукълары / Шуехлукъ, 1972. – № 2.
2. Биджиев Х.Х. Погребальные памятники Карачая XIV-XVIII вв / Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.1979.
3. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: краткий очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1991.
4. Зеленин Д.К. Магическая функция слов и словесных произведений / Академику Н.Я. Марру. М.–Л., 1935.
5. Esin E. The Horse in Tutkic Art, in: CAJ, vol. 10, 1965, Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
6. Къарачай-малкар мифле. Нальчик 2007.
7. Кудаев М.Ч. Древние танцы балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1997 г.
8. Малкондуев Х.Х. Древняя песенная культура. Нальчик. 1990.
9. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979.
10. Хаджиева М.Х Карачаево-балкарская пища в обрядах и ритуалах свадебного цикла в условиях общественных трансформаций Научный журнал Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева / Школа молодых ученых, выпуск №17, Владикавказ 2017.
11. Хаджиева М.Х.К К вопросу о культе коня у тюрков Международная конференция. Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура / От истоков к грядущему. Черкесск 2016.
12. Хаджиева М.Х Кормление» покойных через пограничную группу «джарлы» и «харип Мир науки, культуры, образования. № 4 (47). – 2014.
13. Шаманов И.М. Календарь и календарная обрядность карачаевцев и балкарцев / Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск 1989.
14. Полевая запись Хаджиевой М.Х. (далее ПЗ) 2008 г. Ст. Красногорская, Карачаево-Черкесской республики / инф. Узденова Г.Г.1920 г.р.
15. Полевая запись Хаджиевой М.Х. (далее ПЗ) 2007 г. Ст. Красногорская, Карачаево-Черкесской республики / инф. Узденова А.Г. 1935 г.р.

Цекова Л.И.,
старший научный сотрудник отдела этнологии и искусства
Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
Россия, г. Черкесск

НАРОДНЫЕ ИГРЫ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В статье игра рассматривается как одна из форм проявления культуры. В течение игры открывается ее универсальная формообразующая роль, игра позволяет сохранить синкретический творческий характер различных видов человеческой деятельности в соотношении с эстетическими, моральными, интеллектуальными и другими духовными ценностями.

Ключевые слова: игра, «Кьынкьара», «КІьампІыл», «Кьардига Бургацах» (Клок-мяч), народные игры, физическая культура.

Игра – вид свободной человеческой деятельности, изъятой из повседневности и направленной на создание ситуаций, взаимоотношений и взаимосвязей явлений, автономных и непредсказуемых по сравнению с реальной жизнью человека. В общем плане игра носит незаинтересованный характер и важными признаками игры являются: ярко выраженное иррациональное начало и отсутствие у нее в отличие от труда связи с утилитарными целями. Таким образом, игра предстает как форма человеческого свободного самовыражения и действия, не связанного с достижением социальных или других целей и содержащая в самой себе как цель, так и результат [3, с. 104]. Поэтому игра может имитировать любую часть контекста человеческого существования и открывает возможности для свободного комбинирования отдельных элементов реальности.

Проблемы игры рассматриваются в философии, культурологии, психологии, педагогике и эстетике. В целом среди основных функций игры выделяются такие, как высвобождение избыточной жизненной энергии, потребность в подражании, подготовка к серьезной деятельности. Однако наиболее значительный интерес вызывают трактовки игры как явления культуры и определенного вида эстетической деятельности. Наиболее известная трактовка игры в ее эстетическом значении была дана немецким писателем и просветителем Фр. Шиллером в его «Письмах об эстетическом воспитании» [6, с. 54]. Шиллер выделял игру как важнейшую форму свободной деятельности человека, противоположную ограничивающей его социальной практике. Игра универсальна, так как соединяет случайное и необходимое, реальное и иллюзорное и тем самым создает ситуацию свободы и творчества. Таким образом, игра открывает путь в сферу красоты, где человек может реализовать свой творческий потенциал и преодолеть замкнутость и ограниченность своего социального существования.

Наиболее известная разработка проблем игры как явления культуры принадлежит голландскому культурологу Й. Хейзинге, автору книги «Человек играющий» [5, с. 10]. Хейзинг настаивал на том, что игра является некой универсальной заданной величиной и как форма деятельности предшествовала культуре. Хейзинг явился создателем наиболее распространенного ныне варианта теории игры в ее всеобъемлющем значении для всей истории человеческой культуры и общества. Игра у Хейзинга лежит в основе проявления практически всех форм культуры, начиная от мифа и праздника вплоть до поэзии, философии, права, истории, морали и т.п. В связи с тем, что смысл и течение игры заключаются в ней самой, открывается ее универсальная формообразующая роль, игра позволяет сохранить синкретический творческий характер различных видов человеческой деятельности в соотношении с эстетическими, моральными, интеллектуальными и другими духовными ценностями. Предшествуя культуре, игра одновременно упорядочивает человеческую деятельность, по-своему эстетизируя ее через наличие в ней завязки, развязки, напряженности, равновесия, контрастов, вариаций, правил и т.п. В результате игра становится отличительным признаком всякой культуры. Созидательное начало игры в культуре выражается, например, в принципе состязательности, которому подчинены многочисленные явления мифологии, обрядов, религии, права, военные действия, праздники, диалогические формы человеческих взаимоотношений, спорт, политика, коммерция и искусство. Вслед за Хейзингом можно утверждать, что

практически на всех этапах исторического развития человеческого общества от Древнего мира до современности некоторые стороны жизни протекают в форме игры и тем самым являются частью культуры. Именно через игру внедряются и поддерживаются жизненные и духовные идеалы и ценности, проявления которых затруднены в господствующих действительных формах общественной жизни. Таким образом, покинув большинство сфер человеческой деятельности, игра сосредоточилась в художественном творчестве и искусстве. В XX в. на стадии развития массовой культуры игровое начало доминирует не только в различном типе развлекательных проектов (например, конкурсы, лотереи, спортивные состязания), но и в оценке разнообразных явлений общественной жизни и искусства (например, опросы, рейтинги, хит-парады). В настоящее время игра признается в качестве одной из универсальных категорий, раскрывающих особенности человеческого существования, и как всеобъемлющий способ человеческой деятельности.

Следует выделить одно очень важное обстоятельство это связь игрища с игрой в самом широком и глубоком смысле этого слова. Бгажноков Х. в своей работе «Черкесское игрище» выдвигает гипотезу, согласно которой «исторически игрище представляет собой одно из первых и наиболее ярких проявлений игры - как способа решения разнообразных задач, встающих перед социумом в его постоянной борьбе за выживание, за сохранение собственного Я» [1, с. 54]. Бгажноков пишет, что самым важным, сущностным свойством игровой деятельности является гетерозивность - ориентация на изменение социума или личности, адекватное изменениям в его внешней и внутренней среде. Вокруг гетерозивности, в виде своего рода субдоминантных очагов располагаются все другие функции игры: физическая и психическая разрядка, тренинг, развлечение, производство и восприятие искусства и т. д. Игра является способом перехода системы из одних, чаще всего тревожных, определенных состояний, в другие - менее тревожные и более определенные.

В ходе игры вырабатываются и отрабатываются оптимальные принципы и нормы достижения цели или успеха во всех других сферах деятельности. Это может быть игра ума, игра воображения, игра в форме речевого общения, в форме пения, танцев. Игра готовит почву для утверждения того или иного жизненного отношения. Преодолевая хаос, она прокладывает путь к порядку. Система институтов, средств, способов деятельности, благодаря которой достигается этот своего рода социорегулятивный эффект, составляет игровую культуру. При этом внеигровая культура может быть понята как система способов деятельности по применению того, что вырабатывается в ходе и в форме игры.

Иными словами, внеигровая культура принимает эстафету из рук игровой культуры. Она претворяет в жизнь связи и отношения, которые прокламируются в игре. Именно в этом смысле можно вслед за И. Хейзингой говорить о том, что игра старше культуры. Использование игры в качестве механизма приобретения, переработки и хранения опыта человеческой деятельности стало главным условием возникновения культуры как таковой. С игровой культурой связано очень широкое и многообразное поле способов и средств деятельности с бесчисленным множеством конкретных целей, результатов. Театр, политика, наука, спорт тоже являются различными формами и результатами игры. Практически в основе и у истоков всей культуры человечества лежит игровая культура, но в современных условиях она приобретает иные черты. Во всей своей мощи и полноте игра предстает в народном празднестве.

Итак, игра представляет собой активный, деятельный поиск и применение средств и приемов гармонизации человеческого существования. Она достигает этой цели, прежде всего, путем своеобразного синтеза наличных и желаемых отношений, путем отображения гармонии и успеха в мнимой - игровой ситуации. Игра вступает в действие, когда социум стоит перед лицом какого-либо нового события, находится в состоянии кризиса. В таких случаях общность производит «такие структурные изменения или превращения, которые повышают ее жизнестойкость, способность противостоять дестабилизирующим, дезорганизующим факторам» [2]. Иными словами игра - способ преодоления кризиса, что помогает человечеству выжить.

В настоящее время игра признается в качестве одной из универсальных категорий, раскрывающих особенности человеческого существования, и как всеобъемлющий способ человеческой деятельности.

В системе физического воспитания абазин определенное место занимали народные игры. В основном, они проводились на свежем воздухе в

любое время года. Наиболее распространенными были игры, связанные с прыжками, бегом, борьбой и т.д. Многие праздники у абазин сопровождались играми, спортивными состязаниями, в которых каждый участник хотел показать свою силу, ловкость, умения.

Приведем примеры традиционных игр абазин:

«Кьынкьара» (кынкара) – [1, с. 68]. Правила игры: в игре участвовали мальчики. Собирались в широком, просторном месте. Выбирали двух постарше (капитаны команд), все участники игры делились на две группы. Одинаковое количество игроков выстраивались в линейку, держась за руки. После жеребьевки капитан команды выбирал человека, который с разбегу должен был разбить сцепку. Если он разбивал сцепку, то брал одного или двоих игроков и выходил из игры. Если он не разбивал, то противоположная команда забирала его [1, с. 69].

«КIьампIыл» (кампыл) [1, с. 71]. Предметы игры: палка по типу клюшки и небольшой мяч (аналогия хоккея, но только с мячом). Мяч делали из шерсти весеннего настрига, из старых платков. Этот небольшой мяч был очень крепким. Ранее делали из лошадиного хвоста. Правила игры: в эту игру играли и юноши, и девушки (10-12 человек), но могли играть как одни девушки, так и одни ребята. Это была одна из любимых игр. Изготавливали палку, длина которой был около метра, а ширина была такой, чтобы помещалась в руку. Конец палки загибали по типу клюшки. Играли в определенном месте, вне населенного пункта. Собравшиеся делились на две команды, выбирали капитанов команд, побеждала та команда, которая больше забьет голов [1, с. 71].

«Топтарыгьажь» (топтарыгаж) [1, с. 72]. В эту игру играли девушки и парни. Предмет игры - мяч. Правила игры: игроки собирались в том месте, где не росла трава. Выбирали того, кто будет подавать (крутить – «зрыгьажьуаш») мяч. Участники игры становились близко друг от друга в ряд, делали небольшие выемки, то есть каждый участник стоял над своей «ямкой» и ждали подачи мяча. После того как брошенный мяч попадал в яму участника игры, хозяин ямы становился владельцем мяча. В это время остальные участники игры разбегались в разные стороны. Владельцу мяча нужно было попасть в кого-нибудь из них. Тот, в кого попадали, шел следующим подавать мяч. Если «хозяин мяча» не попадал, то сам подавать мяч. Игра направлена на развитие способностей быстрого передвижения и сообразительности.

Аналогично абазинской игре «КIьампIыл» (кампыл) была игра у ингушей «Кьардига Бургацах» (Клок-мяч). Правила игры, следующие: «Игра способствует физическому росту, развитию смекалки, мышления, постижению начал зрелости. Нужно провести черту и на расстоянии 50-60 метров друг против друга отметить старт и финиш. Дети-игроки разбиваются поровну на две команды. У каждой команды свой капитан.

Право первого удара палкой по мячу определялось жребием. Мальчик по одну сторону поля ударом по мячу бросал его мальчикам с противоположной стороны, которые имели право двух ударов. Капитан имел право трех ударов по мячу.

Тот, кто промахивался, должен был выйти из игры. Если от удара мяч летел в сторону противника, противник должен был нестись к финишу до тех пор, пока мяч не заденет кого-то из бегущих. В том случае, если мяч попадал в «цель», команды менялись местами. Местами менялись и в том случае, если кто-то из противной стороны успевал схватить летящий мяч до того, как он коснется поверхности поля [4].

Народные игры играют важную роль в развитии физических качеств и, конечно, в воспитании. Посредством подвижных игр формируются и развиваются такие качества, как воля, характер, целеустремленность, выносливость, умение ориентироваться в пространстве и т.п. Все эти игры подчинены одной цели – развить среди подрастающего поколения определенные психофизические способности. Каждая игра акцентировала преимущественное внимание на одной какой-либо стороне воспитания человека. То ли это попадание в цель, то ли быстрота передвижения, физическая сила, то ли сообразительность или же выработка морально-психологической устойчивости и т.д. [6, с. 176].

Хотелось бы обратить внимание на следующее, что в наших школах отводится определенное количество часов на занятия физической культурой. Дети в школах занимаются спортом 2 раза в неделю при пятидневной учебной неделе. Автором предлагается ввести в школьную программу еще один час физкультуры, посвященный традиционным народным играм. Так дети с малого возраста будут познавать свою культуру через физическое воспитание.

В данной статье на основе этнографического материала игра рассматривается как одна из

форм проявления культуры. Следует отметить, что традиционные игры имеют положительное влияние на сохранение этнокультурной идентичности подрастающего поколения. Отсюда следует вывод, что игры представляют немалый практический интерес в воспитании детей и молодежи. Это поддержание и развитие этнокультурных традиций, обычаев и мн. др. В этой связи возникает необходимость создания целостной системы освещения, раскрытия и усвоения содержания самобытных народных традиций и обычаев, в том числе и традиционных народных игр, отражающих, в том числе и нормативные правила поведения человека в многонациональном обществе.

Литература и источники:

1. Бгажноков Б. Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991. – С. 188.
2. Баталов К. А. Абаза саби литература. АсабигIзартаква, рсабикви, аклассайцIбаква рапхьагIвчви рыхъазла апхьага (Детская литература. Пособие для работников дестких садов, учителей начальных классов). Хрестоматия. Черкесск: ООО «Нартиздат», 2016. С. 604.
3. Введение в теорию и историю культуры: словарь / А.А. Федоров.-М.: Флинта: МПСИ, 2005. С. 464.
4. Народные ингушские игры /// https://pandia.ru/text/82/069/51529.php. Дата обращения – 11.02.2020г.
5. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. Х 35 и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 416.
6. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. – Москва: Директ-Медиа, 2007. – С. 200.

Цуров Микаил Джабраилович,
кандидат экономических наук, доцент Ингушского государственного университета
г. Магас, Российская Федерация

Цуров Ахмед Саварбекович
краевед

Цуров Башир Бекханович
краевед

ДЖЕЙРАХСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНГУШЕТИИ В ИСТОРИИ КАВКАЗА XVI-XVII ВВ.

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию взаимоотношений ингушей с русскими в XVI-XVII вв. В статье авторы освещают события и проводят аналогии с известными ингушскими представителями Джейрахского общества, роль и место которых определила история. В статье рассматриваются интересы этнолокальных групп Ингушетии подчас тесно перекликающиеся со стратегическими целями Российской империи. В статье акцент делается на роль Чура в укреплении российско-ингушских отношений.

Ключевые слова: ингушские общества**,** джераховцы, Ших-мурза, Султан-мурза, Чур, чурнякъан, окочане, русско-кавказские хроники XVI-XVIII вв.

Tsurov Mikail Dzhabrailovich,
PhD in Economics, Associate Professor, Ingush State University
Magas, Russian Federation
Tsurov Akhmed Savarbekovich
local historian
Tsurov Bashir Bekakhnovich
local historian

DZHEYRAKHSKY SOCIETY OF INGUSHETIA IN THE HISTORY OF CAUCASUS XVI-XVII CENTURIES

Annotation: This article is devoted to the study of the relationship of the Ingush with the Russians in the XVI – XVII century. In the article, the authors cover the events and draw analogies with the famous Ingush representatives of the Dzheyrakh society, the role and place of which was determined by history. The article considers the interests of the ethnolocal groups of Ingushetia, sometimes closely intertwined with the strategic goals of the Russian Empire.

Key words: Ingush society, jairakhoy, Shih Murza, Sultan-Mirza, Chur, churnakchan, okochane, the Russian-Caucasian Chronicles 16-18 centuries

Вторая половина XVI–начало XVII века в истории народов Северного Кавказа, и Ингушетии, ознаменовались началом установления тесных контактов с Россией. Именно в этот период наблюдается активизация ингушских владельцев, направленная на принятие русского подданства.

Расширяя свою политику в южном направлении, Россия все более вовлекала в круговорот политических событий местные сообщества Центрального Кавказа, традиционно опираясь на их более влиятельных представителей. В посольских отчетах грузинских послов, терских воевод и служилых людей Терского города-форпоста России на Кавказе ингушские территориальные сообщества в период XVI-XVII вв. представлены этнолокальными группами под следующими названиями – «калканцы», «окочане», «ерохонские люди» (джераховцы) и т.д.

Позднее, как известно, ингуши в русских хрониках XVIII вв. разделяются на Кистинское, Джераховское, Назрановское, Карабулакское, Галгаевское и Цоринское общества. Тем интереснее, с кем идентифицируются, с очевидностью претерпевшие «трудности перевода», более ранние на-

звания сообществ. Население горной Ингушетии того периода, как отмечено ранее, упоминаются под названиями калканцев, ероханских людей, окочан, кистов, которые, по словам Е. Н. Кушевой, «покрывают… родоплеменные группы горной Ингушетии» [10, с. 66] и сопоставляются исследователями с галгаями, джераховцами, аккинцами и кистами соответственно, что фиксируется в русских исторических документах с 1589 года [5, с. 272-273]. Доводы Е. Н. Кушевой и Н. Г. Волковой не оставляют сомнений в том, что под данными названиями имеется в виду население и общества Ингушетии.

Через территорию расселения калканцев, окочан, ерохонских людей проходила важнейшая дорога, связывающая Северный Кавказ с Закавказьем, – Дарьяльская или более известная в XVI-XVII вв. как Черкасская дорога.

Дарьяльское ущелье являлось стратегическим местом, контроль над которым Российское государство старалось закрепить за собой. Через Дарьяльское ущелье осуществлялись дипломатические связи между Россией и Грузией. В конце XVI – начале XVII в. ингуши были задействованы в русских экспедициях в качестве сопровождения и обеспечения безопасности путешествия русских и грузинских послов. Часть пути, пролегающая через Дарьяльское ущелье, представляла опасность в силу того, что являлась зоной интересов джераховцев, контролировавших теснины ущелья и взимавших дань с проезжающих. Таким образом, сообщение через Ингушетию имело важное значение для России, а также для Грузии, которая была прекрасно осведомлена о своих соседях.

Джераховцы выступали на правах владельцев местных земель и могли представлять опасность русской посольской миссии. При этом, как видно из исторических документов, джераховцы время от времени предстают союзниками терского войска, желающими принять покровительство России, обеспечивая сопровождение русской посольской миссии до территории Грузии и обратно. Однако исторические хроники повествуют о трудностях налаживания контактов с горцами в силу противоборства влиятельных представителей местных ингушских сообществ.

В 1637 г. грузинский митрополит торопит московских послов: «… время давно есть и уж проходит, чтоб в Колкани не заперлася дорога, и нам невозможно будет проехать, а та дорога мне за обычай» [13].

Некоторые влиятельные представители джераховцев (ерохонские люди) были заинтересованы в покровительстве русского царя. Этому есть ряд объяснений в силу сложившихся исторических условий, о которых можно судить исходя из исторических документов и известных событий, разворачивавшихся на Кавказе.

Как известно, кабардинские князья Малой Кабарды находились под покровительством русских со времен царя Ивана Грозного, после его женитьбы на Марии Темрюковне – дочери кабардинского князя Темрюка Черкасского. Эта протекция Москвы передавалась от сына к сыну: Сунчалей Черкасский, Муцал Сунчалеевич, Каспулат Муцалович… Черкасские имели от русского царя Михаила Федоровича жалованную грамоту на княжение над нерусским населением в Терках.

Имея мощную поддержку в лице крымского хана и русского царя, кабардинская знать контролировала, в том числе, Центральную часть Кавказа, устраивая набеги как друг на друга, так и на соседние народы, изгоняя их с земель. Такова была участь и ингушских сообществ, которая усугубилась перенесенной эпидемией чумы в горной Ингушетии.

Оценивая власть и ресурсы кабардинских племен Малой Кабарды в союзе с ногайцами, поддерживаемые в лице Муцала Черкасского русскими царями и их противостояние со знатью Большой Кабарды, которых поддерживал крымский хан, а также территориальную близость к ингушам, можно понять интересы некоторых влиятельных ингушей в стремлении удержать контроль или вернуть часть потерянных западных территорий посредством союза с влиятельными кабардинцами Малой Кабарды.

Данный факт находит свое отражение в исторических хрониках событий 1646 года военного похода русских против Крыма в союзе со своими кабардинскими и ногайскими вассалами и казаками.

28 мая 1646 г. была послана грамота и в Терский город, в которой велено было сообщить о походе «на государеву службу на Дону» терским служилым людям «и казакам конным и пешим, и терским и гребенским атаманам и казакам, и черкаским князю Муцалу и мурзам, и новокрещенам, и узденям, и юртовским татарам, и окоцким людям жаловальным, и мурзинским слоботцким прихожим нежаловальным черкаским и окочанским и татарским и мичкиским и шибутцким

братьи и детям и племянникам, и всяким слободцким людям» [18].

Из пестроты перечисленных представителей местного населения очевиден факт их разнообразия по этническим признакам (мичкиские, шибутцкие люди; окочанские люди) и статусу (казаки, черкаские князья и уздени). Одна из версий этимологии слова «черкасы», заслуживающая внимания, принадлежит А. П. Знойко. Он утверждает, что название происходит от тюркизма чирикиси, что означает «люди силы» или «люди армии» [8], что вполне уместно для наименования наемнических тюркоязычных отрядов.

Таким образом, вырисовывается картина политических событий и соотношение сил на Кавказе. К середине XVII в. ассимилирующиеся в местной среде адыгов-зихов и поработившие их тюркоязычные военизированные отряды, нанимаемые Москвой наряду с казаками для контроля пограничных территорий, представляли военную силу и поддерживались русскими царями вплоть до XVIII века. Ассимиляция постепенно привела к перерождению их в кабардинскую знать, которая притесняла соседние народы и определяла политику русских царей на Кавказе, о чем свидетельствуют челобитные Михаилу Федоровичу, Алексею Михайловичу, противопоставляя себя черкесам Большой Кабарды, которые тяготели в вассальное подданство крымского хана. В этот период, сопровождающийся ослаблением нахских племен в результате эпидемии чумы, набегов ногайцев и кабардинцев под протекцией в разное время то Крыма, то Москвы, была осуществлена военная операция кабардинских племен вместе с ираноязычными племенами, которые находились в их подчинении.

Указанные события происходили в 1571 году, к моменту ослабления ингушских племен джераховцев, населявших Даргавс, что было связано с эпидемиями, свидетельством чему является известный сейчас город мертвых в Даргавсе («даьр гу сона» – «вижу сделанное» с инг.), предстающее как скопление склепов – солнечных могильников. Осетинские старожилы рассказывали путешественникам, что предки их выносили останки прежних племен и использовали склепы в собственных целях. Это подтверждает исследователь Н. Г. Волкова, которая ссылаясь на осетинские предания, записанные в 1927 г. Л. П. Семеновым в Кобанском ущелье пишет, что «ингуши в прошлом обитали в Куртатинском и Даргавском ущельях из которых под натиском осетин и кабардинцев ушли в Санибанское ущелье, а позднее через район Чми на правый берег Терека [5, с.143].

Таким образом, ингушские племена были оттеснены сначала в Чими (Чми), затем они оставили и Санибское ущелье. Так в очередной раз ингуши были вынуждены оставить свои земли, как ранее в XIII веке под натиском монголо-татар, в XV веке – Тамерлана, затем после возвращения – под натиском кабардинских и ногайских орд с поддержкой русской артиллерии.

Устное народное творчество сохранило ингушское древнее предание о жестокой битве с применением редкой на тот период артиллерии (песнь «Мехка-нана»). Очередной исход ингушей в горы имел следствием объединение разрозненных племен, строительство замковых городищ, второй этап построек которых датируется второй половиной XVI века. Желая вернуть отторгнутые земли и по причине перенаселения гор, ингуши проводят военную операцию, в результате которой выбивают со своих земель пришлые племена и возвращают Тарскую долину с основанием селения Онгушт. Джераховцы составляли правый фланг этой военной операции, формируя его вдоль правого берега реки Терек.

Таким образом, события тех лет свидетельствуют об извечном стремлении ингушей вернуть после ослабления монголо-татар свои потерянные территории. Для достижения этих целей влиятельные представители ингушских фамилий подчас вступали в военный союз с могущественными вассалами Москвы – кабардинскими князьями Малой Кабарды. Таким представителем джераховцев предстает в исторических хрониках Чур[ə].

Известно, что в российских хрониках упоминается имя одного из родоначальников Джейрахского общества Ингушетии – Чура, праотца и основателя тайпа чуранякъан (фамилии Цуровых).

Для Цуровых имя Чура – основателя их фамилии особо почитаемо. Чур – родоначальник одного из древнейших ингушских родов – чуранаькъан (Цуровы), сын Бека и внук известного по ингушским преданиям предка Дзарахмета. Дзарахмет основатель и родоначальник Джерахского общества, которое состоит из пяти фамилий: Цуровы, Хаматхановы, Льяновы, Ахриевы, и Боровы.

По генеалогии Цуровых, составленной Цуровым Абдулой Инусовичем, жителем с. Нижний Эзми и Цуровым Ахметом Мусиевичем, жителем

с. Редант передававшейся из поколения в поколение, Дзарахмат (Албор) является отцом Бека. Сын Бека – Чур. У Чура было три сына Бочи, Джабо и Джячи.

Один из самых ранних и пространных русских источников, связанным с ингушскими землями, в частности, джейрахским обществом, относится к 1589 году. В нем ретроспективно отражены события, причастные к предыдущему периоду – 1587 г. Все они связаны с первыми московскими посольствами в Грузию, путь к которой пролегал через Дарьяльское ущелье, земли ингушей, где и разворачивались события. И связаны они с одним из «калканских» владельцев – Салтан-мурзой. Следует подробнее остановиться на сведениях о Салтан-Мурзе, личность которого незаслуженно обделена вниманием исследователей.

Из посольских отчетов 1589 года Салтан-мурза, современник Ших-мурзы Окоцкого, предстает владельцем Ларсового кабака (поселение). Селение Ларс находится в Дарьяльском ущелье. Через него проходил основной маршрут сообщения между Грузией и Москвой. Путешествие было довольно опасным, о чем свидетельствуют хроники военных операций калканцев («г1алг1ай»). Во многом успешность посольской операции зависела от покровительства и доброжелательности местных обществ или их влиятельных представителей. Таким союзником предстает в русских исторических документах конца XVI века Салтан-мурза.

В 1589 г. к грузинскому царю через Дарьял (*«даарвал», «даарьял» – «место выхода» с инг.*) было направлено московское посольство бояр С. Звенигородского и Т. Антонова. Едва делегация достигла Ларса, как на порог вышел хозяин со своими людьми. Салтан-мурза рассказал русским дипломатам о визите первого посольства бояр Р. Биркина и П. Пивова 1587 года. В тот год владелец Ларсова кабака гостеприимно принял их у себя и «…через землю провожал в дорогу им куда лутче идти указывал и людей своих до грузинской земли провожати их посылал» [10, с. 238]. Салтан-мурза окружал послов большой заботой, часть людей и лошадей оставались у него. Он кормил и лечил их до полного выздоровления, а потом отправлял вслед за основным составом.

На обратном пути послы вновь оказывались в Ларсовом кабаке. И опять их радушно принимал у себя Салтан-мурза. В благодарность за такой прием послы обещали известить о его верной службе посольству царя. Московские послы по возвращении «реклись службу Салтана-мурзы… государю известить» [10, с. 239].

Салтан-мурза обратившись к послам просит временную «от себя грамоту, чтоб мне было в государеве жалованье надежну быти и иных бы кабаков князи меня не обидели» [10, с. 241]. Это была попытка заручиться поддержкой России. Салтан-мурза понимал свою роль в таком стратегически важном месте как Дарьяльское ущелье. Такое отношение к данному вопросу владельца Ларса объясняется тем, что он, получив грамоту царя, становится в один ранг со всеми северокавказскими союзниками Московского государства.

Шертовальная грамота, выданная Салтан-мурзе русскими послами в 1589 году, гласила: «…а ты, Салтан мурза с своею братьею и з детми и с племянники, и со всем своим родом хочешь ею царскому величеству служити. И ты б, Салтан мурза, с своею братьею и з племянниками и во всем своим родом, и со всею своею землею был под государя нашего царского величества и его царскому величеству служил, и государя нашего с терскими воеводами и с Олександром царем Иверским, и черкасскими князи и мурзы, которые государю служат, а на всех государевых недругов и на непослушников стоял за один, на них сам ходил и людей своих посылал, и государевых послов и посланников и гонцов и великих государевых людей через свою землю ко государеву терскому городу и из терского города до грузинские земли провожал, а хитрости некоторые над государевыми людьми не учинил. А на которого недруга будет тебе надобен государевы люди, и ты б приезжал в государев в терский город по государевым воеводами и государевы по государеву указу учнут тебя на недругов ратдавати с вогненным боем» [10, с. 242].

Ингушский владелец Салтан-мурза провожал послов до Чербишева (Чербижевы) кабака (Гвилети), но на обратном пути, русские дипломаты, не дождавшись запрашиваемой подмоги, на свой страх и риск отправились через Дарьял, где подверглись нападению калканцев («г1алг1аев»).

В довольно подробно описанных исторических документах, мы больше не находим упоминания о Салтан-мурзе, с которым, очевидно, что-то случилось, и вести об этом дошли до послов, находившихся в Грузии. «Иных кабаков князи», от которых владелец Ларса ждал «обиды», видимо, не простили ему, как и Ших-мурзе, желания быть в союзе с Московским государством [2].

Вероятно, Салтан-мурзу и брата его Ших-мурзу убили за их прорусскую ориентацию.

В исторической литературе хорошо известно имя Ших-мурзы Окоцкого. Он был один из первых представителей ингушеязычных племен аккинцев («аькккхий»), переселившихся в XVI веке в местность Аух на севере Дагестана и способствовавших оживлению дипломатических отношений между Северным Кавказом и Россией, перейдя под протекцию русских царей с переселением в Терский город, основанный в 1588 г. Одними из первых здесь поселились ингуши из племени «акко», известные в русских документах под названием «окончен», основавших так называемую «Оконченскую слободу» [16, с. 84]. Профессор А. Н. Генко не случайно отмечает известные ингушские особенности речи аккинцев-ауховцев из селений Чанка-юрт, Акбулат-юрт, Кара-су, Голайты и Бильт-аул, причем предания объясняют эти особенности сравнительно недавним ингушским происхождением жителей [16, с. 85].

С помощью Ших-мурзы Окоцкого был совершен первый переход к Дарьялу через «улусы». Причем, если путь через улусы, подчинявшиеся то кабардинским, то ногайским феодалам был полон опасностей, то Дарьял, населенный ингушами, представлял собой местность доступную и знакомую для выхода в Грузию.

Вместе с дворянином Павлом Широносовым Ших-мурза Окоцкий прибыл сюда, чтобы встретить возвращающихся в Москву посольства бояр Биркина и Пивова. Хроники того периода свидетельствуют об активном военном, торговом сообщении по всей территории Северного Кавказа, в частности, центральной его части, особенно с основанием русскими на побережье реки Терского городка, через который осуществлялся транзит и взаимообмен товарами. Подтверждение тому – мобильность перемещений Ших-мурзы Окоцкого с дружиной (поселенцев Терского городка под русским покровительством) от Дербента до Дарьяла, откуда вместе с кабардинскими князьями, сыном аварского Черного князя да с Шихом-мурзой Окоцким посольский кортеж направился в Грузию.

25 сентября 1587 г. послы «…стояли под Шатом горою (одна из боковых вершин по Дарьяльскому ущелью), проехав Ларсов кабак Салтан-мурза с версту на реке на Терке» [10, с. 237].

Очевидно, что расстояния не были помехой для местного населения в реализации своих тактических и стратегических целей, в частности, в форме военизированных отрядов под предводительством военноначальника. Ниже мы еще вернемся к этому факту. В данном же контексте мы обоснуем аргументы в пользу того, что Ших-мурза Окоцкий и Салтан-мурза, как минимум, соплеменники, представители одной этнолокальной группы – ингушей. Ших-мурза (Шахмарз – авт.), Салтан-мурза (Салтамарз – авт.) Бек-мурза (Бекмарз –авт.) были, по всей вероятности, родными братьями.

Об этническом родстве Ших-мурзы и Салтан-мурзы свидетельствуют те же посольские документы конца XVI века, в которых Салтан-мурза называет Ших-мурзу Окоцкого «братом», на что обратила внимание Е. Н. Кушева: «Напомню, что в статейном списке князя С. Звенигородского Салтан-мурза называет Ших-мурзу Окоцкого братом. Если данное высказывание свидетельствует о кровнородственных связях этих двух феодалов, то можно предполагать ингушские корни Салтан-мурзы» [10, с. 75]. Скорее данное указывает на ингушские (авт.) корни Ших-мурзы Окоцкого, хотя указанный факт не вызывает у историков-кавказоведов сомнений, несмотря, на то, что расселение аккинцев на тот период – север Дагестана. Но при этом ясно, что не нужно доказывать факт ингушского происхождения Салтана-мурзы, проживающего на территории джераховцев.

Такие же данные приводит Н. Г. Волкова: «Ларсов кабак в последней четверти XVI в. принадлежал северокавказскому феодалу Салтан-мурзе. Судя по тексту статейного списка 1589-1590 гг., он был родственником известного в то время ингушского (авт.) феодала Ших-мурзы Окоцкого. «И Салтан-мурза говорил: то если слышал от узденей и брата своего Ших-мурзы Окоцкого, что кабардинские все князи били челом в службу государю вашему, а яз ныне хочу государю ж служити по свою смерть, как государю вашему служил брат мой Ших-мурза Окоцкой» [4, с. 150]. Действительно, Ших-мурза Окоцкий – один из представителей северокавказской феодальной знати, вошедший в контакт с русскими, «давший шерть русскому царю», – широко известен в русских источниках начиная с 80-х годов XVI в. Он активный участник процесса установления отношений России с Грузией, поскольку через его владения пролегала одна из посольских дорог в Грузинское царство. Этническая принадлежность Ших-мурзы, видимо отразившаяся в

имени Окоцкий, и родственные связи последнего с Салтан-мурзой свидетельствуют об ингушском происхождении этой феодальной фамилии – владетелей Ларсова кабака.

Русские источники второй половины XVI-XVII в. дают основания предполагать, что в это время по левобережью Терека в районе Ларса обитало ингушское население. Первое свидетельство об этом встречается в документах 80 – 90-х годов XVI в. в них описывается Ларсов кабак, владельцем которого был Салтан-мурза.

Известно, что Ших-мурза Окоцкий не позднее начала 80-х гг. XVI в. водил русские посольства в «Железных воротех» (очевидно, Дарьяльское ущелье). Если сопоставить эти данные и приведенные выше сведения о владельце Ларсова кабака брате Ших-мурзы Окоцкого Салтан-мурзе, то становится понятной та сравнительная доступность этого участка Дарьяльского ущелья для Ших-мурзы, проводившего здесь русских послов во второй половине XVI в. [5, с. 213]. По всей, вероятности, Ших-мурза до переселения в окоченскую слободу жил в Ларсе.

Т. А. Исаева в своей статье пишет: «Важным звеном в юридическом оформлении подданства была присяга. Присягу на верность царю дал в 1589 году ингушский владелец Салтан-мурза – хозяин Ларсова кабака, крупный феодал, имевший в горах земельные угодья, зависимое население и контролировавший вход в Дарьяльское ущелье» [9, с. 15].

Из материалов русских посольств XVI века в Грузию видно, что послы могли пройти в Грузию, направляясь до одного из притоков Терека – р. Быстрой, далее по левому берегу Терека через Ларсов кабак, Дарьял, Черебашев кабак и Сонские земли. Один, из важнейших участков этого пути проходил через ингушские кабаки Салтан-мурзы и Черебашев кабак. Через земли и Ларсов кабак Салтана-мурза прошли посланники в Грузию Родион Биркин и Петр Пивов. Салтан-мурза указал послам наиболее удобную для продвижения дорогу в Грузию и в провожатых послал своих людей.

При дипломатических встречах с представителями иностранных держав русские представители с 1589 года в числе вступивших в подданство называли Окоцкого, «Оварского» и «Черного» князей, «Мичкизскую», «Окоцкую землю». Наименование «Окоцкая земля» могло быть в данном случае употреблено в широком смысле – как общее название территории Ингушетии.

«В целом же под покровительством России к концу XVI века находилась территория, называемая «Окоцкой землей», а также имевший важное торгово-экономическое и военно-стратегическое значение район – Дарьял и Ларсов кабак» [9, с. 16, 17].

Того же мнения придерживается исследователь Т. С. Магомадова, которая отмечает следующее: «Очередная остановка была у Ларсова кабака. Последним ориентиром пути был Черебашев кабак [11].

В районе Дарьяльского ущелья русским посольством 1637-1639 годов был использован иной вариант этого пути одно из боковых ущелий реки Терек. Осложнившиеся отношения между грузинским царем Теймуразом и «Сонским» (Арагвским) эриставом, на владения которого из ингушских селений Ларс и Черебашево должны были проследовать послы, заставило искать новый перевальный путь от Дарьяльского ущелья» [11, с. 37].

Таким образом, личность Салтана-Мурзы находит свое упоминание как в ряде исторических документов, так во множестве современных научных статей. Во всех исследованиях он представлен как представитель джерахского общества («Ж1айрахой»).

Чах Ахриев в очерке «Ингуши (их предания, верования и поверья)» пишет, что родоначальником Джейрахского общества считается «…некто Джерахмат, с незапамятных времен поселившийся в ущелье по бокам речки Арм-хи, впадающей в Терек. Ущелье названо Джейрахским по имени родоначальника. Джерахмат, также, как и Кист, был выходцем, но не из Сирии, а Персии. Во время его переселения, Джейрахское ущелье было совершенно необитаемо; Джерахмат имел около себя 100 человек дружины, находившейся в его подчинении и исполнявшей все его приказания. Спустя некоторое время после этого переселения, в Джейрахское ущелье начали приходить посторонние жители и населяли свободные места – с дозволения Джерахмата. Последний защищал со своей дружиной новых переселенцев и за это пользовался весьма значительными правами над остальным народонаселением; так, например, он имел право держать холопов и брать подати с жителей Джейрахского ущелья. Джерахмат жил до глубокой старости и в течение своей жизни пользовался между своими новыми соотечественниками большим уважением. Сыновья Джерахмата, Ларсин и Бек, пользовались между джейрахски-

ми жителями точно также большим уважением. Подобно кистинским предводителям, они неоднократно были принимаемы грузинскими царями к своему двору и получали от них при своем возвращении богатые подарки. Вероятно, грузинские цари ласкали горских предводителей с целью приобретения их расположения и предупреждения со стороны джейраховцев хищнических нападений на пограничные грузинские земли. О характере этих нападений мы можем судить по некоторым народным ингушским преданиям о старинных ингушских героях» [19, с. 13].

История генеалогии Цуровых так же, как и сведения Чаха Ахриева, уроженца Джерахского общества, свидетельствует о наличии у Джерахмета сыновей Ларсин и Бек. Бек – это непосредственно отец Чура. Семейные архивы тейпа Чурнякъан хранят память об умышленном убийстве соплеменниками брата Беки – Ларсина. Хронология событий, описанных в исследуемых посольских документах, соответствует периоду жизни Беки и его братьев. Вполне возможно, что по имени Ларсина получил название Ларсов (Ларский) кабак, как и Черебашов кабак − по имени Чербижа – родоначальника известной ингушской фамилии Чербижевых. Убийство брата Беки – Ларсина совпадает по хронологии с исчезновением упоминания в русских посольских документах Салтан-мурзы – хозяина Ларсова кабака.

Краевед М. Х. Гандаур-Эги основываясь на приведенном выше предании Ч. Ахриева, выдвинул версию о том, что село Ларс названо по имени Лорса, сына Дзарахмата.

Остановимся подробнее на имени Салтан-мурза (Султан-мурза). По аналогии с Ших-мурзой Окоцким нельзя с точностью сказать, что это собственное имя носителя, а не социальный статус. В документах конца XVI – начала XVII веков достаточно вольно обозначается титул Ших-мурзы. Иногда это традиционный для того периода в Русском государстве титул восточных феодалов, указываемый то как мурза, то как мирза (и с маленькой, и с заглавной буквы), а иногда это князь.

Исходя из этого можно с той же долей уверенности утверждать, что Султан-мурза – это, скорее, титул носителя, который имея в родовых братьях Шейх-мурзу и заявляя послам об их равенстве, именует себя и признается соседними северокавказскими феодалами в статусе Султана-мурзы. Как известно, султан – это титул, обозначающий представителя светской власти.

Та поспешность, с которой Султан-мурза просит у послов временной грамоты, свидетельствует об опасности, исходящей от соплеменников в том числе, недовольных сношением с русскими царями. «..А до тех мест, как меня государь пожалует, свою государеву грамоту ко мне пришлет, дайте мне от себя грамоту, чтоб мне было в государеве жалованье надежну быти и иных бы кабаков князи меня не обидели» [14, с. 313]. Опасность была оправдана. На обратном пути Салтан-мурзу послы не встречают, в семейных же хрониках в тот же период погибает от своих сородичей Ларсин, хозяин Ларсова кабака, и Бек мстит за своего кровного брата.

Таким образом, идентификация в личности джераховца Салтан-мурзы брата Беки Ларсина – хозяина Ларсова кабака (кто же еще может быть хозяином поселения, как указано в документах, как ни одноименная личность?), вполне оправдана и требует более тщательного исследования.

Несогласованность действий по вопросам заключения военных союзов, приводили к ослаблению фамилии, рода, в силу чего земли Ларсова кабака со временем перешли под протекцию Дударовых. А до тех пор «… джейраховцы брали плату за проезд через Дарьяльское ущелье, они следили за исправностью дороги и, в случае ее порчи, делали поправки общими силами. Необходимость обоюдных сношений постоянно заставляла их быть более или менее внимательными к положению этой дороги и тем оказывать значительную услугу проезжавшим караванам. Сумма, собиравшаяся с проезжающих, разделялась между ближайшим населением.» [19, с. 15].

Наряду с Салтан-мурзой (Ларсином) в документах также упоминается его брат Бек. В отчетах московского посольства 1637-1640 гг. указывается Бек – отец Чура – как владетель кабаков. В 1639 году 3-го августа «..приехали к послам на стан в Хавсины кабаки из гор своих кабаков владельцы Бекаи Ардашев, да из Ларцовых кабаков Чепа да Мишак (возможно, Дударовы – новые поселенцы Ларсова кабака – авт.), да каракалканцы Муца да Моздрюк, да Хавсиных братья и племянников 5 человек (очевидно, ингуши Охкароч1ож, высокогорья, граничащего с Тушетией -авт.) [10, с. 240].

В данном отчете Бек указан как Бекаи Ардашев. В ингушской топонимике значение «ардаш» («пахотные земли») имеет указание на конкретную территорию. В данном случае это современное селение Горной Ингушетии − Нижнее Эзми,

основанное позже, в 1643 году, сыном Чура Джабо. Поэтому нет сомнений в том, что толмач указал Бека, как Бекаи Ардашева.

Упоминания о Чуре (сын Беки и внук Джерахмета) встречаются в научных статьях, монографиях и преданиях известных историков и этнографов, где он упоминается как военноначальник имеющий свою военную дружину. Из источников, Чур с сородичами участвует в военных походах, контролирует Джейрахское ущелье и оказывает большое влияние на транзит в Дарьяльском ущелье наряду с другими обществами. Судя по описаниям и историческим материалам, Чур предположительно родился в начале XVII века. Из сохранившихся народных преданий, Чур построил боевую башню («воув»), которая находится в Джейрахе и сохранилась до сегодняшних дней («Песнь о возведении Башни Цуровых».

Сделанный радиоуглеродный анализ деревянной перемычки башни Цуровых подтверждает факт ее возведения в середине XVII века. Образец («керн») взят из дубовой перемычки небольшого окна на третьем этаже строения. Датировки производились на базе университета штата Джорджия (США). Дата: 1641-1668 гг. [6].

А. И. Рабакидзе отмечает, что жители Джайрахского общества, которые в отличии от мецхальцев (кистин), хамхинцев и цоринцев называли себя джайрахой, населяли несколько селений. Древнейшими насельниками предание считает Цуровых. Их башня признана древнейшей в Джейрахском обществе, по сравнению с другими башнями этого ущелья она имеет более развитые формы. Предок Цуровых – Чур имел трех сыновей – Боча, Джабо и Солема (Джячи). После раздела семьи младший остался в Джейрахе, в башне своего отца, Боча обосновался в Верхнем Эзми, а Джабо в Нижнем Эзми [15, с. 34].

В семейной родословной Цуровых три сына Чура именуются в следующей транскрипции Бодж, Жаба, Жячи. Следует отметить, что история зарождения фамилии и соответственно годы жизни Чура в родословной Цуровых соответствует периоду описываемых в статье событий, в том числе военному походу 1646 г.

Сам факт вычленения и обобщения имени на весь род, самоидентификации потомства под именем предка говорит о влиятельности и почитаемости основателя фамилии среди современников.

В силу особенностей русского письма и сложившейся специфики обращения к царю, имена собственные подаются в письме нарицательно, как – то: Фомка, Муцалко, Созоручко. Так наряду с именем Чюра, Чурых, встречаются записи как Чюрайко, Чурейка.

Из сведений, указанных в книге Е. Н. Кушевой, отряд из 1200 человек, приведенный к Дону князем М. С. Черкасским, участвовал в боях с ногайскими татарами, азовскими людьми и войском крымского царевича Ниэт-Гирея. 10 июля 1646 г. князь М. С. Черкасский послал в Москву сообщение («сеунч») о победе и о взятии в плен «языков». В качестве гонцов им были отправлены его аталык окочанин Черкес Алеев, три княжеских узденя – Гуска, *Черюйка* (выделено автором) и Созоручко, конный стрелец Родька Власов, терский казак Ивашка Сунгуров, новокрещен Фомка Максимов и окочанин Ахметка Сегин (Сигин, Сагин, Сигунов).

По челобитной Максимова и Сигунова, доложенной царю Алексею Михайловичу 17 августа 1646 г., указано выдать гонцам дорожный корм за 20 дней, по 10 денег и 3 чарки вина на день каждому; в Москве они получали еще и кружку меда.

В начале сентября 1646 г. Черкес Алеев, три узденя (Гуска, Черюйка и Созоручко), Фома Максимов и Ахмат Сигунов были на приеме у царя Алексея Михайловича, им было выдано жалованье (см. док. № 72), а 8 сентября они были отпущены на Терек. Сведений о приеме и пожаловании конного стрельца и терского казака в делах Посольского приказа не найдено. Вероятно, в Москве эти двое были переданы из ведения Посольского приказа в приказ Казанского дворца [17].

Из сообщения князя Муцала Черкасского 1646 г. июля *10, мы видим, что*

высока вероятность того, что Чура со своей дружиной принимал военное участие в составе отряда кабардинского князя – вассала Москвы Муцала Черкасского в боях 1646 года против ногайских татар, азовских людей и войск крымского царевича Ниэт-Гирея [18].

Чур, будучи уздень-князем Муцала Сунчалеевича Черкасского, вместе с послами был отправлен в Москву с депешей о победе и пленении врага. В составе делегации был принят царем Алексеем Михайловичем, коему выдано было жалованье.

Статус узденя в средневековой кавказской среде, как у кабардинцев, кумыков, так и других народов имело дворянское сословие, уступаю-

щее княжескому. Уздени имели в собственности земли, поместья и крепостных крестьян, а также составляли основную часть войск.

Отсюда факт наделения джераховца в рукописях статусом узденя, нетипичного для ингушского общества, не выглядит странным и вполне соответствует возможности формирования временных военных союзов с кабардинскими влиятельными князьями в собственных интересах.

Об активном участии джераховцев и, в частности, дружины Чура в общественной жизни Центрального Кавказа свидетельствуют и другие исторические хроники тех лет. «*1653 г. не ранее мая 4. – Докладная «выпись» Астраханской приказной палаты по челобитной узденя князя М. С. Черкасского, окочанина* ***Чурых*** *об уплате денег за купленного им пленника-грузинца Тамада с семьею, взятого у него «для заводу государева шелковова дела» /л. 1/ И в прошлом же во 160-м году в Астарахани бил челом государю князь Муцала Черкаского уздень* ***Чюрайко****, а боярину и воеводам князю Михайлу Петровичю Пронскому с товарыщи подал челобитную. Купил де он в Тарках грузинца Томада,[1] а руское имя Ивашка Вавилов, дал за него 40 рублев, да жену ево, которая была за ним Ивашкой, он же купил девкою, дал 23 рубли. И тот де грузинец Ивашка з женою и з детьми на Терке у него взяты и присланы в Астарахань, он И[ва]шка для заводу государева шелковова дела,[2] а ему де Чюра на окуп за них денег не дано, и чтоб государь ево пожаловал, велел ему об окупу за них свой государев указ учинить.*

И боярин и воевода князь Михайло Петрович Пронской писал из Астарахани на Терек к стольнику и воеводам к Василью Волынскому с товарыщи, чтоб оне /л. 2/ тому ***окоченину Чюре*** *за грузинца Ивашка Вавилова на окуп велели дать из государевы казны 40 рублев из терских доходов. А за жену ево [177] Ивашкову з детьми, за саму третью по выписке за пометою дияка Василия Гарасимова князь Муцалову узденю* ***Чюре*** *из государевы казны дано в Астарахани на окуп 23 рубли денег»* [1].

В приведенном документе уздень князя Муцала Сунчалеевича Черкасского Чюрайко назван окочанином Чюрых, а ниже в конце текста еще одна интерпретация его имени как узденя Чюра.

Из контекста докладной выписки на челобитную очевидно, что речь идет об одном и том же человеке, который повторно подает прошение о компенсации ему финансовых потерь от покупки грузинского мастера шелкового дела и его жены и изъятии их у него для зачинания государева шелкового дела, а также об удовлетворении его просьбы. По-видимому, это тот уздень князя М. С. Черкасского Черюйка, который в 1646 г. был послан князем в Москву (*См. док. № 71 и коммент. 1 к нему*.)

Разнообразие интерпретации имени Чура в различных документах имеет свое логическое объяснение. Если ранее в послании кабардинского князя русскому царю используются нарицательные имена, что объяснялось выше, то в челобитной от кабардинского узденя используется черкесская особенность словообразования в имени: Чюрайко (сравните Хаджико, Алегуко, Хатохшоко, Натхко, Бахуко, Карахуко, Канукo, Маремуко – букв.: «сын святой пятницы». Тхьэщоко – «сын от Бога».) «Къо» с ингушского и адыгского языков переводится как – «сын». Окончание «ко» в имени объясняется как «сын» носителя корня. «Чур» с ингушского – выходец из определенной территории, отсюда, изнутри.

В выписке же из докладной Астраханской приказной палаты, исполненной русскими приказчиками, заявитель им уже очевидно известен (хотя бы из факта повторного прошения) и именуется по факту – окочанин Чурых и Чюре в зависимости от склонения. Отсюда уже очевидна принадлежность Чура не к кабардинцам, а представителям ингушского общества, каковых именовали, в том числе, окочанами, как отмечено нами ранее.

Свидетельства активной общественной, торговой деятельности узденя кабардинского князя встречаются в ряде исторических записей Астраханской таможни. К примеру, «*1675 г. октября*

---

[1] «Грузинец Томада» и его жена, проданные в Тарках, центре шамхальства Тарковского, были, очевидно, ясырями-пленными, которых Чюра перекупил за высокую цену.

[2] «Государево шелковое дело». Сообщение терских воевод о том, что «с 154 году начал быть в Терском городе у русских людей и у иноземцев шелковый тутовый завод по невелику» и что, по словам терского жителя тезика Муратхана Шихмаметова, «по реке по Терку от Терского города в полуторе днищах меж казачьих городков тутовова дерева много», вызвало в Москве интерес. В наказе 1650 г., направленном из Москвы астраханским воеводам, Муратхану поручалось «промышлять шелковым делом, а будет ему для того шелковова дела велено давати, сколько ему каких людей и денег понадобится без всякого задержания». Тутовые деревья в XVII в. имелись и в Астрахани. См.: Акты исторические. Т. IV. - СПб., 1842, № 40; Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. - М., 1837. - С. 120-122.

29. – «Выпись Астраханской таможни (397) об отпуске из Астрахани в Терский город терского окочанина, узденя князя Каспулата Муцаловича Черкасского ***Чурачко*** *Альбекова с товаром и двумя ясырями матери князя Черкасского Парханы Шаганоковны. 184-го году в 29 день. По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великиа и Малыя и Белыя Росии самодержца, указу и по подписной челобитной за пометою дьяка Лариона Вязмина велено справитца в таможне об отпуску из Астрахани вниз Волгою рекою и морем на Терек на клади, где попадетца, терской окоче(нин) князя Казпулата Муцаловича Чер(ка)ского [398] уздень ево* ***Чирачко*** *Альбеко, да с ним [399] восьм аршин сукна [400] синего и красного, юфть кож красн(ых), мех заечинной, сто кременьев, четв(е)ры обуви, сапожных подошев, коробка старая, с ним же два человека ясырей, женка да парень калмыцкого родст(ва) Аблаева погрому [401], а те ясыри князь Казпулата Муцаловича матери Парханы Шаганоковны. А товар ве(сь) в одной коробке за таможенною пе(ча)тью»* [1].

Из документа явствует, что терскому окочанину Чурачко (Чирачко) Альбекову как доверенному лицо и узденю кабардинского князя (сына Муцала Черкасского) вверяется транзит товара и пленных. Неоднократное упоминание в последовательных событиях, связанных с семьей князей Черкасских (а именно, отца и сына), окочанина Чурейко (Чурых, Чюра, Чурачко в силу «трудностей перевода» и слухового восприятия русскими писарями кавказских имен, о чем говорилось ранее), свидетельствует, что речь идет об одном и том же человеке. В данном документе личность его уточняется отсылкой в имени на отца – Чурачко Альбеков (Чура аль Бека). То есть Чура сын Беки.

В 1676 г. мая 18 – «Выписка Астраханской таможни, об отпуске из Астрахани в Терский город восьми окочан князя Каспулата Муцаловича Черкасского с солью, рожью и просом. «*184-го мая в 18 день. По государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великиа и Малыя росии самодержца, указу и по подписной челобитной велено справитца с таможнею об отпуску из Астрахани вниз Волгою рекою и морем на терек осмью лотками князя Каспулата Муцаловича Черкаского терские окоченя Черкеской Алтовов,* ***Багаматко Черючев*** *с товарыщи, восьм человек, с солью. А соли в тех лотках четыреста пуд, да про домашную их нужду тринатцеть четвертей ржи, мешок проса, пуд поскони, да порожная коробка, да работных людей терских татар на тех лотках восьм человек»* [1].

Версию о том, что речь идет о Чуре подтверждает хронология событий и совпадение имен. Из контекста приведенной выше выписки окоченям, среди которых и Багаматко Черючев, отпускается товар из Астраханской таможни. Речь с большой долей вероятности может идти о старшем сыне Чура – Бодже, в иных записях Бога.

Так, например, Шукри Дахкильгов в своей книге «Происхождение ингушских фамилий» пишет, что Цуровы – Джерахой из Верхнего и Нижнего аула Озми. У Чура (Цуровы) было три сына: Бога, Джейрахе, и Джабо – основатель аула Верхний Озми, а Бога – Нижний Озми. Указанные сведения находят свое отражение и у А. И. Робакидзе [15, с. 37-38].

В русских летописях, как ранее аргументировалось в статье, имена в том числе, окочан узденей кабардинских князей, нередко указывались в черкесском варианте имени с окончанием «ко» – Багаматко.

Таким образом, ссылаясь на исторические документы, очевидно, что бурные исторические события, происходившие на Кавказе, эпицентр которых не раз локализовался в Дарьяльском ущелье, не мог происходить без участия ингушей, в частности, джераховцев, населявших и контролировавших данную территорию. Можно с уверенностью предположить, что Чур – представитель Джераховского общества и родоначальник ингушской фамилии Цуровых (тейпа Чурнякъан), а до него Ларсин и Бек – в период конца XVI – начала XVII вв., были активными участникам русско-ингушских союзнических отношений, как и другие представители ингушских обществ.

Ингушские этнолокальные группы, их видные деятели тесно взаимодействовали с русскими и кабардинскими князьями, так как после нашествия Темрюка, вассала Московского государства, совместно с русскими и ногайцами в конце XVI века, влияние русского государства на горцев Центрального Кавказа усилилось. Недавно оправившись от ударов монголов, а затем и Тимура, ингуши заново начали осваивать предгорье и равнины в XV и в XVI вв. И новое нашествие кабардинцев во главе с Темрюком вновь заставило ингушей уйти в горы. С усилением влияния Русского государства в XVII веке на Северный Кавказ и зависимости кабардинских племен от

Москвы появилась возможность выхода ингушей на равнину. Взаимоотношения с Россией на тот период складывались на взаимной заинтересованности и стремлении к прочному союзу.

Литература и источники:

1. Архив ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, № 2549, л. 1-2. Подлинник.
2. Алмазов И./ Салтан – владелец Ларса http://ingushforum.ru/viewtopic.php?id=544)
3. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578-1613 гг. – М., 1889.
4. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.
5. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. – М., 1974.
6. Гадиев У.Б. Результаты новых радиоуглеродных датировок боевой башни Цуровых. Джейрах. https://bakdar.org/view_index.php?id=12769
7. Дахкильгов Ш. Происхождение ингушских фамилий. – Грозный, 1978.
8. Знойко А.П. Русь и этруски https: // www. bookol. Ru / nauka _ obrazovanie /istoriya /61475/ str45.htm#book
9. Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. – Грозный, 1981.
10. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века)/ Утверждено Институтом истории АН СССР. – М.:Изд. АН СССР, 1963. – 372 с.
11. Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI-XVII вв.. – Грозный, 1981.
12. Магомедов И.А. Феодальное сословие Кайтага в XVIII начале XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009-01-01. – Вып. 119.
13. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615-1640 гг.). – Тбилиси, 1937. – С. 236.
14. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. – М.: 1976. – С. 373-386.
15. Робакидзе А.И. Кавказский Этнографический очерк, очерки этнографии горной Ингушетии. – Тбилиси. 1968. – С. 37-38.
16. Сампиев И.М. Аккинцы в Дарьяле и Армхинском ущелье: деконструкция исторического мифа. Том 8. Выпуск 3-4, 2014. – С. 85.
17. ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1646, № 1, л. 150, 153-158; № 2, л. 1-3, 6, 16, 22-26, 71-74, 91, 100; 1647, № 1, л. 239-241; см. также: КРО, т. I, № 166-170, 172.
18. ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1647, № 1, л. 302-304.
19. Чах Ахриев «Ингуши (их предания, верования и поверья)». Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов, 1996.

Авторы выражают благодарность кандидату исторических наук, профессору М.Б. Долгиевой за оказанную помощь в подготовке статьи.

РЕЛИГИЯ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КАВКАЗА

Агасиев И.К.,
заведующий отделом
«Истории азербайджано-российских связей» Института Истории имени А.А. Бакиханова
Национальной Академии Наук Азербайджана.
Азербайджанская Республика, г. Баку

ЭКСПАНСИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с миссионерской деятельностью Эдинбургских и Базельских евангелических миссионеров на Кавказе. Царское правительство их пригласило с целью распространения среди мусульман, иудеев и язычников христианства. И на Северном Кавказе, и в Закавказье иностранные миссионеры проповедовали протестантизм. Автор особое внимание обращает на сотрудничество армянского населения с христианскими миссионерами в деле распространения христианства среди тюрко-мусульманского населения Азербайджана. В Грузии миссионеры, в основном боролись против различных религиозных сект немцев-колонистов. Однако, деятельность миссионеров не дала ожидаемых результатов и их общества были ликвидированы. Царизм предпочтение отдал распространению в этом крае православия.

Ключевые слова: миссионеры, Каррас, евангелие, Шуша, Эдинбург, Базель, христианство.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем обстоятельством, что в наши дни проблема деятельности иностранных христианских миссионеров среди мусульманского населения Кавказа, и в особенности Азербайджана, является одной из злободневных. Сегодня христианские миссионеры из зарубежных стран под маской разных организаций и обществ распространяют среди населения региона радикальную христианскую литературу, пропагандируют среди молодёжи пацифистское настроение. В деятельности некоторых христианских сект невооруженным глазом наблюдается «политический почерк», деятельность которых сопряжена с осуществлением геополитических интересов некоторых ведущих стран Запада. Чтобы глубже понять их цели и методы работы среди мусульман, нужно обратиться к истории этого явления.

Отметим, что к началу XIX века уже большая часть Северного Кавказа частично силой оружия, частично в добровольном порядке была присоединена к Российской империи. После русско-иранских и русско-османских войн в первой трети XIX века Дагестан и Северный Азербайджан тоже были включены в состав царской России. В первой половине XIX века непокоренной осталась только горная часть Дагестана и Чечни, где шла ожесточенная борьба между мюридами и царскими войсками. В такой сложной обстановке высокие государственные чины России ясно осознавали, что этот захваченный исламский регион будет слабым звеном в государстве, ибо нехристианское население Кавказа не смирится с российскими порядками. Правящие круги империи отчетливо понимали, что непокорным Кавказом легче будет управлять не силой оружия, а с помощью религиозного сближения метрополии с колонией, точнее внедрением среди мусульманских народов Кавказа христианства. Однако, царские круги не решились на распространение среди мусульман Кавказа православия, поскольку борьба между горцами и царскими войсками еще продолжалась, и по мнению правительства, открытая проповедь православия еще больше оттолкнула бы мусульманское население от России. Поэтому, для достижения поставленной цели царская власть решила пользоваться услугами разных иностранных христианских миссионерских организаций. В этом плане особый интерес вызывает деятельность Эдинбургских и Базельских миссионеров. Обе эти организации проповедовали протестантизм. Однако, тогда царское правительство на этот фактор закрывало глаза, поскольку перевод мусульман хотя бы на протестантизм считался благодатью и рассматривался как бы переходным этапом в деле перехода мусульман в православие.

Таким образом, летом 1802 года в Россию были приглашены директора Эдинбургского

миссионерского общества, которым было позволено учредить на южной границе империи христианское миссионерство. Оно поручалось африканскому миссионеру Генри Бронтону и пастору Александру Паттерсону, выходцам из Шотландии [3, с. 926-930]. Они в том же году основали на Северном Кавказе колонию Каррас, которая находилась в 7 верстах от Бештау [11, л. 83 об.]. Главной целью создаваемого миссионерства было обращение в христианство горцев, как язычников, так и последователей магометанского исповедания [3, с. 927]. Колония Каррас создавалась как крупный миссионерский центр на Кавказе с собственной типографией. Деятельность колонии Каррас регламентировалась официальными властями России. В 1803-1813 гг. к миссионерам присоединились немецкие колонисты – члены реформаторского течения, желающие заниматься миссионерской деятельностью [2, с. 909-910]. С целью приобщения горцев к христианству царское правительство дозволяло миссионерам покупать невольников из среды мусульманского населения в возрасте не старше 16 лет, которые должны были находиться в среде миссионеров и постепенно приобщиться к христианству [1, с. 926].

Наряду с шотландскими на Кавказе были задействованы и немецкие христианские миссионеры из Базельского евангелического общества, которые были приглашены в Россию в 1821 году. Перед ними ставилась задача «основать за Кавказом, между Черным и Каспийским морями, колонии из немецких благочестивых семейств, завести там училища и типографию, с целью распространять в том крае между язычниками и мухаммеданами слова божья» [3, с. 468]. Получив одобрение у местных властей, миссионеры Базельского евангелического общества в 1823 году прибыли на территорию Азербайджана, в город Шуша, где они обосновали религиозную школу. Базельское миссионерское общество ставило перед миссионерами цель: распространение христианство на Кавказе, руководствуясь при этом правилами только Великобританского инородческого евангелического общества. А также 5 миссионеров были отправлены в Грузию, дабы преодолеть религиозный раскол среди поселившихся здесь немецких колонистов [11, л. 55]. Им создавались все условия для деятельности: каждому миссионеру выплачивалась зарплата из правительственной казны в сумме 1000 рублей в месяц [10, л. 3].

В Азербайджане миссионеры занимались как устной проповедью, так и письменными пояснениями, чтобы «победить предубеждение мухамедан» [6, с. 319]. В этом деле были заинтересованы также армяне, которые в христианизации местного азербайджанского населения видели способ легко, без проблем адаптироваться на земле Азербайджана, куда они в массовом порядке были переселены из Ирана и Османской империи после Гюлистанского (1813) и Туркменчайского (1828) договоров. Неслучайно, Базельские миссионеры приехали сначала именно к католикосу армян Ефрему, и при поддержке армян планировалась пропаганда христианство среди мусульман. Однако, образовательный и нравственный уровень армянских священников не устраивал немецких миссионеров [6, с. 319]. Поэтому, миссионеры считали нужным распространять истины христианского учения не только среди мусульман, но и армянского населения. Скоро в Шуше и Москве были напечатаны священные книги на армянском языке. При этом католикос Ефрем и архиепископ Нерсес в 1824 году словесно поощряли их деятельность. Митрополит Карабахский тоже знал о целях миссионеров и неоднократно в своих письмах демонстрировал поддержку. В целом, армянское духовенство миссионеров поддерживало [6, с. 325].

Для миссионеров важен был перевод Нового Завета на татарский (азербайджанский – автор) язык и армяне – переселенцы из Османской империи, владевшие тюркским языком, добровольно помогали в этом иностранным миссионерам [6, с. 324]. С 1828 года начала действовать собственная типография в Шуше, где напечатано сравнение Корана с Библией на 270-ти страницах. По этому поводу барон Розен пишет: «К сему нельзя не принять во внимание, что народонаселение армян в здешнем крае в несколько крат менее мухаммедан и язычников, а равно и того ещё, что во всех Закавказских провинциях и даже в Адербайджане народ, кроме высших сословий, вовсе не употребляет персидского языка и мало кто его знает, все здешние мухаммедане говорят и пишут по-татарски и иногда по-арабски. Горцы – же вообще вовсе не понимают языка персидского, но многие из них говорят по-татарски». Розен советует, на татарском (азербайджанском – И.А.) языке напечатать побольше христианской литературу [6, с. 327].

Миссионеры действовали в географическом треугольнике Дербент – Иреван – Карабах. Одна-

ко, год за годом ареал их деятельности расширялся: в 1829 году некоторые из них посещали Багдад, где изучали арабский язык и занимались распространением христианства. В 1830 году 3 миссионера побывали в Восточном Анадолу, где распространяли Святое Писание на курдском языке. Позднее, в 1833 году Базельские миссионеры открыли в Тебризе свое училище. В целом, 4000 экземпляров Нового Завета на персидском языке было распространено на Кавказе и в Персии [6, с. 324]. В распространении библейских книг по Закавказью особое усердие проявляли армянские переселенцы, которые в массовом порядке поселились не только в Карабахе, но и в других провинциях Азербайджана. Сотрудничество армянского духовенства с миссионерами продолжалось до тех пор, пока несколько армянских дьяконов не перешли из армяно-григорянской веры в лютеранскую веру. Как отмечено в источниках, «в 9 ноября 1830 года армянское духовенство Шуши обратилось к официальным властям и жаловалось на деятельность базельских миссионеров, будто бы они переманивают армян в лютеранство [6, с. 320, 324]. С начала 30-х годов XIX века между членами Базельского Евангелического миссионерского общества и Армянским духовенством конфликты участились. Как видно из источников, после разбирательства вышестоящих инстанций стало известно, что училище в городе Шуше было учреждено миссионерами в 1827 году, именно по просьбе самих армян и предметы преподавались по книгам, одобренным армянским духовенством [6, с. 270].

Следует отметить, что в отличие от ислама, любое христианское течение, в том числе и евангелизм и григорянская церковь пользовались покровительством царского правительства в равной мере, чтобы члены одного христианского течения не привлекали в свою веру людей другого исповедания. Переходы из одной терпимой веры в другую разрешались царским правительством, если решение об этом принималось не под нажимом каких-то сил, а добровольно. Добровольно принявшие лютеранство армянские дьяконы, больше всего боялись мести со стороны Эчмиадзинского духовенства, и поэтому, просили, чтобы их дела разбирали в Тифлисе, и под надзором местного начальства [6, с. 270]. Опасения принявших лютеранство двух армянских дьяконов были не напрасны – оба они были убиты при невыясненных обстоятельствах на дороге, во время переезда из Карабаха в Эчмиадзин. Под давлением властей и армянского духовенства с 1832 года миссионеры прекратили свою деятельность среди армян. К тому времени миссионеры потратили в миссионерских целях 20 тыс. червонцев. Проповедниками тогда были: в Шуше – Карл Пфандер, Фридрих Шнремберг, Август Крейс, Фелициан Заремба и типографщик Фридрих Юдть, в Каррасе – пастор Якоб Ланг, в Маджарах – Людвиг Кенинг и Якоб Виртнер [6, с. 325-326].

По закону от 22 мая 1828 года лютеранская церковь получила государственный статус наравне с православной церковью и все протестантские религиозные организации должны были сливаться с лютеранской церковью. Этот закон нанёс удар по реформаторскому течению, адептами которого являлись и шотландские миссионеры из Карраса. Дальнейшее существование шотландского христианского миссионерского общества оказалось делом бесперспективным и Эдинбургское миссионерское общество просило передать свои земли Базельскому миссионерскому обществу. В 1828 году Российский император разрешил Базельским миссионерам поселиться на Кавминводах, но только с согласия колонистов колонии Каррас [5, с. 931, 932].

С 1830 годов отношение царских властей к иностранным миссионерам меняется: в официальных кругах укрепилась уверенность в том, что для России полезнее будет обращение нехристианского населения в греко-российское вероисповедание, поскольку в отличие от иностранных миссионеров, успехи созданной в XVIII веке Осетинской комиссии по распространению православия, были более заметны: по письменным источникам, в период с 1817 по 1834 год православными миссионерами окрещено на Кавказе до 70 тыс. человек [6, с. 320]. Власти считали, что протестантизм является более серьезной преградой на пути распространения православия, нежели ислам или другие верования [6, с. 320].

К 1830-м годам миссионерская деятельность Эдинбургских миссионеров потерпела фиаско. Некоторые из них, в том числе старшина Петерсон, отказались выполнять указания Эдинбургских директоров и стали на путь служения России [5, с. 940]. Это сразу же вызвало недовольство в Эдинбурге, откуда около 30 лет управлялись миссионеры Карраса. Эдинбург отозвал своих миссионеров назад, и миссионеры стали покидать Северный Кавказ. По источникам видно, что в начале 1830-х годов

в колонии Каррас проживало девять семей из «крещеных» горцев и шесть крещеных мужчин кабардинского происхождения, женатых на немцах, носивших английские и немецкие фамилии – Вальтер, Буканан, Оберкромби, Давидсон и другие [7, с. 170-174]. Ингуши и другие коренные народы, не только не проявляли интереса к христианству, но и с оружием в руках боролись против иноземной христианской экспансии. В этом отношении особую непримиримость проявляли мусульмане ногайцы и кабардинцы [2, с. 909].

Миссионерская деятельность Базельских миссионеров тоже вызвала неодобрение официальных лиц. Например, вот что писал по этому поводу барон Розен 10 января 1835 года: «Базельские миссионеры, как я полагаю, могут быть более вредны по своим действиям, нежели Шотландские, ибо, не устраивая колоний, не занимаясь обращением мухамедан и язычников, чего сами желали и просили, они неприметным образом действуют на армян распространением между ними своих переводов и привлечением их в свои школы. Они в продолжение 13 лет не только не завели колоний, но даже не обратили в христианство ни одного язычника или мухамеданина» [6, с. 320].

Неудачной была и деятельность базельских миссионеров, что обосновались в Грузии: в результате их неумелой деятельности раскол среди лютеран еще больше усилился [11, л. 55] и часть лютеран перешли к ним в оппозицию и создали секту пеплеанистов [8, л. 1-23].

В 1835 году Положением Комитета министров России деятельность иностранных религиозных миссионеров была запрещена. Они имели право заниматься только земледелием, ремеслом и фабричным делом [6, с. 321]. Запрещение миссионерской деятельности было связано с подозрениями царского правительства в осуществлении шотландскими миссионерами разведывательной деятельности в пользу Великобритании [7, с. 173]. Отметим, что ещё в момент поселения шотландских миссионеров в Каррасе такое подозрение высказывалось князем Цициановым [1, с. 914].

На наш взгляд, запрет миссионерской деятельности иностранцев связан с более серьёзными причинами. Так как работа иностранных христианских миссионерских обществ не отвечала политике христианизации Российской империи на Кавказе и не принесла ожидаемых результатов. Официальные власти пришли к выводу: приглашённые из-за рубежа Эдинбургские и Базельские миссионеры не приносят державе пользы в сфере насаждения и распространения христианства на завоеванных территориях Кавказа. Поэтому должно быть принято решение о прекращении деятельности шотландских и Базельских миссионеров, и создании вместо них общества по распространению православной веры [6, с. 256, 320].

Литература и источники:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (далее-АКАК). /Под.ред. Ад.Берже, т.2, Тифлис, 1868, 1238 с.
2. АКАК, т.5, Тифлис, 1873, 1152 с.
3. АКАК, т.6, часть I, Тифлис, 1874, 941 с.
4. АКАК, т.6, часть II, Тифлис, 1875, 950 с.
5. АКАК, т.7, Тифлис, 1878, 994 с.
6. АКАК, т.8, Тифлис, 1881, 1009 с.
7. Вейденбаум Е. К. истории Шотландской колонии около Пятигорска // Известия Кавказского Отдела Имперского Русского Географического Общества (ИКОИРГО). Том VII, 1881, № 1, с.170-174.
8. Государственный Исторический Архив Грузинской Республики (далее – ГИА Гр.Р), ф.227, оп.1, д.2.
9. ГИА Гр.Р., ф.16, оп. 2, д. 4050.
10. ГИА Гр.Р., ф.16, оп. 3, д. 5406
11. ГИА Гр.Р., ф.16, оп. 3, д. 6752.
12. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия, ф.11, оп. 49, д.119, л. 83.

Гурбанова С.А.,
ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова
Национальной Академии Наук Азербайджана
Азербайджанская Республика, г.Баку

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В данной статье рассмотрены политико-правовые условия для обеспечения свободы совести и вероисповедания в Азербайджанской Республике. Показано как в стране сложилась модель государственно-религиозных отношений, основанная на взаимоуважительном диалоге светской власти и традиционно-религиозных общин, созданы необходимые условия для представителей национальных меньшинств.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, глобализация, религиозная политика, толерантность.

Глобализация углубила религиозные противоречия в мире. Мы живём в эпоху противостояния на религиозной почве. Глобализация, диктующая контуры нового миропорядка, может иметь немало негативных последствий, приводящих к разрушению самобытных культур и забвению религиозно-нравственных ценностей общества. Если в одних регионах мира люди демонстрируют непреклонную преданность своим традиционным религиозным формам, то в других, наоборот – религиозность приобретает модернистские формы.

Ислам воспринимает глобализацию как вестернизацию. Выступая против вестернизации, ислам представляет поиск своей модели глобализации, основанной на собственных религиозных традициях и культурных основах. Эта религия не может принять многое из того, что навязывается идеологами глобализации, лишающим их собственных традиций, обычаев, религиозных ценностей.

В этих условиях как никогда актуально мирное сосуществование представителей различных вероисповеданий, примером которого является Азербайджанская Республика.

Азербайджан – страна, находящаяся на стыке Европы и Азии. Будучи частью цивилизованного мира, республика старается использовать достижения Запада, при этом предельно бережно сохраняя все особенности своей ментальности, традиции, обычаи, национальную историю. Здесь всегда проживало население различного этнического происхождения, исповедующие различные религии. 92,5% населения Азербайджана – мусульмане, кроме мусульман здесь проживают православные, католики, протестанты, иудеи. В стране насчитывается около 1 тысячи мечетей, действуют 11 церквей, 6 синагог и других религиозных храмов.

На протяжении многих веков в силу исторических, экономических и культурных особенностей, характерных для Азербайджана, психологический менталитет азербайджанцев формировался в условиях толерантности и уважения к культурам других этносов и национальных меньшинств. Историческая память азербайджанского народа, хранящая в своём сознании этапы прохождения через три религии – зороастризм, христианство и ислам, является немаловажным фактором.

В Азербайджане расположены древнейшие мечети, церкви, храмы. В республике находится одна из древнейших мечетей исламского мира – Шемахинская джума-мечеть, построенная в 743 г. В городе Шеки находится церковь древнего государства Кавказской Албании, одна из древнейших церквей Кавказа. В Баку расположен храм огнепоклонников – Атешгях, что свидетельствует о том, что зороастризм имеет древние корни в Азербайджане.

С возвращением Г.А.Алиева к руководству Азербайджаном в 1993 г., в общественно-политической, социальной, экономической, научной и культурной жизни стран произошёл перелом, начался процесс построения независимого государства в соответствии с научными основами, международными нормами и принципами.

Закреплённое в Конституции Азербайджанской Республики, принятой в ноябре 1995 года, равенство всех граждан перед законом, независимо от их религии и языка, является наглядным свидетельством толерантности в стране. Такой

принцип равноправия провозгласили практически все республики СНГ, ранее входившие в СССР. Таким же образом в Азербайджанской Республике религия отделена от государства в соответствии со статьей 18 Конституции страны, представлена совокупностью различных религиозных течений и конфессий, распространённых среди этнических групп, населяющих страну и проживающих по всей территории республики [4, с.19]. Согласно статье 25 Конституции Азербайджанской Республики гарантировано уважение к правам и свободам каждого, независимо от происхождения, расы, религии, языка [3, с.11-12], созданы необходимые условия для того, чтобы люди, принадлежащие к различным религиям, свободно могли проводить свои обряды.

В стране проживает более тридцати национальных меньшинств. Среди религиозных общин Азербайджана можно выделить молокан, Бакинскую Общину Евангелических Лютеран, религиозную общину Апостольской Префектуры в Азербайджанской Республике, Бакинскую городскую, религиозную общину Бахом, Татский культурный центр «Азери», Бакинскую религиозную общину горских евреев и другие.

Вместе с тем Гейдар Алиев проделал очень важную работу, направленную на сохранение религиозно-духовных и национальных ценностей азербайджанского народа. Данная цитата как нельзя лучше определяет характерные качества ислама и азербайджанского народа: «Я считаю, что азербайджанский народ сам по себе, по своей природе, по своему характеру обладает высоким чувством толерантности, толерантность содержится в корне мусульманской религии, исповедуемой большей частью населения Азербайджана» [1, с.12].

Событием большой важности стала встреча Гейдара Алиева с большой группой представителей национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп, живущих в республике в октябре 1993 г. В своём выступлении Президент отметил: «… В мире мало мононациональных государств, и я лично твёрдо убеждён, что государство, страна тем богаче, чем больше объединяет народы, ибо каждый из них вносит вклад в общемировую культуру и цивилизацию» [2, с.257].

По Закону «О свободе вероисповедания» в соответствии со ст.1 главы 1 каждый гражданин обладает правом исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, выражать и распространять свои убеждения в связи с отношением к религии. При этом граждане страны вправе участвовать в богослужениях, в религиозных обрядах и церемониях. Закон «О свободе вероисповедования» регулирует деятельность религиозных центров и управлений, религиозно-образовательных учреждений, определяет правила государственной регистрации и упразднения религиозных образований. В Азербайджане нельзя разжигать расовую, национальную, религиозную, социальную неприязнь и вражду.

В целях регулирования отношений между государством и религией, контроля за соблюдением законодательных актов, связанных со свободой вероисповедания, 21 июня 2001 г. был подписан Указ Президента о создании Государственного комитета по работе с религиозными образованиями, являющийся центральным органом исполнительной власти, обеспечивающий в Азербайджанской Республике осуществление государственной политики в сфере религии. Главными задачами комитета являются создание благоприятных условий для осуществления свободы вероисповедания, обеспечение контроля над соблюдением законодательных актов, связанных со свободой вероисповедания и государственная регистрация религиозных образований [8, л.1].

Важным достижением для молодого государства можно считать подписание Азербайджанской Республикой Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод».

Президент Азербайджанской Республики И.Г.Алиев не только сумел продолжить стратегический курс Гейдара Алиева, но по-новому реализовать открывшиеся возможности. Он, как и Гейдар Алиев, регулярно встречается с лидерами религиозных общин, проявляет интерес к их нуждам и проблемам. Глава государства регулярно поздравляет христианские и еврейские общины по случаю основных религиозных праздников. В Азербайджане охраняются памятники, относящиеся по всем религиям и нациям, их восстановление и реконструкция находятся в центре внимания государства. Одновременно в Азербайджане сохраняются религиозно-духовные и национальные ценности азербайджанского народа. Выступая на открытии конференции «Межрегиональный диалог: от взаимопонимания к совместному сотрудничеству» 6 ноября 2009 г., президент подчеркнул: «Азербайджан является частью исламского мира. Азербайджанский на-

род привержен своим религиозным и национальным традициям» [5, с.181].

Только за последние годы в Баку была построена католическая церковь, между Азербайджаном и Ватиканом было подписано соглашение о правовом статусе католической церкви, государство профинансировало ремонт лютеранской церкви, были проведены восстановительные работы в грузинской православной церкви в Гахском районе, в албано-удинской церкви в посёлке Нидж Габалинского района, в русской православной церкви в Баку. По поручению президента началось строительство православного религиозно-культурного центра Бакинской и Азербайджанской епархии, которое завершилось 15 ноября 2013 г. Он был построен на территории Кафедрального собора Святых Жён-Мироносиц. Были восстановлены и сданы в эксплуатацию Тезе Пир после капитальной реконструкции, Джума-мечети в Сумгаите и Шемахе, в Габале открылся новый комплекс мечети. Фонд Гейдара Алиева отремонтировал мечеть Имама Рзы в посёлке Бина. 26 декабря 2014 г. состоялось открытие мечети Гейдара Алиева и т.д. [7, л.7].

В Азербайджане русские проживают в Баку, Исмаиллинском районе, Хачмазском, а также в Кедабекском (село Славянка, Новосаратовка и Новоивановка), Джалилабадском и Геранбойском районах Азербайджана. Русские – третья по величине (после азербайджанцев и лезгин) этническая группа в Азербайджане. В этой связи необходимо отметить, что в Азербайджане ситуация с сохранностью русского языка и жизнью русской диаспоры является одной из лучших на постсоветском пространстве.

Посёлок Красная Слобода – единственное и уникальное место компактного проживания евреев в мире, где они живут веками с азербайджанцами со времён, когда в результате захвата Иерусалима Вавилонским правителем, сбежавшие из разрушенного Иудейского царства евреи нашли пристанище на азербайджанской земле. В Азербайджане существуют три еврейские общины: горских евреев, евреев-ашкенази и грузинских евреев. Вышеуказанные факты подтверждают высокий уровень религиозной толерантности в Азербайджане.

Азербайджан – это страна, где наблюдается гармония сосуществования между суннитами и шиитами. Сунниты составляют 25% населения, 75 – шииты. В мечети Гейдара Алиева по пятницам проводятся совместные молитвы суннитов и шиитов. Пятничная программа является примером системы мирного сосуществования суннитов и шиитов, они гармонично сосуществуют в Азербайджане в отличии от многих государств мира.

В Азербайджане наиболее высокий показатель в области религиозной терпимости [6, с.209]. Опыт Азербайджана в области межрелигиозного диалога и сотрудничества получил высокую оценку и стал известен на международной арене. Одним и важных мероприятий с точки зрения пропаганды на международной арене государственной политики Азербайджана в области религии, поддержки, оказываемой страной межрелигиозному и межкультурному диалогу, а также распространения опыта нашей станы в сфере толерантности, стал Бакинский Саммит религиозных лидеров мира, состоявшийся 26-27 апреля 2010 г. в Баку, где собрались 150 религиозных лидеров из 35 стран мира. Религиозные лидеры заняли единую позицию против экстремистских, радикальных и сепаратистских сил. Главным завершающим итогом саммита стало подписание Декларации. В ней было указано, что глобализация не смогла устранить важнейшие угрозы безопасности государств и народов. Подписание Декларации можно рассматривать как ещё один шаг к сплочению и единству государств с разной религиозной направленностью. Мероприятие показало, что удалось добиться не только сохранения, но и развития в новой качественной плоскости исторически сложившихся культурно-духовных связей Азербайджана с различными странами мира.

II Саммит мировых религиозных лидеров проходил в рамках юбилейных мероприятий по случаю юбилея председателя Управления мусульман шейх-ульислама Аллахшукура Пашазаде 14-15 ноября 2019 г. На нём приняли участие лидеры и представители более 70 стран. Была принята Бакинская Декларация, в которой была подчёркнута значимость выражения руководителями христианских, мусульманских, еврейских, буддистских, индуистских и других религиозных общин различных регионов мира общей позиции по проблемам, представляющим угрозу для современного мира.

Религиозные деятели, неоднократно находящиеся в Азербайджане, не раз заявляли о высоком уровне организации межрелигиозного диалога в стране. В начале XXI века Азербайджан посетили известные религиозные деятели.

Дважды в Баку находился предстоятель русской православной церкви Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, предстоятель Грузинской православной церкви католикос-патриарх Илия II. В мае 2002 г. Баку посетил глава Римо-католической церкви папа Иоанн Павел II. В апреле 2003 г. с официальным визитом в Азербайджане находился римский Патриарх Варфоломей I. Неоднократно находились с визитом в Азербайджане Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, папа Римский Франциск, руководители Организации Исламского Сотрудничества и другие.

Азербайджан – страна, пропагандирующая мультикультурализм в Азербайджанской Республике, здесь традиционно проводятся Бакинский гуманитарный форум, Всемирный гуманитарный форум, Глобальный форум Альянса цивилизаций ООН, Саммит религиозных лидеров мира и т.д., все эти мероприятия укрепляют межрелигиозный диалог.

Религиозная политика правительства Азербайджана основывается на принципах уравновешивания демократического курса государственного строительства, а также урегулирования отношений между государством и религией на национально-духовной и правовой плоскости.

Главная цель религиозной политики азербайджанского государства заключается в сохранении, стимулировании и пропаганде на местном и международном уровнях, присущих азербайджанскому народу традиций толерантности.

Литература и источники:

1. Алиев Г.А. Афоризмы. Баку, Издательство Азербайджанского Университета, 1997, с. 12.
2. Заплетин Г., Ширин-заде Г. Русские в истории Азербайджана. Баку, Ганун, 2008, с. 257.
3. Конституция Азербайджанской Республики. Баку, Издательство национального парламента, 2002, с. 11-12.
4. Там же, с. 19.
5. Медведев Д., Алиев И. Гуманитарные вызовы XXI века. Москва-Баку, ИТАР ТАСС, 2011, с.181.
6. Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации Баку: XXI – Ени неширляр Еви, 2004, с. 209.
7. Мультикультурализм – основа нашего общества. // Неделя, 8 февраля 2013 г., л. 7.
8. Указ о создании Государственного комитета по работе с религиозными образованиями // Бакинский рабочий, 22 июня 2001, л.1.

Гусейнова Арзу Гусейн гызы,
диссертантка филологического факультета Бакинского государственного университета
Азербайджанская Республика, г.Баку

ПРОПАГАНДА НАЦИОНАЛЬНЫХ И МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: В статье исследуется пропаганда национально-нравственных ценностей в работах представителей эмигрантской литературы с филологического аспекта. Авторы-мигранты считают запрет на азербайджанский язык в Иране нарушением прав человека. В своих произведениях они пропагандируют такие национально-нравственные ценности, как патриотизм, гуманизм, любовь к родине и всему человечеству, единство, дружба и свобода. Основой нравственности народа авторы считают отвагу, честь, свободолюбие и человечность, беззаконие и жестокость представляют, как волю правящего класса.

Ключевые слова: любовь к Родине, родной язык, азербайджанский язык, любовь к Азербайджану, воспевание Тебриза, жертвы, героизм, национально-нравственные ценности.

В первой половине XX века писатели, представляющие эмигрантскую литературу, были в основном из Северного и Южного Азербайджана. Писатели из Северного Азербайджана, попавшие в плен во время Второй Мировой войны, жили и работали в Германии и Турции, боясь, что будут репрессированы после возвращения. Другими авторами эмиграционной литературы были творческие политики, эмигрировавшие из Ирана и Южного Азербайджана, писатели и поэты, которые писали произведения в национальном духе. Некоторые из писателей и поэтов Южного Азербайджана были воспитаны до эмиграции, а другие – во время эмиграции. Доктор филологических наук, профессор Алмаз Алигызы показывает, что поскольку авторы южной литературы находят свои литературные воплощения в эмиграции, изгнании и тюремном заключении, в повестях и романах они показывают это через своих героев, вынужденных жить на чужбине. Она пишет: «Воспоминания поколения, на долю которого выпало изгнание после национального демократического движения, проявлялись как продолжение традиций, существовавшего до них периода» [4, 259].

Известный эксперт по южноазербайджанский литературе Алмаз Алигызы отмечает, что основное различие между внутрииранскими и внешниранскими изгнанниками заключается в том, что в течение первого периода эта эмиграция произошла в результате политических репрессий, а во втором периоде люди насильственно ссылались на окраины существующим режимом.

Всё это становилось темой для рассказов, повестей и романов. Опубликованные в 40-ых годах политические и публицистические записки выдающегося политического деятеля и публициста Азербайджана С. Пишевари отражают национально-нравственные ценности.

О газете «Азербайджан», являющейся органом Азербайджанской демократической организации, основанной в 1945 году, в своей статье «Язык нашей газеты» он решительно критикует политику фарсизации. Признавая азербайджанский язык неотъемлемой частью существования народа, он называет врагами тех, кто пытается уничтожить его.

Он отмечает, что, хотя шахский режим «пытается предотвратить выживание и развитие азербайджанского языка», но он терпит крах, так как азербайджанский народ является носителем этого языка и его опорой. Далее он пишет: «Наш язык может конкурировать с самыми богатыми языками мира посредством созданных народом сказаний, пословиц, рассказов и сказок, а наши писатели и поэты представляют свои таланты и искусство в созданных ими произведениях, привлекая внимание народа» [3, с. 324].

Очевидно, что азербайджанский язык развивался и развивается в результате фольклорных, литературных и художественных процессов и до сих пор жив и развивается как духовное богатство нации – азербайджанского народа.

С.К. Пишевари отмечает, что помимо необходимости расширения прав азербайджанского языка и национализации ими заимствованных слов, азербайджанские писатели несут ответственность и за развитие языка. Он пишет: «Мы твердо убеждены, что таким образом они обеспечат красоту нашего языка, его прогресс и раз-

витие» [3, с. 325]. Так автор подчеркивает роль писателей в развитии азербайджанского языка.

В эмиграционной литературе Южного Азербайджана 40-50-х годов также важны работы Гянджали Сабахи, Хамзы Фатхи, Хошгинаби и Гамида Мамедзаде, в которых отражены вопросы национально-духовного единства, языка и культуры азербайджанского народа.

В произведении Гянджали Сабахи «Трагедии жизни» изображается образ азербайджанца, являющегося воплощением силы, отваги, справедливости, чести и честности. Автор описывает нападение арбаба (господина) на невинную молодую девушку, которую освобождает её возлюбленный Гудрат.

Автор изображает борьбу девушки за свою честь, тем самым прославляя национально-нравственные ценности всего азербайджанского народа, его смелость, честь и гордость.

«Арбаб – хозяин подданства, его отец, наместник и достоин уважения, но, если он покушается на чужую честь – он должен быть уничтожен». Здесь воля арбабов и их вседозволенность описываются так: «Они вторгаются в дома и грабят. Избивают, оскорбляют и ругают. Покушаются на честь других. За их недостойное поведение никто не спросит с них. Когда же всему этому будет положен конец?» [9, с. 391]. Из всего этого напрашивается единственный вывод о том, что всему этому беспределу будет положен конец тогда, когда народ создаст своё национальное правительство и положит конец тирании, гнету, преследованию и притеснению.

Художественный творческий спектр, направленный более на Южный Азербайджан, очень силён в прозе Гамида, хорошо знакомого с мировоззрением и психологией людей страны, в которой он живет. В его произведениях очень силён национальный колорит и психология протеста, сформированная режимом [6, с. 90].

Именно эти черты делают прозу автора читабельными и убедительными.

В рассказе Гамида Мамедзаде «Национальная площадь», которая играет особую роль в его прозаическом творчестве, сравниваются шахский режим управления и дни свободы, представленные народу Азербайджанским национальным правительством, изображается борьба героических азербайджанских женщин за свою свободу. Главная героиня рассказа Гюльсум-баджи (сестра) представлена как типичная тебризская женщина. Однако её отличает от других женщин, живущих в трудных социально-нравственных условиях, её осознание своих прав и непослушание порочным законам режима монархии.

Известно, что с революцией 1978-1979 годов в Южном Азербайджане начала формироваться демократическая, политическая, социально-экономическая, духовная и культурная литературная среда.

Но это продолжалось недолго. «Примерно до 1960 года в культурной жизни Азербайджана начался застой. Несмотря на политику фарсизации, проводимую шахским режимом, литература на родном языке в 1950-1970-ые годы продолжала развиваться. В результате сбора и публикаций азербайджанского фольклора в этой области были проведены определенные исследовательские работы после исламской революции в Иране. В 1978-1979 годах за короткий промежуток времени были изданы десятки книг на азербайджано-тюркском наречии. Некоторые из них были и переизданы». [12] Таким образом, эмигрантская литература Советского Азербайджана и Южного Азербайджана, а также азербайджаноязычный литературный процесс на национальной основе развивался и при различных режимах и идеологических условиях, пропагандировал национально-нравственные ценности.

За короткий период шестидесятых годов (1960-1966-ые годы) тема разделенной родины была запрещена в Советском Союзе – Северном Азербайджане. «Из высказываний эмигрантских литературоведов и одного архивного документа выяснялось, что в 1960-х годах тема Южного Азербайджана была частично запрещена». [2, с. 58]

Письмо друга Саттархана – Сулеймана в романе А. Макулу «Саттархан» представляет большой интерес для разоблачения мародёрских действий Англии в Иране и особенно в Южном Азербайджане: «Дорогой Саттархан! Используя наши южные обычаи, наши нефтяные месторождения и, одним словом, всю экономику страны, британские эксплуататоры, изводившие наш народ, начали осуществлять ещё два плана грабежа. Во – первых, они грабят все памятники и документы нашей культуры через отряды воров, которых они организовали. Разумеется, необходимо сохранить рукописи, посуду и другие уникальные произведения (антикварные изделия искусства – А.Т.), принадлежащие азербайджанской культуре, особенно те артефакты, которые хранятся в мавзолее Шейха Сафи. Защита нашей культуры

и наших памятников от этих культурных воров должна быть нашей самой священной обязанностью сегодня». [1, с. 60-61] Таким образом, показано разграбление природных и культурных ценностей азербайджанского народа, которое осуществлялось англичанами при поддержке шаха. Одним из пламенных пропагандистов идей национальных моральных ценностей, патриотизма и любви к родине является Хакима Биллури. «В творчестве Х. Биллури отражаются образ Родины, тоска по ней, национально-нравственные ценности, политико–экономическое и социальное положение, тема свободы Родины, проблемы народа. Эти перечисленные мотивы напоминают листья дерева под названием Родина. Поэтесса выражает свою гражданскую позицию, любовно воспевая каждый лист этого дерева» [11, с. 175].

Сосланный в 1938 году в Иран, а затем эмигрировавший в Азербайджан Хашим Тарлан, пропагандировал такие национально-нравственные ценности, как патриотизм, любовь к человечеству, гуманизм, цельность и неотступность. Хашим Тарлан – поэт-оптимист, борец, глубоко любящий свою Родину. В своих произведениях он отразил все благородные человеческие эмоции, такие как Родина, природа, любовь, дружба, единство, свобода и человечность [8, с. 188].

Выдающийся представитель азербайджанский эмигрантстской литературы известный публицист Гуламрза Сабри Табризи – яркий пропагандист национально-нравственных ценностей. Г.С.Табризи выступал против политики обязательного изучения фарсидского языка в Иране и лишения азербайджанцев своего родного языка. Он боролся за развитие азербайджанского языка, его распространение, за открытие школ и издание литературы на родном языке. Исследователь К. Мамедова, высоко оценивая пропаганду им национального языка, пишет: «Подход Табризи к литературе достоин уважения. По его мнению, истинный поэт и писатель обязан любить свою страну и свой народ, трудиться для их процветания.

Г.С.Табризи преданно и самозабвенно служил своему народу. Статья под заголовком «О языке» Табризи очень хорошо выражает его мысли. Вообще, все публицистическое творчество писателя – это его мысли и рассуждения. Это не только рассуждения о литературе.

Это краткие, ясные и логические заключения о жизни и искусстве, общественной мысли народа, национальной нравственности, истории культуры, познании и суждениях. Его литературные рассуждения всегда научны, художественны и философски глубоки. Основными чертами творчества Г.С.Табризи является художественная наполненность, научное обобщение и высокая лиричность. [7, с. 215]

Писать о родном языке и на родном языке требовало от представителей эмигрантской литературы большой смелости и воли. Народный писатель академик Мирза Ибрагимов отмечал, что азербайджанский язык сложно формировался и в Южном, и в Северном Азербайджане: «Вхождение азербайджанского языка в систему тюркских языков не дает оснований лишать его своеобразия, отрывать его от своих истоков и корней, менять его названия. Да, азербайджанский язык прошёл через множество сложных этапов. Он подвергался давлению со стороны многих оккупантов и захватчиков, но он выжил». [5, с. 6] Таким образом, академик показывает, что азербайджанский язык развивается и обогащается.

Об азербайджанской прозе, пропагандирующей гуманизм и национально-нравственные ценности, Г.С.Табризи пишет так: «Как на севере Азербайджана, так и на юге проза по сравнению с поэзией моложе. Но, несмотря на молодость, проза относительно поэзии, направленной на романтику и отвлеченное мировоззрение, отличается своей чуткостью к проблемам народа и к вопросам, которые беспокоят его. В особенности политические события начала XX века – Революционное либеральное движение, открывает возможности для того, чтобы литература приобретала социальное содержание» [10, с. 51]. Табризи видит развитие нации в развитии национальных и духовных ценностей. Пламенный публицист, от души любящий свою Родину, его материальные и духовные ценности, восхваляет её красоту, высоко ценит человеческую мораль. Он борется со всеми формами насилия своим пером и словом.

Таким образом, в эмигрантской литературе 40-50-х годов XX века нашли своё отражение любовь к Родине, к родному языку, доставшемуся народу в наследство от предков, к земле Бабеков, Кёроглу. Саттарханов, воспевание Табриза, являющегося гордостью Азербайджана, героизм федаи (самоотраженных).

Несмотря на интеграцию эмигрантской литературы Южного Азербайджана в литературную среду Северного Азербайджана в 60-90-ые годы XX века, она отдалилась от идеологических огра-

ничений и в художественной форме воплощала идеи разделенной Родины, национального единства, азербайджанства и общечеловеческих ценностей.

Литература и источники:

1. Институт рукописей им. М.Фузули НАНА Архив 16, 56/480, с. 60-61
2. Балаев Х. Интеграция поэтов и писателей Южного Азербайджана в азербайджанскую литературную среду // Новости Хазан, № 297, июнь 2011, с.56-60 (на азербайджанском языке).
3. Антология литературы Южного Азербайджана. В 4-х томах, т. III, Баку: Издательство Эльм, 1988, 549 с. (на азербайджанском языке).
4. Алигызы А. Южно-азербайджанская литература: этапы, тенденции, этюды, Баку, Издательство Бакинского университета, 1998, 321 с. (на азербайджанском языке).
5. Ибрагимов М. Красота и сопротивление религии // Газета «Литература и искусство», 6 мая, 1988 (на азербайджанском языке).
6. Мамедли П. Южный Азербайджан: литературные личности, портреты, ч. I, Баку: Издательство Сабах, 2015, 199 с. (на азербайджанском языке).
7. Мамедова К. Идеалы гуманизма, демократии и свободы в публицистике Тебриза // Южно-азербайджанская литература: учеб. (Кн. II). Баку: Наука и образование, 2016, с.212-219 (на азербайджанском языке).
8. Рзаева Д. Патриотические мотивы в поэзии Хашима Тарлана // Южно-азербайджанская литература: учеб. (Книга II). Баку: Наука и образование, 2016, с. 188-189 (на азербайджанском языке).
9. Сабахи Г. Трагедии жизни. Баку: Азернешр, 1987, 398 с. (на азербайджанском языке).
10. Табризи К.С. Философия мудрости. Баку: Туран Хаус, 2006, 272 с. (на азербайджанском языке).
11. Зейналова З. Образ родины в лирике Хакимы Биллури // Южно-азербайджанская литература: учеб. (Кн. II). Баку: Наука и образование, 2016, с.175-181 (на азербайджанском языке).
12. Южно-азербайджанская литература. // http: //music.az// b1.html.327

ЯЗЫКИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ (ЭТНИЧЕСКИХ) КУЛЬТУР

Анчек С.Х.,
доктор филологических наук, заведующая отделом языка
Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
Республика Адыгея, г. Майкоп

ОБ УНИКАЛЬНОСТИ ФОЛЬКЛОРА В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПЛАСТЕ ФЕНОМЕНА НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА АДЫГОВ)

Аннотация: В статье рассматривается адыгский фольклор как этнокультурный феномен, отражающий в национальной языковой картине мира специфику национального мировидения и миропонимания адыгского этноса. Фольклор является уникальной этнической картиной мира. Установлено, что специфичность языковой материи адыгского фольклора проявляется на всех уровнях языковой структуры: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом. Делается вывод, что жанр пословиц и поговорок имеет самую тесную связь с языком, речью и речевой деятельностью человека, являясь своеобразной формой выражения мысли.

Ключевые слова: адыгский фольклор, этнокультурный феномен, уникальный пласт, культурно-исторический пласт, национальный язык, вербальное мышление.

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики активизирует и ориентирует лингвистические исследования на изучение этнокультурной специфики языковой концептуализации окружающего мира человеком, личностных и социальных сторон человека, языкового познания, речевого общения и поведения человека, а также когнитивных процессов хранения, передачи и интерпретации знаний и мыслительной деятельности.

Адыгский фольклор – это этнокультурный феномен, отражающий в национальной языковой картине мира специфику национального мировидения и миропонимания адыгского этноса. Фольклорный текст фиксирует, хранит и транслирует семиотически оформленную адыгскую информацию, что оправдывает междисциплинарный комплексный подход к его изучению.

Язык адыгского фольклора сформировался в течение тысячелетий, гораздо раньше, чем адыгская письменность. Он является свидетельством того, что на протяжении многих столетий языковые трансформации в большей степени коснулись формальной стороны. Наличие архаизмов, значение которых не совсем прозрачно, свидетельствует о древности отдельных фольклорных текстов.

Исследование этнолингвистических особенностей формирования, развития и функционирования адыгского фольклора как уникального пласта в культурно-историческом пласте феномена национального языка имеет большое значение. Фольклор представляет собой продукт аккумулятивной функции языка, суть которой состоит в сохранении и трансляции потомкам уникальной этнической картины мира, что позволяет противостоять негативным тенденциям глобализационного процесса, приводящим к унификации и размыванию культур.

Нами осуществлено диссертационное исследование языка адыгского фольклора [1], которое позволило: а) произвести жанрово-стилевую классификацию текстов адыгского фольклора; б) выявить и описать специфические формы языковой реализации жанров адыгского фольклора как отражения этнокультурной специфики адыгской языковой картины мира; в) выделить и охарактеризовать этнокультурные доминанты и константы языкового пространства адыгского фольклора; г) выявить и проанализировать лингвостилистические особенности текстов малых и «больших» жанров адыгского фольклора; д) произвести текстологический анализ основного корпуса фольклорных текстов адыгского нартского эпоса. Соответственно, объектом диссертационного исследования становится язык адыгского фольклора в многообразии его средств и единиц функционирования, а предметом исследования

выступают когнитивные и лингвокультурные особенности адыгского фольклора, включающие лексикосемантические, грамматические, стилистические, коннотативные, культурологические и этноментальные характеристики языка адыгского фольклора. Выявленные специфические особенности отдельных лингвистических элементов, с одной стороны, являются характерными для устных произведений адыгов, с другой – дают материал для наблюдения динамического развития адыгских языков.

Несмотря на то, что адыгская лингвистическая наука располагает научно-теоретическими работами, в которых рассматривались отдельные вопросы, связанные с языком фольклора [2], [3], [4], [5], проведенное исследование привело к некоторым собственным тезисам:

1. Язык адыгского фольклора – это вербальное мышление народа, языковая материя *«бзэ бзыпхъэ»*, созданная народом. Первичной формой языковой материи *«бзэ бзыпхъэ»* является звуковая субстанция «*макъэ зышъырэ бзэ»* – тексты в исполнении сказителей, воспринимаемые на слух. Вторичная форма – графическая субстанция «*тамыгъэкIэ къэгъэлъэгъогъэ бзэ»*, т.е. тексты, воспринимаемые зрительно. Фольклорный текст на современном этапе воспринимается одновременно и как звуковая и как графическая языковая субстанция.

2. На основе анализа текстов пословиц и поговорок, хохов, скороговорок, загадок, анекдотов, сказок, сказаний, песен выявлены языковые особенности их языка, общие для всех жанров и частные, присущие отдельным жанрам. Специфичность языковой материи адыгского фольклора проявляется на всех уровнях языковой структуры: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом:

а) фонетическом (звуковые повторы, добавочные гласные, открытые слоги-запевы и припевы, возвышенность слога, ономатопея),

б) морфологическом (современный показатель эргативности множественного числа имен *-хэм* в фольклоре обозначен древней формой – морфемой *-мэ*, множественное число имени в именительном падеже часто не находит в глаголе своего показателя; единственное число имени в эргативном падеже часто не находит своего показателя в глаголе; частое употребление именных форм орудного падежа вместо превратительного; выполнение единой функции имен именительного и превратительного падежей для характеристики персонажа, частое использование аористных форм глагола и т.д.),

в) лексическом (наличие архаизмов, историзмов, обилие топонимов, этнонимов, теонимов, терминов, обозначающих виды оружий, пород лошадей, национальных блюд, старинных хозяйственных предметов, строений и т.д.),

г) синтаксическом (повторение одной и той же синтагмы, периодическое повторение одних и тех же предложений внутри одного текста, частое употребление синтаксических параллелей, клише, формул, развернутых форм обращения, синтаксических накоплений, сравнительных сочетаний),

д) стилистическом (бытовой, разговорный, иронически-шутливый, изысканная речь персонажей).

3. Лингвокультурологический анализ адыгских паремий (пословиц и поговорок, хохов-здравиц (хъохъухэр), скороговорок, загадок и анекдотов) позволил прийти к выводу о том, что, во-первых, паремиологический фонд национального языка является важнейшим средством аккумулирования и трансляции культурного опыта адыгского этноса; во-вторых, в семантике паремий объективируются важнейшие для ментальности, истории и развития адыгского народа экстралингвистические факторы.

4. Установлено, что в отличие от других жанров фольклора пословицы и поговорки имеют самую тесную связь с языком, речью и речевой деятельностью человека, являясь своеобразной формой выражения мысли.

5. Большие жанровые формы (сказка, песня и т.д.) тоже способны продуктивно воспроизводить информационные посылы. Широко и плодотворно отображая действительность, песни и сказки используют множество языковых средств выразительности, свойственных синтаксическим элементам, содержащимся в фольклорных текстах (метафоризация, метонимизация, гиперболизация, олицетворение, гротеск, сравнения и обобщения и др.).

6. Изучение языка адыгского фольклора с позиций когнитивной лингвистики позволил выявить стоящие за языковыми формами когнитивные структуры, базовые концепты, формирующие национальную концептосферу. Базовыми концептами нартского эпоса адыгов являются концепты «нарт» (нарт), «пелыуан» (богатырь), «лIыгъэ» (мужество), «шы» (конь), «чъыгы» (дерево), а историко-героического эпоса – концеп-

ты «зэпэуцун» (противостояние), «жъалымыгъ» (жестокость), «гу» (сердце), «псэ» (душа). Также были установлены бинарные качественные оппозиции, характеризующие человека: *шIу* «добро» – *е* «зло», *акъыл* «ум» – *хъоршэрыгъ* «хитрость», *Iушы* «умный» – *делэ* «тупой, дурной», *хьалэл* «добрый» – *жъалым* «жестокий».

7. Проведенное исследование подтвердило главную гипотезу о том, что адыгский фольклор представляет целостную фольклорно-языковую картину мира устного народного творчества адыгов как совокупность знаний, зафиксированных в лексике, фразеологии, грамматике, так как язык способен выступать как инструмент механизма культуры, что еще более выражено в случае с фольклорным текстом.

8. Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшего, более глубокого, изучения лингвокогнитивных и этнолингвистических особенностей адыгского фольклора как фрагмента национальной языковой картины мира. Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке вопросов, связанных с когнитивно-дискурсивным исследованием адыгского фольклора, а также лингвосемиотическим анализом его дискурсивного пространства в диахронии и синхронии.

Литература и источники:

1. Анчек С.Х. Адыгский фольклор как этнокультурный феномен: когнитивный и лингвокультурный аспекты: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.02 / Анчек Сурет Хазретовна; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. – Майкоп, 2018. – 397 с. OD 71 19-10/2 [Электронный ресурс] – режим доступа: https://search.rsl.ru/ru/record/01009888486 (Дата обращения: 06.01.2020).

2. Гишев Н.Т. Языковые особенности адыгейского фольклора / Н.Т. Гишев // Все об адыгах. Майкоп, 2002. – С. 94-134.

3. Гутов, А.М. Народный эпос: традиция и современность / А.М. Гутов. Нальчик, 2009. – 226 с.

4. Кумахов, М.А., Кумахова, З.Ю. Нартский эпос: язык и культура / М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахов. М., 1988. – 311 с.

5. Кумахов, М.А., Кумахова, З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос / М.А. Кумахов, З.Ю. Кумахов. М.: Наука, 1985. – 223 с.

Анчек С.Х.,
доктор филологических наук, заведующая отделом языка
Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
Республика Адыгея, г. Майкоп

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АДЫГЕЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация: Статья посвящена исследованию некоторых лирических произведений военных лет адыгейских писателей и поэтов И. Машбаша, К. Жанэ, А. Гадагатля. Анализ языковой картины мира произведений позволил выявить базовые концепты, формирующие национальную концептосферу, как «жъалымыгъ» (жестокость), «щынагъу» (страх), «пшъэрылъ» (долг), «блэнагъэ» (отвага), «лIыгъэ» (мужество), «зэкъошныгъ» (дружба). Тексты правдиво отражают действительность, беды и горечи военного времени, передают уверенность в том, что враг будет побежден.

Ключевые слова: лирические произведения военных лет, жестокость, страх, долг, отвага, мужество, дружба.

Высшей ступенью языка является национальный язык, в котором запечатлен весь познавательный опыт личности. Национальный язык не только отражает, но и формирует национальную личность. Данные, отображенные в языке, представляют совокупное и этноспецифическое осознание [7, с. 9-11], языковые факты расширяют представление об окружающей действительности.

В свое время Г. Р. Державин писал: «Язык всем знаниям и всей природе ключ, / Во слове всех существ содержится картина». Картина мира находит свое отражение в языке, что позволяет говорить о «языковой картине мира», «лингвокартине мира». В определении А.А. Кибрика «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [5]. Это своего рода мировидение через призму языка. Бербекова Ф.А. считает, что «лингвокартина мира – это определенный способ концептуализации (осмысления и организации) окружающей действительности, зафиксированный в языке и представляющий собой сочетание универсальных и специфических явлений. В каждой этнокультуре имеются собственные доминанты, образующие этнокультурную сферу» [1].

В лингвокартине мира лирических произведений адыгейских писателей отразилось самое трагическое событие в истории нашей страны – Великая Отечественная война. Тема Великой Отечественной войны – самая многоплановая и неисчерпаемая в мире литературы. Она создала для носителей языка оригинальную картину мира со своей специфической окраской. О войне написаны десятки тысяч повествований, первые из которых появились сразу же после её начала. Они были вызваны чувством оскорбленного народа.

Известный адыгейский писатель Исхак Машбаш в стихотворении «Тщыгъупшэщтэп» («Не забудем») [4, с. 331-332] передает ужас того летнего дня следующими строками: *«КъэошIэжьа а гъэмафэу / Мэфэ стырыр? / Гум къэкIыжьа зэо хафэу / Зэо плъырыр?» / Iэпхъо-лъапхъоу дунай машIор / ЧIылъэм щыгъэIагъ, / Лъыпсы нэпскIэ дунай хашъор / Тыгъэм ригъэIагъ.* «Помнишь летний тот / День горячий? / Вспоминаешь про войну, / Про войну жестокую?» / Всемирное пламя, кидаясь по сторонам, / По всей земле разевается, / Кровяными слезами поверхность земли / Солнце покрасило». Для репрезентации жестокости события И. Машбаш использует метафорические сочетания, являющиеся одним из самых распространенных приемов реконструкции языковой картины мира: *мэфэ стыр* «горячий день», *зэо хаф* «жестокая война (досл.: кислая война)», *зэо плъыр* «горячая война», *лъыпсы нэпс* «кровяная слеза».

Репрезентантами мужества, бесстрашия солдат являются строки: *ЛIыгъэу хэлъыр тарихъ хъугъэу / ЗэолI пхъашэр щылъ, / ЫIпсэ хэкIми, пыим лъыхъоу / Федзы инэмыплъ.* «Все его мужество в историю вошло, / Бесстрашный воин лежит, / Силы покидают его, но в поисках врага / Взор свой он бросает».

Танкист-офицер, молодой поэт, Киримизе Жанэ во время Великой Отечественной войны, не жалея сил, воюет во имя своей родной земли. Он

сражается с врагом не только боевым оружием, его поэтические строки, посвященные мужеству и храбрости советских воинов, рождены на линии фронта. Это: «Ныхэр» («Матери»), «ПисьмитIу» («Два письма»), «Ар заом къыщыхъугъ» («Это было в бою»), «Гвардейцэхэр» («Гвардейцы»), «Танк», «Андырхъое Хъусен иорэд» («Песня о Хусене Андрухаеве») и т.д.

Стихотворение «Ар заом къыщыхъугъ» («Это было в бою») [3, С. 58] отражает чувство долга и ответственности перед подрастающими поколениями, страной, родной землей, любовь к жизни, преодоление страха смерти. Сразу чувствуется авторский стиль К. Жанэ: событие тех дней воочию предстает перед вниманием читателя посредством применения поэтом таких стилистических ресурсов языка как описание, сравнение, метафора. Гордость танкиста умением управлять грозным военным транспортом передается описанием: *Ситанкэ мэшIо тхъуабзэр ыгъэутысэу, / Осыр пщэ коренэу зэлъызгъэутысэу, / Чъэм сыхэтэу пый купыр чIым хэсэIулIэ, / Лъэбэкъу пэпчъ щынагъоми сэ зысэгъэлIы* «Мой танк, извергает огненное пламя, / Распыляет снег, как громадное облако, / На ходу вражью группу в землю вбиваю, / Каждый шаг хоть и опасен, но я мужаюсь».

Стихотворение легкое для чтения и восприятия, несмотря на наличие сравнений (*осыр пщэ коренэу* «снег как громадное облако»), метафор (*пый купыр чIым хэсэIулIэ* «вражью группу в землю вбиваю»). Свидетельством того, что людям свойственно испытывать страх, но во имя родной земли даже не демонстрировали свою боязнь, является строка: *Лъэбэкъу пэпчъ щынагъоми сэ зысэгъэлIы*. «Каждый шаг хоть и опасен, но я мужаюсь».

Автор репрезентирует опасности с помощью фразеологических единиц родного языка: *ситанкэ къэкIэзэзы* «мой танк содрогается», *ищылыч танджышъор къызэхэтакъо* «его железный шлем рассыпается», *пыимэ яшъыпкъ* «враг серьёзен», *къадзыхьанэу фежьагъ* «начали осаждать», *уаудэгоу къэхьакъух топыжъхэр* «глушит лай пушек», *гъунэм тынэсыгъэкIэ мэгугъэх* «надеются, что доходим до грани», *щэхэр щэшъуе* «пули свистят», *фэмыхъукIэ гырзэзэ чIыгур мэхъые* «от безысходности стоная, земля содрогается», *пыим итопыщэ блэ бзэгоу къыкъозышъ* «вражеская пушка змеиным жалом выпадает» и т.п.

Отвага репрезентируется строчками: *танкыдзи, лъэсыдзи тапэIулъ* «держим атаку танкового войска, пехоты», *таужкIэ зы лъэбэкъу тымыдзэу* «ни шагу назад», *такIыб щыIэу тикъэлэгупсэ* «за нами наш город родной», *шъхьамысэу ытыщт шъхьадж ыпсэ* «каждый погибнет без жалости» и т.п.

Из стихотворения автора можно понять, что фронтовику пришлось покинуть поле боя после серьезного ранения: *Щэ къутафэр сынэгу сэ къытырепхъэ… / Дунаир зэфэдэу къызэлъэушIункIы, / СфэмыхъукIэ зэуапIэр къызэсэнэкIы.* «Осколки падают на лицо, / Весь мир заполняется тьмой, / Без желанья фронт оставляю».

Земля содрогалась, но друзья, санитары, врачи приходили на помощь бойцам, не оставляли раненых на поле боя: *Ныбджэгъухэр сыблыпкъы кIэтыхэу сыкъахьы, / Врачхэр къысфэсакъхэу, ащ къыздачъыхьэ…* «Друзья несут меня, держа за плечи, / Врачи спасают меня, они суетятся».

И даже будучи ранеными, бойцы не хотели покидать поле боя: *Сыфэягъэп ныбджэгъухэр къэсыбгынэнэу, / Фэягъэхэп ахэми сакъыхэкIынэу* «Не хотел я оставлять друзей своих, / И им не хотелось, чтобы я их оставил».

16 июня 1943 г. газета «Советская Адыгея» публикует отрывок его письма: *Сэтанки стэу фронтым сыIут, нэмыцмэ сауIагъ, ау сафэукIыгъэп: нэмыцмэ сязэонэу джыдэдэм частым сэкIожьы. Лъэу скIэтыр сыгу фекъуфэ, кIуачIэу сиIэм сIэ сегъэIэтыфэ текIоныгъэм сыфэбэнэщт.* «Я на фронте служу танкистом, немцы меня ранили, но не смогли убить: сейчас возвращаюсь в часть сражаться с немцами. До последней капли крови, пока силы во мне будут руку приводить в действие, буду воевать во имя Победы» [6, с. 115].

Молодой командир танка К. Жанэ получает тяжелое ранение, участвуя в боях Юго-Западного фронта. С 1943-го по 1944-ый год занимается подготовкой курсантов танкистов для фронта в Омске. После демобилизации в 1944 году Кимизе возвращается в Адыгею [8].

И после войны К. Жанэ сочиняет о войне. В 1970 г. выходит художественно-документальная повесть «Андрыхъое Хъусен иорэд» («Песня о Хусене Андрухаеве»), в которой писатель олицетворил образ Хусена Борежевича Андрухаева, бесстрашного черкесского воина, отдавшего жизнь за свободу своей Родины. В 1942 году Х.Б. Андрухаеву Указом Президиума Верховного Совета СССР за героизм и мужество посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Во время боя возле села Дьяково на Украине Х. Андрухаев двумя гранатами уничтожил окру-

живших его фашистов и сам погиб. Факт гибели героя отражен в следующих строчках: *Пыйхэр къызжэхахьэм, къафызэкIэкIуагъэп, / «Зыкъэт» къызыраIом, арИуагъ «тихабзэп», / ЫIпсэ хэтыфэ ащ пыир къымыгъакIу, / ЫIгур къытеофэ къыфызэкIэмыкIу.* «Враг наступал, но он не отступил, / «Сдавайся» – сказали, «Не наш обычай» – ответил, / Пока был жив, врага не пропустил, / Пока сердце билось, он не отступил».

В военные годы боевым другом любого солдата был котелок. Именно данный военный предмет был воспет в стихотворении А.М. Гадагатля «Солдат котелок» («Солдатский котелок») [2, с. 170-171], который впоследствии стал песней (1942 г., Москва). Писатель-фронтовик обращается к котелку: *Солдат Iофыр кIахьы-лахьэп, / Котелок, / Моу псы чъагъом зычIэгъэбэлъ, / Котелок. / <...> / Къажъо, къажъо – псынкIэу къажъо, / Котелок, / Тистырыпс умыгъэгужъо, / Котелок. / <...> / А сыхьатым тыохьакIэшъ, / Зытэштэжь. / ТкIуачIэ изэу солдат гъогум / Тытехьажь.* «У солдата мало времени, / Котелок, / Ну-ка в речку быстро окунись ты, / Котелок, / <…> / Кипи, кипи – кипи быстро, / Котелок, / <…> / В миг покормишь ты нас, / Котелок, / Полные сил, в солдатскую дорогу / Отправимся».

Подрастающее поколение должно научиться ценить мирную жизнь, потому что именно за неё наши деды и прадеды бились и многие отдали свои жизни на войне. Нужно почитать погибших! В честь героев воздвигнуты памятники, названы улицы, заведения. Они нуждаются в том, чтобы их посещали, возлагали цветы, возле них пели военные песни. К. Жанэ в стихотворении *«ЛIыхъужъ батырмэ ацIэкIэ»* («Во имя богатырей») призывает всех дорожить памятью погибших: *Заор зиджэгъо цIыфхэр, / Жъугъэлъапэх мыжъо саугъэтхэр, / КъафашъуIох лIыхъужъ орэдхэр, / ЯшъухьылIэх ащ къэгъагъ Iэрамхэр.* «Люди – кому ненавистна война, / Дорожите памятниками, / Пойте героические песни, / Возлагайте к памятникам цветы» [3, С. 61].

Итак, лирические произведения военных лет адыгейских писателей и поэтов воспевают мужество и храбрость советского воина, крепкую межнациональную дружбу, передают уверенность в победе, в том, что враг будет побежден, правдиво отражают действительность, беды и горечи военного времени. Анализ языковой картины мира произведений позволил выявить стоящие за языковыми формами когнитивные структуры, базовые концепты, формирующие национальную концептосферу: «жъалымыгъ» (жестокость), «щынагъу» (страх), «пшъэрылъ» (долг), «блэнагъэ» (отвага), «лIыгъэ» (мужество), «зэкъошныгъ» (дружба).

Литература и источники:

1. Бербекова Ф.А. Концепт «красота» в эстетической и этической парадигмах кабардино-черкесской, французской и русской лингвокультур [Электронный ресурс] – режим доступа: http://old2.adygnet.ru/sites/default/files/%20 Бербековой. pdf (Дата обращения 27.12.2019).
2. Гадагатль А.М. Избранные произведения. Стихотворения, повести в стихах, поэмы. На адыгейском языке. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2007. 568 с.
3. Жанэ К.Х. Избранное. Стихотворения. Майкоп: Адыг.респ. Кн. Изд-во, 2019. 280 с.
4. Машбаш И.Ш. Собрание сочинений в трех томах. Том первый. Стихотворения. Предисловие К.Г. Шаззо. Майкоп: Адыг.респ.кн.изд-во, 2011. 528 с.
5. Понятие языковой картины мира. [Электронный ресурс] – режим доступа: https://studbooks.net/2145632/literatura/zaklyuchenie#109 (Дата обращения 27.01.2020).
6. Схаляхо А.А., Дамов Ю.Б. Адыгейская литература. Учебник для 9-10 классов. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства. 176 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
8. У адыгов обычай такой. К 100-летию со дня рождения Киримизе Жанэ [Электронный ресурс] – режим доступа http://kirimizezhane.ru/images/Vospominaniya/Publikacii_v_pechati/Sovadig_100_let.pdf (Дата обращения: 27.01.2020).

Гудимова О.А.,
старший научный сотрудник
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР
Российская Федерация, г. Черкесск

РОЛЬ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПЕРЕДАЧЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ГОВОРА

Аннотация. Детский фольклор кубанского казачества, как и каждого народа, можно назвать краеугольным камнем в пирамиде воспитания ребенка как представителя своего народа. Все его жанры работают на передачу традиционной культуры и говора от старшего поколения к молодому. Именно в младенческом возрасте закладывается менталитет человека. С колыбельных песен и других жанров детского фольклора начинается знакомство с родным языком, с окружающим миром.

Ключевые слова: детский фольклор, традиционная культура, кубанский говор, национальный, народная память.

Всем известна крылатая фраза: «Фольклор – это кладезь мудрости народа». И с этим тезисом согласен ученый любой специальности: и фольклорист, и этнограф, и лингвист, и историк, и культуролог, и философ. Каждый из них находит в устном народном творчестве свой материал для изучения, потому что фольклор является колоссальным фондом того, что объединяет всякого человека со своим народом. Это народная душа, её ментальный отпечаток в сознании человека. По словам выдающегося советского фольклориста В.Я. Проппа, «разгадка многих и очень разнообразных явлений духовной культуры кроется в фольклоре» [7, с.17]. Большинство русских, советских, российских фольклористов отмечает социальную природу устного народного творчества, потому что он работает на передачу традиционной культуры народа от поколения к поколению. И то, что «несозвучно» народному духу, отмирает. Только то, что воистину интересно ему – живёт века. И не просто живёт, а продолжает активно бытовать в разговорной речи. Фольклор является и одним из важнейших частей традиционной народной культуры, где отражен подлинно народный язык.

Огромный пласт в устном народном творчестве занимает «детский фольклор», который, по мнению основной доли исследователей, делится на 2 части: материнский фольклор и собственно детский фольклор, который в свою очередь разбивается на фольклор, перешедший из устного народного творчества взрослых и собственное детское творчество. Сущность детского фольклора состоит в том, чтобы постепенно ввести маленького человека, воспринимающего сначала окружающий мир через тактильные и визуальные ощущения, в мир слова, закрепить в его сознании основные понятия реальности, открыть ему национальную картину мира, помочь в социализации. Становление ребенка как личности, как представителя своего этноса начинается с самого рождения, с первых дней жизни. Тогда же он начинает знакомиться с окружающим миром и помогает ему в этом устное народное творчество. «По свидетельствам же самих пожилых информаторов, процесс передачи традиции, введения ребенка в мир традиционной культуры начинался с первых лет его жизни. Главной особенностью такой преемственности была естественность условий восприятия культуры, традиционного репертуара. Выражалось это в том, что практическому его освоению предшествовал довольно длительный период наблюдения, накапливания впечатлений» [3, с.109]. Этому помогало и активное привлечение детей к участию в календарной и семейной обрядности.

Накапливание впечатлений начиналось с колыбельных песен. Трудно переоценить их значение для ребенка на самом раннем этапе его развития, когда песни с помощью незатейливой мелодии, самых простейших образов начинают формировать у него национальную картину мира. На этой стадии ребенок воспринимает, прежде всего, рифмическую и ритмическую организацию речи, музыкальное звучание, эмоциональность: мягкое сочетание гласных, звуковые повторы успокаивают, убаюкивают. «Баю, баю, баюшки,/ Приходили заюшки»; «Люли, люли, люли,/ Прилетели гули»; «Баю, баю, баю, бай,/ Пришел серый к нам Бабай»; «Коту, коту, котына, / Засны мала дытына»; «Баю, баюшки, баю, / Живэ козаче на яру» и т.д.

Самые первые, как и последующие, тексты детского фольклора, отличаются дидактической направленностью: помогают усвоению мировоззренческих знаний, формируют убеждения, отношение к миру: появляются пока на чувственном уровне отношения к ещё не знакомым образам – добрым и нежным заинькам, гуленькам, котикам, к немного опасным – серому волчку, Бабаю (которому можно «колотушек надавать»). От «фонемного» восприятия ребенок постепенно переходит к образному: и тогда начинают звучать для него потешки, песенки-заклички... Так звуки превращаются в слова, слова в образы. Например:

Дождик, дождик, пущи.
Дам тибе я гущи,
дам тибе я лошки,
хлибай понимношки [с.]

Сначала для детей звучит устное народное творчество, созданное для них взрослыми или перешедшее к детям из фольклора взрослых (например, из календарной или свадебной обрядности), затем дети начинают сами творить: это и считалки, и «прыказкы на прыклад до имен» [5], так называемые дразнилки («обзывалки», «издёвки»), страшилки.

В нашей работе мы обращаемся к малым жанрам детского фольклора: колыбельным, приговоркам, потешкам, попевкам и т.д. – первым фольклорным произведениям, которые начинает воспринимать ребенок. Их малая форма (малый объём), ёмкое содержание, незатейливая мелодия, рифма обогащают чувства и речь, создают предпосылки к переходу к вербальной визуализации мира. Малые жанры фольклора объединяет, по словам известного исследователя русского устного народного творчества Аникина В.П., «необычайная широта в обобщениях и условность в запечатлении художественного замысла» [1]. Они через знакомство с родным языком (говором) развивают речь ребенка.

Детский фольклор через ощущения, звуки, слова, образы дает слушателям самые главные и простые понятия, отражающие общеинтересное и насущное о людях, о жизни, затрагивающие всех и вся. Воспитывает у детей эстетическое отношение к природе, труду, окружающей действительности, учит видеть прекрасное. Основная роль детского фольклора – воспитание личности, гармонично встроенной в национальный мир, человека, который с детства, через игру, знаком с бытом, хозяйствованием, умеет взаимодействовать с социумом и окружающим миром.

Детский фольклор также можно назвать начальной формой социального общения. Широкое исследование жанров детского фольклора нельзя отрывать от ситуаций, во время которых они произносятся. Нельзя не согласиться с мнением Аникина В.П.: «Фольклорист обязан считаться с бытовым контекстом» [1]. Жанры детского фольклора проникли во все области бытия ребенка, они своим содержанием как бы программируют ежедневно, ежечасно его жизнь на благополучную реальную жизнь, вводят в традиционную культуру народа. Детский фольклор пронизан действительностью, в нём нет оторванности от реальности, только так, через выражение истинного отношения ко всему, что окружает, можно влиять на сознание ребенка, на его национальную идентификацию.

Детский фольклор, как и всё устное народное творчество – «не только бытовое явление, но и художественное творчество в формах устного слова…» [1]. Благодаря своему широкому распространению, жанры детского фольклора играют не последнюю роль в сохранении родного языка, народной культуры, культуры общения. «Культура, прежде всего, – понятие коллективное. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее, по своей природе культура, как и язык, – явление общественное, то есть социальное» [4, с.6]. По мнению Ю.М. Лотмана, именно язык «обслуживает сферу социального общения» [4, с.7], в том числе и воспитание подрастающего поколения. Через язык, слово жанры детского фольклора формируют ментальность человека, его национальный мир.

Нельзя не согласиться с исследователем фольклора Кубани В.И. Чурсиной: «Традиционный кубанский фольклор – специфическая форма художественного творчества казачества, представлявшего собой этносоциальную и культурную общность славян – русских и украинцев» [9, с.3]. Она соглашается с мнением известного современного кубанского фольклориста Н.И. Бондаря, что «традиционная культура кубанского казачества занимает промежуточное положение между южнорусской и восточноукраинской локальными традициями...» [2, с.42]. Отсюда вытекает вывод, что в основу духовной и материальной культуры кубанского казачества легла и их традиционная культура – культура восточнославянского населения, т.е. фольклорные тра-

диции кубанских казаков имеют как украинские, так и русские корни, поэтому фольклор верхнекубанских казаков в разных станицах звучит поразному: одни благопожелания проговаривают на русском языке, другие на смеси русского и украинского языков – «казачьей мове». Некоторые из них одинаково сосуществуют на одной и той же территории на разных диалектах, что, конечно же, связано с современными тенденциями развития языка, влияния школ, СМИ. Смешение языков на Кубани отмечается в пословицах и поговорках: «Лизла по лестнице, упала з драбыны. Шуточное присловье о смешении русского и украинского языков на Кубани» [8, с.159]; «Наш топор вашу сокыру попёр. Иронически о смешении русского и украинского языков на Кубани» [8, с.160].

Современные социокультурные процессы: урбанизация, стандартизация жизни, взаимовлияние различных культур, в том числе и субкультур, компьютеризация, навязывание глобализации всех общественных процессов приводит к тому, что постепенно меняется отношение к национальному. Часть общества пытается сохранить свои специфические культурные ценности, другая – растворяется в окружающем мире. К сожалению, некоторые жанры детского фольклора постепенно уходят в прошлое, другие претерпевают изменения. Радио, телевидение, интернет вносят свою лепту в эти процессы, что подтверждается фольклорными экспедициями.

Считалки, игровые присказки претерпевают сейчас определённые изменения: часто усекаются, можно сказать, осовременеваются… Как и игры, которые или исчезают, или теряют свою традиционность. Надо отметить, что хранителями «седой старины» становятся педагоги, культработники, которые пытаются собрать и возродить детский народный фольклор, понимая, что вместе с народным творчеством уходит и народная память, культура, язык, теряются этнические черты, национальные традиции, являющиеся важнейшим элементом национальной самоидентификации. «В процессе исторического развития каждый народ создает собственную однородную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своего мироощущения и этнического самосознания. Примером этому может служить национальное искусство. В своих различных формах оно способствует сохранению этнического духа, традиций, выступая одним из действенных механизмов адаптации этноса к деструктивным воздействиям внешних исторических сил» [6, с.100]. Вместе с потерей национальных традиций мы утрачиваем свой неповторимый тип мировосприятия. Чтобы этого не произошло, необходимо, понимая неоценимую роль детского фольклора в сохранении и передаче традиционной культуры и языка, бережно сохранять, изучать и внедрять жанры детского устного народного творчества в воспитательное и образовательное пространство.

Литература и источники:

1. Аникин В.П. Теория фольклора. Размещено на http://www.allbest.ru/
2. Бондарь Н.И. Модель традиционной культуры кубанского казачества //Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы. Краснодар, 1999.
3. Жиганова С.А. Песенная традиция Кубани и дети. Колыбельные песни. // Традиционная культура и дети. Вып.1. Краснодар, 1994.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С-Пб, 1994. 711с.
5. Пивень А. Торба смеха и мешок хохота. Краснодар, 1995.
6. Платонов Ю.П. Этническая психология. СПб, 2001.
7. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
8. Ткаченко П. Кубанские пословицы. С.Д. Мастепанов о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. М., 1999.
9. Чурсина В.И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ: монография. Краснодар, 2003.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧

Гучетль Зухра,
ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии
«Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева»

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме сохранения адыгейского языка в условиях глобализации. На основе эмпирического материала автором выработаны выводы и рекомендации по сохранению языка в Республике Адыгея.

Ключевые слова: адыгейский язык, опрос, интервью, исследование, анализ, развитие.

В современном мире люди не одно тысячелетие пытаются разгадать загадку существования языка. Споры о языке и языках, их сущности, загадочном многообразии, общественной роли продолжаются и поныне. И не только потому, что язык тесно связан со всеми проявлениями индивидуальной и общественной жизни – экономикой и политикой, национальным самосознанием, разумом и чувствами, культурой и традициями, межличностными, межнациональными и межгосударственными контактами. Определение языку давалось не только языковедами, лингвистами, но и философами, и историками.

Многие исследователи определяют сущность языка как выражение мыслей, чувств и желаний, способом членораздельных звуков и который «имеет определенную цель – сообщение мыслей другим».

Большинство школ и направлений, сменявших друг друга в истории языкознания, четко выражают свое отношение к проблеме об адекватной связи языка и общества, ибо слишком очевидна коммуникативная функция языка, чтобы ее можно было полностью игнорировать.

Сегодня в условиях глобализации языки малочисленных народов претерпевают угрожающий кризис. Естественно кризис не обходит стороной и адыгейский язык. Проблема сохранения и развития адыгейского языка в Республике Адыгея является актуальной.

Адыгейский язык функционирует и воспроизводится, в основном, в местах компактного проживания адыгов, в моноэтнических семьях, в других локальных моноэтнических группах. Его функционирование поддерживается также учебными заведениями, телевидением и радио на адыгейском языке, выпуском литературы и газетой на адыгейском языке. Однако учебных часов на изучение языка выделяется мало. Времени в телевизионном и радийном эфире для передач на национальном языке уделяется также очень мало, газета («Адыгэ Макъ») выходит небольшим тиражом. Адыгейский язык в существенной мере вытеснен в семейно-бытовую сферу. Таким образом, ту среду, в которой происходит его функционирование нельзя назвать благоприятной для его сохранения и развития. В долгосрочной перспективе языку угрожает постепенное исчезновение. Проблема сохранения и развития адыгейского языка тревожит общественность, представителей органов власти, ученых. Она занимает видное место в трудах региональных ученых. Неоднократно проводились конференции с участием ученых Адыгейского института гуманитарных исследований, Адыгейского государственного университета, других учебных заведений, в том числе и из других республик, в которых используется адыгский язык (КБР, КЧР), издаются научные статьи и книги.

Общественные организации неоднократно выступали с различными инициативами, целью которых является улучшение ситуации с национальным языком. Однако все усилия, предпринимаемые общественностью, учеными и органами власти не дали пока большого, решающего эффекта – проблема сохранения и развития адыгейского языка остается актуальной. Необходим поиск более эффективных путей по его сохранению и развитию.

Наш институт («Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева») отдел философии и социологии периодически проводит социологические наблюдения по проблемам изучения адыгейского языка. Последние масштабные исследования были проведены в 2018-2019 гг.

В ходе нашего социологического наблюдения уточнены этнокультурные потребности жителей Республики Адыгея и их запрос на этнокультурное образование, проанализировано исполнение

Закона Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея», исследован механизм реализации потребностей в изучении адыгейского языка, проанализированы проблемы преподавания адыгейского языка в школах, даны рекомендации.

Главной целью нашего социологического опроса является выработка рекомендаций для органов государственной и муниципальной власти, образовательных учреждений и организаций, общественных организаций и иных заинтересованных сторон, способствующих сохранению, освоению и развитию адыгейского языка.

Основными методами реализации проекта послужили социологические опросы, интервью, наблюдение, работа с документами, кабинетные исследования.

Этнокультурные, в том числе языковые потребности, были выявлены в 2017 г. в ходе социологического исследования «Общественный запрос на этнокультурное образование в Республике Адыгея». Оно было проведено сотрудниками отдела философии и социологии АРИГИ под организационным руководством Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем, учрежденного Министерством образования и науки Российской Федерации совместно с Институтом этнологии и антропологии РАН, а также совместно с РОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». Для подготовки доклада использовались также материалы исследований по схожей тематике, проведенных сотрудниками отдела философии и социологии АРИГИ ранее.

Для анализа исполнения Закона Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» был изучен соответствующий Закон и иные нормативные акты. Проверка исполнения Закона осуществлялась постатейно посредством кабинетного исследования, анализа СМИ, контента интернета, а также наблюдения.

Для исследования механизмов реализации потребностей школьников в изучении адыгейского языка и для выявления проблем в его преподавании были взяты глубинные интервью у экспертов, работающих в сферах государственного и муниципального управления, в должностные обязанности которых входит деятельность по методическому и иному обеспечению процесса обучения школьников адыгейскому языку и контроля над ним. Интервью были взяты у специалиста Министерства образования и науки Республики Адыгея, специалиста администрации муниципального образования «Город Майкоп», а также у двух специалистов администраций муниципальных образований районного уровня. Дополнительно были проведены беседы с директорами двух школ и с одним руководителем районного управления образования.

Для уточнения уровня знаний адыгейского языка с учениками-адыгами двух сельских (аульских) школ и двух городских школ были проведены диктанты. Уровень знаний уточнялся также посредством тестирования – выполнения учениками заданий по переводу с русского на адыгейский. Для уточнения степени интереса учащихся к адыгейскому языку, проблем его освоения было проведено анкетирование.

В 2017 г. было проведено социологическое исследование по теме «Общественный запрос на этнокультурное образование в Республике Адыгея». В рамках данного исследования определялся, в частности, общественный запрос на изучение адыгейского языка.

Социологический опрос проводился в Майкопе и в сельских населенных пунктах по репрезентативной выборке. Было опрошено 480 человек разных национальностей, в том числе 180 экспертов и 300 учащихся и студентов. 81% опрошенных учащихся и экспертов проживает в Адыгее 10 и более лет. 11% – 2 года и менее. 77% проживает в Адыгее с рождения. Подавляющее большинство экспертов живет в республике свыше 10 лет.

В числе опрошенных учащихся и студентов оказалось примерно поровну тех, кто использует национальный язык в общении и тех, кто не общается на нем. Изучает или изучала один из языков народов России также примерно половина от числа опрошенных. Все респонденты из числа учащихся и студентов отметили, что имеют только один родной язык. При этом 10% из них указали, что имеют две национальности.

Согласно итогам опроса, почти треть учащихся и студентов (31%), предпочла бы обучение без национального языка. Более трети учащихся и студентов (34%) предпочло бы «стандартное изучение национального языка». Углубленное или дополнительное изучение национального языка выбрало 15%. Полное обучение на национальном языке выбрало 2% респондентов. Обращает на себя внимание и тот факт, что обучение без иностранного языка предпочло меньшее количество

респондентов (13%), чем обучение без национального языка (31%), т.е., предпочтение отдается иностранному языку. 17% учащихся и студентов сказали о том, что ограничились бы только общим знакомством с национальным языком.

Относительно большая доля не желающих учить национальный язык (в основном, это не адыги) позволяет сделать негативный или умеренно негативный краткосрочный и среднесрочный прогноз освоения адыгейского языка учащимися и студентами не адыгами. С другой стороны, в собственно адыгской среде спрос на изучение языка выражен достаточно ярко. Однако и он, на наш взгляд, может иметь тенденцию к снижению.

Полученные в ходе опроса учащихся и студентов данные коррелируют с опросом экспертов. Около 42% из их числа считает, что в ближайшие годы в регионе будет достаточное количество родителей учащихся, заинтересованных в школьном или вузовском обучении своих детей национальному языку. Почти каждый пятый эксперт (19%) имеет противоположную точку зрения. Большое количество экспертов (39%) затруднились сказать что-либо определенное на этот счет.

Результаты социологического опроса показали также, что, помимо явного общественного запроса на изучение адыгейского языка, существует запрос на другое этнокультурное образование. Он выше, чем запрос на изучение языка. Учащиеся и студенты в наибольшей степени заинтересованы в изучении истории родного края (54%), истории народа (37%), а также национальной кухни (43%).

Кратко подводя итоги данного опроса, можно сделать следующие выводы:

1. Общественный запрос на использование образования в сфере адыгейского языка фрагментирован и зависим от этничности. Значительная часть учащихся из числа не адыгов хотела бы ограничиться стандартным изучением национального языка или вообще не учить его. Однако среди учащихся адыгов запрос на изучение языка выражен явно.

2. Общественный запрос на этнокультурное образование (изучение региональной истории, культуры и др.) выше, чем запрос на изучение адыгейского языка.

3. С формальной точки зрения, ситуация в сфере этнокультурного образования может быть оценена, в основном, как благополучная. То есть образовательные учреждения исполняют функции, предусмотренные действующим законодательством и иными нормативными актами, регулирующими преподавание адыгейского языка и предметов этнокультурной направленности. Однако количество учебных часов, выделяемых на изучение указанных предметов явно недостаточно и не способно, на наш взгляд, обеспечить усвоение учащимися языка на должном уровне.

Исходя из этого, можно дать следующие рекомендации:

1. Совершенствовать и усиливать пропаганду среди учащихся, в том числе не адыгов, целью которой являлось бы воспитание потребности в изучении адыгейского языка. Выработать перечень акторов (индивидов, организаций), чья деятельность включала бы в себя решение данной задачи. Пропаганда должны носить системный характер и быть тщательно продуманной по содержанию, срокам и исполнителям.

2. Расширить перечень предметов этнокультурной направленности в школах и вузах.

3. Добиваться увеличения количества учебных часов, выделяемых в образовательных учреждениях для изучения адыгейского языка.

Евлоева Д. Д.,
магистрант Ингушского государственного университета,
профиль направления «Ингушская литература»;

Матиев М.А.,
заведующий отделом ингушского фольклора и литературы ИнгНИИ ГН им. Ч.Ахриева,
профессор кафедры ингушской литературы и фольклора ИнгГУ, к.ф.н.
Россия, г.Магас

РОЛЬ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ «ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА» С. ЧАХКИЕВА

Аннотация: В статье рассматривается одно из лучших произведений С.Чахкиева – повесть «Завещание отца». Ее главный герой Вослан идет на многое ради исполнения завещания отца. В романе много этнографических деталей.

Ключевые слова: Саид Чахкиев, депортация, ингуши, повесть «Завещание отца», герой, этнография.

Abstract: the article considers one of the best works of S. Chakhkiev – the story “The father’s Will”. Its main character Voslan goes to great lengths to fulfill his father’s will. There are many ethnographic details in the novel.

Keyword: Said Chakhkiev, deportation, Ingush, the story “The father’s Will”, hero, Ethnography.

В центре повести Саида Чахкиева «Завещание отца» одной из основных является личность Вослана. Понять истоки его характера, мотивы его поступков, какими нравственными ценностями он руководствуется – такова основная цель автора данной повести. Одна из главных проблем здесь – проблема личности Вослана.

«Человек» и «личность» – понятия не совсем идентичные, потому что личность способна думать и поступать, выходя за рамки нормативов, но она должна прививаться, должна выращиваться, и нам для этого нужны определенные условия [2:256].

Главный герой повести – человек мыслящий, ему небезразлична судьба народа. Он не только испытывает потребность, но и считает долгом исполнить завещание своего отца, для которого важно, чтобы его похоронили на родной земле: «Смерти он не боялся. И только об одном молил Аллаха: дать ему возможность лежать в родной земле. Во сне и наяву видел он одни и те же картины: свое село, улица, дом, сад, двор, огород, мечеть, школа, родовое кладбище…» [5:52]. И из трех его сыновей только Вослан понял, насколько это было важно для его отца.

В этом его поддерживают немногие, потому что, по исламу запрещено тревожить прах умершего, но Вослан не смиряется: «Но отец сделал завещание нам, а не людям», – упрямо стоял он на своем.

– Люди поговорят и забудут, а вот как мы будем жить с камнем на сердце, что не исполнили волю отца? И про нани надо подумать. Султан рвется сюда. Ингуши из Казахстана уезжают. Мне учиться еще четыре года. Что же, ей одной там оставаться?

Его слова же действуют на старшего брата: «Почему одной оставаться? – не понял Хасан. – Я писал ей, что скоро заберу и ее и Султана сюда».

Однако Вослан не отступал: «Так не пойдет она от могилы отца, пойми же ты! – убеждал он брата. [5:69]

Эти слова характеризуют его как личность и человека, для которого важно в любой ситуации оставаться человеком. И он несмотря ни на какие препоны, старается выполнить долг, который возложен на него отцом. В Алма-Ате прямо с аэродрома, не заходя домой, Вослан отправляется в городскую больницу к врачу-чеченцу. Получив от врача дельный совет, Вослан отправляется в прокуратуру, но представитель власти оскорбляет его.

Готовность Вослана при любых обстоятельствах исполнить завещание отца не только вызывает у нас чувство глубокой симпатии, но и дает представление о том, насколько авторитетна личность отца для сына.

Очень помогают главному герою повести действия летчиков и казаха Сакена, который узнав о решении Вослана, не отказывает ему в помощи, также немалую роль при исполнении долга сыграл латыш Феликс.

Как и положено по мусульманскому обычаю, прах Мухарбека предали родной земле со всеми почестями, несмотря на все сложности. «Утром они дали знать людям, что привезли из Казахстана останки своего отца и собираются их перезахоронить. Потом совершили обряд жертвоприношения, зарезав двух баранов [5:76].

Автор говорит: «Трудно было понять, что это – дождь или слезы …». Говоря о чувствах Вослана, автор с большим мастерством показал его внутреннее ликование, ликование от того, что он, сын, в полной мере выполнил свой долг перед отцом. Выход повести «Завещание отца» стал в свое время, на наш взгляд, значительным событием для ингушского народа. Она заняла достойное место в ингушской литературе. Это яркое свидетельство того, что Саид Чахкиев создал значительное по своему идейно-тематическому содержанию произведение.

Литература и источники:

1. Евлоева З. Завещание отца // Ингушетия. 1999. № 33, 3 июнь
2. Мартазанова Х.М., Батаева Т.У. Проблема духовного становления личности в повести «Призыв» И. Базоркина // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 140 – летию М. Э. Джабагиева»: «История и культура народов Кавказа». Магас, 2016, стр. 256 – 263.
3. Танкиева Л.Х. Депортация ингушского народа // 65 лет депортации ингушского народа (сборник статей). Назрань. 2009
4. Х1анзара г1алг1ай литература. Т.2 – Нальчик, 2009.
5. Чахкиев С. Завещание отца / В кн. «В тисках: Романы, повести, рассказы» / Назрань, 1998.

Канкошев А.М.,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики», Российская Федерация, г. Черкесск

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ) РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИВЕТСТВИЙ И БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ)

Аннотация: В статье в общих чертах рассматриваются три аспекта культуры речи: нормативный, этический и коммуникативный. В контексте рассматривается понятие «этническая культура», выделяются её составляющие, даётся определение понятиям словам «приветствие», «благопожелание». Приводятся тексты благопожеланий.

Ключевые слова: культура речи, этический аспект, речевой этикет, язык, благопожелание, приветствие, духовная культура, благодарность.

Культура речи – часть общей культуры человека, и в целом – часть духовной культуры общества. Известны три аспекта культуры речи: нормативный, этический и коммуникативный. Этический аспект черкесской речи рассматривает все вежливые и доброжелательные тексты. Речевой этикет – это система устойчивых выражений, применяемых в ситуациях установления и поддержания контакта с собеседником или аудиторией. В такую систему входят ситуации общения, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, сочувствия и соболезнования, предложения, просьбы, совет и многие другие. Богатый набор языковых средств в черкесском языке даёт возможность выбрать уместную для речевой ситуации и благоприятную форму общения для собеседников.

Особенности речевой культуры, отражённые в обычаях, нравах, эстетических вкусах народа, отличаются национально-культурной спецификой, что и выражается в национальной картине мира и культуре речи. Языковая картина мира имеет этническую специфику: язык является важнейшим фактором принадлежности его носителей к определённому этносу со своей духовной культурой. Язык – важнейший компонент этнической культуры и этнического самосознания. По мере развития человеческой цивилизации у людей возникает потребность в знаниях не только о своей культуре, но и о культуре окружающих народов.

Как отмечал Г. Гачев, «каждый народ остаётся самим собой до сих пор, пока сохраняется особый климат, пейзаж, национальная пища, этнический тип, язык … ибо они постоянно подкармливают и воспроизводят национальную субстанцию, особый склад жизни и мысли» [3, с.31].

Способность к общению – это стремление к пониманию другого человека. Дружелюбие, толерантность, открытость вырастают из родной культуры. Изучение языка происходит в совокупности с познанием социального контекста – бытового, культурного. «Этническая культура – это совокупность ценностей, верований, традиций и обычаев, которыми руководствуется большинство членов данного общества, называется господствующей, или доминирующей культурой» [1, с. 79].

Черкесы во все времена придавали и придают огромное значение слову. Вера в слово есть некое волшебство, которое способно воздействовать на события в жизни человека.

Тексты, относящиеся к данному слою речевой культуры, собирались такими известными исследователями, как А.Т. Шортанов, А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев, М.И. Мижаев, З.М. Налоев, Б.Х. Бгажноков, И.Х. Пшибиев и др.

Термином «благопожелания» («гуапэ псалъэ») обозначаются краткие образные изречения доброжелательного характера. Они возникли в далёком прошлом и отражают мировосприятие, мечты и чаяния их творцов. Основанием этому является то, что адыги придавали слову магическое значение.

Духовная культура этноса является своеобразным индикатором, который характеризует его социально-экономический уровень, степень общественно-политического развития, а также ментальные особенности. Являясь важнейшим средством культуры общения, благопожелания используются для выражения личного отноше-

ния к событиям и людям. При этом произносящие эти изречения пользуются как выработанными веками образцами, так и импровизациями на основе готовых клише. Благопожелания адыгов отражают жизнь во многих её проявлениях, что, естественно, обусловило многообразие их тем и проблем. Как атрибут повседневного общения, благопожелания произносятся, например, при рождении ребёнка, во время свадьбы, новоселья, у постели больного, раненого или травмированного человека, а также, по поводу приобретения новых вещей. Поздравления выражаются в виде кратких изречений: «Тхьэм узыншэу къыфхуигъэхъу» («Дай Бог ему вырасти на радость вам»), «Нысэ угъурлы Алыхьым фхуищI» («Пусть Аллах сделает счастливой вашу невесту»), «Алыхьым игъэхъуж» («Полнейшего выздоровления»).

Говоря о благопожеланиях, нельзя забывать о взаимности, т. е. благодарности со стороны получившего благопожелание. Так как благодарность – одна из первых заповедей религиозной этики. Быть благодарным – значит быть человеком, чтить Бога. Отсюда суждения типа «ФIыр кIуэдкъым» («Добро не исчезает бесследно»), «ФIым фIыщIэ пылъщ» («Добро вызывает благодарность»), «ФIы здыщыIэм фIыщIэ щыIэщ» («Где добро, там и благодарность»).

И. Кант не зря подчёркивал, что на благодарности лежит особая печать ответственности, ответственности за состояние и судьбу морали в целом, ср.: «Благодарность следует ещё рассматривать как священный долг, то есть долг, нарушение которого (как позорный пример) может в самом принципе уничтожить моральный мотив благодеяния» [4, с.396].

Вспомним назидание: «ФIы щIэи псым хэдзэ» (Сделай добро и брось в воду). Это означает то, что за сделанное тобой добро нельзя взамен требовать что-то от человека или же говорить об этом добре на встречах. В конечном итоге всё сводится к тому, по признанию Бгажнокова Б. Х., «чтобы каждый знал, помнил и соответствующим образом исполнял долг человечности и благодарности. Обязанность человека – сконцентрироваться на добром отношении к нему окружающих, а не на том, в какой мере и форме находят признание его собственные дела» [2, с.116].

Адыгские благопожелания содержат в себе обращения к богам, приказы, пожелания, просьбы. Благопожелания используются для поддержания контакта с собеседником, для выражения своих чувств, признательности, симпатии и участия. Эти стандартные слова или так называемые готовые клише, выражают благожелательное отношение к собеседнику. Речевая коммуникация проистекает из тенденции и желания быть вместе, радовать друг друга.

Благопожелания в традиционной культуре черкесов можно условно разделить на следующие разновидности: поздравительные, приветственные, прощальные, напутственные, сочувственные, извинительные и др. Приведём некоторые благодарственные пожелания.

Для выражения благодарности младшим используются следующие формулы: «Упсэу» (Живи и здравствуй); «НасыпыфIэ ухъу» (Будь счастлив); «Алыхьым куэд уигъэгъащIэ» (Пусть Аллах даст тебе долгой жизни); «Тхьэм и щIасэ ухъу» (Стань избранником Всевышнего); «Алыхьым уригъэфIакIуэ» (Пусть Аллах способствует твоему процветанию).

На приветствия девочки или мальчика пожилые люди отвечают: «Тхьэм уигъэпсэу, итIэнэгъэ узыншэу Алыхьым унигъэс» (Пусть Аллах дарует тебе здоровья и дай Аллах тебе дожить до следующего года).

Девушкам в знак благодарности говорят: «НэсыпыфIэ лIыфI натIэ ухъу» (Счастья тебе и хорошего суженого), «ЩIалэфI натIэ Алыхьым уищI» (Дай Аллах тебе хорошего мужа). Если девушка купила новое платье, ей говорят: «Алыхьым а бохуцейщIэмкIэ уаригъашэ!» (Дай Аллах, чтоб ты вышла в этом платье замуж).

К равным по возрасту применяются такие благодарственные пожелания: «Алыхьыр арэзы къыпхухъу» (Да будет Аллах тобой доволен); «ГъащIэ кIыхь ухъу» (Долгой жизни тебе); «Алыхьым гъащIэ тынш къуит» (Пусть Аллах дарует тебе спокойную жизнь).

Пристальное внимание заслуживают благопожелания, адресованные людям почтенного возраста: «Жыщхьэ махуэ ухъу» (Да быть тебе счастливым старцем). За этой группой благопожеланий идут пожелания, выражающие идею почитания старших и старшинства: «Дяпэ куэдрэ Алыхьым уригъэт», «Куэдрэ Алыхьым утхуигъэпсэу» (Пусть Аллах дарует тебе долгую жизнь).

Есть и такие тексты, когда благопожелание может быть представлено напутствием в каком-либо деле (хъуэхъукIэ егъэжьэн). Здесь можно рассмотреть ситуации проводов в армию, на соревнование и т. д. В таких ситуациях уместно говорить короткие хохи, например: «Узыншэу

Тхьэм укъихьыж» («Дай Бог, чтобы здоровым вернулся»), «Гъуэгу махуэ Алыхьым утригъэхьэ» («Пусть Аллах в добрый путь отправит»), «ЕхъулIэныгъуэ уиIэу Тхьэм укъигъэкIуэж» («Дай Бог, чтобы с удачей вернулся»).

Благопожелания, связанные с этикетом гостеприимства и застолья у адыгов-черкесов обращают на себя пристальное внимание, так как насколько гость будет принят радушно, приветливо, настолько он будет чувствовать себя комфортно. Застолье делится на две группы людей. Люди, которые сидят за столом и люди, которые обслуживают этих людей. Естественно, что между ними устанавливается коммуникативная речь. Любое дело не должно оставаться без благодарности.

Рассаживать компанию согласно адыгскому этикету – дело не совсем простое. Разузнав, кто является старшим у гостей (хьэщIэ нэхъыжь), тхамада приглашает его сесть слева от себя. Рассаживаясь, адыги очень часто подтрунивают над собой: «Адыгэр зэ Iэнэм тIысамэ, ежьэжыгъуэ хъуауэ араш»– «Если адыгская компания уже расселась по своим местам, считай, что настало время расходиться». При рассаживании строго учитывается принцип «старший – младший», конечно же с учетом, что гость и в этом случае имеет приоритет. Стараются посадить гостей вперемешку с «хэгъэрей» (хозяевами). Это делается для того, чтобы гости были окружены вниманием хозяев. Стол обычно обслуживается не меньше чем двумя молодыми людьми. Их тоже выбирают предварительно. Они должны достаточно хорошо знать адыгский этикет, не отлучаться от компании и ни в коем случае не быть падкими на спиртное. Первый, который называется «щхьэгъэрыт», не отлучаясь и не отвлекаясь, все время должен следить за состоянием стола, не давать пустовать рюмкам и бокалам, часто напоминать гостям, что надо угощаться, периодически со стола убирать объедки, использованные бумажные салфетки. Второй, обслуживающий компанию, молодой человек называется «бгъуэщIэс». Он следит за тем, чтобы на стол вовремя поступали горячие блюда, а уже остывшие и опустевшие тарелки уносит.

Приветствие гостей начинается со слова: «Фыкъеблагъэ» (Добро пожаловать), в ответ звучит благопожелание: «Фи къеблагъэ кIыхь Алыхьым ищI» (Дай Аллах, чтобы Ваше приглашение было долгим).

Юноше, который обслуживает стол, в знак благодарности говорят: «Уи Iыхьэ кIыхь Алыхьым ищI» (Пусть Аллах дарует тебе долгую жизнь и изобилие).

Закончив трапезу, подававшим пищу говорят: «Берычэт бесын, тхьэм фигъатхъэ, сывгъэтхъэжащ» (Большое спасибо, пусть Бог даст вам жить в довольстве, я доволен), «Бэвымрэ берычэтымрэ Алыхьым фщимыгъащIэкIэ» (Пусть Аллах вас не лишит изобилия и благодати).

Покидая дом, гость адресует хозяину благопожелание: «Ерыскъы Алыхьым фщимыгъащIэкIэ» (Пусть дарует Аллах вам изобилие и счастье в доме), «Фи унагъуэ куэдрэ хъеркIэ гуфэгъуэкIэ цIыху Алыхьым къыригъэхьэ» (Дай Аллах, чтобы двери вашего дома открывались по счастливому поводу).

Особая группа благопожеланий привязана к похоронным мероприятиям, когда текст предстаёт как выражение соболезнования: «Ахърэт нэху Тхьэм къырит» («Дай Бог ему светлого мира усопших»), «И гуэныхь Алыхьым къыхуигъэгъу» («Пусть Аллах отпустит ему грехи»), «Абы нэхъ Iей Тхьэм фимыгъэлъагъукIэ» («Дай Бог, чтобы не видели беды большей, чем эта) и т. д.

Отражая специфику речевого поведения, социальная и морально-этическая направленность благопожеланий и приветствий как формул речевого этикета, многозначность заключённого в нём смысла свидетельствуют о доброте и душевности народа, который сохранил черты гостеприимства, радушия, бескорыстия, доброжелательности, что и отражается в языковой картине мира черкесского народа.

Литература и источники:

1. Арутюнов С.А. и др. Этнологический словарь. М.: 2002, Вып.-1. Этнос. Нация. Общество.

2. Бгажноков Б. Х. Благодарность и выражение благодарности в адыгской картине мира. Вестник ИГИ Правительства КБР и КБНЦ РАН. С.114-128.

3. Гачев Г. Ментальность народов мира. – М., 2003. С. 31

4. Кант И. Критика чистого разума // Соч. М., 1964. Т. 3. С. 396.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧

Тариева Л.У.,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка ИнгГУ,
ведущий научный сотрудник ИнгНИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева,
Россия, г. Магас

Киева З.Х.,
доктор филологических наук, доцент кафедры ПМНО ИнгГУ,
заведующая отделом ингушского языка ИнгНИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева,
Россия, г. Магас

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ АФФЕКТИВНОГО ЛИЦА В НАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается онтогенетическая функция лица Созерцающего. Результатом запуска механизма функции аффективного лица является закрепленность в области перцептивного мышления эвиденциальной информации о функции лица Говорящего. Лицо, посредством которого доставлена объективная информация в перцептивную область мышления, обладает эпистемическим статусом.

Ключевые слова: эвиденциальность, лицо Созерцающее, лицо Говорящее, континуум мышления, интенциональность, субъект модуса.

Для нахского языка свойственна парадигма лица, состоящая из речевых лиц, распознаваемых аффективными лицами [9, с. 48].

Аффективные лица (Созерцающее и Слышащее) интенциональны, их направленность из области чувственного мышления в объективную действительность результирует эвиденциальной информацией [10, с. 47-50].

Континуальность процесса познания включает различного рода свойства, закрепленные в качестве субъективных смыслов (модусов). Область отдельного познавательного акта функционирует на основе свойств: *мег* ‘возможно’, потому что дано, *мег* ‘возможно, потому что разрешено’, *мог* ‘могу, способен, потому что дано’, *сона мог* ‘умею, могу, потому что научился’, *деза* ‘необходимо’*, эш* ‘нужно’, осознанных как «ценности», представляющие собой способы синтеза восприятия.

Перцептивный опыт, заключающийся в функции лица Созерцающего, эвиденциальный результат которого обусловливает информативную базу для функции субъекта с эпистемическим статусом высказывания, вскрывает комплексный характер интенциональности как психологического явления, т.е. явления перцептивного мышления. Древнегреческое ἐπίστήμη ‘знание, умение’ (epistemai) означает «знать, уметь» [5, с. 507].

Интенционально выхваченный функцией лица Созерцающего объект реальной действительности – «лицо говорящее» в акте познания собственного *со* ‘эго’ эвиденциально запечатлевается в процессе интендирования в мыслительном пространстве индивида. Запуск механизма перцептивного свойства видения как функции лица Созерцающего в дистинкции собственного *со* ‘эго’ отражается в однословном высказывании (инг, чеч. и бацб. *со* ‘*я*’), совершаемом посредством действия *йистхилар* ‘изречение’, переходящего в *лер* ‘говорение’. В рефлексивном режиме интерпретации элементарной речевой ситуации представляется собственное *со* ‘эго’, мыслящее себя, если использовать терминологию Т. Липпса, «в качестве объекта, осознающего собственную субъектную позицию» [8, с. 31].

Произнесение личного местоимения в номинативной форме *со* ‘*я*’ vs. *аз* ‘я’ в акте познания одной из прототипических функций лица речедеятеля (артикуляции в целях номинации-сообщения) отражает эгоцентрическое субъективирование, результирующее языковым знаком, соотнесенным с реальным денотатом объективного мира говорящим лицом, эвиденциально запечатленным в речемыслительной деятельности индивида не иконическим знаком, а живой картинкой – видеокадром: «лицо говорит».

Характерологическим свойством речедеятеля, произнесшего *Со* ‘Я’, вскрывается наличие двух миров в континууме мышления: внешнего, непосредственно наблюдаемого собственного лица, как явления объективной действительно-

сти, и интериоризованного лица Говорящего как видеокадра, сокрытого от стороннего наблюдения. Интериоризованный (овнутренный) мир – это возможный мир индивида, идентифицируемый с внешним миром посредством эвиденциальности. Г.А. Александрова проводит аналогичную мысль: о двойной жизни человеческого «я» в наблюдаемой реальности и внутренней скрытой жизни [1, с. 41]. На наш взгляд, «наблюдаемая реальность», включающая антропоцентрическое эго, только посредством эвиденциальности (например, аудитивной, визуальной) может транспонироваться во «внутреннюю скрытую жизнь», т.е. интериоризованную в континууме мышления реальность, удостоверяемую интравертной функцией *хов саг* ‘человека знающего’.

Лицо Говорящее, как обозначаемое языкового знака: *со* ‘я’, возникает на базе мыслительной функции субъекта модуса лица Созерцающего, выхватывающего из реальной действительности такой объект, как говорящее лицо в акте познания собственного эго *со* ‘*я*’, отличного от произносящего (*аз* ‘*я*’) лица. Реальное, объективно существующее лицо, способное к артикуляции, трансцендентно трансформируется в субъективное явление, запечатлеваясь в континууме перцептивного мышления эвиденциально, т.е. в форме живого иконического знака *лица,* которое *говорит* (инг., чеч., бацб. «*Со* ‘*Я*’»).

Запечатление лица говорящего в континууме ингушского мышления как живой картинки-представления есть эвиденциальность, которая как результат интенциональной функции лица Созерцающего принадлежит сфере субъекта восприятия, или относится к субъекту модуса *хоалуча сага*, т.е. homo sentiens: антропоцентрика, ответственного за перцептивную сферу речедеятеля. *Хоалу саг* ‘homo sentiens’, который в ингушском мыслительном пространстве представляет эпистемического контролера исчислимого контингента функций чувственных компонентов мышления (перцепторов), располагает двумя основными операторами (лицом Созерцающим и лицом Слышащим).

Функцию субъекта эвиденциальности, на глубинном (эгоцентрическом) уровне исполняемую лицом Созерцающим, на поверхностном грамматическом, т.е. языковом уровне представляет аффективная форма имени (*сона* (*AFF*) *гу* ‘я вижу‘). Лицо Созерцающее, как эгоцентрик, есть, на наш взгляд, интравертный оператор *хоалуча сага* ‘субъекта восприятия’, или homo sentiens, который выступает антецедентом, генерирующим в перцептивной области мышления категорию *хета саг* ‘субъекта представления’.

Субъект представления подконтролен в свою очередь вершинной страте *хов саг* ‘homo sciens’. Человек знающий (*хов саг*) квалифицирован нами в качестве инвариантной категории, контролирующей функцию каждого отдельного кванта чувственного восприятия, представленного в различных языках ограниченным списком: *сона* (*AFF*) *хов, сона* (*AFF*) *гу* ‘я знаю, что я вижу’*, сона* (*AFF*) *хов, сона* (*AFF*) *хоз* ‘я знаю, что я слышу’ и др.

Хоалу саг ‘homo sentiens’, т.е. субъект восприятия, морфосинтаксически в нахских языках дифференцирован с антропоцентрикомк*хета саг* ‘homo sapiens’, т.е. субъектом разумным.

Человек разумный грамматически представлен в нахских языках в номинативной форме имени в семантической конфигурации (*со* (*NOM*) *кхет* ‘я понимаю’ vs. *сона* (*AFF*) *хов* ‘я знаю’). Номинативные языки, в частности, славянские, индифферентны подобного рода субъектной дифференциации: *хов саг* ‘homo sciens’, vs. человеку разумному ‘homo sapiens’. Сравните субъектную позицию: 1) ***Сона*** (*AFF*) *хов* ‘**Я** знаю и 2) ***Со*** (*NOM*) *кхет* ‘**Я** понимаю’.

Два эгоцентрика: один модальный (*сона* ‘я’ первого примера) и второй речевой (*со* ‘я’ второго примера), представляющих различные уровни мышления индивида: перцептивный и рациональный, на морфосинтаксическом уровне неоднозначно отражены субъектными падежными формами.

Однословное высказывание «*Со* ‘Я’» вызвано модальной функцией лица Созерцающего, как компонента перцептивного мышления, выступающего причиной генерации речевого акта в одно слово-предложение: «*Со* ‘*Я*’», представляющего говорящего эгоцентрика.

В нахских языках речевое лицо (грамм. *со* ‘я’) ответственно за артикулирующую речь, в отличие от локутора, представляющего произносящего эгоцентрика (грамм. *аз* ‘*я*’). Репрезентация лица Говорящего в качестве языкового знака, на поверхностном уровне экспонированного номинативной формой имени, есть следствие его каузации лицом Созерцающим, семантически (психологически) представляющим перцепт зрительного восприятия, организованного зеркальными нейронами и выступающего антецедентом лица Говорящего.

Каузация (вызывание к жизни) лицом Созерцающим дискурса в одно слово-предложение «*со* ‘я», конгруэнтного лицу Говорящему, обусловливается, на наш взгляд, прескриптивным дейксисом, генерированным интенцией лица Созерцающего. Интенциональность аффективных лиц по своей природе дейктичная. Дейксис есть онтогенетическая составляющая мультифакторного фрейма интенциональности аффективных лиц. Интенция перцепторов (визуального и / или аудитивного) при всей широте диапазона распространения зеркальных и / или аудитивных нейронов есть, на наш взгляд, с точки зрения иллокуции интенции визуальный или аудитивный «перст указующий», который возможно назвать прескриптивным дейктиком, направленным на объект интенции, подлежащий интендированию с последующей интериоризацией.

Речевой акт в одно слово-предложение, репрезентирующее основного, ядерного, каузированного функцией лица Созерцающего, эгоцентрика, грамматически представленного в эргативных языках номинативной формой имени: *со* ‘я’, в отличие от другого ядерного эгоцентрика, морфологически репрезентированного эргативной формой имени: *аз* ‘я’, представляет собой последовательно, по правилам организованную, т.е. конвенциальную функцию лица Созерцающего как:

1) запуск мыслительной интенциональной способности речедеятеля (*сона* (*AFF*) *гу* ‘я вижу’), придающего ему статуса модального субъекта;

2) иллокутивность (нацеленность) интенции лица Созерцающего на визуально воспринимаемый объект реальной действительности vs. аудитивно воспринимаемому объекту реальной действительности;

3) трансформацию из субъекта смысла (модуса) в визуальный эвиденциал;

4) эвиденциальность, когда объект реальной действительности «лицо говорящее» посредством зеркальных нейронов трансцендентно трансформируется в субъективную перцептивную область в форме «живой картинки», или видеокадра «лицо говорит»:

5) очевидную засвидетельствованность, локализованную в континууме перцептивного мышления, которая в нахских языках начинает выступать как источник получения информации для антропоцентрика (*кхета саг* ‘homo sapiens’) рациональной области мышления.

Результирующая часть функции лица Созерцающего как субъекта модуса заключается в эвиденциальности, выступающей в качестве финали его интенциональности. Эвиденциальность, таким образом, представляет собой в нашем случае картинку-образ: «лицо» и его «говорение», откладывающееся в мышлении как результат функции перцептивного модуса в акте познания собственного *со* ‘эго’. Очевидная засвидетельствованность указывает на завершение акциональности визуального субъекта модуса, запущенной основным каузатором эргативных языков [9, с. 218-119].

Две семемы («лицо» и «говорит»), представляют собой локутора, противопоставленного в эргативных языках второму локутору *аз* ‘эго’ эргативных языков [11, с. 72], нахских, в частности.

Экспликация лица говорящего посредством речения (*со* ‘я’), вызванная интенциональной функцией лица Созерцающего, переводит лицо говорящее в обозначаемое языкового знака личного местоимения в номинативной форме имени. Лицо Говорящее, таким образом, детерминируется как консеквент (следствие) модальной функции лица Созерцающего в акте схватывания собственного *со* ‘эго’, которая может быть, на наш взгляд, соотнесена с понятием и функцией «перцепта» А.В. Бондарко [4].

Лицо Говорящее, осознанное в рефлексивном акте восприятия *со* ‘эго’, есть результат системной модальной деятельности лица Созерцающего.

Конвенциальность интенции лица Созерцающего как компонента парадигмы лица эргативного языка знаменательна тем, что результирует эвиденциальностью, когда лицо Говорящее, «помысленное» лицом Созерцающим, откладывается в континууме перцептивного мышления в форме представления-эвиденции («лицо, которое говорит»). Обнаружение лицом Созерцающим функции лица Говорящего как постулированного явления обусловливает тезис о том, что лицо Созерцающее валентно лицу Говорящему (артикулирующему) и индифферентно лицу Произносящему.

Информация, получаемая в результате запуска механизма интенциональной функции лица Созерцающего, квалифицируется нами, исходя из терминологии и концепции Т. Уиллет [12], а также Н.А. Козинцевой, как «сенсорный визуальный источник знаний» [7], кумулирующихся в области перцептивного мышления:

1. *Сона* (*AFF*) *гу, со* (*NOM*) *йистхул* ‘Я вижу, что я говорю’ (т.е. артикулирую единожды), (чеч. *Суна* (*AFF*) *го, со* (*NOM*) *вист хил*; бацб. *Сон* (*AFF*) *дато, со* (*NOM*) *лев*);

2. *Сона* (*AFF*) *гу се* (*NOM*) *йистхулилга* ‘Я вижу свою артикуляцию’ (т.е. один квант своей артикуляции);

3. *Сона* (*AFF*) *гу, со* (*NOM*) *лув* ‘Я вижу, что я говорю’ (т.е. обладаю способностью говорить квантитативно не единожды);

4. *Сона* (*AFF*) *гу се* (*NOM*) *лувлга* ‘Я вижу свою артикуляцию’, т.е. свою способность к говорению (чеч. *Суна* (*AFF*) *го су* (*NOM*) *лоьлг*).

Эвиденциальность, генерированная в дистинкции собственного *со* ‘эго’ – это то знание, которое запечатлевается в перцептивном мышлении индивида как картинка, или живой образ-представление и детерминируется как внешняя динамическая характеристика денотата, каузирующая процесс именования, в силу того, что картинка соотносится с реальным объектом реального мира, отражая степень полноты / неполноты знаний о сообщаемом.

Однословное высказывание (*со* ‘я’), каузированное модальным субъектом, «хозяином» перцептивного сенсорного визуального мыслительного процесса – интенциональным лицом Созерцающим, в рамке своей интенции генерирует понятие о субъекте речи, отраженное в языковой единице, представляющей исчислимый объект реальной действительности, сохраняющий дискретную структуру. Индивид в дистинкции собственного *со* ‘я’ располагает онтологически обусловленной базой восприятия тривиальных моделей стандартов пространства. Согласно определению, данному в Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило, дискретный объект (в нашем случае – «лицо говорящее» *со* ‘я’– курсив мой Л.Т.), можно охарактеризовать как «конкретный объект», имеющий пространственную и временную границы, экспонированный в «конкретной ситуации» [6, с. 286], т.е. в акте познания собственного *со* ‘эго’.

Именование лица говорящего личным местоимением первого лица единственного числа в номинативной форме имени как необходимость возникает вследствие модальной функции лица Созерцающего, которая заключается в способности «помыслить» лицо говорящее, эвиденциально запечатлев его в ячейке перцептивного мышления. Эвиденциальная информация «лицо говорящее», картировано доставляется визуальным лицом Созерцающим в континуум перцептивного мышления в дистинкции собственного *со* ‘эго’ (термин «картировано» употреблен согласно концепции А.П. Бабушкина [2, с. 5]. Картирование лица говорящего есть, на наш взгляд, трансцендентное редуцированное копирование посредством модальной функции лица Созерцающего в возможном ментальном, или интравертном мире речедеятеля, отличном от реального, релевантной функции «действительного» лица в акте познания собственного эго, не произнесшего, а проартикулировавшего: *со* ‘я’. Картирование лица говорящего, т.е. его живое, динамическое эвиденциальное закрепление в ячейке перцептивного мышления артикуляции лица (*со* ‘я’) есть основание для номинации лица в ипостаси *со* ‘эго’ vs. *аз* ‘эго’.

Из двух функций лиц парадигмы (Созерцающего и Говорящего) первой актуализирована функция лица Созерцающего, интерпретированного в качестве пресуппозитивного модуса, валентного лицу Говорящему, имеющему непосредственное отношение к однословному высказыванию *со* ‘я’, представляющему в нахских языках локутора № 1 в номинативной форме имени.

Лицо Созерцающее, транзитивно выхватывая в дистинкции собственного *со* ‘эго’ объект реального мира «лицо говорящее», генерирует потребность в именовании, т.е. каузирует возникновение необходимости номинации, в силу наличия эвиденциальной информации о лице говорящем в возможном мире перцептивного мышления.

Акт познания собственного *со* ‘эго’ сопровождается оценкой: *мег* ‘возможно’, *мог* ‘могу, умею’, *эш* ‘необходимо’, как один из субъективных смыслов, имеющих отношение к пропозициональному содержанию. Субъект восприятия, или *хоалу саг*, названный нами на латинский лад ‘homo sentiens’, обеспечивает основание для запуска механизма именования, создания высказывания при посредстве модусов, т.е. субъективных смыслов. И с точки зрения категории оценки модус, на наш взгляд, по-разному сопровождает генерацию высказывания, в силу неоднозначности спектра субъективных смыслов речедеятеля, образовывающих систему ценностей в семантике языка. Релевантные функции лица говорящего лежат в основе порождения категории субъекта в нахских языках.

В ментальном «мире» *хоалуча сага* ‘субъекта восприятия’ (homo sentiens) категорируется спектр модусов на основе исчислимого списка

сенсорных возможностей, онтогенетически обусловленных, одной из которых является модальная функция лица Созерцающего. При генерации высказывания актуализируется один из субъективных смыслов по потребности. Генерация высказывания: *со* ‘я’, репрезентирующая лицо Говорящее, обусловлена субъективной модальностью лица Созерцающего (*сона* (*AFF*) *гу* ‘я вижу’).

Функция лица Созерцающего, таким образом, выступает в качестве ведущей модальности чувственного опыта зрячих. Лицо Созерцающее в процессе познания визуально представленной действительности, трансцендентно, дискретно трансформирует лицо говорящее в область перцептивного мышления в форме эвиденциальной информации, формирующей один из визуально охарактеризованных возможных миров. В основе такого возможного мира лежит функция антропоцентрического эгоцентрика – хозяина сенсорной визуальной эвиденциальности, на поверхностном уровне представленного в эргативном языке аффективной формой имени в рамочной части высказывания:

Сона (*AFF*) *гу, со (NOM) йистхул* ‘Я вижу, что я артикулирую’ (т.е. обладаю способностью говорить безотносительно к акустике).

Пропозитивная часть высказывания (инг. *Со йистхул*, чеч. *со вистхила,* бац. *со бистхилъа*) указывает на доставленную извне информацию.

Согласно концепции У. Бенвениста, **субъективность** обусловливается грамматическим статусом лица, представляя «субъект в языке». Автор обращается к местоименной структуре, указывая на ее эгоцентричность и диалогичность в языковой деятельности [3]. Эгоцентрик лицо Говорящее, представленное номинативной формой имени в эргативных и номинативных языках, это центральный компонент-субъект в акте коммуникации, но не единственный в эргативных языках. В нахских языках он отличается своей способностью не только к диалогической речи, но также и к рефлексивно воспринимаемой речи, релевантной для интерпретации эргативных языков тем, что перлокутивность следует исследовать, прежде всего, не по отношению к слушающему, а по отношению к слышащему собственную речь речедеятелю. Мышление лица говорящего не может не реагировать на собственное высказывание в дистинкции собственного *со* ‘эго’.

Эгоцентрическое *со* ‘я’ представляет одного из ядерных локуторов, выделяемых в эргативном языке (например, в нахских языках) в качестве базового в генерации личных и других дейктических языковых отношений.

Таким образом, без функции модального эгоцентрика лица Созерцающего как субъекта смысла невозможен запуск функции центрального эгоцентричного элемента – лица Говорящего как субъекта речи. Лицо Созерцающее, как субъект модальной рамки (*сона* (*AFF*) *га* ‘я вижу’) в высказывании (*Сона* (*AFF*) *га, со* (*NOM*) *лав* ‘Я вижу, что я говорю’ (чеч. *Суна* (*AFF*) *го, со* (*NOM*) *лоь* ‘Я вижу, что я говорю’, бацб. *Сона* (*AFF*) *го, со* (*NOM*) *лев* ‘Я вижу, что я говорю’) имеет прямое отношение ко второй пропозитивной части высказывания, представляющей субъекта речи (инг. *со* (*NOM*) *лув* ‘я говорю’) тем, что оно эвиденциально «помыслило» лицо Говорящее, выхватив дискретно в качестве объекта реальной действительности. Лицо Созерцающее как мыслительная категория оказалось способным в редуцированном виде экспериенциально трансформировать речевое лицо в область перцептивного мышления, где изречение и закрепилось в форме сенсорной визуальной эвиденциальности, т.е. в форме живого образа-представления: «лицо, которое говорит».

Лицо Созерцающее, доставившее информацию из объективного мира в перцептивную область мышления, выступает не только в функции модуса, но и в функции интенционала с эпистемическим статусом высказывания.

Литература и источники:

1. Александрова Л.Г. One’sself u oneself как способы репрезентации концепта Я в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10.02.04) – Иркутск, ИГЛУ, 2001. – 23 с.

2. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет. 2001. – 86 с.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

4. Бондарко А. В. Эксплицитность, имплицитность в общей системе категоризации семантики // Эксплицитность, имплицитность выражения смыслов. – Калининград-Светлогорск: Российский государственный университет им. Иммануила Канта, 2006. – С. 21-24.

5. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – М.: Прогресс, 1991. – 1371 с.

6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Изд. ООО «Пилигрим», 2016. – 488 с.

7. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. № 3. 1994. С. 92-104.

8. Липпс Т. Самосознание, ощущение и чувство // пер. с нем. с предисл. и примеч. М. А. Лихарева. – СПб.: Слово, 1910. – 84с.

9. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань: ООО «КЕП». 2017. – 376 с.

10. Тариева Л.У. К вопросу об эвиденциальности в ингушском языке // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. Астрахань, 2014. №3 (51). – С. 45-52.

11. Тариева ЛУ. Локутор лицо Говорящее // Lingua-universum. – Назрань: «Пилигрим», 2018. № 2. – С. 9-13.

12. Willett, Th. A Cross –Linguistic Survey of the Grammaticization of evidentiality // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol.12. – N 1. – P. 51-97.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧✧

УДК 94; 7.03 (7.091)

Заатов Исмет Аблятифович,
кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Российская Федерация, Казань

КРЫМ ГИРЕЙ I – РОДОНАЧАЛЬНИК КЛАССИЧЕСКОГО ТЕАТРА В КРЫМУ (К ВОПРОСУ 257-ЛЕТИЯ ОПЫТА ПЕРВЫХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОСТАНОВОК ЕВРОПЕЙСКОГО ТЕАТРАУ КРЫМСКИХ ТАТАР)

CRYM GIREY I – THE FOUNDER OF THE CLASSICAL THEATER IN CRIMEA (ON THE ISSUE OF 257 YEARS OF EXPERIENCE OF THE CRIMEAN TATARS OF THE FIRST THEATRICAL PRODUCTIONS OF THE EUROPEAN THEATER)

Аннотация: Процесс формирования крымскотатарского театра можно разделить на следующие периоды: – средневековый – народный (начальный хороводно – игрищный кукольный театр теней «Карагоз», театр одного актера «меддах», площадной театр «орта оюны»); ханский в середине XVIII в. (проникновения в Крым традиций европейского театра в эпоху крымского хана Крым Гирея I); возрождения традиций крымскотатарского театра конец XIX – XX вв. (деятельность группы театралов джадидистской крымскотатарской молодежи – последователей И. Гаспринского – под лидерством Дж. Меинова); период формирования и деятельности полу-профессиональных крымскотатарских трупп в Симферополе, Евпатории и Ялте 1914–1920 гг. усилиями крымскотатарских дворянок-мырзачек под лидерством А. Тайганской; организация профессиональной Симферопольской татарской театральной труппы при наркомате просвещения Крымской АССР в 1921 г. и создание, возглавляемой А. Тайганской организационной группой Крымского государственного татарского драматического театра и его деятельность, а также крымскотатарское любительское движение в Крыму и среди крымскотатарской зарубежной диаспоры 1923-1944 гг. (советский – додепортационный период); воссоздание и деятельность по настоящее время крымскотатарского театра в Крыму – 1989 г. (последепортационный период).

В данной статье впервые в искусствоведческой практике речь пойдет о так называемом ханском периоде формирования крымскотатарского театра, о революционной в сфере крымскотатарского искусства, подвижнической деятельности крымского хана Крым Гирея I по продвижению идей европейских театральных традиций и созданию классического театра в Крыму.

Картина предпринимавшихся крымским правителем в строительстве театрального дела в Крыму действий, а также его размышлений и высказываний о театре, воссоздана по тексту, опубликованных в XVIII в. воспоминаний о личных встречах и общении с Крым Гиреем I европейских авторов – немца фон дер Гольца, польки Пильштыновой, россиянина Никифорова, француза де Тотта, австрийца Клеемана. На основании этих воспоминаний выстраивается четкая и явная картина роли первопроходца Крым Гиреем I в деле привнесения в культуру Крыма, тюркского и мусульманского мира европейских театральных традиций и создания классического театра.

Ключевые слова: Крым Гирей I, немецкий, российский, польский, австрийский, французский, крымскотатарский театр, Мольер, татарская комедия.

Abstract. The process of formation of the Crimean Tatar theater can be divided into the following periods: – medieval – folk (the initial round dance and toy puppet theater of shadows “Karagoz”, the theater of one actor “meddah”, the arena theater “orta oyuny”); Khan in the middle of the XVIII century. (penetration into the Crimea of the traditions of the European theater in the era of the Crimean Khan of Crym Girey I); the revival of the traditions of the Crimean Tatar theater late XIX – XX centuries. (the activities of a group of theater-goers of the Jadidist Crimean Tatar youth – followers of I. Gasprinsky – under the leadership of J. Meinov); the period of formation and activity of semi-professional Crimean Tatar troupes in Simferopol, Yevpatoriya and Yalta 1914 – 1920. the efforts of the Crimean Tatar noblewoman-myrzachok under the leadership of A. Taiganskaya; organization of a professional Simferopol Tatar theater troupe under the People’s Commissar of Education of the Crimean ASSR in 1921 and the creation and activities of the Crimean Tatar

Drama Theater, headed by A. Taigan, and the Crimean Tatar amateur movement in the Crimea and among the Crimean Tatar foreign diaspora of 1923–1944. (Soviet – pre-deportation period); recreation and current activities of the Crimean Tatar theater in Crimea – 1989 (post -portation period).

In this article, for the first time in art history, we are talking about the so-called Khan period of the formation of the Crimean Tatar theater, about the revolutionary activity in the field of Crimean Tatar art, the ascetic activity of the Crimean khan Crym Girey I to promote the ideas of European theater traditions and create a classical theater in Crimea.

The picture of the actions undertaken by the Crimean ruler in the construction of the theater business in Crimea, as well as his thoughts and statements about the theater, was recreated according to the text published in the XVIII century. memories of personal meetings and conversations with Crym Girey I of European authors – German von der Goltz, Polish Pilshtynova, Russian Nikiforov, Frenchman de Tott, Austrian Kleeman. Based on these recollections, a clear and explicit picture of the Crym Girey I role of a pioneer in bringing European theater traditions and the creation of a classical theater into the culture of Crimea, the Turkic and Muslim worlds is built.

Keywords: Crym Giray I, German, Russian, Polish, Austrian, French, Crimean Tatar theater, Moliere, Tatar comedy.

Об эпохе правления крымского хана Крым Гирея I, его воинском искусстве, увлечении науками и длительной деятельности, связанной с организацией в Крыму классического театра европейского образца, говорится в исследованиях австрийского историка XVIII-XIX века Йозефа фон Хаммера-Пургшталя, румынского историка XIX-XX века Николае Йорга, современных американских исследователей Алана Фишера, Джона Т. Александера и Вирджинии Аксан, современного польского историка Дариуша Колоджейчика.

В середине XIX века английский историк и географ Томас Милнер написал свой труд «Крым. Ханы, султаны, цари», с альтернативным российскому и по своему беспристрастному взгляду на знаковые события прошлого Крыма, как бывшей восточной страны, ввергнутой в события, приведшие к очередной Османско-Российской войне, главенствующую роль в развитии начала которой принимал крымский хан Крым Гирей I.

Правление Крым Гирея I упоминается в исследованиях Георгия (Джорджа) Владимировича Вернадского (1887-1973) – русского и американского историка украинского происхождения, являвшегося профессором Йельского университета.

Деятельность крымского хана Крым Гирея I отражена в хрониках османских историков, в трудах ряда турецких авторов XVIII – XX веков, а также в исследованиях современных турецких ученых. Еще до присоединения Российской империей Крымского ханства, в 1781 году в Турции был написан исторический труд о событиях Османо-Российской войны 1768-1774 годов, основным фигурантом начала которой являлся крымский хан Крым Гирей I. Автором, написанной в критическом ключе личных впечатлений работы под названием «Hulâsatü'l-i'tibâr» («Выдержанная репутация») [17] является османский дипломат, государственный деятель и непосредственный участник этой неудачной для османской стороны военной кампании, уроженец критского местечка Рисмо, автор широкого круга изданий по истории и устройству османского государства грек – мусульманин Ресми Ахмед бин Ибрагим Гириди (1700-1783). Ресми Ахмед Эфенди был послом Османской империи в Австрии (1757-1758), Пруссии (1763-1764) и России (1768-1774). Ресми Ахмед Эфенди возглавлял османскую правительственную делегацию на переговорах с российской стороной в Кучук Кайнарджи, завершившихся подписанием мирного договора 1774 года, предоставлявшего независимость Крымскому ханству и положившего конец этой продолжительной войне. Привлекает к себе внимание факт усиления дипломатической активности посланников крымского хана Крым Гирея I в Пруссии, именно в тот период, когда послом Османской империи в Берлине был именно Ресми Ахмед Эфенди. Этот факт и детальная информированность Ресми Ахмеда Эфенди в вопросах Буджака, сераскером которого долгое время был Крым Гирей, наталкивают на предположение о том, что автор турецкой истории османо-российской войны и участвовавший в ней крымский хан могли быть знакомы между собой и в ходе своей деятельности встречаться друг с другом.

С большой долей вероятности можно предположить, что и автор исторического труда

«*İbretnüma-yı Devlet*» («Образцовое предупреждение государству»), *описывающего* исторические события участником которых являлся Крым Гирей I Мустафа Кесби Эфенди в своей служебной деятельности также соприкасался с этим выдающимся крымским ханом. Точные даты жизни османского историка неизвестны. Согласно исторической справке в предисловии к транскрибированному со староосманского на современный турецкий язык изданию труда Мустафы Кесби профессора Стамбульского университета Ахмета Огретена [16], Мустафа Эфенди был принят на государственную службу при османском дворе в период первого правления крымского хана Крым Гирея I в мае 1762 года и до 1765 года пребывал в землях Кубани, входивших в границы территории Крымского ханства. Находясь по служебным делам в горах Кубани (северные отроги гряды Большого Кавказа – И.З.) на расстоянии пяти – шести дневных переходов («beş altı konak mesafede)» от крепости Тамань Мустафа Кесби исследовал залежи золотоносной руды, о чем по возвращению в Стамбул доложил ответственным лицам. Эти исследования османского чиновника проводились в период первого царствования Крым Гирея I и по нашему предположению, вероятно были напрямую связаны со словами сказанными ханом Крым Гиреем I посланнику прусского короля Фридриха II лейтенанту фон дер Гольцу об организованных им геологических изысканиях и обнаружении в его горах (то есть в горах находившихся на подвластной крымскому хану территории, в данном случае Кавказских гор, в данном случае, понятие слов хана «моих гор» были ошибочно восприняты фон дер Гольцем за название Крымских гор – И.З.) золотоносной породы [3, с. 31]. Это предположение косвенно подтверждает в своих записках и австрийский негоциант и путешественник Николаус Эрнст Клееман: «Как Хан знал, что Крымские горы изобиловали золотою рудой и прочими минералами, то и советовал всегда искать оных» [1, с. 210]. О том, что Крым Гирей I просил Порту прислать знающего человека для проверки полученных им сведений о нахождении золотой и серебряной руды в землях, заселенных подвластными ему черкесскими племенами Касай, Каспулат, Бесленей и Шегаке на северном Кавказе, пока не добрались туда русские и не захватили эти сокровища в свои руки, чего он сильно опасался сообщает и российский историк В. Смирнов [5, с. 81].

В ходе подготовки к войне Порты против Российской империи 1768 – 1774 годов, главнокомандующим объединенными войсками Османской империи и Крымского ханства на Балканах был назначен крымский хан Крым Гирей I, а Кесби Мустафе Эфенди, было поручено составить прогнозный бюджет, предполагаемых военных действий. С 7 августа 1768 года Мустафа Кесби изучал казначейские книги Мектуби-и-Дефтери, в которых регистрировались расходы на проведение военных экспедиций Русско – Турецкой войны в период между 1737-1738 годами. Также к началу очередной османско-русской военной кампания, ему было поручено проведение ремонта оборонительных сооружений острова и города Исакча на правом берегу Дуная в Добрудже, через который пролегал путь следования из Стамбула в Кавшан Крым Гирея I. Именно в период подготовки к военным действиям могла произойти встреча Крым Гирея I и Кесби Мустафы Эфенди.

Личности крымского хана Крым Гирея I в своих работах в разной степени касались также османский историк второй половины XVIII – начала XIX века, принц крови правившей в Крыму династии Гиреев, внук Крым Гирея I Халим Гирей султан (1772-1823), турецкие историки прошлого века Исмаил Хаккы Узунчаршылы (1888-1977) и Исмаил Хами Данышменд (1899-1967), турецкий историк татарского происхождения Акдес Нимет Курат (1903-1971), турецкий историк искусств Октай Асланапа (1914-2013), крупнейший турецкий специалист по османской истории крымскотатарского происхождения Халиль Инальджик (1916-2016), современные турецкие историки Альпер Башер, Кемаль Бейдили, Омер Быйик, Осман Кёсе, Хакан Кырымлы, Николь Канчал-Феррари, Метин Хулагу. Информация о правлении крымского хана Крым Гирея I содержится в опубликованной Генеральной дирекцией государственных архивов кабинета министров Республики Турции переписке османских султанов с крымскими ханами [11] и в османских документах Крымского ханства [12]. В 2018 году в Стамбуле студенткой из Крыма Адиле Эминовой была защищена дипломная работа, посвященная эпохе правления Крым Гирея I [7].

Самой объемной по широте хронологических рамок описываемого периода и использованию зарубежных, в основном османских письменных источников работой, освещающих историческую биографию крымского хана Крым Гирея I, явля-

ются посвященные его правлению главы труда выдающегося российского историка XIX–начала XX веков Василия Смирнова (1846-1922) «История Крымского ханства под верховенством Оттоманской Порты». Деятельность этого крымского правителя упоминается также в работах современников В. Смирнова, российских историков Федора Лашкова (1858-1917), крымского историка и краеведа Арсения Маркевича (1855-1942), современных российских историков Михаила Мейера и Александра Широкорада. Хорошо известен перевод с немецкого на русский язык работы Теодора Мундта «Крым Гирей союзник Фридриха Великого» выполненный в начале XX века В. Остерманом и студенческий реферат выполненный в конце XIX века А. Татарчевским «Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году».

О личности крымского хана Крым Гирея I писали европейские и восточные авторы, соприкасавшиеся в своей деятельности с этим выдающимся крымскотатарским правителем, его современники историки, жившие и творившие в одно с ним время и наблюдавшие за деятельностью хана из-за пределов Крымского ханства и исследователи компилировавшие свои сведения из текстов различных воспоминаний об этой царствовавшей в XVIII веке в Крыму особе. Круг общавшихся лично с ханом европейских дипломатических и политических деятелей велик, но достоянием исследователей на сегодняшний день являются дневниковые записи и воспоминания об этой незаурядной личности и его увлечении европейским театром, посланника к крымскому хану Крым Гирею I короля Пруссии Фридриха II лейтенанта барона фон дер Гольца, польской путешественницы и авантюристки Саломеи Пильштыновой, консула Российской империи в Крымском ханстве премьер-майора Александра Никифорова, консула французского короля Людовика XV в Крымском ханстве барона Франсуа де Тотта и австрийского негоцианта Николауса Эрнста Клеемана.

Имена авторов воспоминаний приведены в соответствии с датировкой очередности времени их общения с этим просвещенным крымским ханом. Возможно, что, в хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи текстах донесений в Санкт-Петербург главы консульства Российской империи в Крымском ханстве времен первого правления Крым Гирея I Александра Никитина, помимо сведений, указанных «Журнале и извлечениях из журнала консула Никифорова о своей поездке в Крым 10. 08 – 20. 09. 1763 г.» и использованных при написании данной статьи, будут обнаружены и другие интересные факты, касающиеся исторической биографии этого крымского хана и в том числе его деятельности на поприще создания театра в Крыму. В данной статье была использована лишь часть текста, опубликованного в вышеуказанном журнале рапорта в Санкт-Петербург из столицы Крымского ханства Бахчисарая от 16 ноября 1763 года.

Автором самой объемной работы о Крым Гирее I является немецкий ученый историк и писатель Теодор Мундт (1808 Потсдам – 1861 Берлин) окончивший в 1830 году Берлинский университет и преподававший в звании профессора с 1842 года историю и литературу в Бреслау (Вроцлав) и Берлине, печатавшегося с 1832 года.

Одним из свидетельств, подтверждающим высокий уровень познаний в вопросах истории России и соседних с нею государств, профессионально работавшего с архивами Пруссии профессора-историка Мундта, является, опубликованный им в 1861 году исторический роман «Царь Павел», посвященный одному из наитрагичнейших эпизодов русской истории, эпохе правления продолжателя царского рода Романовых, сына Екатерины II и Петра III, императора Павла I.

Свой исторический труд, содержание которого, проливая свет на историю дипломатии русско–крымскотатарских политических отношений знакомит читателя с личностью крымского хана Крым Гирея I и ролью хана в деле организации в Крыму классического европейского театра под названием «Крым-Гирей союзник Фридриха Великого. Пролог столкновения между Россией и Турцией» Теодор Мундт завершил в августе 1855 года.

Первая часть этой работы опирается на задокументированные воспоминания посланника короля Пруссии Фридриха II ко двору крымского хана лейтенанта барона фон дер Гольца, относящиеся к периоду первого правления в Крыму крымского хана Крым Гирея I (1758 – 1764 гг.). Крымские воспоминания фон дер Гольца были опубликованы в начале XIX века в издании Генерального штаба Пруссии «Nachrichten über die Gesandtschaftreise des Lieutenants von Goltz zu dem Tatar-Khan из Denkwürdigkeiten für die Kriegskunst u. Kriegsgeschichte» («Памятные записи искусства ведения войны и истории войны некоторых офицеров короля. В комплекте с 6

папками. Генеральный штаб Пруссии. Новости о миссии легендарного лейтенанта фон дер Гольца к Татарскому Хану». Берлин, 1819, тетрадь 6. С. 111) [3, с. 4].

События и действия, связанные с устремлениями крымского хана Крым Гирея I в деле строительства театрального и музыкального дела европейского образца в Крыму, описанные Теодором Мундтом в своей работе на основании данных из изданных Генеральным штабом Пруссии воспоминаний лейтенанта фон дер Гольца о его миссии к «Татарскому Хану» происходили во дворце крымских ханов в Бахчисарае и в военном лагере армии крымского хана Крым Гирея I, базировавшемся под находившемся тогда у границ Крымского ханства с Польшей татарского селения Чекчаклы в Буджаке в период с февраля по декабрь 1762 года.

В октябре 1761 года в лагерь короля Пруссии Фридриха II, находившегося под местечком Штрелен в прусской провинции Бранденбург, прибыло посольство от крымского хана Крым Гирея I, которое возглавлял, представленный королю в крымской придворной должности личного цирюльника хана Мустафа-Ага. Отправка, возглавляемого Мустафа-Агою крымского посольства в Пруссию, явилось результатом деятельности дипломатического агента прусского короля при дворе крымского хана Крым Гирея I, бывшего корнета австро-венгерского гусарского полка голландца по происхождению, Кароля Боскампа, агитировавшего Крым Гирея I вступить в войну между Пруссией и Россией на стороне Пруссии, на условиях полной финансовой поддержки последней [3, с. 4]. В переданном Фридриху II письме Крым Гирея I крымской стороной в распоряжение прусского короля за денежное вознаграждение, размеры которого предстояло определить в дальнейшем, предлагался шестнадцатитысячный крымскотатарский кавалерийский корпус, для использования его в военных действий против армии Российской империи [3, с. 3].

Приезд посольства Мустафы-Аги, был не первой инициативой Крым Гирея I в осуществлении дипломатических связей крымских татар с Пруссией. Еще будучи сераскером Буджакской орды в 1750 году Крым Гирей направил в Берлин к королю Фридриху II Великому свое посольство с целью передачи его чувств восхищения величием личности короля небольшой по площади страны, успешно ведущей войну с половиной Европы [3, с. 3]. На тот момент Крым Гирею было 33 года от роду, что указывает на то, что его западнофильские взгляды и проевропейские вкусы сформировались в довольно молодом возрасте, что в свою очередь может объяснить и делает вполне понятным происхождение его неподдельного интереса к европейской философской мысли и искусству, а также корни его серьезного увлечения французским театром, подтверждаемых его последовательной деятельностью в создании и содержании при своем дворе смешанной, состоящей из европейской (французской) и крымскотатарской театральной труппы и музыкальной капеллы.

Крымский посол Мустафа-Ага возвращался в Бахчисарай в сопровождении, обладавшего прекрасной памятью двадцатидвухлетнего лейтенанта фон дер Гольца, состоявшего в личной свите короля Пруссии Фридриха II.

Миссия фон дер Гольца при дворе крымского хана Крым Гирея I началась в конце зимы – начале весны 1762 года. В описании фон дер Гольца, имевший «крупную, высокую фигуру [3, с. 19], Крым Гирей, «представлял собою величественного, сильного мужчину крепкого телосложения, в то же время, однако не лишенного известной грации и приятности; при характерном очертании головы на лице его соединялись решительное и строгое выражение воина с любовью к жизни и насмешливым настроением. Его большие, живые глаза метали странные, пронизывающие взгляды, показывая вместе с тем, что в этом сильном сыне природы развился не только дух повелителя и воина, но и необычайно деятельный ум. На его высоком челе и в глубокосидящих глазах проглядывало мягкое, ласковое выражение задумчивости, почти даже мечтательности, придавая лицу, носившему наиболее благородный отпечаток татарской расы, живую черточку умственной жизни европейца. В его манерах и движениях, с которыми он представился прусскому посланнику, сказывалось столько легкости, достоинства и грации, что и на европейских тронах могли бы ему позавидовать. К этому присоединялись известное добродушие в выражении, настолько же привлекательное, насколько быстрая перемена в лице обнаруживала следы дикости и даже жестокости, производивших устрашающее впечатление. Крым Гирей находился в цветущей поре сорокапятилетнего мужчины, так как в 1758 году, когда в следствии возмущения племени ногайцев он был посажен на татарский престол, ему было около 40 лет» [3, с. 20].

В качестве иллюстрации уровня степени владения ханом Крым Гиреем I тонкостями европейского музыкального искусства и европейской философской мысли следует прибегнуть к передачи некоторых фрагментов прямой речи хана, адресованной к прусскому посланнику во время его первой ханской аудиенции, воспроизведенной фон дер Гольцем в своих воспоминаниях и опубликованной в работе Теодора Мундта, полностью: – «После этого Крым Гирей, сопровождая речь той улыбкой, которая имела свойство одних ободрять, других же смущать, обратился к прусскому посланнику с вопросом: «Как чувствует себя великий прусский король? Я принадлежу к числу его почитателей и, в то же время завидую ему, не только за его храбрость, но и за игру на флейте. Как часто я желал бы владеть этим искусством, если бы мне позволило достоинство властителя Крыма и моих татар (вплоть, до установления в Крыму советской власти профессиональное инструментальное музыкальное исполнительство считалось в крымскотатарской среде в высшей степени зазорным ремеслом и по этой причине у крымских татар этим занимались в основном сплошь крымскотатарские цыгане – чингене – И.З.)! Во сне мне часто мерещится, будто я слышу нежный звук флейты вашего великого Фридриха, о которой так много говорил весь мир, и каждый раз думаю: жители запада должны быть счастливы, если короли имеют возможность управлять с помощью флейты! Я и здесь хотел бы устроить хорошее государство, и на этот счет у меня свои особые мнения. Между князем и его народами должен бы существовать особый дружественный договор, по которому король играл бы только первую флейту, а все остальные следовали бы за его игрой, только исключительно потому, что они этого хотят, и потому, что любят слушать его игру. Хану следовало бы и тогда сохранить власть, а в случае надобности перевернуть флейту другим концом и в отношении своих подданных воспользоваться ею в качестве дубинки, если положение не меняется, и они упорно не хотят исполнять мелодию, которую насвистывает им хан. Среди французов, как дошли до меня слухи, явились некоторые мужи, которые в своих книгах преподавали такого рода мудрость управления государством, и среди этих господ есть некий Монтескье, об идеях которого я на днях узнал от одного путешественника, и кое-что из них вполне совпадает с моими собственными представлениями, что я именно и хотел бы ввести у себя, если бы только мог решиться выступить перед моими татарами с флейтой наготове!» [3, с. 22].

Эти слова Крым Гирея I подтвердили характеристику хана, полученную ранее фон дер Гольцем из различных источников в том, что Крым Гирей I: «был не только храбрым татарским воином, но являлся своеобразным и любознательным человеком, который до некоторых вещей доходил исключительно своим умом и собственными силами старался постигнуть и привить в своем обиходе идеи и устройство, возникшие на западе» [3, с. 22], а также прекрасно для восточного человека разбирался в секретах европейского музыкального искусства. Завершил хан аудиенцию, данную им прусскому посланнику следующими словами: – «…я между тем льщу себя надеждой, что среди нашей дикой природы вы не будете думать, что покинуты всеми музами. Вы должны присутствовать как-нибудь и на одном из моих концертов, потому что я дорого ценю мою капеллу, состоящую, как вы увидите, из превосходных артистов по всем инструментам. При этом дворе имеется также труппа комедиантов и скоморохов, дающие нам прекрасные представления. Вы приглашаетесь к ближайшему представлению» [3, с. 23]. Сам тон явственного удовлетворения и нотки нескрываемой гордости с какими были произнесены ханом слова об артистах капеллы и особенно об актерах своей придворной театральной труппы, позволяют исследователям истории театрального искусства сделать вывод, что деятельность ханской придворной театральной труппы и музыкальной капеллы ко времени приезда фон дер Гольца в Бахчисарай, являлась делом уже вполне устоявшимся и, в некой степени традиционным, что, в свою очередь дает повод отождествить время появления придворной театральной труппы и музыкальной капеллы в Крыму с датой восшествия Крым Гирея I на крымский престол, то есть 1758 год. В этой связи, нет смысла лишний раз отмечать, что создание театральной труппы европейского образца и ее дальнейшее развитие в Крыму являлось предметом особой важности для этого крымского правителя и занимало в его жизни особое место. О том, что Крым Гирей I был хорошо знаком с французским театром и живо интересовался французской драматургией, могут свидетельствовать следующие слова, сказанные им прусскому посланнику в ходе той же аудиенции: «Скажите ему (королю Пруссии – И.З.), что хан Крым Гирей – человек

веселый, любящий удовольствия и иногда позволяющий себе посмотреть умную французскую комедию…» [3, с. 23]. Гольцу во время его первого посещения ханского дворца в Бахчисарае была показана также и: «…высокая башня с террасою, обнесенной решеткой; с этой террасы жены хана могли видеть представления, даваемые ханскими телохранителями, а иногда и находящимися на его службе комедиантами, и скоморохами» [3, с. 26].

В определенной мере, о том, что Крым Гирей I был хорошо знаком, не только с западным театром, но и с творчеством крупнейших философов Запада и Востока свидетельствует, также его высказывание посланнику короля Пруссии Фридриха II фон дер Гольцу, сделанное им в июне 1762 года во время обсуждения крымской и прусской сторонами статей крымскотатаро-прусского военного договора в военном лагере крымских войск, располагавшемся возле татарского местечка Чепчаклы в Буджаке (на картах того времени Чекчаклы – И.З.): – «…Так, великий арабский государственный мудрец Ибн Халдун, который не уступит вашему Монтескье, сказал следующее: «Слово верующего решает мир и войну, смотря по тому, к чему будет сказано; ибо сила всего созданного живет в чистом слове верующего, из которого произрастают государства, расцветают города и народы, как дерево, как дерево от своего корня! – У вас все произрастает из написанного, и поэтому у вас один не доверяет другому; ибо бумага все терпит и, не краснея, принимает всякую ложь; но живое слово, осквернение дыханием лжи, останавливается на устах. Поэтому никогда не сомневайтесь в слове, данном мною, между тем как ваше писание мне приходится обсуждать день и ночь, чтобы проверить его при свете солнца и луны!» [3, с. 45-46].

Крым Гирей I в ходе переговоров с посланником прусского короля проявил себя опытным переговорщиком и человеком сведущим в вопросах дипломатии. Для того, чтобы максимально оттянуть время для окончательного ответа прусскому посланнику о времени и способах военного выступления крымских войск против российских войск на прусской стороне, он во время пребывания Гольца в Бахчисарае отправил новое посольство к Фридриху II в Пруссию во главе со своим придворным переводчиком Якубом с новыми вопросами и поручениями, и сроки своего ответа связывал с возвращением этого посольства в Крым [3, с. 26]. Упомянутое крымское посольство, возглавляемое придворным переводчиком и дипломатом Якубом, обратно в Крым, выехало от двора короля Пруссии Фридриха II из Бреслау (современный Вроцлав в Польше – И.З.) 14 февраля 1762 года [3, с. 35]. Вскоре после возвращения крымского посольства, к хану из Пруссии прибыл посланный для его лечения Фридрихом II личный доктор короля господин Фрезе [3, с. 36].

Осуществление постановок драматургических произведений европейских авторов и в том числе пьес Жана Огюста Мольера, смешанной придворной театральной труппой, состоявшей как из местных крымскотатарских придворных артистов – мукалидов, так и из приглашенных ко двору лично ханом иностранных актеров и музыкантов из Франции, Австрии и Польши, как это выяснилось из текста воспоминаний фон дер Гольца, де Тотта и Клеемана было весьма распространенным при дворе хана Крым Гирея I явлением. О степени интенсивности проведения придворной бахчисарайской капеллой и комедиантами концертов и спектаклей можно сделать вывод из слов хана сказанными им прусскому посланнику дер Гольцу в ходе очередной аудиенции когда он официально приглашал посланника на представления своих артистов: – «…А пока желаю вам приятно проводить время; почаще бывайте на моих концертах, каковую честь я прошу оказать мне завтра вечером, и рассказывайте мне больше о том, как живут у вас, что сказали ваши философы и ученые…» [3, с. 30]. То, что представления французских и крымскотатарских артистов при дворе хана Крым Гирея I весной 1762 года было делом обыденным и постоянным говорят также сведения фон дер Гольца об ожидании членами прусского посольства очередной аудиенции хана за время которого членам дипломатической делегации пришлось многократно присутствовать на обставленных с чрезмерной расточительностью роскошных придворных празднествах, в ходе которых обязательным было выступления «французских артистов и татарской придворной капеллы» [3, с. 35]. Предположительно, что основным местом проведения выступлений придворной труппы и капеллы мог быть, окончательно восстановленный и отреставрированный в начале первого правления Крым Гирея I так называемый зал ханского Дивана, в котором проходили приемы иностранных послов и заседания высшего совета Крымского ханства, так как, по своим размерам, форме, комфорту,

для зрителей и артистов и освещенности являлся наиболее подходящим для этих целей помещением ханского дворца.

Актеры и артисты капеллы Крым Гирей хана сопровождали его также и в военных походах и почти ежедневно давали свои представления. Об этом свидетельствуют следующие строки из книги Теодора Мундта, описывающие период нахождения прусского посольства в военном лагере ханской армии под татарским местечком Чепчаклы в Буджаке: – «По вечерам регулярно устраивались его капеллой концерты, на которых в его (крымского хана – И.З.) свите появлялись Гольц и Боскамп (соответственно посланник и дипломатический агент прусского короля – И.З.); но в разговоре с ними он не касался вопросов, состоявших в связи с деловыми сношениями, а говорил о музыке, об искусствах, о философии, которые, по его словам, составляли его конек, и просил Гольца рассказать об операх и пьесах, назначаемых Фридрихом Великим к постановке при его дворе, при чем он слушал с напряженным вниманием, и некоторые особенности в передаче толмача заносил на доску, которую позади него держал слуга.» [3, с. 46-47]. Количество личного времени и неподдельное внимание, которые Крым Гирей I уделял в своих беседах с фон дер Гольцем вопросам развития музыкального и театрального искусства, и в том числе его бесконечные расспросы прусского посланника о постановках театральных пьес и опер при дворе прусского короля, а также конспектирование ханом рассказов посланника об театральных особенностях драматургических и оперных постановок при дворе прусского короля, являются дополнительным свидетельством той серьезности, с какой крымский правитель относился к вопросу создания и развития театрального дела в своей стране.

Несмотря на то, что Крымское ханство являлось мусульманским государством, управлявшимся по законам шариата, пением и музыкальным инструментальным исполнительством в нем увлекались не только мусульмане мужчины, но и мусульманки крымскотатарские женщины. Об этом хорошо свидетельствует, описанный Тунманом эпизод в котором фигурирует дочь ханского придворного толмача Арманда по имени Зейнеб, исполнявшая крымскотатарские песни под собственный аккомпанемент на восточном щипковом струнном музыкальном инструменте кануне, известного тогда в Пруссии и Австрии под названием цитра (zither) [3, с. 50].

Смеем предположить, что, достраивая или отстраивая «с безумной роскошью» в период своего первого царствования ханский дворец в Кавшане, Крым Гирей I, задумал строительство одного из залов этого дворца в качестве театрального зала, предназначенного специально для осуществления в нем постановок пьес своего придворного тетра. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать строки из мемуаров фон дер Гольца опубликованные Тунманом: «…хан со своим войском прибыл уже 29 июля (1762 года – И.З.) к Кавшанам, расположенным на Ботне (река, протекающая по территории современной Молдавии – И.З.), в четырех милях от Бендер, городку, в котором находился недавно построенный по распоряжению хана дворец его, где он теперь и устроил свою главную квартиру» [3, с. 48]. Можно предположить, что одним из действий Крым Гирея I, подтверждающим его планы довершить в декабре месяце 1768 года обустройство интерьера нескольких помещений, достроенного им в период своего первого царствования нового ханского дворца в Кавшанах, именно в русле создания в них неких театральных помещений, явился заказ, сделанный крымским ханом, представленному ему главой ханских придворных лекарей («геким баши») этническим французом Бланшетом и французским консулом бароном де Тоттом австрийскому негоцианту Клееману чрезмерно большего, нежели, чем это было потребно для жилища восточного правителя количества зеркал и люстр. В связи с этим, можно также предположить, что один, возможно самый большой зал дворца хан планировал обустроить в качестве, своеобразного театрального зрительного зала [1, с. 52-53]. Вероятно, что увиденная де Тоттом в конце ноября 1768 года в ханском дворце Крым Гирея I «*новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях*» [3, с. 65] игралась крымскотатарскими, французскими и предположительно польскими артистами именно в этом зале.

Фон дер Гольцу, возможно одному из первых представителей прусского двора пришлось увидеть результаты строительных и отделочных работ, организованных Крым Гиреем I в продолжение реставрации и восстановления бахчисарайского дворцового комплекса, начатые его дядей крымским ханом Арслан Гиреем I после варварских разрушений и поджога дворца, учиненных

солдатами российской армии под командованием фельдмаршала Бурхарда Миниха в 1736 году. Вот, как описал, увиденное в ханском дворце в марте 1762 года, сопровождаемый переводчиком Мустафа-Агою на первую аудиенцию к крымскому хану этот прусский офицер: – «Стены зала были сплошь покрыты живописью, изображавшей пейзажи, острова, морские заливы, дворцы в фантастически перемешанной композиции, между тем как пол был усеян изречениями из Корана, изображенными золотыми буквами по темному полю». Из этой авансзалы Гольца провели через «ряд небольших, но изящно обставленных зал, сверкавших золотом, серебром и кристаллами; через разноцветные стекла окон распространялся в них магически окрашенный полумрак» [3, с. 19]. Выполненная по заказу и в соответствии с художественными вкусами Крым Гирея I великолепная отделка дворца, лишний раз подчеркивает наличие у этого крымского монарха утонченного художественного вкуса и его глубокую осведомленность в вопросах декоративно-прикладного и изобразительного искусства.

Доказательством того, что уже в период первого царствования Крым Гирея I осуществлялся руководимый этим крымским ханом процесс создания профессиональной придворной музыкальной капеллы и театральной труппы могут послужить также и материалы донесений в Санкт-Петербург консула Российской империи в Крымском ханстве премьер-майора Александра Никифорова.

Из рапорта консула России в Бахчисарае 16 / 27 ноября 1763 года (в оригинале текста):

«Сего ноября, 2-го дня вдовствующая и летами престарелая польская шляхтянка Соломанида Ефимова дочь (Саломея Пильштынова – И.З.), которая для лечения от очных болезней пред сим несколько времени жила в Киеве, в Москве, и в Санктпетербурге, а после в Константинополе в султанском доме, а на конец когда прошедшего лета (1762 года – И.З.) из Константинополя ехала в Польшу, то в Хотине здешним ханом (Крым Гиреем I – И.З.) сдержана, и ныне живет в Бахчисарае, пришед ко мне по протчим разговорам говорила:

1-е. Почти по всякий день для посещения страждущих очною болезнию в ханском дворце а нередко и у самого хана бывает, оной хан чтоб был безумен или очень умен, того не видно, однако довольно приметила в нем ветренное непостоянство, а кто-б ему что ни сказал, тому всему верит, особливо же от непостоянниц, слушая их внушений, и принимая оныя за справедливыя, поступает так радно как малый ребенок.

2-е. В бытность ее у хана 31-го минувшего октября пришед туда ханской тайной секретар и первый фаворит Абдулах Эфенди и принес полученные через прибывшего к хану от молдавского господаря капу кегаю («капу кяхья» или «капу кетхуда» титул мажордома, советника-секретаря – И.З.) многое число турецких и других писем, да от негож господаря два ящика и один сверток обернутыя полотном и запечатанныя. По раскупорению оных видела она в первом ящике до десяти штучек парчевых и шелковых материй, а в другом четыре скрипицы, а в свертке самыя малыя серебряныя блюдца. Письмо-ж хан приняв сам читал между которыми одно упомянутого господаря прочитав, зделался вдруг веселым, и как Абдуле так и бывшим тогда чегодарям («чухадар» – крымскотатарское и турецкое слово – суконщик – И.З.) объявил: «пишет де господарь что польской король умер, то надобно де нам стараться кормить лошадей», и то письмо положил в карман, протчия турецкия и другия для перевода отдал Абдуле.

3-е. Хан был с соседами и подданными своими так хорошо обходился, как и прежния, но с постоянного пути збивает и на всякое зло наставляет вышеописанный Абдулаг також и из жидов побусерманившейся находящийся при лекаре прусской нации толмачем Мустафа, и советывала от сего последнего крайне-б я остерегался, и ни в какия подробныя с ним разговоры не входил, называя ево великим плутом [2, Опись 8, единица хранения 1144, Фолиант 25a – 26b]. Из текста этого донесения российского консула интересным для темы данной статьи является его второй абзац. В нем со слов польской шляхтянки Саломеи Пильштыновой говорится о присылке молдавским господарем крымскому хану четырех скрыпиц, то есть музыкальных инструментов скрипок европейского образца. Господарем Молдовы на тот момент являлся, слывший покровителем ученых грек-фанариот Григорий Каллимаки (1761-1764 и 1767-1768). Основным смычковым инструментом в пользование крымскотатарских, армянских и греческих музыкантов Крымского ханства на тот момент являлся кеман – близкий родственник персидской кеманчи. Шарообразный корпус инструмента изготавливался в основном из абрикосового дерева, тыквы, кокосового ореха или других материалов и обтягивался кожей. Кеман

в персидском языке означает слово смычок (в крымскотатарском – «яй» или «джай»), отсюда происходит и название самого инструмента. Кеман производился на тот момент, как крымскими мастерами, так и поставлялся из – за рубежа, а так называемый стамбульский кеман являлся одним из основных предметов импорта в Крымское ханство [13, с. 62]. Отсюда и европейская скрипка (виола) вошла в крымскотатарскую музыкальную терминологию под названием кемане. Возникает вопрос зачем Крым Гирею I тогда понадобились скрипки именно европейского образца? На тот момент, при дворе хана продолжала работать, увиденная до этого в марте 1762 года прусским посланником фон дер Гольцем музыкальная капелла и театральная труппа европейского образца, составленные в основном из приглашенных из Европы артистов и музыкантов в достаточной степени владевших мастерством игры на этом инструменте и эти скрипки по какой-либо причине, понадобились для них. Но нам кажется, что основной ответ на этот вопрос дает в своих воспоминаниях (речь о них будет вестись дальше) австрийский негоциант и путешественник Клееман. Крым Гирей I при заключении контракта с актерами театра и музыкантами оркестра приглашаемых для работы в его придворном театре одним из обязательных условий их работы вменял им обязательство обучать своему искусству местных крымскотатарских артистов. По этой причине эти присланные 31 октября 1763 года молдавским господарем Григорием Каллимаки вероятно по просьбе крымского хана четыре скрипки, предназначались именно для добавленных в оркестр европейского образца четырех крымскотатарских музыкантов.

Третьим по хронологии описанных в них событий и основным по важности для темы данной статьи приведенных в них сведений, касающихся истории развития театра европейского образца у крымских татар и вообще в Крыму, а также о личности и деятельности крымского хана Крым Гирея I источником являются воспоминания французского дипломата словако-венгерского происхождения барона Франсуа (Франтишека, Франца) де Тотта. В 1785 году в Париже вышло книжное издание мемуаров Ф. Тотта под названием Tott F. «Memoires sur les Turcs et les Tartares. Paris, 1785» – «Воспоминания о турках и татарах. Париж, 1785». Это издание в четырех книгах вызвало огромный читательский интерес. В том же году вышло еще три издания мемуаров, которые были также переведены на английский и датский языки. В 1786 году вышел немецкий перевод во Франкфурте и Лейпциге. В 1788 году мемуары были изданы в Вене и Голландии (Амстердаме). «Описания турок и татар» Барона де Тотта, были изданы в польской столице Варшаве в 1791 году (*Opisy Turków y Tatarów przez barona de Tott,* Warszawa *1791*).

В венгерском Пеште 10-томное собрание мемуаров вышло в 1836 году. Мемуары Ф. Тотта читала вся Европа. Часть мемуаров в переводе Алексея Татарчевского была опубликована на русском языке в 1883 году в Киеве. В самом конце XX века его мемуары были переведены на турецкий язык и под названием «Tott, François baron de. Türkler ve Tatarlara Dair Hatıralar, İstanbul: Tercüman» – «Тотт Франсуа барон де. Воспоминания о турках и татарах. Стамбул: Терджуман» изданы в Турции. Эта чрезвычайно интересная работа была выполнена, показавшим себя образованным и талантливым, остроумным и деятельным дипломатом, философом и литератором де Тоттом в жанре мемуаров и дневника путешествий. Все описанное им в своих мемуарах де Тотт пережил лично.

Темы пребывания барона де Тотта при крымском дворе и в связи с этим деятельности и личности крымского хана Крым Гирея I в своих работах касались и такие европейские исследователи, как венгерские историки XIX века Коломан Талый, Ференц Тотт, Ян Янко, Елена Точек, начала и конца XX века Эдгар Палочи и Йозеф Захар, современные словацкие историки Зденек Хорбулак и Мирослав Даниш. В 2015 году вышла развернутая статья профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Университета имени Я. А. Коменского (Братислава, Словакия) Мирослава Даниша «Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея» («Baron Frantisek Tott, a diplomat of the Slovak origin at the court of the Crimean Khan Giray». Miroslav Danis). В статье на основе малодоступных историографических источников, автор анализирует дипломатическую деятельность французского барона Франтишека (Франца) Тотта, консула короля Людовика XV при дворе крымского хана в последней трети XVIII века. Особое внимание уделено дипломатическим усилиям французского посла в подстрекательстве крымского хана принять участие в русско-турецкой войне против России. Приведены малоизвестные факты биографии Ф. Тотта,

касающиеся его деятельности в Бахчисарае и его контактах с крымским ханом Крым Гиреем I.

Находившийся в Бахчисарае на момент вторичного восшествия на крымский престол хана Крым Гирея I, аккредитованный при крымском дворе консул Франции барон де Тотт выехал навстречу следовавшему из Стамбула в Кавшан хану и встретил его на берегу Дуная в Измаиле [3, с. 63].

Одним из дополнительных свидетельств к подмеченному современниками в поведении крымского хана Крым Гирея I признаков западнофильства или по-другому, если так можно выразиться его проевропейской жизненной философии могло служить его редкая для восточных правителей, как хан сам говорил барону де Тотту «принадлежность к числу почитателей французской нации и ее удивительного ума», а также причисление себя к числу «поклонников французской кухни» [3, с. 63]. Барон де Тотт также передает некоторые детали туалета крымского хана на торжественном приеме ханом членов крымского двора и деятелей крымскотатарского государства в день вступления Крым Гирея I во дворец после прибытия из Константинополя 24 ноября 1768 года. На нем была татарская шапка, украшенная двумя султанами, на которых сверкали алмазы и традиционный, для крымскотатарских правителей воинский аксессуар, призванный подчеркнуть их принадлежность к степным кочевникам лук и колчан со стрелами [3, с. 64].

Очень важным свидетельством, если так можно выразиться процесса привития стараниями хана Крым Гирея I традиций европейского классического театра в крымскотатарской среде, является письменное замечание французского консула при крымском дворе барона де Тотта, о сделанном им наблюдении в день вышеупомянутого торжественного приема крымского хана членов своего двора и первых лиц крымскотатарского государства во дворце в Кавшанах (24.11.1768.): «По окончания обеда артистами Крым Гирея, которые обязательно сопровождали его даже в походах, была поставлена *новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях*» [3, с. 65]. Следуя логике, слова де Тотта об осуществлении татарскими артистами в тот день постановки «новой татарской комедии» означали то, что к этому времени должны были существовать и «старые», уже к этому времени сыгранные другие, в данном случае крымскотатарские комедии. Но к огромному сожалению мемуары барона де Тотта и другие источники не сообщают названия этой новой татарской комедии или же названий уже к этому времени сыгранных артистами театральной труппы крымского хана Крым Гирея I старых татарских комедий. Но сам факт осуществления этих крымскотатарских театральных представлений артистами крымской ханской театральной труппы в середине XVIII века, благодаря литературным стараниям французского дипломата стал фактом исторической реальности, вслед за вышеприведенными сообщениями фон дер Гольца об увиденных им в 1762 году в Бахчисарае первых постановках классического европейского театра в тюркском и исламском мире носителями тюркского языка и исламской культуры – крымскими татарами. То, что «новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях» артистами придворной труппы была поставлена именно в день прибытия хана из Стамбула в свой кавшанский дворец может предположительно указывать на то, что ханская театральная труппа следовала в обозе свиты Крым Гирея I, сопровождая его на всем пути следования ханского кортежа из Румелии. Так-как мы не находим сведений, подтверждавших бы наличие театральной труппы в распоряжении предшественника его второго воцарения на крымском троне – крымского хана Максуд Гирея I, эта труппа, следовательно, могла быть набрана в период междуцарствия Крым Гирея I, во время его пребывания в находившемся в европейской части Османской империи в окрестностях населенного в основном греками города Визе имении Пынарбаши-Сарай. То есть, предполагается, что Крым Гирей I приступил к воссозданию своей театральной труппы или же вновь ее собрал сразу же после своего возвращения из ссылки на остров Родос в свое вышеназванное поместье. В случае верности нашего предположения, это может послужить лишним подтверждением безмерной любви и привязанности Крым Гирея I к своим артистам и к театральному искусству как таковому вообще.

Также французский консул пишет о том, что ко времени их знакомства с Крым Гиреем I, этот крымский хан был уже хорошо знаком с личностью и произведениями великого французского драматурга Жана Батиста Мольера и с французским театром как таковым. Об этом свидетельствуют следующие строки из работы Теодора Тунмана: – «Французский дипломат (де Тотт –

И.З.), столь решительно завладевший расположением хана, должен был и на этом представлении сидеть рядом с ханом и отвечать на его непрерывные вопросы о французском театре, в особенности же о произведениях Мольера, о которых ему приходилось много слышать» [3, с. 65]. В беседе с крымским монархом французский дипломат выяснил, что Крым Гирей I обладает не только познаниями о французском театре, но то, что хан также знаком с творчеством и личностью гениального французского драматурга Жана Огюста Мольера. Оказалось, что хану хорошо известны некоторые драматургические произведения Мольера, как по сюжету, так и по искусству их обработки. Особенно его интересовал Тартюф, об образе которого хан много размышлял и даже высказал барону де Тотту свое мнение о том, что: «в каждой стране имеются свои Тартюфы, и, вероятно в татарских странах имеются свои» [3, с. 65]. В продолжении этой беседы, Крым Гирей I обратился к французскому консулу с просьбой, чтобы он заказал для хана перевод с французского языка на крымскотатарский язык этой превосходной комедии [3, с. 65]. В примечаниях к своей работе Теодор Тунманн, ссылаясь на страницу 116, II тома воспоминаний барона де Тотта (Memories du Baron de Tott. II, 116.) пишет, что о переводе «Тартюфа» Мольера на татарский язык барон де Тотт доносил своему начальству в Париж, и обратился к Руффину, – секретарю французского консульства в Бахчисарае и переводчику французского короля Людовика XV, и, что в действительности эта работа была поручена, но не была исполнена [3, с. 65]. Не исполнение данной работы по переводу этой пьесы Мольера, на наш взгляд в первую очередь объясняется тем, что вскоре не стало самого заказчика перевода – крымского хана Крым Гирея I и, следственно отпала надобность в ее исполнении. Сам же секретарь французского консульства в Бахчисарае месье Руффин, после драматического бегства из разоряемого буджакскими татарами (ногайцами) Кавшана барона де Тотта в Стамбул, возглавил французскую дипломатическую миссию в Крымском ханстве [6, с. 24].

Далее французский консул де Тотт, подводя итог своим наблюдениям за театральными пристрастиями Крым Гирея I и влиянием на его мировоззрение театрального искусства как такового, делает вывод, что утверждаемые философией французского классического театра «правила драматического искусства, законы приличия и вероятности, внушали крымскому хану большее уважение, нежели театральные зрелища турок» [3, с. 65]. Под «театральными зрелищами турок», в свое время несколько лет проживший в Стамбуле французский консул, по всей видимости имел в виду, распространенные тогда и в Крыму традиционные виды турецкого народного театра Орта оюну, кукольный театр теней «Карагез и Хадживат» и своеобразный, турецкий «театр одного актера» Меддах.

О всепоглощающей страсти Крым Гирея I к музыкальному искусству или по-другому, о том, что этот человек абсолютно не мыслил своего существования без музыкального искусства, свидетельствует также и факт присутствия при нем в последние минуты его жизни небольшого инструментального оркестра, состоящего из шести музыкантов, вероятно отобранных самим ханом, которые в момент прощания его с жизнью: «… начали чудно звучащий концерт, пьесы для которого были заранее намечены Крым Гиреем» [3, с. 86].

Также и о факте сохранения древней музыкальной традиции воинского хорового пения тюркских и монгольских народов в крымскотатарской армии во второй половине XVIII века и искусстве крымскотатарских воинов хором исполнять свои песни на марше в конном строю во время длительных конных переходов, мы узнаем из этой работы Теодора Мундта со слов сопровождавшего крымского хана Крым Гирея I во время ведения последним военных действий против российских войск в Новой Сербии консула французского короля Людовика XV при крымскотатарском дворе барона де Тотта [3, с. 71].

Практически в одно и то же время с бароном де Тоттом и в основном благодаря протекции этого французского консула, в, так называемой северной столице Крымского ханства Кавшане (совр. Каушаны, Молдова) побывал и встречался с ханом Крым Гиреем I австрийский негоциант и путешественник Николаус Эрнст Клееман (1736-1801), посетивший затем Крым во время своего большого путешествия в 1768–1770 гг. из Вены по Черноморью в Стамбул и через Малую Азию, Архипелаг и Триест снова в Вену.

В год присоединения Крымского ханства к Российской империи в Санкт-Петербурге в переводе на русский язык с французского вышла его работа «Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом

чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением достопамятностей крымских. / Переведенное с немецкаго на французский, а со онаго на российский язык Государственной Военной коллегии секретарем Иваном Одинцовым. – В Санкт-Петербурге: при Государственной Военной коллегии, 1783. – 250 с.».

Первое издание немецкого оригинала труда Клеемана, было опубликовано в Вене в 1771 году под названием «Reisen von Wien über Belgrad bis Kilianowa» («Путешествие из Вены через Белград в Килианову»). Второе издание его книги было опубликовано Иоганом Паулем Краузе в 1773 году в Лейпциге. В 1780 году в Невшателе (Нушатель) Типографским обществом печати был опубликован уникальный французский перевод этого труда с немецкого языка, выполненный Анри Рие. Именно текст этого перевода с немецкого на французский язык впоследствии перевел на русский язык секретарь Государственной военной коллегии Российской империи Одинцов. В 1783 году в чешской Праге, в которой с 1776 года Клееман занимался торговлей табаком, Шенфельдом был издан третий, увеличенный тираж этой книги. В том же 1776 году ее издали в голландском городе Хаарлем. Известна еще одна работа Клеемана «Письма о судоходстве и деятельности в Венгрии, Славонии и Хорватии, написанные о поездке в эти страны в 1773 году», что является свидетельством того, что литературная деятельность, для него была, отнюдь не случайной.

Подробное перечисление и упоминание в тексте данной статьи количества воспоминаний, научных работ и статей, а также стран их издания, в тексте которых в той или иной степени отображена деятельность крымского хана Крым Гирея I в области создания театрального дела в Крыму, указано в данной статье с целью выявления географии знакомого с этой темой научного мира.

К слову, воспоминания фон дер Гольца, де Тотта и Клеемана о крымском хане Крым Гирее I в XVIII – XIX веках читала вся Европа.

Во владения крымского хана Клееман, прибыл со своим переводчиком, армянином из крымского города Карасубазара 20 декабря 1768 года и провел свою первую в Крымском ханстве, сопровождаемую снежной бурей ночь в доме у крымских татар в одной из татарских деревень. Хозяева этого дома, чьи человеческие качества он оценил во много раз выше нежели достоинства турок, обогрели их, высушили их промокшую одежду. Через три дня следования по территории Крымского ханства в полдень 23 декабря он прибыл в его северную столицу ханства татарский город Кавшан. Этимология топонима Кавшан (молдавские Каушени) предположительно можно вывести из тюрко-татарских терминов «кавша» – «впадение», возможно от близости данной местности к месту впадения реки Ботна, на которой расположен Кавшан в Днестр, или «кавшак» – «пересечение дорог», в Кавшане сходились дороги шести направлений. В этом, наполненном татарами, турками, евреями и армянами, городе он остановился на постоялом дворе (хане) у некоего перса.

Не найдя на месте консула (по нашему предположению консула французского короля в Крымском ханстве барона де Тотта, находившегося в это время в османском городе Бендер, где по просьбе крымского хана Крым Гирея I присутствовал при переговорах крымской стороны с представителями польских конфедератов), Клееман через секретаря консула (предположительно, что это был месье Кустель – И.З.) выразил свое почтение господину консулу [1, с. 43 – 44]. Переводчиком между ними был приглашен, некий немецкий еврей (ашкеназ). На другой день 24 декабря, Клееман встретился с французским консулом и получил его покровительство в своем желании получить от хана паспорт на дальнейшее свое свободное передвижение вместе с привезенными им товарами вглубь территории Крымского ханства [1, с. 45]. На удовлетворение просьбы Клеемана, французский консул барон де Тотт попросил три дня. Через четыре дня, то есть 29 декабря, Клееман, не дождавшись ответа консула, обратился к нему вторично с просьбой о содействии в получение ханского фирмана, на что, консул уверил его, что все приготовит до отъезда хана (выступления хана в поход во главе войск в пределы Новосербии – И.З.). Тот факт, что Клееман предоставил консулу де Тотту рекомендательные письма от некоторых лиц, указывает на то, что у них, возможно, были общие знакомые по причине австрийского гражданства немца и происхождения французского консула с территории по Карловицкому миру 1699 г. с турками отошедшей к австрийским Габсбургам [1, с. 46].

Особое место в своих воспоминаниях и роль в вопросах влияния на хана Крым Гирея I лиц из его окружения путешественник отводит личности главного лекаря хана, которого он называет

на татарский манер Геким-Баши (Глава лекарей). На личности главы ханской лекарской службы стоит остановиться особо. По сведениям Клеемана, он являлся, родившимся на острове Хиос, где его отец был консулом Франции, «отатарившимся французом», и носил французскую фамилию Бланшет. Медицинское образование и докторский диплом (докторскую шапку) геким-баши получил в Италии, в Риме. Бланшет неотступно находился рядом с Крым Гиреем, начиная с момента его первого восшествия на крымский престол и до момента кончины хана, включая ссылку хана на остров Сакыз и остров Родос, а также во время его нахождения в имении Пынарбаши период его междуцарствия. Клееман очень высоко оценивал познания Бланшета в вопросах традиционной восточной медицины и его хорошее отношение к себе. Общались между собой они на латыни [1, с7 47]. Благодаря содействию Бланшета, Клееман смог вечером того же дня встретиться с ханом в одном из помещений ханского дворца, куда Клеемана пригласил Толмач – переводчик хана, для того, чтобы австриец разъяснил хану при помощи переводчика способы использования привезенных им различных металлических механических инструментов. Демонстрация хану и его свите инструментов длилась около часа. На обращение Клеемана к хану с просьбой о выдаче фирмана, последний ответил, что поговорит об этом с геким-баши. Через два дня от того же геким-баши Клееман узнал об отданном ханом распоряжении о выдачи австрийскому путешественнику фирмана, а на следующий день 30 декабря он был удостоен официального приема Крым Гиреем в кавшанском дворце [1, с.49].

Приведенные выше сведения Клеемана о личности главного лекаря хана, являются свидетельством особого положения Бланшета при крымском дворе и большого его влияния на личность Крым Гирея I. По всей видимости, вероятно, влиянием этого француза и других членов его двора – европейцев, объясняется происхождение познаний Крым Гирея I в философии его современника Шарля де Монтескье, а также его увлечение французским театром и природа толкований ханом драматургических произведений Жана-Батиста Мольера.

В ходе вышеупомянутой аудиенции хан обратился к Клееману с поручением доставить ему во дворец 150 зеркал, каждое в 6 четвертей в длину и 3 четверти в ширину, а также полдюжины потолочных и дюжину боковых настенных люстр (Чéтверть (четь) – мера длины в XVI – XVII вв.

В XVI – XVII вв. четвертью (или четью) называли также ¼ казённой (трёхаршинной) сажени; эта четверть в современных единицах равнялась 54 см. – И.З.) [1, с. 51]. Хан просил Клеемана доставить все это, как можно скорее, обещая для избежания задержек и лишних поборов на таможнях Османской империи, исходатайствовать в Стамбуле у султана специальный фирман, в котором Клееман и его люди будут указаны представителями (комиссарами) крымского хана. По всей видимости, как говорилось об этом выше, эти зеркала были заказаны ханом для оборудования отдельных площадей своего дворца в качестве театральных и репетиционных помещений.

Наряду с этим поручением, Крым Гирей I отдельно попросил Клеемана привезти ему из Австрии 12 музыкантов, играющих на различных музыкальных инструментах для его дворцового театра, с выполнением при этом всех международных юридических формальностей по заключению с этими музыкантами контракта на три года работы в ханском оркестре с выяснением суммы и условий оплаты их работы в Крымском ханстве с представлением ханского дозволения им выехать обратно в Австрию по истечению срока данного контракта. Со своей стороны, Крым Гирей I предложил приглашаемым музыкантам в качестве оплаты за их работу до 3000 пиастров год. Помимо этого, артистам давались одинаковые права наравне с другими работниками при ханском дворе, а также предоставлялись бесплатно покои (жилье при дворе), платье (одежду), мясо, пшено, хлеб, дрова и сено (фураж). Контракт, как говорилось выше, хан предлагал заключить сроком на три года с условием подготовки к сроку окончания контракта каждым австрийским музыкантом на свое место в оркестре музыканта из числа местных музыкантов, подданных хана. При этом переводчик хана (Толмач) объяснил Клееману, что он может обращаться к хану при необходимости через геким-баши (главу лекарей), который уведомит австрийца о воле хана [1, с. 52-53]. Последнее, являлось лишним доказательством важности роли при крымском дворе и степени влияния Бланшета на крымского хана.

Среди приближенных Крым Гирея I находилось достаточное число европейцев, которые, как отмечалось выше, наряду с Бланшетом, также могли оказывать влияние на формирование тех вкусов, познаний и пристрастий хана в от-

ношении искусства европейского театра, которыми был приятно удивлен французский консул де Тоттом в ходе его беседы с Крым Гиреем I о театре. Одним из близких к хану людей был также немец – переводчик, происходивший из самой крупной провинции Пруссии – Бранденбурга, перешедший на службу к крымскому хану и принявшего ислам вместе с новым именем Мустафа. Выше, в тексте рапорта российского консула в Крымском ханстве Никифорова, если речь идет об одном и том же человеке, то он почему-то назван человеком: «из жидов побусерманившейся находящийся при лекаре прусской нации толмачем Мустафа [2, фол. 25а]. Этот крымский придворный сановник Мустафа-Ага, являвшийся одним из ханских переводчиков, ожидал в момент нахождения Клеемана в Кавшане своего назначения на должность посланника крымского хана в Вене при дворе австрийского императора Иосифа Габсбурга II [1, с. 54].

В населенном тогда в основном татарами, турками, армянами, евреями и молдаванами городе Кавшане крымскими ханами был выстроен в стиле местной, крымской архитектуры дворцовый комплекс, состоящий в основном из одноэтажных зданий. Вот, как о нем писал в своих дневниковых записях Клееман: – «Сие строение зрению довольно приятное, и снаружи выкрашенное белой и синей краскою, окруженное высокой стеною. Издали оно весьма походит на увеселительный (интересно, какое значение вкладывает Клееман в слово увеселительный – дом зрелищ, постановок – И.З.) дом такой, какие бывают в Немецкой земле; Дворец нарочито велик и внутри покои, как я видел великолепны, покрытые коврами и сделаны софы (веранды – И. З.).» [1, с. 56]. В свою очередь, служители дворца – татары, произвели на Клеемана впечатление «честных и услужливых людей, молодых и пригожих» [1, с. 57]. Одежду мурз (дворянства) крымских татар путешественник характеризует следующим образом: – «Платье их было из тонкого сукна, весьма чистое, и подбитая долгая епанча, опоясана длинным шелковым поясом. Сие одеяние, похожее более на платье польское, нравилось мне лучше турецкого: ибо оно придает приятность стану, и сидит весьма хорошо» [1, с. 57].

Внедряя в повседневную жизнь крымскотатарского двора традиции европейской музыки и театра, Крым Гирей I не ослаблял своего внимания и к деятельности своего традиционного крымскотатарского военного оркестра «мехтеран», исполнявшего произведения крымскотатарской военной музыки и являвшегося неотъемлемой составной частью крымскотатарской армии. Бывший в год первого воцарения на крымском престоле Крым Гирея I консулом короля Франции Людовика XV в Бахчисарае Клод – Шарль Пейсонель о системе традиционного музыкального профессионализма у крымских татар писал, что: «есть мехтер-баши или начальник музыки и двенадцати музыкантов; этот мехтер-баши получает подушную подать в ханском государстве со всех цыган, которые ему всецело подчинены» [4, с. 27]. Вероятно, что Пейсонель говоря о «получении подушной подати со всех цыган в ханском государстве» имел в виду налогообложение занимавшихся в Крымском ханстве профессиональной музыкальной деятельностью крымскотатарских цыган – чингене.

Именно о выступлении и своеобразном восприятии необычного звучания традиционного крымскотатарского военного оркестра Крым Гирея I для настроенного на европейскую оркестровую музыку и музыкальных вкусов слуха австрийца пишет в своих путевых записках Клееман: – «Всякий день около ночи военная музыка слышна во Дворце Хана и продолжается целый час, и я никогда столь гадкой и разногласной музыки не слыхал. 10 человек играли на инструментах похожих на гобои, только в половину их менее, коих отверстие весьма узкое (зурна и борозан – И.З.). Трое били в малые литавры столь запачканные, что с трудом узнать можно, из какого металла они сделаны (думбелек – И.З.). Наконец у 10 других на шее висели большие барабаны, покрытые красным сукном, в кои они ударяли весьма сильно толстою кривой палкою, а с другой стороны, другою гораздо малою (чубук давул – И.З.). Сия музыка начинается то гобоями, которые несколько минут играют одним тоном; после чего один из них начиная играть, бьет такту, и делает разныя телодвижения и кривления лица по тих пор, сколько его духу станет; на последок играют они все в один раз, и спустя немного времени за литаврами слышен барабанный бой, и все кончится общим концертом, или лучше сказать, такою музыкою, что гадко. Когда ария кончится, то первый гобоист начинает, а за ним последуют и прочие, так, как я описал. Наконец один из сих музыкантов, крича изо всей силы, делает обещания оберегать Хана, которыя повторяются криком всей кучи» [1, с. 58 – 59].

Интересным и показательным в смысле на-

личия и использования крымскими татарами символики, знамен и штандартов Крымского ханства, является описание Клееманом церемонии выступления 7 января 1769 года ханом Крым Гиреем I и его армии в поход, с целью начала военных действий против российских войск: – «По правую сторону несли перед ним 12 штандартов, а именно: бунчук с шелковым знаменем, коего половина была красная, а другая зеленая; два бунчука все зеленые, два небольших знамя, из коих одно зеленое, а другое желтое, весьма похожее на корабельный флюгер, три знамя красныя с широкими зелеными каймами, на коих вырезан полумесяц, а в середине изображалась двойная сабля зеленого цвета; два знамя желтыя с широкими красными каймами, и в середине те же самые знаки зеленые, и два знамя до половины красные и половина зеленые. Все эти штандарты были новые, украшенные многими висящими из красного шелку кистьми» [1, с. 60 -61].

Не часто в европейской литературе встречается описание, как выглядел походный костюм крымских ханов. Для полноты картины отправления крымского хана в военный поход приводим описание Клееманом внешнего вида и выезда Крым Гирея I из ханского дворца в Кавшане: – «На нем была шуба соболья, покрытая зеленым штофом (тяжёлая шёлковая или шерстяная ткань с тканым рисунком – И. З.). Калпакъ, или челма Турецкая была такогож цвета, с широкою собольею опушкою, и в руке держал жезл, означающий верховное Начальство. Оный жезл или палка весьма короткая, оправленная золотом, на верху коей была нарочитая четвероугольная головка с острым концом; при боку имел короткую саблю с золотым эфесом, коей ножны были зеленыя бархатныя, оправленныя так же в золото. Лошадь, на которую он садился была гораздо лучше всех тех, которых я до того видел: она была Арабская, росту весьма высокого, белая с черными и темножелтыми пятнами; прибор узды золотый, и наперст или нагрудник такого же металла (золотого), чепрак седла был светлоголубой бархатный, с широкою золотою бахромою. Перед сим Владетелем, несли четыре штандарта, также на переди и позади за ним шло восемь драбантов, высокого росту, у которых были большие колпаки, украшенные позолоченными гербами, изображающими Ханское оружие. Кафтаны на них красные, и опоясаны широким золоченным поясом, с бляхою на переди такого же металла, шаровары были тафтянные желтые и сапожки сафьяновые такого же цвета. Оружие их состояло в длинной сабле, у коей ножны были позолоченные, и в большом кинжале. Два Паша последовали верхом на лошади за Ханом. Позади их шел его Секретарь, одетый в Татарское платье. Многие из Начальников сего народа шли в беспорядке, а позади несли прочие знамена, за коими следовали верхами музыканты. Свита была заключена другим народом, составленным из многих Сотен, Татар. Вся сия свита представляла зрелище гораздо великолепнее, как я мог в уме своем представить, чтобы была такая у Хана Крымского, и мы обыкновенно полагаемся на прочих Немцов, делающих, в разсуждении сем, свои описания [1, с. 61-62]. Как видим даже в ханском кортеже музыканты занимали одно из почетных мест сразу же за процессией ханских знаменосцев.

В Крым, Клееман из Кавшана выехал 21 января 1769 года, получив фирман (разрешение) на дальнейшее следование от ханского секретаря 9 января. Разрешение на выезд Менсил (мензиль – И.З.), из-за недостатка лошадей для его поездки он получил в день отъезда. До отъезда Клееман встретился и простился с французским консулом и главой лекарей крымского хана. До Бендер Клеемана провожал племянник геким-баши Бланшета [1, с. 63], а сам глава лекарей хана Бланшет уверял Клеемана о том, что находится среди крымских татар более десяти лет [1, с. 204]. Характеризуя Бланшета, австрийский путешественник пишет о нем, как о любимце хана и преданном ему человеке: «…, который разделил с ним свое благополучие и злополучие…» [1, с. 207].

Выходит, так, что в окружение Крым Гирея I иностранцы французы и немцы занимали отнюдь не последнее место и существенно могли влиять на многие процессы при его дворе и в том числе на тему привязанности крымского хана к театральному искусству и его усилиях по внедрению канонов европейского театра при крымском дворе.

О смерти хана и о бунте буджакских татар (ногайцев), сжегших Кавшан, Клееман узнал в начале апреля находясь в крымском Карасубазаре [1, с. 89].

После отъезда из Крыма в Стамбул, в Пере Клееман посетил вернувшегося туда барона де Тотта, который рассказал о том, что в Кавшане, татары, виня консула в подстрекательстве хана на начало военного похода в неблагоприятное время, в результате которого заболел и умер их

любимый хан напали на его дом. Все находившиеся в нем вынуждены были бежать кто куда, пропал консульский секретарь (Кустильо – И.З.). Сам барон три дня скрывался в какой-то яме, откуда его спас и вывез в Стамбул один хорошо относившийся к нему старый татарин [1, с. 165].

Вот какую характеристику крымским татарам дает в своих путевых заметках Клееман: – «Татары, зависимые от Хана малой Татарии, (крымского хана – И.З.) противу Турок не столь грубы, и качества со всем отменнаго, и по большей части учтивые, добронравные, вежливые и к науке способные» [1, с. 199].

А вот как австриец характеризует Крым Гирея I в отдельно отведенной для описания личности крымского хана Крым Гирея I главе своей книги «Особливыя примечания о Хане Крымском, Крым-Гирее, весьма известном при начале сей войны»: – «Никогда малая Татария не была управляема величайшим Владетелем, разумнейшим и любезнейшим народу, как Ханом Гиреем, и он тот самый, о коем я предложить честь имею [1, с. 205]. В продолжении Клееман пишет: «Его разум, способность и искусство в войне, приобрели новую благосклонность к нему Султана турецкого <…> Татары во всяком случае оказывают много почтения и привязанности к фамилии Гирея, под руководством коего военные их предприятия почти все счастливы, а более привязаны любовью к сему последнему хану, возвышенному в другой раз в сие достоинство, потому что знали его великодушие. Многие тысячи шли к нему на встречу в Константинополь, где и пробыли во все время его пребывания, провожая его и тогда, когда он возвратился в Крым…» [1, с. 206].

Обстоятельством, послужившим поводом к началу дипломатической карьеры де Тотта при дворе Крым Гирея I, явилась серьезная болезнь прежнего консула Франции при дворе крымского хана, и министерство иностранных дел Франции озаботилось поисками достойной кандидатуры на освободившееся место. В итоге прежний французский консул в Бахчисарае Пьер Луи Форнетти (Фурнье) (1732-1790), в 1755-1758 годы работавший переводчиком при консуле Франции в Крымском ханстве Пейсонеля, и в 1758-1768 годы исполнявший функции консула в Крымском ханстве [8, с. 158.] был отправлен в отставку министром иностранных дел Франции Людовика XV месье Шуазелем, а его функции были переданы Франсуа де Тотту.

В этой связи возникает предположение, что увлечение Крым Гирея I французским театром и его взгляды на развитие европейского театра, а также его усилия по внедрению традиций европейского театра при своем дворе вероятно получили свое начало в самом конце консульской каденции в Крыму Клода-Шарля Пейсонеля, а основное влияние на эти процессы оказал все-таки Луи Фурнье все шесть лет первого правления этого крымского хана тесно соприкасавшийся с ним по долгу своей службы. Немаловажной могла быть в этом процессе и роль, обучавшегося в Европе и неразрывно следовавшего повсюду за Крым Гирем I в течении последних десяти лет его жизни его главного лекаря Бланшета, возможно поступившего на службу к хану благодаря протекции Форнетти. Роль Форнетти – Фурнье в приобщении Крым Гирея I к искусству французского театра, в какой-то мере подтверждает тот, что ко времени общения с ханом прусского посланника фон дер Гольца и французского консула де Тотта, не выезжавший за этот период в западные страны Крым Гирей I предстал человеком, обладающим вполне твердыми и устоявшимися взглядами на искусство французского театра и драматургии.

Вернувшийся вскоре после ареста в Стамбуле российского посла Обрескова на крымский трон хан Крым Гирей I по пути из Стамбула в Кавшан принял делегатов от польских конфедератов, возглавляемых епископом Адамом Станиславом Красинским и графом Петром Франтишеком Потоцким. На переговорах представителей крымского хана с польскими конфедератами присутствовал также и французский консул де Тотт. На переговорах обсуждалась возможность совместных военных действий против российских войск, но переговоры не принесли никаких реальных результатов.

Российский историк Василий Смирнов, отличавшийся особой, иронично-скептической манерой подачи материалов в своей работе по истории Крымского ханства, ссылаясь на сто десятую страницу второго тома воспоминаний де Тотта (Tott, Memories, II: 183) также пишет, что: «Он (хан Крым Гирей I – И.З.) и умер то под звуки концерта, который играли ему шесть музыкантов, постоянно находившиеся в его покоях» [5, с 101]. Далее российский историк, характеризуя некоторые личные качества Крым Гирея I и его пристрастие к театральным представлениям в присущей ему манере отмечал, что: «Подвергаясь во время похода всем неудобствам и труд-

ностям зимнего путешествия и питаясь, зауряд с прочими татарами, толокном, Крым-Герай в то же время умел смаковать и хорошее венгерское вино, и очень любил наслаждаться фиглярскими зрелищами. Любопытно известие как относительно оргий, происходивших в Каушане, так и участие в них конфедератов, которые фигурировали в качестве вожатых в этой компании. Когда пронеслась молва о том, что в Каушане день и ночь происходят пляски да потехи, то «антрепренеры с большими издержками и хлопотами, в надежде на щедрость (хана), позабирали всех, какие оказались, мальчишек в банях и цирюльнях в Стамбуле и в Пере, посажали их в повозки и запрудили Каушанское поле (и, это в условиях самой суровой за последнее время зимы в этом регионе?! – И.З.) <…> …один из ляхских бояр, задушевный приятель ляхского же боярина по имени Потоцкого, с несколькими польскими ресторанными мальчуганами, под видом дружбы к нему, как будто бы бежал из Польши и пристал к ханской свите. Заставляя польских мальчуганов играть вместе со своими музыкантами, хан каждый день как следовало покучивал…Он вздумал взять с собой и в поход упомянутого антрепренера польского; но путешествие оказалось столь пагубным вследствии страшных морозов и массы снегов, что польский боярин, бывший в то же время и за проводника, во время пути исчез…» [5, с 102]. Это чрезмерно едкое и ироничное замечание Смирнова, также в какой-то мере может служить подтверждением предположению участия в выступлениях ханской театральной труппы в Кавшане наряду с французскими и крымскотатарскими актерами и польских артистов.

Говоря о деятельности Крым Гирея I в период своего первого и второго правления будет справедливым коснуться и времени его междуцарствования.

В сентябре 1764 года на крымский трон был посажен сын хана Фетх Гирея II Селим Гирей III. Пребывавший на острове Сакыз (Хиос) Крым Гирей хан, вступив в переписку со своими сторонниками в Крыму и посылая своих людей в Стамбул пытался вызвать беспорядки в ханстве. По этой причине Селим Гирей III своими жалобами в Стамбул добился в сентябре 1765 года отправки Крым Гирей хана, еще дальше на остров Родос. В марте 1767 года Селим Гирей III был смещен и вместо него на крымский трон во второй раз был возведен его дядя Арслан Гирей I. В следствии противоречий, возникших между Крым Гиреем I и сообществом острова Родос, а также обращения его старшего брата хана Арслан Гирей I к турецкому султану Мустафе III Крым Гирею I было дано разрешение проживать в его румелийском поместье в окрестностях города Визе Пынарбаши – Сарай. Второе правление хана Арслан Гирея I продолжалось недолго. В июне 1767 года, тело скончавшегося в Кавшане хана Арслан Гирея I было похоронено в Бахчисарае, а вместо него на крымский трон взошел сын хана Селямет Гирея II Максуд Гирей I [11, с. 144; 15, с. 26-27.].

О том, что хан Крым Гирей I был умным, великодушным, влиятельным и по настоящему выдающимся государственным деятелем своего времени говорит даже то, что в своем поместье Пынарбаши – Сарай в Румелии за короткий срок он принял более пятисот несправедливо смещенных со своих государственных должностей капуданпашей и беев Египта, Алжира и Боснии, пашей Албании и других ранее сосланных на острова государственных деятелей Османской империи [16, с. 73.]. Вполне вероятным могло оказаться то, что часть театральной труппы, встретившей его театральной постановкой в конце ноября 1768 года в ханском дворце Крым Гирея I в Кавшане постановкой «*новой татарской комедии, основанной на смешных положениях и запутанных приключениях*» и сцен из, предположительно пьесы Мольера «Тартюф» [3, с. 65] могла быть сформирована ханом во время его пребывания в своем поместье Пынарбаши-Сарай.

В довершение написания личностного портрета ценителя муз и театрального деятеля хана Крым Гирея I следует привести подчеркивающие уровень познаний хана в архитектурном искусстве слова австрийского путешественника Клеемана об умении им эти познания в организации реставрационных и строительных работ в столице и других поселениях ханства, даже находясь в это время за пределами Крымского полуострова: – «Он (хан – И.З.) также, во время своего отсутствия из Бахчисарая, приказал увеличить свой Дворец, и состроить в окрестностях сего города многие увеселительные дома [1, с. 210]. Правда, не совсем понятно, что имел в виду автор под выражением «многие увеселительные дома»? Возможно здесь речь шла об открытии в населенных пунктах Крыма, служивших крымским татарам в качестве своеобразных национальных клубов – кофеен («къаве-хане»), в которых зачастую проходили выступления бродячих артистов театра теней «Карагоз», странствующих артистов

театра одного актера – «меддах» и музыкально-поэтические выступления поэтов саза – ашиков.

Образ просвещенного крымского монарха, каковым являлся Крым Гирей I, прекрасно дополняют шутливые слова о своем увлечении науками, адресованные ханом прусскому посланнику фон дер Гольцу: – «Раз уж сошлись в дружеской беседе добрый пруссак и веселый татарин, поэтому приходится решиться на признание, причем мне важно знать, понизится или повысится в следствии этого ваше мнение обо мне. Знайте же, что с некоторых пор я очень усердно занимаюсь наукой о природе и приобрел некоторые познания в том, что у вас называется химией, физикой и астрономией» [3, с. 31].

Вот как со слов австрийца Клеемана отзывались о владении ханом Крым Гиреем I науками его приближенные: – «По объявлению как его лекаря (Бланшета – И.З.), так и прочих при его свите беспрестанно бывших, Хан одарен был чрезвычайными качествами, каких никто из преемником его не имел. Он знал разные науки, и весьма редко, чтоб из Мусульманов хотя мало оным изучен был: как например Архитектура, География, Астрономия и Химия. Алхимия была первая, к коей он имел великую страсть…» [1, с. 210].

В качестве одного из доказательств уважения и симпатии с которой относился к своему хану подвластный Крым Гирею I крымскотатарский народ, уместно привести заключительные слова путевых записок Клеемана касающихся Крыма: «…после всех сих действий, особливо касающихся до нравов и других новостей, народ много бы выиграть мог, ежели бы нечаянная и весьма скоропостижная смерть не опровергла бы вдруг великой надежды, которую народ полагал в жизни сего государя [1, с. 210].

Российский историк Смирнов передает характеристику данную крымскому хану современником хана османским историком Ахмедом Ресми: «Ресми – Ахмед эфенди, вообще не особенно щедрый на похвальные отзывы и в частности не слишком сочуственно относившийся к татарам и их ханам, так, однако же, описывает Крым-Герая: «Крым Герай был остальной богатырь из татар. Он был грозный человек, умевший осуществлять свою угрозу. Татары и казаки боялись его…» [5, с. 99]. В свою очередь Смирнов в завершении главы об эпохе этого крымскотатарского хана отмечает, что: «Крым-Герай-хан был последний Крымский хан, сколько-нибудь серьезно смотревший на свое властное положение и энергично пользовавшийся им сколько в свое удовольствие, столько же и для поддержания престижа сана, который он носил. С его смертью наступила и политическая смерть Крымского ханства.» [5, с 103].

Теодор Тунман, в завершении своей работы об истории прусско – крымских отношений, также называет Крым Гирея I последним великим ханом, правившим Крымским полуостровом: «… пред тем, как им завладела императрица Екатерина» [3, с. 87]. Турецкие историки отмечали, что среди плеяды последних ханов Крымского ханства, Крым Гирей I был самым внушительным и смелым, отличался своею настойчивостью и железной волей [9, с. 25.]. Российский историк Соловьев писал, что: «Главным союзником Австрии и Франции в Константинополе, – был Крымский хан Крым-Гирей» [5, с. 91]. Известный австрийский историк Хаммер – Пургшталь, также считал Крым Гирея I последним из великих ханов Крыма [10, с. 149.] и, что именно Крым Гирей I был последним ханом Крымского ханства по-настоящему использовавший достигнутое им положение и не желавший опираться в правлении своим государством на мощь власти османов [10, с. 160.].

Располагая прямыми письменными свидетельствами немецких, польских, российских, французских и австрийских авторов о существовании и функционировании при крымском дворе в период первого и второго царствования Крым Гирея I (1758 -1764 и 1768 -1769) придворной театральной труппы и музыкальной капеллы европейского образца, дававших представления, как на крымскотатарском, так и на французском языках, в репертуар которых входили крымскотатарские комедии и драматургические произведения французских классиков («*новая татарская комедия, основанная на смешных положениях и запутанных приключениях*» [3, с. 65] и предположительно «Тартюф» Мольера, увиденные де Тоттом в Кавшане). Посланник прусского короля Фридриха II барон фон дер Гольц, консул короля Франции Людовика XV барон де Тотт и австрийский негоциант и путешественник Клееман наблюдали выступления придворных крымских артистов лично, мадам Пильштынова и Александр Никифоров, также находились в этот период в Бахчисарае, и также могли быть свидетелями показа их театральных представлений. Эти письменно подтвержденные представителями евро-

пейских стран, в которых ко времени их появления в Бахчисарае столетиями существовал свой национальный классический театр факты существования в период предположительно с 1758 по 1769 годы у крымских татар театральной труппы и музыкальной капеллы европейского образца, значительно расширяют хронологические рамки бытования традиций европейского классического театра в Крыму и выводят их с первой половины XIX века к середине XVIII века.

Существование с середины XVIII века у крымских татар и вообще в Крыму постановок классического европейского театра, а также такой выдающейся исторической личности, как крымский хан Крым Гирей I стараниями и усилиями которого эти театральные традиции были привнесены на крымскую землю, является предметом особой гордости крымскотатарского народа и всех крымчан. Крымской ханство, стало первым тюрко-исламским государством, а крымские татары первым тюрко-исламским народом, воспринявшими и усвоившими традиции европейского классического театра. К слову, в Османской империи первая европейская театральная постановка была осуществлена итальянской оперной труппой при дворе султана в 1807 году, при дворе османского султана Селима III в первый раз было дано представление оперной труппы из Италии. В 1842 году в Турции были переведены на турецкий язык первые драматургические произведения европейских авторов. Ими стали «Bourgeois Gentilhomme» «Мещанин во дворянстве» и «Le Malade imaginaire» («Мнимый больной») Жана – Батиста Мольера. В 1859 году турецким писателем Ибрагимом Шинаси была написана и в 1860 году в газете «Терджюман и ахвал» опубликована первая пьеса на турецком языке «Şair Evlenmesi» («Женитьба поэта»). Первой театральной постановкой на турецком языке стал спектакль классика турецкой литературы Намыка Кемаля «Vatan yahut Silistre» («Родина или Силистра»). В 1873 году в Азербайджане была осуществлена первая театральная постановка на азербайджанском языке. Ею стала постановка пьесы основоположника азербайджанской драматургии Мирзы Фатали Ахундова «Везирь Ленкоранского ханства». В остальных тюркоязычных республиках и регионах бывшего СССР первые театральные спектакли на национальных языках были сыграны в разные периоды XX века.

Просвещенный монарх, храбрый воин, ученый муж, одержимая театральным и музыкальным искусством индивидуальность, благородный, щедрый и великодушный человек, горячо любивший свою землю и служивший ей до конца, любящий сын. Все эти слова о славной исторической личности, унаследовавшей свою любовь к искусствам от своего знаменитого деда – композитора, поэта и одного из величайших крымских ханов Селима Гирея I, именем которого вправе гордиться Крым, крымскотатарский народ и весь тюркский мир. К сожалению, имя этого великого сына Крыма не увековечено на земле, народу и искусству которой он верно служил. Лишь в воспетой великим Пушкиным и Мицкевичем легенде о воздвигнутом по его велению бахчисарайском фонтане, и в имени построенных им в Бахчисарае дюрбе – усыпальницы его покойной матери Диляры-Бикеч и, разрушенной в 1946 году красавицы – мечети Ешиль Джами продолжает звучать его гордое и грозное имя – Крым Гирей.

Литература и источники:

1. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением достопамятностей крымских. / Переведенное с немецкаго на французский, а со онаго на российский язык Государственной Военной коллегии секретарем Иваном Одинцовым. – В Санкт-Петербурге: при Государственной Военной коллегии, 1783. 250 с.
2. Копия из рапорта А. Никифорова от 16.11.1763. Архив Внешней политики Российской Империи, Ф. 89: Сношения России с Турцией, Опись 8, единица хранения 1144, Фолиант 25a – 26b.
3. Мундт Теодор. Крым – Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией. Перевод с немецкого В. Остермана. Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии № 43. Симферополь 1909. С. 1 – 88.
4. Пейссонель Шарль Клод де. Записки о Малой Татарии. Перевод с французского В.Х. Лотошниковой 1925 года. Днепропетровск: Герда, 2009. 110 с.
5. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII в. До присоединения его к России. Том второй. М.: Издательский дом Рубежи XXI, 2005. 314 с.

6. Татарчевский А. Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году // Киевские университетские известия. 1873. № 10. С. 2 – 24.

7. Adile Eminova. Kırım Giray'ın hanlık dönemi (1758-1764; 1768-1769) Danışman: Dr. Öğr. Üyesi Zekeriya Türkmen İstanbul 29 Mayıs Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Lisans Bitirme Tezi. 2018. 39 s.

8. François Baron de Tott, Türkler ve Tatarlara Dair Hatıralar, / tercüme M. Reşat Uzmen, ed. M. Fatih Topaloğlu, yay. yönetmeni Cengizhan Orakçı Ankara: Kesit Tanıtım Ltd. Şti., 2004. 324 s.

9. Halim Giray, Gülbün-ü Hanan (Kırım Hanları Tarihi). Editör Dç. Dr. Bekir Günay Yayına Hazırlayanlar: Alper Başer, Alper Günaydın. İstanbul 2013. 121 s.

10. Hammer – Purgştall Jozeph Von. Kırım Hanlığı Tarihi. Çevirmen: Seyfi Say. İnsan yayınları. İstanbul. 2013. 197 s.

11. Kırım Hanlarına Name-i Hümayun (2 Numaralı Name Defteri), İstanbul: T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013. 288 s.

12. Osmanlı Belgelerinde Kırım Hanlığı, İstanbul: T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2013. 359.

13. Özdem Zeynep. Karşida bir yer: Kırım Karasubazar'da sosyo-ekonomik hayat (17. Yüzyılın sonlarından 18. Yüzyılın ortalarına kadar) / Zeynep Özdem. – Ankara: Türk Tarih Kurumu. 2010. 197 s.

14. Tott F. Memoires sur les Turcs et les Tartares. Paris, 1785. 324 s.

15. Uzunçarşılı İsmail Hakkı, Osmanlı Tarihi IV Cılt, I Bölüm (Karlofça Antlaşmasından XVIII Yüzyılın Sonıarına Kadar). Türk tarih Kurumu. Ankara. 2011. 687 s.

16. Kesbi, Mustafa. İbretnüma-yı Devlet (Tahlil ve tenkitli metin), haz. Ahmet Öğreten, Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2002. 654 s.

17. Resmi Efendi, Ahmet. Hulasatü'l-İ'tibar: (1768-1774 Osmanlı-Rus Harbi Tarihçesi), haz. Osman Köksal, Ankara: Gazi Kitabevi, 2011. 183.

Диван (зал заседания высшего государственного совета) крымских ханов.
Хансарай. Бахчисарай. Зал, в котором предположительно игрались спектакли театральной придворной труппой Крым Гирея I.

Дворец крымских ханов в Кавшане (н. Каушени Молдова).

Латырова Х. Ю.,
студентка филологического факультета
Ингушского государственного университета;

Матиев М. А.,
заведующий отделом ингушского фольклора и литературы ИнгНИИ ГН им. Ч.Ахриева,
профессор кафедры ингушской литературы и фольклора ИнгГУ, к.ф.н.
Россия, г. Магас

БОКОВ АХЬМАДА «РАЙХЬАНТ» ЯХАЧА ПОВЕСТА КЕРТТЕРЧА ТУРПАЛХОЧУН АМАТ

Аннотация: В статье исследуется образ главной героини повести А.Бокова «Райхант». Оставшаяся в детстве без родителей девочка решает стать врачом. Примером для нее является женщина-врач, которая лечит ее родных. Райхант становится хорошим врачом и находит личное счастье.

Ключевые слова: Ахмед Боков, повесть «Райхант», женские образы, горянка, Казахстан, врач.

Abstract: the article examines the story of A. Bokov “Rayhant”. A girl left without parents in her childhood decides to become a doctor. An example for her is a woman doctor who treats her family. Rayhant becomes a doctor and finds personal happiness.

Keywords: Ahmed Bokov of the story “Rayhant”, women’s images, Kazakhstan, the doctor.

Боков Ахьмада, Даьхен визза во1 ше хиларга хьежжа, ший кхолламца гойтад вай къаман истори [3, оаг1. 5-8]. Хьалхара произведени 1956 шера кепатехай йоазонхочо, хьалхарчарех да цун дувцараш, цул т1ехьаг1а повесташ а романаш а яздаьд цо. Боков Ахьмада ший произведенешка айю, х1анза а т1ехьа, лоарх1аме йола дукха проблемаш [2, оаг1. 6].

Цо ювцача замах кхалсага т1алаьтта йоккха хало хьагойташ язъяь я «Райхьант» яха повесть. 1960 шера кепатехача цу произведене белгалду г1алг1ай литературана юкъе йоккха нач1ал йола йоазонхо веналга. Повеста кертерра турпалхо я Райхьант яха г1алг1ай йо1. Ший вахар сийрдадаларга сатувсаш къовсам лоаттабеш йолча йи1ий кхел е укх повеста т1а ювцар. «Йоккха проблема хинна д1аэттад кхалсага бокъо ма1ача сага нийса д1аоттийтар дешарца а юкъарча вахарца а йиза бокъо йолаш д1аяхийттар» [2, оаг1. 529].

Хиннар дагаухача хьисапе язъяьяй автора ший произведени. Г1алг1ай Сибарег1а 1обигачул т1ехьаг1а пехкашта лазар кхийтта нана д1аянна, ч1оаг1а хало ловш д1адахад автора ювцача йи1ига денош. З1амига йолча хана денз дешарца ч1оаг1а чам болаш хул Райхьант, цхьабакъда, «ворх1 класс чакхъяькхачул т1ехьаг1а, тоъаргда 1а дийшар…дешеи яздеи хов, тоъаргда» [1, оаг1. 138], аьнна соцам баьб цун дас. Иштта 16 шу мара даьннадоаццаше, даь-сесага даьча зоахалола ткъо шу воккхаг1а волча сагага маьре йохийт из, в1алла раьза йий-еций аьнна ца хоатташ. Т1ехьаг1о уйла йора Райхьанта «цу сагацара са вахар мишта хургда аьнна, уйла йицар-хьог1 цо?» [1, оаг1. 139]. Ший даьга ше дег чура бала кодабича, «Со-м хьона сай хулчох дикадар де ма г1ерттий. Се дийна волаш, хьо дикача метте д1анийсъе воал со» [1, оаг1. 139], аьнна жоп лу дас. В1алла уйла йиц дас е даь-сесагас цунга фу хьал да, е Райхьанта а ший дег чу дар дувца ший бала кодабе саг хилац.

«Эггара т1ехьа, из ди т1акхаьчача, валарца къийса дег1ацар низ кхоача а бенна ше ца воалаш дунен 1адика ювца кийчвенна саг санна, дог ч1оаг1денна, цадовзача ц1ен тхов к1ал яьлар из» [1, оаг1. 139]. Цхьайолча хана, дуне сийрдадоккхаш санна, со мо раьза йоацаш д1аихараш а ма бахий, хьанна хов са а дика вахар хургдий, аьнна уйла чуйоаг1ар йи1ий керта чу. Маьр-йиша а маьр-нана а Райхьантагара даьнна з1амига хинна а г1алат гучадаьлча, из доккха а дийя, марага д1адувцар. Х1ара денна уйла еш д1адодар турпалхочун из марацара къиза вахар. «Из 1азап качара мишта доаккхаргда…Мича г1оргья? Цунга 1е а ца тугаш д1аг1оргьяр, т1аяха к1ийле яларе. Леткъача а г1адж айяьча Хьадиса, из ц1аяхача-м…» [1, оаг1. 141], яхаш, уйла йора цо.

Цхьан сарахьа, цхьаккха х1аманца чам боацаш, ший фу дича бакъахьа да, фу хургда са вахара яхаш уйла еш, кора санаг1ах оаг1ув теха латтар Райхьант. Цу хана коа хабар дувцаш лаьт-

тача мараи цун наьн-веший во1аи б1аргадайра из сурт. «На1алт хилда хьа ворхх1е даьна..са сий доаде енай хьо, да хьакхийца валларг» [1, оаг1. 141], аьнна, т1оара техар Райхьанта марас. Хих дизза б1аргаш а долаш «корах арахьажа бокъо еций са? Д1аяккха! Д1атоха корашка аьшка, ч1ийнаш, д1акъовла, 1оолла на1арах ч1ега, набахте х1аьта а ма йий ер!» [1, оаг1. 143] аьнна йистхул из ший марага. Кхы из къиза вахар ла ца могаш, ший даь ц1аг1а йода Райхьант. Ший бехке ца хилар даьга д1адийцача, дас в1алла ладувг1а т1игац йо1ага «Сона г1атта могаре, ховргдар-кх хьона, шайт1а. Сабарде 1а, мар-м аз лохаргва хьона. 1а са яь юхь1аьржа-м аз мерех йоаккхаргья хьона. Воккхача сагага мара д1а-м хьо ца яла» [1, оаг1. 143] аьнна, кхайкаве волалора да.

Цу цхьан турпалхочун вахарца Боков Ахьмада хьагойт вайна, иштта дуккхача кхалнаха хиннай Райхьанта санна вахара кхел. Ший з1амига йоллаше ший леладе де деза х1ама ховш я Райхьант, бакъда, з1амига йоллаш гучаяннай цунна наьха къизал а дикал. Цун аьттув боал ший деха вахар меттаоттаде дикача наьха новкъосталца. Царех ца1 я Райхьанта даьна дарба де ухаш хинна лор Мария Алексеевна. Цо лелабеш бола никъ мерза хийттача йи1иго ший уйла-нигат д1ахойт цунна: «Мария Александровна, со мишта 1амаргьяр из маха бетта? Бус-бус хьона хало а ергьяцар т1аккха…Цул совг1а, наха дарбаш дар дуккхача хана денз сона ч1оаг1а дезаш а да» [1, оаг1. 144]. Райхьанта бокъонца цу х1амаца чам болга хайча, «Деша деза т1аккха. Маха тоха-м хала дац. Бокъонца хьайна из г1улакх дезаш дале, деша деза… Т1аккха ховргда хьона дарба де а» [1, оаг1. 144], аьнна, жоп лу лоро. Бакъда из аьнна ца 1еш, комендантагара бокъо а яьккха, лорий училище деша отта новкъостал ду Мария Александровнас.

Ше д1аболабаь никъ т1ехдика дешаш д1абахьа г1ерт Райхьант. Из ц1айоалае аьнна бахийтача наха а ч1оаг1 тешал ду цунна. «Оаха цига даькккхача к1ира г1алат долаш х1ама тхона цунгара гуча а даланзар е хьалхаг1а даьннад, аьнна, хаза а хазанзар…Х1ана йоалаю из ц1а? Деша мара яг1ий из?» [1, оаг1. 144]. Цу дешаша хьагойт вайна ший эхь-эздел долащ, хоза г1улакх леладеш, наха езаш из йолга.

Повесть йолалуш авторо хьагойт вайна Райхьанта къиза, хала вахар никъ. Нана йоацаш, дагавала сага воацаш цун хинна баьде вахар. Бакъда, ший бокъо яьккха, шийна дезача тайпара ший вахар в1ашт1ехьдаккха аьттув боал цун. Мел дукха халонаш нийсъеннаяле а, дешара никъ хьалаьцача сийрдадаьнна д1аотт цун вахар. Из доацаш цхаькха цхьа х1ама хул Райхьанта дог деладеш. Из езалу цо дарба деш волча Султана. Из б1арг ца гуш йоакхаш йола ха хала хет з1амигачча сага. Из раьза йолга хайча догпарг1атдаьле, «Со-м х1анз геттара тоавеннав. Х1аьта укх чура лазар 1а д1а ма даькккхарий», аьнна, дег т1а кулг дулл Султана [1, оаг1. 153]. Автора цу дешашца хьагойт: Райхьанта вахар д1ахо ираз долаш хургда.

Ала деза, тахан а йолаш вайна я юкъе автора ший повеста т1а увтаяь проблемаш. Автор ала г1ерт, кхалсага ший бокъо йоаккхаш хила еза, ший ираз ше лаха деза, аьнна. Иштта, мел дукха халонаш цун наькъа т1а нийсъенна яле а Райхьанта аьттув баьннаб ший вахар д1анийсде. Боков Ахьмада дика в1ашт1ехьдаьннад цу цхьан турпалхочун вахарца, кхы а дукхача г1алг1ай кхалнаьха цу ханара хьал хьахьокха.

Пайда ийца литература:

1. А.Боков. Хержа произведенеш. Грозный. 1975.
2. Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. Нальчик. 2007.
3. Х1анзара г1алг1ай литература. 2 том. – Нальчик, 2011.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧

Магомедов Д.М.,
научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
Российская Федерация, г. Махачкала

ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье характеризуется роль дагестанских языков в сохранении этнической культуры. В современных условиях актуализируется проблема сохранения национально-культурного своеобразия народов. Процесс глобализации может привести к стиранию этнического и культурного своеобразия народов. Сохранение культуры народов Дагестана в условиях глобализации возможно благодаря ее этническим и духовным ценностям. Дагестанские языки являются важным средством формирования и сохранения культуры.

Ключевые слова: дагестанские языки, культура, фольклор, глобализация, линвокультурология, образование.

В настоящее время, когда повсеместно распространяется глобализация и связанные с ней процессы, сохранение языков и культур народов Дагестана является одной из актуальных проблем. Родные языки играют важную роль в сохранении духовного и культурного наследия народов Дагестана. Язык играет огромную роль в сохранении культуры, так как культура невозможна вне языка. Язык и культура взаимообусловлены.

Именно с помощью родного языка из поколения в поколение передаются культура, традиции, обычаи, история, которые способствуют сохранению и развитию уникального своеобразия того или иного народа. Язык, как известно, является основным признаком всякого этноса, поэтому он играет основную роль в самосохранении народа.

К сожалению, сегодня под натиском экономических и социальных положений проблемы национальных языков отошли на второй план, а порой и забыты.

Современную языковую ситуацию в Республике Дагестан невозможно оценивать иначе, как катастрофическую. Дагестанские языки не востребованы в деловой, научной, юридической, официальной и других сферах. На сегодняшний день функции дагестанских языков, как правило, ограничиваются использованием их в качестве разговорных языков, обслуживающих хозяйственно-бытовую сферу.

В городских условиях в речи студентов и школьников нарушаются стилистические и речевые нормы родного языка, искажаются фразеологические обороты, теряются семантические связи, речь молодежи изобилует заимствованиями, словами-паразитами, встречаются фонетические искажения. Серьезность ситуации сказывается в том, что 92 % школьников г. Махачкалы не владеют своими литературными языками. Функции языков народов Дагестана сокращаются с каждым годом. Наши языки будут существовать лишь в том случае, если в них будет нужда, когда они будут востребованы.

К сожалению, некоторые несознательные родители время от времени выступают против обязательного изучения родного языка в школе. Они ссылаются на то, что родной язык их ребенку не нужен, так как хорошее знание родного языка не гарантирует ему ни поступление в высшее учебное заведение, ни хорошую работу после окончания учебы. Родители опасаются, что часы, отведенные на изучение родного языка, будут помехой для учебы и карьерного роста их детей. Они выступают против изучения их детьми родного языка, объясняя такое решение соображениями «целесообразности в дальнейшей жизни» [1, с. 157].

Сфера применения дагестанских языков ограничивается школой и факультетом дагестанской филологии, поэтому проблемы сохранения традиционной культурно-языковой среды является актуальной для народов Дагестана.

Можно было бы ввести курсы дагестанских языков на всех факультетах Дагестанского государственного университета и Дагестанского государственного педагогического университета. Необходимо также восстановить обучение учащихся в начальных классах сельских школ на дагестанских языках, как это было до недавнего времени. В сельских районах можно было бы создать телевещание на национальных языках, а

также продублировать названия географических объектов на родном языке.

В городах Дагестана количество людей, владеющих родным языком и обучающих в семье детей родному языку, с каждым годом становится все меньше и меньше.

Нельзя назвать человека образованным и достойным гражданином своей страны, если он не хранит свой язык и свою культуру. Национальная культура проявляется во всех сферах деятельности человека.

Дагестанские языки являются основным средством приобщения к духовной культуре и литературе, важным каналом социализации личности.

Сегодня очень важно, чтобы дагестанцы учились межкультурному и межличностному общению, приобщались к общечеловеческим ценностям через призму национальных культур.

В Республике Дагестан традиционно проводится большая работа по сохранению национальной идентичности, по формированию культуры межнационального общения среди подрастающего поколения и расширения сфер согласия и доверия между народами. Здесь необходима всесторонняя поддержка со стороны общественности и родителей.

Конечно, мы все понимаем, что изучение иностранных языков является социально-культурной и исторической необходимостью современного общества. Однако нельзя забывать, что владение родным языком для любого культурного и образованного человека является естественным состоянием. Владение же иностранным языком дает дополнительные возможности для международного общения и профессионального роста.

В результате происходящих глобализационных процессов многие языки народов Дагестана находятся под угрозой исчезновения, поэтому каждый человек должен осознавать, что, отказываясь от родного языка, мы тем самым признаем ущербность своего собственного народа.

Таким образом, основой формирования многоязычной личности является национальное образование, которое ставит принципы единства этнокультурных ценностей и соответствует требованиям времени. Эти проблемы решает лингвокультурология, опирающаяся на лингвистику и культурологию, которая исследует элементы культуры, закрепившиеся в языке. В лингвокультурологии человек рассматривается как носитель языка и культуры, в центре внимания которого являются его национально-специфические, поведенческие нормы, которые делают его представителем данной культуры.

Проблемы, касающиеся изучения и функционирования языка в полиязычном обществе, рассматриваются на фоне общей языковой картины, компонентами которой являются статус языка, языковая политика, языковые компетенции, ценностные ориентации носителей языка, которые составляют языковой портрет социума [2, с. 45].

Решение данной проблемы напрямую связано с целью и задачами науки лингводидактики, когда ученые-методисты находят наиболее рациональные методы преподавания дагестанских языков через лингвокультурологическое содержание заданий на уроках родного языка.

Актуальной задачей является формирование языковой личности и развитие продуктивного билингвизма и полилингвизма. Данная проблема в настоящее время приобретает особую остроту, так как двуязычие в нашем многонациональном государстве стало нормой для каждого человека. Для народов Дагестана владение наряду с дагестанскими и русским языком, как важнейшим средством межнационального общения и средством приобщения к культурным достижениям народов и к мировой культуре, является жизненно необходимым [3, с. 18].

В дошкольных детских учреждениях закладывается фундамент, на основе которой строится дальнейший процесс овладения языком и культурой. Это формирует личность ребенка и создает его положительный психологический настрой.

Важно, чтобы лингвокультурологическое направление в обучении приобщило учащихся не только к знанию лексики, но и к усвоению духовной и материальной культуры народа. Такой подход в обучении формирует развитую языковую личность. На уроках учитель сможет также создать языковую картину мира с помощью упражнений, которые содержат лингвокультурологический материал, а также познакомить учащихся с лексикой, фразеологизмами, текстами, сказками, передающими культуру дагестанских народов. На уроках родного языка формируются лингвокультурологические понятия, которые тесно связаны с воспитанием любви к родной культуре, уважительным отношением к языкам и культурам других народов, приобщением их к мировой культуре.

Сегодня лингвокультурное образование обеспечивает духовно-нравственное становление

личности, формирует лингвокультурную самоидентификацию как необходимую составляющую мировоззренческого потенциала и как условие интеграции в мировую культуру.

Поэтому проблема взаимодействия языка и культуры становится актуальной задачей, так как именно с культуры начинается понимание и сотрудничество народов, духовное общение людей. Общение же культур обогащается в общении личностей, основным средством которого является язык.

Языковая ситуация в Республике Дагестан в сфере образования характеризуется многоязычием, поэтому требуется разработка целостной концепции билингвального лингвистического образования [4, с. 320]. В школах Республики Дагестан лингвистический цикл представлен русским языком, дагестанскими и иностранными языками. В настоящее время в Республике Дагестан разрабатывается лингвокультурологическая концепция обучения, которая опирается на основы обучения языкам. Кроме того, эта концепция предполагает линвокультурологические основы и опирается на основные понятия науки лингвокультурологии.

Литература и источники:

1. Магомедов Д.М. Сохранение языковых и этнокультурных ценностей народов Дагестана как средство сохранения национального самосознания // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию научно-исследовательского института). Магас, 2016. с. 156–159.

2. Магомедов М.И. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010. 182 с.

3. Магомедов М.И. Современные проблемы русско-дагестанских языковых отношений // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России. Элиста, 2009. с. 16–19.

4. Магомедов М.И. Этноязыковые проблемы и пути их решения в Республике Дагестан // Взаимодействие народов и культур на юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008. с. 318–321.

Магомедов М.А.,
заведующий отделом грамматических исследований
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН,
Россия, Махачкала

К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ АВАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы возникновения и становления письменности на аварском языке. Отмечается, что в каждом типе письма (аджаме, латинице и современной кириллице) наблюдаются свои слабые места с точки зрения адекватной передачи звуков при помощи букв и буквенных сочетаний.

Ключевые слова: аварский язык, история письменности, аджам, латиница, кириллица, проблемы правописания.

Первые надписи на аварском языке относятся к X-XIV векам [Саидов 1948]. Они сделаны грузинским письмом. Кроме того, в разных районах Дагестана, в том числе и на территории распространения аварского языка, были найдены надписи на камнях, напоминающие албанское письмо. Но эти надписи до сих пор не получили научной оценки, хотя и были некоторые попытки их расшифровки [Умаров 2003]. До принятия ислама, на территории расселения аварцев, особенно в Аварии, была довольно широко распространена грузинская христианская культура. От этого времени сохранилось большое количество каменных крестов с грузинскими и грузино-аварскими надписями [Гудава 1954]. Первая найденная надпись, сделанная на камне из белого известняка, была расшифрована еще в 1940 году А.С. Чикобава [1940]. Подобных надписей впоследствии было найдено больше двадцати. В последние годы предринимались новые попытки расшифровки подобных надписей [Гамбашидзе 2002; Хапизов 2014].

Широкое развитие, в отличие от грузинского письма, получило в Дагестане, в том числе и в Аварии, арабское письмо. Приспособленное для других языков арабское письмо называется *аджам*. В рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН и в частных коллекциях имеется большое количество рукописей, написанных на арабском и аварском языках, принадлежащих перу как недагестанских, так и местных авторов. Примерно с XVII века в аджаме для аварских звуков, отсутствующих в арабском языке, вводятся надстрочные и подстрочные диакритические знаки (*ташдиды*), применяемые для написания букв, отсутствующих в арабском алфавите. Однако употреблялись они не очень последовательно и часто опускались. Начиная с XVIII века аджам получает широкое распространение. В конце XVIII века Дибир-Кади из Хунзаха (1742–1817) на основе арабского письма создает усовершенствованное письмо [Алибекова 2009], которое с незначительными изменениями (1845, 1920) употреблялось до 1928 года.

Аварская письменность на кириллической основе была создана П.К. Усларом в 1861 году [Магометов 1979]. Эта письменность использовалась вплоть до 1913 года, но широкого распространения не получила.

В 1928 году было принято решение о переводе (с 1 октября 1930 года) всех существующих письменностей на новый дагестанский алфавит (НДА) на основе латиницы. В 1938 году было принято решение о переходе на алфавит на русской графической основе.

Неоднократно предлагалось упростить четырёхбуквенные сочетания для геминированных абруптивных аффрикат *цIцI* и *чIчI*. В декабре 1952 года на научной сессии Института ИЯЛ Дагестанского ФАН СССР [Муркелинский 1952], посвящённой вопросам орфографии, аварская секция предложила вместо *цIцI* и *чIчI* писать *ць* и *чь*, но вопрос так и не был решен. В 1993 году этот вопрос среди прочих опять обсуждался на конференции по проблемам нормализации письменных языков в ИЯЛИ ДНЦ РАН [Атаев 1992], где, в частности, в качестве альтернативных вариантов для этих букв предлагались *цII* и *чII*, *цъ* и *чъ* и некоторые другие, вплоть до введения латиницы.

Современный алфавит включает 46 букв и сочетаний знаков с буквами. Они применяются для передачи 50 звуков литературного языка. Десять фонем современного аварского языка *[цц],*

[цIцI], [сс], [хх], [чч], [чIчI], [лълъ], [лI], [кк], [кIкI] не имеют соответствующих знаков в алфавите. Буквосочетание *лI,* обычно используемое для передачи латеральной аффрикаты *[лI]*, в алфавите отсутствует и на письме не обозначается. Данная аффриката передается при помощи сочетаний *лъ, лълъ*.

Кроме букв, в алфавит включены и знаки ъ, ь, которые выполняют разные функции. Графема ъ («твердый знак») употребляется и как буква для обозначения ларингального смычного звука *[ъ]* и как составная часть диграфов.

Знак ь в отличие от ъ не может быть буквой.

В письме употребляется и знак *I*, который взят из латиницы (обозначает звук *[и]*). В аварской графике он используется для передачи спирантов *[гI], [хI],* абруптивных смычных *[тI], [кI],* абруптивных аффрикат *[цI], [чI], [кIкI], [чIчI], [цIцI]*.

Буква э употребляется во всех позициях слова как в исконных, так и заимствованных словах (*беэдизе* «ласкать», *баэ* «поцелуй» *повел.*). Написание ее в начальной позиции означает отсутствие *й (эбел* «мать», *эгъе* «пятка»; ср. *егизе [йэгизе]* «ложиться» (II гр. кл.). Буква *ё* в начале слова применяется для написания лишь заимствованных слов (напр. *ёлка),* в исконных словах в данной позиции ей соответствует сочетание *йо* (*йокьулей* «любимая», *йо* «эй» (обращение к женщине). В середине и в конце слова буква *ё* также пишется только в заимствованных словах, напр. *боёк, бельё* (в орфографии русского языка, как известно, буква *ё* пишется, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова, или, когда надо указать правильное произношение слова). В середине и в конце слова в исконной лексике сочетание *йо* не встречается. Буква *ю* пишется в исконной лексике в начале и в середине слова (*юссине* «вернуться», *гьаюна* «родилась»). В заимствованной из русского языка лексике данная буква пишется и в конце слова (напр. *ревю*). Буква *ы* используется только в неосвоенных заимствованиях из русского языка (напр. *лыжа)*.

Лабиализация обозначается при помощи буквы *в*, которая используется для передачи билабиального звука: квер [kwer] «рука». Лабиализованные согласные в алфавит не включаются.

Основной принцип письма – фонетический, где каждый отдельный звук обозначается буквой в основном или единственном ее звуковом значении. Это связано с тем, что гласные подвергаются только количественной редукции, звонкие согласные в пределах одной словоформы редко подвергаются оглушению перед глухими согласными, а глухие согласные перед звонкими не озвончаются. Глухие согласные намного превосходят по количеству звонкие (30 и 12 соответственно). Морфологический принцип заключается в том, что написание не соответствует произношению. Таких случаев в аварском языке в пределах одной словоформы мало. Можно говорить о том, что в формах *хъабчил [хъапчил]* (ср. *хъабарча* «тулуп»), *гъежда [гъещтIа]* (ср. *гъеж* «рука» (до кисти) и в некоторых других звонкие оглушаются перед глухими. Используется и условный принцип, предписывающий писать те или иные буквы по договоренности. Например, в конце двусложных слов, где ударение падает на первый слог, если есть сомнения написания *о/у*, то пишется *у* (*наку* «колено», *макьу* «сон», *нису* «творог», *гъеду* «ворона», *гIакълу* «ум», *пикру* «мысль»). В суффиксах эргатива вместо геминированных пишутся обычные согласные, напр. *васас [васасс]* «мальчик», «сын», *ясалъ [ясалълъ] «девочка», «дочь»*, *дица [дицца]* «я». Нельзя, видимо, говорить о традиционном принципе, так как нет долгой традиции кириллического письма.

Литература и источники:

1. Алибекова П.М. Дибир-кади из Хунзаха (Мухаммадшафи, сын Максуда-кади ал-Авари) // Вестник дагестанского научного центра. 2009. № 33. С. 72-79.
2. Атаев Б.М. Актуальные вопросы письменности дагестанских языков // Проблемы развития науки и высшего образования в Дагестане в условиях рыночной экономики: тезисы докл. и сообщ. к респ. научно-практич. конференции. Махачкала, 1992. С. 121-122.
3. Гамбашидзе Г.Г. О новом прочтении и датировке одной грузинской надписи из Дагестана // Междунар. науч. конф. «Археология (IV) и этнология (III) Кавказа»: сб. кратких содержаний докл. Тбилиси, 2002. С. 55-57.
4. Гудава Т.Е. Две надписи (грузинская и грузинско-аварская) из Дагестана // Материалы для истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1954. Вып. 30. С. 195–196. На груз. яз. Рез. рус.
5. Магометов А.А. П.К. Услар – исследователь дагестанских языков. Махачкала, 1979. 101 с.

6. Муркелинский Г.Б. Задачи нормализации дагестанских литературных языков // Даг. правда. 1952, 23 дек.

7. Саидов М.С. Возникновение письменности у аварцев // Языки Дагестана. Махачкала, 1948. Вып. I. С. 136-142.

8. Умаров А.Т. Алфавит и надписи кавказских албан. Махачкала, 2003.

9. Хапизов Ш. М. О грузинско-аварских надписях на каменных крестах//Вестник Дагестанского научного центра. 2014. № 54. С. 67-74.

10. Чикобава А.С. Грузинско-аварская надпись XIV в. Из Дагестана. Предварительное сообщение// Известия. Груз. филиала АН СССР. Тбилиси, 1940. Т.1, №4. С.321–327. На груз. яз. Рез. рус.

11. Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории // Культура и письменность Востока, М., 1928. Кн. I. С. 41 – 64.

Магомедов М.И.,
главный научный сотрудник Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук Российская Федераци, г. Махачкала

ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В Республике Дагестан тревожным симптомом неблагополучного положения с изучением дагестанских языков является постепенное уменьшение количества носителей родного языка. Одним из доступных средств изучения дагестанских языков и приобщения подрастающего поколения к этнокультурным традициям является фольклор. Произведения устного народного творчества позволяют активно использовать этнические традиции, формировать ценностные ориентиры и интерес к знаниям истории и культуры своего народа, к родному языку.

Ключевые слова. Фольклор, дагестанские языки, культура, традиции, духовное воспитание, нравственное возрождение.

Как известно, язык является инструментом сохранения и передачи следующим поколениям его духовного наследия. Грамотная и устойчивая языковая политика способствует стабилизации межнационального согласия в полиэтническом регионе, а также сохранению основы национальной культуры – языка.

Многоязычный Дагестан характеризуется функционированием 14 литературных языков (аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский и 18 бесписьменных языков (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, будухский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, крызский, тиндинский, удинский, хваршинский, хиналугский, цезский, чамалинский). Такое многоязычие создало в Дагестане такую ситуацию, когда билингвизм населения стал типичным явлением, а некоторые дагестанцы владеют тремя и даже более языками.

При реализации современной языковой политики наиболее насущной проблемой является правильное распределение функциональных ролей между русским и дагестанскими языками, которые по Конституции Республики Дагестан имеют одинаковый юридический статус.

Сейчас перед нашим обществом стоят задачи духовного, нравственного возрождения, которое невозможно осуществить, не усвоив культурно-исторический опыт народа, закрепленный в произведениях устного народного творчества.

Устное народное творчество занимает особое место в охране культурного наследия народа. В основе традиционного фольклора лежит многоуровневая непрерывная система образования, ориентированная на лучшие достижения народной культуры. Устное народное творчество формирует художественно-образное мышление у носителей данной культуры, вырабатывает языковые особенности, отражает специфику и эволюцию мировоззрения данного народа.

Фольклор, являясь неотъемлемой частью каждого народа, проявляется как в духовной форме, так и устно-поэтической. Разнообразные фольклорные обряды, обычаи, верования и жанры передавались из поколения в поколение на протяжении многих столетий.

Изучение фольклора, который в силу исторического развития для народов Дагестана является наиболее значительным элементом их духовной культуры, существенно расширяет знания детей об этнографии и истории родного народа, что, в свою очередь, способствует формированию национального самосознания [2, с. 195].

Образ жизни народа, его нравственные идеалы и душа наиболее ярко высвечиваются в фольклорных произведениях. Фольклорные произведения являются важнейшим источником развития гуманистической культуры, обогащения духовного багажа, поэтому изучение национальной культуры, выявление этнокультурных особенностей в художественном тексте в процессе литературного образования остается актуальнейшей проблемой языкознания, литературоведения и культурологии.

В настоящее время неизменно возрастает значение фольклора, который дает возможность наиболее полно раскрыть мудрость и красоту подлинно национальных традиций, которые связаны с такими общечеловеческими понятиями, как

честь, достоинство, патриотизм, любовь к труду, доблесть и т. д., так как одной из важнейших функций фольклора была духовная – воспитание человека, его нравственное совершенствование.

Формирование литературно образованной и эстетически развитой личности всегда связано с постижением национальной культуры, с изучением унаследованных от прошлого художественных традиций народа, которые воплотились в его фольклорной поэтике. Обращение к фольклорным традициям способствует формированию и развитию личности, ее творческой активности. Находясь в естественной речевой обстановке, ребенок без особого труда осваивает родной язык. Через фольклорные произведения ребенок не только овладевает родным языком, но и осваивает его красоту, приобщается к культуре своего народа, получает первые представления о ней.

Наиболее активным периодом освоения ребенком родного языка является дошкольный возраст. Свободное владение ребенком родным языком в этот период является необходимым условием решения задач нравственного, умственного и эстетического воспитания [1, с. 103]. Приобщение детей к фольклору решит не только проблемы обогащения речи дошкольников, но и позволит совершенствовать их внутренний мир и сделать его еще более духовным.

Устное народное творчество включает в себя большое количество жанров: колыбельные песни, частушки, сказки, пословицы и поговорки, которые являются неоценимым духовным богатством народа, громаднейшим пластом культуры, показателем способностей и таланта народа.

Необходимо отметить, что особую роль в нравственном воспитании детей играют сказки. В сказках народов Дагестана заключено богатое содержание и в отношении насыщенности художественной речи языковыми средствами выразительности (синонимами, антонимами, эпитетами, сравнениями и др.).

В пословицах и поговорках народов Дагестана также заложен значительный эстетический и нравственный потенциал. В них содержатся взгляды на природу, мир, общественное устройство, а главное – отношение народа к окружающей действительности и представление о своем месте на земле. Пословицы и поговорки являются особым видом фольклорной поэзии, который веками шлифовался и впитал в себя жизненный опыт многих поколений. Они очень емки по смыслу, хотя невелики по объему. Например: *Бекьарабгурони, бижулареб* «Что посеешь, то и пожнешь». *БихьичIоголъаларебила* «Если не увидел, то не узнаешь». *БоцIибалагьуге, гьудулвалагье* «Не ищи богатства, а ищи друга». *Сабру алжаналъул кIулила* «Терпение – ключ от рая». *ТIеренаб бакI бихьунила кварги тIолеб* «Где тонко, там и рвется». *ХатIа кколарев чи вукIунарев* «Все люди ошибаются». *ЦIаги лъимги гIадин рукIунге* «Не будьте, как вода и огонь» [3, с. 242].

Пословицы и поговорки следует шире использовать в нравственном, эстетическом воспитании детей, так как в них содержится много поучительного. В пословицах и поговорках образно описываются предметы, даются им яркие характеристики. Они учат умению творчески использовать слово и играют важную роль в формировании воображения детей.

Малые формы устного народного творчества *являются первыми художественными произведениями,* которые слышит ребенок: это не только радует ребенка, но и организовывает его поведение.

Фольклор играет огромную роль в воспитании у детей *интереса к родной речи.* Устное народное творчество помогает почувствовать красоту родного языка, развивает образность речи, оно имеет огромное воспитательное и познавательное значение, способствует развитию образного мышления, обогащает речь детей.

Фольклор занимает важное место в воспитании детей *дошкольного возраста*, так как именно в этом возрасте происходит наиболее интенсивное развитие личности. Основой этой связи является язык народа, его песни, музыка, впечатления, получаемые ребенком от природы родного края и быта людей.

Из всех других звуковых сигналов ребенок выделяет речь, оказывает ей предпочтение. Неоднократно повторяющиеся слова, простая рифма, эмоциональное обращение и восклицания невольно заставляют ребенка прислушаться, повторять слова. Повторяющиеся слова, словосочетания, их напевность создают музыкальный эффект, с помощью которого у ребенка развивается речевой слух, произношение звуков, поэтому очень важно с первых лет жизни приобщить детей к устному народному творчеству, традициям и к национальной культуре. Чтобы формировалась родная речь и языковая культура, необходима постоянно действующая языковая среда, так как дети постоянно должны слышать родную

речь. Для того чтобы дагестанские языки полноценно функционировали, они должны стать языками современной литературы, телевидения, фильмов, мультфильмов и интернета [4, с. 65].

Фольклор содержит в себе богатейшую информацию о родном языке. Сама специфика устного народного творчества как словесного искусства позволяет рассматривать такие вопросы, как этимология слова, происхождение языка, историческая изменяемость речевой культуры народа, особенности словообразования, фонетики, морфологиии синтаксиса.

В Институте языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН подготовлены к изданию «Своды памятников фольклора народов Дагестана» в 20 томах. Первые семь томов уже изданы. Уникальность этих фольклорных текстов заключается в том, что они изданы на дагестанских языках с переводом на русский язык.

Фольклор является носителем национального менталитета. Он помогает сохранить в памяти народа лексику, которая в силу различных причин потеряла актуальность в настоящее время, однако не утратила своего историко-культурного значения. Употребление такой лексики придает нашей письменной и устной речи национальный колорит, поэтическую выразительность и историческую глубину [5, с. 39].

Мы знаем, что язык – это динамичная и развивающаяся система. Лексический запас языка постоянно обновляется. К сожалению, язык все больше и больше вбирает в себя заимствованные слова. Чтобы приостановить этот процесс, необходимо постоянно обращаться к фольклору как к наиболее надежному пути сохранения родного языка. Кроме того, фольклор является незаменимым источником наших знаний по истории родного языка. Можно считать, что фольклор – это своеобразная лаборатория национальных языков, в котором они формируются.

Через фольклор дети не только овладевают родным языком, но приобщаются к культуре своего народа, получают первые представления о ней. Фольклор является благодатным и ничем не заменимым источником нравственного воспитания детей, так как в нём отражена вся реальная жизнь со счастьем и горем, злом и добром. Он дает прекрасные образцы литературного языка, способствует развитию мышления и воображения ребенка, обогащает его эмоции.

Литература и источники:

1. Магомедов Д.М. Проблемы преподавания родных языков в Республике Дагестан // Становление и развитие младописьменных языков. К 120-летию со дня рождения выдающегося языковеда, основоположника адыгейского языкознания Ашхамаф Дауда Алиевича. Материалы Международной научной конференции. (Майкоп, 21-23 июня 2017 г.). Майкоп, 2017. С. 101-104.

2. Магомедов М.И. Фольклорное наследие – духовное богатство народов Дагестана // Материалы Международного симпозиума «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». Тбилиси, 2012. С. 193-196.

3. Магомедов Д.М. Структурная характеристика пословиц и поговорок в аварском языке // Ногайцы: XXI век. История. Язык, Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции (г. Черкесск, 14-16 мая 2014 г.). Черкесск, 2014. С. 239-243.

4. Магомедов Д.М. Проблемы функционирования и развития государственных языков в Республике Дагестан // Государственные языки республик Северного Кавказа: вчера и сегодня. Материалы региональной научно-практической конференции (21-22 октября 2016 г.). Нальчик, 2016. С. 60-67.

5. Магомедов М.И. Современная языковая ситуация на Северном Кавказе в контексте проблем сохранения и развития фольклорного наследия // Героический эпос народов Кавказа. Материалы Международной научной конференции, посвященной Дню чеченского языка и памяти ученого-эпосоведа, Заслуженного деятеля науки Чеченской Республики У.Б. Далгат (г. Грозный, 27-29 апреля 2016 г.). Грозный, 2018. С. 34-41.

Маллаева З.М.,
главный научный сотрудник , дфн
ИЯЛИ ДФИЦ РАН,
профессор кафедры английской филологии
Дагестанский государственный университет
Россия, г. Махачкала
Халидова Р.Ш.,
зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе, дфн,
профессор
Дагестанский государственный педагогический университет
Россия, г. Махачкала

РОДНОЙ ЯЗЫК – СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ КУЛЬТУРЫ И ТРАДИЦИЙ ЭТНОСА

Аннотация: В статье рассматривается один из аспектов актуальной проблемы современности – сохранение национальных языков и культур, особенно языков и культур малочисленных народов. Поднимаются вопросы роли и места языка в сохранении этнокультурной идентичности. Под угрозой исчезновения находятся языки, которые не имеют письменности, не используются в системе образования, в административных органах, в средствах массовой информации. В качестве главного фактора исчезновения языка в статье рассматривается прерывание процесса передачи языка от поколения к поколению.

Ключевые слова: родной язык, этническая культура, угроза исчезновения.

Долгое время в лингвистических исследованиях основное внимание уделялось формальной структуре языка и его коммуникативной функции. Язык рассматривался преимущественно как средство общения. На определенном этапе накопления информации произошел сдвиг в сторону выявления места языка в процессе созидания культуры этноса – носителя языка. Стало очевидным, что квалификация языка только как средства общения оказалась недостаточной для уяснения его сущности. Нужен был иной подход к исследованию языка как компонента культуры этноса, поскольку язык неотделим от народа-носителя языка его истории и культуры. Язык играет огромную роль в выполнении функции системообразующего фактора в деле сохранения коммуникативного пространства этноса и его этнокультурной идентичности.

Осознание этого факта привело к зарождению относительно новых отраслей языкознания, таких как: этнолингвистика и лингвокультурология, которые исследуют язык, мышление и культуру в тесной взаимосвязи. Мысль о том, что язык – это не только средство общения, но и необходимое условие осуществления процесса мышления, была сформулирована еще задолго до появления этих отраслей языкознания В. фон Гумбольдтом, который рассматривал язык как орган, образующий мысль, а интеллектуальную деятельность и язык как единое целое [1, с. 75]. По мнению Вильгельма фон Гумбольдта язык не есть просто акт, но активность: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, с. 68]. Вопросы связи языка и культуры, отраженные в трудах В. фон Гумбольдта, нашли свое логическое продолжение и развитие в концепциях Э. Сепира и Б.Л. Уорфа, которые занимают важное место в философско-лингвистических исследованиях проблемы языка и культуры.

В условиях глобализации одной из острых проблем современности становится проблема сохранения национальных языков и культур и особенно языков и культур малочисленных народов. Особую актуальность эта проблема приобретает в Дагестане, поскольку здесь существует реальная угроза гибели бесписьменных языков, особенно тех, на которых говорят всего несколько тысяч или даже несколько сотен человек. В красную книгу ЮНЕСКО [5] занесены 25 дагестанских языков, которым грозит исчезновение.

Угроза исчезновения языка возникает не столько из-за малочисленности носителей языков, сколько из-за ограничения функций языка. Уязвимы в этом плане, прежде всего, языки, которые не имеют письменности, не используются в системе образования, в административных органах, в средствах массовой информации. Не

подвергая сомнению важность перечисленных выше и ряда других факторов, следует выделить главный фактор, позволяющий языку исчезнуть – это прерывание процесса передачи языка от поколения к поколению. Самым важным критерием является передача языка следующему поколению, когда его передача детям нарушается или прекращается, язык оказывается под угрозой исчезновения. Пока существует народная память, языки сохранятся и будут функционировать, даже если они функционально ограничены и ограничен ареал их распространения. Язык исчезает, если носители языка предпочтут такой вариант, который позволит ему умереть.

Передачу языка следующему поколению считают важнейшим фактором многие специалисты по исчезающим языкам, в том числе и эксперты ЮНЕСКО [4].

Дагестан – и это территория с таким сложным переплетением языков, что еще средневековые арабские географы назвали его не только страной гор, но и горой языков. Мнения языковедов о количестве дагестанских языков расходятся, невозможно подсчитать их точное количество, т.к. нет точно установленных критериев, позволяющих квалифицировать тот или иной идиом в качестве языка или диалекта. Так, даргинский язык, ныне именуется «группой даргинских языков», в которой сначала выделили 17 языков [2, с. 328-329], затем их число сократилось до 12-13 [3]. Идиомы, которые традиционно считались диалектами даргинского языка, теперь стали самостоятельными языками. Если исходить из таких же принципов, что и Ю.Б. Коряков и Н.Р. Сумбатова, то аварский язык также можно разделить на десяток языков, поскольку различия между говорами и диалектами южного наречия (особенно анцухского и закатальского) и диалектами северного наречия существенны. Вопрос в том, нужно ли это?

Озабоченность вызывает современная национально-языковая ситуация в Дагестане и по причине низведения социальных функций национальных языков до семейно-бытового уровня. И при такой ситуации Дагестан является единственным регионом в России, где до сих пор не принят Закон о языках.

На сегодняшний день в Дагестане одной из первоочередных задач является сохранение исчезающих языков. Если мы позволим исчезнуть даже самому малочисленному языку, то утратим культуру и традиции целого народа. Поскольку одно из самых эффективных средств сохранения и передачи наследия духовной и материальной культуры этноса – это его язык.

Исчезновение языков – это потеря не только для отдельных носителей языков и культур, но и для всего мирового культурного наследия.

Язык является важнейшим механизмом конструирования социальной, культурно-коммуникативной реальности и формирования этнической картины мира. Язык как знаковая память этносов, фиксирует, систематизирует, сохраняет и передает последующим поколениям накопленный в ходе исторического развития социокультурный опыт поколений.

К сожалению, лингвистическое дагестановедение не располагает еще сколь-нибудь серьезными исследованиями роли и места языка в сохранении этнокультурной идентичности и формировании национально-культурных образов мира. Необходимость исследования проблемы этнокультурной идентичности, приобретает особую актуальность, в том числе и по причине резкой активизации миграционных процессов. Проблема влияния языка на формирование сознания и восприятие действительности не получило к настоящему времени достаточно обоснованного философско-культурологического и научного осмысления. Сегодня, в условиях размывания национальных приоритетов, представляется очень важным системно-комплексное исследование этой проблемы.

В Дагестане делопроизводство осуществляется только на русском языке. Школьное и дошкольное образование строится главным образом на русском языке. Национальные языки в качестве языков начального обучения используются только в некоторых горских районах. До недавнего времени преподаванию этих языков в качестве предмета в городских школах национальных регионов не уделялось должного внимания. Можно сказать, что к национальным языкам родители учащихся всё ещё относятся как к помехе в получении своими детьми достойного образования.

Обучение детей исключительно русскому и английскому языкам обычно мотивируют желанием обеспечить им хорошие возможности образования и достижения успеха в обществе. Это, безусловно, так. Но это только «одна сторона медали». Есть еще и вторая сторона с противоположными результатами. Смена языка отчасти приводит к ослабеванию связи поколений, к от-

рыву от традиционного уклада жизни, и в целом, от всего сообщества. К потере цельности натуры, самодостаточности, к потере духовных и нравственных ценностей своего народа. В конечном итоге отказ от родного языке и безусловный приоритет русского или английского языка уменьшает возможности индивида управлять своей жизнью.

Вне всякого сомнения, русский и английский языки для носителей малочисленных языков – важнейшее средство приобщения к мировой цивилизации, науке и культуре. Для дагестанцев русский язык – это еще и средство межнационального общения.

Но мы живем в такое время, когда средства массовой (дез)информации открыто пропагандируют такие качества, как: жестокость, насилие, безнравственность, терроризм и экстремизм. Противостоять этой жестокости и безнравственности может только человек, владеющий родным языком и этнической культурой. Только тот способен противостоять злу и насилию современного жестокого мира, кто сохранил духовно-нравственные ценности своего народа. Поэтому одна из насущных задач лингвистического кавказоведения – это сохранение родных языков – средства трансляции культуры, истории, традиций народа и преемственности поколений.

Литература и источники:

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. / под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2000. 400 с.

2. Коряков Ю. Б., Сумбатова Н. Р. Даргинские языки // Большая российская энциклопедия. Том. 8. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2007. С. 328 – 329.

3. Коряков Ю. Б. Лексикостатистическая классификация даргинских языков. Доклад на московском семинаре по нахско-дагестанским языкам под руководством Н.Р. Сумбатовой, 30.10.2012. 2012

4. http://lingvarium.org/koryakov/works/Korjakov-2012-Dargwa_Doklad2.pdf

5. UNESCO Ad hoc expert group on endangered languages 2003: Language vitality and endangerment. http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/00120-EN.pdf

6. UNESCO Atlas of the world's languages in danger. http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/index.php.

Мамчуева Ф.О.,
старший научный сотрудник отдела литературы народов КЧР
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР»
Россия, г. Черкесск

ЯЗЫКОВЫЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ОХОТНИЧЬИХ ПЕСЕН

Аннотация: В статье предпринята попытка исследования карачаево-балкарских охотничьих песен. В результате исследования выявлены языковые и стилистические особенности охотничьих песен. Анализ языка и стилистики охотничьих песен, на наш взгляд, раскрывает их национальный колорит, эмоциональность, неповторимость и образность названного фольклорного жанра.

Ключевые слова: карачаево-балкарские охотничьи песни, языковые и стилистические особенности, национальный колорит, эмоциональность, неповторимость.

Охотничьи песни известны и популярны в культуре многих народов Северного Кавказа и являются одним из ярчайших жанров устного народного творчества карачаевцев и балкарцев. Следует отметить, что большая часть охотничьих песен была адресована богу покровителю диких животных Апсаты и его детям с просьбой об удачной охоте [6, 7]. Многие карачаево-балкарские охотничьи песни, такие как «Апсаты», «Песни об Апсаты», «Бийнёгер» насыщены различными языковыми и стилистическими выразительными средствами, обогащающими устное народное творчество карачаевцев и балкарцев. Эта мысль в своем исследовании «Образцы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии» была подтверждена В.М. Мокиенко: «Устное народное творчество насквозь пронизано устойчивыми формулами, стереотипными оборотами и сочетаниями, они подобны разноцветным камешкам, из которых складывается мозаика фольклорного целого» [11, с. 203].

Действительно, охотничьи песни «Апсаты», «Песни об Апсаты», «Бийнёгер» насыщены такими языковыми и стилистическим средствами, как **ассонанс** (повторение одинаковых гласных звуков): *а*джалынъ тюбесин *а*ллыма; *а*ны баласыды *а*лтын бешикли; *а*джалынъ тюбесин *а*ллыма; *а*ны бешик бауу *а*лтын билезик; *а*ны къарын джаууn *а*чдыргъын; дай оголенного оленя! *О*райда, душа! *О*стерегайтесь предрассветного сна. [1, 2, с. 19; 5, с. 247, 249; 4, с. 47]

Аллитерация (повторение одинаковых согласных звуков): *дж*угъутурну чынъылладан *дж*юздюргюн; *дж*угъутурну чынъылладан *дж*юздюргюн; *т*анъ болады, *дж*аным *дж*ашла, *т*уругъуз; *к*ёк *к*ъырдыкьда отлай, аны *б*аласыды алтын *б*ешикли; [1, с. 19]. Те же выразительные средства характерны и в другой песне этнографов Н. Урусбиева и Н.Тульчинского, они (песни) заслуживали особого внимания, так как они являлись первыми дореволюционными записями и публикациями и относились ко второй половине XIX века. Следует отметить, что песни «Импровизация охотника», «Охотничья песня». «Другой вариант» Н. Урусбиева и Н. Тульчинского и многие другие фольклорные произведения – самые распространенные охотничьи песни-обращения к Апсаты и его дочери Фатиме/Байдымат, примеры аллитерации: *п*оступь охотника *п*усть будет тверда; *п*ущенная им *п*уля *п*усть не сбивается; сбившаяся *п*уля *п*усть в *п*очки *п*опадет; о, дай в *л*ошадь величины ушастую *л*ань! И *к*абана с *к*лыками дай; [5, с. 246-247].

Сравнения и эпитеты: охотник подобен бесприютной собаке; дай в лошадь величины ушастую лань; жир живота его белее снега; подобен он курице желтого света; щедрый бог, жаждущие души, смертельное оружие, рогатый тур, удачный день, золотая душа, тоскливые чувства; большая похвала [5, с. 246-250]. Многие охотничьи песни архаичны. Это подтверждают тексты Н. Урусбиева и Н. Тульчинского. Они насыщены этнографическими реалиями горцев, в данном случае, речь идет о предметах быта, различных обрядах и традициях, и пище горцев [9]. Сама лексика доказывает это: Слово «Орайда» служит припевом многих горских песен; выражение «… наш рот наполнит она жиром» говорит о том, что излюбленной пищей карачаевцев и балкарцев была жирная пища – самое любимое угощение «сало турье и баранье», «тулук» – кожаный мешок («Дай бог такого, чтобы годен был для копчения, И шкура служила бы тулуком»; «таякчи» – палочник, эти атрибуты были только у состо-

ятельных горцев; «улоулар» – вьючные животные, лошади, ослы, мулы; «киржин» правильное звучание «гъыржын» – хлеб, изготовленный из ячменной муки; «фадан» – тонкие ремешки, служащие вместо дратвы или ниток для шитья; «чубур» (чуба) – корсет (деланный из кожи), носили девочки 10-12 лет, «чевяк-чувяк – вещи из кожи. «Фадан» выделывается из кожи тура, диких коз, оленей, и из кож домашних коз (комментарий Н. Тульчинского и Н. Урусбиева) [5, с. 246-252, 8]. В песнях «Апсаты» и «Импровизация охотника» наблюдается использование таких стилистических троп, как анафора, параллелизм и эпифора:

Аны къаласыды темир эшикли,
Аны баласыды алтын бешикли,
Аны бешик бауу алтын билезик [1, с. 19].

В другой песне «Импровизация охотника» ее главным сюжетным компонентом является просьба-обращение охотников к покровителю бога охоты Апсаты и его дочери Фатиме послать им богатую добычу и удачную охоту на благородного зверя. Использование анафоры делает текст живее, ярче, эмоциональнее:

Дай мне лежащего на белом снегу,
Дай мне дергающего белую отаву,
Дай мне, пока пастухи не улягутся,
Дай мне ходящих по самым вершинам,
Дай мне пребывающих в глубоких балках!
[5, с. 247]

Примеры эпифорических форм также характерны данному фольклорному тексту:

Убивающий пусть *убивает,*
Не убивающий пусть тоже *убивает*
И пусть отовсюду счастье несет!
[5, с. 247]

Тау текени къарантхасы джар *кибик,*
Аны къарын джаун ачдыргъын
бизге, къар *кибик.*
Къарт текени къолтукъ артындан
окъ *тийсин,*
Аязысын, арюу, чыммакъ кюн *тийсин*
[4, с. 47]

Данные стилистические тропы придают песням особую выразительность, красочность и неповторимость, выделяя значимые моменты фольклорных текстов.

Стилистика охотничьих песен живописна, эмоциональна, ритмична. Лексика песен «…наступит ясный день», «Орайда! Путь дождь пройдет и солнышко проглянет», и «пусть отовсюду счастье несет» [4, с. 47; 5, с. 247, 249] придают текстам особую чувствительность и приподнятое настроение.

Такая же уникальность, самобытность, фоника, присуща архаичной охотничьей песне «Песня, идущих на зубра». Легкость, яркость песни придает наличие в ней различных языковых и стилистических троп, таких как эпитеты, сравнения, повторы, круглые глаза, зеленая трава, черный ворон, злющие стервятники, доммай, доммай, доммай; анафора, эпифора – доммай, ойнай, къоймайла, ойнайла.

«Доммай, доммай, доммай.
Доммай-сыртда ойнай!
Доммай, доммай, доммай,
Токъ кёзлери ойнай!
Доммай, доммай, доммай,
Кёк къырдыкьда отлай!
Токъ кёзлерин жандыра,
Тёгерекни къоркъута!
Къобанладан ётербиз,
Доммай-сыртха жетербиз!
Аман къушла къоймайла,
Башыбызда ойнайла!
Къара къузгъун ойнасын,
Бизге палах къоймасын!»
[3, с. 44]

Зубр, зубр, зубр.
На Доммай сырте резвится!
Зубр, зубр, зубр,
Круглые глаза его сверкают!
Зубр, зубр, зубр.
На зеленой траве пасется!
Круглые глаза вытаращив,
Всю округу он пугает!
Луки (свои) готовим,
На зубра идем!
Бурные реки перейдем,
До Доммай сырта дойдем!
Злющие стервятники покоя нам не дают,
Над нашими головами кружатся!
Пусть черный ворон (над нами) летает,
К нам беду не подпускает!

Первой части песни свойственна описательность и повествовательность. Дано описание животного в движении – «вытаращив глаза», «пугает», «глаза сверкают»). В другом варианте этой песни – «Песня нартских охотников на зубра», взятой из карачаево-балкарского эпоса «Нарты» дана характеристика охотников – смелость, уверенность, способность преодолеть тяжелую и непроходимую дорогу и вернуться с богатой добычей [10].

Нарт Ёрюзмек – наш предводитель,
ойра, рирара ой!
Его смелое сердце [и в нашей] крови,
Ойра, рирара ой!
[Мы такие же] гордые, ка и он,

ойра, рирара ой!
До снежных гор мы доскачем,
Ойра, рирара ой!
Зубров, убив, мы привезем,
Ойра, рирара ой! [12, с. 586]

Только благословение Апсаты и Элии позволяет охотнику свободно охотиться на дичь. Никто не смел без его разрешения вступить на охотничью дорогу. / Элия пусть будет силу нам дающий, Ойра, рирара ой! / [12, с. 586] Многократное повторение слова «зубр» связано с мотивом заклинаний предмета охоты. Кроме того, постоянные повторы эпитета «круглые глаза» зубра говорят об охоте как об опасном виде деятельности.

Последней части песни свойственна умилостивительная магия. В ней охотники поют хвалебные песни в честь Апсаты, прося у него удачной охоты и щедрой добычи: / Апсаты стал на защиту, в лес не пускает. И ни один охотник зубра не свежует (не может добыть). У Белобородого жирного зубра просим, Белобородого больше своей жизни любим /. Имя божества в песне вообще не упоминается, что говорит об архаичности произведения. Белые одежды, длинная белая борода и посох в руке говорит о возрастном статусе языческого божества Апсаты.

Охотничья поэзия – важнейший пласт древней песенной культуры карачаевцев и балкарцев. Именно поэтому необходимо глубже проникнуть в суть особенностей охотничьих песен, способствующим детальному анализу языковых и стилистических средств данного жанра.

Таким образом, выявленные стилистические и языковые особенности охотничьих песен придают им яркость, выразительность, благозвучие и эмоциональность, уникальность и неповторимость.

Литература и источники:

1. Старинные народные песни карачаевцев и балкарцев / Составитель М.А. Дудов., Х.О. Лайпанов/ на карачаевском языке. Черкесск. Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. 94 с.
2. Антология карачаевской поэзии / Сост. М. О. Акбаев, Х. Б. Байрамукова и Н. М. Кагиева. – Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во., 1965. 424 с.
3. Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. 1. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 432 с.
4. Карачаевские народные песни / Составители С.А. Гочияева, Р.А.-К. Ортабаева, Х.И. Суюнчев / На карачаевском языке. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. 277 с.
5. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. /Составление, вступительная статья н комментарии А. И. Алиевой / Нальчик.: Эльбрус, 1983. 433с.
6. Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик.: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 1996. 273 с.
7. Малкондуев Х.Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI-XIX веков. Часть 1. Нальчик.: ЭЛЬ-ФА., 2000. 320 с.
8. Мамчуева Ф.О. Карачаево-балкарская охотничья поэзия в этнографических трудах Н. Урусбиева и Н. Тульчинского (вторая половина XIX века) // Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Софьи Магомедовны Акачиевой. Карачаевск.: КЧГУ, 2018. С.187-193.
9. Мамчуева Ф.О. Карачаево-балкарские охотничьи песни: классификация, сюжетность, общие и отличительные особенности // Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием «Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития». Черкесск-Карачаевск, 2019. С.262-268.
10. Мамчуева Ф. О. Сюжетика охотничьих песен в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» // Материалы V Международной научной конференции «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации»: Сборник научных трудов / СОИГСИ им. В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН. Вып. V. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. С.68-79.
11. Мокиенко В.М. Образцы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 277 с.
12. Нарты Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература». 1994. 656 с.

Муртазалиев А.М.,
заведующий отделом литературы
Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН
Российская Федерация, Махачкала

СРАЖЕНИЕ ЗА АХУЛЬГО И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ В АВАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности художественного воплощения темы Ахульго в аварской героико-исторической литературе, ее поэтической интерпретации в авторских произведениях. Традиции освоения исследуемой темы закладывались еще во второй половине XIX века и в дальнейшем продолжили развиваться и обогащаться в произведениях фольклора, в устной и письменной литературе аварцев.

Ключевые слова: Ахульго, аварская литература, художественное отражение, Кавказская война, плач, элегия, летопись, жанр, поэма, оборона, повествование, подвиг.

Сражение за Ахульго, которому в 2019 году исполнилось 180 лет, бесспорно является самым знаковым событием в истории Кавказской войны, в истории народов Дагестана и Северного Кавказа в первой половине XIX века. С момента происшествия и в дальнейшем данный факт осмысливается философами, историками, политологами, деятелями художественной культуры. Вместе с исторической летописью на его основе продолжает создаваться и его художественная интерпретация.

Литературная летопись Кавказской войны создавалась представителями разных стран и народов, разных поколений, в различных родах и жанрах искусства. Естественно, эта тема была и остается сквозной и в художественной культуре народов Дагестана, в первую очередь, в аварском словесном искусстве, в фольклоре, в устной и письменной литературе. Особое место в этой тематике занимает изображение битвы за Ахульго, которая в отличие от общей темы Кавказской войны, нашла свое отражение в основном в аварской литературе, хотя, как известно, в обороне Ахульго принимали участие и представители других народов. Ни в литературах других народов Дагестана, а тем более в литературах народов Северного Кавказа эта тема так и не нашла свое отражение. Причина здесь кроется в том, что происходившие во внутреннем Дагестане, в Аварии, события лета 1839 года, где основной движущей силой было местное, аварское население, носили исключительно локальный характер. В силу этого, а также по другим обстоятельствам, информация об этом сражении не была доступна остальной части населения тогдашнего Дагестана и Кавказа. И, как следствие этого – данный исторический факт не стал национальной трагедией других народов, не нашел своего художественного отражения в их памяти.

К освоению темы Ахульго аварская литература обратилась еще во второй XIX веке, буквально в первые же годы после окончания Кавказской войны. Это событие нашло отражение также в фольклоре аварцев: в поэтических произведениях, народных преданиях, рассказах, афористических жанрах. Но основная масса произведений, посвященных Ахульго – это устная и письменная литература аварцев, это конкретные авторские произведения. Получившая свою реализацию в произведениях, созданных во второй половине XIX века, тема Ахульго и по сей день остается одной из знаковых проблем аварской героико-исторической литературы.

В связи с этим следует отметить, что традиции отражения темы Ахульго в аварской художественной прозе, в отличие от поэзии и хроникальной литературы, стали закладываться лишь в последние годы нынешнего столетия. Заслуга в этом принадлежит писателю Магомеднаби Ибрагимову, автору первого прозаического произведения – исторической повести «Последняя могила на Ахульго» («АхIулгохIалда ахирисеб хоб»), посвященная известному эпизоду Кавказской войны. Отсюда следует вывод, что тема Ахульго продолжает оставаться прерогативой аварской поэзии, где она отражена в произведениях разного жанра, в первую очередь, в крупных стихотворных формах и поэмах.

Говоря об Ахульго в аварской литературе, необходимо отметить, что первым исследователем темы Кавказской войны, в том числе и Ахульго, в

художественной литературе народов Дагестана, является известный дагестанский литературовед, профессор С.М. Хайбуллаев. Итогом его многолетних филологических и исторических изысканий стал фундаментальный труд – «Поэтическая летопись Кавказской войны» на русском и аварском языках, изданный в 2005 году.

В аварской народной поэзии и в письменной литературе существуют отдельные сочинения, целиком посвященные судьбе укрепления. Это: три народные песни под одним и тем же названием «Ахульго»; произведение Мухамада из Гергебиля «Взятие Ахульго»; Чупалава из Игали «Сражение на Ахульго», Мухамад-Тагира из Телетля «Когда оставляли Ахульго», Гаджи Газимирзаева из Батлаича «Ахульго». Эта тема также разработана в поэмах Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Машидат Гаирбековой, Мухамада Исаева и других авторов. Да и трудно назвать имя современного аварского поэта, который в той или иной мере не обратился бы к этой проблеме, не раскрыл бы ее в определенной степени полноты.

Самостоятельной сюжетной линией события на Ахульго представлены в произведениях Аминатил Мухамада из Гимры «Судьба Шамиля», Муртазали-хаджиява из Ахальчи «Рассказ о газавате», Курбана из Инхело «Шамилю», Чупалава из Игали «Дагестан», Гамзата Цадасы «Шамиль». Эти масштабные повествования, в которых содержится общая картина хода борьбы, и подвиг Ахульго в них представлен как одна из ярких и непревзойденных ее страниц.

В своем повествовании «Блеск дагестанских шашек в некоторых войнах Шамиля» Мухамад-Тахир ал-Карахи посвятил событиям на Ахульго лишь четырнадцать страниц. Подытоживая сказанное, он делает обобщение: «Все это – краткое резюме того, что произошло на Ахульго. Подробное же изложение тех событий составило бы толстую книгу, от чтения которой горели бы сердца, а глаза стали бы влажными» [3, с.83].

Художественная летопись о событиях на Ахульго ставит эту задачу в более широком масштабе: воссоздать и воспроизвести полную картину событий тех лет и наполнить сердца потомков тех героев чувством гордости за их подвиги и горечи по поводу гибели в этом сражении лучших сынов народа. Это с одной стороны ода храбрости и мужеству, свободолюбию, патриотизму, с другой стороны – это реквием по погибшим героям, дань их памяти.

В этих плачах, элегиях поименно названы рядовые бойцы, наибы, удивившие мир своим беспримерным подвигом. В своем стихотворении «Рассказ о газавате» известный богослов и поэт Муртазали из Ахальчи поименно называет героев Ахульго, на плечи которых пали все тяготы боев, и они их достойно выдержали: Ахбердил Мухамад, Хириясул Алибек, Сурхай из Коло, Малачи из Ашильта, Балал Мухамад из Ирганая, Бусаилав из Тинди, Бартихан и Хусейн из Гимры, Хусейн из Орота, Омар из Согратля, Муртазали из Оркачи. Каждый из них является воплощением массового героизма, проявленного защитниками Ахульго.

Аминатил Мухамад из Гимры в стихотворении «Повесть о Шамиле», называя и характеризуя крупные сражения в Гимры, Телетле, Гергебиле, особенно выделяет события на Ахульго, как крупномасштабные, кровопролитные, жестокие и беспощадные. Автор точно описывает накал боев и состояние защитников укрепления:

Жаниб вабаъ баккана, тIад топил рагъ букIана,
Тушманзаби гъуридал, гохIго бица белъана.
Ракьулъ гундулги рахъун, кьурулъ сангарги гьабун,
Ракъи-къечейги хIехьон, къойил рагъда рукIана.
ЧIварал росал, вацазул чухъби ретIун, тIагърал лъун,
Бихьиназда гъорлъ лъугьун, рагъулаан руччаби [4, с. 73].

Внутри холера появилась, наверху была пушечная война,
После разгрома врага холм был окрашен кровью.
Закопавшись в землю, в скалах укрывшись,
Терпя голод и жажду, сражались каждый день.
Переодевшись в черкески убитых мужей и братьев,
Надев их папахи, вместе с мужчинами воевали и женщины.

Многие аварские поэты, авторы произведений о сражении за Ахульго, создают картины боев, имевших место до этих событий и после них, до завершения борьбы, чтобы подчеркнуть масштаб, размах, напряженность сражений за Ахульго. Они возвышаются над всем тем, что пришлось видеть и слышать горцам, как горы над равнинами. Это был высочайший пик борьбы.

Давая оценку сражению за Ахульго и на нем, автор XIX века Хайдарбег Геничутлинский пишет: «Битва при Ахульго – это великая битва, по-

добной которой не было в веках! Многие благочестивые и добрые мужи приобрели там вечное блаженство» [2, с. 83].

Последовательный летописец народно-освободительной борьбы, ее активный участник и знаток событий Мухамадбег из Гергебиля всю свою сознательную жизнь посвятил воспеванию подвигов ее участников. Нет ни одной его исторической песни, где бы он в определенной мере не коснулся, не осветил событий, произошедших на Ахульго. Этой теме он посвятил и два произведения под этим же названием.

Поддерживая причину пристального внимания царских войск к этому природному укреплению, их стремление захватить и укрепиться на нем, поэт осознает стратегическое и тактическое значение Ахульго как центрального узла военных укреплений имама:

АхIулгохI щула гьабун, Шамил жанив чIанани,
Багвал, чIамал рекъела, тIехIнуцаллъи цолъила,
Гъойсугун гъуялъул бо Шамилиде буссина,
Бурандиб бо чIеларо, Шураб-хъала теларо,
Зирaниса сухари Хунзахъе баччиларо [4, с. 34].

Если укрепив Ахульго, Шамиль расположится там,
Его поддержат багвалинцы, чамалалы, объединятся технуцалы,
На сторону Шамиля перейдет войско койсубулинцев.
Не останется солдат в Бурундуке, не будет покоя Шуре,
Не доставят из Зирани сухари в Хунзах.

Поэт перечисляет имена славных защитников Ахульго, проклинает национал-предателей: Биякая, который донес врагам о состоянии защитников крепости, Омардибира, который после захвата Ахульго показывал врагам пещеры, где спрятались раненые женщины и дети. В стихотворении Мухамадбега наряду с подвигом сосуществуют подлость и трусость, наряду со славой и позор. Тем оно ценнее, ибо раскрывает суровую правду войны.

В области художественного отражения Кавказской войны плодотворно творил Чупалав из Игали, посвятивший ей талантливые произведения. Как пишет профессор С.М. Хайбуллаев, этот автор был «большой мастер передавать мир человеческих чувств и переживаний. Для своих произведений он находит самые трогательные слова, способные запасть в душу читателя, вызвать у него соответствующий отклик и настроение. Произведения его о битвах газавата написаны кровью сердца» [5, с. 322].

Теме Ахульго Чупалав посвятил одноименное произведение. Свое поэтическое повествование автор начинает с той высокой оценки, которую заслужил имам Шамиль за свои ратные подвиги и полководческий талант у правителей и народов Египта, Сирии, других стран, шейхов и жителей священных городов Мекка и Медина. В качестве причины такой высокой оценки он называет сражение на Ахульго, в котором в полной мере проявились его личные качества, которое затмило славу сражений мусульман с иноверцами прежних времен. Поэт создает живописную картину накала боев за укрепление:

Хвалчаца гъуждул гъурун, харица михъал чIурхIун,
Харил кIкIуй чIван, чIегIерлъун, гьурмазул кьерал хисун,
Улбузда лъимал къосун, къиямасеб къо чIана.
БецIаб накIкIилъан балеб ризаб чвахунцIад гIадин,
Лъабго моцIрол гьумералъ гуллил цIадакь рукIана [4, с. 38].

Руки опухли от рубки саблей, усы обожжены порохом,
Цвет лица изменился от дыма и гари,
Родители не узнали своих детей; наступил Судный день.
Словно проливной дождь, льющийся из-за темных туч,
В течение трех месяцев были под свинцовым дождем.

В эти тяжелые дни, чтобы укрепить волю бойцов, Шамиль разъясняет им, какие райские блага ждут их на том свете. Они предстанут перед Всевышним в своей изодранной одежде с кровоточащими ранами и каждый из них и его родственники получат заслуженные ими райские блага. Но мюриды попросят, чтобы им позволили брать с собой в рай и тех, кто морально и материально поддерживал их в этой тяжелой схватке. И они получат разрешение на это. Автор выделяет слова имама:

Валллагь, дунги хвелаан, хъизанги цебе гьабун,
ХIабибасул шаргIалъе нух чIунтилин хIинкъула

[4, с. 39].
Ей Богу, и я бы умер, вместе со свою семью,
Боюсь, что разрушится путь для шариата Хабиба.

Венцом произведений, посвященных героической обороне Ахульго, является стихотворение Хаджиясул Мухамада «Посвящение Ахульго». В сжатом поэтическом произведении последовательно излагается цепь событий от их начала и до завершения. И это не голое изложение событий и фактов, а взволнованное отношение и оценка их, выраженные патриотом края, человеком, любящим историю своей родины, стремящегося сохранить ее для последующих поколений.

Рагъул къуват дагьлъидал, росаби чучун ккедал,
Чара хварав имамас ГIашилтIе нух бахъана.
Рагъулъ таваккал бугеб гъазаваталъул агьлу –
ГIещдерил жамагIатгун пазлу дандбазе абун [1, с.89].

Когда истощились военные силы, ослабли аулы,
Беспомощный имам прорвался в Ашильту.
В бою решительное общество газавата –
С ашительским джамаатом чтобы посоветоваться.

Образно, но достоверно точно переданы поэтом результаты первых штурмов. Каждый камень, каждый бугорок, каждая расселина, каждый клочок земли Ахульго встречали наступающих градом пуль, бревен, камней, комьев каменистой земли. На скатах Сурхаевой башни, в Ашильтинском каньоне, на подступах к Ахульго лежали штабеля убитых русских солдат, потери были многочисленны.

Хаджиясул Мухамад перечисляет имена героев, которые сражались с врагом до последнего вздоха: Балал Мухамад, Хириясул Алибек, Муртазали из Оркачи, Короткий Омар из Согратля, Алихан, защитники Сурхаевой башни.

Дав последний бой врагу и, покидая Ахульго, Шамиль обращается со словами благодарности как к укреплению, которое в стихотворении сравнивается со Стамбулом, так и к его защитникам:

Баркала нужей гохIал, гохI цIурал гъазизаби,
Баркала, гIешдерил ракь, имамасул Истамбул.
Къо-мех лъикI нужей, гьанже таралин нуж нижеца,
Ццидал цIурал ракIалгун, роцIцIол цIурал ругъналгун. [1, с.93].

Спасибо вам, холмы, газиям спасибо, лежащим на них,
Спасибо земле ашильтинской – Стамбулу имама!
До свидания вам, теперь мы покидаем вас
С сердцами, полными злобы, с гнойными ранами.

Раны излечились, злоба вылилась в победы в последующих сражениях. Как бы они ни были громки, они не могли затмить героизм защитников Ахульго, их стойкость и мужество. Жизнь показала, что трагическая история Ахульго глубоко и крепко сидит в памяти аварского народа, напоминая ему о его славном героическом прошлом, о жертвах, принесенных его предками во славу родины, свободы и достойной жизни. В свою очередь аварская литература, как вид национального искусства, постоянно держит в поле своего зрения эту знаковую проблему, находясь в активном поиске путей и средств ее дальнейшего эстетического освоения в своем художественном слове.

Литература и источники:

1. Батулил Мухамад. Шамиль на Ахульго. Махачкала,1997. На авар.яз. 163 с.
2. Геничутлинский Х. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992. 176 с.
3. Мухамад-Тахир ал-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. 1. Махачкала, 1990. 148 с.
4. Поэзия газавата / сост. С. Хайбуллаев. Махачкала, 1997. 256 с. На авар.яз.
5. Хайбуллаев С.М. Поэтическая летопись Кавказской войны. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2005. 476 с.

Третьякова Е.Ю.,
доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева
Российская Федерация, г. Краснодар

НЕСТАРЕЮЩИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация: В объективе статьи – вопрос об эволюции художественного контекста, в котором воспринималась повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» современниками XX - начала XXI в. В круг рассмотрения включены: материалы о театральных постановках по мотивам этой кавказской повести, осуществленных в период с 1934 по 2019 г.; история экранизаций; наиболее яркие образцы книжной графики, выполненные лучшими иллюстраторами повести (Е.Е. Лансере, Г.-М. Даурбеков, А.Е. Глуховцев). Автор приходит к выводу о том, что эпическое наследие литературы и искусства в целом содержит в себе источник урегулирования самых сложных, неоднозначных и противоречивых процессов жизни.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, кавказские повести, экранизация литературных произведений, «Хаджи-Мурат» на театральной сцене, книжная иллюстрация, Е.Е. Лансере, Г.-М. Даурбеков, А.Е. Глуховцев.

Зимой нынешнего года Русский государственный музыкально-драматический театр Ингушетии представил зрителям премьеру спектакля по мотивам повести Льва Николаевича Толстого «Хаджи-Мурат». Тема, подчеркнул главный режиссер театра нар. артист Ингушетии Ахмет Льянов, выбрана неслучайно: «Меня давно интересовал исторический персонаж – Хаджи-Мурат, как равно и само произведение, по признанию писателя Льва Толстого, одно из лучших его сочинений. К тому же оно входит в школьную программу, а дети, как правило, не любят читать. Может, просмотр вовлечет их в процесс познания полувековой истории Кавказа, показанной через призму судьбы главного героя, даст им повод для размышлений о смысле жизни» [5].

Воплощенный на сцене творческий замысел устремлен к высшему уровню философских взглядов на жизнь. Ориентир на такой уровень дает повод оценить современные театральные постановки «Хаджи-Мурата» как определенный шаг в эволюции художественного контекста, в котором наши современники подходят к освоению этой кавказской повести – любимого детища позднего Толстого.

Выявляя этапы эволюции этого контекста в период, равняющийся примерно столетию (начало XX – начало XXI вв.), можно убедиться в том, что смысл повести «Хаджи-Мурат» как итогового высказывания мудрого, прожившего большую жизнь человека о тотальной пагубности войн, более полно отражен в работах литературоведов и искусствоведов советского [3, 10, 11 и др.], нежели постсоветского времени, когда его заслонили изучением отдельных аспектов – гендерных [4], экологических [6], этнопсихологических [1, 12 и др.]. Полагая актуальным и важным преодолевать раздробленность, усиливая стержневые моменты культурного восприятия, мы поставили задачей проследить на материале экранизаций, театральных постановок, произведений изобразительного искусства (особенно – книжной иллюстрации) и обобщить изменения контекста, в котором современники XX – начала XXI столетий осваивали повесть «Хаджи-Мурат», замечательный феномен наследия великого эпика.

Все знают о переломе в мировоззрении великого писателя, случившемся в 1880-е гг., когда Лев Николаевич в корне пересмотрел свои прежние взгляды на задачи искусства и решительно отрекся от «сочинительства». Известно и то, что событийная канва поздних его произведений, таких как роман «Воскресение» или повесть «Хаджи-Мурат», опиралась не на вымыслы, а на достоверные факты.

Толстому было 25 лет, когда он услышал о Хаджи-Мурате. Это отмечено в начале повести: мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, говорит автор, «часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе. История эта, так, как она сложилась в моем воспоминании и воображении, вот какая» [9, с. 114]. Впечатления давней поездки на Кавказ (1851–1852 гг.), к брату в действующую армию всплыли в сознании писателя десятки лет спустя.

Работа над замыслом длилась около восьми лет, с 1896 по 1904 г. Издать это произведение при жизни Толстой не стремился. Познакомиться с повестью читатели смогли лишь в посмертном томе сочинений (1912), где она была помещена не целиком, а с цензурными изъятиями. Полный текст напечатан в Берлине (1912), в России – только после Февральской революции (1917).

Что касается театральных воплощений повести, их история началась в 1934 г., то есть четырьмя годами позже первой экранизации, осуществленной режиссером Александром Волковым на немецкой киностудии. Роль Хаджи-Мурата в ленте под интригующим названием «Белый дьявол» («Der weiße Teufel», 1930) исполнил легендарный актер немого кино Иван Мозжухин. А путь на театральные подмостки был впервые проложен благодаря пьесе, исполненной на кумыкском языке, – спектаклю «Хаджи-Мурат», поставленному в 1934 г. силами труппы Кумыкского театра, которая работала в 1930-х – начале 1940-х гг. в Буйнакске. Главную роль тогда сыграл Амир Курбанов, сценарий постановки с переводом фраз на кумыкский язык подготовил Темир Булатов.

Есть нечто символическое в том факте, что герои повести заговорили по-кумыкски, ведь и сам Толстой умел изъясняться на этом языке (в середине XIX столетия кумыкское наречие именовали татарским). В письме Льва Николаевича к брату Сергею от 23 декабря 1851 г. читаем: «По Цыгански я совсем забыл, потому что выучился по Татарски (но лучше чем я говорил по Цыгански), так что я сначала, говоря по Татар[ски], дополнял фразы Цыганскими словами, а теперь, встретив Цыганку здесь, заговорил с ней по Татарски» [8]. Из дневниковых записок молодого Льва Николаевича, относящихся к периоду, когда он, прибыв на Кавказ, ожидал документов для определения в юнкера (тетрадь за март – май 1951 г.), известно, что учителем был его однолетка, молодой казак Лука Сехин по прозвищу Марка, и что Марка попросил вместо платы за обучение походный самовар. Имя Лукашка встречаем в повести «Казаки» (1862), отразившей многие автобиографические моменты пребывания Льва Толстого на Кавказе среди гребенских казаков.

После немого фильма «Белый дьявол» (1830) попытки экранизировать знаменитую повесть делались в самых разных странах. Итальянско-Югославский фильм «Agi Murad il diavolo bianco» (1959, реж. Рикардо Фреда, в гл. роли Стив Ривз) фактически продублировал название киноленты 1930 г. В 1968 снят фильм в Турции (исполнитель главной роли Гюнейт Аркин). Из советских кинорежиссеров идею экранизации вынашивал Георгий Данелия (сценарий был написан Расулом Гамзатовым), но в 1966 г. картину сняли с производства. На рукописи отвергнутого сценария разочарованные политикой чиновников Госкино авторы оставили стихотворную надпись:

Лихой наиб, в отчаянном бою,
Давно срубили голову твою.
Покоится близ отчего предела
В могиле обезглавленное тело.
Но почему, хоть ты погиб давно,
Тебя еще боится Госкино?

Не увенчались успехом и попытки Владимира Огнева, который тоже предлагал в 1966–1970 гг. поставить фильм (по своему сценарию) в России или в Югославии. И вот совсем недавно (2017) за экранизацию «Хаджи-Мурата» взялся отечественный кинорежиссер Вадим Дубровицкий.

Театральная линия не возобновлялась после 1934 г. в течение многих десятилетий, хотя композиторы проявляли большой интерес к «Казакам» и «Хаджи-Мурату».[1] И вот в 2010-х мы стали свидетелями мощного всплеска интереса – устойчивого, пристального, неравнодушного внимания к сюжету знаменитой кавказской повести Толстого.

Можно было сказать: одна ласточка весны не делает, когда засл. артист России Михаил Морозов создал и показал в БДТ им Г.А. Товстоногова свой моноспектакль по «Хаджи-Мурату» (2012). Однако вскоре одна за другой появилось еще не-

[1] В 1991 г. дагестанский композитор Ширвани Чалаев создал оперу «Хаджи-Мурат» (премьера в 2003) на либретто В. Дубровского. Опера «Казаки» на либретто, в написании которого наряду с самим композитором участвовали Р. Сац, В. Рябов, создана Ш.Р. Чалаевым в 2008 г. по заказу Омского оперного театра. В ознаменование Года литературы (2015) и 185-летия со дня рождения Л.Н. Толстого эту оперу показал в разных городах страны Нижегородский Государственный академический театр оперы и балета им. А.С. Пушкина (реж. Илья Можайский, художник-постановщик засл. художник России Станислав Фесько). Оперу «Казаки» на сюжет повести Л.Н. Толстого написал и композитор Леонид Клиничев. Премьера прошла в июле 2016 г. в концертном зале Мариинского оперного театра (Санкт-Петербург) в рамках XXIV музыкального фестиваля «Звезды белых ночей». Ограничимся этими двумя примерами, хотя они не исчерпывают весь ряд музыкальных интерпретаций.

сколько сценических версий, поставленных несколькими театральными коллективами Кавказа. В 2014 г. состоялась постановка в Аварском театре им. Г. Цадасы (Махачкала); в 2015-м в Тбилисском академическом театре им. К. Марджанишвили; в 2016-м в Азербайджанском государственном академическом национальном драматическом театре (Баку); в декабре 2018 г. прошла премьера «Хаджи-Мурата» в Государственном русском театре драмы им. Ф.А. Искандера (Респ. Абхазия, г. Сухум, реж. Адгур Кове, художник Батал Джапуа). После премьерных показов в Сухуме этот спектакль был включен в программу XIV Международного фестиваля русских драматических театров «Соотечественники» и в рамках событий Года театра с инсценировкой гениального произведения в 2019 г. познакомились зрители городов Центральной России (Саранск, Киров и др.).

Февральская 2019 г. премьера «Хаджи-Мурата» в Русском музыкально-драматическом театре Ингушетии (Назрань) снова со всей убедительностью подтвердила интерес к повести Л.Н. Толстого как нестареющему источнику, первостепенно важному для осмысления событий. Скажем словами режиссера этой постановки Ахмета Льянова: «Нам близка тема Кавказской войны… она затронула судьбы всех кавказских народов» [5].

Оформление спектакля Назранского музыкально-драматического театра подготовлено талантливым коллективом художников (Заира Досхоева, Айшат Мальсагова, Мухажир Дзауров).

По замыслу режиссера-постановщика, функции повествователя отданы самому Хаджи-Мурату – в начале и в конце спектакля оживает его «голова» и «разговаривает» со зрителями. Такая возможность прямого высказывания, по мнению рецензентов, насытила философскую линию сюжета эмоциональностью и публицистичностью, вовлекла зал в разворачивающееся на глазах зрителей театральное действие. Суть поставленной задачи подчеркнул и сам Ахмет Льянов: следует «поднять и показать огромный пласт кавказской истории, не нарушая посыла автора, через трагизм судьбы Хаджи-Мурата» [5]. Побывавшим на премьере зрителям это показалось верным: «ингуши всегда умели подметить в личности вот эту черту – мужественность и достоинство…». Доктор ист. наук Зейнеп Дзарахова напомнила о том, что в 1930-х произведение было переведено на латинской графике на ингушский язык: «Рисунки и образы в этой книге, которая хранится сегодня в московской библиотеке, были сделаны гениальным художником Гази-Магомедом Даурбековым» [5].

И этот поворот темы обращает нас к еще одному важному аспекту художественного контекста, в котором восприняли и усвоили смысл повести Льва Николаевича Толстого его ближайшие потомки – люди первой половины XX столетия.

Один из признанных основоположников профессионального изобразительного искусства Ингушетии Гази-Магомед Албастович Даурбеков (1904–1976), уроженец села Барсуки Назрановского округа Терской области, учился на художника во ВХУТЕИНе – Ленинградском Высшем художественно-техническом институте. Свою выпускную работу, живописное полотно «Горцы в засаде» он нарисовал в 1930 г. (напомним, что это год выхода немого фильма «Белый дьявол»). На картине изображен военный эпизод из событий 1918–1920 гг. Своеобразный эпиграф к диалогу, который повел художник доступным ему языком – средствами живописного искусства с великими мастерами слова, воспевшими Кавказ. В том числе и со Львом Николаевичем Толстым, чью повесть «Хаджи-Мурат» он иллюстрировал. О созданных им 50 графических рисунках к повести Толстого и напомнила историк Зейнеп Дзарахова.

Книга с его иллюстрациями стала библиографической редкостью. Более известными и читаемыми были книги с иллюстрациями послевоенных художников. Так, в 1977 г. нальчикское книжное издательство решило выпустить под одной обложкой две кавказских повести – «Казаки» и «Хаджи-Мурат». Этот томик Толстого иллюстрировал засл. художник Российской Федерации Александр Ерофеевич Глуховцев (1910–1998). Вошедшие в книгу гравюры и подготовительные материалы к изданию, а также офорты, созданные вослед появлению книги к счастью, сохранились в государственных и личных архивах, которыми можно воспользоваться для воссоздания контекста, в котором воспринимали кавказские повести Л.Н. Толстого читатели 1970–1880-х гг. А.Е. Глухову как художнику свойственно стремление выделить на фоне неослабной боевой готовности тему сурового быта и требующего полной самоотдачи труда (пора сенокоса, осень в винограднике, охотничий промысел, уход за домашним скотом и проч.). Изображенные им люди всегда при деле – утром, днем и вечером. Вот женщины загоняют под соломенный навес животных,

которых пастух привел с пастбища; вот молодые казаки тащат корзины, доверху переполненные виноградом; вот девушка несет увесистую вязанку хвороста в дом. И если изображен отдых – то отдых короткий, в тени телеги, у самого колеса, на свежескошенной траве.

На склоне лет А.Е. Глуховцев написал мемуары, которые назвал «Слово о самом себе». В частности, рассказал о работе над иллюстрациями и офортами, нарисованными после издания книги: «Задание краснодарского, а затем кабардино-балкарского издательств было ограничено небольшим количеством иллюстраций. Книга была выпущена в мягком целлофанированном переплете, отпечатана и в Краснодаре, и в Нальчике достаточно прилично, но чувства удовлетворения во мне не вызвала по двум причинам. Первое – после великолепия работ Е.Е. Лансере к “Хаджи-Мурату” вряд ли можно кому-либо из художников исполнить что-то новое и лучшее. Второе – небольшое количество иллюстраций к “Казакам” в технике перового рисунка совершенно не будут способствовать восприятию колорита казачьей жизни и быта. Поэтому, получив гонорар, я сразу же, немедля, начал работу над офортной серией иллюстраций к “Казакам”, не ориентируясь на издание. С огромным удовольствием и радостью работал над офортами полтора года, замещая этой творческой радостью ту неудовлетворенность, которую получил при иллюстрировании книги для издания» [2, с. 120–121].

Иллюстрации Евгения Евгеньевича Лансере (1875–1946) наиболее полно представлены в книге 1918 г., отпечатанной в Петербургской типографии товарищества Р. Голике и А. Вильборг. Художник нарисовал в 1912–1914 гг. огромный альбом цветных и монохромных иллюстраций, а также орнаментальные заставки к каждой из 25 глав повести «Хаджи-Мурат». «Рисунки Лансере сохраняют рядом с толстовской колоссальностью и свою значительность... Они не только дают тонкую и точную “справку по сценарию” и рисуют типы действующих лиц, но, кроме того, складываются в самостоятельную песнь», – отозвался о достоинствах этой капитальной работы известный деятель журнала «Мир искусства» А.Н. Бенуа.

Возможность быть точным художнику дает только жизненный опыт. Зная это, Евгений Лансере специально отправился на Северный Кавказ и в Закавказье, провел настоящую этнографическую экспедицию по горным аулам, чтобы точно запечатлеть их облик и быт, проникнуться духом изображаемой жизни. Своей миссией он считал рисовать не «вообще», а в полном соответствии с портретами действующих лиц (а их, как знаем, в повести немало). Портреты документальны. Лев Николаевич Толстой нарисован по фотографиям начала 1850-х гг., чета Воронцовых, князь Лорис-Меликов, Шамиль и люди из его свиты – по живописным и дагерротипным оригиналам.

О том, сколь достойно выполнил Е.Е. Лансере взятую на себя миссию, справедливо сказал автор книги «Русская графика начала XX века. Очерки истории и теории» (1969) А.А. Сидоров. Он назвал эту уникальную работу «подвигом, свидетельством очень большого добросовестного труда художника-исследователя, историка, человека, лично видевшего, знавшего и полюбившего Кавказ» [7, с. 214].

Мы специально говорим об этом, поскольку «Хаджи-Мурат» стал квинтэссенцией развития жанра кавказской повести в русской прозе XIX столетия. Выражая страстный протест против войн как таковых, повесть не изменила принципу эпического изображения жизни. И этот философский стержень подчеркнули работы Е.Е. Лансере – несомненный образец того, как можно одновременно сохранить и красоту, и «правдивость, познавательную ценность иллюстрации» [7, с. 214].

Вопреки эпической доминанте, которой верны повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» и выполненные к ней иллюстрации Е.Е. Лансере, кино всячески педалировало контрасты (они подчеркнуты и названием «Белый дьявол») и экзотику «диких нравов». На этом основании кинокритики проводили, например, параллель между экранизациями «Хаджи-Мурата» и опубликованного в 1902 г. романа Джозефа Конрада «Сердце тьмы», действие которого разворачивается в Южной Африке во время Англо-бурской войны.

Имевшие место во второй половине 1960-х попытки экранизировать повесть Толстого в России (Г. Данелия, В. Огнев) натолкнулись на сопротивление со стороны идеологического руководства.

В иллюстрирование изданий повести внесли свой вклад художники разных национальностей (мы привели в пример работы ингушского художника Г.-М. Даурбекова и русского художника А.Е. Глуховцева).

История театральных постановок по мотивам

этой кавказской повести началась кумыкским спектаклем 1934 г. После восьмидесятилетнего перерыва она продолжилась инсценировками, авторы и постановщики которых – русские, абхазы, представители искусства Дагестана, Ингушетии, Грузии – воочию являют богатейший спектр национальностей. Можно, по сути, сказать, все народы, населяющие Кавказ.

Лев Николаевич Толстой писал повесть «Хаджи-Мурат» как завещание ценить поле земледельца, а не поле сражений; дорожить пением птиц, а не свистом пуль, оставить за собой землю цветущей, а не политой кровью.

Мудрый, честный, до старости оставшийся неравнодушным к жизни человеком он развенчал и принципиально отверг войну. Войну в целом. Войну как фактор, погружающий в трясину кровавой бесчеловечности все стороны противоборства. Надо надеяться, что людям XXI столетия окажется под силу это понять и принять, черпая мудрость из эпического наследия литературы и искусства – нестареющего источника урегулирования сложных, неоднозначных и противоречивых процессов истории и жизни.

Литература и источники:

1. Акиева Х.М. Ингуши глазами художников // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2(27). С. 18-21.

2. Архивы Краснодарского художественного музея. Фонд А.Е. Глуховцева. Ч. 1 / сост. Ю.А. Солодовников. Краснодар: ООО МС-Центр, 2010.

3. Курашинов Б.М. В кругу друзей: о русско-кабардино-балкарских литературных связях. Нальчик: Эльбрус, 1973.

4. Манкиева Э.Х. Русская «кавказоведческая» проза XIX века: гендерный дискурс // Филологические науки: вопросы теории и практики (Тамбов). 2018. №6 (84). Ч. 1. С. 23-28.

5. Премьера «Хаджи-Мурата» на сцене Русского драмтеатра Ингушетии URL: https://gazetaingush.ru/kultura/premera-hadzhi-murata-na-scene-russkogo-dramteatra-ingushetii (дата обращения: 24.02.2020).

6. Семенова Р.Э., Чанкаева Т.А. Природа Кавказа как концепт художественного и нравственного мировосприятия русских писателей // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 1(134). С. 167-171.

7. Сидоров А.А. Русская графика начала XX века. Очерки истории и теории. М., 1969.

8. Толстой Л.Н. Дневники. URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevniki/1847-1854/mart-maj-1851.htm (дата обращения: 24.02.2020).

9. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Лексика, 1996.

10. Туркаев Х. «Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей». Грозный, 1978.

11. Ханмурзаев Г.Г. Проблема национального характера: образы северокавказских горцев в русской литературе XIX века: дис. … д-ра филол наук. Москва, 1991.

12. Шульженко В.И. Кавказ в русской прозе второй половины XX века: Проблематика, типология персонажей, художественная образность: дис. … докт. филол. наук. Москва. 2001.

УДК 811.35

Хужева Л. К.,
ведущий научный сотрудник отдела языков народов КЧР
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
Россия, г. Черкесск

ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются названия, связанные с народной медициной адыгов (черкесов). Знания и опыт, накопленные народом в течение многих лет, передаются из поколения в поколение, показывая отношение этноса к окружающей его действительности, а также его представление о болезнях и здоровье.

Ключевые слова. Духовная культура, народная медицина, традиции, знания и опыт, названия болезней, лечение.

Hugeva L. K.,
Leading researcher of the Department of languages of peoples of the KCR Karachay-Cherkess Institute of humanitarian studies, Cherkessk

VOCABULARY OF FOLK MEDICINE IN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the names associated with folk medicine of the Circassians (Circassians). The knowledge and experience accumulated by the people for many years is passed from generation to generation, showing the attitude of the ethnic group to the surrounding reality, as well as its ideas about diseases and health.

Keywords. Folk medicine, spiritual culture, traditions, experience, names of diseases, treatment.

Одним из важных компонентов духовной культуры является народная медицина. Она – часть культуры, которая отражает отношение этноса к окружающей его природной среде. Ее особенности обусловлены как экологическими, географическими условиями, местной фауной и флорой, так и народными традиционными представлениями о болезни и здоровье. Из поколения в поколение передаются лучшие традиции, опыт народа в народной медицине. О богатстве накопленного опыта в данной сфере свидетельствуют высказывания многих известных этнографов, путешественников, историков. Народным способам лечения оспы и других болезней уделили большое внимание Абре де ла Мотре, Джон Кук, Ж. Тавернье, Н. Витсен, Дж. Белл, С. Данилевский, М.О. Косвен, С. Броневский и т.д. Медицина дала высокую оценку методам лечения горцами ран и переломов. «С большим искусством горские врачи лечили раны, причем редко прибегали к ампутации, а исключительно прикладывали травы и мази», – писал А.Н. Дьячков-Тарасов [7, с.7].

Большой вклад в изучение народной медицины адыгов (черкесов) внесли такие известные авторы, как М.А. Меретуков (Семья и семейный быт адыгов в прошлом и настоящем), П.У. Аутлев (Очерки истории пчеловодства), И.Х. Калмыков [2], Г.Х. Мамбетов и А.А. Маслов [4], Б.Ю. Хакунов (Словарь названий растений), Г.Г. Тхагапсова [7] и др.

Народная медицина как одна из лексических групп кабардино-черкесского языка в процессе своего развития накопила определенное количество слов, отражающих ее. Основу лексики народной медицины составляют анатомические названия. Видимо, это связано с тем, что, не зная анатомии человека, животных, птиц, невозможно заниматься врачеванием. Так, например, *щхьэ* «голова», *натIэ* «лоб», *нэ* «глаза», пэ «нос», *жьэ* «рот», *пщэ* «шея», *Iэ* «рука», *лъакъуэ* «нога», *бгъэ* «грудь», *бгы* «поясница», *гу* «сердце», *кIэтIий* «кишки», *ныбэ* «живот» и т.д. Их около 270 названий. Народные целители (*Iэзэ)*, которые лечили различные раны, повреждения костно-суставного аппарата, опухоли у адыгов (черкесов) прославились еще до того, как появились профессиональные врачи (начало XX в.). Необходимо отметить, что народные целители лечили определенные болезни. Так, например, *гъуэжьузым еIэзэхэр* «лечащие желтуху», *щхьэузым еIэзэхэр* «лечащие головную боль», *къупщхьэ къутам еIэзэхэр* «лечащие перелом костей»,

шэхэх «так называли лекарей, которые извлекали пулю из тела человека» и т. д. Искусству целительства начинали обучаться в зрелом возрасте по достижении как физического, так и духовного становления. По мнению Г. Г. Тхагапсовой, «это табу, по всей видимости, порождено представлением о том, что лекарь в процессе лечения берет на себя часть болезни и в конце концов сам остается лечимым…» [7, с.39].

Хотелось бы отметить, что при разделке животных, птиц принято их разделывать по определенным суставам, и во время такой работы приобретались опыт и анатомические знания.

Анатомическая лексика особенно широко представлена костно-суставным аппаратом, как, например: *къупщхьэ* «кость», *пкъызэхэт* «скелет», *дзажэ къупщхьэ / дзажэпкъ* «кость ребра», *нэкIу къупщхьэ* «кость лица», *пщэгурыгъ / пщэкукъу* «шейный позвонок», *тхы / тхыбзий, тхыцIэ* «позвоночный столб», *шхужь къупщхьэ / шхужь бэлагъ* «тазовая кость», *къупщхьэ куцI* «костный мозг», *кIэнтIыIу* «крестец», *кIэпкъ* «копчик», *бгъэгу къупщхьэ* «грудина» и мн. др. Наиболее крупные из них: *блыпкъ зэрытыпIэ* «плечевой сустав», *Iэпщэ зэрытыпIэ* «лучезапястный сустав», *бгы зэрытыпIэ* «поясница», *шхужь зэрытыпIэ* «тазобедренный сустав», *Iэхъуамбэ зэрытыпIэ* «суставы пальцев кисти» и т. д. Согласно М. Л. Карданову, «…современные анатомы находят у человека более 200 костей, а мышц, связанных со скелетом, около 500 со своими наименованиями» [3, с. 10]. В связи с тем, что перелом костей всегда связан с нарушением движения, его лечению придавалось и придается особое значение.

По мнению И. Ф. Бларамберга, «для лечения ран, язв и тому подобных заболеваний у них (адыгов – авт.) имеются прекрасные средства, искусство изготовления которых передается от отца к сыну» [1, с. 389]. В большинстве случаев костоправами были мужчины, а среди знахарей преобладали женщины. Они лечили не только переломы, различного рода раны, опухоли, но и прививали оспу. Об этом пишут Г. Х. Мамбетов и А. А. Маслов, ссылаясь на записи французского дворянина Абри де ла Мотре, что тот «…лично присутствовал при оспопрививании маленькой девочке четырех-пяти лет» [4, с. 37].

Можно также выделить названия наиболее ярко выраженных мышц у человека: *лъэнкIапIэ* «группа мышц голени», *пхэщI* «ягодичная мышца», *куэ* «бедро» и т.д.

Анатомическая лексика включает в себя как внутренние органы пищеварения, дыхания (*нэгъу* «желудок», *тхьэмбыл* «легкие», *жьагъэ* «бронхи», *кIэтIий псыгъуэ* «тонкая кишка»), так и другие системы организма (*чэ* «селезенка», *жьэжьей* «почки», *шхалъэ* «желудок», *зэзылъэ* «желчный пузырь») и т. д. С использованием анатомических названий в кабардино-черкесском языке образуются многие названия болезней. Так, например, *гууз* «болезнь сердца» (где *гу* «сердце»), *ныбэуз* «болезнь живота» (здесь *ныбэ* «живот»), *кIэтIийуз* «болезнь кишки» (где *кIэтIий* в значении *«кишки»), тэмакъуз* «болезнь горла» (*тэмакъ* «горло»); кожные болезни: *фэгъазэ* «корь», *фаджэ* «проказа», *фэрэкI* «оспа» (где фэ в значении «кожа») и др. В большинстве случаев для образования названий болезней к основе анатомического названия прибавляется элемент «*уз»* в значении «болезнь».

Для народной медицины адыгов (черкесов) характерно симптоматическое лечение болезней (*гузэIыхьэ* «тошнота», *къэжь* «рвота», *ныбажэ* «понос» или *къыхэлъадэ* «приступы, приступообразные», *еупщIатэ* «режущие боли», *ирешхыкI* «кусающие боли» и т. д.). Разнообразны названия, связанные с симптомами сердечных заболеваний: *сигур къыхуоузыкI* «сердце прибаливает», *сигур къолъэт* «сердце выпрыгивает (говорят при частом сердцебиении – тахикардии)», *сигур къыдэкIуеящ* «сердце подкатило к горлу (говорят при расстройствах)», *гур зэгуоуд* «сердце разрывается» и т. д. Симптомами общего характера могут быть *щхьэуназэ* «головокружение», *хуэш* «судорога», *жэшмыжей / жэщмыжей* «бессонница», *удэрэбжьа* «онемение», *плъыр-жьэр* «лихорадка», *щIыIэлIэ* «озноб», *мэх* «потеря сознания», *Iэблэсыс* «дрожание рук (болезнь Альцгеймера)», *Iэпэсыс* «дрожание пальцев (тремор)». Возможны и другие патологические состояния: *зэз къэуэн* «разрыв желчного пузыря», *кIэтIий нэф* «аппендицит», *лыцIынэ* «язва», *бэгу* «короста», *уIэгъэ* «рана», *къупщхьэ зэрыпкI* «вывих», *бэгыгъэ* «опухоль» и т.д. В народной медицине повышенная чувствительность человека, когда от незначительного удара, укуса появляются отеки, припухлость, посинение, зуд обозначается лексемой *лыбзаджэ* «зловредные ткани, мышцы».

Согласно М. О. Мижаевой, «…в кабардино-черкесском языке имеется 12 различных понятий видов болезни и болезненных состояний: *уз Iей* «опасная, плохая болезнь», *уз бзаджэ* «злой не-

дуг», *уз хьэлъэ* «тяжелая болезнь», *уз шынагъуэ* «страшная болезнь», *уз хэтIэса* «запущенная болезнь», *уз хэужьыныхьа* «застарелая болезнь», *уз зызыубгъуа* «прогрессирующая болезнь», *уз зэрыцIалэ* «заразная болезнь», *ажал уз / аджал уз* «смертельная болезнь», *мыхъужьын уз* «неизлечимая болезнь», *уз гъэтIылъа* «хроническая болезнь» [6, с. 44]. Больных же различают в зависимости от характера заболевания: *сымаджэ лъэрытет* «больной на ногах», *сымаджэ щылъ* «постельный больной», *сымаджэ хьэлъэ* «тяжелобольной». О поэтапном процессе выздоровления говорят лексемы, присутствующие в языке: *нэхъыфI хъуа* «наступило улучшение», *хъужьыпакъым* «неполное выздоровление», *хъужа, хъужьыпа* «полностью выздоровел».

В кабардино-черкесском языке присутствуют лексемы, обозначающие названия лекарств (*гын*), целебных средств (*Iэзэгъуэ*), методов лечения (*IэзэкIэ*). Для лечения использовались как целебные травы (*уз Iэзэгъуэ*), кору, листья, корни деревьев, минералы (*ахъшэдэщ* «квасцы», *шэджэнэплъ* «бихромат калия», *тхъуэбзащхъуэ* «сера»), так и продукты жизнедеятельности животных и человека (*фо* «мед», *быдзышэ* «грудное молоко», *зэз* «желчь» и т. д.). Наиболее популярными и более действенными являлись такие целебные травы, как: *гынплъыжь* «чернокорень лекарственный», *къанзидзэ* «ромашка аптечная», *хъунгъалIэ* «полынь», *матэкхъуейщхъуантIэ* «алтей лекарственный», *гуузгын* «анис», *хьэмкIутIей* «боярышник», *бадзэгъалIэ / блэгын / гуузудз* «валериана», *лыхъулышхгын / къэрмэфибл* «гвоздичное дерево», *шыпсанэ / шыпсыранэ* «крапива», *гъуэжьудз / мэкъушей* «зверобой», *зэрыджей* «калина», *кIэкъуд / пхъапцIэ* «крушина», *тхьэрыкъуэф* «лопух», *къэзмакъбанэ* «облепиха», *сэрымэ* «мята перечная», *нары* «гранат», *фIарий* «подорожник», *саней* «смородина», *мыщэхупсей* «рябина», *джэдуукIэ* «тысячелистник», *хъурмыдж / кIэрынэ* «череда», *губгъуэджэдгын* «чабрец», *шейтIанIущхьэ* «чистотел», *бжьыныху* «чеснок», *хьэжыкIэ* «шалфей», *хьэцыбанэ* «шиповник», *удз дэжей* «вьюнок полевой» и т. д.

Существовали различные виды применения лекарственных средств: в виде отваров, порошков внутрь – *ефэн*; *щIэгъэуэн*, *зыжьэдэгъэжьыхьын* – в виде ингаляций; в виде мазей – *щыхуэ* (*гын плъыжь* – «мазь из чернокорня лекарственного», *гын щхъуантIэ – блашэгъэфIэIу* «мазь из конского щавеля»); при обработке ран – *шыгъушыпс* (густой солевой раствор); *шхэпс* – клеящий состав на основе яичного белка и мыла (*сабын*), который наносится на повязку, а также *пхъэщIэпхэ* «шины» – при переломах, *фэзэрыуэ* «чехлы» – при вывихе пальцев рук или ног. Наряду с названными видами лечения различных заболеваний применялись вербальная и контактная магия.

В прошлом для тяжелораненых и для людей с переломом костей устраивали обряд *щIэпщакIуэ* для облегчения процесса излечения, для того, чтобы отвлечь больного от приступов боли. Согласно З.М. Налоеву, «…слово следует толковать, как «магическое воздействие», «заклинание». Корень «пщ» восходит к слову «епщэн» (букв.: дуть на кого-либо, на что-либо), означающему «магическое исцеление, снятие болезни…» [5, с. 168].

Для больных, которые долгое время были прикованы к постели, для лечения *щIынэ* «сглаза земли» (особенно им болели дети, которые часто, играя, падали или ложились на землю) проводили обряд *щIыгу сэдэкъэ* «обряд подношения земле, милостыня» (информатор – Мамхягова Р. Я.).

Если говорить о словообразовании названий, связанных с народной медициной, имеют место производные слова и словосочетания. Так, например, названия, связанные с костно-суставным аппаратом, образованы основосложением, как одного, так и двух основ с элементом *пкъы* «остов»: *куэпкъ* «бедренная кость» (*куэ* «бедро»), *напэпкъ* «лицевая кость» (где *напэ* в значении «лицо»), *жьэпкъ* «челюсть» (здесь *жьэ* «рот») и др.

Многие названия активно используются в словообразовательном процессе кабардино-черкесского языка, образуя фразеологизмы, пословицы, поговорки (*бампIэ зиIэр псэлъалъэщи, бэгу зиIэр тIэхъуалэщ (псжь.)* «(посл.) букв. у кого много переживаний разговорчив, у кого короста на коже часто чешется», *гуэрэф къытекIащ* «появился фурункул», *псыбыбыр къэуащ* «волдырь лопнул», *шхэ хидзэн* «испытывать кожный зуд», *щхьэ узыр ехьэлIэн ≈ довериться кому-л. и т.д.*

Ниже приведем названия болезней людей и животных, которые лечились народными лекарями:

Бэгу «нарост; гнойник»; *бэгу цIынэ* «букв.: мокрый нарост»;

гуэрэф «фурункул»; *гуэрэфыр узыгъуиблым поув* «фурункул подобен семи болезням»;

фафIэ «вид кожного заболевания»; *фафIэ удз* «цикорий»;

фафIэгуэрэф «вид кожной болезни – рожа (образуются пузырьки, наполненные гноем)»;

шхэ «вид кожного заболевания (присутствует зуд)»; *шхэгын* «лекарство для лечения данного заболевания»;

къищэща, къихуа «сыпь»;

щIэпсыпс «мокнущая экзема»;

псыбыб «сыпь с пузырьками»;

щхьэбэгу «парша – вид кожного заболевания на голове»;

джэдынэ «вид кожной болезни – фолликулит (мед.) (на коже появляется черное пятно, напоминающее куриный глаз)»;

мэлынэ «вид кожной болезной (пятно на коже напоминает глаз овцы)»;

бдзанэ «название одного из видов опухоли»;

лыших «1. проказа; 2. рак кожи»;

гуэл «вид опухоли»;

фашхэ «чесотка»;

урыс уз «сифилис»;

фаджэуз «лепра»;

куэпкъ къута «перелом бедра»;

шхужьипкIа «вывих тазобедренного сустава»;

дзэжэналъэкъута «перелом ребра»;

дамэипкIа «вывих плеча»;

Iэпкълъэпкъуз «болезни опорно-двигательного аппарата»;

къупщхьэуз «заболевание костей»;

тхыуз «болезнь позвоночника»;

бгыуз «болезнь поясницы»; при данном заболевании использовали *кIэн* «альчик» с дуа (амулет – *дыуэ*) и с пояском;

Iэуз «болезнь рук»;

лъакъуэуз «болезнь ног»;

щIыIэуз «ревматизм»;

мэлыхъуэуз «болезнь пастухов (при такой болезни сковываются все части тела)»;

хуэш «судорога»; *хуэшысэ* «нож, который использовался для кровопускания при судорогах»;

къыхэIыкIа «прострел»;

щхьэзэтекIа «сотрясение головного мозга»;

нэтехуэ «сглаз»;

бэджынэ «специальное лечебное блюдо на основе сыворотки, кукурузной муки, используемое при лечении простудных заболеваний»;

жьэгъубабэ, тырку «зоб, заболевание щитовидной железы»;

нацIэ «болезнь глаз»;

нэкIэгуу «ячмень на глазу»;

дзэхъудзэшх «заболевание десен»;

Iуей «стоматит»; у животных *Iуей* в значении «ящур»; *Iуейлъашэ* «хромой ящур»;

емынэ «чума (слово заимствовано из тюркских языков)»;

тало «холера (название из тюркских языков)»;

хуабэуз «тиф»;

бжэнтепкIэ «ветрянка»;

гъуэжьуз «желтуха»;

жьэгъубэг «ангина»; *блащхьэ* «раковина каури» использовался как оберег и для лечения данной болезни»;

сэрмэлыч «сибирская язва»;

сап «сап – инфекционное заболевание крупного рогатого скота (чаще бывает у лошадей)»; павших от данного заболевания хоронили на специальных кладбищах – *шыкхъэ*;

сэкъауэ «то же»; *сэкъауэ щIэкIын* ≈ быть позади, миновать (о чем-то страшном);

джэдылIэ «куриный мор»;

лъэжь «вид заболевания лошади»;

лъэкъэб «вид плоскостопия у лошадей»;

пэгъубжэ «вертячка – заразная болезнь носового хряща у лошади»;

кIаблэ «гнойный дерматит (чаще у лошадей)»;

икъэ «наминка – воспаленное место на теле лошади»;

выщхьэгъэкIуэд «воспаление кожи шеи вола от ярма

дыгъужьдзэкъапIэ «рана от укуса волков»;

мылкусын «разновидность аскоридов или глистов»;

шхужьхьэпIацIэ «заболевание тазобедренных суставов животных (бывает, если разгоряченного животного напоить холодной водой)».

Как видим из вышесказанного, исследование деятельности человека также необходимо проводить на базе изучения языка, анализ которого дает нам возможность проследить путь развития этноса.

Литература и источники:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIXвв. Нальчик, 1974.

2. Калмыков И.Х. Народная медицина и религия у адыгов // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.

3. Карданов М. Л. Анатомическая лексика кабардино-черкесского языка // Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. Нальчик, 2008.

4. Мамбетов Г.Х., Маслов А.А. Из истории народной терапии Кабардино-Балкарии // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.

5. Мафедзев С.Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик: изд-во «Эльбрус, 1979.

6. Мижаева М.О. Названия болезней домашних животных и птиц в кабардино-черкесском языке // Лексико-грамматические особенности языков Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990.

7. Тхагапсова Г.Г. Народная медицина адыгов. Майкоп, 1996.

✧✧✧✧✧✧✧✧✧✧

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ КАВКАЗА В ПРОЦЕССЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 3

Байрамкулова А. А.
Начальные этапы национально-государственного самоопределения народов Карачая и Черкесии в первые годы Советской власти (1917-1922 гг.) 3
Герман Р. Э.
Направления и формы взаимодействия российских властей и ингушского населения в начале XIX века 7
Гимбатова М. Б.
Военно-административное управление ногайцами Северного Уавказа *(XIX – нач. XX вв.)* 11
Джамбулатов Р. Т., Чекулаев Н. Д.
К вопросу о взаимоотношениях российского казачества с кавказскими горцами в XVIII веке по материалам ЦГА РД 16
Журтова А. А.
Советская историография вхождения ингушетии в состав России 19
Долгиева М. Б., Арапханова Л. Я., Яндиева Т. У.
Ингушетия в контексте внешней и внутренней политики России в XVI – XXI вв. 23
Ижаева И. Д.
Первые горянки Карачая и Черкесии, удостоенные советских государственных наград 31
Картоев М. М.
Ингушетия в составе Российской империи (1800-1840-е гг.): военно-политический и религиозный аспекты 34
Мамедов Анвар Фаттах оглу
Взаимоотношения власти и народа в период становления советской системы государственности в азербайджане 43
Парова Л. М.
Издание правительственными учреждениями Кавказского края источников о присоединении Северного Кавказа к Российской империи: цели, состав публикаций, их практическое и научное значение 47
Шукуров В. К.
Социальная жизнь в Азербайджанской ССР с 50-60 годов XX века 51
Эминова М. А.
Основные центры торговых отношений Азербайджана с Россией в средние века 55

КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ 59

Ахмедов А. Х.
«Баку-Джейхан» во внешней политике Турции и России 59
Батчаев Ш. М.
Эмиграция карачаевцев в Османскую империю в 1880-х гг. 63

Гараев Э. Т.
Борьба соседних государств за Иреванское ханство во времена правления Гуламали-Хана [1783-1784] 67
Кидирниязов Д. С.
Народы Северного Кавказа во внешней политике России в 20-е гг. XIX в. 71
Нагиева М. К.
Кадровый вопрос в судебных органах власти в Дагестане в первое десятилетие Советской власти 76
Орешин С. А.
Политика центральных держав и Антанты на Северном Кавказе в период Гражданской войны в России 80
Панеш А. Д.
Западная Черкесия во взаимоотношениях России и Турции в конце XVIII – начале XIX в. 85
Пирова Р. Н.
К истории развития Волжско-Каспийского торгового пути во второй половине XVIII века и участия в этом персидского купечества 89
Умудлу Видади Умуд оглы
Город Гянджа в трудах турецких историков *(начало XIX века)* 93
Цвижба Л. И.
«Найти для них занятие, сообразное с их наклонностями» 96
Чекулаев Н. Д.
Низовой корпус: история создания, функционирования и судьба полков после 1735 г. 101

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАВКАЗА 106

Нигяр Ахундова
Из истории международных связей Азербайджанской Республики в свете развития духовной культуры 106
Кускарова О. И.
Социокультурное взаимодействие народов Северного Кавказа 110
Магеррамов Эльмар Али оглу, Кафарова Зейнаб Агамамед гызы, Гасанов Гаджи Нуру оглу
Из истории Западного Азербайджана *(по материалам Сурмалинского района Иреванского края)* 113

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ КАВКАЗА С РОССИЕЙ 117

Нифталиев Р. Ю.
Г.З. Тагиев и его благотворительная деятельность в Дагестане 117
Танкиев В.-Г. Х.
Жизнь, отданная авиации *(о Герое Российской Федерации С.С. Осканове)* 120
Хаупшев Э. И.
Вклад Х.М. Бербекова в развитие науки и высшего образования в Кабардино-Балкарии 125

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 128

Агиева Л. Т.
Социально-экономическое состояние Ингушетии в XIX веке 128
Бесчастнова Н. В.
Жилищное строительство как «локомотив» увеличения благосостояния населения в условиях нестабильного экономического роста 134
Богатырева М. Р.
Трудовая мобильность человеческого капитала: региональный аспект 139
Бычкова О. И., Костина Н. А.
Ценностное измерение нормативно-правовой базы региональной культурной политики Юга России 144
Гаджиев М. О., Муртазалиев М. М.
Современные поселения Ботлихского района Дагестана и их социальная инфраструктура: проблемы и перспективы 149
Гасанов Джабир Гаджи оглу
Город Нахичеван в некоторых русскоязычных статистических источниках XIX века 152
Мирзабеков М. Я.
Образовательный уровень городского населения Дагестана в 80-90-е годы XX в. 155
Нифталиев Р. Ю., Алиева Э. К.
О маренаводстве в Дербенте в первой половине XIX века 159
Нифталиев Р. Ю., Алиев Э. С.
О динамике численности населения и социальной структуре города Дербент *(первая половина XIX века)* 162
Полчаева Ф. А.
Ненамеренные источники в исследовании экономической истории *(на примере Самурской долины в XVII – XVIII вв.)* 165
Хубулова В. В.
«Умная» городская среда Магаса как структурный элемент «умного» города 168

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ КАВКАЗА 172

Басирова К. К.
Аварский свадебный национальный костюм 172
Бахшалиев Адиль Бахшали оглу
Религиозно-национальный фактор и этнология Азербайджана 176
Капланова А. И.
Сакральные предметы в сказочном эпосе ногайцев 179
Кармов Р. К.
Абазины в исторических событиях на Кавказе в XIX веке 183
Османова М. Н.
Проблемы организации охраны памятников истории и культуры Дагестана в 20-30 гг. XX века 187
Сефербеков Р. И.
Структура сельских поселений Дагестана: тип и форма 192
Соловьева Н. Г.
Об одежде казачки Карачаево-Черкесии 198

Тагизаде Г. А.
К вопросу о депортации карачаевцев с территории Карачаево-Черкесской АССР в Казахскую и Киргизскую ССР в 1943 году *(на основе интервью с Х. Мустафаевой)* 202
Тангиев М. А.
К вопросу изучения погребального обряда и погребальных сооружений склепового могильника Цой-Педе 206
Хаджиева М. Х.
Обрядовая пища карачаево-балкарского народа в период зимнего солнцеворота – Къаш-Нартур 212
Цекова Л. И.
Народные игры как фактор сохранения традиционной культуры 216
Цуров М. Д., Цуров А. С., Цуров Б. Б.
Джейрахское общество Ингушетии в истории Кавказа XVI-XVII вв. 220

РЕЛИГИЯ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КАВКАЗА 231

Агасиев И. К.
Экспансия зарубежных религиозных организаций на Кавказе в первой половине XIX века и ее последствия 231
Гурбанова С. А.
Религиозная политика Азербайджанской Республики в условиях глобализации 235
Гусейнова Арзу Гусейн гызы
Пропаганда национальных и моральных ценностей в азербайджанской эмигрантской литературе 239

ЯЗЫКИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ (ЭТНИЧЕСКИХ) КУЛЬТУР 243

Анчек С. Х.
Об уникальности фольклора в культурно-историческом пласте феномена национального языка (*на материале устного народного творчества адыгов)* 243
Анчек С. Х.
Великая Отечественная война в лирических произведениях адыгейских писателей 246
Гудимова О. А.
Роль детского фольклора кубанского казачества в передаче традиционной культуры и говора 249
Гучетль Зухра
Проблемы сохранения адыгейского языка в условиях глобализации *(на материале социологических исследований)* 252
Евлоева Д. Д., Матиев М.А.
Роль народных традиций в художественной структуре повести «Завещание отца» С. Чахкиева 255
Канкошев А. М.
Этический аспект адыгской (черкесской) речевой культуры *(на материале приветствий и благопожеланий)* 257

Тариева Л. У., Киева З. Х.
Эвиденциальность аффективного лица в нахском языке....260
Заатов И. А.
Крым Гирей I – родоначальник классического театра в Крыму
(к вопросу 257-летия опыта первых театральных постановок европейского театрау крымских татар)....266
Латырова Х. Ю., Матиев М. А.
Боков Ахьмада «Райхьант» яхача повеста керттерча турпалхочун амат....288
Магомедов Д. М.
Дагестанские языки как фактор сохранения этнической культуры....290
Магомедов М. А.
К историографии вопроса о возникновении и развитии аварской письменности....293
Магомедов М. И.
Фольклор как средство сохранения и развития дагестанских языков....296
Маллаева З. М., Халидова Р. Ш.
Родной язык – средство трансляции культуры и традиций этноса....299
Мамчуева Ф. О.
Языковые и стилистические особенности карачаево-балкарских охотничьих песен....302
Муртазалиев А. М.
Сражение за ахульго и его художественное отражение в аварской литературе....305
Третьякова Е. Ю.
Нестареющий источник....309
Хужева Л. К.
Лексика народной медицины в кабардино-черкесском языке....314

Научное издание

Сборник научных статей по результатам международной научно-практической конференции

«250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди».

Авторы несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

(На обложке картина А.Артемьева «Навеки с Россией»)

Сдано в набор 03.06.2020 г.
Подписано в печать 26.06.2020 г.
Формат 30х42/2. Бумага офсетная – 65 г/м^2.
Гарнитура «Times». Печать трафаретная.
Физ.печ.л. 81. Усл.печ.л. 20,25.
Тираж – 500 экз.

Издательство ООО «КЕП»
386120, Республика Ингушетия,
с. Кантышево, ул. Джабагиева, 97.

Отпечатано в типографии ООО «КЕП»
386102, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Чеченская, 5.
E-mail: piligrim-K@list.ru